

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

1968, часть II

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

© Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1967, 2017

© Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2017

© Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2017

© Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2017

© Курильский В., Муринский Р., Рудман Л., комментарии, примечания, 2017

© Курильский В., указатели, 2017

I. Художественные произведения

Варианты рукописей и изданий

«Обитаемый остров». Первый книжный вариант

В предыдущий том вошел, помимо окончательной версии «Обитаемого острова», также журнальный вариант («Нева», 1969, № 3–5). В настоящем томе представление вариантов ОО продолжается и завершается. Для удобства читателей материал разбит на два блока: в первый включен полный текст первой книжной редакции («Детская литература», 1971), а второй содержит подробное и последовательное рассмотрение истории создания и публикации повести и связанных с этим текстологических аспектов.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Обитаемый остров**

Часть первая. Робинзон

Глава первая

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасно поглядел на небо. Небо здесь было низкое и какое-то твердое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, — настоящая библейская твердь, гладкая и непроницаемая. Твердь эта, несомненно, опиралась на могучие плечи местного Атланта и равномерно фосфоресцировала. Максим поискал в зените дыру, пробитую кораблем, но дыры там не было — там расплывались только две большие черные кляксы, словно капли туши в воде. Максим распахнул люк настезь и соскочил в высокую сухую траву.

Воздух был горячий и густой, пахло пылью, старым железом, раздавленной зеленью, жизнью. Смертью тоже пахло, давней и непонятной. Трава была по пояс; неподалеку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья. Было почти светло, как в яркую лунную ночь на Земле, но не было лунных теней и не было лунной туманной голубизны. Все было серое, пыльное, плоское. Корабль стоял на дне огромной котловины с пологими склонами; местность вокруг заметно поднималась к размытому, неясному горизонту, и это было странно, потому что где-то рядом текла река, большая и спокойная, текла на запад, вверх по склону котловины.

Максим обошел корабль, ведя ладонью по холодному, чуть влажному его боку. Он обнаружил следы ударов там, где и ожидал. Глубокая неприятная вмятина под индикаторным кольцом — это когда корабль внезапно подбросило и завалило набок, так что киберпилот обиделся и Максиму пришлось спешно перехватить управление, и зазубрина возле правого зрачка — это десять секунд спустя, когда корабль положило на нос и он окривел. Максим снова посмотрел в зенит. Черные кляксы были теперь еле видны. Метеоритная атака в стратосфере, вероятность — ноль целых ноль-ноль... Но ведь всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется...

Максим просунулся в кабину, переключил управление на авторемонт, задействовал экспресс-лабораторию и направился к реке. Приключение, конечно, но все равно рутина. Скука. У нас в ГСП даже приключения рутинные. Метеоритная атака, лучевая атака, авария при посадке. Авария при посадке, метеоритная атака, лучевая атака... Приключения тела.

Высокая ломкая трава шуршала и хрустела под ногами, колючие семена впивались в шорты. С зудящим звоном налетела туча какой-то мошкары, потолклась перед лицом и

отстала. Взрослые, солидные люди в Группу Свободного Поиска не идут. У них свои, взрослые, солидные дела, и они знают, что все эти чужие планеты в сущности своей достаточно однообразны и утомительны. Однообразно-утомительны. Утомительно-однообразны... Конечно, если тебе двадцать лет, если ты ничего толком не умеешь, если ты толком не знаешь, что тебе хотелось бы уметь, если ты не научился еще ценить свое главное достояние — время, если у тебя нет и не предвидится каких-либо особенных талантов, если доминантой твоего существа в двадцать лет, как и десять лет назад, остается не голова, а руки и ноги, если ты настолько примитивен, что воображаешь, будто на неизвестных планетах можно отыскать некую драгоценность, невозможную на Земле, если, если, если... то тогда... конечно. Тогда бери каталог, раскрывай его на любой странице, ткни пальцем в любую строчку и лети себе. Открывай планету, называй ее собственным именем, определяй физические характеристики, сражайся с чудовищами, буде таковые найдутся, вступай в контакты, буде найдется с кем, робинзонь помаленьку, буде никого не обнаружишь... И не то чтобы все это напрасно. Тебя поблагодарят, тебе скажут, что ты внес посильный вклад, тебя вызовет для подробного разговора какой-нибудь видный специалист... Школьники, особенно отстающие и непременно младших классов, будут взирать на тебя с почтительностью, но учитель при встрече спросит только: «Ты все еще в ГСП?» — и переведет разговор на другую тему, и лицо у него будет виноватым и печальным, потому что ответственность за то, что ты все еще в ГСП, он берет на себя. А отец скажет: «Гм...» — и неуверенно предложит тебе место лаборанта; а мама скажет: «Максик, но ведь ты неплохо рисовал в детстве...»; а Петер скажет: «Сколько можно? Хватит срамиться...»; а Дженни скажет: «Познакомься, это мой муж». И все будут правы, все, кроме тебя. И ты вернешься в Управление ГСП и, стараясь не глядеть на двух таких же остолопов, роющихся в каталогах у соседнего стеллажа, возьмешь очередной том, откроешь наугад страницу и ткнешь пальцем...

Прежде чем спуститься по обрыву к реке, Максим оглянулся. Позади топорщилась, распрямляясь, примята им трава, чернели на фоне неба корявые деревья и светился маленький кружок раскрытого люка. Все было очень привычно. «Ну и ладно, — сказал он себе. — Ну и пусть... Хорошо бы найти цивилизацию, мощную, древнюю, мудрую. И человеческую...» Он спустился к воде.

Река действительно была большая, медленная, и простым глазом было видно, как она спускается с востока и поднимается на запад. (Рефракция здесь, однако, чудовищная...) И видно было, что другой берег пологий и зарос густым тростником, а в километре вверх по течению торчат из воды какие-то столбы и кривые балки, перекошенные решетчатые фермы, мохнатые от вьющихся растений. «Цивилизация», — подумал Максим без особенного азарта. Вокруг чувствовалось много железа, и еще что-то чувствовалось, неприятное, душное, и когда Максим зачерпнул горстью воду, он понял, что это радиация, довольно сильная и злобная. Река несла с востока радиоактивные вещества, и Максиму стало ясно, что проку от этой цивилизации будет немного, что это опять не то, что контакта лучше и не затевать, а надо проделать стандартные анализы, раза два незаметно облететь планету по экватору и убираться восвояси, а на Земле передать материалы серьезным, много повидавшим дядям из Совета галактической безопасности и поскорее забыть обо всем.

Забыть обо всем...

Он брезгливо отряхнул пальцы и вытер их о песок, потом присел на корточки, задумался. Он попытался представить себе жителей этой планеты, вряд ли благополучной планеты. Где-то за лесами был город, вряд ли благополучный город: грязные заводы, дряхлые реакторы, сбрасывающие в реку радиоактивные помои, некрасивые, дикие дома под железными крышами, много стен и мало окон, грязные промежутки между домами, заваленные отбросами и трупами домашних животных, большой ров вокруг города и подъемные мосты... Хотя нет, это было до реакторов. И люди. Он попытался представить себе этих людей, но не смог. Он знал только, что на них очень много надето, они были

прямо-таки запакованы в толстую грубую материю, и у них были высокие белые воротнички, натирающие подбородок. Потом он увидел следы на песке.

Это были следы босых ног. Кто-то спустился с обрыва и ушел в реку. Кто-то с большими широкими ступнями, тяжелый, косолапый, неуклюжий — несомненно, гуманоид, но на ногах у него было по шесть пальцев. Постанывая и кряхтя, сполз с обрыва, проковылял по песку, с плеском погрузился в радиоактивные воды и, фыркая и храпя, поплыл на другой берег, в тростники. Не снимая высокого белого воротничка...

Яркая голубая вспышка озарила все вокруг, словно ударила молния, и сейчас же над обрывом загрохотало, зашипело, затрещало огненным треском. Максим вскочил. По обрыву сыпалась сухая земля, что-то с опасным визгом пронеслось в небе и упало посередине реки, подняв фонтан брызг вперемешку с белым паром. Максим торопливо побежал вверх по обрыву. Он уже знал, что случилось, только не понимал почему, и он не удивился, когда увидел на том месте, где только что стоял корабль, клубящийся столб раскаленного дыма, гигантским штопором уходящий в фосфоресцирующую небесную твердь. Корабль лопнул, лиловым светом полыхала керамитовая скорлупа, весело горела сухая трава вокруг, пылал кустарник, и занимались дымными огоньками корявые деревья. Яростный жар бил в лицо, и Максим заслонился ладонью и попятился вдоль обрыва — на шаг, потом еще на шаг, потом еще и еще... Он пятился, не отрывая слезящихся глаз от этого великолепной красоты жаркого факела, сыплющего багровыми и зелеными искрами, от этого внезапного вулкана, от бессмысленного буйства распоясавшейся энергии.

«Нет, отчего же... — потерянно думал он. — Явилась большая обезьяна, видит — меня нет, забралась внутрь, подняла палубу — сам я не знаю, как это делается, но она сообразила, сообразительная такая была обезьяна, шестипалая, — подняла, значит, палубу... Что там в кораблях под палубой?.. Словом, нашла она аккумуляторы, взяла большой камень — и трах!.. Очень большой камень, тонны в три весом, — и с размаху... Здоровенная такая обезьяна... Доконала она все-таки мой корабль своими бульжниками — два раза в стратосфере и вот здесь... Удивительная история... Такого, кажется, еще не бывало. Что же мне, однако, теперь делать? Хватятся меня, конечно, скоро, но даже когда хватятся, то вряд ли подумают, что такое возможно: корабль погиб, а пилот цел... Что же теперь будет? Мама... Отец... Учитель...»

Он повернулся спиной к пожару и пошел прочь. Он быстро шел вдоль реки; все вокруг было озарено красным светом; впереди металась, сокращаясь и вытягиваясь, его тень на траве. Справа начался лес, редкий, пахнувший прелью, трава сделалась мягкой и влажной. Две большие ночные птицы с шумом вырвались из-под ног и низко над водой потянули на ту сторону. Он мельком подумал, что огонь может нагнать его, и тогда придется уходить вплавь и это будет неприятно; но красный свет вдруг померк и погас совсем, и он понял, что противопожарные устройства, в отличие от него, разобрались все-таки, что к чему, и выполнили свое назначение с присущей им тщательностью. Он живо представил себе закопченные, оплавившиеся баллоны, нелепо торчащие посреди горячих обломков, испускающие тяжелые облака пирофага и очень собой довольные...

«Спокойствие, — думал он. — Главное — не пороть горячку. Время есть. Собственно говоря, у меня масса времени. Они могут искать меня до бесконечности: корабля нет и найти меня невозможно. А пока они не поймут, что произошло, пока не убедятся окончательно, пока не будут полностью уверены, маме они ничего не сообщат... А я уж тут что-нибудь придумаю...»

Он миновал небольшую прохладную топь, продрался сквозь кусты и оказался на дороге, на старой, потрескавшейся бетонной дороге, уходящей в лес. Он подошел к краю обрыва, ступая по бетонным плитам, и увидел ржавые, обросшие вьюном фермы, остатки какого-то крупного решетчатого сооружения, полупогруженные в воду, а на той стороне — продолжение дороги, едва различимое под светящимся небом. По-видимому, здесь когда-то был мост. И по-видимому, этот мост кому-то мешал, и его свалили в реку, отчего

он не стал ни красивее, ни удобнее. Максим сел на край обрыва и спустил ноги. Он обследовал себя изнутри, убедился, что горячки не порет, и стал размышлять.

«Главное я нашел. Вот тебе дорога. Плохая дорога, грубая дорога и к тому же старинная дорога, но все-таки это дорога, а на всех обитаемых планетах дороги ведут к тем, кто их строил. Что мне нужно? Пищи мне не нужно. То есть я бы поел, но это работают дремучие инстинкты, которые мы сейчас подавим. Вода мне понадобится не раньше чем через сутки. Воздуху хватает, хотя я предпочел бы, чтобы в атмосфере было поменьше углекислоты и радиоактивной грязи. Так что ничего низменного мне не нужно. А нужен мне небольшой, прямо скажем, примитивный нуль-передатчик со спиральным ходом. Что может быть проще примитивного нуль-передатчика? Только примитивный нуль-аккумулятор...» Он зажмурился, и в памяти отчетливо проступила схема передатчика на позитронных эмиттерах. Будь у него детали, он бы собрал эту штуку в два счета, не раскрывая глаз. Он несколько раз мысленно проделал сборку, а когда раскрыл глаза, передатчика не было. И ничего не было. «Робинзон, — подумал он с некоторым даже интересом. — Максим Крузое. Надо же, ничего у меня нет. Шорты без карманов и кеды. Но зато остров у меня — обитаемый... А раз остров обитаемый, значит всегда остается надежда на примитивный нуль-передатчик». Он старательно думал о нуль-передатчике, но у него плохо получалось. Он все время видел маму, как ей сообщают: «Ваш сын пропал без вести», и какое у нее лицо, и как отец трет себе щеки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... «Нет, — сказал он себе, — об этом думать не разрешается. О чем угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать. Все». Он поднялся и пошел по дороге.

Лес, вначале робкий и редкий, понемногу смелел и подступал к дороге все ближе. Некоторые наглые молодые деревца взломали бетон и росли прямо на шоссе. Видимо, дороге было несколько десятков лет — во всяком случае, несколько десятков лет ею не пользовались. Лес по сторонам становился все выше, все гуще, все глуше, кое-где ветви деревьев переплетались над головой. Стало темно; то справа, то слева в чаще раздавались громкие гортанные возгласы. Что-то шевелилось там, шуршало, топотало. Один раз шагах в двадцати впереди кто-то приземистый и темный, пригнувшись, перебежал дорогу. Звенела мошकारа. Максиму вдруг пришло в голову, что край настолько запущен и дик, что людей может не оказаться поблизости, что добираться до них придется несколько суток. Дремучие инстинкты пробудились и вновь напомнили о себе. Но Максим чувствовал, что здесь вокруг очень много живого мяса, что с голоду здесь не пропадешь, что все это вряд ли будет вкусно, но зато интересно будет поохотиться. И поскольку о главном ему было думать запрещено, он стал вспоминать, как они охотились с Петером и с егерем Адольфом: голыми руками, хитрость против хитрости, разум против инстинкта, сила против силы. Трое суток, не останавливаясь, гнать оленя через бурелом, настигнуть и повалить на землю, схватив за рога... Оленей здесь, возможно, и нет, но в том, что здешняя дичь съедобна, сомневаться не приходится: стоит задуматься, отвлечься — и мошकारа начинает неистово жрать, а как известно, съедобный на чужой планете с голоду не умрет... Недурно было бы здесь заблудиться и провести годик-другой, скитаясь по лесам. Завел бы себе приятеля — волка какого-нибудь или медведя, ходили бы мы с ним на охоту, беседовали бы... Надоело бы, конечно, в конце концов, да и не похоже, чтобы в этих лесах можно было бродить с приятностью: слишком много вокруг железа — дышать нечем... И потом, все-таки сначала нужно собрать нуль-передатчик...

Он остановился, прислушиваясь. Где-то в глубине чащи раздавался монотонный глухой рокот, и Максим вспомнил, что уже давно слышит этот рокот, но только сейчас обратил на него внимание. Это было не животное и не водопад — это был механизм, какая-то варварская машина. Она хрипела, взрыкивала, скрежетала металлом и распространяла ржавые запахи. И она приближалась.

Максим пригнулся и, держась поближе к обочине, бесшумно побежал навстречу, а потом остановился, едва не выскочив с ходу на перекресток. Дорогу под прямым углом

пересекало другое шоссе, очень грязное, с глубокими, безобразными колеями, с торчащими обломками бетонного покрытия, дурно пахнущее и очень, очень радиоактивное. Максим присел на корточки и поглядел влево. Рокот двигателя и металлический скрежет надвигались оттуда. Оно приближалось.

Через минуту оно появилось. Бессмысленно огромное, горячее, смрадное, все из клепаного металла, попирающее дорогу чудовищными гусеницами, облепленными грязью, не мчалось, не катилось — перло горбатое, неопрятное, дребезжа отставшими листами железа, начиненное сырым плутонием пополам с лантанидами, беспомощное, угрожающее, без людей, тупое и опасное перевалилось через перекресток и поперло дальше, хрустя и визжа раздавливаемым бетоном, оставив за собой хвост раскаленной духоты, скрылось в лесу и все рычало, ворочалось, взрывалось, постепенно затихая...

Максим перевел дух, отмахнулся от мошкеры. Он был потрясен. Ничего столь нелепого и жалкого он не видел никогда в жизни. «Да, — подумал он, — позитронных эмиттеров мне здесь не достать». Он поглядел вслед чудовищу и вдруг заметил, что поперечная дорога — не просто дорога, а просека, узкая щель в лесу: деревья не закрывали над нею неба, как над шоссе. «Может, догнать его? — подумал он. — Остановить, погасить котел...» Он прислушался. В лесу стояли шум и треск, чудовище ворочалось в чаще, как гиппопотам в трясине, а потом рокот двигателя снова начал приближаться. Оно возвращалось. Снова сопение, рык, волна смрада, лязг и дребезг, и вот оно опять переваливает через перекресток и прет туда, откуда только что вышло... «Нет, — сказал Максим, — не хочу я с ним связываться. Не люблю я злых животных и варварских автоматов...» Он подождал, вышел из кустов и одним прыжком перемахнул через зараженный перекресток.

Некоторое время он шел очень быстро, глубоко дыша, освобождая легкие от испарений железного гиппопотама, а затем снова перешел на походный шаг. Он думал о том, что увидел за первые два часа жизни на своем обитаемом острове, и пытался сложить все эти несообразности и случайности в нечто логически непротиворечивое. Однако это было слишком трудно. Картина получалась сказочной, а не реальной. Сказочным был этот лес, набитый старым железом, сказочные существа перекликались в нем почти человеческими голосами; как в сказке, старая, заброшенная дорога вела к заколдованному замку, и невидимые злые волшебники старались помешать человеку, попавшему в эту страну. На дальних подступах они забросали его метеоритами — ничего не получилось, и тогда они сожгли корабль, поймали человека в ловушку, а потом натравили на него железного дракона. Дракон, однако, оказался слишком стар и глуп, и они, наверное, уже поняли свою промашку и готовят теперь что-нибудь посовременнее...

— Послушайте, — сказал им Максим, — я ведь не собираюсь расколдовывать замков и будить ваших летаргических красавиц; я хочу только встретиться с кем-нибудь из вас, кто поумнее, кто поможет мне с позитронными эмиттерами...

Но злые волшебники гнули свое. Сначала они положили поперек шоссе огромное гнилое дерево, затем разрушили бетонное покрытие, вырыли в земле большую яму и наполнили ее тухлой радиоактивной жижей, а когда и это не помогло, когда мошкеры притомилась кусать и разочарованно отстала, уже к утру выпустили из леса холодный злой туман. От тумана Максиму стало зябко, и он пустился бегом, чтобы согреться. Туман был липкий, маслянистый, пахивал мокрым металлом и тлением, но вскоре запахло дымом, и Максим понял, что где-то неподалеку горит живой огонь.

Занимался рассвет, небо засветилось утренней серостью, когда Максим увидел в стороне от дороги костер и невысокое каменное строение с провалившейся крышей, с пустыми черными окнами, старое, заросшее мохом. Людей видно не было, но Максим чувствовал, что они где-то неподалеку, что они недавно были здесь и, может быть, скоро вернуться. Он свернул с шоссе, перескочил придорожную канаву и, утопая по щиколотку в гниющих листьях, приблизился к костру.

Костер встретил его добрым первобытным теплом, приятно растревожившим дремучие инстинкты. Здесь все было просто. Можно было, не здороваясь, присесть на корточки, протянуть руки к огню и молча ждать, пока хозяин так же молча подаст горячий кусок и горячую кружку. Хозяина, правда, не было, но над костром висел закопченный котелок с остро пахнущим варевом, поодаль валялась пустая плетеная корзина с круглым дном, моток тонкого металлического троса и еще какие-то металлические и пластмассовые предметы непонятного назначения.

Максим посидел у костра, погрелся, глядя на огонь, потом поднялся и зашел в дом. Собственно, от дома осталась только каменная коробка. Сквозь проломленные балки над головой светлело утреннее небо, на гнилые доски пола было страшно ступить, а по углам росли гроздь малиновых грибов — ядовитых, но, если их хорошенько прожарить, вполне годных к употреблению. Впрочем, мысль о еде сразу пропала, когда Максим разглядел в полутьме у стены чьи-то кости вперемешку с выцветшими лохмотьями. Ему стало неприятно, он повернулся, спустился по разрушенным ступенькам и, сложив ладони рупором, заорал на весь лес:

— Ого-го, шестипалые!

Эхо почти мгновенно увязло в тумане между деревьями, никто не отозвался, только сердито зацокали какие-то пичуги над головой.

Максим вернулся к костру, подкинул в огонь веток и заглянул в котелок. Варевое кипело. Он поглядел по сторонам, нашел что-то вроде ложки, понюхал ее, вытер травой и снова понюхал. Потом он осторожно снял сероватую накипь и стряхнул ее на угли. Помешал варевое, зачерпнул с края, подул и, вытянув губы, попробовал. Оказалось недурственно, что-то вроде похлебки из печени тахорга, только острее. Максим отложил ложку, бережно, двумя руками снял котелок и поставил на траву. Потом он снова огляделся и сказал громко:

— Завтрак готов!

Его не покидало ощущение, что хозяйева где-то рядом, но видел он только неподвижные, мокрые от тумана кусты, черные корявые стволы деревьев, а слышал лишь треск костра да хлопотливую птичью перекличку.

— Ну ладно, — сказал он вслух. — Вы как хотите, а я начинаю контакт.

Он очень быстро вошел во вкус. То ли ложка была велика, то ли дремучие инстинкты разыгрались не в меру, но он и оглянуться не успел, как выхлебал треть котелка. Тогда он с сожалением отодвинулся, посидел, прислушиваясь к вкусовым ощущениям, тщательно вытер ложку; но не удержался — еще раз зачерпнул, с самого дна, этих аппетитных, тающих во рту коричневых ломтиков, похожих на трепанги, совсем отодвинулся, снова вытер ложку и положил ее поперек котелка. Теперь было самое время утолить чувство благодарности.

Он вскочил, выбрал несколько тонких прутиков и отправился в дом. Осторожно ступая по трухлявым доскам и стараясь не оглядываться на останки в тени, он принялся срывать грибы и нанизывать на прутик малиновые шляпки, выбирая самые крепкие. «Вас бы посолить, — думал он, — да поперчить немного, но ничего, для первого контакта сойдет и так. Мы вас подвесим над огоньком, и вся активная органика выйдет из вас паром, и станете вы объедение, и станете вы первым моим взносом в культуру этого обитаемого острова...»

И вдруг в доме стало чуть-чуть темнее, и он тотчас же ощутил, что на него смотрят. Он вовремя подавил в себе желание резко повернуться, сосчитал до десяти, медленно поднялся и, заранее улыбаясь, повернул голову.

В окне смотрело на него длинное темное лицо с унылыми большими глазами, с уныло опущенными углами губ, смотрело без всякого интереса, без злобы и без радости, смотрело не на человека из другого мира, а так, на докучное домашнее животное, опять забравшееся, куда ему не велено. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Максим ощущал, как уныние, исходящее от этого лица, затопляет дом, захлестывает лес, и всю

планету, и весь окружающий мир, — и все вокруг стало серым, унылым и плачевным: все уже было, и было много раз, и еще много раз будет, и не предвидится никакого спасения от этой серой, унылой, плачевной скуки. Затем в доме стало еще темнее, и Максим повернулся к двери.

Там, расставив крепкие короткие ноги, загородив широкими плечами весь проем, стоял сплошь заросший рыжим волосом коренастый человек в безобразном клетчатом комбинезоне. Сквозь буйные рыжие заросли на Максима глядели буравящие голубые глазки, очень пристальные, очень недобрые и тем не менее какие-то веселые — может быть, по контрасту с исходившим от окна всемирным унынием. Этот волосатый молодчик тоже явно не впервые видел пришельцев из другого мира, но он привык обходиться с этими надоевшими пришельцами быстро, круто и решительно — без всяких там контактов и прочих ненужных сложностей. На шее у него висела на кожаном ремне толстая металлическая труба самого зловещего вида, и выхлопное отверстие этого орудия расправы с пришельцами он твердой грязной рукой направлял прямо Максиму в живот. Сразу было видно, что ни о высшей ценности человеческой жизни, ни о Декларации прав человека, ни о прочих великолепных изобретениях высшего гуманизма, как и о самом гуманизме, он слыхом не слыхал, а расскажи ему об этих вещах — не поверил бы.

Однако Максиму выбирать не приходилось. Он протянул перед собой прутик с нанизанными грибными шляпками, улыбнулся еще шире и произнес с преувеличенной артикуляцией:

— Мир! Все в порядке! Все хорошо!

Унылая личность за окном откликнулась на этот лозунг длинной неразборчивой фразой, после чего очистила район контакта и, судя по звукам снаружи, принялась наваливать в костер сухие сучья. Взлохмаченная рыжая борода голубоглазого зашевелилась, и из медных зарослей понеслись рыкающие, взрывающиеся, лязгающие звуки, живо напомнившие Максиму железного дракона на перекрестке.

— Да! — сказал Максим, энергично кивая. — Земля! Космос! — Он ткнул прутиком в зенит, и рыжебородый послушно поглядел на проломленный потолок. — Максим! — продолжал Максим, тыча себя в грудь. — Максим! Меня зовут Максим! — Для большей убедительности он ударил себя в грудь, как разъяренная горилла. — Максим!

— Махх-ссим! — рявкнул рыжебородый со странным акцентом.

Не спуская глаз с Максима, он выпустил через плечо серию громыхающих звуков, в которой несколько раз повторялось слово «Махсим», в ответ на что невидимая унылая личность принялась издавать жуткие тоскливые фонемы. Голубые глаза рыжебородого выкатились, раскрылась желтозубая пасть, и он загоготал. Очевидно, неведомый Максиму юмор ситуации дошел наконец до рыжебородого. Отсмеявшись, рыжебородый вытер свободной рукой глаза, опустил свое смертоносное оружие и сделал Максиму недвусмысленный знак, означавший: «А ну выходи!»

Максим с удовольствием повиновался. Он вышел на крыльцо и снова протянул рыжебородому прутик с грибами. Рыжебородый взял прутик, повертел его так и сяк, понюхал и отбросил в сторону.

— Э, нет! — возразил Максим. — Вы у меня пальчики оближете...

Он нагнулся и поднял прутик. Рыжебородый не возражал. Он похлопал Максима по спине, подтолкнул к костру, а у костра навалился ему на плечо, усадил и принялся что-то втолковывать. Но Максим не слушал. Он глядел на унылого. Тот сидел напротив и сушил перед огнем какую-то обширную грязную тряпку. Одна нога у него была босая, и он все время шевелил пальцами, и этих пальцев было пять. Пять, а вовсе не шесть.

Глава вторая

Гай, сидя на краешке скамьи у окна, полировал обшлагом кокарду на берете и смотрел, как капрал Варибобу выписывает ему проездные документы. Голова капрала была склонена набок, глаза вытаращены, левая рука лежала на столе, придерживая бланк с

красной каймой, а правая неторопливо выводила каллиграфические буквы. «Здорово у него получается, — думал Гай с некоторой завистью. — Экий старый чернильный хрен: двадцать лет в Легионе, и все писарем. Надо же, как таращится, — гордость бригады... Сейчас еще и язык высунет... Так и есть — высунул. И язык у него в чернилах. Будь здоров, Варибобу, старая ты чернильница, больше мы с тобой не увидимся. Вообще-то как-то грустно уезжать — ребята хорошие подобрались, и господа офицеры, и служба полезная, значительная...» Гай шмыгнул носом и посмотрел в окно.

За окном ветер нес белую пыль по широкой гладкой улице без тротуаров, выложенной старыми шестиугольными плитами; белели стены длинных одинаковых домов администрации и инженерного персонала; шла, прикрываясь от пыли и придерживая юбку, госпожа Идоя, дама полная и представительная, — мужественная женщина, не побоявшаяся последовать с детьми за господином бригадиром в эти опасные места. Часовой у комендатуры, из новичков, в необмятом пыльнике и в берете, натянутом на уши, сделал ей «на караул». Потом проехали два грузовика с воспитуемыми — должно быть, делать прививки... Так его, в шею его: не высывайся за борт, нечего тебе высываться, здесь тебе не бульвар...

— Ты как все-таки пишешься? — спросил Варибобу. — Гаал? Или можно просто — Гал?

— Никак нет, — сказал Гай. — Гаал моя фамилия.

— Жалко, — сказал Варибобу, задумчиво обсасывая перо. — Если бы можно было «Гал», как раз поместилось бы в строчку...

«Пиши, пиши, чернильница, — подумал Гай. — Нечего тебе строчки экономить. Капрал называется... Пуговицы зеленую заросли, тоже мне капрал. Две нашивки у тебя, а стрелять толком не научился, это же все знают...»

Дверь распахнулась, и в канцелярию стремительно вошел господин ротмистр Тоот с золотой повязкой дежурного на рукаве. Гай вскочил и щелкнул каблуками. Капрал приподнялся, а писать не перестал, старый хрен. Капрал называется...

— Ага... — произнес господин ротмистр, с отворачиванием сдирая противопылевую маску. — Рядовой Гаал. Знаю, знаю, покидаете нас. Жаль. Но рад. Надеюсь, в столице будете служить так же усердно.

— Так точно, господин ротмистр! — сказал Гай взволнованно. У него даже в носу защипало от восторженности. Он очень любил господина ротмистра Тоота, культурного офицера, бывшего преподавателя гимназии. Оказывается, и господин ротмистр тоже его отличал.

— Можете сесть, — сказал господин ротмистр, проходя за барьер к своему столу. Не присаживаясь, он бегло проглядел бумаги и взялся за телефон.

Гай тактично отвернулся к окну.

На улице ничего не изменилось. Протопало строем на обед родимое капральство. Гай грустно проводил его глазами. Придут сейчас в столовую, капрал Серембеш командует снять береты на «благодарственное слово», рявкнут ребята в тридцать глоток «благодарственное слово», а над кастрюлями уже пар поднимается, и блестят миски, и старина Дога уже готов отмочить известное свое коронное насчет солдата и поварихи... Ей-богу, жалко уезжать. И служить здесь опасно, и климат нездоровый, и паек очень уж однообразный — одни консервы, но все равно... Здесь, во всяком случае, точно знаешь, что ты нужен, что без тебя не обойтись; здесь ты на свою грудь принимаешь зловещий напор Леса и чувствуешь этот напор: одних друзей сколько здесь похоронил — вон за поселком целая роща шестов с ржавыми шлемами... А с другой стороны — столица. Туда какого-всякого не пошлют, и раз уж посылают, то не отдыхать... Там, говорят, из Дома Творцов все плацы просматриваются, так что за каждым построением кто-нибудь из творцов непременно наблюдает, то есть не то что непременно, но нет-нет да и посмотрит. Гая бросило в жар: ни с того ни с сего он вдруг представил себе, что вот вызвали его из строя, а он на втором шаге поскользнулся и брякнулся носом командиру под ноги,

загремел автоматом по брусчатке, разиня, и берет неизвестно куда съехал... Он передохнул и украдкой огляделся. Не дай бог... Да, столица! Все у них на глазах... Ну да ничего — другие же служат. А там Рада — сестренка, сестрица... Дядька смешной, со своими древними костями, с черепахами своими допотопными... «Ох и соскучился же я по вас, милые вы мои!..»

Он снова взглянул в окно и озадаченно приоткрыл рот. По улице к комендатуре шли двое. Один был знакомый — рыжая морда Зеф, старшина сто четырнадцатого отряда саперов, смертник, зарабатывающий себе жизнь расчисткой трассы. А другой был ну совершенное чучело, и чучело жутковатое. Сперва Гай принял его за выродка, но тут же сообразил, что вряд ли Зеф стал бы тащить выродка в комендатуру. Здоровенный голый парень, молодой, весь коричневый, здоровый как бык; одни трусы на нем, какие-то короткие, из блестящей материи... Зеф был при своей пушке, но не похоже было, чтобы он конвоировал этого чужака: шли они рядом, и чужак, нелепо размахивая руками, все время что-то Зефу втолковывал. Зеф же только отдувался и вид собою являл совершенно одуревший. «Дикарь какой-то, — подумал Гай. — Только откуда он там взялся, на трассе? Может быть, зверями воспитанный? Были такие случаи. И похоже: вон мускулы какие, так и переливаются...»

Он смотрел, как эта пара подошла к часовому, как Зеф, утираясь, принялся что-то объяснять, а часовой — новичок, Зефа не знает и тычет ему автоматом под ребро, велит отойти на положенное расстояние. Голый парень, видя это, вступает в разговор. Руки у него так и летают, а лицо совсем уже странное: никак не поймать выражение — как ртуть, а глаза быстрые, темные... Ну все, теперь и часовой обалдел. Сейчас тревогу поднимет. Гай повернулся.

— Господин ротмистр, — сказал он, — разрешите обратиться. Там старшина сто четырнадцатого кого-то привел. Не взглянете ли?

Господин ротмистр подошел к окну, посмотрел, брови у него полезли на лоб. Он толкнул раму, высунулся и прокричал, давясь от ворвавшейся пыли:

— Часовой! Пропустить!

Гай закрывал окно, когда в коридоре затопали и Зеф со своим диковинным спутником бочком взошел в канцелярию. Следом, тесня их, ввалился начальник караула и еще двое ребят из бодрствующей смены. Зеф вытянул руки по швам, откашлялся и, вылупив на господина ротмистра бесстыжие голубые глаза, прохрипел:

— Докладывает старшина сто четырнадцатого отряда, воспитуемый Зеф. На трассе задержан вот этот человек. По всем признакам — сумасшедший, господин ротмистр: жрет ядовитые грибы, ни слова не понимает, разговаривает непонятно, ходит, как изволите видеть, голый.

Пока Зеф докладывал, задержанный бегал быстрыми глазами по помещению, жутко и странно улыбаясь всем присутствующим, — зубы у него были ровные и белые, как сахар. Господин ротмистр, заложив руки за спину, подошел поближе, оглядывая его с головы до ног.

— Кто вы такой? — спросил он.

Задержанный улыбнулся еще жутче, постучал себя ладонью по груди и невнятно произнес что-то вроде «Махсим». Начальник караула гоготнул, караульные захихикали, и господин ротмистр тоже улыбнулся. Гай не сразу понял, в чем дело, а потом сообразил, что на воровском жаргоне «мах-сим» означает «съел ножик».

— По-видимому, это кто-то из ваших, — сказал Зефу господин ротмистр.

Зеф помотал головой, выбросив из бородищи облако пыли.

— Никак нет, — сказал он. — Мах-сим — это он так себя называет, а воровского языка он не понимает. Так что это не наш.

— Выродок, наверное, — предположил начальник караула. (Господин ротмистр холодно на него посмотрел.) — Голый... — проникновенно пояснил начальник караула, пятясь к двери. — Разрешите идти, господин ротмистр? — гаркнул он.

— Идите, — сказал господин ротмистр. — Пошлите кого-нибудь за штаб-врачом господином Зогу... Где вы его поймали? — спросил он Зефа.

Зеф доложил, что нынешней ночью он со своим отрядом прочесывал квадрат 23/07, уничтожил четыре самоходных «баллисты» и одну установку неизвестного назначения, потерял двоих при взрыве и все было в порядке. Около семи часов утра на его костер вышел по шоссе из лесу этот вот неизвестный. Они заметили его издали, следили за ним, укрывшись в кустарнике, а затем, выбрав удобный момент, взяли его. Зеф принял его вначале за беглого, потом решил, что это выродок, и совсем было собрался стрелять, но раздумал, потому что этот человек... Тут Зеф в затруднении подвигал бородой и заключил:

— Потому что мне стало ясно, что это не выродок.

— Откуда же это стало вам ясно? — спросил господин ротмистр, а задержанный неподвижно стоял, сложив руки на могучей груди, и поглядывал то на него, то на Зефа.

Зеф сказал, что объяснить это будет трудновато.

— Во-первых, этот человек ничего не боялся и не боится. Дальше: он снял с костра похлебку и отъел ровно треть, как и полагается товарищу, а перед этим кричал в лес, видимо звал, чувствуя, что мы где-то поблизости. Далее: он хотел угостить нас грибами. Грибы были ядовитые, и мы их есть не стали и ему не дали, однако он явно порывался нас угостить — по-видимому, в знак благодарности. Далее: как хорошо известно, ни один выродок по своим физическим способностям не превосходит нормального хилого человека. Этот же по пути сюда загнал меня как мальчишку; шел через бурелом, словно по ровному месту, через рвы перепрыгивал, а потом ждал меня на той стороне и вдобавок зачем-то — из удальства, что ли? — хватал меня в охапку и пробегал со мной шагов по двести...

Господин ротмистр слушал Зефа, всем видом своим изображая глубочайшее внимание, но едва Зеф замолчал, как он резко повернулся к задержанному и в упор пролаял по-хонтийски:

— Ваше имя? Чин? Задание?

Гай восхитился ловкостью приема, однако задержанный явно не понимал и хонтийского. Он снова показал свои великолепные зубы, похлопал себя по груди, сказавши: «Махсим», ткнул пальцем в бок каторжнику, сказавши: «Зеф», и после этого начал говорить — медленно, с большими паузами, показывая то в потолок, то в пол, то обводя руками вокруг себя. Гаю казалось, что в этой речи он улавливает некоторые знакомые слова, но слова эти не имели к делу никакого отношения. Когда задержанный замолчал, капрал Варибобу подал голос.

— По-моему, это ловкий шпион, — заявила старая чернильница. — Надо доложить господину бригадиру.

Господин ротмистр не обратил на него внимания.

— Вы можете идти, Зеф, — сказал он. — Вы проявили рвение, это вам зачтется.

— Премного благодарен, господин ротмистр! — рявкнул Зеф и уже повернулся было, чтобы идти, но тут задержанный вдруг издал негромкий возглас, перегнулся через барьер и схватил пачку чистых бланков, лежавших на столе перед капралом.

Варибобу перепугался до смерти (тоже мне капрал!), отшатнулся и швырнул в дикаря пером. Дикарь ловко поймал перо на лету и, примостившись тут же на барьере, принялся что-то чертить на бланке, не обращая внимания на Гая и Зефа, ухвативших его за бока.

— Отставить! — скомандовал господин ротмистр, и Гай охотно повиновался: удерживать этого коричневого зверя было все равно что пытаться остановить танк, схватившись за гусеницу.

Господин ротмистр и Зеф встали по сторонам задержанного и смотрели, что он там черкает.

— По-моему, это схема Мира, — неуверенно сказал Зеф.

— Гм... — отозвался господин ротмистр.

— Ну конечно! Вот в центре у него Мировой Свет, это вот Мир... А здесь мы, по его мнению, находимся.

— Но почему все плоско? — недоверчиво спросил господин ротмистр.

Зеф пожал плечами.

— Возможно, детское восприятие... Инфантилизм... Вот, глядите! Это он показывает, как сюда попал.

— Да, возможно... Я слышал про такое безумие...

Гаю наконец удалось протиснуться между гладким твердым плечом задержанного и грубой, пропахшей потом курткой Зефа. Рисунок, который он увидел, показался ему смешным. Так детишки-первоклассники изображают Мир: посередине маленький кружок, означающий Мировой Свет, вокруг него большая окружность, обозначающая Сферу Мира, а на окружности жирная точка, к которой только пририсовать ручки и ножки, и получится «это — Мир, а это — я». Даже Сферу Мира несчастный псих не сумел изобразить правильной окружностью, получился у него какой-то овал. Ну ясно, ненормальный... И еще нарисовал пунктиром линию, ведущую из-под Земли к точке: вот, мол, как я сюда попал.

Между тем задержанный взял второй бланк и быстро начертил две маленькие Сферы Мира в противоположных углах, соединил их пунктирной линией и еще пририсовал какие-то закорючки. Зеф безнадежно присвистнул и сказал господину ротмистру:

— Разрешите идти?

Однако господин ротмистр не отпустил его.

— Э-э... Зеф, — сказал он, — помнится, вы подвизались в области... э... — Он постучал себя согнутым пальцем по темени.

— Так точно, — помедлив, ответил Зеф.

Господин ротмистр прошелся по канцелярии.

— Не могли бы вы... э-э... как бы это сказать... сформулировать свое мнение по поводу этого субъекта? Профессионально, если можно так выразиться...

— Не могу знать, — сказал Зеф. — Потерял право выступать в профессиональном качестве.

— Я понимаю, — сказал господин ротмистр. — Все это верно. Хвалю. Н-но...

Зеф, выкатив голубые глазки, стоял по стойке «смирно». Господин же ротмистр находился в очевидном замешательстве. Гай хорошо понимал его. Случай был важный, серьезный случай. (А вдруг этот дикарь все-таки шпион?) А господин штаб-врач Зогу, конечно, прекрасный офицер, блестящий легионер, но всего лишь штаб-врач. В то время как рыжая морда Зеф, до того как впасть в преступление, здорово знал свое дело.

— Ну что же, — сказал господин ротмистр. — Ничего не поделаешь... Но по-человечески... — Он остановился перед Зефом. — Понимаете? Просто по-человечески... вы действительно считаете, что это сумасшедший?

Зеф снова помедлил.

— По-человечески? — повторил он. — Ну конечно, по-человечески: человеку ведь свойственно ошибаться... Так вот, по-человечески я склонен полагать, что это ярко выраженный случай раздвоения личности с вытеснением и замещением истинного «я» воображаемым «я». По-человечески же, исходя из жизненного опыта, я рекомендовал бы электрошок и флeосодержащие препараты.

Капрал Варибобу все это украдкой записал, но господина ротмистра не проведешь. Он отобрал у капрала листок с записями и сунул в карман френча. Мах-сим снова заговорил, обращаясь то к господину ротмистру, то к Зефу, — чего-то он хотел, бедняга, что-то ему было не так, — но тут открылась дверь, и вошел господин штаб-врач, по всему видно оторванный от обеда.

— Привет, Тоот, — брюзгливо сказал он. — В чем дело? Вы, я вижу, живы и здоровы, и это меня утешает... А это что за тип?

— Воспитуемые поймали его в лесу, — объяснил господин ротмистр. — Я подозреваю, что он сумасшедший.

— Симулянт он, а не сумасшедший, — проворчал господин штаб-врач и налил себе воды из графина. — Отправьте его обратно в лес, пусть работает.

— Это не наш, — возразил господин ротмистр. — И мы не знаем, откуда он взялся. Я думаю, что его в свое время захватили выродки, он у них свихнулся и перебежал к нам.

— Правильно, — проворчал господин штаб-врач. — Нужно свихнуться, чтобы перебежать к нам. — Он подошел к задержанному и сразу же полез хватать его за веки. (Задержанный жутко осклабился и слегка оттолкнул его.) — Но-но! — сказал господин штаб-врач, ловко хватая его за ухо. — Стой спокойно!

Задержанный подчинился. Господин штаб-врач вывернул ему веки, ощупал, пошвыстывая, шею и горло, согнул и разогнул ему руку, потом, пыхтя, нагнулся и ударил его под колени, вернулся к графину и выпил еще стакан воды.

— Изжога, — сообщил он.

Гай поглядел на Зефа. Рыжебородый, приставив к ноге свою пушку, стоял в сторонке и с подчеркнутым равнодушием смотрел в стену. Господин штаб-врач напился и снова взялся за психа. Он ощупывал его, обстукивал, заглядывал в зубы, два раза ударил кулаком в живот, потом достал из кармана плоскую коробку, размотал провод, подключил к штепселю и стал прикладывать коробку к разным частям дикарского тела.

— Так, — сказал он, сматывая провод. — И немой к тому же?..

— Нет, — сказал господин ротмистр. — Он говорит, но на каком-то зверином языке. Нас он не понимает. А вот его рисунки.

Господин штаб-врач посмотрел рисунок.

— Так-так-так, — сказал он. — Забавно... — Он выхватил у капрала ручку и быстро нарисовал на бланке кошку, как ее рисуют дети, из палочек и кружочков. — Что ты на это скажешь, приятель? — сказал он, протягивая рисунок психу.

Тот, ни секунды не задумываясь, принялся царапать пером, и рядом с кошкой появилось странное, густо заросшее волосами животное с тяжелым, неприятным взглядом. Такого животного Гай не знал, но он понял одно: это уже не был детский рисунок. Нарисовано было здорово, просто замечательно. Даже смотреть страшновато. Господин штаб-врач протянул руку за пером, но псих отстранился и нарисовал еще одно животное — с огромными ушами, морщинистой кожей и толстым хвостом на месте носа.

— Прекрасно! — вскричал господин штаб-врач, хлопнув себя по бокам.

А псих не унимался. Теперь он рисовал уже не животное, а явно какой-то аппарат, похожий на большую прозрачную мину. Внутри мины он очень ловко изобразил сидящего человечка, постучал по человечку пальцем, а затем тем же пальцем постучал себя по груди и произнес:

— Махх-ссим.

— Вот эту штуку он мог видеть у реки, — сказал неслышно подошедший Зеф. — Мы такую сожгли этой ночью. Но вот чудовища... — Он покачал головой.

Господин штаб-врач словно впервые заметил его.

— А, профессор! — вскричал он преувеличенно радостно. — То-то я смотрю — в канцелярии чем-то воняет. Не будете ли вы так любезны, коллега, произносить ваши мудрые суждения во-он из того угла? Вы меня очень обяжете...

Варибобу захихикал, а господин ротмистр строго сказал:

— Станьте у дверей, Зеф, и не забывайтесь...

— Ну хорошо, — сказал господин штаб-врач. — И что вы думаете с ним делать, Тоот?

— Это зависит от вашего диагноза, Зогу, — ответил господин ротмистр. — Если он симулянт, я передам его в прокуратуру, там разберутся. А если он сумасшедший...

— Он не симулянт, Тоот! — с большим подъемом произнес господин штаб-врач. — Ему совершенно нечего делать в прокуратуре. Но я знаю одно место, где им очень заинтересуются. Где бригадир?

— Бригадир на трассе.

— Впрочем, это несущественно. Вы ведь дежурный, Тоот? Вот и отправьте этого любопытнейшего молодчика по следующему адресу... — Господин штаб-врач пристроился на барьере, закрывшись от всех плечами и локтями, и написал что-то на обороте последнего рисунка.

— А что это такое? — спросил господин ротмистр.

— Это? Это одно учреждение, которое будет нам благодарно, Тоот, за нашего психа. Я вам ручаюсь.

Господин ротмистр неуверенно покрутил в пальцах бланк, потом отошел в дальний угол канцелярии и поманил к себе господина штаб-врача. Некоторое время они говорили там вполголоса, так что разобрать можно было только отдельные реплики господина Зогу: «...Департамент пропаганды... Отправьте с доверенным... Не так уж это секретно!.. Я вам ручаюсь... Прикажите ему забыть... Черт возьми, да сопляк все равно ничего не поймет!..»

— Хорошо, — сказал наконец господин ротмистр. — Пишите сопроводительную бумагу. Капрал Варибобу!

Капрал приподнялся.

— Проездные документы на рядового Гаала готовы?

— Так точно.

— Впишите в проездные документы подконвойного Махсима. Рядовой Гаал!

Гай шелкнул каблуками и вытянулся:

— Слушаю, господин ротмистр!

— Прежде чем явиться на новое место службы в нашей столице, доставьте задержанного по адресу, означенному на этом листке. По исполнении приказа листок сдать дежурному офицеру на новом месте службы. Адрес забыть. Это ваше последнее задание, Гаал, и вы, конечно, выполните его, как подобает молодцу-легионеру.

— Будет исполнено! — прокричал Гай, охваченный неопишуемым восторгом.

Горячая волна оглушающего упоения захлестнула его, подхватила, понесла к небу. О, эти сладостные минуты восторга, незабываемые минуты, когда вырастают крылья, минуты ласкового презрения ко всему грубому, материальному, телесному... Минуты, когда жаждешь, чтобы приказ соединил тебя с огнем, швырнул тебя в огонь, на тысячи врагов, в гущу диких орд, навстречу миллионам пуль, и это еще не все, будет еще слаще, восторг ослепит и сожжет... О огонь! О пламя! О ярость! И вот оно, вот оно!.. Он встает, этот рослый, сильный красавец, гордость бригады, наш капрал Варибобу, как огненный факел, как статуя славы и верности, и он запекает, а мы все подхватим, все как один...

Вперед, легионеры, железные ребята!

Вперед, сметая крепости, с огнем в очах!

Железным сапогом раздавим супостата!

Пусть капли свежей крови сверкают на мечах...

И все пели. Пел блестящий господин ротмистр Тоот, образец легионера, образец среди образцов, за которого так хочется сейчас же, под этот марш, отдать жизнь, душу, все. И господин штаб-врач Зогу, образец брата милосердия, грубый, как настоящий солдат, и ласковый, как руки матери... И наш капрал Варибобу, до мозга костей наш, старый вояка, ветеран, поседевший в схватках... О, как сверкают пуговицы и нашивки на его потертом, заслуженном мундире, для него нет ничего, кроме службы, ничего, кроме служения!..

Железный наш кулак сметает все преграды.
 Довольны Огненосные Творцы!
 О как рыдает враг! Но нет ему пощады!
 Вперед, легионеры-молодцы!

...Но что это? Он не поет, он стоит, опершись на барьер, и вертит своей дурацкой коричневой головой, и бегаёт глазами, и все оскалывается, все щерится... На кого оскалываешься, мерзавец? О, как хочется подойти тяжелым шагом — и с размаху, железным кулаком по этому гнусному белому оскалу... Но нельзя, нельзя, это недостойно легионера: он же всего лишь псих, жалкий калека, настоящее счастье недоступно ему, он слеп, ничтожен, жалкий человеческий обломок... А этот рыжий бандит скорчился в углу от невыносимой боли... Каторжник, преступная морда, за грудь тебя, за твою поганую бороду! Встать, мразь! Стоять смиренно, когда легионеры поют свой марш! И по башке, по башке, по грязной морде, по наглým рачьим глазкам... Вот так, вот так...

Гай отшвырнул каторжника и, щелкнув каблуками, повернулся к господину ротмистру. Как всегда, после приступа восторженного возбуждения что-то звенело в ушах и мир сладко плыл и покачивался перед глазами.

Капрал Варибобу, сизый от натуги, слабо перхал, держась за грудь. Господин штаб-врач, потный и багровый, жадно пил воду прямо из графина и тянул из кармана носовой платок. Господин ротмистр хмурился с отсутствующим выражением, словно пытался что-то припомнить. У порога грязной кучей клетчатого тряпья ворочался рыжий Зеф. Лицо у него было разбито, он хлюпал кровью и слабо постанывал сквозь зубы. А Мах-сим больше не улыбался. Лицо у него застыло, стало совсем как обычное человеческое, и он неподвижными круглыми глазами, приоткрыв рот, смотрел на Гая.

— Рядовой Гаал, — надтреснутым голосом произнес господин ротмистр. — Э-э... Что-то я хотел вам сказать... Подождите, Зогу, оставьте мне хоть глоток воды...

Глава третья

Максим проснулся и сразу почувствовал, что голова тяжелая. В комнате было душно. Опять ночью закрыли окно. Впрочем, и от открытого окна толку мало — город слишком близко, днем видна над ним неподвижная бурая шапка отвратительных испарений, ветер несет их сюда, и не помогает ни расстояние, ни пятый этаж, ни парк внизу. «Сейчас бы принять ионный душ, — подумал Максим, — да выскочить нагишом в сад, да не в этот паршивый, полусгнивший, серый от гари, а в наш, где-нибудь под Гладбахом, на берегу серебристого Нирса, да пробежать вокруг озера километров пятнадцать во весь опор, во всю силу, да переплыть озеро, а потом минут двадцать походить по дну, чтобы поупражнять легкие, полазить среди скользких подводных валунов...» Он вскочил, распахнул окно, высунулся под морозящий дождик, глубоко вдохнул сырой воздух, закашлялся — в воздухе было полно лишнего, а дождевые капли оставляли на языке металлический привкус. По автостраде с шипением и свистом проносились машины. Внизу под окном желтела мокрая листва, на высокой каменной ограде что-то блестело. По парку ходил человек в мокрой накидке, сгребал в кучу опавшие листья. За пеленой дождя смутно виднелись кирпичные здания какого-то завода на окраине. Из двух высоких труб, как всегда, лениво ползли и никли к земле толстые струи ядовитого дыма.

Душный мир. Неблагополучный, болезненный мир. Весь он какой-то неуютный и тоскливый, как то казенное помещение, где люди со светлыми пуговицами и плохими зубами вдруг ни с того ни с сего принялись вопить, надсаживаясь до хрипа, и Гай, такой симпатичный, красивый парень, совершенно неожиданно принялся избивать в кровь рыжебородого Зефа, а тот даже не сопротивлялся... Неблагополучный мир... Радиоактивная река, нелепый железный дракон, грязный воздух и неопрятные пассажиры в неуклюжей трехэтажной металлической коробке на колесах, выпускающей сизые

угарные дымы... И еще одна дикая сцена — когда какие-то грубые люди довели хохотом и жестами до слез пожилую женщину, и никто за нее не заступился, вагон набит битком и все смотрят в сторону, и только Гай вдруг вскочил, бледный от злости, а может быть, от страха, и что-то крикнул им, и они убралась... Но и сам Гай, явно добрый, симпатичный человек, иногда вдруг приходил в необъяснимую ярость, принимался бешено ссориться с соседями по купе, глядел на них зверем, а потом так же внезапно впадал в глубокую прострацию. И все прочие вели себя не лучше. Часами они сидели и лежали вполне мирно, негромко беседуя, даже пересмеиваясь, и вдруг кто-нибудь начинал сварливо ворчать на соседа, сосед нервно огрызался, окружающие, вместо того чтобы успокоить их, ввязывались в ссору, скандал ширился, и вот уже все орут друг на друга, грозятся, толкаются, и кто-то лезет через головы, размахивая кулаками, и кого-то держат за шиворот, во весь голос плачут детишки, им раздраженно обрывают уши, а потом все постепенно стихает, все дуются друг на друга, разговаривают нехотя, отворачиваются... А иногда скандал превращается в нечто совершенно уж непристойное: глаза вылезают из орбит, лица идут красными пятнами, голоса поднимаются до истошного визга, и кто-то истерически хохочет, кто-то поет, кто-то молится, воздев над головой трясущиеся руки... Сумасшедший дом...

Максим отошел от окна, постоял немного посередине тесной комнатухи, расслабившись, ощущая апатию и душевную усталость, потом заставил себя собраться и размялся немного, используя в качестве снаряда громоздкий деревянный стул. «Так и опуститься можно, — подумал он озабоченно. — Еще день-два я, пожалуй, вытерплю, а потом придется удрать, побродить немного по лесам... В горы хорошо бы удрать — горы у них здесь на вид славные, дикие... Далековато, правда, за ночь не обернешься... Как их Гай называл? Зартак... Интересно, это собственное имя или горы вообще? Впрочем, какие там горы, не до гор мне. Десять суток я здесь, а ничего еще не сделано...»

Он втиснулся в душевую и несколько минут фыркал и растирался под тугим искусственным дождиком, таким же противным, как естественный — чуть похолоднее, правда, — но жестким, известковым.

Он вытерся продезинфицированным полотенцем и, всем недовольный: и этим мутным утром, и этим душным миром, и своим дурацким положением, и чрезмерно жирным завтраком, который ему предстоит сейчас съесть, — вернулся в комнату, чтобы прибрать постель. Завтрак уже принесли — он дымился и вонял на столе. Рыба закрывала окно.

— Здравствуйте, — сказал ей Максим на местном языке. — Не надо. Окно.

— Здравствуйте, — ответила она, щелкая многочисленными задвижками. — Надо. Дождь. Плохо.

— Рыба, — сказал Максим на лингосе. Собственно, ее звали Нолу, но Максим с самого начала окрестил ее Рыбой за общее выражение лица и невозмутимость.

Она обернулась и посмотрела на него немигающими глазами. Затем, уже в который раз, приложила палец к кончику носа и сказала: «Женщина», потом ткнула в Максима пальцем: «Мужчина», потом в сторону осточертевшего балахона, висящего на спинке стула: «Одежда. Надо». Не могла она почему-то видеть мужчину просто в шортах. Надо было ей, чтобы мужчина закутывался с ног до шеи.

Он принялся одеваться, а она застелила его постель, хотя Максим всегда говорил, что будет делать это сам, выдвинула на середину комнаты стол, который Максим всегда отодвигал к стене, решительно отвернула кран отопления, который Максим всегда заворачивал до упора, и все однообразные «не надо» Максима разбивались о ее не менее однообразные «надо».

Застегнув балахон у шеи на единственную сломанную пуговицу, Максим подошел к столу и поковырял завтрак двузубой вилкой. Произошел обычный диалог:

— Не хочу. Не надо.

— Надо. Еда. Завтрак.

— Не хочу завтрак. Невкусно.

— Надо завтрак. Вкусно.

— Рыба, — сказал ей Максим проникновенно, — жестокий вы человек. Попади вы ко мне на Землю, я бы вдребезги разбился, но нашел бы вам еду по вкусу.

— Не понимаю, — сказала она без выражения. — Что такое «рыба»?

С отвращением жуя жирный кусок, Максим взял бумагу и изобразил леща анфас. Она внимательно изучила рисунок и положила в карман халата. Все рисунки, которые делал Максим, она забирала и куда-то уносила. Максим рисовал много, охотно и с удовольствием: в свободное время и по ночам, когда не спалось, делать здесь было совершенно нечего. Он рисовал животных и людей, чертил таблицы и диаграммы, воспроизводил анатомические разрезы. Он изображал профессора Мегу похожим на бегемота и бегемотов, похожих на профессора Мегу; он вычерчивал универсальные таблицы линкоса, схемы машин и диаграммы исторических последовательностей; он изводил массу бумаги, и все это исчезало в кармане Рыбы без всяких видимых последствий для процедуры контакта. У профессора Мегу, он же Бегемот, была своя метода, и он не намеревался от нее отказываться.

Универсальная таблица линкоса, с изучения которой должен начинаться любой контакт, Бегемота совершенно не интересовала. Местному языку пришельца обучала только Рыба, да и то лишь для удобства общения, чтобы закрывал окно и не ходил без балахона. Эксперты к контакту не привлекались вовсе. Максимом занимался Бегемот, и только Бегемот.

Правда, в его распоряжении находилось довольно мощное средство исследования — ментоскопическая техника, и Максим проводил в стендовом кресле по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки. Причем ментоскоп у Бегемота был хорош. Он позволял довольно глубоко проникать в воспоминания и обладал весьма высокой разрешающей способностью. Располагая такой машиной, можно было, пожалуй, обойтись и без знания языка. Но Бегемот пользовался ментоскопом как-то странно. Свои ментограммы он отказывался демонстрировать категорически и даже с некоторым негодованием, а к ментограммам Максима относился своеобразно. Максим специально разработал целую программу воспоминаний, которые должны были дать аборигенам достаточно полное представление о социальной, экономической и культурной жизни Земли. Однако ментограммы такого рода не вызывали у Бегемота никакого энтузиазма. Бегемот кривил физиономию, мычал, отходил, принимался звонить по телефону или, усевшись за стол, начинал нудно пилить ассистента, часто повторяя при этом сочное словечко «массаракш». Зато когда на экране Максим взрывал на воздух ледяную скалу, придавившую корабль, или скорчером разносил в клочья панцирного волка, или отнимал экспресс-лабораторию у гигантского глупого псевдоспрута, Бегемота было за уши не оттянуть от ментоскопа. Он тихо взвизгивал, радостно хлопал себя ладонями по лысине и грозно орал на изнуренного ассистента, следящего за записью изображения. Зрелище хромосферного протуберанца вызывало у профессора такой восторг, словно он никогда в жизни не видел ничего подобного, и очень нравились ему любовные сцены, заимствованные Максимом главным образом из кинофильмов специально для того, чтобы дать аборигенам какое-то представление об эмоциональной жизни человечества.

Такое нелепое отношение к материалу наводило Максима на печальные размышления. Создавалось впечатление, что Бегемот никакой не профессор, а просто инженер-ментоскопист, готовящий материал для подлинной комиссии по контакту, с которой Максиму предстоит еще встретиться, а когда это случится — неизвестно. Тогда получалось, что Бегемот — личность довольно примитивная, вроде мальчишки, которого в «Войне и мире» интересуют только батальные сцены. Это обижало: Максим представлял Землю и — честное слово! — имел основания рассчитывать на более серьезного партнера по контакту.

Правда, можно было предположить, что этот мир расположен на перекрестке неведомых межзвездных трасс и пришельцы здесь не редкость. До такой степени не редкость, что ради каждого вновь прибывшего здесь уже не создают специальных авторитетных комиссий, а просто выкачивают из него наиболее эффектную информацию и этим ограничиваются. За такое предположение говорила оперативность, с которой люди со светлыми пуговицами, явно не специалисты, разобрались в ситуации и без всяких ахов и охов направили пришельца прямо по назначению. А может быть, какие-нибудь негуманоиды, побывавшие здесь раньше, оставили по себе настолько дурное воспоминание, что теперь аборигены относятся ко всему инопланетному с определенным и оправданным недоверием, и тогда вся возня, которую разводит вокруг ментоскопа профессор Бегемот, есть только видимость контакта, оттяжка времени, пока некие высокие инстанции решают его судьбу.

«Так или иначе, а дело мое дрянь, — решил Максим, давясь последним куском. — Надо скорее учить язык, и тогда все выяснится...»

— Хорошо, — сказала Рыба, забирая у него тарелку. — Пойдемте.

Максим вздохнул и поднялся. Они вышли в коридор. Коридор был длинный, грязно-голубой, справа и слева тянулись ряды закрытых дверей, точно таких же, как дверь в комнату Максима. Максим никогда здесь никого не встречал, но два раза слышал из-за дверей какие-то странные, возбужденные голоса. Возможно, там тоже содержались пришельцы, ожидающие решения своей судьбы.

Рыба шла впереди широким мужским шагом, прямая как палка, и Максиму вдруг стало очень жалко ее. Эта страна, видимо, еще не знала промышленности красоты, и бедная Рыба была предоставлена самой себе. С этими жидкими бесцветными волосами, торчащими из-под белой шапочки, с этими огромными, выпирающими под халатом лопатками, с безобразно тощими ножками совершенно невозможно было, наверное, чувствовать себя на высоте — разве что с инопланетными существами, да и то с негуманоидными. Ассистент профессора относился к ней пренебрежительно, а Бегемот и вовсе ее не замечал и обращался к ней не иначе как «Ы-ы-ы...», что, вероятно, соответствовало у него интеркосмическому «Э-э-э...». Максим вспомнил свое собственное, не бог весть какое к ней отношение и ощутил угрызения совести. Он догнал ее, погладил по костлявому плечу и сказал:

— Нолу молодец, хорошая.

Она подняла к нему сухое лицо и сделалась, как никогда, похожей на удивленного леща анфас. Она отвела его руку, сдвинула едва заметные брови и строго объявила:

— Максим нехороший. Мужчина. Женщина. Не надо.

Максим сконфузился и снова приотстал.

Так они дошли до конца коридора. Рыба толкнула дверь, и они очутились в большой светлой комнате, которую Максим называл про себя приемной. Окна здесь были безвкусно декорированы прямоугольной решеткой из толстых железных прутьев; высокая, обитая кожей дверь вела в лабораторию Бегемота, а у двери этой всегда почему-то сидели два очень рослых, малоподвижных аборигена, не отвечающих на приветствия и находящихся как будто в постоянном трансе.

Рыба, как всегда, сразу прошла в лабораторию, оставив Максима в приемной. Максим, как всегда, поздоровался; ему, как всегда, не ответили. Дверь в лабораторию осталась приоткрытой; оттуда доносился громкий, раздраженный голос Бегемота и звонкое шелканье включенного ментоскопа. Максим подошел к окну, некоторое время смотрел на туманный мокрый пейзаж, на лесистую равнину, рассеченную лентой автострады, на высокую металлическую башню, едва видимую в тумане, быстро соскучился и, не дожидаясь зова, вошел в лабораторию.

Здесь, как обычно, приятно пахло озоном, мерцали дублирующие экраны, плешивый заморенный ассистент с незапоминаемым именем и с кличкой Торшер делал вид, что

настраивает аппаратуру, и с интересом прислушивался к скандалу. В лаборатории имел место скандал.

В кресле Бегемота, за столом Бегемота сидел незнакомый человек с квадратным шелушащимся лицом и красными отечными глазами. Бегемот стоял перед ним, расставив ноги, уперев руки в бока и слегка наклонившись. Он орал. Шея у него была сизая, лысина пламенела закатным пурпуром, изо рта далеко во все стороны летели брызги.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Максим тихонько прошел к своему рабочему месту и негромко поздоровался с ассистентом. Торшер, существо нервное, задерганное, в ужасе отскочил и поскользнулся на толстом кабеле. Максим едва успел подхватить его за плечи, и несчастный Торшер обмяк, закатив глаза. Ни кровинки не осталось в его лице. Станный это был человек: он до судорог боялся Максима. Откуда-то неслышно возникла Рыба с откупоренным флакончиком, который тут же был поднесен к носу Торшера. Торшер икнул и ожил. Прежде чем он снова ускользнул в небытие, Максим прислонил его к железному шкафу и поспешно отошел.

Усевшись в стендовое кресло, он обнаружил, что шелушащийся незнакомец перестал слушать Бегемота и внимательно разглядывает его, Максима. Максим приветливо улыбнулся. Незнакомец слегка наклонил голову. Тут Бегемот с ужасным треском ахнул кулаком по столу и схватился за телефонный аппарат. Воспользовавшись образовавшейся паузой, незнакомец произнес несколько слов, из которых Максим разобрал только «надо» и «не надо», взял со стола листок плотной голубоватой бумаги с ярко-зеленой каймой и помахал им в воздухе перед лицом Бегемота. Бегемот досадливо отмахнулся и тотчас же принялся лаять в телефон. «Надо», «не надо» и непонятное «массаракш» сыпались из него как из рога изобилия, и еще Максим уловил слово «окно». Все кончилось тем, что Бегемот в раздражении швырнул наушник, еще несколько раз рывкнул на незнакомца, заплевав его с головы до ног, и выкатился, хлопнув дверь.

Тогда незнакомец вытер лицо носовым платком, поднялся с кресла, открыл длинную плоскую коробку, лежавшую на подоконнике, и извлек из нее какую-то темную одежду.

— Идите сюда, — сказал он Максиму. — Одевайтесь.

Максим оглянулся на Рыбу.

— Идите, — сказала Рыба. — Одевайтесь. Надо.

Максим понял, что в его судьбе наступает наконец долгожданный поворот, что где-то кто-то что-то решил. Забыв о наставлениях Рыбы, он тут же сбросил уродливый балахон и с помощью незнакомца облачился в новое одеяние. Одеяние это, на взгляд Максима, не отличалось ни красотой, ни удобством, но оно было точно такое же, как на незнакомце. Можно было предположить даже, что незнакомец пожертвовал свое собственное запасное одеяние, ибо рукава куртки были коротки, а штаны висели сзади мешком и сваливались. Впрочем, всем остальным присутствующим вид Максима в новой одежде пришелся по душе. Незнакомец ворчал что-то одобрительное; Рыба, смягчив черты лица, насколько это возможно для леща, оглаживала Максиму плечи и одергивала на нем куртку, и даже Торшер бледно улыбался, укрывшись за пультом.

— Идемте, — сказал незнакомец и направился к двери, в которую выкатился разъяренный Бегемот.

— До свидания, — сказал Максим Рыбе. — Спасибо, — добавил он на линкесе.

— До свидания, — ответила Рыба. — Максим хороший. Здоровый. Надо.

Кажется, она была растрогана. А может быть, озабочена тем, что костюм неважно сидит. Максим махнул рукой бледному Торшеру и поспешил вслед за незнакомцем.

Они прошли через несколько комнат, заставленных неуклюжей, архаичной аппаратурой, спустились в гремящем и лязгающем лифте на первый этаж и оказались в обширном низком вестибюле, куда несколько дней назад Гай привел Максима. И как несколько дней назад, снова пришлось ждать, пока пишутся какие-то бумаги, пока смешной человек в нелепом головном уборе царапает что-то на розовых картонках, а красноглазый незнакомец царапает что-то на зеленых, а девица с оптическими

усилителями на глазах делает на этих картонках фигурные вырезы, а потом все меняются картонками, причем запутываются, и кричат друг на друга, и хватаются за телефонный аппарат, и наконец человек в нелепом головном уборе забирает себе две зеленые и одну розовую картонку, причем розовую картонку он рвет пополам и половину отдает девице, делающей вырезы, а шелушащийся незнакомец получает две розовые картонки, синюю толстую картонку и еще круглый металлический жетон с выбитой на нем надписью и все это минуту спустя отдает рослому человеку со светлыми пуговицами, стоящему у выходной двери, в двадцати шагах от человека в нелепом головном уборе, и когда они уже выходят на улицу, рослый вдруг принимается сипло кричать, и красноглазый незнакомец снова возвращается, и выясняется, что он забыл забрать себе синий картонный квадратик, и он забирает себе синий картонный квадратик и с глубоким вздохом запикивает куда-то за пазуху. Только после этого уже успевший промокнуть Максим получает возможность сесть в нерационально длинный автомобиль по правую сторону от красноглазого, который раздражен, пыхтит и часто повторяет любимое заклинание Бегемота: «Массаракш».

Машина заворчала, мягко тронулась с места, выбралась из неподвижного стада других машин, пустых и мокрых, прокатилась по большой асфальтированной площадке перед зданием, обогнула огромную клумбу с вялыми цветами, мимо высокой желтой стены, выкатилась к повороту на шоссе и резко затормозила.

— Массаракш, — снова прошипел красноглазый и выключил двигатель.

По шоссе тянулась длинная колонна одинаковых пятнистых грузовиков с кузовами из криво склепанного, гнutoго железа. Над железными бортами торчали ряды неподвижных округлых предметов, влажно отсвечивающих металлом. Грузовики двигались неторопливо, сохраняя правильные интервалы, мерно kloкоча моторами и распространяя ужасное зловоние органического перегара.

Максим оглядел дверцу со своей стороны, сообразил, что к чему, и поднял стекло. Красноглазый, не глядя на него, произнес длинную фразу, оказавшуюся совершенно непонятной.

— Не понимаю, — сказал Максим.

Красноглазый повернул к нему удивленное лицо и, судя по интонации, спросил что-то. Максим покачал головой.

— Не понимаю, — повторил он.

Красноглазый как будто удивился еще больше, полез в карман, вытащил плоскую коробочку, набитую длинными белыми палочками, одну палочку сунул себе в рот, а остальные предложил Максиму. Максим из вежливости принял коробочку и стал ее рассматривать. Коробочка была картонная, от нее остро пахло какими-то сухими растениями. Максим взял одну из палочек, откусил кусочек и пожевал. Затем он поспешно опустил стекло, высунулся и сплюнул. Это была не еда.

— Не надо, — сказал он, возвращая коробочку красноглазому. — Невкусно.

Красноглазый, полуоткрыв рот, смотрел на него. Белая палочка, прилипнув, висела у него на губе. Максим в соответствии с местными правилами прикоснулся пальцем к кончику своего носа и представился:

— Максим.

Красноглазый пробормотал что-то, в руке у него вдруг явился огонек, он погрузил в него конец белой палочки, и сейчас же автомобиль наполнился тошнотворным дымом.

— Массаракш! — вскричал Максим с негодованием и распахнул дверцу. — Не надо!

Он понял, что это за палочки; когда они ехали с Гаем, почти все мужчины отравляли воздух точно таким же дымом, но для этого они пользовались не белыми палочками, а короткими и длинными деревянными предметами, похожими на детские свистульки древних времен. Они вдыхали какой-то наркотик — обычай, несомненно, вреднейший, — и тогда Максим утешался только тем, что симпатичный Гай был, по-видимому, тоже категорически против этого обычая.

Незнакомец поспешно выбросил наркотическую палочку за окно и почему-то помахал ладонью перед своим лицом. Максим на всякий случай тоже помахал ладонью, а затем снова представился. Оказалось, что красноглазого зовут Фанк, на чем разговор и прекратился. Минут пять они сидели, благожелательно переглядываясь, и, по очереди указывая друг другу на бесконечную колонну грузовиков, повторяли: «Массаракш». Потом бесконечная колонна кончилась, и Фанк выбрался на шоссе.

Вероятно, он очень спешил. Во всяком случае, он немедленно сделал так, что двигатель заревел бархатным ревом, затем включил какое-то гнусно воющее устройство и, не соблюдая, на взгляд Максима, никаких правил безопасности, погнался по автостраде в обгон колонны, едва успевая увертываться от машин, мчавшихся навстречу.

Они обогнали колонну грузовиков; обошли, чуть не вылетев на обочину, широкий красный экипаж с одиноким, очень мокрым водителем; проскочили мимо деревянной повозки на огромных, в человеческий рост, вихляющихся колесах, влекомой бесхвостым ископаемым животным; воем загнали в канаву группу пешеходов в брезентовых плащах; влетели под сень мокрых, раскидистых деревьев, ровными рядами высаженных по обе стороны дороги, — Фанк все увеличивал скорость, встречный поток воздуха ревел в обтекателях, напуганные воем экипажи впереди прижимались к обочинам, уступая дорогу. Машина казалась Максиму не приспособленной для таких скоростей, слишком неустойчивой, и ему было немного неприятно.

Вскоре дорогу обступили дома, автомобиль ворвался в город, и Фанк был вынужден резко понизить скорость.

Улицы были несоразмерно узки и буквально забиты экипажами. Автомобиль Фанка еле плелся, стиснутый со всех сторон самыми разнообразными механизмами. Впереди, заслоняя полнеба, громоздилась задняя стенка фургона, покрытая аляповатыми разноцветными надписями и грубыми изображениями людей и животных. Слева, не обгоняя и не отставая, ползли два одинаковых автомобиля, набитых жестикулирующими мужчинами и женщинами. Красивыми женщинами, яркими, не то что Рыба. Еще левее, железно погромыхивая единственным колесом, брела некая разновидность гиromата, поминутно сыплющая синими и зелеными искрами, дочерна заполненная пассажирами. Справа был тротуар — неподвижная полоса асфальта, запрещенная для транспорта. По тротуару густым потоком шли люди в странной одежде фиолетовых и черных тонов, сталкивались, обгоняли друг друга, увертывались друг от друга, протискивались плечом вперед, то и дело забегали в раскрытые, ярко освещенные двери и смешивались с толпами, кишащими за огромными, запотевшими витринами, а иногда вдруг собирались большими группами, создавая пробки и водовороты, вытягивая шеи, заглядывая куда-то. Здесь было очень много худых и бледных лиц, очень похожих на лицо Рыбы; почти все люди были некрасивы, излишне, не по-здоровому сухопары, излишне бледны, неловки, угловаты. Но они производили впечатление людей довольных: они часто и охотно смеялись, они вели себя непринужденно, глаза их блестели, повсюду раздавались громкие, оживленные голоса. Пожалуй, это скорее все-таки достаточно организованный мир, думал Максим. Дома выглядят довольно жизнерадостно — почти во всех окнах свет по случаю сумеречного дня, а значит, недостатка в электроэнергии у них во всяком случае нет. Очень весело перемигиваются разноцветные огни над крышами, улицы чисто вымыты, почти все люди одеты аккуратно, а что до осунувшихся лиц, что ж, мир бедный, не совсем здоровый... и тем не менее достаточно благополучный на вид.

И вдруг на улице что-то переменялось. Раздались возбужденные крики. Какой-то человек полез на стеклянный киоск и, повиснув на нем, стал энергично кричать, размахивая свободной рукой. На тротуаре запели. Люди останавливались, срывали головные уборы, выкатывали глаза и пели, кричали до хрипа, поднимая узкие лица к огромным разноцветным надписям, вспыхнувшим поперек улицы.

— Массаракш... — прошипел Фанк, и машина вильнула.

Максим посмотрел на него. Фанк был смертельно бледен, лицо его исказилось. Мотая головой, он с трудом оторвал руку от руля и уставился на часы.

— Массаракш... — простонал он и сказал еще несколько слов, из которых Максим узнал только «не понимаю».

Потом он оглянулся через плечо, и лицо его исказилось еще сильнее. Максим тоже оглянулся, но позади не было ничего особенного. Там двигался закрытый ярко-желтый автомобиль, квадратный, как коробка.

На улице кричали совершенно уже нестерпимо, но Максиму было не до того. Фанк явно терял сознание, а машина продолжала двигаться, а фургон впереди затормозил, вспыхнули его яркие сигнальные огни, и вдруг размалеванная стенка надвинулась, раздался отвратительный скрежет, глухой удар, и дыбом встал исковерканный капот.

— Фанк! — крикнул Максим. — Фанк! Не надо!

Фанк лежал, уронив руку и голову на овальный руль, и громко, часто стонал. Вокруг визжали тормоза, движение останавливалось, выли сигналы. Максим потряс Фанка за плечо, бросил, распахнул дверцу и, высунувшись, закричал:

— Сюда! Ему плохо!

У автомобиля уже собралась поющая, орущая, галдящая толпа, энергично взмахивали руки, сотрясались над головами вздетые кулаки, десятки пар налитых, выкаченных глаз бешено вращались в орбитах. Максим совершенно ничего не понимал: то ли эти люди были возмущены аварией, то ли они чему-то без памяти радовались, то ли кому-то грозили. Кричать было бесполезно — не слышно было самого себя, и Максим снова вернулся к Фанку. Теперь тот лежал, откинувшись на спину, запрокинув лицо, и изо всех сил мял ладонями виски, щеки, череп, на губах его пузырилась слюна. Максим понял, что его мучает нестерпимая боль, и крепко взял его за локти, торопливо напрягаясь, готовясь перелить боль в себя. Он не был уверен, что это получится с существом другой планеты; он искал и не мог найти нервный контакт, а тут еще вдобавок Фанк, оторвав руки от висков, стал изо всех своих невеликих сил толкать Максима в грудь, что-то отчаянно бормоча плачущим голосом. Максим понимал только: «Идите, идите...» Было ясно, что Фанк не в себе.

Тут дверца рядом с Фанком распахнулась, в машину просунулись два разгоряченных лица под черными беретами, сверкнули ряды металлических пуговиц, и сейчас же множество твердых, крепких рук взяли Максима за плечи, за бока, за шею, оторвали от Фанка и вытащили из машины. Он не сопротивлялся — в этих руках не было угрозы или злого намерения, скорее наоборот. Отодвинутый в галдящую толпу, он видел, как двое в беретах повели согнутого, скрюченного Фанка к желтой квадратной машине, а еще трое в беретах отгесняли от него людей, размахивающих руками. Потом толпа с ревом сомкнулась вокруг покалеченной машины, машина неуклюже зашевелилась, приподнялась, повернулась боком, мелькнули в воздухе медленно крутящиеся резиновые колеса, и вот она уже лежит крышей вниз, а толпа лезет на нее, и все кричат, поют, и все охвачены каким-то яростным, бешеным весельем.

Максима отгеснили к стене дома, прижали к мокрой стеклянной витрине, и, вытянув шею, он увидел поверх голов, как желтый квадратный автомобиль, издавая медный клеткот, задвигался, засверкал множеством ярких огней, протиснулся через толпу людей и машин и исчез из виду.

Глава четвертая

Поздно вечером Максим понял, что сыт по горло этим городом, что ему больше ничего не хочется видеть, а хочется чего-нибудь съесть. Он провел на ногах весь день, увидел необычайно много, почти ничего не понял, узнал простым подслушиванием несколько новых слов и отождествил несколько местных букв на вывесках и афишах. Несчастный случай с Фанком смутил и удивил его, но, в общем, он был даже доволен, что снова предоставлен самому себе. Он любил самостоятельность, и ему очень не хватало

самостоятельности все это время, пока он сидел в Бегемотовом пятиэтажном термитнике с плохой вентиляцией. Поразмыслив, он решил временно потеряться. Вежливость вежливостью, а информация информацией. Процедура контакта, конечно, дело священное, но лучшего случая получить независимую информацию, наверное, не найдется...

Город поразил его воображение. Он жался к земле, все движение здесь шло либо по земле, либо под землю; гигантские пространства между домами и над домами пустовали, отданные дыму, дождю и туману. Город был серый, дымный, бесцветный, какой-то везде одинаковый — не зданиями своими, среди которых попадались довольно красивые, не однообразным кишением толп на улицах, не бесконечной своей сыростью, не удивительной безжизненностью сплошного камня и асфальта, — одинаковый в чем-то самом общем, самом главном. Он был похож на гигантский часовой механизм, в котором нет повторяющихся деталей, но все движется, вращается, сцепляется и расцепляется в едином вечном ритме, изменение которого означает только одно: неисправность, поломку, остановку. Станный, ни на что не похожий, невиданный мир! Вероятно, он был достаточно сложен и управлялся многими законами, но один — и главный — закон Максим уже открыл для себя: делай то же, что делают все, и так же, как делают все. Впервые в жизни ему хотелось быть как все. И Максим делал как все. Вместе с толпой он вваливался в гулкие общественные склады под грязными стеклянными крышами, вместе со всеми покидал эти склады, вместе со всеми спускался под землю, втискивался в переполненные электрические поезда, мчался куда-то в невообразимом грохоте и лязге, подхваченный потоком, снова выходил на поверхность, на какие-то улицы, совершенно такие же, как старые...

Потом наступил вечер, зажглись несильные фонари, подвешенные высоко над землей и почти ничего не освещающие, на больших улицах стало совсем уже тесно, и, отступая перед этой теснотой, Максим оказался в каком-то полупустом и полутемном переулке. Здесь он понял, что на сегодня с него довольно, и остановился.

Он увидел три светящихся золотистых шара, мигающую синюю надпись, свитую из стеклянных газосветных трубок, и дверь, ведущую в полуподвальное помещение. Он уже знал, что тремя золотистыми шарами обозначаются, как правило, места, где кормят. Он спустился по щербатым ступенькам и увидел залцу с низким потолком, десяток пустых столиков, пол, толсто посыпанный довольно чистыми опилками, стеклянный буфет, уставленный подсвеченными бутылками с радужными жидкостями. В этом кафе почти никого не было. За никелированным барьером возле буфета медлительно двигалась рыхлая пожилая женщина в белой куртке с засученными рукавами; поодаль, за круглым столиком, сидел в небрежной позе малорослый, но крепкий человек с бледным квадратным лицом и толстыми черными усами.

Максим вошел, выбрал себе столик в нише подальше от буфета и уселся. Рыхлая женщина за барьером поглядела в его сторону и что-то хрипло громко сказала. Усатый человек тоже взглянул на него пустыми глазами, отвернулся, взял стоявший перед ним длинный стакан с прозрачной жидкостью, пригубил и поставил на место. Где-то хлопнула дверь, и в зале появилась молоденькая и милая девушка в белом кружевном переднике, нашла Максима глазами, подошла, оперлась пальцами о столик и стала смотреть поверх его головы. У нее была чистая нежная кожа, легкий пушок на верхней губе и красивые серые глаза. Максим галантно прикоснулся пальцем к кончику своего носа и произнес:

— Максим.

Девушка с изумлением посмотрела на него, словно только теперь увидела. Она была так мила, что Максим невольно улыбнулся до ушей, и тогда она тоже улыбнулась, показала себе на нос и сказала:

— Рада.

— Хорошо, — сказал Максим. — Ужин.

Она кивнула и что-то спросила. Максим на всякий случай тоже кивнул. Он, улыбаясь, посмотрел ей вслед — она была тоненькая, легкая, и приятно было вспомнить, что в этом мире тоже есть красивые люди.

Рыхлая женщина у буфета произнесла длинную ворчливую фразу и скрылась за своим барьером. Тут Максим обнаружил, что усатый смотрит на него. Неприятно смотрит, недружелюбно. И если приглядеться, то и сам он какой-то неприятный. Трудно сказать, в чем здесь дело, но он ассоциируется почему-то не то с волком, не то с обезьяной. Ну и пусть. Не будем о нем...

Рада снова появилась и поставила перед Максимом тарелку с дымящейся кашей из мяса и овощей и толстую стеклянную кружку с пенной жидкостью.

— Хорошо, — сказал Максим и приглашающе похлопал по стулу рядом с собой.

Ему очень захотелось, чтобы Рада посидела тут же, пока он будет есть, рассказала бы ему что-нибудь, а он бы послушал ее голос, и чтобы она почувствовала, как она ему нравится и как ему хорошо рядом с нею.

Но Рада только улыбнулась и покачала головой. Она сказала что-то — Максим разобрал слово «сидеть» — и отошла к барьеру. «Жалко», — подумал Максим. Он взял двузубую вилку и принялся есть, пытаясь из тридцати известных ему слов составить фразу, выражающую дружелюбие, симпатию и потребность в общении.

Рада, прислонившись спиной к барьеру, стояла, скрестив руки на груди, и поглядывала на него. Каждый раз, когда глаза их встречались, они улыбались друг другу, и Максима несколько удивляло, что улыбка Рады с каждым разом становилась все бледнее и неуверенней. Он испытывал весьма разнородные чувства. Ему было приятно смотреть на Раду, хотя к этому ощущению примешивалось растущее беспокойство. Он испытывал удовольствие от еды, оказавшейся неожиданно вкусной и довольно питательной. Одновременно он чувствовал на себе косой давящий взгляд усатого человека и безошибочно улавливал истекающее из-за барьера неудовольствие рыхлой женщины... Он осторожно отпил из кружки — это было пиво, холодное, свежее, но, пожалуй, излишне крепкое. На любителя.

Усатый что-то сказал, и Рада подошла к его столику. У них начался какой-то приглушенный разговор, неприятный и неприязненный, но тут на Максима напала муха, и ему пришлось вступить в борьбу. Муха была мощная, синяя, наглая: она насакивала, казалось, со всех сторон сразу, она гудела и завывала, словно объясняясь Максиму в любви, она не хотела улетать, она хотела быть здесь, с ним и с его тарелкой, ходить по ним, облизывать их, она была упорна и многословна. Кончилось все тем, что Максим сделал неверное движение, и она обрушилась в пиво. Максим брезгливо переставил кружку на другой столик и стал доедать рагу. Подошла Рада и уже без улыбки, глядя в сторону, спросила что-то.

— Да, — сказал Максим на всякий случай. — Рада хорошая.

Она глянула на него с откровенным испугом, отошла к барьеру и вернулась, неся на блюдечке маленькую рюмку с коричневой жидкостью.

— Вкусно, — сказал Максим, глядя на девушку ласково и озабоченно. — Что плохо? Рада, сядьте здесь говорить. Надо говорить. Не надо уходить.

Эта тщательно продуманная речь произвела на Раду неожиданно дурное впечатление. Максиму показалось даже, что она вот-вот заплачет. Во всяком случае, у нее задрожали губы, она прошептала что-то и убежала из зала. Рыхлая женщина за барьером произнесла несколько негодующих слов. «Что-то я не так делаю», — обеспокоенно подумал Максим. Он совершенно не мог себе представить — что. Он только понимал: ни усатый человек, ни рыхлая женщина не хотят, чтобы Рада с ним «сидеть» и «говорить». Но поскольку они явно не были представителями администрации и стражами законности и поскольку он, Максим, очевидно, не нарушал никаких законов, мнение этих рассерженных людей не следовало, вероятно, принимать во внимание.

Усатый человек произнес нечто сквозь зубы, негромко, но с совсем уж неприятной интонацией, залпом допил свой стакан, извлек из-под стола толстую черную полированную трость, поднялся и не спеша приблизился к Максиму. Он сел напротив, положил трость поперек стола и, не глядя на Максима, но обращаясь явно к нему, принялся цедить медленные, тяжелые слова, часто повторяя «массаракш», и речь его казалась Максиму такой же черной и отполированной от частого употребления, как его уродливая трость, и в речи этой была черная угроза, и вызов, и неприязнь, и все это как-то странно замыкалось равнодушием интонации, равнодушием на лице и пустотой бесцветных, остекленелых глаз.

— Не понимаю, — сказал Максим сердито.

Тогда усатый медленно повернул к нему белое лицо, поглядел как бы насквозь, медленно, отдельно задал какой-то вопрос и вдруг ловко выхватил из трости длинный блестящий нож с узким лезвием. Максим даже растерялся. Не зная, что сказать и как реагировать, он взял со стола вилку и повертел ее в пальцах. Это произвело на усатого неожиданное действие. Он мягко, не вставая, отскочил, повалив стул, нелепо присел, выставив перед собою свой нож, усы его приподнялись, и обнажились желтые длинные зубы. Рыхлая женщина за барьером оглушительно завизжала. Максим от неожиданности подскочил. Усатый вдруг оказался совсем рядом, но в ту же секунду откуда-то появилась Рада и встала между ним и Максимом и принялась громко и звонко кричать — сначала на усатого, а потом, повернувшись, на Максима. Максим совсем уже ничего не понимал, а усатый неприятно заулыбался, взял свою трость, спрятал в нее нож и спокойно пошел к выходу. В дверях он обернулся, бросил несколько негромких слов и скрылся.

Рада, бледная, с дрожащими губами, подняла поваленный стул, вытерла салфеткой пролитую на стол коричневую жидкость, забрала грязную посуду, унесла, вернулась и что-то сказала Максиму. Максим ответил «да», но это не помогло. Рада повторила то же самое, и голос у нее был раздраженный, хотя Максим чувствовал, что она не столько рассержена, сколько испугана. «Нет», — сказал Максим, и сейчас же женщина за барьером ужасно заорала, затрясла щеками, и тогда Максим наконец признался: «Не понимаю».

Женщина выскочила из-за барьера, ни на секунду не переставая кричать, подлетела к Максиму, встала перед ним, уперев руки в бока, и все вопила, а потом схватила его за одежду и принялась грубо шарить по карманам. Ошеломленный Максим не сопротивлялся. Он только твердил: «Не надо» — и жалобно взглядывал на Раду. Рыхлая женщина толкнула его в грудь и, словно приняв какое-то страшное решение, помчалась обратно к себе за барьер и там схватила телефонный наушник.

— Фанк! — произнес Максим проникновенно. — Фанк плохо! Идти. Плохо.

Потом все как-то неожиданно разрядилось. Рада сказала что-то рыхлой женщине, та бросила наушник, поклокотала еще немного и успокоилась. Рада посадила Максима на прежнее место, поставила перед ним новую кружку с пивом и, к его неописуемому удовольствию и облегчению, села рядом. Некоторое время все шло очень хорошо. Рада задавала вопросы, Максим, сияя от удовольствия, отвечал на них: «Не понимаю», рыхлая женщина бурчала в отдалении. Максим, напрягшись, построил еще одну фразу и объявил, что «дождь ходит массаракш плохо туман», Рада залилась смехом. А потом пришла еще одна молоденькая и довольно симпатичная девушка, поздоровалась со всеми, они с Радой вышли, и через некоторое время Рада появилась уже без фартука, в блестящем красном плаще с капюшоном и с большой клетчатой сумкой в руке.

— Идем, — сказала она, и Максим вскочил.

Однако так сразу уйти не удалось. Рыхлая женщина опять подняла крик. Опять ей что-то не нравилось, опять она чего-то требовала. На этот раз она размахивала пером и листком бумаги. Некоторое время Рада спорила с нею, но подошла вторая девушка и встала на сторону женщины. Речь шла о чем-то очевидном, и Рада в конце концов уступила. Тогда они все втроем пристали к Максиму. Сначала они по очереди и хором

задавали один и тот же вопрос, которого Максим, естественно, не понимал. Он только разводил руки. Затем Рада приказала всем замолчать, легонько похлопала Максима по груди и спросила:

— Мак Сим?

— Максим, — поправил он.

— Мак? Сим?

— Максим. Мак — не надо. Сим — не надо. Максим.

Тогда Рада приставила палец к своему носику и произнесла:

— Рада Гаал. Максим...

Максим понял наконец, что им зачем-то понадобилась его фамилия, — это было странно, но гораздо больше его удивило другое.

— Гаал? — произнес он. — Гай Гаал?

Воцарилась тишина. Все были поражены.

— Гай Гаал, — повторил Максим обрадованно. — Гай хороший мужчина.

Поднялся шум. Все женщины говорили разом. Рада теребила Максима и что-то спрашивала. Очевидно было, что ее страшно интересует, откуда Максим знает Гая. Гай, Гай, Гай — мелькало в потоке непонятных слов. Вопрос о фамилии Максима был забыт.

— Массаракш! — сказала наконец рыхлая женщина и захохотала, и девушки тоже засмеялись, и Рада вручила Максиму свою клетчатую сумку, взяла его под руку, и они вышли под дождь.

Они прошли до конца эту плохо освещенную улочку и свернули в еще менее освещенный переулочек с деревянными покосившимися домами по сторонам грязной мостовой, неровно мощенной булыжником; потом свернули еще раз и еще раз; кривые улочки были пусты, ни один человек не встретился им на пути.

Сначала Рада оживленно болтала, часто повторяя имя Гая, а Максим то и дело подтверждал, что Гай хороший, но добавлял по-немецки, что нельзя бить людей по лицу, что это странно и что он, Максим, этого не понимает. Однако по мере того как улицы становились все уже, темнее и слякотнее, речь Рады все чаще прерывалась. Иногда она останавливалась и вглядывалась в темноту, и Максим думал, что она выбирает дорогу посуше, но она искала в темноте что-то другое, потому что луж она не видела, и Максиму приходилось каждый раз легонько оттягивать ее на сухие места; а там, где сухих мест не было, он брал ее под мышку и переносил — ей это нравилось, каждый раз она замирала от удовольствия, но тут же забывала об этом, потому что она боялась.

Чем дальше они уходили от кафе, тем больше она боялась. Сначала Максим пытался найти с нею нервный контакт, чтобы передать ей немного бодрости и уверенности, но, как и с Фанком, это не получалось. И когда они вышли из тупика и оказались на совсем уже грязной, немощеной дороге, справа от которой тянулся бесконечный мокрый забор с ржавой колючей проволокой наверху, а слева — непроглядно черный, зловонный пустырь без единого огонька, Рада совсем увяла — она чуть не плакала, и Максим, чтобы хоть немножко поднять настроение, принялся во все горло петь подряд самые веселые из известных ему песен; и это помогло, но ненадолго, лишь до конца забора. А потом снова потянулись дома, длинные, желтые, двухэтажные, с темными окнами; из них пахло остывающим металлом, органической смазкой, еще чем-то душным и чадным, редко и мутно горели фонари, а вдали, под какой-то глухой аркой, стояли нахохлившиеся мокрые люди, и Рада остановилась.

Она вцепилась в его руку и заговорила прерывистым шепотом: она была полна страха за себя и еще больше за него. Шепча, она потянула его назад, и он повиновался, думая, что ей от этого станет лучше, но потом понял, что это просто безрассудный акт отчаяния, и уперся.

— Пойдемте, — сказал он ей ласково. — Пойдемте, Рада. Плохо нет. Хорошо.

Она послушалась, как ребенок. Он повел ее, хотя и не знал дороги, и вдруг понял, что она боится этих мокрых фигур, и очень удивился, потому что в них не было ничего

страшного и опасного — так себе, обыкновенные, скрючившиеся под дождем аборигены, стоят и трясутся от сырости. Сначала их было двое, потом откуда-то появились третий и четвертый с огоньками наркотических палочек.

Максим шел по пустой улице между желтыми домами прямо на эти фигуры, а Рада все теснее прижималась к нему, и он обнял ее за плечи. Ему вдруг пришло в голову, что он ошибается, что Рада дрожит не от страха, а просто от холода. В мокрых людях не было совершенно ничего опасного; он прошел мимо них, мимо этих сутулых, длиннолицых, озябших, засунувших руки глубоко в карманы, притопывающих, чтобы согреться, жалких, отравленных наркотиком, и они как будто даже не заметили его с Радой, даже не подняли глаз, хотя он прошел так близко, что слышал их нездоровое, неровное дыхание. Он думал, что Рада хоть теперь успокоится, — они были уже под аркой, — и вдруг впереди, как из-под земли, будто отделившись от желтых стен, появились и встали поперек дороги еще четверо, таких же мокрых и жалких, но один из них был с длинной толстой тростью, и Максим узнал его.

Под облупленным куполом нелепой арки болталась на сквозняке голая лампочка, стены были покрыты плесенью и трещинами, под ногами был растрескавшийся грязный цемент с грязными следами многих ног и автомобильных шин. Позади гулко затопали. Максим оглянулся — те четверо догоняли, прерывисто и неровно дыша, не вынимая рук из карманов, выплевывая на бегу свои отвратительные наркотические палочки... Рада сдавленно вскрикнула, отпустила его руку, и вдруг стало тесно. Максим оказался прижатым к стене, вокруг вплотную к нему стояли люди; они не касались его, они держали руки в карманах, они даже не смотрели на него, просто стояли и не давали ему двинуться, и через их головы он увидел, что двое держат Раду за руки, а усатый подошел к ней, неторопливо переложил трость в левую руку и правой рукой так же неторопливо и лениво ударил ее по щеке...

Это было настолько дико и невозможно, что Максим потерял ощущение реальности. Что-то сдвинулось у него в сознании. Люди исчезли. Здесь было только два человека — он и Рада, а остальные исчезли. Вместо них неуклюже и страшно топтались по грязи жуткие и опасные животные. Не стало города, не стало арки и лампочки над головой — был край непроходимых гор, страна Оз-на-Пандоре, была пещера, гнусная западня, устроенная голыми пятнистыми обезьянами, и в пещеру равнодушно глядела размытая желтая луна, и надо было драться, чтобы выжить. И он стал драться, как дрался тогда на Пандоре.

Время послушно затормозилось, секунды стали длинными-длинными, в течение каждой можно было сделать очень много разных движений, нанести много ударов и видеть всех сразу. Они были неповоротливы, эти обезьяны, они привыкли иметь дело с другой дичью, наверное, они просто не успели сообразить, что ошиблись в выборе, что лучше всего им было бы бежать, но они тоже пытались драться... Максим хватал очередного зверя за нижнюю челюсть, рывком вздергивал податливую голову и бил ребром ладони по бледной пульсирующей шее, и сразу же поворачивался к следующему, хватал, вздергивал, рубил и снова хватал, вздергивал, рубил — в облаке зловонного, хищного дыхания, в гулкой тишине пещеры, в желтой, слезящейся полутьме, — и грязные кривые когти рванули его за шею и соскользнули, желтые клыки глубоко впились в плечо и тоже соскользнули... Рядом уже никого не было, а к выходу из пещеры торопился вожак с дубиной, потому что он, как и все вожаки, обладал самой быстрой реакцией и первым понял, что происходит. И Максим мельком пожалел его, как медленна его быстрая реакция — секунды тянулись все медленнее, и быстроногий вожак едва перебирал ногами, — и Максим, проскользнув между секундами, поравнялся с ним и зарубил его на бегу и сразу остановился... Время вновь обрело нормальное течение, пещера стала аркой, луна — лампочкой, а страна Оз-на-Пандоре снова превратилась в непонятный город на непонятной планете, более непонятной, чем Пандора...

Максим стоял, отдыхая, опутив зудящие руки. У ног его трудно копошился усатый вожак. Кровь текла из пораненного плеча Максима. И тут Рада взяла его руку и, всхлипнув, провела его ладонью по своему мокрому лицу. Он огляделся. На грязном цементном полу мешками лежали тела. Он машинально сосчитал их — шестеро, включая жоака, — и подумал, что двое успели убежать. Ему было невыразимо приятно прикосновение Рады, и он знал, что поступил так, как должен был поступить, и сделал то, что должен был сделать, — ни каплей больше, ни каплей меньше. Те, кто успел уйти, ушли, он не догонял их, хотя мог бы догнать — даже сейчас он слышал, как панически стучат их каблуки в конце тоннеля. А те, кто не успел уйти, — те лежат, и некоторые из них умрут, а некоторые уже мертвы, и он понимал теперь, что это все-таки люди, а не обезьяны и не панцирные волки, хотя дыхание их было зловонно, прикосновения — грязны, а намерения — хищны и отвратительны. И все-таки он испытывал какое-то сожаление и ощущал потерю, словно потерял некую чистоту, словно потерял неотъемлемый кусочек души прежнего Максима, и знал, что прежний Максим исчез навсегда, и от этого ему было немножко горько, и это будило в нем какую-то незнакомую гордость...

— Пойдем, Максим, — тихонько сказала Рада.

И он послушно пошел за нею.

— Короче говоря, вы его упустили.

— Я ничего не мог сделать... Вы сами знаете, как это бывает...

— Черт побери, Фанк! Вам и не надо было ничего делать. Вам достаточно было взять с собой шофера.

— Я знаю, что виноват. Но кто мог ожидать...

— Хватит об этом. Что вы предприняли?

— Как только меня выпустили, я позвонил Мегу. Мегу ничего не знает. Если он вернется, Мегу сейчас же сообщит мне... Далее: я взял под наблюдение все дома умалишенных... Он не может уйти далеко, ему просто не дадут, он слишком бросается в глаза...

— Дальше.

— Я поднял своих людей в полиции. Я приказал следить за всеми случаями нарушения порядка, вплоть до нарушения правил уличного движения. У него нет документов. Я распорядился сообщать мне обо всех задержанных без документов... У него нет ни одного шанса скрыться, даже если он захочет... По-моему, это дело двух-трех дней... Простое дело.

— «Простое»... Что могло быть проще: сесть в машину, съездить в телецентр и привезти сюда человека... Но вы даже с этим не справились.

— Виноват. Но такое стечение обстоятельств...

— Я сказал, хватит об обстоятельствах. Он действительно похож на сумасшедшего?

— Трудно сказать... Больше всего он, пожалуй, похож на дикаря. На хорошо отмытого и ухоженного горца. Но я легко представляю себе ситуацию, в которой он выглядит сумасшедшим... И потом, эта вечная идиотская улыбка, кретинический лепет вместо нормальной речи... И весь он какой-то дурак...

— Понятно. Я одобряю ваши меры... И вот что еще, Фанк... Свяжитесь с подпольем.

— Что?

— Если вы не найдете его в ближайшие дни, он непременно объявится в подполье.

— Не понимаю, что делать дикарю в подполье.

— В подполье много дикарей. И не задавайте глупых вопросов, а делайте, что я вам говорю. Если вы упустите его еще раз, я вас уволю.

— Второй раз я его не упущу.

— Рад за вас... Что еще?

— Любопытный слух о Волдыре.

— О Волдыре? Что именно?

— Простите, Странник... Если разрешите, я предпочел бы об этом шепотом, на ухо...

Часть вторая. Легионер

Глава пятая

Окончив инструктаж, господин ротмистр Чачу распорядился:

— Капрал Гаал, оставайтесь. Остальные свободны.

Когда остальные командиры секций вышли, гуськом, в затылок друг другу, господин ротмистр некоторое время разглядывал Гая, покачиваясь на стуле и насвистывая старинную солдатскую песню «Уймись, мамаша». Господин ротмистр Чачу был совсем не похож на господина ротмистра Тоота. Он был приземист, темнолиц, с большой лысиной, он был гораздо старше Тоота, в недавнем прошлом — участник восьми приморских инцидентов, обладатель Огненного Креста и трех значков «За ярость в огне»; рассказывали о его фантастическом поединке с белой субмариной, когда его машина получила прямое попадание и загорелась, а он продолжал стрелять, пока не потерял сознание от страшных ожогов; говорили, что на теле его нет живого места, сплошь чужая, пересаженная кожа, а на левой руке у него не хватало трех пальцев. Он был прям и груб, как настоящий вояка, и, не в пример сдержанному ротмистру Тооту, никогда не считал нужным скрывать свое настроение ни от подчиненных, ни от начальства. Если он был весел, вся бригада знала, что господин ротмистр Чачу нынче весел; но если уж он был не в духе и насвистывал «Уймись, мамаша»...

Глядя ему в глаза уставным взглядом, Гай испытывал отчаяние при мысли, что ему каким-то неизвестным пока образом привелось огорчить и рассердить этого замечательного человека. Он торопливо перебирал в памяти свои собственные проступки и проступки легионеров своей секции, но ничего не мог вспомнить такого, что уже не было отстранено небрежным движением беспалой руки и хриплым, ворчливым: «Ладно, на то и Легион. Плевать...»

Господин ротмистр перестал свистеть и покачиваться.

— Не люблю болтовни и писанины, капрал, — произнес он. — Либо ты рекомендуешь кандидата Сима, либо ты его не рекомендуешь. Что именно?

— Так точно, рекомендую, господин ротмистр, — поспешно сказал Гай. — Но...

— Без «но», капрал! Рекомендуешь или не рекомендуешь?

— Так точно, рекомендую.

— Тогда как я должен понимать эти две бумажки? — Господин ротмистр нетерпеливым движением извлек из нагрудного кармана сложенные бумаги и развернул их на столе, придерживая искалеченной рукой. — Читаю: «Рекомендую вышеозначенного Мака Сима, как преданного и способного...» Н-ну, это понятно... «...для утверждения в высоком звании кандидата в рядовые Боевого Легиона». А вот твоя вторая писулька, капрал: «...В связи с вышеизложенным считаю своим долгом обратить внимание командования на необходимость тщательной проверки означенного кандидата в рядовые Боевого Легиона М. Сима». Массаракш! Чего ж тебе, в конце концов, надо, капрал?

— Господин ротмистр! — взволнованно сказал Гай. — Но я действительно в трудном положении! Я знаю кандидата Сима как способного и преданного задачам Легиона гражданина. Я уверен, что он принесет много пользы. Но, полагая, что в Легионе место только кристально чистым...

— Да, да! — нетерпеливо сказал господин ротмистр. — Короче говоря, вот что, капрал. Одну из этих бумаг ты сейчас же заберешь и порвешь. Надо же соображать. Я не могу явиться к бригадиру с двумя бумажками. Либо да, либо нет. Мы в Легионе, а не на философском факультете, капрал! Две минуты на размышление.

Господин ротмистр извлек из стола толстую папку с делами и с отвращением бросил ее перед собой. Гай уныло посмотрел на часы. Было ужасно трудно сделать этот выбор. Бесчестно и недостойно легионера было скрыть от командования свое недостаточное знание рекомендуемого, даже если речь шла о Максиме. Но с другой стороны, бесчестно и недостойно легионера было уклониться от ответственности, взваливая решение на господина ротмистра, который видел Максима только два раза, да и то в ротном строю. Ну хорошо. Еще раз. За: горячо и близко к сердцу принял задачи Легиона; без сучка и задоринки прошел освидетельствование в Департаменте общественного здоровья; будучи направлен господином ротмистром Тоотом и господином штаб-врачом Зогу в какое-то секретное учреждение, по-видимому для проверки, проверку эту выдержал (правда, это показание самого Максима, документы он потерял, но как же иначе он мог оказаться не под надзором?); наконец, отважен, прирожденный боец — в одиночку расправился с бандой Крысолова, — симпатичен, прост в общении, добродушен, абсолютно бескорыстен. И вообще человек необычайных способностей. Против: совершенно неизвестно, кто он и откуда; о прошлом своем либо ничего не помнит, либо не желает сообщать... и у него нет никаких документов. Но так ли уж все это подозрительно? Правительство контролирует только границы и центральный район. Две трети территории страны до сих пор погрязают в анархии, там голод, эпидемия, народ оттуда бежит, и все без документов, а молодые даже не знают, что такое документы. И сколько среди них больных, потерявших память, даже вырождков... В конце концов, главное — что Максим не выродок...

— Ну, капрал? — произнес господин ротмистр.

— Так точно, господин ротмистр! — отчаянным голосом сказал Гай. — Разрешите...

Он взял свой рапорт с просьбой проверить Максима и медленно разорвал его.

— Пр-равильное решение! — гаркнул господин ротмистр. — Молодец, легионер! Бумаги, чернила, проверки... Все проверит бой! Вот когда мы сядем в наши машины и двинем в зону атомных ловушек, тогда мы сразу увидим, кто наш, а кто — нет.

— Так точно, — без особой уверенности сказал Гай. Он хорошо понимал старого вояку, но не менее хорошо он видел, что герой приморских инцидентов несколько заблуждается. Бой, конечно, боем, но и чистота чистотой. Впрочем, Максима это не касается. Максим-то как раз чист.

— Массаракш! — произнес господин ротмистр. — Департамент здоровья его пропустил, а остальное — дело наше. — Произнеся эту загадочную фразу, он сердито посмотрел на Гая и добавил: — Легионер другу доверяет полностью, а если не доверяет, значит это не друг, гнать его в шею. Ты меня удивил, капрал. Ну ладно, марш к своей секции. Времени осталось мало... На операции я сам присмотрю за этим кандидатом.

Гай щелкнул каблуками и вышел. За дверью он позволил себе улыбнуться. Все-таки старый вояка не удержался и принял ответственность на себя. Хорошее всегда хорошо. Теперь можно с чистой совестью считать Максима своим другом. Мака Сима. Настоящую его фамилию не произнести. То ли он ее придумал, пока был в бреду, то ли все-таки действительно он родом из этих горцев... Как бишь звали ихнего древнего царя?.. Заремчичакбешмусарайи... Гай вышел на плац и поискал глазами свою секцию. Неутомимый Панди гонял ребят через верхнее окно макета трехэтажного здания. Ребята взмокли, и это было плохо, потому что до операции оставался всего час.

— О-отста-вить! — крикнул Гай еще издали.

— От-ставить! — заорал Панди. — Становись!

Секция быстро построилась. Панди скомандовал:

— Смирно! — строевым шагом подошел к Гаю и доложил: — Господин капрал, секция занимается преодолением штурмового городка.

— Встаньте в строй, — приказал Гай, стараясь интонацией выразить неодобрение, как это превосходно умел делать капрал Серембеш. Он прошелся перед строем, заложив руки за спину, вглядываясь в знакомые лица.

Серые, голубые и синие глаза, выражающие готовность выполнить любой приказ и потому слегка выкаченные, следили за каждым его движением. Он ощутил, как они близки и дороги ему, эти двенадцать здоровенных парней — шестеро действительных рядовых Легиона на правом фланге и шестеро кандидатов в рядовые на левом, — все в ладных черных комбинезонах с начищенными пуговицами, все в блестящих сапогах с короткими голенищами, все в беретах, лихо сдвинутых на правую бровь... Нет, не все. Посередине строя, на правом фланге кандидатов, башней возвышался кандидат Мак Сим, очень ладный парень, любимец, как это ни прискорбно для командира иметь любимцев, но... гм... То, что у него не выкачены его странные коричневые глаза, ладно, научится со временем. Но вот... гм...

Гай подошел к Максиму и застегнул ему верхнюю пуговицу. Затем встал на цыпочки и поправил берет. Кажется, все... Опять он в строю растянул рот до ушей... Ну ладно. Отвыкнет. Кандидат все-таки, самый младший в секции...

Чтобы сохранить видимость справедливости, Гай поправил пряжку у соседа Максима, хотя надобности в этом не было. Потом он сделал три шага назад и скомандовал «вольно». Секция встала «вольно» — слегка отставила правую ногу и заложила руки за спину.

— Ребята, — сказал Гай, — сегодня мы в составе роты выступаем на регулярную операцию по обезвреживанию агентуры потенциального противника. Операция проводится по схеме тридцать три. Господа действительные рядовые, несомненно, помнят свои обязанности по этой схеме, господам же кандидатам, забывающим застегивать пуговицы, я считаю полезным напомнить. Секция получает один подъезд. Секция делится на четыре группы: три тройки и наружный резерв. Тройки в составе двух действительных рядовых и одного кандидата, не поднимая шума, последовательно обходят квартиры. Вступив в квартиру, каждая тройка действует следующим образом: кандидат охраняет парадный вход, второй рядовой, ни на что не отвлекаясь, занимает черный ход, старший производит осмотр помещений. Резерв из трех кандидатов во главе с командиром секции — в данном случае со мною — остается внизу в подъезде с задачей немедленно оказать помощь той тройке, которой это понадобится. Состав троек и резерва вам известен... Внимание! — сказал он, отступая еще на шаг. — На тройки и резерв — разберись!

Произошло короткое множественное движение. Секция разобралась. Никто не ошибся местом, никто не сцепился автоматами, никто не поскользнулся и не потерял берет, как это случалось на прошлых занятиях. На правом фланге резерва возвышался Максим и опять улыбался во весь рот. У Гая вдруг возникла дикая мысль, что Максим смотрит на все это как на забавную игру. Это было, конечно, не так, потому что так это быть не могло. Во всем была виновата, несомненно, эта дурацкая улыбочка...

— Недурственно, — проворчал Гай в подражание капралу Серембешу и благосклонно поглядел на Панди: молодец старик, вымуштровал ребят. — Внимание! — сказал он. — Секция, стройся!

Снова короткое множественное движение, прекрасное своей четкостью и безукоризненностью, и снова секция стояла перед ним одной шеренгой. Хорошо! Просто замечательно! Даже внутри все как-то холодеет. Гай опять заложил руки за спину и прошелся.

— Легионеры! — сказал он. — Мы — опора и единственная надежда Огненосных Творцов. Только на нас они могут без оглядки положиться в своем великом деле. (Это была правда, самая истинная правда, и было в этом очарование и отрешенность.) Боевой Легион есть железный кулак истории. Он призван смести все преграды на нашем гордом пути. Меч Боевого Легиона закален в огнях сражений, он жжет нам руки, и остудить его могут только потоки вражеской крови. Враг хитер. Он труслив, но упорен. Огненосные Творцы приказали нам сломить это коварное упорство, с корнем вырвать то, что влечет нас назад, к хаосу и растлевающей анархии. Таков наш долг, и мы счастливы исполнить его. Мы идем на многие жертвы, мы нарушаем покой наших матерей, братьев и детей, мы

лишаем заслуженного отдыха честного рабочего, честного чиновника, честного торговца и промышленника. Они знают, почему мы вынуждены вторгаться в их дома, и встречают нас как своих лучших друзей, как своих защитников. Помните это и не давайте себе увлечься в благородном пылу выполнения своей задачи. Друг — это друг, а враг — это враг... Вопросы есть?

— Нет! — рявкнула секция в двенадцать глоток.

— Смир-рна! Тридцать минут на отдых и проверку снаряжения. Р-разойдись!

Секция бросилась врассыпную, а затем легионеры группами по двое и по трое направились к казарме. Гай неторопливо пошел следом, ощущая приятную опустошенность. Максим ждал его поодаль, заранее улыбаясь.

— Давай поиграем в слова, — предложил он.

Гай мысленно застонал. Одернуть бы его, одернуть! Что может быть более противоестественно, нежели кандидат, молокосос, за полчаса до начала операции пристающий с фамильярностями к капралу!

— Сейчас не время, — по возможности сухо сказал он.

— Ты волнуешься? — спросил Максим сочувственно.

Гай остановился и поднял глаза к небу. Ну что делать, что делать? Оказывается, совершенно невозможно цукать такого вот добродушного наивного гиганта, да еще спасителя твоей сестры, да еще — чего греха таить — человека, во всех иных отношениях, кроме строевого, гораздо выше тебя самого... Гай огляделся и сказал просительно:

— Послушай, Мак, ты ставишь меня в неловкое положение. Когда мы в казарме, я твой начальник, я приказываю — ты подчиняешься. Я тебе сто раз говорил...

— Но я же готов подчиняться, приказывай! — возразил Максим. — Я знаю, что такое дисциплина. Приказывай.

— Я уже приказал. Займись подгонкой снаряжения.

— Нет, извини меня, Гай, ты приказал не так. Ты приказал отдыхать и подгонять снаряжение. Ты забыл? Снаряжение я подогнал, теперь отдыхаю. Давай поиграем, я придумал хорошее слово...

— Мак, пойми: подчиненный имеет право обращаться к начальнику, во-первых, только по установленной форме, а во-вторых, исключительно по службе.

— Да, я помню. Параграф девять... Но ведь это во время службы. А сейчас мы с тобой отдыхаем...

— Откуда ты взял, что я отдыхаю? — спросил Гай. Они стояли за макетом забора с колючей проволокой, и здесь их, слава богу, никто не видел: никто не видит, как эта башня привалилась плечом к забору и все время порывается взять своего капрала за пуговицу. — Я отдыхаю только дома, но даже дома я никакому подчиненному не позволил бы... Послушай, отпусти мою пуговицу и застегни свою...

Максим застегнулся и сказал:

— На службе — одно, дома — другое. Зачем?

— Давай не будем об этом говорить. Мне надоело повторять тебе одно и то же... Кстати, когда ты перестанешь улыбаться в строю?

— В уставе об этом не сказано, — немедленно ответил Максим. — А что касается «повторять одно и то же», то вот что. Ты не обижайся, Гай, я знаю: ты не говорец... не речевик...

— Кто?

— Ты не человек, который умеет красиво говорить.

— Оратор?

— Оратор... Да, не оратор. Но все равно. Ты сегодня обратился к нам с речью. Слова правильные, хорошие. Но когда ты дома говорил мне о задачах Легиона и о положении страны, это было очень интересно. Это было очень по-твоему. А здесь ты в седьмой раз

говоришь одно и то же, и все не по-твоему. Очень верно. Очень одинаково. Очень скучно. А? Не обиделся?

Гай не обиделся. То есть некая холодная иголочка кольнула его самолюбие: до сих пор ему казалось, что он говорит так же убедительно и гладко, как капрал Серембеш или даже господин ротмистр Тоот. Однако, если подумать, капрал Серембеш и господин ротмистр тоже повторяли все одно и то же в течение трех лет. И в этом нет ничего удивительного и тем более зазорного — ведь за три года никаких существенных изменений во внутреннем и во внешнем положении не произошло...

— А где это сказано в уставе, — спросил Гай, усмехаясь, — чтобы подчиненный делал замечания своему начальнику?

— Там сказано противоположное, — со вздохом признался Максим. — По-моему, это неверно. Ты ведь слушаешь мои советы, когда решаешь задачи по баллистике, и ты слушаешь мои замечания, когда ошибаешься в вычислениях.

— Это дома! — проникновенно сказал Гай. — Дома все можно.

— А если на стрельбах ты неправильно даешь нам прицел? Плохо учел поправку на ветер. А?

— Ни в коем случае, — твердо сказал Гай.

— Стрелять неправильно? — изумился Максим.

— Стрелять как приказано, — строго сказал Гай. — За эти десять минут, Мак, ты наговорил суток на пятьдесят карцера. Понимаешь?

— Нет, не понимаю... А если в бою?

— Что — в бою?

— Ты даешь неправильный прицел. А?

— Гм... — сказал Гай, который еще никогда в бою не командовал. Он вдруг вспомнил, как капрал Бахту во время разведки боем запутался в карте, загнал секцию под кинжальный огонь соседней роты, сам там остался и полсекции уложил, а ведь мы знали, что он запутался, но никто не подумал его поправить.

«Господи, — сообразил вдруг Гай, — да нам бы и в голову не пришло, что можно его поправить. А вот Максим этого не понимает и даже не то что не понимает — понимать тут нечего, — а просто не признает. Сколько раз уже так было: берет самоочевидную вещь и отвергает ее, и никак его не убедишь, и даже наоборот — сам начинаешь сомневаться, голова идет кругом, и приходишь в полное обалдение... Нет, он все-таки не обыкновенный человек... редкий, небывалый человек... Язык выучил за месяц. Грамоту осилил в два дня. Еще в два дня перечитал все, что у меня есть. Математику и механику знает лучше господ преподавателей, а ведь у нас на курсах преподают настоящие специалисты. Или вот взять дядюшку Каана...»

Последнее время старик все свои монологи за столом обращал исключительно к Максиму. Более того, он не раз уже дал понять, что Максим является, пожалуй, единственным человеком, который в наше время проявляет такие способности и такой интерес к ископаемым животным. Он рисовал Максиму на бумажке каких-то ужасных зверей, и Максим рисовал ему на бумажке каких-то еще более ужасных зверей, и они спорили, который из этих зверей более древний, и кто от кого произошел, и почему это случилось; в ход шли научные книги из дядюшкиной библиотеки, и все равно бывало, что Максим не давал старику рта открыть, причем Гай с Радой не понимали ни слова из того, что говорилось, а дядюшка то кричал до хрипоты, то рвал на клочки рисунки и топтал их ногами, обзывал Максима невеждой, хуже дурака Шапшу, то вдруг принимался яростно чесать обеими руками реденькие седые волосы на затылке и бормотал с потрясенной улыбкой: «Смело, массаракш, смело... У вас есть фантазия, молодой человек!» Особенно запомнился Гаю один вечер, когда старикана громом ударило заявление Максима, будто некоторые из этих допотопных тварей передвигались на задних ногах, каковое заявление, по-видимому, очень просто и естественно разрешало некий давний научный спор...

Математику он знает, механику он знает, военную химию он знает превосходно, палеонтологию — господи, да кому в наше время известна палеонтология! — палеонтологию он тоже знает... Рисует как художник, поет как артист... и добрый, неестественно добрый. Разогнал и перебил бандитов, один — восьмерых, голыми руками, другой бы на его месте ходил петухом, на всех поплеывал, а он мучился, ночи не спал, огорчался, когда его хвалили и благодарили, а потом однажды взорвался: весь побелел и крикнул, что это нечестно — хвалить за убийство... Господи, это же какая проблема была — уговорить его в Легион! Все понимает, со всем согласен, хочет, но ведь там, говорит, придется стрелять. В людей. Я ему говорю: в выродков, а не в людей, в отребье, хуже бандитов... Договорились, слава богу, что сначала, пока не привыкнет, будет просто обезоруживать... И смешно, и страшно как-то. Нет, недаром он все проговаривается, будто пришел из другого мира. Знаю я этот мир. Даже книга об этом есть у дядюшки — «Туманная Страна Зартак». Лежит, дескать, в Алебастровых горах долина Зартак, где живут счастливые люди... По описанию все они там такие, как Максим. И вот что удивительно: если кто-нибудь из них покинет свою долину, то сразу забывает, откуда он родом и что с ним было раньше, помнит только, что из другого мира... Дядюшка, правда, говорит, что никакой такой долины нет, все это выдумка, есть только хребет Зартак, а потом, говорит, в ту войну долбанули по этому хребту супербомбами, так что у горцев там на всю жизнь память отшибло...

— Ты почему молчишь? — спросил Максим. — Ты обо мне думаешь?

Гай отвел глаза.

— Ты вот что... — сказал он. — Я тебя только об одном прошу: в интересах дисциплины никогда не показывай виду, что ты больше меня знаешь. Смотри, как ведут себя другие, и веди себя точно так же.

— Я стараюсь, — грустно сказал Максим. Он подумал немного и добавил: — Трудно привыкнуть. У нас все это не так.

— А как твоя рана? — спросил Гай, чтобы сменить тему.

— Мои раны заживают быстро, — рассеянно сказал Максим. — Слушай, Гай, давай после операции поедем прямо домой. Ну что ты так смотришь? Я очень соскучился по Раде. А ты нет? Ребят мы завезем в казарму, а потом на грузовике поедем домой. Шофера отпустим...

Гай набрал в грудь побольше воздуха, но тут серебристый ящик громкоговорителя на столбе почти над их головами зарычал, и голос дежурного по бригаде скомандовал:

— Шестая рота, выходи строиться на плац! Внимание, шестая рота...

И Гай только рявкнул:

— Кандидат Сим! Прекратить разговоры, марш на построение! — Максим рванулся, но Гай поймал его за ствол автомата. — Я тебя очень прошу... — сказал он. — Как все! Держись как все! Сегодня сам ротмистр будет за тобой наблюдать...

Через три минуты рота построилась. Уже стемнело, над плацем вспыхнули прожектора. Позади строя мягко ворчали двигателями грузовики. Как всегда перед операцией, господин бригадир в сопровождении господина ротмистра Чачу молча обошел строй, осматривая каждого легионера. Он был спокоен, глаза прищурены, уголки губ приветливо приподняты. Потом, так ничего и не сказав, он кивнул господину ротмистру и удалился. Господин ротмистр, переваливаясь и помахивая искалеченной рукой, вышел перед строем и повернул к легионерам свое темное, почти черное лицо.

— Легионеры! — каркнул он голосом, от которого у Гая пошли мурашки по коже. — Перед нами дело. Выполним его достойно... Внимание, рота! По машинам! Капрал Гаал, ко мне!

Когда Гай подбежал и вытянулся перед ним, господин ротмистр сказал негромко:

— Ваша секция имеет специальное задание. По прибытии на место из машины не выходить. Командовать буду я сам.

Глава шестая

У грузовика были отвратительные амортизаторы, и это очень чувствовалось на отвратительной бульжной мостовой. Кандидат Максим, зажав автомат между коленями, заботливо придерживал Гая за поясной ремень, рассудив, что капралу, который так заботится об авторитете, не к лицу реять над скамейками, как какому-нибудь кандидату Зойзе. Гай не возражал, а может быть, он и не замечал предупредительности своего подчиненного. После разговора с ротмистром Гай был чем-то сильно озабочен, и Максим радовался, что по расписанию им придется быть рядом и он сможет помочь, если понадобится.

Грузовики миновали Центральный театр, долго катились вдоль вонючего Имперского канала, потом свернули по длинной, пустой в этот час Сапожной улице и принялись колесить кривыми переулочками какого-то предместья, где Максим никогда еще не бывал. А побывал он за последнее время во многих местах и изучил город основательно, по-хозяйски. Он вообще много узнал за эти сорок с лишним дней и разобрался наконец в положении. Положение оказалось гораздо менее утешительным и более причудливым, чем он думал.

Он еще корпел над букварем, когда Гай пристал к нему с вопросом, откуда он, Максим, взялся. Рисунки не помогали: Гай воспринимал их с какой-то странной улыбкой и продолжал повторять все тот же вопрос: «Откуда ты?» Тогда Максим в раздражении ткнул пальцем в потолок и сказал: «Из неба». К его удивлению, Гай нашел это вполне естественным и стал с вопросительной интонацией сыпать какими-то словами, которые Максим вначале принял за названия планет местной системы. Но Гай развернул карту мира в меркаторской проекции, и тут выяснилось, что это вовсе не названия планет, а названия стран-антиподов. Максим пожал плечами, произнес все известные ему выражения отрицания и стал изучать карту, так что разговор на этом временно прекратился.

Вечером дня через два Максим и Рада смотрели телевизор. Шла какая-то очень странная передача, нечто вроде кинофильма без начала и конца, без определенного сюжета, с бесконечным количеством действующих лиц — довольно жутких лиц, действующих довольно дико, с точки зрения любого гуманоида. Рада смотрела с интересом, вскрикивала, хватала Максима за рукав, два раза всплакнула, а Максим быстро соскучился и задремал было под уныло-угрожающую музыку, как вдруг на экране мелькнуло что-то знакомое. Он даже глаза протер. На экране была Пандора, угрюмый тахорг тащился через джунгли, давя деревья, и вдруг появился Петер с манком в руках; очень сосредоточенный и серьезный, он пятился задом, споткнулся о корягу и полетел спиной прямо в болото. С огромным изумлением Максим узнал собственную ментограмму, а потом еще одну и еще, но не было никаких комментариев, играла все та же музыка, и Пандора исчезла, уступив место слепому тощему человеку, который полз по потолку, плотно затянутому пыльной паутиной. «Что это?» — спросил Максим, тыча пальцем в экран. «Передача, — нетерпеливо сказала Рада. — Интересно. Смотри». Он так и не добился толку, и в голову ему пришла мысль о многих десятках разнообразных пришельцев, добросовестно вспоминающих свои миры. Однако он быстро отказался от этой мысли: миры были слишком страшны и однообразны — глухие душные комнатки, бесконечные коридоры, заставленные мебелью, которая вдруг прорастала гигантскими колючками; спиральные лестницы, винтом уходящие в непроглядный мрак узких колодцев; зарешеченные подвалы, набитые тупо копошащимися телами, между которыми выглядывали болезненно-неподвижные лица, как на картинах Иеронима Босха, — это было больше похоже на бредовую фантазию, чем на реальные миры. На фоне этих видений ментограммы Максима ярко сияли реализмом, переходящим из-за Максимова темперамента в романтический натурализм. Такие передачи повторялись почти каждый день, назывались они «Волшебное путешествие», но Максим так до конца и не понял, в

чем их соль. В ответ на его вопросы Гай и Рада недоуменно пожимали плечами и говорили: «Передача. Чтобы было интересно. Волшебное путешествие. Сказка. Ты смотри, смотри! Бывает смешно, бывает страшно». И у Максима зародились самые серьезные сомнения в том, что целью исследований профессора Бегемота был контакт и что вообще эти исследования были исследованиями.

Этот интуитивный вывод косвенно подтвердился еще декаду спустя, когда Гай прошел по конкурсу в заочную школу претендентов на первый офицерский чин и принялся зубрить математику и механику. Схемы и формулы из элементарного курса баллистики привели Максима в недоумение. Он пристал к Гаю; Гай сначала не понял, а потом, снисходительно ухмыляясь, объяснил ему космографию своего мира. И тогда выяснилось, что обитаемый остров не есть шар, не есть геоид и вообще не является планетой.

Обитаемый остров был Миром, единственным миром во Вселенной. Под ногами аборигенов была твердая поверхность Сферы Мира. Над головами аборигенов имел место гигантский, но конечного объема газовый шар неизвестного пока состава и обладающий не вполне ясными пока физическими свойствами. Существовала теория о том, что плотность газа быстро растет к центру газового пузыря и там происходят какие-то таинственные процессы, вызывающие регулярное изменение яркости так называемого Мирового Света, обуславливающие смену дня и ночи. Кроме короткопериодических, суточных, изменений состояния Мирового Света, существовали долгопериодические, порождающие сезонные колебания температуры и смену времен года. Сила тяжести была направлена от центра Сферы Мира перпендикулярно к ее поверхности. Короче говоря, обитаемый остров существовал на внутренней поверхности огромного пузыря в бесконечной тверди, заполняющей остальную Вселенную.

Максим, совершенно обалдевший от неожиданности, пустился было в спор, но очень скоро оказалось, что они с Гаем говорят на разных языках, что понять друг друга им гораздо труднее, чем убежденному коперниканцу понять убежденного последователя Птолемея. Все дело было в удивительных свойствах атмосферы этой планеты. Во-первых, необычайно сильная рефракция непомерно задирала горизонт и спокон веков внушала аборигенам, что их земля не плоская и, уж во всяком случае, не выпуклая — она вогнутая. «Встаньте на морском берегу, — рекомендовали школьные учебники, — и проследите за движением корабля, отошедшего от пристани. Сначала он будет двигаться как бы по плоскости, но чем дальше он будет уходить, тем выше он будет подниматься, пока не скроется в атмосферной дымке, заслоняющей остальную часть Мира». Во-вторых, атмосфера эта была весьма плотна и фосфоресцировала днем и ночью, так что никто никогда здесь не видел звездного неба, а случаи наблюдения солнца были записаны в хрониках и служили основой для бесчисленных попыток создать теорию Мирового Света.

Максим понял, что находится в гигантской ловушке, что контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение тысячелетий. По-видимому, это уже пытались здесь проделать, если судить по распространенному проклятию «массаракш», что дословно означало «мир наизнанку»; кроме того, Гай рассказал о чисто абстрактной математической теории, рассматривавшей Мир иначе. Теория эта возникла еще в древние времена, преследовалась некогда официальной религией, имела своих мучеников, получила математическую стройность трудами гениальных математиков прошлого века, но так и осталась чисто абстрактной, хотя, как и большинство абстрактных теорий, нашла себе наконец практическое применение — совсем недавно, когда были созданы сверхдальнобойные снаряды.

Обдумав и сопоставив все, что стало ему известно, Максим понял, во-первых, что все это время выглядел здесь сумасшедшим и что недаром его ментограммы включены в шизоидное «Волшебное путешествие». Во-вторых, он понял, что до поры до времени он должен молчать о своем инопланетном происхождении, если не хочет вернуться к

Бегемоту. Это означало, что обитаемый остров не придет к нему на помощь, что рассчитывать он может только на себя, что постройка нуль-передатчика откладывается на неопределенное время, а сам он застрял здесь, по-видимому, надолго и, может быть — массаракш! — навсегда. Безднадежность ситуации едва не сбила его с ног, но он стиснул зубы и принудил себя рассуждать чисто логически. Маме придется пережить тяжелое время. Ей будет безмерно плохо, и одна эта мысль отбивает всякую охоту рассуждать логически. «Будь он неладен, этот бездарный, замкнутый мир!.. Но у меня есть только два выхода: либо тосковать по невозможному и бессильно кусать локти, либо собраться и жить. По-настоящему жить, как я хотел жить всегда, — любить друзей, добиваться цели, драться, побеждать, терпеть поражения, получать по носу, давать сдачи — все, что угодно, только не заламывать в отчаянии руки...» Он прекратил разговоры о строении Вселенной и принялся расспрашивать Гая об истории и социальном устройстве своего обитаемого острова.

С историей дело обстояло неважно. Гай имел из нее только отрывочные сведения, и серьезных книг у него не было. В городской библиотеке серьезных книг не оказалось тоже. Но можно было понять, что приютившая Максима страна была раньше значительно обширней и владела огромным количеством заморских колоний, из-за которых в конце концов и вспыхнула разрушительная война с ныне уже забытыми соседними государствами. Война эта охватила весь мир, погибли миллионы и миллионы, были разрушены тысячи городов, десятки малых и больших государств оказались сметены с лица земли, в мире и в стране воцарился хаос. Наступили дни жестокого голода и эпидемии. Попытки народных восстаний кучка эксплуататоров подавляла ядерными снарядами. Страна и мир шли к гибели. Положение было спасено Огненосными Творцами. Судя по всему, это была анонимная группа молодых офицеров генерального штаба, которые в один прекрасный день, располагая всего двумя дивизиями, очень недовольными тем, что их направляют в атомную мясорубку, организовали путч и захватили власть. С тех пор положение в значительной степени стабилизировалось и война утихла как-то сама собой, хотя мира никто ни с кем не заключал.

Максим понимал, что политическое устройство страны весьма далеко от идеального. Однако ясно было, что популярность Огненосных Творцов чрезвычайно велика, причем во всех слоях общества. Экономическая основа этой популярности оставалась Максиму непонятна, но дело было, очевидно, в том, что военная верхушка сумела укротить аппетиты промышленников, чем завоевала популярность у рабочих, и привела в подчинение рабочих, чем завоевала популярность у промышленников. Впрочем, это были только догадки. Гаю, например, такая постановка вопроса вообще казалась диковинной: такое понятие, как «класс», для него не существовало, и противоречий между социальными группами он представить себе не мог...

Внешнее положение страны продолжало оставаться крайне напряженным. К северу от нее располагались два больших государства — Хонти и Пандея, — бывшие не то провинции, не то колонии. Об этих странах никто ничего не знал, но было известно, что обе страны питают самые агрессивные намерения, непрерывно засылают диверсантов и шпионов, организуют инциденты на границах и готовят войну. Цель этой войны была Гаю неясна, да он никогда и не задавался таким вопросом. На севере были враги, с агентурой он дрался насмерть, и это ему было вполне достаточно.

К югу, за приграничными лесами, лежала пустыня, выжженная ядерными взрывами, образовавшаяся на месте целой группы стран, принимавших в военных действиях наиболее активное участие. О том, что происходит на этих миллионах квадратных километров, тоже не было известно ничего, да это никого и не интересовало. Южные границы подвергались непрерывным атакам колоссальных орд полудикарей-выродков, которыми кишели леса за рекой Голубая Змея. Проблема южных границ считалась чуть ли не важнейшей. Там было очень трудно, и именно там концентрировались отборные части Боевого Легиона. Гай прослужил в этих частях три года и рассказывал невероятные вещи.

Южнее пустыни, на другом конце единственного материка планеты, тоже могли сохраниться какие-то государства, но они не давали о себе знать. Зато постоянно и неприятно давала о себе знать так называемая Островная Империя, обосновавшаяся на трех мощных архипелагах антарктической зоны. Мировой Океан принадлежал ей. Радиоактивные воды бороздил огромный флот подводных лодок, вызывающе окрашенных в снежно-белый цвет, оснащенных по последнему слову истребительной техники, с бандами специально выдрессированных головорезов на борту. Жуткие, как призраки, белые субмарины держали под страшным напряжением прибрежные районы, производя неспровоцированные обстрелы и высаживая пиратские десанты. Этой белой угрозе также противостоял Легион.

Картина всемирного хаоса и разрушения потрясла Максима. Перед ним была планета-могильник, планета, на которой еле-еле теплилась разумная жизнь, и эта жизнь готова была окончательно погасить себя в любой момент.

Максим слушал Раду, ее спокойные и страшные рассказы о том, как мать получила известие о гибели отца (отец, врач-эпидемиолог, отказался покинуть зараженный район, а у государства в те годы не было ни времени, ни возможностей бороться с эпидемией регулярными средствами, и на район была просто сброшена бомба); о том, как после смерти матери она, Рада, чтобы прокормить маленького Гая и совершенно беспомощного дядюшку Каана, по восемнадцать часов в сутки работала судомойкой на пересылочном пункте, потом уборщицей в роскошном притоне для спекулянтов, потом выступала в «женских бегах с тотализатором», потом сидела в тюрьме, правда недолго, но осталась без работы и несколько месяцев просила милостыню...

Максим слушал дядюшку Каана, когда-то крупного ученого, как в первый же год войны упразднили Академию наук, составили Его Императорского Величества Академии батальон; как во время голода сошел с ума и повесился создатель эволюционной теории; как варили похлебку из кузнечиков и сорной травы; как голодная толпа разгромила зоологический музей и захватила в пищу заспиртованные препараты...

Максим слушал Гая, его бесхитростные рассказы о строительстве башен противобаллистической защиты, как по ночам людоеды подкрадываются к строительным площадкам и похищают воспитуемых и сторожевых легионеров; как в темноте неслышными призраками нападают беспощадные упыри, полулюди, полужвери, полусобаки; слушал его восторженную хвалу системе ПБЗ, которая создавалась ценой невероятных лишений в последние годы войны, которая, по сути, и прекратила военные действия, защитив страну с воздуха, которая и теперь является единственной гарантией безопасности от агрессии с севера... А эти мерзавцы устраивают нападения на отражательные башни, — продажные шкуры, убийцы женщин и детей, купленные на грязные деньги Хонти и Пандеи, вырожденки, мразь хуже всякого Крысолова... Нервное лицо Гая искажалось ненавистью. «Здесь самое главное, — говорил он, постукивая кулаком по столу, — и поэтому я пошел в Легион, не на завод, не в поле, не в контору — в Боевой Легион, который сейчас спасает все...»

Максим слушал жадно, как страшную, невозможную сказку, тем более страшную и невозможную, что все это было на самом деле, что многое и многое из этого продолжало быть, а самое страшное и самое невозможное из этого могло повториться в любую минуту. Смешно и стыдно стало ему думать о собственных неурядицах, игрушечными сделались его собственные проблемы — какой-то там контакт, нуль-передатчик, ломанье рук...

Грузовики круто свернули в неширокую улицу с многоэтажными кирпичными домами, и Панди сказал: «Приехали». Прохожие на тротуаре шарахнулись к стенам, закрываясь от света фар. Грузовик остановился, над кабиной выдвинулась длинная телескопическая антенна.

— Выходи! — в один голос гаркнули командиры второй и третьей секций, и легионеры посыпались через борта.

— Первой секции остаться на месте! — скомандовал Гай.

Вскочившие было Панди и Максим снова сели.

— На тройки разберись! — орали капралы на тротуаре. — Вторая секция, вперед! Третья секция, за мной! Вперед, марш!

Прогрохотали подкованные сапоги, кто-то восторженно взвизгнул:

— Господа! Боевой Легион!

— Да здравствует Боевой Легион!

— Ура! — закричали бледные люди, прижимавшиеся к стенам, чтобы не мешать. Эти прохожие словно ждали здесь легионеров и теперь, дождавшись, радовались им, как лучшим друзьям.

Сидевший справа от Максима кандидат Зойза, совсем еще мальчишка, длинный как жердь, с белесым пухом на щеках, ткнул Максима острым локтем в бок и радостно подмигнул. Максим улыбнулся в ответ. Секции уже исчезли в подъездах; у дверей стояли только капралы, стояли твердо, надежно, с неподвижными лицами под беретами набекрень. Хлопнула дверь кабины, и голос ротмистра Чачу прокаркал:

— Первая секция, выходи, стройся!

Максим прыжком перемахнул через борт. Когда секция построилась, ротмистр движением руки остановил Гая, подбежавшего с рапортом, подошел к строю вплотную и скомандовал:

— Надеть каски!

Действительные рядовые словно ждали этой команды, а кандидаты несколько замешкались. Ротмистр, нетерпеливо постукивая каблуком, дождался, пока Зойза справится с подбородочным ремнем, и скомандовал «направо» и «бегом вперед». Он сам побежал впереди, неуклюже-ловкий, сильно отмахивая покалеченной рукой, ведя секцию под темную арку во двор, узкий и мрачный, как колодец, свернул под другую арку, такую же мрачную и вонючую, и остановился перед облупленной дверью под тусклой лампочкой.

— Внимание! — каркнул он. — Первая тройка и кандидат Сим пойдут со мной. Остальные останутся здесь. Капрал Гаал, по свистку тройку ко мне наверх, на четвертый этаж. Никого не выпускать, брать живыми, стрелять только в крайнем случае. Первая тройка и кандидат Сим, за мной!

Он толкнул облупленную дверь и исчез. Максим, обогнав Панди, кинулся следом. За дверью оказалась крутая каменная лестница с железными перилами, узкая, озаренная тусклым светом. Ротмистр резво, через три ступеньки, бежал вверх. Максим нагнал его и увидел в его руке пистолет. Тогда Максим на бегу снял с шеи автомат; на секунду он ощутил тошноту при мысли, что сейчас, может быть, придется стрелять в людей, но отогнал эту мысль — это были не люди, это были животные, хуже усатого Крысолова, хуже пятнистых обезьян. Гнусная слякоть под ногами, мутный свет, захарканые стены подтверждали и поддерживали это ощущение.

Второй этаж. Кухонные ароматы, в щели приоткрытой двери испуганное старушечье лицо. С мявом шарахается из-под ног ополоумевшая кошка. Третий этаж. Какой-то болван оставил посередине площадки ведро с помоями. Ротмистр сшибает ведро, помои летят в пролет. «Массаракш!..» — рычит снизу Панди. Парень и девушка, обнявшись, прижались в темном углу, лица у них испуганно-радостные. «Прочь, вниз!» — каркает на бегу ротмистр. Четвертый этаж. Безобразная коричневая дверь с облезшей масляной краской, испарпанная жестяная дощечка с надписью «Гобби, зубной врач. Прием в любое время». За дверью кто-то протяжно кричит. Ротмистр останавливается и хрипит: «Замок!» По его черному лицу катится пот. Максим не понимает. Набежавший Панди отталкивает его, приставляет дуло автомата к двери под ручкой и дает очередь. Сыплются искры, летят куски дерева, и сейчас же, словно в ответ, за дверью глухо, сквозь протяжный крик, хлопают выстрелы, снова с треском летят щепки, что-то горячее, плотное с гнусным визгом проносится у Максима над головой. Ротмистр распахивает дверь — там темно,

желтые вспышки выстрелов озаряют клубы дыма. «За мной!» — хрипит ротмистр и ныряет головой вперед навстречу вспышкам. Максим и Панди рвутся вслед за ним; дверь узкая, придавленный Панди коротко вякает. Коридор, духота, пороховой дым. Угроза слева. Максим выбрасывает руку, ловит горячий ствол, рвет оружие от себя и вверх. Тихо, но ужасающе отчетливо хрустят чьи-то вывернутые суставы, большое мягкое тело застывает в безвольном падении. Впереди, в дыму, ротмистр каркает: «Не стрелять! Брать живьем!» Максим бросает автомат и врывается в большую освещенную комнату. Здесь очень много книг и картин, и стрелять здесь не в кого. На полу корчатся двое мужчин. Один из них все время кричит, уже охрип, но все кричит. В кресле, откинув голову, лежит в обмороке женщина — белая до прозрачности. Комната полна болью. Ротмистр стоит над кричащим человеком и озирается, засовывая пистолет в кобуру. Сильно толкнув Максима, в комнату вваливается Панди, за ним легионеры волокут грузное тело того, кто стрелял. Кандидат Зойза, мокрый и взволнованный, без улыбки протягивает Максиму брошенный автомат. Ротмистр поворачивает к ним свое страшное черное лицо. «А где еще один?» — каркает он, и в тот же момент падает синяя портьера, с подоконника тяжело соскакивает длинный худой человек в белом запятанном халате. Он как слепой идет на ротмистра, медленно поднимая два огромных пистолета на уровень стеклянных от боли глаз. «Ай!» — кричит Зойза...

Максим стоял боком, и у него не оставалось времени повернуться. Он прыгнул изо всех сил, но человек все-таки успел один раз нажать на спусковые крючки. Максиму опалило лицо, пороховая гарь забила рот, а пальцы его уже сомкнулись на запястьях белого халата, и пистолеты со стуком упали на пол. Человек опустил на колени, уронил голову и, когда Максим отпустил его, мягко повалился ничком.

— Ну-ну-ну, — сказал ротмистр с непонятной интонацией. — Кладите этого сюда же, — приказал он Панди. — А ты, — сказал он бледному и мокрому Зойзе, — беги вниз и сообщи командирам секций, где я нахожусь. Пусть доложат, как у них дела. (Зойза щелкнул каблуками и метнулся к двери.) Да! Передай Гаалу, пусть поднимается сюда... Перестань орать, мразь! — прикрикнул он на стонавшего человека и легонько стукнул его носком сапога в бок. — Э, бесполезно. Хлипкая дрянь, мусор... Обыскать! — приказал он Панди. — И положите их всех в ряд. Тут же, на полу. И эту тоже, а то расселась в единственном кресле...

Максим подошел к женщине, осторожно поднял ее и перенес на кровать. У него было смутно на душе. Не этого он ожидал. Теперь он и сам не знал, чего ожидал — желтых, оскаленных от ненависти клыков, злобного воя, свирепой схватки не на жизнь, а на смерть?.. Ему не с чем было сравнить свои ощущения, но он почему-то вспомнил, как однажды подстрелил тахорга и как это огромное, грозное на вид и беспощадное, по слухам, животное, провалившись с перебитым позвоночником в огромную яму, тихо, жалобно плакало и что-то бормотало в смертной тоске, почти членораздельно...

— Кандидат Сим! — гаркнул ротмистр. — Я приказал — на пол!

Он смотрел на Максима своими жуткими прозрачными глазами, губы у него словно свело судорогой, и Максим понял: не ему судить здесь и определять, что верно и что неверно. Он еще чужак, он еще не знает их ненависти и их любви... Он поднял женщину и положил ее рядом с грузным человеком, который стрелял в коридоре. Панди и второй легионер, пытаясь, старательно выворачивали карманы арестованных. А арестованные были без памяти. Все пятеро.

Ротмистр уселся в кресло, бросил на стол фуражку, закурил и пальцем поманил к себе Максима. Максим подошел, браво щелкнув каблуками.

— Почему бросил автомат? — негромко спросил ротмистр.

— Вы приказали не стрелять.

— Господин ротмистр.

— Так точно. Вы приказали не стрелять, господин ротмистр.

Ротмистр, прищурившись, пускал дым в потолок.

— Значит, если бы я приказал не разговаривать, ты бы откусил себе язык?
Максим промолчал. Разговор ему не нравился, но он хорошо помнил наставления

Гая.

— Кто отец? — спросил ротмистр.

— Ученый, господин ротмистр.

— Жив?

— Так точно, господин ротмистр.

Ротмистр вынул изо рта сигарету и посмотрел на Максима.

— Где он?

Максим понял, что сболтнул. Надо было выкручиваться.

— Не знаю, господин ротмистр. Точнее, не помню.

— Однако то, что он ученый, ты помнишь... А что ты еще помнишь?

— Не знаю, господин ротмистр. Помню многое, но капрал Гаал полагает, что это ложная память.

В коридоре послышались торопливые шаги, в комнату вошел Гай и вытянулся перед ротмистром.

— Займись этими полутрусами, капрал, — сказал ротмистр. — Наручников хватит?

Гай поглядел через плечо на арестованных.

— С вашего разрешения, господин ротмистр, одну пару придется взять во второй секции.

— Действуй.

Гай выбежал, а в коридоре уже опять топали сапоги, появились командиры секций и доложили, что операция проходит успешно, двое подозрительных уже взяты, жильцы, как всегда, оказывают активную помощь. Ротмистр приказал скорее заканчивать, а по окончании передать в штаб парольное слово «Тамба». Когда командиры секций вышли, он закурил новую сигарету и некоторое время молчал, глядя, как legionеры снимают со стеллажей книги, перелистывают их и бросают на кровать.

— Панди, — сказал он негромко, — займись картинами. Только вот с этой осторожнее, не попорти, я возьму ее себе... — Затем он снова повернулся к Максиму. — Как ты ее находишь? — спросил он.

Максим посмотрел. На картине был морской берег, высокая водная даль без горизонта, сумерки и женщина, выходящая из моря. Ветер. Свежо. Женщине холодно.

— Хорошая картина, господин ротмистр, — сказал Максим.

— Узнаешь места?

— Никак нет. Этого моря я никогда не видел.

— А какое видел?

— Совсем другое, господин ротмистр. Но это ложная память.

— Вздор. Это же самое. Только ты смотрел не с берега, а с мостика, и под тобой была белая палуба, а позади, на корме, был еще один мостик, только пониже. А на берегу была не эта баба, а танк, и ты наводил под башню... Знаешь ты, щенок, что это такое, когда болванка попадает под башню? Массаракш... — прошипел он и раздавил окурок об стол.

— Не понимаю, — сказал Максим холодно. — Никогда в жизни ничего никуда не наводил.

— Как же ты можешь знать? Ты же ничего не помнишь, кандидат Сим!

— Я помню, что не наводил.

— Господин ротмистр!

— Помню, что не наводил, господин ротмистр. И я не понимаю, о чем вы говорите.

Вошел Гай в сопровождении двух кандидатов. Они принялись надевать на задержанных тяжелые наручники.

— Тоже ведь люди, — вдруг сказал ротмистр. — У них жены, у них дети. Они кого-то любили, их кто-то любил...

Он говорил, явно издеваясь, но Максим сказал то, что думал:

— Да, господин ротмистр. Они, оказывается, тоже люди.

— Не ожидал?

— Да, господин ротмистр. Я ожидал чего-то другого. — Краем глаза он видел, что Гай испуганно смотрит на него. Но ему уже до тошноты надоело врать, и он добавил: — Я думал, что это действительно выродки. Вроде голых пятнистых... животных.

— Голый пятнистый дурак, — веско сказал ротмистр. — Деревня. Ты не в лесу... Здесь они как люди. Добрые милые люди, у которых при сильном волнении отчаянно болит головка. А у тебя не болит головка при волнении? — спросил он неожиданно.

— У меня никогда ничего не болит, господин ротмистр, — ответил Максим. — А у вас?

— Что-о?

— У вас такой раздраженный тон, — сказал Максим, — что я подумал...

— Господин ротмистр! — каким-то дребезжащим голосом крикнул Гай. — Разрешите доложить... Арестованные пришли в себя.

Ротмистр поглядел на него и усмехнулся.

— Не волнуйся, капрал. Твой дружок показал себя сегодня настоящим легионером. Если бы не он, ротмистр Чачу валялся бы сейчас с пулей в башке... — Он закурил третью сигарету, поднял глаза к потолку и выпустил толстую струю дыма. — У тебя верный нюх, капрал. Я бы хоть сейчас произвел этого молодчика в действительные рядовые... Массаракш, я бы произвел его в офицеры! У него бригадирские замашки, он обожает задавать вопросы офицерам... Но я теперь очень хорошо тебя понимаю, капрал. Твой рапорт имел все основания. Так что... погодим пока производить его... — Ротмистр поднялся, тяжело ступая, обошел стол и остановился перед Максимом. — Не будем даже производить его пока в действительные рядовые. Он хороший боец, но он еще молокосос... Мы займемся его воспитанием... Внимание! — заорал он вдруг. — Капрал Гаал, вывести арестованных! Рядовой Панди и кандидат Сим, забрать мою картину и все, что здесь есть бумажного! Отнести ко мне в машину!

Он повернулся и вышел из комнаты. Гай укоризненно посмотрел на Максима, но ничего не сказал. Легионеры поднимали задержанных, пинками и тычками ставили их на ноги и вели к двери. Задержанные не сопротивлялись. Они были как ватные, они шатались, у них подгибались ноги. Грузный человек, стрелявший в коридоре, громко постанывал и ругался шепотом. Женщина беззвучно шевелила губами. У нее странно светились глаза.

— Эй, Мак, — сказал Панди, — возьми вон одеяло с кровати, заверни в него книжки, а если не хватит, возьми еще и простыню. Как сложишь, тащи все вниз, а я картину понесу... Да не забудь автомат, дурья голова! Ты думаешь, чего на тебя господин ротмистр взъелся? Автомат ты бросил. Разве можно оружие бросать? Да еще в бою... Эх, ты!..

— Прекрати разговоры, Панди, — сердито сказал Гай, — бери картину и иди.

В дверях он обернулся к Максиму, постучал себя пальцем по лбу и скрылся. Было слышно, как Панди, спускаясь по ступенькам, во все горло распевает «Уймись, мамаша». Максим вздохнул, положил автомат на стол и подошел к груде книг, сваленных на кровать и на пол. Его вдруг осенило, что он здесь нигде еще не видел такого количества книг, разве что в библиотеке. В книжных лавках книг было, конечно, тоже больше, но только по количеству, а не по названиям.

Книги были старые, с пожелтевшими страницами. Некоторые немного обгорели, а некоторые, к удивлению Максима, оказались ощутимо радиоактивными. Не было времени как следует рассмотреть их.

Максим упаковал два узла и несколько секунд постоял, оглядывая комнату. Пустые, перекошенные стеллажи, темные пятна там, где были картины, сами картины, выдранные из рам, затоптанные... и никаких следов зубоврачебной техники. Он взял узлы и

направился к двери, но потом вспомнил и вернулся за автоматом. На столе под стеклом лежали две фотографии. На одной — та самая прозрачная женщина, и на коленях у нее мальчик лет четырех с изумленно раскрытым ртом, а женщина — молодая, удовлетворенная, гордая... На второй фотографии — красивая местность в горах, темные купы деревьев, старинная полуразрушенная башня... Максим закинул автомат за спину и вернулся к узлам.

Глава седьмая

По утрам после завтрака бригада выстраивалась на плацу для зачтения приказов и развода на занятия. Это была самая тяжкая для Максима процедура, если не считать вечерних проверок. Зачтение любых приказов завершалось каждый раз настоящим пароксизмом восторга. Максим заставлял себя подавлять невольное отвращение к этому внезапному безумию, которое охватывало всю бригаду от командира до последнего кандидата; он ругал себя за скептицизм инородца и чужака; старался вдохновиться сам, твердил мысленно, что должен понять и проникнуться. Но ему было очень трудно.

С детства воспитанный в правилах сдержанно-иронического отношения к себе, в неприязни к громким словам, он почти злился на товарищей по строю, на ребят, добрых, простодушных, отличных, в общем, ребят, когда они вдруг, после зачтения приказа о наказании тремя сутками карцера кандидата имярек за пререкания с действительным рядовым таким-то, разевали рты, теряли присущее им добродушие и чувство юмора и принимались восторженно реветь «ура», а потом запевали со слезами на глазах «Марш Боевого Легиона» и повторяли его дважды, трижды, а иногда и четырежды. При этом из бригадной кухни высыпали даже повара и с энтузиазмом подхватывали, неистово размахивая черпаками и ножами, благо были вне строя. Памятуя, что в этом мире надо быть как все, Максим тоже пел и тоже старался утратить чувство юмора, и это ему удавалось, но было противно, потому что сам он никакого подъема не испытывал, а испытывал одну лишь неловкость.

На этот раз взрыв энтузиазма последовал после приказа номер 127 о производстве действительного рядового Димбы в капралы, приказа номер 128 о вынесении благодарности кандидату в действительные рядовые Симу за проявленную в операции отвагу и приказа номер 129 о переводе казармы четвертой роты на ремонт. Едва бригадный адъютант засунул листки приказов в кожаный планшет, как бригадир, сорвав с себя фуражку, набрал полную грудь воздуха и скрипучим фальцетом закричал: «Вперед!.. Легионеры!.. Железные!..» И пошло, и пошло... Сегодня было особенно неловко, потому что Максим увидел, как по темным щекам ротмистра Чачу покатались слезы. Легионеры ревели быками, отбивая такт прикладами на массивных ременных пряжках. Чтобы не видеть этого и не слышать, Максим поплотнее зажмурился и взревел распаленным тахоргом, и голос его покрыл все голоса — во всяком случае, так ему казалось. «Вперед, бесстрашные!..» — ревел он, уже никого больше не слыша, кроме себя. До чего же идиотские слова... Наверное, какой-нибудь капрал сочинил. Нужно очень любить свое дело, чтобы ходить в бой с такими словами. Он открыл глаза и увидел стаю черных птиц, всполошенно и беззвучно мечущихся над плацем... «Алмазный панцирь не спасет тебя, о враг...»

Потом все кончилось так же внезапно, как и началось. Бригадир обвел строй посоловевшими глазами, вспомнил, где он находится, и рыдающим, сорванным голосом скомандовал: «Господам офицерам развести роты на занятия!» Ребята, помахивая головами, оторопело косились друг на друга. Кажется, они ничего не соображали, и ротмистру Чачу пришлось дважды крикнуть «равняйся!», прежде чем ряды приняли должный вид. Затем роту отвели к казарме, и ротмистр распорядился: «Первая секция назначается в конвой. Остальным секциям приступить к занятиям по распорядку. Р-разойдись!»

Разошлись. Гай построил свою секцию и распределил посты. Максиму с действительным рядовым Панди достался пост в допросной камере. Гай наскоро объяснил ему обязанности: стоять смирно справа и позади арестованного, при малейшей попытке арестованного подняться со скамьи — препятствовать силой, подчиняться непосредственно командиру бригады, старший — рядовой Панди... Короче говоря, смотри на Панди.

— Я бы тебя ни за что не поставил на этот пост, не положено кандидату, но господин ротмистр приказал... Ты держи ухо востро, Мак. Что-то я господина ротмистра не пойму. То ли он тебя хочет продвинуть поскорее — очень ты ему понравился в деле; вчера на разборе операции с командирами секций он много о тебе говорил да и в приказ послал... То ли он тебя проверяет. Почему так — не знаю. Может быть, я виноват со своим рапортом, а может быть, ты сам со своими разговорчиками... — Он озабоченно оглядел Максима. — Почисти-ка еще раз сапоги, подтяни ремень и надень парадные перчатки... Да, у тебя же нет, кандидатам не положено... Ладно, беги на склад, да живее, через тридцать минут выходим.

На складе Максим застал Панди, который менял треснувшую кокарду.

— Во, капрал! — сказал Панди, обращаясь к начальнику склада и хлопая Максима по плечу. — Видал? Девятый день парень в Легионе — и уже благодарность. В камеру его со мной поставили... Небось за белыми перчатками прибежал? Выдай ему хорошие перчатки, капрал, он заслужил. Парень — герой!

Капрал недовольно заворчал, полез в стеллажи, заваленные вещевым довольствием, бросил на прилавок перед Максимом несколько пар белых нитяных перчаток и сказал пренебрежительно:

— Герой!.. Это вы здесь с очумелыми герои. Конечно, когда у него от боли все нутро потрескалось, подходи да клади его в мешок. Тут бы и мой дед героем был. Без рук, без ног...

Панди обиделся.

— Твой дед без памяти удрал бы, — сказал он, — если бы на него вот так с двумя пистолетами наскочили... Я было подумал, конец господину ротмистру...

— «Конец, конец»... — брюзжал капрал. — Вот загремите через полгода на южную границу, тогда посмотрим, кто без памяти удирать будет...

Когда они вышли из склада, Максим спросил со всевозможной почтительностью (старина Панди любил почтительность):

— Господин Панди, почему у этих выродков такие боли? И у всех сразу. Как это так?

— От страха, — ответил Панди, для важности понизив голос. — Выродки, понимаешь? Читать тебе надо больше, Мак. Есть такая брошюра «Выродки, кто они и откуда». Прочти, а то как был ты дураком, так и останешься. На одной храбрости далеко не уедешь... — Он помолчал. — Вот мы волнуемся, например, злимся, скажем, или испугались — у нас ничего, только вспотеет разве или, скажем, поджилки затрясутся. А у них организм ненормальный, вырожденный. Злится он на кого-нибудь, или, например, струсил, или вообще — у него сразу сильные боли в голове и по всему телу. До беспомыслия. Понял? По такой особенности мы их узнаем и, конечно, задерживаем... берем... А хороши перчаточки, как раз на меня. Как ты полагаешь?

— Тесноваты они мне, господин Панди, — пожаловался Максим. — Давайте поменяемся: вы эти возьмите, а мне свои дайте, разношенные.

Панди был очень доволен. И Максим был очень доволен. И вдруг он вспомнил Фанка, как тот корчился в машине, катался от боли... и как его забрали патрульные легионеры. Только чего Фанк мог испугаться? И на кого он мог так злиться? Ведь он не волновался, спокойно вел автомобиль, посвистывал, очень ему чего-то хотелось... вероятно, курить. Впрочем, он обернулся, увидел патрульную машину... Или это было после?.. Да, он очень торопился, а фургон загораживал дорогу... Может быть, он

разозлился?.. «Да нет, чего я выдумываю? Мало ли какие приступы бывают у людей... А задержали его за аварию. Интересно, однако, куда он меня вез и кто он такой? Фанка надо бы найти...»

Он начистил сапоги, привел себя в совершенный порядок перед большим зеркалом, навесил на шею автомат, снова погляделся в зеркало, и тут Гай приказал строиться.

Придирчиво всех оглядев и проверив знание обязанностей, Гай побежал в ротную канцелярию доложить. Пока его не было, легионеры сыграли в «мыло», было рассказано три истории из солдатской жизни, которые Максим не понял из-за незнания некоторых специфических выражений; потом к Максиму пристали, чтобы он рассказал, откуда он такой здоровенный — это стало уже привычной шуткой в секции, — и упростили его скатать в трубочку пару монеток на память. Затем из канцелярии вышел ротмистр Чачу в сопровождении Гая. Он тоже придирчиво всех осмотрел, отошел, сказавши Гаю: «Веди секцию, капрал», и секция направилась к штабу.

В штабе ротмистр приказал действительному рядовому Панди и кандидату Симу следовать за собой, а Гай увел остальных. Они вошли в небольшую комнату с плотно занавешенными окнами, пропахшую дымом курительных палочек. В далеком конце стоял огромный пустой стол, вокруг стола были расставлены трехногие стулья, а на стене висела потемневшая картина, изображающая старинное сражение: лошади, щетинистые панцири из дранки, обнаженные пилообразные мечи и целый лес копий, похожих на вилы. В десяти шагах от стола и правее двери Максим увидел железное дырчатое сиденье. Единственная ножка под сиденьем была привинчена к полу здоровенными болтами.

— Встать по местам! — скомандовал ротмистр, прошел вперед и сел у стола.

Панди заботливо установил Максима справа и позади железного сиденья, сам встал слева и шепотом приказал «смирно». И они с Максимом застыли. Ротмистр сидел, положив ногу на ногу, покуривал и безразлично разглядывал легионеров. Он был очень безразличен и равнодушен, однако Максим явственно чувствовал, что ротмистр самым внимательным образом наблюдает за ним, и только за ним.

Потом за спиной Панди распахнулась дверь. Панди мгновенно сделал два шага вперед, шаг вправо и поворот налево. Максим тоже дернулся было, но сообразил, что он на дороге не стоит и к нему это не относится, а потому просто выкатил глаза подальше. Все-таки было в этой взрослой игре что-то заразительное, несмотря на примитивность ее и очевидную неуместность при бедственном положении обитаемого острова.

— Смирно! — гаркнул Панди.

Ротмистр поднялся, гася сигарету в пепельнице, и легким щелканьем каблуков поприветствовал идущих к столу бригадира, какого-то незнакомого человека в штатском и бригадного адъютанта с толстой папкой под мышкой. Бригадир уселся за стол посередине, лицо у него было кислое, недовольное; он засунул палец под шитый воротник, оттянул и покрутил головой. Штатский, невзрачный маленький человечек, плохо выбритый, с вялым желтоватым лицом, неслышно двигаясь, устроился рядом. Бригадный адъютант, не садясь, раскрыл папку и принялся перебирать бумаги, передавая некоторые бригадиру.

Панди, постояв немного как бы в нерешительности, теми же четкими передвижениями вернулся на место. За столом негромко разговаривали. «Ты будешь сегодня в собрании, Чачу?» — спрашивал бригадир. «У меня дела», — ответил ротмистр, закуривая новую сигарету. «Напрасно. Сегодня там диспут». — «Поздно спохватились. Я уже высказался по этому поводу». — «Не лучшим образом, — мягко заметил ротмистру штатский. — Кроме того, меняются обстоятельства — меняются мнения». — «У нас в Легионе это не так», — сухо сказал ротмистр. «Право же, господа, — капризным голосом произнес бригадир. — Давайте все-таки встретимся сегодня в собрании...» — «Я слышал, свежие озерные грибы привезли», — не переставая рыться в бумагах, сообщил адъютант. «В собственном соку, а? Ротмистр!» — поддержал его штатский. «Нет, господа, — сказал ротмистр. — У меня одно мнение, и я уже высказал

его. А что касается озерных грибов...» Он добавил еще что-то непонятное, вся компания расхохоталась, а ротмистр Чачу с довольным видом откинулся на спинку стула. Потом адъютант перестал рыться в бумагах, нагнулся к бригадиру и что-то шепнул ему. Бригадир покивал. Адъютант сел и произнес, обращаясь как бы к железному сиденью:

— Ноле Ренаду.

Панди толкнул дверь, высунулся и громко повторил в коридор:

— Ноле Ренаду!

В коридоре послышалось движение, и в комнату вошел пожилой, хорошо одетый, но какой-то измятый и встрепанный мужчина. Ноги у него слегка заплетались. Панди взял его за локоть и усадил на сиденье. Щелкнула, закрываясь, дверь. Мужчина громко откашлялся, уперся руками в колени и гордо поднял голову.

— Та-ак... — протянул бригадир, разглядывая бумаги, и вдруг зачастил скороговоркой: — Ноле Ренаду, пятьдесят шесть лет, домовладелец, член магистратуры... Та-ак... Член клуба «Ветеран»... (Штатский зевнул, прикрывая рот рукой, вытянул из кармана пестрый журнал, положил себе на колени и принялся перелистывать.) Задержан тогда-то там-то... при обыске изъято... та-ак... Что вы делали в доме номер восемь по улице Трубачей?

— Я владелец этого дома, — с достоинством сказал Ренаду. — Я совещался со своим управляющим.

— Документы проверены? — обратился бригадир к адъютанту.

— Так точно. Все в порядке.

— Та-ак, — сказал бригадир. — Скажите, господин Ренаду, вам знаком кто-нибудь из арестованных?

— Нет, — сказал Ренаду. Он энергично потряс головой. — Каким образом?.. Впрочем, фамилия одного из них... Кетшеф... По-моему, у меня в доме живет некий Кетшеф... А впрочем, не помню. Может быть, я ошибаюсь, а может быть, не в этом моем доме. У меня есть еще два дома, один из них...

— Виноват, — перебил штатский, не поднимая глаз от журнала. — А о чем разговаривали в камере остальные арестованные, вы не обратили внимания?

— Э-э-э... — протянул Ренаду. — Должен признаться... У вас там... э-э-э... насекомые... Так вот мы главным образом о них... Кто-то шептался в углу, но мне было, признаться, не до того... Я предпочел иметь дело с насекомыми, хе-хе!..

— Естественно, — согласился бригадир. — Ну что же, мы не извиняемся, господин Ренаду. Вот ваши документы, вы свободны... Начальник конвоя! — сказал он, повысив голос.

Панди распахнул дверь и крикнул:

— Начальник конвоя, к бригадиру!

— Ни о каких извинениях не может быть и речи, — важно произнес Ренаду. — Виноват только я, я один... И даже не я, а проклятая наследственность... Вы разрешите? — обратился он к Максиму, указывая на стол, где лежали документы.

— Сидеть, — негромко сказал Панди.

Вошел Гай. Бригадир передал ему документы, приказал вернуть господину Ренаду изъятое имущество, и господин Ренаду был отпущен.

— Раше Мусаи, — сказал адъютант железному сиденью.

— Раше Мусаи, — повторил Панди в открытую дверь.

Раше Мусаи оказался худым, совершенно замученным человеком в потрепанном домашнем халате и в одной туфле. Едва он сел, как бригадир, налившись кровью, заорал: «Скрываешься, мерзавец?» — на что Раше Мусаи принялся многословно и путано объяснять, что он совсем не скрывается, что у него больная жена и трое детей, что у него за квартиру не плачено, что его уже два раза задерживали и отпускали, что работает он на фабрике, мебельщик, что ни в чем не виноват. И Максим уже ожидал, что его выпустят, но бригадир вдруг встал и объявил, что Раше Мусаи, сорока двух лет, женатый, имеющий

два задержания, приговаривается, согласно закону о профилактике, к семи годам. Примерно минуту Раше Мусаи осмысливал этот приговор, а затем разыгралась ужасная сцена. Несчастный мебельщик плакал, несвязно умолял о прощении, пытался падать на колени и продолжал кричать и плакать, пока Панди выволакивал его в коридор. И Максим снова поймал на себе взгляд ротмистра Чачу.

— Киви Попшу, — сказал адъютант.

В дверь втолкнули плечистого парня, с лицом, изуродованным какой-то кожной болезнью. Парень оказался квартирным вором-рецидивистом, был захвачен на месте преступления и держался нагло-заискивающе. Он то принимался молить господ начальников не предавать его лютой смерти, то вдруг истерически хихикал, отпуская остроты и затевал рассказывать истории из своей жизни, которые все начинались одинаково: «Захожу я в один дом...» Он никому не давал говорить. Бригадир после нескольких безуспешных попыток задать вопрос откинулся на спинку стула и возмущенно поглядел направо и налево от себя. Ротмистр Чачу сказал ровным голосом:

— Кандидат Сим, заткни ему пасть.

Максим не знал, как затыкают пасть, поэтому он просто взял Киви Попшу за плечо и встряхнул. У Киви Попшу лязгнули челюсти, он прикусил язык и замолчал. Тогда штатский, давно уже с интересом наблюдавший арестованного, произнес:

— Этого я возьму. Пригодится.

— Прекрасно! — сказал бригадир и приказал отправить Киви Попшу обратно в камеру.

Когда парня вывели, адъютант сказал:

— Вот и весь мусор. Теперь пойдет группа.

— Начинайте прямо с руководителя, — посоветовал штатский. — Как там его — Кетшеф?

Адъютант заглянул в бумаги и сказал железному сиденью:

— Гэл Кетшеф.

Ввели знакомого — человека в белом халате. Он был в наручниках и поэтому держал руки перед собой, неестественно вытянув их. Глаза у него были красные, лицо отекло. Он сел и стал смотреть на картину поверх головы бригадира.

— Ваше имя — Гэл Кетшеф? — спросил бригадир.

— Да.

— Зубной врач?

— Был.

— В каких отношениях находитесь с зубным врачом Гобби?

— Купил у него практику.

— Почему же не практикуете?

— Продал кабинет.

— Почему?

— Стесненные обстоятельства, — сказал Кетшеф.

— В каких отношениях находитесь с Орди Тадер?

— Она моя жена.

— Дети есть?

— Был. Сын.

— Где он?

— Не знаю.

— Чем занимались во время войны?

— Воевал.

— Почему решили заняться антигосударственной деятельностью?

— Потому что в истории мира не было более отвратительного государства, — сказал Кетшеф. — Потому что любил свою жену и своего ребенка. Потому что вы убили моих друзей и растлили мой народ. Потому что всегда ненавидел вас. Достаточно?

— Достаточно, — спокойно сказал бригадир. — Более чем достаточно. Скажите нам лучше, сколько вам платят хонтийцы? Или вам платит Пандея?

Человек в белом халате засмеялся. Жуткий это был смех, так мог бы смеяться мертвец.

— Кончайте эту комедию, бригадир, — сказал он. — Зачем это вам?

— Вы руководитель группы?

— Да. Был.

— Кого вы можете назвать из членов организации?

— Никого.

— Вы уверены? — спросил вдруг человек в штатском.

— Да.

— Видите ли, Кетшеф, — мягко сказал человек в штатском, — вы находитесь в крайне тяжелом положении. Мы знаем о вашей группе все. Мы даже знаем кое-что о связях вашей группы. Вы должны понимать, что эта информация получена нами от какого-то лица, и теперь только от нас зависит, какое имя будет у этого лица — Кетшеф или какое-нибудь другое...

Кетшеф молчал, опустив голову.

— Вы! — каркнул ротмистр Чачу. — Вы, бывший боевой офицер! Вы понимаете, что вам предлагают? Не жизнь, массаракш! Честь!

Кетшеф опять засмеялся, закашлялся, но ничего не сказал. Максим чувствовал, что этот человек ничего не боится. Ни смерти, ни позора. Он уже все пережил. Он уже считает себя мертвым и опозоренным... Бригадир пожал плечами, поднялся и объявил, что Гэл Кетшеф, пятидесяти лет, женатый, зубной врач, приговаривается на основании закона об охране общественного здоровья к уничтожению. Срок исполнения приговора — сорок восемь часов. Приговор может быть заменен в случае согласия приговоренного дать показания.

Когда Кетшефа вывели, бригадир с неудовольствием сказал штатскому: «Не понимаю тебя. По-моему, он разговаривал довольно охотно. Типичный болтун — по вашей же классификации. Не понимаю...» Штатский засмеялся: «Вот потому-то, дружище, ты командуешь бригадой, а я... а я — у себя». — «Все равно, — обиженно сказал бригадир. — Руководитель группы... склонен пофилософствовать... Не понимаю». — «Дружище, — сказал штатский. — Ты видел когда-нибудь философствующего покойника?» — «А, вздор...» — «А все-таки?» — «Может быть, ты видел?» — спросил бригадир. «Да, только что, — сказал штатский веско. — И заметь, не в первый раз... Я жив, он мертв — о чем нам говорить? Так, кажется, у Верблибена?..» Ротмистр Чачу вдруг поднялся, подошел вплотную к Максиму и прошипел ему в лицо снизу вверх: «Как стоишь, кандидат? Куда смотришь? Смир-рна! Глаза перед собой! Не бегать глазами!» Несколько секунд он, шумно дыша, разглядывал Максима — зрачки его бешено сужались и расширялись, — потом вернулся на свое место и закурил.

— Так, — сказал адъютант. — Остались: Орди Тадер, Мемо Грамену и еще двое, которые отказались себя назвать.

— Вот с них и начнем, — предложил штатский.

— Номер семьдесят три — тринадцать, — сказал адъютант.

Номер семьдесят три — тринадцать вошел и сел на табурет. Он тоже был в наручниках, хотя одна рука у него была искусственная, сухой, жилистый человек с болезненно толстыми, распухшими от прокусов губами.

— Ваше имя? — спросил бригадир.

— Которое? — весело спросил однорукий.

Максим даже вздрогнул: он был уверен, что однорукий будет молчать.

— У вас их много? Тогда назовите настоящее.

— Настоящее мое имя — номер семьдесят три — тринадцать.

— Та-ак... Что вы делали в квартире Кетшефа?

— Лежал в обмороке. К вашему сведению, я это очень хорошо умею. Хотите, покажу?

— Не трудитесь, — сказал человек в штатском. Он был очень зол. — Вам еще понадобится это умение.

Однорукий вдруг захохотал. Он смеялся громко, звонко, как молодой, и Максим с ужасом понял, что он смеется искренне. Люди за столом молча, словно окаменев, слушали этот смех.

— Массаракш! — сказал наконец однорукий, вытирая слезы плечом. — Ну и угроза!.. Впрочем, вы еще молодой человек... Вашу работу нужно делать по возможности сухо, казенно — за деньги. Это производит на подследственного огромное впечатление. Ужасно, когда тебя пытается не враг, а чиновник. Вот посмотрите на мою левую руку. Мне ее отпилили специалисты его императорского величества в три приема, и каждый акт сопровождался обширной перепиской... Палачи выполняли тяжелую, неблагодарную работу, им было скучно, они пилили мою руку и ругали нищенские оклады. И мне было страшно. Только очень большим усилием воли я удержался тогда от болтовни. А сейчас... Я же вижу, как вы меня ненавидите. Вы — меня, я — вас. Прекрасно! Но вы меня ненавидите меньше двадцати лет, а я вас — больше тридцати. Вы тогда еще пешком под стол ходили и мучили кошек, молодой человек...

— А-а, — сказал штатский. — Старая ворона. Я думал, вас уже всех перебили.

— И не надейтесь, — возразил однорукий. — Надо все-таки разбираться в мире, где вы живете... А то и разговаривать с вами не о чем...

— По-моему, достаточно, — сказал бригадир, обращаясь к штатскому.

Тот быстро написал что-то на журнале и дал бригадиру прочесть. Бригадир очень удивился, побарабанил пальцами по подбородку и с сомнением поглядел на штатского. Штатский улыбнулся. Тогда бригадир пожал плечами, подумал и обратился к ротмистру:

— Свидетель Чачу, как вел себя обвиняемый при аресте?

— Валялся на полу, — мрачно ответил ротмистр.

— То есть сопротивления он не оказывал... Та-ак... — Бригадир еще немного подумал, поднялся и огласил приговор: — Обвиняемый номер семьдесят три — тринадцать приговаривается к смертной казни, срок исполнения приговора не определяется, впредь до исполнения приговора обвиняемый имеет пребывать в ссылке на воспитании.

На лице ротмистра Чачу проступило презрительное недоумение, а однорукий, когда его выводили, тихонько смеялся и тряс головой, как бы говоря: «Ну и ну!»

Затем был введен номер семьдесят три — четырнадцать. Это был тот самый человек, который кричал, корчась на полу. Он был полон страха, но держался вызывающе. Прямо с порога он крикнул, что отвечать не будет и снисхождения не желает. Он действительно молчал и не ответил ни на один вопрос, даже на вопрос штатского: нет ли жалоб на дурное обращение? Кончилось тем, что бригадир посмотрел на штатского и вопросительно мыкнул. Штатский кивнул и сказал: «Да, ко мне». Он казался очень довольным.

Потом бригадир перебрал оставшиеся бумаги и сказал:

— Пойдемте, господа, поедим. Невозможно...

Суд удалился, а Максиму и Панди разрешили стоять вольно. Когда ротмистр тоже вышел, Панди возмущенно сказал:

— Видал гадов? Хуже змей, ей-богу. Главное ведь что? Не боли у них головы, ну как бы ты узнал, что они выродки? Подумать страшно, что бы тогда было...

Максим промолчал. Говорить ему не хотелось. Картина мира, еще сутки назад казавшаяся такой логичной и отчетливой, сейчас размылась, потеряла очертания. Впрочем, Панди не нуждался в репликах. Снявши, чтобы не запачкать, перчатки, он извлек из кармана кулек с жареными орешками, угостил Максима и принялся рассказывать, как он не терпит этот пост. Во-первых, страшно было заразиться от

выродков. Во-вторых, некоторые из них, вроде этого однорукого, вели себя ну до того нагло, что сил нет как хотелось дать по шее. Один раз он вот так терпел-терпел, а потом и дал — чуть в кандидаты не разжаловали. Спасибо ротмистру, отстоял. Засадил только на двадцать суток и еще сорок суток без увольнения...

Максим грыз орешки, слушал вполуха и молчал. «Ненависть, — думал он. — Те ненавидят этих, эти ненавидят тех. За что? Самое отвратительное государство... Почему? Откуда он это взял?.. Растлили народ... Как? Что это может значить?.. И этот штатский... Не может быть, чтобы он намекал на пытки. Это же было давно, в средние века... Впрочем, фашизм. Да. Гитлер. Освенцим. Расовая теория, геноцид. Мировое господство. Гай — фашист? И Рада? Нет, не похоже... Господин ротмистр? Гм... Хорошо бы понять, какая существует связь между больной головой и пристрастием к неповиновению властям. Почему систему ПБЗ стремятся разрушить только выродки? И при этом даже не все выродки?»

— Господин Панди, — сказал он, — а хонтийцы — это все выродки, вы не слышали? Панди глубоко задумался.

— Как тебе... понимаешь... — произнес наконец он. — Мы в основном насчет выродков как городских, так и диких, которые в лесах. А что там в Хонти или, скажем, еще где, — этому, наверно, армейцев обучают. Главное, что ты должен знать, что хонтийцы есть злейшие внешние враги нашего государства. До войны они нам подчинялись, а теперь злобно мстят... Вот и все. Понял?

— Более или менее, — сказал Максим, и Панди сейчас же закатил ему выговор: в Легионе так не отвечают, в Легионе отвечают «так точно» или «никак нет», а «более или менее» есть выражение штатское, это капраловой сестренке можешь так отвечать, а здесь служба, здесь так нельзя...

Вероятно, он долго еще разглагольствовал бы, тема была благодарная, близкая его сердцу, и слушатель был внимательный, почтительный, но тут вернулись господа офицеры. Панди замолчал на полуслове, прошептал «смирно» и, совершив необходимые эволюции между столом и железной табуреткой, застыл. Максим тоже застыл.

Господа офицеры были в прекрасном настроении. Ротмистр Чачу громко и с пренебрежительным видом рассказывал, как в девяносто шестом они лепили сырое тесто прямо на раскаленную броню и пальчики облизывали. Бригадир и штатский возражали, что боевой дух боевым духом, но кухня Боевого Легиона должна быть на высоте, и чем меньше консервов, тем лучше. Адьютант, полускрыв глаза, вдруг принялся цитировать наизусть какую-то поваренную книгу, и все замолчали и довольно долго слушали его со странным умилением на лицах. Потом адъютант захлебнулся и закашлялся, а бригадир, вздохнув, сказал:

— Да... Но надо, однако, кончать.

Адьютант, все еще кашляя, раскрыл папку, покопался в бумагах и произнес сдавленным голосом:

— Орди Тадер.

И вошла женщина, такая же белая и почти прозрачная, как и вчера, словно она все еще была в обмороке; но, когда Панди, по обыкновению, протянул руку, чтобы взять ее за локоть и усадить, она резко отстранилась от него, как от гадины, и Максиму почудилось, что она сейчас ударит. Она не ударила, у нее были скованы руки, она только отчетливо произнесла:

— Не тронь, подлец! — Обошла Панди и села.

Бригадир задал ей обычные вопросы. Она не ответила. Штатский напомнил ей о ребенке, о муже, и ему она тоже не ответила. Она сидела выпрямившись; Максим не видел ее лица, видел только напряженную, худую шею под растрепанными светлыми волосами. Потом она вдруг сказала спокойным низким голосом:

— Вы все отъявленные мерзавцы. Убийцы. Вы все умрете. Ты, бригадир, я тебя не знаю, я тебя вижу в первый и последний раз. Ты умрешь скверной смертью. Не от моей

руки, к сожалению, но очень, очень скверной смертью. И ты, кровавый подонок. Двоих таких, как ты, я прикончила сама. Я бы сейчас убила тебя, я бы до тебя добралась, если бы не эти подлецы у меня за спиной... — Она перевела дыхание. — И ты, черномордый, пушечное мясо, ты еще попадешься к нам в руки. Но ты умрешь просто. Гэл промахнулся, но я знаю людей, которые не промахнутся...

Они не перебивали ее, они внимательно слушали. Можно было подумать, что они готовы слушать ее часами, а она вдруг поднялась и шагнула к столу, но Панди поймал ее за плечо и бросил обратно на сиденье. Тогда она плюнула изо всех сил, но плевков не долетел до стола, и она вдруг обмякла и заплакала. Некоторое время они смотрели, как она плачет. Потом бригадир встал и приговорил ее к уничтожению в сорок восемь часов, и Панди взял ее за локоть и вышвырнул за дверь, а штатский сильно потер руки, улыбнулся и сказал: «Это удача. Отличное прикрытие». А бригадир ответил ему: «Благодари ротмистра». А ротмистр Чачу сказал только: «Языки», — и все замолчали.

Потом адъютант вызвал Мемо Грамену, и с этим совсем уже не церемонились. Это был человек, который стрелял в коридоре. С ним все было ясно: при аресте он оказал вооруженное сопротивление, и ему даже не задавали вопросов. Он сидел грузный, сгорбленный, и пока бригадир зачитывал ему смертный приговор, он равнодушно глядел в потолок, нянча левой рукой правую, вывихнутые пальцы которой были обмотаны тряпкой. Максиму почудилось в нем какое-то противоестественное спокойствие, какая-то деловитая уверенность, холодное равнодушие к происходящему, но он не сумел разобраться в своих ощущениях...

Грамену не успели еще вывести, а адъютант уже с облегчением складывал бумаги в папку, бригадир затеял со штатским разговор о порядке чинопроизводства, а ротмистр Чачу подошел к Панди и Максиму и приказал им идти. В его прозрачных глазах Максим ясно увидел издевку и угрозу, но не захотел думать об этом. С каким-то отчужденным любопытством и сочувствием он думал о том человеке, которому предстоит убить женщину. Это было чудовищно, это было невозможно, но кому-то предстояло это сделать в ближайшие сорок восемь часов.

Глава восьмая

Гай переоделся в пижаму, повесил мундир в шкаф и повернулся к Максиму. Кандидат Сим сидел на своем диванчике, который Рада поставила ему в свободном углу; один сапог он стянул и держал в руке, а за другой еще не принимался. Глаза его были устремлены в стену, рот приоткрыт. Гай подкрался сбоку и щелкнул его по носу. И как всегда промахнулся — в последний момент Мак отдернул голову.

— О чем задумался? — игриво спросил Гай. — Горюешь, что Рады нет? Тут тебе, брат, не повезло, у нее сегодня дневная смена.

Мак слабо улыбнулся и принялся за второй сапог.

— Почему — нет? — сказал он рассеянно. — Ты меня не обманешь... — Он снова замер. — Гай, — сказал он, — ты всегда говорил, что они работают за деньги...

— Кто? Выродки?

— Да. Ты об этом часто говорил — и мне, и ребятам... Платные агенты хонтийцев... И ротмистр все время об этом твердит, каждый день одно и то же...

— Как же иначе? — сказал Гай. Он решил, что Мак опять заводит разговор об однообразии. — Ты все-таки чудачина, Мак. Откуда у нас могут появиться какие-то новые слова, если все остается по-старому? Выродки как были выродки, так и остались. Как они получали деньги от врага, так и получают. Вот в прошлом году, например, накрыли одну компанию за городом — у них целый подвал был набит денежными мешками. Откуда у честного человека могут быть такие деньги? Они не промышленники, не банкиры...

Мак аккуратно поставил сапоги у стены, встал и принялся расстегивать комбинезон.

— Гай, — сказал он, — у тебя бывает так, что говорят тебе про человека одно, а ты смотришь на этого человека и чувствуешь: не может этого быть. Ошибка. Путаница.

— Бывало, — сказал Гай, нахмурившись. — Но если ты о вырождаках...

— Да, именно о них. Я сегодня на них смотрел. Это люди как люди, разные, получше и похуже, смелые и трусливые, и вовсе не звери, как я думал... и как вы все считаете... Погоди, не перебивай. И не знаю я, приносят они вред или не приносят, то есть, судя по всему, приносят, но я не верю, что они куплены.

— Как это не веришь? — сказал Гай, хмурясь еще сильнее. — Ну, предположим, мне ты можешь не верить, я человек маленький. Ну, а господину ротмистру? А бригадиру?

Максим сбросил комбинезон, подошел к окну и стал смотреть на улицу, прижавшись лбом к стеклу и держась обеими руками за раму.

— А если они ошибаются? — проговорил он наконец.

— Ошибаются... — с недоумением повторил Гай, глядя ему в голую спину. — Кто ошибается? Господин бригадир? Вот чудак...

— Ну, пусть, — сказал Мак, оборачиваясь. — Мы не о нем сейчас говорим. Мы говорим о вырождаках. Вот ты, например... Ты ведь умрешь за свое дело?

— Умру, — сказал Гай. — И ты умрешь.

— Правильно! Умрем. Но ведь за дело умрем — не за паек легионерский и не за деньги. Дайте мне хоть тысячу миллионов ваших бумажек, не соглашусь я ради этого идти на смерть!.. Неужели ты согласишься?

— Нет, конечно, — сказал Гай. «Чудачина этот Мак, вечно что-нибудь выдумает...»

— Ну?

— Что — ну?

— Ну как же! — сказал Мак с нетерпением. — Ты за деньги не согласен умирать. Я за деньги не согласен умирать. А выродки, значит, согласны! Что за чепуха!

— Так то выродки! — сказал Гай проникновенно. — На то они и выродки! Им деньги дороже всего, у них нет ничего святого. Им ничего не стоит ребенка задушить — бывали такие случаи... Ты пойми: если человек старается уничтожить систему ПБЗ, что это может быть за человек? Это же хладнокровный убийца!

— Не знаю, не знаю, — сказал Мак. — Вот их сегодня допрашивали. Если бы они назвали сообщников, могли бы остаться живы, отделались бы каторгой... А они не назвали! Значит, сообщники им дороже, чем деньги? Дороже, чем жизнь?

— Это еще неизвестно, — возразил Гай. — Они по закону все приговорены к смерти, без всякого суда, ты же видел, как их судят.

Он смотрел на Мака и видел, что друг его колеблется, растерян. Доброе у него сердце, зелен еще, не понимает, что жестокость с врагом неизбежна. Трахнуть бы кулаком по столу да прикрикнуть, чтобы молчал, не болтал зря, не молол бы глупостей, а слушал старших, пока не научился разбираться сам. Но ведь Мак не дубина какая-нибудь необразованная, ему нужно только объяснить как следует, и он поймет...

— Нет! — упрямо сказал Мак. — Ненавидеть за деньги нельзя. А они ненавидят... так ненавидят нас, я даже и не знал, что люди могут так ненавидеть. Ты их ненавидишь меньше, чем они тебя. И вот я хотел бы знать: за что?

— Вот послушай, — сказал Гай. — Я тебе еще раз объясню. Во-первых, они выродки. Они вообще ненавидят всех нормальных людей. Они по природе злобны, как крысы. А потом, мы им мешаем! Они хотели бы сделать свое дело, получить денюжки и жить себе припеваючи. А мы им говорим: стоп! Руки за голову! Что ж они, любить нас должны за это?

— Если они все злобны, как крысы, почему же тогда этот... домовладелец... не злобный? Почему его отпустили, если все они подкуплены?

Гай засмеялся.

— Домовладелец — трус. Таких тоже хватает. Ненавидят нас, но боятся. Таким выгоднее жить с нами в дружбе... А потом, он домовладелец, богатый человек, его так просто не подкупишь. Это тебе не зубной врач... Смешной ты, Мак, как ребенок! Люди ведь не бывают одинаковые, и выродки не бывают одинаковые...

— Это я уже знаю, — нетерпеливо прервал Мак. — Но вот, кстати, о зубном враче. То, что он неподкупен, за это я головой ручаюсь. Я не могу тебе это доказать, я это чувствую. Это очень смелый и хороший человек...

— Выродок!

— Хорошо. Это смелый и хороший выродок. Я видел его библиотеку. Это очень знающий человек. Он знает в тысячу раз больше, чем ты или ротмистр... Почему он против нас? Если все так, как ты говоришь, почему он не знает этого — образованный, культурный человек? Почему он на пороге смерти говорит нам в лицо, что он за народ и против нас?

— Образованный выродок — это выродок в квадрате, — сказал Гай поучающе. — Как выродок он нас ненавидит. А образование помогает ему эту ненависть обосновать и распространить. Образование — это, дружок, тоже не всегда благо. Это как автомат — смотря в чьих руках...

— Образование — всегда благо, — сказал Мак.

— Ну уж нет. Я бы предпочел, чтобы хонтийцы все были необразованные. Тогда бы мы, по крайней мере, могли жить как люди, а не ждать все время смертельного удара. Мы бы их живо усмирили.

— Да, — сказал Мак с непонятной интонацией. — Усмирять мы умеем. Жестокости нам не занимать.

— И опять ты как ребенок. Мы бы и рады уговорами обойтись, и дешевле бы это было, и без кровопролития. А что прикажешь? Если их никак не переубедить...

— Значит, они убеждены? — прервал его Мак. — Значит, убеждены? А если знающий человек убежден, что он прав, то при чем тут хонтийские деньги...

Гаю надоело. Он хотел уже, как к последнему средству, прибегнуть к Кодексу Творцов и покончить с этим бесконечным глупым спором, но тут Мак перебил сам себя, махнул рукой и крикнул:

— Рада! Хватит спать! Легионеры проголодались и скучают по женскому обществу!

К огромному изумлению Гая, из-за ширмы послышался голос Рады:

— А я давно не сплю. Вы тут раскричались, господа легионеры, как у себя на плацу.

— Ты почему дома? — гаркнул Гай.

Рада, запахивая халатик, вышла из-за ширмы.

— Меня рассчитали, — объявила она. — Мамаша Тэй закрыла свое заведение, наследство получила и собирается в деревню. Но она меня уже рекомендовала в хорошее место... Мак, почему у тебя все разбросано? Прибери в шкаф. Мальчики, я же просила вас не входить в комнату в сапогах! Где твои сапоги, Гай?.. Накрывайте на стол, сейчас будем обедать... Мак, ты похудел. Что они там с тобой делают?

— Давай, давай! — сказал Гай. — Неси обед...

Она показала ему язык и вышла. Гай взглянул на Мака. Мак смотрел ей вслед со своим обычным добрым выражением.

— Что, хороша девочка? — спросил Гай и испугался: лицо Мака вдруг окаменело. — Ты что?

— Слушай, — сказал Мак. — Все можно. Даже пытаться, наверное, можно. Вам виднее. Но женщин расстреливать... женщин мучить... — Он схватил свои сапоги и пошел из комнаты.

Гай крикнул, сильно почесал обеими руками затылок и принялся накрывать на стол. От всего этого разговора у него остался неприятный осадок. Какая-то раздвоенность. Конечно, Мак еще зелен и не от мира сего. Но как-то опять у него все удивительно получилось. Логик он, вот что, логик замечательный. Вот ведь сейчас — чепуху же порол, но как у него все логично выстроилось! Гай вынужден был признать, что, если бы не этот разговор, сам он вряд ли дошел бы до очень простой, в сущности, мысли: главное в выродках то, что они выродки. Отними у них это свойство, и все остальные обвинения против них превращаются в чепуху. Да, все дело в том, что они выродки и ненавидят все

нормальное. Этого достаточно, и можно обойтись без хонтийского золота... А хонтийцы что — тоже, значит, выродки? Этого нам не говорили. А если они не выродки, тогда наши выродки должны их ненавидеть, как и нас... А, массаракш! Будь она проклята, эта логика!..

Когда Мак вернулся, Гай набросился на него:

— Откуда ты знал, что Рада дома?

— Ну как — откуда? Это и так было ясно...

— А если тебе было ясно, так почему ты меня не предупредил? И почему ты, массаракш, распускаешь язык при посторонних? Тридцать три раза массаракш...

Мак тоже разозлился:

— Это кто здесь посторонний, массаракш? Рада? Да вы все со своими ротмистрами для меня более посторонние, чем Рада!

— Массаракш! Что в уставе сказано о служебной тайне?

— Массаракш и массаракш! Что ты ко мне пристал? Я же не знал, что ты не знаешь, что она дома! Я думал, ты меня разыгрываешь! И потом, о каких таких служебных тайнах мы тут говорили?

— Все, что касается службы...

— Провалитесь вы со своей службой, которую нужно скрывать от родной сестры! И вообще от кого бы то ни было, массаракш! Поразвели секретов в каждом углу, повернуться негде, рта не раскрыть!

— И ты же еще на меня орешь! Я тебя, дурака, учу, а ты на меня орешь!..

Но Мак уже перестал злиться. Он вдруг мгновенно оказался рядом; Гай не успел пошевелиться — сильные руки сдавили ему бока, комната завертелась перед глазами, и потолок стремительно надвинулся. Гай придушенно ахнул, а Мак, бережно неся его над головой в вытянутых руках, подошел к окну и сказал:

— Ну, куда тебя девать с твоими тайнами? Хочешь за окно?

— Что за дурацкие шутки, массаракш! — закричал Гай, судорожно размахивая руками в поисках опоры.

— Не хочешь за окно? Ну ладно, оставайся...

Гая поднесли к ширме и вывалили на кровать Рады. Он сел, поправил задрвшуюся пижаму и проворчал:

— Зверь здоровенный...

Он тоже больше не сердился. Да и не на кого было сердиться, разве что на выроdkов...

Они принялись накрывать на стол. Потом пришла Рада с кастрюлей супа, а за нею дядюшка Каан со своей заветной флягой, которая одна только, по его заверениям, спасала его от простуды и других старческих болезней. Уселись, принялись за суп. Дядюшка выпил рюмку, потянул носом воздух и принялся рассказывать про своего врага, коллегу Шапшу, который опять написал статью о назначении такой-то кости у такой-то древней ящерицы, причем вся статья была построена на глупости, ничего, кроме глупости, не содержала и рассчитана была на глупцов...

У дядюшки Каана все были глупцы. Коллеги по кафедре — глупцы, одни старательные, другие обленившиеся. Ассистенты — болваны от рождения, коим место в горах пасти скотину, да и то, говоря по правде, неизвестно, справятся ли. Что же касается студентов, то молодежь сейчас вообще словно подменили, а в студенты к тому же идет самая отборная дурость, которую рачительный предприниматель не подпустил к станкам, а знающий командир отказался принять в солдаты. Так что судьба науки об ископаемых животных предрешена... Гай не слишком об этом сожалел, бог с ними, ископаемыми, не до них сейчас, и вообще непонятно, зачем и кому эта наука может когда-либо понадобиться. Но Рада дядюшку очень любила и всегда ужасалась вместе с ним по поводу глупости коллеги Шапшу и горевала, что университетское начальство не выделяет средств, необходимых для экспедиций...

Сегодня, впрочем, разговор пошел о другом. Рада, которая, массараکش, все-таки все слышала у себя за ширмой, спросила вдруг дядю, чем выродки отличаются от обычных людей. Гай грозно посмотрел на Мака и предложил Раде не портить родным и близким аппетита, а читать лучше литературу. Однако дядюшка заявил, что эта литература написана для глупейших из дураков; что в Департаменте общественного просвещения воображают, будто все такие же невежды, как они сами; что вопрос о вырождаках совсем не так прост и совсем не так мелок, как его пытаются изобразить для создания определенного общественного мнения, и что либо мы будем здесь как культурные люди, либо как наши бравые, но — увы! — малообразованные офицеры в казармах. Мак предложил ради разнообразия побыть как культурные люди. Дядюшка выпил еще рюмку и принялся излагать имеющую сейчас хождение в научных кругах теорию о том, что выродки есть не что иное, как новый биологический вид, появившийся на лице Мира в результате радиоактивного облучения.

— Выродки, несомненно, опасны, — говорил дядюшка, подняв палец. — Но они гораздо более опасны, чем ты думаешь, Гай. Они борются за место в этом мире, за существование своего вида, и эта борьба не зависит ни от каких социальных условий, а кончится она только тогда, когда уйдет с арены биологической истории либо последний человек, либо последний выродок-мутант. Хонтийское золото — вздор! — орал разбушевавшийся профессор. — Диверсии против системы ПБЗ — чепуха! Смотрите за Голубую Змею, господа! За Голубую Змею! Вот откуда идет настоящая опасность. Вот откуда, размножившись, двинутся колонны человекоподобных чудовищ, чтобы растоптать нас и превратить в ничто! Ты — слепец, Гай. И командиры твои — слепцы! Спасти цивилизацию! Не один какой-нибудь народ, не просто матерей и детей наших, но все человечество целиком!..

Гай разозлился и сказал, что судьбы человечества его занимают мало. Он в этот кабинетный бред не верит. И если бы ему сказали, что есть возможность натравить диких выроdkов на Хонти, минуя нашу страну, он бы этому всю жизнь посвятил. Профессор снова взбеленился и опять назвал его слепым слепцом. Он сказал, что Огненосные Творцы — настоящие мученики: им приходится вести поистине неравную борьбу, если в их распоряжении только такие жалкие, слепые исполнители, как Гай. Гай решил с ним не спорить. Дядюшка ничего не смыслил в политике и сам был в известной степени ископаемым животным. Мак попытался вмешаться и начал рассказывать про однорукого выроdkа, но Гай эти поползновения разгласить служебную тайну пресек и велел Раде подавать второе. Маку же он приказал включить телевизор. Слишком много разговоров сегодня, сказал он. Дайте немного отдохнуть солдату, прибывшему в увольнение...

Однако воображение его было возбуждено, по телевизору показывали какую-то глупость, и Гай, не удержавшись, принялся рассказывать о диких выроdkах. Он о них кое-что знал — слава богу, три года воевал с ними, а не отсиживался в тылу, как некоторые философы... Рада обиделась за старика и обозвала Гая хвастуном, но дядюшка и Мак почему-то приняли его сторону и стали просить продолжать. Гай объявил, что не скажет больше ни слова. Во-первых, он в самом деле был несколько обижен, а во-вторых, пошарив в памяти, он не смог найти там ничего, что опровергало бы измышления старого пьяницы. Потом его осенило — он вспомнил, что рассказывал однажды старшина сто четырнадцатой группы смертников Зеф, и с удовольствием преподнес эту теорию дядюшке. Рыжая морда Зеф говорил, что выродки потому проявляют всё усиливающуюся активность, что на них самих наступает радиоактивная пустыня и деваться этим беднякам некуда, кроме как пытаться с боем пробиться в районы, свободные от радиоактивности.

— Кто это тебе рассказал? — спросил дядя с презрением. — Какому деревянному дураку могла прийти в голову столь примитивная мысль?

Гай посмотрел на него со злорадством и веско ответил:

— Таково мнение некоего Аллу Зефа, крупнейшего нашего медика-психиатра.

— Где это ты с ним встречался? — еще более презрительно осведомился дядюшка.
— Уж не на ротной ли кухне?

Гай сгоряча хотел было сказать, где он с ним встречался, но прикусил язык, придал своему лицу значительное выражение и с подчеркнутым вниманием стал слушать телевизионного диктора, сообщающего прогноз погоды.

И тут в разговор, массаракш, опять влез этот Мак.

— Я готов признать, — объявил он, — в этих чудовищах на юге некую новую породу людей, но что общего между ними и домохозяином Ренаду, например? Ренаду тоже считается выродком, но он явно относится не к новой, а, прямо скажем, к очень старой породе людей...

Гай об этом никогда не думал, и поэтому он был очень рад, что отвечать на этот вопрос бросился дядюшка. Обозвав Мака развесистым пнем, дядюшка принялся объяснять, что скрытые выродки, они же выродки городские, есть не что иное, как уцелевшие в борьбе за существование остатки нового вида, почти начисто уничтоженного в наших центральных районах еще в колыбели... Он еще помнит эти ужасы: их убивали прямо при рождении, иногда вместе с матерями... Уцелели только те, у которых новые видовые признаки ничем наружно не проявляются... Дядя Каан хватил пятую рюмку, разошелся и развил перед слушателями четкий план поголовного тотального медицинского обследования населения, которым неизбежно придется заняться рано или поздно, и лучше рано, чем поздно. И никаких исключений! Никакого попустительства! Сорная трава должна быть выполота без пощады...

На этом обед кончился. Рада принялась мыть посуду, дядя, не дождавшись никаких возражений, победно всех оглядел, закупорил флягу и понес ее к себе, пробормотав, что идет писать ответ этому дураку Шапшу. При этом он зачем-то захватил с собой и рюмку. Гай посмотрел ему вслед — на ветхий его пиджачок, на старые, залатанные брюки, на штопаные носки и стоптанные туфли — и пожалел старика. Проклятая война! Раньше дяде принадлежала вся эта квартира, у него была прислуга, жена, был сын, была роскошная посуда, много денег, даже поместье где-то было, а теперь — пыльный, забитый книгами кабинет, он же спальня, он же все прочее, поношенная одежда, одиночество, забвение... Да. Он пододвинул единственное кресло к телевизору, вытянулся и стал сонно смотреть на экран. Мак некоторое время сидел рядом, потом мгновенно и бесшумно, как он один умел это делать, исчез и обнаружился уже в другом углу. Он покопался в небольшой библиотечке Гая, выбрал какой-то учебник и принялся листать его стоя, прислонившись плечом к платяному шкафу. Рада прибрала со стола, села рядом с Гаем и стала вязать, изредка поглядывая на экран. В доме воцарились покой, мир, удовлетворение. Гай задремал.

Ему приснилась чепуха: будто он поймал двух выродков в каком-то железном тоннеле, начал снимать с них допрос и вдруг обнаружил, что один из выродков — Мак, а другой выродок, мягко и добро улыбаясь, говорит Гаю: «Ты все время ошибался, твое место с нами, а ротмистр — просто профессиональный убийца, без всякого патриотизма, без настоящей верности, ему просто нравится убивать, как тебе нравится суп из креветок...» И Гай вдруг ощутил душное сомнение, почувствовал, что вот сейчас поймет все до конца, еще секунда — и не останется больше ни одного вопроса. Это непривычное состояние было настолько мучительно, что сердце остановилось и он проснулся.

Мак и Рада тихонько говорили о какой-то ерунде — о морских купаниях, о песке, о ракушках... Он их не слушал. Ему в голову вдруг пришла мысль: неужели он способен на какие-то сомнения, колебания, на неуверенность? Но ведь сомневался же он во сне... Значит ли это, что он и наяву в такой же ситуации засомневался бы? Некоторое время он старался во всех деталях припомнить свой сон, но сон ускользал, как мокрое мыло из мокрых рук, расплывался и в конце концов стал совсем неправдоподобным, и Гай с облегчением подумал, что все это чушь. И когда Рада, заметив, что он не спит, спросила,

что, по его мнению, лучше — море или река, он ответил по-солдатски, в стиле старины Дога: «Лучше всего хорошая баня».

По телевизору передавали «узоры». Было скучно. Гай предложил выпить пива. Рада сходила на кухню и принесла из холодильника две бутылки. За пивом говорили о том о сем, и как-то между делом выяснилось, что Мак за последние полчаса одолел учебник по геополитике. Рада восхитилась. Гай не поверил. Он сказал, что за это время можно пролистать учебник, может быть, даже прочитать, но только механически, без всякого понимания. Мак потребовал экзамена. Гай потребовал учебник. Было заключено пари: проигравшему предстояло пойти к дядюшке Каану и объявить ему, что коллега Шапшу — умный человек и прекрасный ученый. Гай раскрыл учебник наугад, нашел в конце главы контрольные вопросы и спросил: «В чем заключается нравственное благородство экспансии нашего государства на север?» Мак ответил своими словами, но очень близко к тексту и добавил, что, на его взгляд, нравственное благородство здесь ни при чем, все дело, как он понимает, в агрессивности режимов Хонти и Пандеи. Гай почесал обеими руками затылок, лизнув палец, перекинул несколько страниц и спросил: «Каков средний урожай злаков в северо-западных районах?» Мак засмеялся и сказал, что данных о северо-западных районах не имеется. Поймать его не удалось; очень обрадованная Рада показала Гаю язык. «А каково удельное демографическое давление в устье Голубой Змеи?» — спросил Гай. Мак назвал цифру, назвал погрешность и не преминул добавить, что понятие демографического давления кажется ему смутным. Во всяком случае, он не понимает, зачем оно введено. Гай принялся было ему объяснять, что демографическое давление есть мера агрессивности, но тут вмешалась Рада. Она сказала, что Гай крутит и хочет уклониться от дальнейшего экзамена, потому что понимает, что дела его плохи.

Гаю страшно не хотелось идти к дяде Каану, и он, чтобы затянуть время, вступил в пререкания. Мак некоторое время слушал, а потом вдруг ни с того ни с сего заявил, что Раде не следует ни в коем случае снова поступать в официантки; ей надо учиться, сказал он. Гай, обрадованный переменной темы, вскричал, что он уже тысячу раз говорил ей то же самое и уже предлагал ей похлопотать о приеме в женский корпус Легиона, где из нее сделают по-настоящему полезного человека. Однако нового разговора не получилось. Мак только покачал головой, а Рада, как и раньше, отозвалась о женском корпусе в самых непочтительных выражениях.

Гай не стал спорить. Он бросил учебник, полез в шкаф, достал гитару и принялся ее настраивать. Рада и Максим сейчас же отодвинули в сторону стол и встали друг перед другом, готовые оторвать «да-да, нет-нет». Гай выдал им «да-да, нет-нет» с подстукном и перезвоном. Он смотрел, как они танцуют, и думал, что пара подобралась отменная, что жить вот только негде, и если они поженятся, то придется ему совсем перебраться в казарму. Ну что же, многие капралы живут в казармах... Впрочем, по Маку не видно, чтобы он собирался жениться. Он относится к Раде скорее как к другу, только более нежно и почтительно, а Рада, надо понимать, втюрилась. Ишь как глаза блестят! Да и как не втюриться в такого парня! Даже мадам Го, старая ведь карга, за шестьдесят, а туда же — как Мак идет по коридору, так она откроет дверь, выставит свой череп и осклабляется. А впрочем, черт его знает, Мама весь дом любит, и ребята его любят, только вот господин ротмистр к нему странно относится... но и он не отрицает, что парень — огонь.

Пара утанцевалась до упаду. Мак отобрал у Гаю гитару, перестроил ее на свой чудной манер и начал петь странные свои горские песни. Тысячи песен, и ни одной знакомой. И каждый раз что-нибудь новое. И вот что странно: ни одного слова не понять, а слушаешь, и — то плакать хочется, то смеешься без удержу... Некоторые песни Рада уже запомнила и теперь пыталась подпевать. Особенно ей нравилась смешная песня (Мак перевел) про девушку, которая сидит на горе и ждет своего дружка, а дружок никак не может до нее добраться — то одно ему мешает, то другое... За гитарой и пением они не услышали звонка в парадную дверь. Раздался стук, и в комнату ввалился вестовой господина ротмистра Чачу.

— Господин капрал, разрешите обратиться! — рявкнул он, косясь на Раду.

Мак перестал играть. Гай сказал:

— Обращайтесь.

— Господин ротмистр приказали вам и кандидату Симу срочно явиться в канцелярию роты. Машина внизу.

Гай вскочил.

— Ступайте, — сказал он. — Подождите в машине, мы сейчас спустимся. Одевайся, быстро, — сказал он Максиму.

Рада взяла гитару на руки, как ребенка, и встала у окна, отвернувшись.

Гай и Мак торопливо одевались.

— Как ты думаешь — зачем? — спросил Мак.

— Откуда мне знать? — проворчал Гай. — Может быть, учебная тревога будет...

— Не нравится мне это, — сказал Мак.

Гай посмотрел на него и на всякий случай включил радио. По радио передавали ежедневные «праздные разговоры деловитых женщин».

Они оделись, затянули ремни, и Гай сказал:

— Рада, ну, мы пошли.

— Идите, — сказала Рада, не оборачиваясь.

— Пошли, Мак, — сказал Гай, нахлобучивая берет.

— Позвоните, — сказала Рада. — Если задержитесь, обязательно позвоните... — Она так и не обернулась.

Вестовой предупредительно распахнул перед Гаем дверцу. Сели, поехали. Видимо, дело было срочное: шофер гнал, включив сирену на полную громкость. Гай с некоторым сожалением подумал, что вот пропал вечерок, редкий, хороший вечерок, уютный, домашний, беззаботный. Но такова жизнь легионера. Сейчас прикажут, ты возьмешь автомат и будешь стрелять — сразу после бутылки пива, после уютной пижамы, после песенок под гитару. Такова прекрасная жизнь легионера, лучшая из всех возможных. И не нужно нам ни подружек, ни жен, и правильно Мак не хочет жениться на Раде, хотя и жалко сестренку, конечно... Ничего, подождет. Любит — так подождет...

Машина ворвалась на плац и затормозила у входа в казарму. Гай выскочил, взбежал по ступенькам. Перед дверью канцелярии он остановился, проверил положение берета, пряжки, быстро оглядел Мака, застегнул ему пуговицу на воротнике — массаракш, вечно она у него расстегнута! — и постучал.

— Войдите! — каркнул знакомый голос.

Гай вошел и доложил. Господин ротмистр Чачу в суконной накидке и фуражке сидел за своим столом. Он курил и пил кофе; снарядная гильза перед ним была полна окурками. Сбоку на столе лежали два автомата. Господин ротмистр медленно поднялся, тяжело уперся в стол обеими руками и, уставясь на Мака, заговорил:

— Кандидат Сим! Ты проявил себя незаурядным бойцом и верным боевым товарищем. Я ходатайствовал перед командиром бригады о досрочном производстве тебя в достоинство действительного рядового Боевого Легиона. Экзамен огнем ты выдержал вполне успешно. Остается последний экзамен — экзамен кровью...

У Гая радостно подпрыгнуло сердце. Он не ожидал, что это случится так скоро. «Молодец ротмистр! Вот что значит старый вояка! Я-то, дурак, вообразил, будто он копает под Мака...» Гай посмотрел на Мака, и радость его несколько поубавилась. Лицо Мака было совершенно деревянным, глаза выкачены, все по уставу, но именно сейчас можно было бы не придерживаться так строго уставных правил.

— Я вручаю тебе приказ, кандидат Сим, — продолжал господин ротмистр, протягивая Маку лист бумаги. — Это первый письменный приказ, адресованный тебе лично. Надеюсь, не последний. Прочти и распишись.

Мак взял приказ и пробежал его глазами. У Гая снова ёкнуло сердце, но уже не от радости, а от какого-то тяжелого предчувствия. Лицо Мака оставалось по-прежнему

неподвижным, и все было как будто в порядке, но он чуть-чуть помедлил, прежде чем взял перо и расписался. Господин ротмистр осмотрел подпись и положил листок в планшет.

— Капрал Гаал, — сказал он, беря со стола запечатанный конверт. — Ступай в караульное помещение и приведи приговоренных. Возьми автомат... нет, вот этот, с краю.

Гай взял конверт, повесил автомат на плечо, повернулся кругом и направился к двери. Он еще услышал, как господин ротмистр сказал Маку:

— Ничего, кандидат, не трусь. Это страшно только по первому разу...

Гай бегом направился через плац к зданию бригадной тюрьмы, вручил начальнику караула конверт, расписался где нужно, сам получил необходимые расписки, и ему вывели приговоренных. Это были давешние заговорщики — толстый дядька, которому Мак вывернул пальцы, и женщина. Массаракш, этого только не хватало! Женщина — это совсем лишнее... Это не для Мака... Он вывел арестованных на плац и погнал их к казарме. Мужчина плелся нога за ногу и все баюкал свою руку, а женщина шла прямая как жердь, засунув руки глубоко в карманы жакетки, и, казалось, ничего не видела и не слышала. Массаракш, а почему, собственно, не для Мака? Какого дьявола! Эта баба такая же гадина, как и мужик. Почему мы должны давать ей какие-то льготы? И почему это, массаракш, надо предоставлять какие-то льготы кандидату Симу? Пусть привыкает, массаракш и массаракш!..

Господин ротмистр и Мак были уже в машине. Господин ротмистр — за рулем. Мак с автоматом между колен — на заднем сиденье. Он открыл дверцу, и приговоренные залезли внутрь. «На пол!» — скомандовал Гай. Они послушно сели на железный пол, а Гай — на сиденье напротив Мака. Он попытался поймать его взгляд, но Мак глядел на приговоренных. Нет, он глядел на эту бабу, которая съезжилась на полу, обхватив колени. Господин ротмистр, не оборачиваясь, сказал: «Готовы?» — и машина тронулась.

По дороге не разговаривали. Господин ротмистр гнал машину на безумной скорости — видимо, хотел все кончить до сумерек, да и чего медлить... Мак все время глядел на женщину, словно ловил ее взгляд, а Гай все ловил взгляд Мака. Приговоренные, цепляясь друг за друга, ерзали по полу; толстяк попытался было заговорить с бабой, но Гай прикрикнул на него. Машина выскочила за город, миновала южную заставу и сразу же свернула на заброшенный проселок, знакомый, очень знакомый проселок, ведущий к Розовым Пещерам. Машина подпрыгивала всеми четырьмя колесами, держаться было неудобно. Мак не желал поднимать глаз, а тут еще эти полупокойники все время хватались за колени, спасаясь от немилосердной тряски. Гай наконец не вытерпел и треснул толстого гада сапогом под ребра, но это не помогло — тот все равно продолжал хвататься. Господин ротмистр еще раз повернул, резко затормозил, и машина медленно, осторожно съехала в карьер. Господин ротмистр выключил двигатель и скомандовал: «Выходи!»

Было уже около восемнадцати часов, в карьере собирался легкий вечерний туман, выветрившиеся каменные стены отсвечивали розовым. Когда-то здесь добывали мрамор. А кому он сейчас нужен, этот мрамор?..

Дело подходило к развязке. Мак по-прежнему держался, как идеальный солдат: ни одного лишнего движения, лицо равнодушно-деревянное, глаза в ожидании приказа устремлены на начальство. Толстяк вел себя хорошо, с достоинством. С ним хлопот, по-видимому, не будет. А вот баба под конец расклеилась. Она судорожно стискивала кулаки, прижимала их к груди и снова опускала, и Гай решил, что будет истерика, но волочить ее на руках к месту казни все-таки, кажется, не придется.

Господин ротмистр закурил, посмотрел на небо и сказал Маку:

— Веди их по этой тропинке. Дойдешь до пещер — сам увидишь, где их ставить. Когда закончишь, обязательно проверь и при необходимости добей контрольным выстрелом. Что такое контрольный выстрел, знаешь?

— Так точно, — произнес Мак деревянным голосом.

— Врешь, не знаешь. Это — в голову. Действуй, кандидат. Сюда ты вернешься уже действительным рядовым.

Женщина вдруг сказала:

— Если среди вас есть хоть один человек... сообщите моей матери... Поселок Утки, дом два... это рядом... Ее зовут...

— Не унижайся, — басом произнес грузный.

— Ее зовут Илли Тадер...

— Не унижайся, — повторил грузный, повысив голос, и господин ротмистр, не размахиваясь, ткнул его кулаком в лицо. Грузный замолчал, схватившись за щеку, и с ненавистью посмотрел на господина ротмистра.

— Действуй, кандидат, — повторил господин ротмистр.

Мак повернулся к приговоренным и сделал движение автоматом. Приговоренные пошли по тропинке. Женщина обернулась и еще раз крикнула:

— Поселок Утки, дом два, Илли Тадер!

Мак, выставив перед собой автомат, медленно шел за ними. Господин ротмистр распахнул дверцу, боком сел за руль, вытянул ноги и сказал:

— Ну вот, четверть часика подождем.

— Так точно, господин ротмистр, — машинально ответил Гай.

Он смотрел вслед Маку, смотрел до тех пор, пока вся группа не скрылась за розоватым выступом. «На обратном пути нужно будет купить бутылку, — подумал он. — Пусть напьется. Говорят, это помогает».

— Можешь курить, капрал, — сказал господин ротмистр.

— Благодарю вас, господин ротмистр, я не курю.

Господин ротмистр далеко сплюнул сквозь зубы.

— Не боишься разочароваться в своем приятеле?

— Никак нет... — нерешительно сказал Гай. — Хотя, с вашего позволения, мне очень жаль, что ему досталась женщина. Он горец, а у них там...

— Он такой же горец, как мы с тобой, — сказал господин ротмистр. — И дело здесь не в женщинах... Впрочем, посмотрим. Чем вы занимались, когда вас вызвали?

— Пели хором, господин ротмистр.

— И что же вы пели?

— Горские песни, господин ротмистр. Он знает очень много песен.

Господин ротмистр вышел из машины и принялся прохаживаться взад-вперед по тропинке. Больше он не разговаривал, а минут через десять принялся насвистывать «Марш». Гай все ждал выстрелов, но выстрелов не было, и он начал беспокоиться. Убежать от Мака невысказанно. Обезоружить его — еще более невысказанно. Но тогда почему он не стреляет? Может быть, он повел их дальше обычного места?.. На обычном месте слишком сильно пахнет, боедомы зарывают неглубоко, а у Мака слишком сильное обоняние... Он из одной своей брезгливости лишних километров пять пройти способен...

— Н-ну, так... — сказал господин ротмистр, останавливаясь. — Вот и все, капрал Гаал. Боюсь, что мы не дождемся твоего дружка. И боюсь, что тебя сегодня в последний раз называют капралом.

Гай с изумлением посмотрел на него. Господин ротмистр ухмылялся.

— Ну, что смотришь? Что ты тарачишься, как свинья на ветчину? Твой приятель бежал, дезертировал, он трус и изменник! Понятно, рядовой Гаал?

Гай был поражен. И не столько словами господина ротмистра, сколько его тоном. Господин ротмистр был в восторге. Господин ротмистр торжествовал. У господина ротмистра был такой вид, словно он выиграл крупное пари. Гай машинально поглядел в глубину карьера и вдруг увидел Мака. Мак возвращался один, автомат он нес в руке за ремень.

— Массаракш! — прохрипел господин ротмистр. Он тоже увидел Мака, и вид у него сделался обалделый.

Больше они не говорили, они только смотрели, как Мак неторопливо приближается к ним, легко шагая по каменному крошеву, на его спокойное, доброе лицо со странными глазами, и в голове у Гаю царил сумятица: выстрелов все-таки не было... Неужели он задушил их... или забил прикладом... он, Мак, женщину? Да нет, чепуха... Но выстрелов ведь не было...

В пяти шагах от них Мак остановился и, глядя господину ротмистру в лицо, швырнул автомат ему под ноги.

— Прощайте, господин ротмистр, — сказал он. — Тех несчастных я отпустил и теперь хочу уйти сам. Вот ваше оружие, вот одежда... — Он повернулся к Гаю и, расстегивая ремень, сказал ему: — Гай, это нечистое дело. Они нас обманули, Гай...

Он стянул с себя сапоги и комбинезон, свернул все в узел и остался таким, каким Гай увидел его впервые на южной границе — почти голым, в одних серебристых трусах и теперь даже без обуви. Он подошел к машине и положил узел на радиатор. Гай ужаснулся. Он посмотрел на господина ротмистра и ужаснулся еще больше.

— Господин ротмистр! — закричал он. — Не надо! Он сошел с ума! Он опять...

— Кандидат Сим! — каркнул господин ротмистр, держа руку на кобуре. — Немедленно садитесь в машину! Вы арестованы.

— Нет, — сказал Мак. — Это вам только кажется. Я свободен. Я пришел за Гаем. Гай, пошли! Они тебя надули. Они — грязные люди. Раньше я сомневался, теперь я уверен. Пошли.

Гай замотал головой. Он хотел что-то сказать, что-то объяснить, но не было времени и не было слов. Господин ротмистр вытащил пистолет.

— Кандидат Сим! В машину! — каркнул он.

— Ты идешь? — спросил Мак.

Гай снова замотал головой. Он смотрел на пистолет в руке господина ротмистра, и думал только об одном, и знал только одно: Мака сейчас убьют. И он не понимал, что надо делать.

— Ладно, — сказал Мак. — Я тебя найду. Я всё узнаю и найду тебя. Тебе здесь не место... Поцелуй Раду.

Он повернулся и пошел, так же легко ступая по каменному крошеву босыми ногами, как и в сапогах, а Гай, трясаясь словно в лихорадке, немо смотрел на его широкую треугольную спину и ждал выстрела и черной дырки под левой лопаткой.

— Кандидат Сим, — сказал господин ротмистр, не повышая голоса. — Приказываю вернуться. Буду стрелять.

Мак остановился и снова повернулся к нему.

— Стрелять? — сказал он. — В меня? За что? Впрочем, это неважно... Дайте сюда пистолет.

Господин ротмистр, держа пистолет у бедра, навел дуло на Мака.

— Я считаю до трех, — сказал он. — Садись в машину, кандидат. Раз!

— А ну, дайте сюда пистолет, — сказал Мак, протягивая руку и направляясь к господину ротмистру.

— Два! — сказал господин ротмистр.

— Не надо! — крикнул Гай.

Господин ротмистр выстрелил. Мак был уже близко. Гай видел, как пуля попала ему в плечо и как он отшатнулся, словно налетел на препятствие.

— Глупец! — сказал Мак. — Дайте сюда оружие, злобный глупец!

Он не остановился, он все шел на господина ротмистра, протянув руку за оружием, и из дырки в плече вдруг толчком выплеснулась кровь. А господин ротмистр, издавши странный, скрипящий звук, попятился и очень быстро выстрелил три раза подряд прямо в широкую коричневую грудь. Мака отбросило, он упал на спину, сейчас же вскочил, снова упал, приподнялся, и господин ротмистр, присев от напряжения, выпустил в него еще три пули. Мак перевалился на живот и застыл.

У Гая все поплыло перед глазами, и он опустился на подножку машины. Ноги его не держали. В ушах его все еще звучал отвратительный плотный хруст, с которым пули входили в тело этого странного и любимого человека. Потом он опомнился, но еще некоторое время сидел, не рискуя подняться на ноги.

Коричневое тело Мака лежало среди бело-розовых камней и само было неподвижно, как камень. Господин ротмистр стоял на прежнем месте и, держа пистолет наготове, курил, жадно затягиваясь. На Гая он не смотрел. Потом он докурил до конца, до самых губ, обжегся, отбросил окурочек и сделал два шага в сторону убитого. Но уже второй шаг был очень короткий. Господин ротмистр Чачу так и не решился подойти вплотную. Он произвел контрольный выстрел с десяти шагов, но промахнулся. Гай видел, как каменная пыль брызнула рядом с головой Мака.

— Массаракш, — прошипел господин ротмистр и принялся засовывать пистолет в кобуру.

Он засовывал долго, никак не мог застегнуть кобуру, а потом подошел к Гаю, взял его искалеченной рукой за мундир на груди, рывком поднял и, громко дыша в лицо, проговорил, растягивая слова, как пьяный:

— Ладно. Ты останешься капралом. Но в Легионе тебе делать нечего... Напишешь рапорт о переводе в армию. Полезай в машину.

Часть третья. Террорист

Глава девятая

Сопровождающий негромко сказал: «Ждите здесь» — и ушел — скрылся между кустами и за деревьями. Максим сел на пенек посередине полянки, засунул руки глубоко в карманы брезентовых штанов и стал ждать. Лес был старый, запущенный, подлесок душил его, от древних, морщинистых стволов несло трухлявой гнилью. Было сыро. Максим ежился, он чувствовал дурноту, хотелось посидеть на солнышке, погреть плечо.

В кустах неподалеку кто-то был, но Максим не обращал внимания — за ним следили от самого поселка, и он ничего не имел против. Странно было бы, если бы они поверили сразу же.

Сбоку на полянку вышла маленькая девочка в огромной залатанной кофте и с корзинкой на руке. Она уставилась на Максима и так, не отрывая от него любопытных глаз, прошла мимо, спотыкаясь и путаясь в траве. Какой-то зверек вроде белки мелькнул между кустами, взлетел на дерево, глянул вниз, испугался и исчез. Было тихо, только где-то далеко стучала неровным стуком машина — резала тростник на озере.

Человек в кустах не уходил — буравил спину недобрым взглядом. Это было неприятно, но надо привыкать. Теперь всегда будет так. Обитаемый остров ополчился на него, стрелял в него, следил за ним, не верил ему. Максим задремал. Последнее время он часто задремывал в самые неподходящие моменты. Засыпал, просыпался, опять засыпал. Он не пытался с этим бороться: так хотел организм, а ему виднее. Это пройдет, только не надо сопротивляться.

Зашуршали шаги, и сопровождающий сказал: «Идите за мной». Максим поднялся, не вынимая рук из карманов, и пошел за ним, глядя на его ноги в мягких мокрых сапогах. Они углубились в лес и принялись ходить, описывая круги и сложные петли, постепенно приближаясь к какому-то жилью, до которого от полянки напрямик было совсем близко. Потом сопровождающий решил, что он достаточно запутал Максима, и полез напрямки через бурелом, причем, как человек городской, производил много шума и треска, так что Максим даже перестал слышать шаги того человека, который крался следом.

Когда бурелом кончился, Максим увидел за деревьями лужайку и покосившийся бревенчатый дом с заколоченными окнами. Лужайка заросла высокой травой, но Максим видел, что здесь ходили — совсем недавно и давно. Ходили осторожно, стараясь каждый

раз подойти к дому другим путем. Сопровождающий открыл скрипучую дверь, и они вошли в темные затхлые сени. Человек, который шел следом, остался снаружи. Сопровождающий отвалил крышку погреба и сказал: «Идите сюда, осторожнее...» Он плохо видел в темноте. Максим спустился по деревянной лестнице.

В погребе было тепло, сухо, здесь были люди; они сидели вокруг деревянного стола и смешно тарасились, пытаясь разглядеть Максима. Пахло свежепогашенной свечой. По-видимому, они не хотели, чтобы Максим видел их лица. Максим узнал только двоих: Орди, дочь старой Илли Тадер, и толстого Мемо Грамену, сидевшего у самой лестницы с пулеметом на коленях. Вверху тяжело грохнула крышка люка, и кто-то сказал:

— Кто вы такой? Расскажите о себе.

— Можно сесть? — спросил Максим.

— Да, конечно. Идите сюда, на мой голос. Наткнетесь на скамью.

Максим сел за стол и обвел глазами соседей. За столом, кроме него, было четверо. В темноте они казались серыми и плоскими, как на старинной фотографии. Справа сидела Орди, а говорил плотный широкоплечий человек, сидевший напротив. Он был неприятно похож на ротмистра Чачу.

— Рассказывайте, — повторил он.

Максим вздохнул. Ему очень не хотелось начинать знакомство прямо с вранья, но делать было нечего.

— Своего прошлого я не знаю, — сказал он. — Говорят, я — горец. Может быть. Не помню... Зовут меня Максим, фамилия — Каммерер. В Легионе меня звали Мак Сим. Помню себя с того момента, когда меня задержали в лесу у Голубой Змеи...

С враньем было покончено, и дальше дело пошло легче. Он рассказывал, стараясь быть кратким и в то же время не упустить то, что казалось ему важным.

— ...Я отвел их как можно дальше в глубь карьера, велел им бежать, а сам не торопясь вернулся. Тогда ротмистр расстрелял меня. Ночью я пришел в себя, выбрался из карьера и вскоре набрел на пастбище. Днем я прятался в кустах и спал, а ночью подбирался к коровам и пил молоко. Через несколько дней мне стало лучше. Я взял у пастухов какое-то тряпье, добрался до поселка Утки и нашел там Илли Тадер. Остальное вам известно.

Некоторое время все молчали. Потом человек деревенского вида, с длинными волосами до плеч, сказал:

— Не понимаю, как это он не помнит прошлой жизни. По-моему, так не бывает. Пусть вот Доктор скажет.

— Бывает, — коротко сказал Доктор. Он был худой, заморенный и вертел в руках трубку. Видимо, ему очень хотелось курить.

— Почему вы не бежали вместе с приговоренными? — спросил широкоплечий.

— Там оставался Гай, — сказал Максим. — Я надеялся, что Гай пойдет со мной... — Он замолчал, вспоминая бледное, потерянное лицо Гая, и страшные глаза ротмистра, и горячие толчки в грудь и в живот, и ощущение бессилия и обиды. — Это, конечно, была глупость, — сказал он. — Но тогда я этого не понимал.

— Вы принимали участие в операциях? — спросил позади грузный Мемо.

— Я уже рассказывал.

— Повторите!

— Я принимал участие в одной операции, когда были захвачены Кетшеф, Орди, вы и еще двое, не назвавшие себя. Один из них был с искусственной рукой.

— Как же вы объясняете такую поспешность вашего ротмистра? Ведь для того чтобы кандидат получил право на испытание кровью, ему нужно сначала принять участие по меньшей мере в трех операциях.

— Не знаю. Я знаю только, что он мне не доверял. Я сам не понимаю, почему он послал меня расстреливать...

— А почему он, собственно, стрелял в вас?

— По-моему, он испугался. Я хотел отобрать у него пистолет...

— Не понимаю я, — сказал человек с длинными волосами. — Ну, не доверял он вам. Ну, для проверки послал казнить...

— Подождите, Лесник, — сказал Мемо. — Это все разговоры, пустые слова. Доктор, на вашем месте я бы его осмотрел. Что-то я не очень верю в эту историю с ротмистром.

— Я не могу осматривать в темноте, — раздраженно сказал Доктор.

— А вы зажгите свет, — посоветовал Максим. — Все равно я вас вижу.

Наступило молчание.

— Как так видите? — спросил широкоплечий.

Максим пожал плечами.

— Вижу, — сказал он.

— Что за вздор, — сказал Мемо. — Ну что я сейчас делаю, если вы видите?

Максим обернулся.

— Вы наставили на меня — то есть это вам кажется, что на меня, а на самом деле на Доктора — ручной пулемет. Вы — Мемо Грамену, я вас знаю. На правой щеке у вас царапина, раньше ее не было.

— Нокталопия, — проворчал Доктор. — Давайте зажигать свет. Глупо. Он нас видит, а мы его не видим. — Он нащупал перед собой спички и стал чиркать одну за другой. Они ломались.

— Да, — сказал Мемо. — Конечно, глупо. Отсюда он выйдет либо нашим, либо не выйдет.

— Позвольте-ка... — Максим протянул руку, отобрал у Доктора спички и зажег свечу.

Все зажмурились, прикрывая ладонью глаза. Доктор немедленно закурил.

— Раздевайтесь, — сказал он, треща трубкой.

Максим стянул через голову брезентовую рубашу. Все уставились на его грудь. Доктор выбрался из-за стола, подошел к Максиму и принялся вертеть его в разные стороны, ощупывая крепкими холодными пальцами. Было тихо. Потом длинноволосый сказал с каким-то сожалением:

— Красивый мальчик. Сын у меня был... тоже...

Ему никто не ответил; он тяжело поднялся, пошарил в углу, с трудом поднял и водрузил на стол большой оплетенный кувшин. Потом выставил три кружки.

— Можно будет по очереди, — объяснил он. — Ежели кто хочет покушать, то сыр найдется. И хлеб...

— Погодите, Лесник, — раздраженно сказал широкоплечий. — Отодвиньте ваш кувшин, мне ничего не видно... Ну что, Доктор?

Доктор еще раз прошелся по Максиму холодными пальцами, окутался дымом и сел на свое место.

— Налей-ка мне, Лесник, — сказал он. — Такие обстоятельства надобно запить... Одевайтесь, — сказал он Максиму. — И не улыбайтесь, как рыба-пугало. У меня будет к вам несколько вопросов.

Максим оделся. Доктор отхлебнул из кружки, сморщился и спросил:

— Когда, вы говорите, в вас стреляли?

— Сорок семь дней назад.

— Из чего, вы говорите, стреляли?

— Из пистолета. Из армейского пистолета.

Доктор снова отхлебнул, снова сморщился и проговорил, обращаясь к широкоплечему:

— Я бы голову дал на отсечение, что в этого молодчика действительно стреляли из армейского пистолета, причем с очень короткой дистанции, но не сорок семь дней назад, а по меньшей мере сто сорок семь... Где пули? — спросил он вдруг Максима.

— Они вышли, и я их выбросил.

— Слушайте, как вас... Мак! Вы врете. Признайтесь, как вам это сделали?

Максим покусал губу.

— Я говорю правду. Вы просто не знаете, как у нас быстро заживают раны. Я не вру. — Он помолчал. — Впрочем, меня легко проверить. Разрежьте мне руку. Если надрез будет неглубокий, я затаю его за десять — пятнадцать минут.

— Это правда, — сказала Орди. Она заговорила впервые за все время. — Это я видела сама. Он чистил картошку и обрезал палец. Через полчаса остался только белый шрам, а на другой день вообще уже ничего не было. Я думаю, он действительно горец. Гэл рассказывал про древнюю горскую медицину — они умеют заговаривать раны.

— Ах, горская медицина... — сказал Доктор, снова окутываясь дымом. — Ну что ж, предположим. Правда, порезанный палец — это одно, а семь пуль в упор — это другое, но предположим... То, что раны заросли так поспешно, не самое удивительное. Я хотел бы, чтобы мне объяснили другое. В молодом человеке семь дыр. И если эти дыры были действительно проделаны настоящими пистолетными пулями, то по крайней мере четыре из них — каждая в отдельности, заметьте! — были смертельными.

Лесник охнул и молитвенно сложил руки.

— Какого черта? — сказал широкоплечий.

— Нет уж, вы мне поверьте, — сказал Доктор. — Пуля в сердце, пуля в позвоночнике и две пули в печени. Плюс к этому общая сильная потеря крови. Плюс к этому неизбежный сепсис. Плюс к этому отсутствие каких бы то ни было следов квалифицированного врачебного вмешательства. Массаракш, хватило бы и одной пули в сердце!

— Что вы на это скажете? — сказал широкоплечий Максиму.

— Он ошибается, — сказал Максим. — Он все верно определил, но он ошибается. Для нас эти раны не смертельны. Вот если бы ротмистр попал мне в голову... но он не попал... Понимаете, Доктор, вы даже представить себе не можете, какие это жизнеспособные органы — сердце, печень...

— Н-да, — сказал Доктор.

— Одно мне ясно, — проговорил широкоплечий. — Вряд ли они бы направили к нам такую грубую работу. Они же знают, что среди нас есть врачи.

Наступило длительное молчание. Максим терпеливо ждал. «А я бы поверил? — думал он. — Я бы, наверное, поверил. Но я вообще, кажется, слишком легковверен для этого мира. Хотя уже не так легковверен, как раньше. Например, мне не нравится Мемо. Он чего-то все время боится. Сидит с пулеметом среди своих и чего-то боится. Странно. Впрочем, он, наверное, боится меня. Наверное, он боится, что я отберу у него пулемет и опять вывихну ему пальцы. Что ж, может быть, он прав. Я больше не позволю в себя стрелять. Это слишком гадко, когда в тебя стреляют...» Он вспомнил ледяную ночь в карьере, мертвое фосфоресцирующее небо, холодную липкую лужу, в которой он лежал. «Нет, хватит. С меня хватит... Теперь лучше я буду стрелять...»

— Я ему верю, — сказала вдруг Орди. — У него концы с концами не сходятся, но это просто потому, что он — странный человек. Такую историю нельзя придумать, это было бы слишком нелепо. Если бы я ему не верила, я бы, услышав такую историю, сразу бы его застрелила. Он же громоздит нелепость на нелепость. Может быть, он сумасшедший. Это может быть... Но не провокатор... Я за него, — добавила она, помолчав.

— Хорошо, Птица, — сказал широкоплечий. — Помолчи пока... Вы проходили комиссию в Департаменте общественного здоровья? — спросил он Максима.

— Да.

— Вас признали годным?

— Конечно.

— Без ограничений?

— В карточке было написано просто: «Годен».

— Что вы думаете о Боевом Легионе?

— Теперь я думаю, что это безмозглое оружие в чьих-то руках. Скорее всего, в руках этих пресловутых Огненосных Творцов. Но я еще многого не понимаю.

— А что вы думаете об Огненосных Творцах?

— Я думаю, что это верхушка военной диктатуры. В средствах они неразборчивы, но какие у них цели... — Максим покачал головой.

— Что вы думаете о вырождаках?

— Думаю, что термин неудачен. Думаю, что вы — заговорщики. Цели ваши тоже представляю довольно смутно. Но мне понравились люди, которых я видел сам. Все они показались мне честными и, как бы это сказать... действующими сознательно.

— Так, — сказал широкоплечий. — У вас бывают боли?

— В голове? Нет, не бывают.

— Зачем об этом спрашивать? — сказал Лесник. — Если бы были, он бы здесь не сидел.

— Вот я и хочу понять, зачем он здесь сидит, — сказал широкоплечий. — Зачем вы пришли к нам? Вы хотите участвовать в нашей борьбе?

Максим покачал головой.

— Я бы так не сказал. Это была бы неправда. Я хочу разобраться. Сейчас я скорее с вами, чем с ними, но ведь и о вас я знаю слишком мало.

Все переглянулись.

— У нас так не делается, милый, — сказал Лесник. — У нас так: либо ты наш, и тогда на тебе оружие и иди воевать. Либо ты, значит, не наш, и тогда, извини, тогда мы тебя... сам понимаешь... куда тебя — в голову надо, да?

Опять наступило молчание. Доктор тяжело вздохнул и выколотил трубку о скамью.

— Редкий и тяжелый случай, — объявил он. — У меня есть предложение. Пусть он нас спрашивает... У вас же есть вопросы, не так ли, Мак?

— Да, я пришел спрашивать, — отозвался Максим.

— У него много вопросов, — подтвердила Орди, усмехаясь. — Он матери жить не давал вопросами. Да и ко мне приставал.

— Задавайте, — сказал широкоплечий. — А вы, Доктор, будете отвечать. А мы слушаем.

— Кто такие Огненосные Творцы и чего они хотят? — начал Максим.

Все зашевелились — очевидно, этого вопроса не ждали.

— Огненосные Творцы, — сказал Доктор, — это анонимная группа наиболее опытных интриганов из военных, финансистов и политиков. У них две цели: одна — главная, другая — основная. Главная — удержаться у власти. Основная — получить от этой власти максимум удовлетворения. Все они хапуги, сибариты, садисты, и все они властолюбцы... Вы удовлетворены?

— Нет, — сказал Максим. — Все это я и так подозревал... Их экономическая программа? Их идеология? Их база, на кого они опираются?..

Все опять переглянулись. Лесник, раскрыв рот, смотрел на Максима.

— Экономическая программа... — сказал Доктор. — Вы слишком многого от нас хотите. Мы не теоретики, мы — практики. Для нас важнее всего то, что они хотят нас уничтожить. Собственно говоря, мы боремся за свою жизнь... — Он стал раздраженно набивать трубку.

— Я не хотел никого обидеть, — сказал Максим. — Я просто хочу разобраться... — Он бы с удовольствием изложил Доктору основы теории исторических последовательностей, но у него не хватало слов. И без того ему временами приходилось переходить на линкос. — Ладно. Но чего хотите вы? К чему вы стремитесь, кроме сохранения жизни? И кто вы?

Трубка Доктора шуршала и трещала, тяжелый смрад распространялся от нее по подвалу.

— Дайте мне, — сказал вдруг Лесник. — Дайте я ему скажу... Мне дайте... Ты, друг симпатичный, того... Не знаю, как там у вас в горах, а у нас тут люди любят жить. Как это так — кроме, говорит, сохранения жизни? А мне, может быть, кроме этого, ничего и не надо!.. Ты что полагаешь — этого мало? Ишь ты какой храбрый нашелся! Ты поживи-ка в подвале, когда у тебя дом есть, жена, семья и все от тебя отреклись... Ты это брось!

— Подождите, Лесник, — сказал широкоплечий.

— Нет, это пусть он подождет! Ишь ты какой нашелся! Общество ему подавай, базу всякую...

— Подожди, дядя, — сказал Доктор. — Не сердись. Видишь, человек ничего не понимает... Видите ли, — сказал он Максиму, — наше движение очень разнородно. Какой-то единой политической программы у нас нет, да и быть не может: все мы убиваем, потому что убивают нас. Это надо понять. Вы это поймите. Все мы смертники, шансов выжить у нас немного. И всю политику у нас заслоняет, по существу, биология. Выжить — вот главное. Тут уж не до базы. Так что если вы явились с какой-нибудь социальной программой, ничего у вас не выйдет.

— В чем же дело? — спросил Максим.

— Нас считают выродками. Откуда это пошло, теперь и не вспомнишь. Но сейчас Огненосным Творцам выгодно нас травить: это отвлекает народ от внутренних проблем, от коррупции финансистов, загребаящих деньги на военных заказах и на строительстве башен.

— Это уже нечто, — сказал Максим. — Значит, в основе всего опять же деньги. Значит, Творцы служат деньгам. Кого они еще прикрывают?

— Творцы никому не служат. Они сами — деньги. Они — всё. И они, между прочим, ничто, потому что они анонимны и все время жрут друг друга... Ему бы с Вепрем поговорить, — сказал он широкоплечему. — Они бы нашли общий язык.

— Хорошо, о Творцах я поговорю с Вепрем. А сейчас...

— С Вепрем вы уже не поговорите, — сказал Мемо злобно. — Вепря расстреляли.

— Это однорукий, — пояснила Орди. — Да, вы же должны знать...

— Я знаю, — сказал Максим. — Но его не расстреляли. Его приговорили к ссылке на воспитание.

— Не может быть, — сказал широкоплечий. — Вепря? К ссылке?

— Да, — сказал Максим. — Гэла Кетшефа — к смертной казни, Вепря — к ссылке, а еще одного, который не назвал своего имени, забрал к себе штатский. По-видимому, в контрразведку.

И снова все замолчали. Доктор хлебнул из кружки. Широкоплечий сидел, опершись головой на руки. Лесник, с горестью покряхтывая, жалостно глядел на Орди. Орди, сжав губы, смотрела в стол. Это было горе, и Максим жалел, что заговорил на эту тему. Это было настоящее горе, и только Мемо в углу не столько горевал, сколько боялся... «Таким нельзя поручать пулемет, — мельком подумал Максим. — Он нас тут всех перестреляет».

— Ну хорошо, — сказал широкоплечий. — У вас есть еще вопросы?

— У меня много вопросов, — медленно сказал Максим. — Но я боюсь, что все они в той или иной степени бестактны.

— Что ж, давайте бестактные.

— Хорошо, последний вопрос. При чем здесь башни ПБЗ? Почему они вам мешают? Все неприятно засмеялись.

— Вот дурак, — сказал Лесник. — А туда же — базу ему подавай...

— Это не ПБЗ, — сказал Доктор. — Это наше проклятие. Они изобрели излучение, при помощи которого создали понятие о выродке. Большинство людей — вот и вы, например, — не замечают этого излучения, словно бы его и нет. А несчастное меньшинство из-за каких-то особенностей своего организма испытывает при облучении адские боли. Некоторые из нас — таких единицы — могут терпеть эту боль, другие не выдерживают, кричат, третьи теряют сознание, а четвертые вообще сходят с ума и

умирают... Так вот, башни — это излучатели. Они включаются два раза в сутки по всей стране, и нас отлавливают, пока мы валяемся беспомощные от боли. Плюс еще установки локального действия на патрульных автомобилях... плюс самоходные излучатели... плюс нерегулярные лучевые удары по ночам... Нам негде укрыться, экранов не существует, мы сходим с ума, стреляемся, делаем глупости от отчаяния, вымираем...

Доктор замолчал, схватил кружку и залпом осушил ее. Потом он принялся яростно раскуривать свою трубку, лицо у него подергивалось.

— Да-а, жили — не тужили, — с тоской сказал Лесник. — Гады, — добавил он, помолчав.

— Ему это бессмысленно рассказывать, — сказал вдруг Мемо. — Он же не знает, что это такое. Он понятия не имеет, что это значит — ждать каждый день очередного сеанса...

— Хорошо, — сказал широкоплечий. — Не имеет понятия — значит, и говорить не о чем. Птица высказалась за него. Кто еще — «за» и «против»?

Лесник открыл было рот, но Орди опередила его:

— Я хочу объяснить, почему я — «за». Во-первых, я ему верю. Это я уже говорила, и это, может быть, не так важно, это касается только меня. Но этот человек обладает способностями, которые могут быть полезны всем. Он умеет заживлять не только свои, но и чужие раны... Гораздо лучше вас, Доктор, не в обиду вам будет сказано...

— Какой я доктор, — сказал Доктор. — Я так, судебная медицина...

— Но это еще не все, — продолжала Орди. — Он умеет снимать боль.

— Как это? — спросил Лесник.

— Я не знаю, как он это делает. Он массирует виски, шепчет что-то, и боль проходит. Меня дважды схватывало у матери, и оба раза он мне помог. В первый раз не очень, но все-таки я не потеряла сознания, как обычно. А во второй раз боли не было совсем...

И сразу все переменялось. Только что они были судьями, только что они решали, как им казалось, вопрос его жизни и смерти, а теперь судьи исчезли, и остались измученные, обреченные люди, которые вдруг ощутили надежду. Они смотрели на него, будто ждали, что он вот сейчас, немедленно снимет с них кошмар, терзавший их ежеминутно, каждый день и каждую ночь много лет подряд... «Ну что же, — подумал Максим, — здесь я, по крайней мере, буду нужен не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы лечить...» Но почему-то эта мысль не доставила ему никакого удовлетворения. «Башни, — думал он. — Какая гадость... Это же надо было придумать. Надо быть садистом, чтобы это придумать...»

— Вы действительно это умеете? — спросил Доктор.

— Что?

— Снимать боль...

— Снимать боль... Да.

— Как?

— Я не могу вам объяснить. У меня не хватит слов, а у вас не хватит знаний... Я не понимаю: разве у вас нет лекарств, каких-нибудь болезазитных препаратов?

— От этого не помогают никакие лекарства... Разве что в смертельной дозе.

— Слушайте, — сказал Максим. — Я, конечно, готов снимать боль... я постараюсь... Но это же не выход! Надо искать какое-нибудь массовое средство... У вас есть химики?

— У нас все есть, — сказал широкоплечий, — но эта задача не решается, Мак. Если бы она решалась, государственный прокурор не мучился бы от боли, как и мы. Уж он-то раздобыл бы лекарство. А сейчас он перед каждым регулярным сеансом напивается пьян и парится в горячей ванне.

— Государственный прокурор — выродок? — спросил Максим озадаченно.

— По слухам, — сказал широкоплечий сухо. — Но мы отвлеклись. Птица, ты закончила? Кто хочет еще?

— Погоди, Генерал, — сказал Лесник. — Это что же получается? Это же получается, что он наш благодетель? Ты и у меня можешь боль снимать?.. Да ведь этому человеку цены нет, я его из подвала не выпущу! У меня же, извиняюсь, такие боли, что терпеть невозможно... А может быть, он и порошки выдумает? Ведь выдумает, а?.. Нет, господа мои, товарищи, такого человека надо беречь...

— То есть ты — «за», — сказал Генерал.

— То есть я так «за», что ежели кто его тронет...

— Понятно. Вы, Доктор?

— Я был бы «за» и без этого, — проворчал Доктор, попыхивая трубкой. — У меня такое же впечатление, как у Птицы. Пока он еще не наш, но он станет нашим, иначе быть не может. Им он, во всяком случае, никак не подходит. Слишком умен.

— Хорошо, — сказал Генерал. — Вы, Копыто?

— Я — «за», — сказал Мемо. — Полезный человек.

— Ну что же, — сказал Генерал. — Я тоже «за». Очень рад за вас, Мак. Вы — симпатичный парень, и мне было бы жалко убивать вас... — Он посмотрел на часы. — Давайте поедим, — сказал он. — Скоро сеанс, и Мак покажет нам свое искусство. Налейте ему пива, Лесник, и давайте на стол ваш хваленый сыр... Копыто, ступайте и подмените Зеленого — он не ел с утра.

Глава десятая

Последнее совещание перед операцией Генерал собрал в замке Двуглавой Лошади. Это были заросшие плющом и травой развалины загородного музея, разрушенного в годы войны, — место уединенное, дикое, горожане не посещали его из-за близости малярийного болота, а у местного населения оно пользовалось дурной славой как пристанище воров и бандитов. Максим пришел пешком вместе с Орди. Зеленый приехал на мотоцикле и привез Лесника. Генерал и Мемо-Копыто уже ждали их в старой канализационной трубе, выходящей прямо на болото. Генерал курил, а мрачный Мемо остервенело отмахивался от комаров ароматической палочкой.

— Привез? — спросил он Лесника.

— Обязательно, — сказал Лесник и вытащил из кармана тюбик репеллента.

Все намазались, и Генерал открыл совещание.

Мемо расстелил схему и снова повторил ход операции. Все это было уже известно наизусть. В час ночи группа подползает с четырех сторон к проволочному ограждению и закладывает удлиненные заряды. Лесник и Мемо действуют в одиночку — соответственно с севера и с запада. Генерал в паре с Орди — с востока. Максим в паре с Зеленым — с юга. Взрывы производятся одновременно ровно в час ночи, и сейчас же Генерал, Зеленый, Мемо и Лесник бросаются в проходы, имея задачей добежать до капонира и забросать его гранатами. Как только огонь из капонира прекратится или ослабнет, Максим и Орди с магнитными минами подбегают к башне и подготавливают взрыв, предварительно бросив в капонир еще по две гранаты для страховки. Затем они включают запалы, забирают раненых — только раненых! — и уходят на восток через лес к проселку, где возле межевого знака будет ждать Малыш с мотоциклом. Тяжелораненые грузятся в мотоцикл, легкораненые и здоровые уходят пешком. Место сбора — домик Лесника. Ждать на месте сбора не более двух часов, после чего уходить обычным порядком. Вопросы есть? Нет? Всё.

Генерал бросил окуроч, полез за пазуху и извлек пузырек с желтыми таблетками.

— Внимание, — сказал он. — По решению штаба план операции несколько меняется. Начало операции переносится на двадцать два ноль-ноль...

— Массаракш! — сказал Мемо. — Что еще за новости!

— Не перебивайте, — сказал Генерал. — Ровно в десять ноль-ноль начинается вечерний сеанс. За несколько секунд до этого каждый из нас примет по две таких

таблетки. Далее все по старому плану с одним исключением: Птица наступает как гранатометчик вместе со мной. Все мины будут у Мака, башню подрывает он один.

— Это как же? — задумчиво сказал Лесник, разглядывая схему. — Это мне никак не понятно. Двадцать два часа — это же вечерний сеанс... Я же, извиняюсь, как лягу, так и не встану, пластом лежать буду... Меня, извиняюсь, колом не поднимешь...

— Одну минуту, — сказал Генерал. — Еще раз повторяю: без десяти секунд десять все примут этот болеутолитель. Понимаете, Лесник? Болеутолитель примете. Таким образом, к десяти часам...

— Я эти пилюли знаю, — сказал Лесник. — Две минутки облегчения, а потом совсем в узел завяжешься... знаем, пробовали.

— Это новые пилюли, — терпеливо сказал Генерал. — Они действуют до пяти минут. Добежать до капонира и бросить гранаты мы успеем, а остальное сделает Мак.

Наступило молчание. Они думали. Туго соображающий Лесник со скрипом копался в волосах, закусив нижнюю губу. Видно было, как идея медленно доходит до него; он часто заморгал, оставил в покое шевелюру, оглядел всех просветлевшим взглядом и, оживившись, хлопнул себя по коленям. Чудесный дядька, добряк, с ног до головы исполосованный жизнью и ничего о жизни так и не узнавший. Ничего ему не надо было, и ничего он не хотел, кроме как чтобы оставили его в покое, дали бы вернуться к семье. Войну всю провел он в окопах и пуще атомных снарядов боялся своего капрала, такого же мужика, но хитрого и большого подлеца. Максима он очень полюбил, век благодарен был, что залечил ему Максим старый свищ на голени, и с тех пор уверовал, что, пока Максим тут, ничего плохого с ними случиться не может. Максим весь этот месяц ночевал у него в подвале, и каждый раз, когда они укладывались спать, Лесник рассказывал Максиму сказку, одну и ту же, но с разными концами: «А вот жила на болоте жаба, большая была дура, прямо даже никто не верил, и вот повадилась она, дура...» Никак не мог Максим вообразить его в кровавом деле, хотя говорили ему, что Лесник — боец умелый и беспощадный.

— Новый план дает следующие преимущества, — говорил Генерал. — Во-первых, нас в это время не ждут. Преимущество внезапности. Во-вторых, прежний план разработан уже давно, и достаточно велика опасность, что противнику он известен. Теперь мы противника опережаем. Вероятность успеха увеличивается...

Зеленый все время одобрительно кивал. Хищное лицо его светилось злорадным удовольствием, ловкие длинные пальцы сжимались и разжимались. Он любил всякие неожиданности — очень рискованный был человек. Прошное его было темно. Он был вор и аферист, ворами воспитанный, ворами вскормленный, ворами выбитый; сидел в тюрьме, бежал — нагло, неожиданно, как делал все, — попытался вернуться к своему ворью, но времена переменялись, дружки не потерпели выродка, хотели его выдать, но он отбил и снова бежал, скрывался по деревьям, пока не нашел его покойный Гэл Кетшеф. Зеленый был умница, фантазер, землю полагал плоской, небо — твердым, и именно в силу своего невежества, взбадриваемого бурной фантазией, был единственным человеком на обитаемом острове, который, кажется, подозревал в Максиме не горца какого-то («Видал я этих горцев, во всех видах видал»), не странную игру природы («Мы от природы все везде одинаковые, что в тюрьме, что на воле»), а прямо-таки пришельца из невозможных мест, скажем из-за небесной тверди. Открыто об этом он Максиму никогда не говорил, но намеки делал и относился к нему с почтением, переходящим в подхалимаж. «Ты у нас главным станешь, — говаривал он. — И вот тогда я под тобой развернусь...» Как и куда он собирался разворачиваться, было совершенно непонятно, но одно было ясно: очень любил Зеленый рискованные дела и терпеть не мог никакой работы. И еще не понравилась в нем Максиму дикая его и первобытная жестокость. Это была та же пятнистая обезьяна, только прирученная, натасканная на панцирных волков.

— Мне это не нравится, — сказал Мемо угрюмо. — Это авантюра. Без подготовки, без проверки... Нет, мне это не нравится.

Ему никогда ничего не нравилось, этому Мемо Грамену, по прозвищу Копыто Смерти. Его никогда ничто не удовлетворяло, и он всегда чего-то боялся. Прошрое его скрывалось, потому что в подполье он сначала занимал весьма высокий пост. Потом он однажды попался в лапы жандармерии и выжил только чудом — изуродованный пытками был вытаскен соседями по камере, устроившими побег. После этого, по законам подполья, его вывели из штаба, хотя он и не внушал никаких подозрений. Он был назначен помощником к Гэлу Кетшефу, дважды участвовал в нападениях на башни, лично уничтожил несколько патрульных машин, выследил и собственноручно застрелил командира одной из бригад Легиона, был известен как человек фанатической смелости и отличный пулеметчик. Его уже собирались сделать руководителем группы в каком-то городке на юго-западе, но тут группа Гэла попалась. Подозрений Копыто по-прежнему не вызывал, его даже назначили руководителем новой группы, но он, видимо, все время чувствовал на себе косые взгляды, которых не было, но которые вполне могли бы быть: в подполье не жаловали людей, которым слишком везет. Он был молчалив, придирчив, хорошо знал науку конспирации и требовал безусловного выполнения всех ее правил, даже самых незначительных. На общие темы никогда ни с кем не говорил, занимался только делами группы и добился того, что у группы было все: и оружие, и продукты, и деньги, и хорошая сеть явок, и даже мотоцикл. Максима он недолго любил. Это чувствовалось, и Максим не знал почему, а спрашивать ему не хотелось: Мемо был не из тех людей, с кем приятно откровенничать. Может быть, все дело было в том, что Максим единственный чувствовал его вечный страх — остальным и в голову не могло прийти, что угрюмый Копыто Смерти, запросто разговаривающий с любым представителем штаба, один из зачинателей подполья, террорист до мозга костей, может чего-нибудь бояться.

— Мне непонятны резоны штаба, — продолжал Мемо, с отвращением размазывая по шее новую порцию репеллента. — Я знаю этот план сто лет. Сто раз его хотели испытать и сто раз отказывались, потому что это почти верная гибель. Пока нет излучения, мы еще имеем шанс в случае неудачи хотя бы улизнуть и попробовать ударить снова в другом месте. Здесь — первая же неудача, и все мы погибли. Странно, что в штабе не понимают таких элементарных вещей.

— Ты не совсем прав, Копыто, — возразила Орди. — Теперь у нас есть Мак. Если что-нибудь и не получится, он сумеет нас вытащить и, может быть, даже сумеет взорвать башню.

Она лениво курила, глядя вдаль, на болото, сухая, спокойная, ничему не удивляющаяся и ко всему готовая. Она вызывала у людей робость, потому что видела в них только более или менее подходящие механизмы истребления. Она вся была как на ладони — ни в прошлом ее, ни в настоящем, ни в будущем не было темных и туманных пятен. Происходила она из интеллигентной семьи, отец погиб на войне, мать и сейчас работала учительницей в поселке Утки, и сама Орди работала учительницей до тех пор, пока ее не выгнали из школы как выродка. Она скрывалась, пыталась бежать в Хонти, встретила за границей Гэла, переправлявшего оружие, и он сделал ее террористкой. Сначала она работала из чисто идейных соображений — боролась за справедливое общество, где каждый волен думать и делать что хочет и может, но семь лет назад жандармерия нашла на ее след и забрала ее ребенка заложником, чтобы заставить ее выдать себя и мужа. Штаб не разрешил ей явиться: она слишком много знала; о ребенке она больше ничего не слышала, считала его мертвым, хотя втайне не верила этому, и вот уже семь лет ею двигала прежде всего ненависть. Сначала ненависть, а потом уже изрядно потускневшая мечта о справедливом обществе. Потерю мужа она пережила удивительно спокойно, хотя очень любила его. Вероятно, она просто задолго до ареста свыклась с мыслью, что ни за что в мире не следует держаться слишком крепко. Теперь она была, как Гэл на суде, — живым мертвецом, только очень опасным мертвецом.

— Мак — новичок, — мрачно сказал Мемо. — Кто поручится, что он не растеряется, оставшись один? Смешно на это рассчитывать. Смешно отвергать старый,

хорошо рассчитанный план из-за того, что у нас есть новичок Мак. Я сказал и повторяю: это авантюра.

— Да брось ты, начальник, — сказал Зеленый. — Такая у нас работа. По мне, что старый план, что новый план — все авантюра. А как же по-другому? Без риска нельзя, а с этими пилюлями риск меньше. Они же там под башней обалдеют, когда мы в десять часов на них наскочим. Они там небось в десять часов шнапс пьют и песни орут, а тут мы наскочим, а у них, может, и автоматы не заряжены и сами они пьяные лежат... Нет, мне нравится. Верно, Мак?

— Я, это самое, тоже... — сказал Лесник. — Я рассуждаю как? Если такой план даже мне удивителен, то уж legionерам этим и подавно. Правильно Зеленый говорит: обалдеют они... Опять же, лишних пять минуток не помучаемся, а там, глядишь, Мак башню повалит, и совсем будет хорошо. Да ведь как хорошо-то! — сказал он вдруг, словно озаренный новой идеей. — Ведь никто же до нас башен не валил, только хвастались, а мы первыми будем... И опять же, пока они эту башню снова наладят, это сколько времени пройдет! Хоть месяц-то по-человечески проживем... без приступов этих гадских...

— Боюсь, что вы меня не поняли, Копыто, — сказал Генерал. — В плане ничего не меняется, мы только нападаем неожиданно, усиливаем атаку за счет Птицы и несколько меняем порядок отступления.

— А если ты беспокоишься, что Маку всех нас будет не вытащить, — по-прежнему лениво проговорила Орди, глядя на болото, — так ты не забывай, что тащить ему придется одного, от силы двоих, а он мальчик сильный.

— Да, — сказал Генерал, глядя на нее. — Это правда...

Генерал был влюблен в Орди. Никто, кроме Максима, этого не видел, но Максим знал, что это любовь старая, безнадежная, началась она еще при Гэле, а теперь стала еще безнадежнее, если это возможно. Генерал был не генерал. До войны он был рабочим на конвейере, потом попал в школу субалтерн-офицеров, воевал в пехоте, кончил войну ротмистром. Он хорошо знал ротмистра Чачу, имел с ним счеты (были какие-то беспорядки в каком-то полку сразу после войны) и давно и безуспешно охотился за ним. Он был работником штаба подполья, но часто принимал участие в практических операциях, был хорошим воякой, знающим командиром. Работать в подполье ему нравилось, но что будет после победы, он представлял себе плохо. Впрочем, в победу он и не верил. Прирожденный солдат, он легко приспособлялся к любым условиям и никогда не загадывал дальше, чем на десять — двадцать дней вперед. Своих идей у него не было, кое-чего он нахватался от однорукого, кое-что перенял у Кетшефа, кое-что ему внушили в штабе, но главным в его сознании оставалось то, что вдолбили ему в школе субалтерн-офицеров. Поэтому, теоретизируя, он высказывал странную смесь взглядов: власть богатых надобно свергнуть (это от Вепря, который в представлении Максима был чем-то вроде социалиста или коммуниста), во главе государства поставить надлежит инженеров и техников (это от Кетшефа), города скрыть, а самим жить в единении с природой (какой-то штабной мыслитель-буколист), и всего этого можно добиться только беспрекословным подчинением приказу вышестоящих командиров, и поменьше болтовни на отвлеченные темы. Два раза Максим с ним сцепился. Было совершенно непонятно, зачем разрушать башни, терять на этом смелых товарищей, время, средства, оружие — через десять — двадцать дней башню все равно восстановят, и все пойдет по-прежнему, с той только разницей, что население окрестных деревень своими глазами убедится, какие гнусные дьяволы эти выродки. Генерал так и не сумел толком объяснить Максиму, в чем смысл диверсионной деятельности. То ли он что-то скрывал, то ли сам не понимал, зачем это нужно, но каждый раз он твердил одно и то же: приказы не обсуждаются, каждое нападение на башню — удар по врагу, нельзя удерживать людей от активной деятельности, иначе ненависть скиснет в них и жить станет совсем уж не для чего... «Надо искать центр! — настаивал Максим. — Надо бить сразу по центру, всеми силами сразу! Что у вас в штабе за головы, если не понимают такой простой вещи?» — «Штаб знает, что

делает, — веско отвечал Генерал, вздергивая подбородок и высоко задирая брови. — Дисциплина в нашем положении — прежде всего, и давай-ка без крестьянской вольницы, Мак, всему свое время, будет тебе и центр, если доживешь...» Впрочем, он относился к Максиму с уважением и охотно прибегал к его услугам, когда лучевые удары застигали его в подвале Лесника...

— Все равно я против, — упрямо сказал Мемо. — А если нас положат огнем? А если мы не успеем за пять минут, а понадобится нам шесть? Безумный план. И всегда он был безумным.

— Удлиненные заряды мы применяем впервые, — сказал Генерал, с трудом отрывая взгляд от Орди. — Но если брать прежние способы прорыва через проволоку, то судьба операции определяется в среднем через три-четыре минуты. Если мы застанем их врасплох, у нас еще останется одна или даже две минуты в запасе.

— Две минуты — время большое, — сказал Лесник. — За две минуты я их там всех голыми руками передавлю. Добежать бы только.

— Добежать бы... да-а... — с какой-то зловещей мечтательностью протянул Зеленый. — Верно, Мак?

— Ты ничего не хочешь сказать, Мак? — спросил Генерал.

— Я уже говорил, — сказал Максим. — Новый план лучше старого, но все равно плох. Дайте я все сделаю сам. Рискните.

— Не будем об этом, — сказал Генерал раздраженно. — Об этом — всё. Дельные замечания у тебя есть?

— Нет, — сказал Максим. Он уже жалел, что снова затеял этот разговор.

— Откуда взялись новые таблетки? — спросил вдруг Мемо.

— Таблетки старые, — сказал Генерал. — Маку удалось немного улучшить их.

— Ах, Маку...

Копыто произнес это таким тоном, что всем стало неловко. Его слова можно было понять так: новичок, да еще не совсем наш, да еще пришедший с той стороны, — а не пахнет ли дело засадой, такие случаи бывали...

— Да, — резко сказал Генерал. — И довольно разговоров. Приказ штаба. Изволь подчиняться, Копыто.

— Я подчиняюсь, — сказал Мемо, пожав плечами. — Я против этого, но я подчиняюсь. Куда же деваться...

Максим грустно смотрел на них. Они сидели перед ним, очень разные, — в обычных условиях, наверное, им и в голову бы не пришло, что они могут собраться вместе: бывший фермер, бывший уголовник, бывшая учительница... То, что они собирались сделать, было бессмысленно; пройдет несколько часов, и большинство из них будут мертвы, а в мире ничего не изменится, и те, кто останется в живых, в лучшем случае получают передышку от адских болей, но они будут изранены, измучены бегством, их будут травить собаками, им придется отсиживаться в душных норах, а потом все начнется сначала. Действовать с ними заодно было глупо, но покинуть их было бы подло, и приходилось выбирать глупость. А может быть, здесь у них вообще нельзя иначе, а если хочешь что-нибудь сделать, приходится пройти через глупость, через бессмысленную кровь, а может быть, и через подлость придется пройти. Жалкий человек... глупый человек... подлый человек... А что еще можно ожидать от человека в таком жалком, глупом и подлом мире? Надо помнить только, что глупость есть следствие бессилия, а бессилие проистекает из невежества, из незнания верной дороги... Но ведь не может же быть так, чтобы среди тысячи дорог не нашлось верной! «По одной дороге я уже прошел, — думал Максим, — это была неверная дорога. Теперь надо пройти по этой, хотя уже сейчас видно, что это тоже неверная дорога. И может быть, мне еще не раз придется ходить по неверным дорогам и забираться в тупики. А перед кем я оправдываюсь? — подумал он. — И зачем? Они мне нравятся, я могу им помочь, вот и все, что мне нужно знать сейчас...»

— Сейчас мы разойдемся, — сказал Генерал. — Копыто идет с Лесником, Мак — с Зеленым, я — с Птицей. Встреча в девять ноль-ноль у межевой отметки, идти только лесом, без дорог. Парам не разлучаться, каждый отвечает за каждого. Идите. Первыми уходят Мемо и Зеленый. — Он собрал окурки на лист бумаги, свернул и положил в карман.

Лесник потер колени.

— Кости болят, — сообщил он. — К дождичку. Хорошая нынче будет ночь, темная...

Глава одиннадцатая

От лесной опушки до проволоки надо было ползти. Впереди полз Зеленый, он волочил шест с удлиненным зарядом и едва слышно ругал колючки, впивавшиеся в руки. Максим, придерживая мешок с магнитными минами, полз следом. Небо было затянуто тучами, моросил дождь. Трава была мокрая, и в первые же минуты они промокли до нитки. За дождем ничего не было видно, Зеленый полз по компасу и ни разу не отклонился — опытный был человек этот Зеленый. Потом резко запахло сырой ржавчиной, и Максим увидел проволоку в три ряда, а за проволокой — смутную решетчатую громаду башни, а приподняв голову, разглядел у основания башни приземистое сооружение с прямоугольными очертаниями. Это был капонир, там сидели трое легионеров с пулеметом. Сквозь шорох дождя слышались неразличимые голоса, потом там зажгли спичку, и слабым желтым светом озарилась длинная амбразура.

Зеленый, шепотом чертыхаясь, просовывал шест под проволоку. «Готово, — шепнул он. — Отползай». Они отползли на десяток шагов и стали ждать. Зеленый, зажав в кулаке шнур детонатора, глядел на светящиеся стрелки часов. Его трясло. Максим слышал, как он постукивает зубами и сдавленно дышит. Максима тоже трясло. Он сунул руку в мешок и потрогал мины — они были шероховатые, холодные. Дождь усилился, шуршание заглушало теперь все звуки. Зеленый приподнялся и встал на четвереньки. Он все время что-то шептал: то ли молился, то ли ругался. «Ну, гады!» — сказал он вдруг громко и сделал резкое движение правой рукой. Раздался пистонный щелчок, шипение, и впереди ахнуло из-под земли полотнище красного пламени, и взметнулось широкое полотнище далеко слева, ударило по ушам, посыпалась горячая мокрая земля, клочья тлеющей травы, какие-то раскаленные кусочки. Зеленый рванулся вперед, крича чужим голосом, и вдруг стало светло как днем, светлее, чем днем, ослепительно светло. Максим зажмурился и ощутил холод внутри, и в голове мелькнула мысль: «Все пропало», но выстрелов не было, тишина продолжалась, ничего не было слышно, кроме шуршания и шипения.

Когда Максим открыл глаза, он сквозь слепящий свет увидел серый капонир, широкий проход в проволоке и каких-то людей, очень маленьких и одиноких на огромном пустом пространстве вокруг башни, — они со всех ног бежали к капониру, молча, беззвучно, спотыкались, падали, снова вскакивали и бежали. Потом послышался жалобный стон, и Максим увидел Зеленого, который никуда не бежал, а сидел, раскачиваясь, на земле сразу за проволокой, обхватив голову руками. Максим бросился к нему, оторвал его руки от лица, увидел закаченные глаза и пузыри слюны на губах... А выстрелов все не было; прошла уже целая вечность, а капонир молчал. И вдруг там грянули знакомую песню.

Максим повалил этого разгильдяя навзничь, шаря одной рукой в кармане и радуясь, что Генерал такой недоверчивый, что он и Максиму дал на всякий случай болезазитные пилюли. Он разжал Зеленому сведенный судорогой рот и засунул пилюли глубоко в хрипящую черную глотку. Потом он схватил автомат Зеленого и повернулся, ища, откуда свет, почему столько света, не должно быть столько света... Выстрелов все не было, одинокие люди продолжали бежать, один был уже совсем недалеко от капонира, другой немного отстал, а третий, который бежал справа, вдруг с размаху упал и покатился через голову. «О, как рыдает враг!..» — ревели в капонире, а свет бил сверху, с высоты десятка метров — наверное, с башни, которую нельзя было теперь разглядеть. Пять или шесть

ослепительных бело-синих дисков, и Максим вскинул автомат и нажал на спусковой крючок, и самодельный автомат, маленький, неудобный, непривычный, забился у него в руках. И словно в ответ засверкали красные вспышки в амбразуре капонира, и вдруг автомат вырвали у него из рук, он еще не попал ни в один из ослепительных дисков, а Зеленый уже вырвал у него автомат, и кинулся вперед, и сразу же упал, споткнувшись на ровном месте...

Тогда Максим лег и пополз обратно к своему мешку. Позади торопливо трещали автоматы, гулко и страшно ревел пулемет, и вот — наконец-то! — хлопнула граната, потом другая, потом две сразу, и пулемет замолчал; трещали только автоматы, и снова захлопали взрывы, кто-то завизжал нечеловеческим визгом, и стало тихо. Максим подхватил мешок и побежал. Над капониром столбом поднимался дым, несло гарью и порохом, а вокруг было светло и пусто, только черный сутулый человек брел возле самого капонира, придерживаясь за стенку; добрался до амбразуры, бросил туда что-то и повалился. Амбразура озарилась красным, донесся хлопок, и снова все стихло...

Максим споткнулся и чуть не упал. Через несколько шагов он снова споткнулся и тогда заметил, что из земли торчат колышки, толстые короткие колышки, спрятанные в траве... «Вот оно как... Вот оно как здесь... Если бы Генерал пустил меня в одиночку, я бы сразу разmozжил себе обе ноги и сейчас валялся бы замертво на этих гнусных ехидных колышках... Хвастун... невежда...» Башня была уже совсем близко. Он бежал и смотрел под ноги, он был один, и ему не хотелось думать об остальных.

Он добежал до огромной железной лапы, бросил мешок. Ему очень хотелось тут же прилепить тяжелую шершавую лепешку к мокрому железу, но был еще капонир... Железная дверь была приоткрыта, из нее высывались ленивые языки пламени, на ступеньках лежал легионер — тут все было кончено. Максим пошел вокруг капонира и нашел Генерала. Генерал сидел, прислонившись к бетонной стенке; глаза у него были бессмысленные, и Максим понял, что срок действия таблеток кончился. Он огляделся, поднял Генерала на руки и понес от башни. Шагах в двадцати лежала в траве Орди с гранатой в руке. Она лежала ничком, но Максим сразу понял, что она мертва. Он стал искать дальше и нашел Лесника, тоже мертвого. И Зеленый тоже был убит, и не с кем было положить живого Генерала...

Он шел по полю, отбрасывая множественную черную тень, оглушенный всеми этими смертями, хотя минуту назад думал, что готов к ним, и ему не терпелось вернуться и взорвать башню, чтобы закончить то, что они начали, но сначала надо было посмотреть, что с Копытом, и он нашел Мемо совсем рядом с проволокой. Мемо был ранен и, наверное, пытался уползти и полз к проволоке, пока не свалился без сознания. Максим положил Генерала рядом и снова побежал к башне. Странно было думать, что теперь эти несчастные двести метров можно спокойно пройти, ничего не опасаясь.

Он принялся прилаживать мины к опорам, по две штуки на каждую опору для верности. Он торопился; время было, но Генерал истекал кровью, и Мемо истекал кровью, а где-то уже неслись по шоссе грузовики с легионерами, и Гая подняли по тревоге, и теперь он трясся по бульжнику рядом с Панди, и в окрестных деревнях уже проснулись люди: мужчины хватали ружья и топоры, дети плакали, а женщины проклинали кровавых шпионов, из-за которых ни сна, ни покоя. Он всей кожей чувствовал, как морозящая тьма вокруг оживает, шевелится, становится грозной и опасной...

Запалы были рассчитаны на пять минут; он поочередно включил их все и побежал назад, к Генералу и Мемо. Что-то мешало ему, он остановился, поискал глазами и понял: Орди. Бегом, глядя под ноги, чтобы не споткнуться, он вернулся к ней, поднял на плечо легкое тело и снова бегом, глядя под ноги, чтобы не споткнуться, — к проволоке, к северному проходу, где мучились Генерал и Мемо, но им недолго уже оставалось мучиться. Он остановился возле них и обернулся к башне.

И вот исполнилась эта бессмысленная мечта террористов. Быстро, одна за другой, треснули мины, основание башни заволкло дымом, а затем слепящие огни погасли, стало

непроглядно темно, в темноте заскрежетало, загрохотало, трянуло землю, с лязгом подпрыгнуло и снова трянуло землю.

Максим поглядел на часы. Было семнадцать минут одиннадцатого. Глаза привыкли к темноте, снова стала видна развороченная проволока, и стала видна башня. Она лежала в стороне от капонира, где все еще горело, растопырив изуродованные взрывами опоры.

— Кто здесь? — прохрипел Генерал, завозившись.

— Я, — сказал Максим. Он нагнулся. — Пора уходить. Куда вам попало? Вы можете идти?

— Погоди, — сказал Генерал. — Что с башней?

— Башня готова, — проговорил Максим.

Орди лежала на его плече, и он не знал, как сказать о ней.

— Не может быть, — сказал Генерал, приподнимаясь. — Массаракш! Неужели?.. — Он засмеялся и опять лег. — Слушай, Мак, я ничего не соображаю... Сколько времени?

— Двадцать минут одиннадцатого.

— Значит, все верно... Мы ее прикончили... Молодец, Мак... Подожди, а это кто рядом?

— Копыто, — сказал Максим.

— Дышит, — сказал Генерал. — Подожди, а кто еще жив? Это у тебя кто?

— Это Орди, — с трудом сказал Максим.

Несколько секунд Генерал молчал.

— Орди... — повторил он нерешительно и встал, пошатываясь. — Орди, — снова повторил он и приложил ладонь к ее щеке.

Некоторое время они молчали. Потом Мемо хрипло спросил:

— Который час?

— Двадцать две минуты, — сказал Максим.

— Где мы? — спросил Мемо.

— Нужно уходить, — сказал Максим.

Генерал повернулся и пошел через проход в проволоке. Его сильно шатало. Тогда Максим нагнулся, взвалил на другое плечо грузного Мемо и двинулся следом. Он догнал Генерала, и тот остановился.

— Только раненых, — сказал он.

— Я донесу, — сказал Максим.

— Выполняйте приказ, — сказал Генерал. — Только раненых.

Он протянул руки и, постанывая от боли, снял тело Орди с плеча Максима. Он не мог удержать ее и сразу положил на землю.

— Только раненых, — сказал он странным голосом. — Бегом... марш!

— Где мы? — спросил Мемо. — Кто тут? Где мы?

— Держитесь за мой пояс, — сказал Максим Генералу и побежал.

Мемо вскрикнул и обмяк. Голова его болталась, руки болтались, ноги поддавали Максиму в спину. Генерал, громко и сипло дыша, бежал по пятам, держась за пояс.

Они вбежали в лес. По лицу захлестали мокрые ветви. Максим увертывался от деревьев, бросавшихся навстречу, перепрыгивая через выскакивающие пни, — это оказалось труднее, чем он думал, он был уже не тот, и воздух здесь был не тот, и вообще все было не так, все было неправильно, все было ненужно и бессмысленно. Позади оставались поломанные кусты, и кровавый след, и запах, а дороги уже давно оцеплены, рвутся с поводков собаки, и ротмистр Чачу с пистолетом в руке, каркая команды, косолапо бежит по асфальту, перемахивает кювет и первым ныряет в лес. Позади оставалась дурацкая поваленная башня, и обгоревшие легионеры, и трое мертвых, уже закоченевших товарищей, а здесь было двое, израненных, полумертвых, не имеющих почти никаких шансов, — и все ради одной башни, одной дурацкой, бессмысленной, грязной, ржавой башни, одной из тысяч таких же... «Больше я никому не позволю совершать такие глупости. Нет, — скажу я, — я это видел... Сколько крови, и все за груды

бесполезного ржавого железа, одна молодая глупая жизнь за ржавое железо, и одна старая глупая жизнь за жалкую надежду хоть несколько дней побыть как люди, и одна расстрелянная любовь — даже не за железо и даже не за надежду... Если вы хотите просто выжить, — скажу я, — то зачем же так просто умираете, так дешево умираете... Массаракш, я не позволю им умирать, они у меня будут жить, научатся жить!.. Какой болван, как я пошел на это, как я им позволил пойти на это?!»

Он стремглав выскочил на проселок, держа Мемо на плече и волоча Генерала под мышки, огляделся — Малыш уже бежал к нему от межевого знака, мокрый, пахнувший потом и страхом.

— Это все? — спросил он с ужасом, и Максим был ему благодарен за этот ужас.

Они дотащили раненых до мотоцикла, впихнули Мемо в коляску, а Генерала посадили на заднее седло, и Малыш привязал его к себе ремнем. В лесу было еще тихо, но Максим знал, что это ничего не означает.

— Вперед, — сказал он. — Не останавливайся, прорывайся...

— Знаю, — сказал Малыш. — А ты?

— Я постараюсь отвлечь их на себя. Не беспокойся, я уйду.

— Безнадежно, — сказал Малыш с тоской, дернул стартер, и мотоцикл затрещал. — Ну хоть башню-то взорвали? — крикнул он.

— Да, — сказал Максим, и Малыш умчался.

Оставшись один, Максим несколько секунд стоял неподвижно, потом кинулся обратно в лес. На первой же попавшейся полянке он сорвал с себя куртку и швырнул в кусты. Потом бегом вернулся на дорогу и некоторое время бежал изо всех сил по направлению к городу; остановился, отцепил от пояса гранаты, разбросал их на дороге, продрался сквозь кусты на другой стороне, стараясь сломать как можно больше веток, бросил за кустами носовой платок и только тогда побежал прочь через лес, перестраиваясь на ровный охотничий бег, которым ему предстояло пробежать десять или пятнадцать километров.

Он бежал, ни о чем не думая, следя только за тем, чтобы не отклоняться сильно от направления на юго-запад, и выбирая место, куда ставить ногу. Дважды он пересекал дорогу, один раз — проселочную, на которой было пусто, и другой раз — Одиннадцатое шоссе, где тоже никого не было, но здесь он впервые услышал собак. Он не мог определить, какие это собаки, но на всякий случай дал большой крюк и через полтора часа оказался среди пакгаузов городской сортировочной станции.

Здесь светились огни, жалобно посвистывали паровозы, сновали люди. Здесь, вероятно, ничего не знали, но бежать было уже нельзя — могли принять за вора. Он перешел на шаг, а когда мимо грузно покатился в город тяжелый товарный состав, вскочил на первую же попавшуюся платформу с песком, залег и так доехал до самого бетонного завода. Тут он соскочил, отряхнул песок, слегка запачкал руки мазутом и стал думать, что делать дальше.

Пробираться в дом Лесника не имело никакого смысла, а это была единственная явка поблизости. Можно было попытаться переночевать в поселке Утки, но это было опасно — это был адрес, известный ротмистру Чачу, и, кроме того, Максиму было страшно подумать — явиться сейчас к старой Илли и рассказать ей о смерти дочери. Идти было некуда. Он зашел в захудалый ночной трактирчик для рабочих, поел сосисок, выпил пива, подремал, привалившись к стене. Все здесь были такие же грязные и усталые, как он, рабочие после смены, опоздавшие на последний трамвай. Ему приснилась Рада, и он подумал во сне, что Гай сейчас, вероятно, в облаве, и это хорошо. А Рада его любит и примет, даст переодеться и умыться; там еще должен остаться его гражданский костюм, тот самый, который дал ему Фанк... А утром можно будет уехать на восток, где находится вторая известная ему явка... Он проснулся, бросил на стол мятую кредитку и вышел.

Идти было недалеко и неопасно. Народу на улицах не было, только у самого дома он заметил человека — это был привратник. Привратник сидел в подъезде на своем табурете

и спал. Максим осторожно прошел мимо, поднялся по лестнице и позвонил так, как звонил всегда. За дверью было тихо, потом что-то скрипнуло, послышались шаги, и дверь приоткрылась. Он увидел Раду.

Она не закричала только потому, что задохнулась и зажала себе рот ладонью. Максим обнял ее, прижал к себе, поцеловал в лоб; у него было такое чувство, как будто он вернулся домой, где его давно уже перестали ждать. Он закрыл за собой дверь, и они тихо прошли в комнату, и Рада сразу заплакала. В комнате было все по-прежнему, только не было его диванчика, а на кровати сидел Гай в ночной рубашке и ошалело таращился на Максима испуганными, дикими от удивления глазами. Так прошло несколько минут: Максим и Гай смотрели друг на друга, а Рада плакала.

— Массаракш, — сказал наконец Гай беспомощно. — Ты живой?.. Ты не мертвый?

— Здравствуй, дружище, — сказал Максим. — Жалко, что ты дома. Я не хотел тебя подводить. Если ты скажешь, я сразу уйду.

И сейчас же Рада крепко вцепилась в его руку.

— Ни-ку-да! — сказала она сдавленно. — Ни за что! Никуда не уйдешь... Пусть попробует... Тогда я тоже... я не посмотрю...

Гай отшвырнул одеяло, спустил с кровати ноги и подошел к Максиму. Он потрогал его за плечи, за руки, испачкался мазутом, вытер себе лоб, испачкал лоб.

— Ничего не понимаю, — сказал он жалобно. — Ты живой... Откуда ты взялся? Рада, перестань реветь... Ты не ранен? У тебя ужасный вид... И вот кровь...

— Это не моя, — сказал Максим.

— Ничего не понимаю, — повторил Гай. — Слушай, ты же жив! Рада, грей воду! Разбуди старого, пусть даст водки...

— Тихо, — сказал Максим. — Не шумите, за мной гонятся.

— Кто? Зачем? Чепуха какая... Рада, дай ему переодеться!.. Мак, садись, садись... Или, может быть, ты хочешь лечь? Как это получилось? Почему ты жив?..

Максим осторожно сел на краешек стула, положил руки на колени, чтобы ничего не испачкать, и, глядя на этих двоих, в последний раз глядя на них, как на своих друзей, ощущая даже какое-то любопытство к тому, что произойдет дальше, сказал:

— Я ведь теперь преступник, ребята. Я только что взорвал башню.

Он не удивился, что они поняли его сразу, мгновенно поняли, о какой башне идет речь, и не переспросили. Рада только стиснула руки, не отрывая от него взгляда, а Гай крикнул, фамильным жестом почесал шевелюру обеими руками и, отведя глаза, сказал с досадой:

— Болван. Отомстить, значит, решил... Кому мстишь? Эх ты, как был псих, так и остался. Ребенок маленький... Ладно. Ты ничего не говорил, мы ничего не слышали. Ладно... Ничего не желаю знать. Рада, иди грей воду. Да не шуми там, не буди людей... Раздевайся, — сказал он Максиму строго. — Извозился, как черт, где тебя носит...

Максим поднялся и стал раздеваться. Сбросил грязную мокрую рубаху (Гай увидел шрамы от пуль и гулко проглотил слюну), с отвращением стянул безобразно грязные сапоги и штаны. Вся одежда была в черных пятнах, и, освободившись от нее, Максим почувствовал облегчение.

— Ну вот и славно, — сказал он и снова сел. — Спасибо, Гай. Я ненадолго, только до утра, а потом уйду...

— Привратник тебя видел? — мрачно спросил Гай.

— Он спал.

— Спал... — сказал Гай с сомнением. — Он, знаешь... Ну, может быть, конечно, и спал. Спит же он когда-нибудь...

— Почему ты дома? — спросил Максим.

— В увольнении.

— Какое может быть увольнение? — сказал Максим. — Весь Легион, наверное, сейчас за городом...

— А я больше не легионер, — сказал Гай, криво усмехаясь. — Выгнали меня из Легиона, Мак. Я теперь всего-навсего армейский капрал, учу деревенщину, какая нога правая, какая — левая. Обучу — и айда на хонтийскую границу, в окопы... Такие вот у меня дела, Мак.

— Это из-за меня? — тихо спросил Максим.

— Да как тебе сказать... В общем, да.

Они посмотрели друг на друга, и Гай отвел глаза. Максим вдруг подумал, что если бы Гай сейчас выдал его, то, наверное, вернулся бы в Легион и в свою заочную офицерскую школу; и еще он подумал, что каких-нибудь два месяца назад такая мысль не могла бы прийти ему в голову. Ему стало неприятно, захотелось уйти, сейчас же, немедленно, но тут вернулась Рада и позвала его в ванную. Пока он мылся, она приготовила поесть, согрела чай, а Гай сидел на прежнем месте, подперев щеки кулаками, и на лице его была тоска. Он ни о чем не спрашивал — должно быть, боялся услышать что-нибудь страшное, что-нибудь такое, что прорвет последнюю линию его обороны, пережмет последние ниточки, еще соединяющие его с Максимом. И Рада ни о чем не спрашивала — должно быть, ей было не до того; она не спускала с него глаз, не отпускала его руки и время от времени всхлипывала — боялась, что он вдруг исчезнет, любимый человек. Исчезнет и никогда больше не появится. И тогда Максим — времени оставалось мало — отодвинул недопитую чашку и принялся рассказывать сам.

О том, как помогла ему мать террористки, как он встретился с вырожденками, кто они такие, вырожденки, на самом деле, почему они вырожденки и что такое башни, какая дьявольская, отвратительная выдумка эти башни. О том, что произошло сегодня ночью, как люди бежали на пулемет и умирали один за другим, как рухнула эта гнусная груда мокрого железа и как он нес мертвую женщину, у которой отняли ребенка и убили мужа...

Рада слушала жадно, и Гай тоже в конце концов заинтересовался, он даже стал задавать вопросы, ехидные, злые вопросы, глупые и жестокие, и Максим понял, что он ничему не верит, что все это отталкивается от его сознания, как вода от жира, что ему неприятно это слушать и он с трудом сдерживается, чтобы не оборвать Максима. И когда Максим закончил рассказ, он сказал, нехорошо усмехаясь:

— Здорово они обвели тебя вокруг пальца.

Максим посмотрел на Раду, но Рада отвела глаза и, покусывая губу, проговорила нерешительно:

— Не знаю... Может быть, конечно, была одна такая башня... Понимаешь, Мак, это просто не может быть, то, что ты рассказываешь...

Она говорила замирающим, тихим голосом, явно стараясь не обидеть его, просительно заглядывала ему в глаза, поглаживала по плечу, а Гай вдруг расвирился и стал говорить, что это же глупо, что Максим просто не представляет себе, сколько таких башен стоит по стране, сколько их строится ежегодно, ежедневно, — так неужели же эти огромные миллиарды тратятся только для того, чтобы дважды в день доставлять неприятности жалкой кучке уродов?!

— На одну охрану сколько денег уходит, — добавил он после паузы.

— Об этом я думал, — сказал Максим. — Наверное, все действительно не так просто. Но хонтийские деньги здесь ни при чем... И потом, я сам видел: как только башня свалилась, им всем стало лучше. А что касается ПБЗ... Пойми, Гай, для защиты с воздуха башен слишком много. Чтобы перекрыть воздушное пространство, их нужно гораздо меньше... И потом, зачем ПБЗ на южной границе? Разве у диких вырожденков есть баллистические средства?

— Там много чего есть, — сказал Гай зло. — Ты ничего не знаешь, а всему веришь... Извини, Мак, но если бы ты был не ты... Все мы слишком доверчивы, — горько добавил он.

Максиму больше не хотелось спорить и вообще говорить на эту тему. Он стал расспрашивать, как идет жизнь, где работает Рада, почему не пошла учиться, как

дядюшка, как соседи... Рада оживилась, принялась рассказывать, потом спохватилась, собрала грязную посуду и ушла на кухню. Гай почесался двумя руками, похмурился на темное окно, а потом решил и начал серьезный мужской разговор.

— Мы тебя любим, — сказал он. — Я тебя люблю, Рада тебя любит, хотя и беспокойный ты человек и все у нас из-за тебя пошло как-то не так. Но ведь вот в чем дело: Рада тебя не просто любит, не так, понимаешь... а как бы тебе сказать... в общем, ты понимаешь... в общем, нравишься ты ей, и все это время она проплакала, а первую неделю даже проболела. Она девушка хорошая, хозяйственная, многие на нее заглядываются, и это не удивительно... Не знаю, как ты к ней, но что бы я тебе посоветовал? Брось ты все эти глупости, не для тебя они, не твоего ума дело, запутают тебя, сам погубишь, многим невинным людям жизнь испортишь — ни к чему все это. А поезжай ты обратно к себе в горы, найди своих, головой не вспомнишь — сердце подскажет, где твоя родина... Искать тебя там никто не будет, устроишься, наладишь жизнь, тогда приезжай, забирай Раду, и будет вам там хорошо. А может, мы к тому времени уже и с хонтийцами покончим. Пандею прижмем покрепче, наступит наконец мир, и заживем как люди...

Максим слушал его и думал, что, если бы он был действительно горцем, он бы, наверное, так и поступил: вернулся бы на родину и зажил бы потихоньку с молодой женой, забыл бы обо всех этих ужасах, о сложностях... Нет, не забыл бы, а организовал бы оборону, так что чиновники Творцов и носу бы туда не сунули; а явились бы туда легионеры, бился бы у родного порога до последнего... «Только я не горец. В горах мне делать нечего, а дело мое здесь, я всего этого терпеть не намерен... Рада? Что же, Рада... если действительно любит, тогда поймет, должна будет понять... Не хочу сейчас об этом думать, не хочу любить, не время мне сейчас любить...»

Он задумался и не сразу осознал, что в доме что-то переменялось. Кто-то ходил по коридору, кто-то шептался за стеной. И вдруг в коридоре завозились, Рада отчаянно крикнула: «Мак!..» — и сразу же замолчала, словно ей зажали рот. Он вскочил и бросился к окну, но дверь распахнулась, и на пороге появилась Рада, без кровинки в лице. Пахнуло знакомым запахом казармы, застучали, больше не таясь, подкованные сапоги, Раду впихнули в комнату, и следом повалили люди в черных комбинезонах, и Панди с озверелым лицом навел на него автомат, а ротмистр Чачу, хитрый, как всегда, и умный, как всегда, стоял рядом с Радой, держа ее за плечо и уперев ствол пистолета ей в бок.

— Ни с места! — крикнул он. — Пошевелишься — стреляю!

Максим замер. Он ничего не мог, ему нужно было по меньшей мере две десятых секунды, может быть, полторы, но этому убийце хватило бы и одной.

— Руки вперед! — каркнул Чачу. — Капрал, наручники! Двойные наручники! Шевелись, массаракш!

Панди, которого Максим неоднократно на занятиях бросал через голову, с большой осторожностью приблизился, отстегивая от пояса тяжелую цепь. Озверелость на его лице сменилась озабоченным выражением.

— Ты смотри, — сказал он Максиму. — Ежели что, господин ротмистр ее сразу... того... любовь твою...

Он защелкнул стальные браслеты на запястьях Максима, присел на корточки и сковал ему ноги. Максим мысленно усмехнулся. Он уже знал, что будет делать дальше. Но он недооценил ротмистра. Ротмистр не отпустил Раду. Все вместе они спустились по лестнице, все вместе сели в грузовик, и ротмистр ни на секунду не отвел пистолета. Затем в грузовик втолкнули скованного Гая. До рассвета было еще далеко, по-прежнему моросил дождь, размытые огни едва освещали мокрую улицу. На скамьях в кузове с грохотом рассаживались легионеры, огромные мокрые псы молча рвались с поводков и, осаженные, нервно, с прискуливанием, зевали. А в подъезде, прислонившись к косяку, стоял, сложив руки на животе, привратник. Он дремал.

Глава двенадцатая

Государственный прокурор откинулся на спинку кресла, бросил в рот несколько сушеных ягод, пожевал и запил глотком целебной воды. Зажмурившись и придавив пальцами утомленные глаза, он прислушался. Вокруг на многие сотни метров было хорошо. Здание Дворца юстиции было пусто, в окна монотонно барабанил ночной дождь, не слышно было сирен и скрипа тормозов, не стучали и не жужжали лифты. И никого не было, только в приемной за высокой дверью, тихий, как мышь, томился в ожидании приказаний ночной референт. Прокурор медленно разжмурился и сквозь плывущие цветные пятна взглянул на кресло для посетителей, сделанное по особому заказу. «Кресло надо будет взять с собой. И стол надо взять тоже, я к нему привык... А ведь жалко будет, пожалуй, уходить отсюда — нагрел местечко... И зачем мне уходить? Странно устроен человек: если перед ним лестница, ему обязательно надо вскарабкаться на самый верх. На самом верху холодно, дуют очень вредные для здоровья сквозняки, падать оттуда смертельно, ступеньки скользкие, опасные, и ты отлично знаешь это, и все равно лезешь, карабкаешься — язык на плечо. Вопреки обстоятельствам — лезешь, вопреки любым советам — лезешь, вопреки сопротивлению врагов — лезешь, вопреки собственным инстинктам, здравому смыслу, предчувствиям — лезешь, лезешь, лезешь... Тот, кто не лезет вверх, тот падает вниз, это верно. Но и тот, кто лезет вверх, тоже падает вниз...»

Писк внутреннего телефона прервал его мысли. Он взял наушник и, досадливо морщась, сказал:

— В чем дело? Я занят.

— Ваше превосходительство... — прошелестел референт. — Некто, назвавший себя Странником, звонит по вашей личной линии и настоятельно просит разговора с вашим...

— Странник? — Прокурор оживился. — Соедините.

В наушнике щелкнуло, референт прошелестел:

— Его превосходительство вас слушает.

Снова щелкнуло, и знакомый голос произнес, твердо, по-пандейски, выговаривая слова:

— Умник? Здравствуй. Ты сильно занят?

— Для тебя — нет.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Когда?

— Сейчас, если можно.

— Я в твоём распоряжении, — сказал прокурор. — Приезжай.

— Я буду через десять — пятнадцать минут. Жди.

Прокурор положил наушник и некоторое время сидел неподвижно, пощипывая нижнюю губу. «Явился, голубчик, — подумал он. — И опять как снег на голову. Массаракш, сколько денег я убил на этого человека, больше, наверное, чем на всех прочих, вместе взятых, а знаю о нем только то, что все прочие, взятые по отдельности. Опасная фигура. Непредсказуемая. Испортил настроение...» Прокурор сердито посмотрел на бумаги, разложенные по столу, небрежно сгреб их в кучу и сунул в стол. «Сколько же времени его не было?... Да, два месяца. Как всегда. Исчез неизвестно куда, два месяца никаких сведений, и вот, пожалуйста, как чертик из коробки... Нет, с этим чертиком надо что-то делать, так работать нельзя... Ну хорошо, а что ему от меня нужно? Что, собственно, случилось за эти два месяца? Свалили Ловкача... Вряд ли это его интересует. Ловкача он презирал. Впрочем, он всех презирает... По его линии ничего не было, да и не придет он ко мне из-за такой чепухи — пойдет прямо к Канцлеру или к Барону... Может быть, нащупал что-нибудь любопытное и хочет в альянс войти? Дай бог, дай бог... А только я бы на его месте ни с кем в альянс не вступал... Может быть, процесс?... Да нет, при чем здесь процесс. А, чего гадать, примем-ка лучше необходимые меры».

Он выдвинул потайной ящик и включил все фонографы и скрытые камеры. «Эту сцену мы сохраним для потомства. Ну, где же ты, Странник?» От возбуждения он вспотел, его ударило в дрожь; чтобы успокоиться, он бросил в рот несколько ягод, пожевал, закрыл глаза и стал считать. Когда он досчитал до семисот, дверь отворилась, и, отстранив референта, в кабинет вошел этот верзила, этот холодный шутник, эта надежда Творцов, ненавидимый и обожаемый, ежесекундно повисающий на волоске и никогда не падающий, тощий, сутулый, с круглыми зелеными глазами, с большими оттопыренными ушами, в своей вечной нелепой куртке до колен, лысый, как локоть, чародей, вершитель, пожиратель миллиардов... Прокурор поднялся ему навстречу. С этим человеком не надо было притворяться и говорить вымученные слова.

— Привет, Странник, — сказал прокурор. — Пришел похвастаться?

— Чем? — спросил Странник, проваливаясь в известное всем кресло и нелепо задирая колени. — Массаракш! Каждый раз я забываю про это чертово устройство. Когда ты прекратишь издеваться над посетителями?

— Посетителю должно быть неудобно, — сказал прокурор поучающе. — Посетитель должен быть смешон, иначе какое мне от него удовольствие? Вот я сейчас смотрю на тебя, и мне весело.

— Да, я знаю, ты веселый человек, — сказал Странник. — Только очень уж неприятный у тебя юмор... Между прочим, ты можешь сесть.

Прокурор обнаружил, что все еще стоит. Как всегда, Странник быстро сравнял счет. Прокурор сел поудобнее и хлебнул целебной дряни.

— Итак? — сказал он.

Странник приступил прямо к делу.

— У тебя в когтях, — деловито сказал он, — человек, который мне нужен. Некто Мак Сим. Ты упек его на перевоспитание, помнишь?

— Нет, — сказал прокурор искренне. Он ощутил некоторое разочарование. — А когда я его упек? По какому делу?

— Недавно. По делу о взрыве башни.

— А, помню... Ну и что?

— Все, — сказал Странник. — Он мне нужен.

— погоди, — сказал прокурор с досадой. — Процесс вел не я, не могу же я помнить каждого осужденного.

— А я думал, что это все твои люди.

— Там был только один мой, остальные — настоящие... Как, ты сказал, его зовут?

— Мак Сим.

— Мак Сим... — повторил прокурор. — А! Этот горский шпион... Помню. Там с ним случилась какая-то странная история — его расстреляли, и неудачно.

— Да, кажется.

— Силач какой-то необыкновенный... Да, мне что-то докладывали... А зачем он тебе нужен?

— Это мутант, — сказал Странник. — У него любопытные ментограммы, и он мне нужен для работы.

— Вскрывать его будешь?

— Возможно. Мои люди заметили его давно, когда его еще использовали в Специальной студии, но потом он удрал...

Прокурор, испытывая сильнейшее разочарование, набил рот ягодами.

— Ладно, — сказал он. — Ну, а как у тебя дела?

— Как всегда, прекрасно, — ответил Странник. — У тебя, я слышал, тоже. Подкопался-таки под Дергунчика. Поздравляю... Так когда я получу своего Мака?

— Да завтра отправлю депешу, дней через пять — семь его доставят.

— Неужели даром? — сказал Странник.

— Любезность, — сказал прокурор. — А что ты можешь мне предложить?

— Первый же защитный шлем.

Прокурор усмехнулся.

— И Мировой Свет в придачу, — сказал он. — Между прочим, имей в виду: первый шлем мне не нужен. Мне нужен единственный... Кстати, правда, что твоей банде поручили разработку направленного излучателя?

— Возможно, — сказал Странник.

— Слушай, а на кой черт нам это надо? Мало у нас неприятностей? Прижал бы ты эту работу, а?

Странник оскалил зубы.

— Боишься, Умник? — сказал он.

— Боюсь, — сказал прокурор. — А ты не боишься? Или ты, может быть, вообразил, что у тебя любовь с Графом на века? Он ведь тебя же твоим же излучателем...

Странник снова оскалился.

— Убедил, — сказал он. — Договорились. — Он встал. — Я сейчас к Канцлеру. Передать что-нибудь?

— Канцлер на меня сердится, — сказал прокурор. — Мне это чертовски неприятно.

— Хорошо, — сказал Странник. — Я ему это передам.

— Шутки шутками, — сказал прокурор, — а если бы ты замолвил словечко...

— Ты у нас умник, — сказал Странник голосом Канцлера. — Попробую.

— Процессом он, по крайней мере, доволен?

— Откуда я знаю! Я только что приехал.

— Ну вот, узнай... А насчет твоего... как ты его назвал? Дай-ка я запишу...

— Мак Сим.

— Так... Насчет него я завтра же.

— Будь здоров, — сказал Странник и вышел.

Прокурор хмуро посмотрел ему вслед. «Да, можно только позавидовать. Вот положение у человека! Единственный, от кого зависит защита. Поздно сожалеть, но, может быть, следовало с ним сблизиться. Но как с ним сблизиться? Ему ничего не надо, он и так самый важный, все мы от него зависим, все мы на него молимся... Ах, взять бы такого человека за горло — как бы это было здорово! Если бы он хоть что-нибудь хотел! А то вот, пожалуйста — каторжник ему нужен, драгоценность какая... Ментограммы, видите ли, у него интересные... Вообще-то каторжник этот — горец, а Канцлер в последнее время что-то часто говорит о горах. Может, стоит заняться... Как там еще с войной получится, а Канцлер есть Канцлер... Массаракш, работать все равно сегодня больше невозможно...» Он сказал в микрофон:

— Кох, что у вас есть по осужденному Симу? — Он вдруг вспомнил: — Вы, кажется, составляли по нему какую-то компиляцию...

— Так точно, ваше превосходительство, — прошелестел референт. — Я имел честь обратить внимание вашего...

— Давайте сюда. И принесите еще воды.

Он положил наушник, и тотчас в двери появился неосязаемый, как тень, референт. Перед прокурором легла на стол толстая папка, тихонько звякнуло стекло, булькнула вода, и рядом с папкой возник полный стакан. Прокурор отхлебнул, разглядывая папку.

«Извлечение из дела Мака Сима (Максима Каммерера). Подготовил референт Кох». «Толстая-то какая, ничего себе извлечение...» Он раскрыл папку и взял первую пачку сброшюрованных листков.

Показания ротмистра Тоота... Показания подсудимого Гаала... Кроки какого-то пограничного района за Голубой Змеей... «Другой одежды на нем не было. Речь показалась мне членораздельной, но совершенно непонятной. Попытка заговорить с ним по-хонтийски не привела ни к чему...» Ох уж эти мне пограничные ротмистры! Хонтийский шпион на южной границе... «Рисунки, выполненные задержанным, показали мне искусными и удивительными...» Ну, за Голубой Змеей много

удивительного. К сожалению. И обстоятельства появления этого Сима не слишком выделяются на фоне прочих тамошних обстоятельств. Хотя, конечно... Но посмотрим...

Прокурор отложил пачку, выбрал две ягодки покрупнее, сунул в рот и взял следующий лист. «Заключение экспертной комиссии в составе сотрудников Института тканей и одежды... «Мы, нижеподписавшиеся...» Гм... так... так... «...обследовали всеми доступными нам лабораторными методами ткань предмета одежды, присланного нам из Департамента юстиции... («Чепуха какая-то.») и пришли к следующему заключению: 1. Указанный предмет представляет собой короткие штаны четвертого размера второго роста, каковые могут быть использованы для ношения как мужчинами, так и женщинами; 2. Покрой штанов не может быть отнесен к какому-либо известному стандарту и не может, собственно, называться покроем, ибо штаны не сшиты, а изготовлены неким способом, нам неизвестным; 3. Штаны изготовлены из мягкой упругой ткани серебристого цвета, каковая, собственно, не может быть названа тканью, ибо даже микроскопическое исследование не обнаружило в ней структуры. Материал этот не горюч, не смачиваем и обладает чрезвычайной прочностью на разрыв. Химический анализ...» Странные штаны. Надо понимать, что это его штаны... Прокурор взял тонко отточенный карандаш и написал на полях: «Референту. Почему не даете сопроводительного объяснения? Чьи штаны? Откуда штаны?» Так... А выводы? Формулы... опять формулы... Массаракш, снова формулы... Ага! «...Технология не известна ни в нашей стране, ни в других цивилизованных государствах (по довоенным данным)».

Прокурор отложил заключение. Ну, штаны... пусть. Штаны есть штаны... Что там дальше? «Акт медицинского освидетельствования». Любопытно. Что, это у него такое кровяное давление?.. Ого, вот это легкие!.. Что такое? Следы четырех смертельных ранений... Это уже мистика. Ага... «Смотри показания свидетеля Чачу и обвиняемого Гаала». Семь пуль, однако! Гм... Некоторое расхождение имеет место: Чачу показывает, что применил оружие в видах самообороны и под угрозой смерти, а этот Гаал утверждает, будто Сим только хотел отобрать у Чачу пистолет. Ну, это не мое дело... Две пули в печень — это слишком много для нормального человека... Та-ак, скручивает монетки в трубочку... бежит с человеком на плечах... Ага, это я уже читал. Помнится, на этом месте я подумал, что парень на редкость здоровенный и что обычно такие глупы. И дальше читать не стал... А это что? А-а, старый приятель... «Извлечение из донесения агента № 711». «...Видит совершенно отчетливо дождливой ночью (может даже читать) и в полной темноте (различает предметы, видит выражение лица на расстоянии до десяти метров)... обладает очень чувствительным нюхом и вкусом — различал членов группы по запаху на расстоянии до пятидесяти метров, на спор различал напитки в плотно закупоренных сосудах... ориентируется по странам света без компаса... с большой точностью определяет время без часов... Имел место следующий случай: была куплена и сварена рыба, которую он запретил нам есть, утверждая, что она радиоактивная. Будучи проверена радиометром, рыба действительно оказалась радиоактивной. Обращаю внимание на тот факт, что сам он эту рыбу съел, сказавши, что ему она не опасна, и действительно остался здоров, хотя излучение превышало тройную санитарную норму (почти 77 единиц)...»

Прокурор откинулся в кресле. «Нет, это уже слишком. Может быть, он еще и бессмертен заодно? Да, Страннику все это должно быть интересно. Посмотрим, что там дальше. Вот серьезный документ. «Заключение Особой комиссии Департамента общественного здоровья. Материал: Мак Сим. Реакция на белое излучение отсутствует. Противопоказаний к несению службы в специальных войсках не имеется». Ага... Это когда он вербовался в Легион. Белое излучение, массаракш... Палачи, черт бы их побрал!.. А это, значит, их экспертиза для целей следствия... «Будучи испытан на белое излучение различных интенсивностей, вплоть до максимальной, никакой реакции не обнаружил. Реакция на А-излучение нулевая в обоих смыслах. Реакция на Б-излучение нулевая. Примечание: считаем своим долгом присовокупить, что данный материал (Мак Сим, ок.

20 лет) представляет опасность ввиду возможных генетических последствий. Рекомендуются полная стерилизация или уничтожение...» Ого! Эти не шутят. Кто там у них сейчас? А, Любитель. Да, не шутник, не шутник, что и говорить. Помнится, Весельчак-Жеребчик рассказывал по этому поводу отличный анекдот... Массаракш, не помню... А хорошо, никого вокруг нет. Вот мы сейчас ягодку съедим, водичкой запьем... Экая гадость, но, говорят, помогает... Ладно. Что дальше?

О-о, он уже и там успел побывать! Ну-ка, ну-ка... Опять, наверное, реакция нулевая... «Подвергнутый форсированным методам, подследственный Сим показаний не дал. В соответствии с параграфом 12 относительно непричинения видимых физических повреждений подследственным, коим предстоит выступить в открытом судебном заседании, применялись только: А. Иглохирургия до самой глубокой с проникновением в нервные узлы (реакция парадоксальная, форсируемый засыпает); Б. Хемообработка нервных узлов алкалоидами и щелочами (реакция аналогичная); В. Световая камера (реакции нет, форсируемый удивлен); Г. Паротермическая камера (потеря веса без неприятных ощущений). На этом последнем применении форсированных методов пришлось прекратить». Бр-р-р... Ну и бумага! Да, Странник прав: это какой-нибудь мутант. Нормальные люди так не могут... Да, я слышал, что случаются удачные мутации, правда редко... Это все объясняет... кроме штанов, впрочем. Штаны, насколько я понимаю, не мутируют...»

Он взял следующий лист. Бумага оказалась неинтересной: показание директора Специальной студии. «Дурацкое заведение. Записывают бред разных психов на потеху почтеннейшей публики. Помнится, эту студию придумал Калу-Мошенник, который сам был немного того... Надо же, сохранилась студия! Мошенника давно уже нет, а идея его бредовая процветает... Из показаний директора следует, что Сим был образцовым объектом и что крайне желательно было бы получить его назад... Стоп, стоп, стоп! «Передан в распоряжение Департамента специальных исследований на основании ордера номер такой-то от такого-то числа...» И вот он, ордер, и подписан он Фанком... Прокурор ощутил некое слабое озарение. Фанк... Что-то ты здесь, Странник... Нет, не будем спешить с выводами. Он досчитал до тридцати, чтобы успокоиться, и взял следующую бумагу, вернее, довольно толстую пачку бумаг: «Извлечение из акта Специальной этнолингвистической комиссии по проверке предположения о горском происхождении М. Сима».

Он начал рассеянно читать, все еще думая о Фанке и о Страннике, но неожиданно для себя заинтересовался. Это было любопытное исследование, в котором сводились воедино и обсуждались все доносы, показания и свидетельства очевидцев, так или иначе затрагивающие вопросы о происхождении Мака Сима; антропологические, этнографические, лингвистические данные и их анализ; результаты изучения фонограмм, ментограмм и собственноручных рисунков подследственного. Все это читалось как роман, хотя выводы были весьма скудны и осторожны. Комиссия не причисляла М. Сима ни к одной из известных этнических групп, обитающих на материке. (Особняком было приведено мнение известного палеоантрополога Шапшу, который усмотрел в черепе подследственного большое сходство, но не идентичность с ископаемым черепом так называемого Человека Древнего, жившего на Архипелаге более ста пятидесяти тысяч лет назад.) Комиссия утверждала полную психическую нормальность подследственного в настоящий момент, но допускала, что в недавнем прошлом он мог страдать одной из форм амнезии в совокупности с интенсивным вытеснением истинной памяти памятью ложной. Комиссия произвела лингвистический анализ фонограмм, оставшихся в архиве Специальной студии, и пришла к выводу, что язык, на котором в то время говорил подследственный, не может быть причислен ни к одной группе известных современных или мертвых языков. По этому поводу комиссия допускала, что этот язык мог быть плодом воображения подследственного (так называемый рыбий язык), тем более что в настоящее время он, по собственному утверждению, этого языка больше не помнит.

Комиссия воздерживается от определенных выводов, но склонна полагать, что в лице М. Сима приходится иметь дело с неким мутантом неизвестного ранее типа... «Хорошие идеи приходят в умные головы одновременно», — с завистью подумал прокурор и быстро пробежал «Особое мнение члена комиссии профессора Поррумоварруи». Профессор, сам горец по происхождению, напоминал о существовании в глубине гор полулегендарной страны Зартак, населенной племенем Птицеловов, которое до сих пор не попало в поле зрения этнографии и которому цивилизованные горцы приписывают владение магическими науками и способность летать по воздуху без аппаратов. Птицеловы, по рассказам, чрезвычайно рослы, обладают огромной физической силой и выносливостью, а также имеют кожу коричнево-золотистого оттенка. Все это удивительно совпадает с физическими особенностями подследственного... Прокурор поиграл карандашиком над профессором Порру... и так далее, потом отложил карандаш и громко сказал: «Под это мнение, пожалуй, и штаны подойдут. Несгораемые штаны...»

Он съел ягоду и проглядел следующий лист: «Извлечение из стенограммы судебного процесса». Гм... Это еще зачем? «ОБВИНИТЕЛЬ. Вы не будете отрицать, что вы — образованный человек? ОБВИНЯЕМЫЙ. Я имею образование, но в истории, социологии и экономике разбираюсь очень плохо. ОБВИНИТЕЛЬ. Не скромничайте. Вам знакома эта книга? ОБВИНЯЕМЫЙ. Да. ОБВИНИТЕЛЬ. Вы читали ее? ОБВИНЯЕМЫЙ. Естественно. ОБВИНИТЕЛЬ. С какой целью вы, находясь под следствием, в тюрьме, занялись чтением монографии «Тензорное исчисление и современная физика»? ОБВИНЯЕМЫЙ. Не понимаю... Для удовольствия... с целью развлечения, если угодно... Там есть очень забавные страницы. ОБВИНИТЕЛЬ. Я думаю, суду ясно, что только очень образованный человек станет читать столь специальное исследование для развлечения и для удовольствия...» Что за чушь? Зачем мне это подсовывают? А дальше? Массаракш, опять процесс... «ЗАЩИТНИК. Вам известно, какие средства выделяют Огненосные Творцы на преодоление детской преступности? ОБВИНЯЕМЫЙ. Не совсем вас понимаю. Что такое «детская преступность»? Преступления против детей? ЗАЩИТНИК. Нет. Преступления, совершаемые детьми. ОБВИНЯЕМЫЙ. Я не понимаю. Дети не могут совершать преступлений...» Гм, забавно... А что там в конце? «ЗАЩИТНИК. Я надеюсь, мне удалось показать суду наивность моего подзащитного, доходящую до житейского идиотизма. Ему неведомы понятия детской преступности, благотворительности, социального вспомоществования...» Прокурор улыбнулся и отложил листок. Понятно. Действительно, странное сочетание: математика и физика для удовольствия, а элементарных вещей не знает. Прямо-таки чудак-профессор из дрянного романа.

Прокурор просмотрел еще несколько листков. «Непонятно, Мак, что это ты так держишься за эту девочку... как ее... Рада Гаал. Любовной связи у тебя с нею нет, ничем ты ей не обязан, и общего у вас нет с нею ничего: дурак обвинитель совершенно напрасно пытается припутать ее к подполью... А создается впечатление, что, держа ее под прицелом, можно заставить тебя делать все, что угодно. Очень полезное качество для нас, а для тебя очень неудобное... Та-ак, в общем, все эти показания сводятся к тому, что ты, братец, раб своего слова и вообще человек негибкий. Политический деятель из тебя бы не получился. И не надо... Гм, фотографии... Вот ты какой. Приятное лицо, очень, очень... Глаза странноватые... Где это тебя снимали? На скамье подсудимых... Гляди-ка, свеж, бодр, глаза ясные, поза непринужденная. Где это тебя научили так изящно сидеть и вообще держаться, ведь скамья подсудимых вроде моего кресла, непринужденно на ней не посидишь... Любопытный человечек... Впрочем, все это вздор, не в этом дело».

Прокурор вылез из-за стола и прошелся по кабинету. Что-то сладко щекотало в мозгу, что-то возбуждало и подталкивало... «Что-то я нашел в этой папке... что-то важное... что-то важнейшее... Фанк? Да, это важно, потому что Странник употребляет своего Фанка только по очень важным, самым важным делам. Но Фанк — это только подтверждение, а что же главное? Штаны... Чепуха... А! Да-да-да. Этого в папке нет». Он взял наушник.

— Кох. Что там было с нападением на конвой?

— Четырнадцать суток назад, — сейчас же зашелестел референт, словно читая заранее подготовленный текст, — в восемнадцать часов тридцать три минуты на полицейские машины, переправлявшие подсудимых по делу номер 6981–84 из здания суда в городскую тюрьму, было совершено вооруженное нападение. Нападение было отбито, в перестрелке один из нападавших был тяжело ранен и умер, не приходя в сознание. Труп не опознан. Дело о нападении прекращено.

— Чья работа?

— Выяснить не удалось. Официальное подполье не имеет к этому никакого отношения.

— Соображения?

— Возможно, действовали террористы, пытавшиеся освободить подсудимого Дэка Потту, по кличке Генерал, известен тесными связями с левым крылом...

Прокурор бросил наушник. Что ж, все это может быть. И все это может быть не так... Ну-ка, перелистаем еще раз. Южная граница, дурак ротмистр... Штаны... Бежит с человеком на плечах... Радиоактивная рыба, 77 единиц... Реакция на А-излучение... Хемообработка нервных узлов... Стоп! Реакция на А-излучение. «Реакция на А-излучение нулевая в обоих смыслах». Нулевая. В обоих смыслах. Прокурор прижал ладонью забившееся сердце. Идиот! НУЛЕВАЯ В ОБОИХ СМЫСЛАХ!

Он снова схватил наушник.

— Кох! Немедленно подготовить специального курьера с охраной. Отдельный вагон на юг... Нет! Мою электромотриссу... Массаракш! — Он сунул руку в ящик и выключил все регистрирующие аппараты. — Действуйте!

Все еще прижимая левую руку к сердцу, он извлек из бювара личный бланк и стал быстро, но разборчиво писать: «Государственная важность. Совершенно секретно. Генерал-коменданту Особого Южного Округа. Под личную сугубую ответственность — к срочному неукоснительному исполнению. Немедленно передать в опеку подателю сего осужденного каторжника Мака Сима, дело № 6983. С момента передачи считать воспитуемого Мака Сима пропавшим без вести, о чем иметь в архивах соответствующие документы. Государственный прокурор...»

Он схватил второй бланк: «Предписание. Настоящим приказываю всем чинам военной, гражданской и железнодорожной администрации оказывать предьявителю сего, специальному курьеру государственной прокуратуры с сопровождающей его охраной, содействие по категории ЭКСТРА. Государственный прокурор...»

Потом он допил стакан, налил еще и уже медленно, обдумывая каждое слово, начал на третьем бланке: «Дорогой Странник! Получилась глупая история. Как только что выяснилось, интересующий тебя материал пропал без вести, как это частенько бывает в южных джунглях...»

Часть четвертая. Каторжник

Глава тринадцатая

Первым выстрелом ему раздробило гусеницу, и оно впервые за двадцать с лишним лет покинуло разьеженную колею, выворачивая обломки бетона, вломилось в чащу и начало медленно поворачиваться на месте, с хрустом наваливаясь широким лбом на кустарник, отталкивая от себя содрогающиеся деревья. И когда оно показало необъятную грязную корму с болтающимся на ржавых заклепках листом железа, Зеф аккуратно и точно, так, чтобы, упаси бог, не задеть котла, всадил ему фугасный заряд в двигатель — в мускулы, в сухожилия, в нервные сплетения, — и оно ахнуло железным голосом, выбросило из сочленений клуб раскаленного дыма и остановилось навсегда; но что-то еще жило в его нечистых бронированных недрах, какие-то уцелевшие нервы еще продолжали

посылать бессмысленные сигналы, еще включались и тут же выключались аварийные системы, шипели, плевались пеной, и оно еще дрябло трепетало, еле-еле скребя уцелевшей гусеницей, и грозно и бессмысленно, как брюхо раздавленной осы, поднималась и опускалась над издыхающим драконом облезлая решетчатая труба ракетной установки. Несколько секунд Зеф смотрел на эту агонию, а потом повернулся и пошел в лес, волоча гранатомет за ремень. Максим и Вепрь двинулись следом, и они вышли на тихую лужайку, которую Зеф наверняка заметил еще по пути сюда, повалились в траву, и Зеф сказал:

— Закурим.

Он свернул сигарку однорукому, дал ему прикурить и закурил сам. Максим лежал, положив подбородок на руки, и сквозь редколесье все смотрел, как умирает железный дракон — жалобно дребезжит какими-то последними шестеренками и со свистом выпускает из разодранных внутренностей струи радиоактивного пара.

— Вот так и только так, — сказал Зеф менторским тоном. — А если будешь делать не так, надеру уши.

— Почему? — спросил Максим. — Я хотел его остановить.

— А потому, — ответил Зеф, — что граната могла рикошетом засадить в ракету, и тогда нам был бы капут.

— Я целился в гусеницу, — сказал Максим.

— А надо целиться в корму, — сказал Зеф. Он затаился. — И вообще, пока ты новичок, никуда не суйся первым. Разве что я тебя попрошу. Понял?

— Понял, — сказал Максим.

Все эти тонкости Зефа его не интересовали. И сам Зеф его не очень интересовал. Его интересовал Вепрь. Но Вепрь, как всегда, равнодушно молчал, положив искусственную руку на обшарпанный кожух миноискателя. Все было как всегда. И все было не так, как хотелось.

Когда неделю назад новоприбывших каторжников выстроили перед бараками, Зеф прямо подошел к Максиму и взял его в свой сто четырнадцатый отряд саперов. Максим обрадовался. Он сразу узнал эту огненную бородину и квадратную коренастую фигуру, и ему было приятно, что его узнали в этой душной клетчатой толпе, где всем было наплевать на каждого и никому ни до кого не было дела. Кроме того, у Максима были все основания предполагать, что Зеф — бывший знаменитый психиатр Аллу Зеф, человек образованный и интеллигентный, не чета полууголовному сброду, которым был набит арестантский вагон, — как-то связан с подпольем. А когда Зеф привел его в барак и указал место на нарах рядом с одноруким Вепрем, Максим решил было, что судьба его здесь окончательно определилась. Но очень скоро он понял, что ошибся. Вепрь не пожелал разговаривать. Он выслушал торопливый, шепотом, рассказ Максима о судьбе группы, о взрыве башни, о процессе, неопределенно, сквозь зевок, промямлил: «Бывает и не такое...» — и лег, отвернувшись. Максим почувствовал себя обманутым, и тут на нары забрался Зеф. «Здорово я сейчас нажрался», — сообщил он Максиму и без всякого перехода, нахально, с примитивной назойливостью принялся вытягивать из него имена и явки. Может быть, он когда-нибудь и был знаменитым ученым, образованным и интеллигентным человеком, может быть, и даже наверняка, он имел какое-то отношение к подполью, но сейчас он производил впечатление обыкновенного отъезжего провокатора, решившего от нечего делать, на сон грядущий, обработать глупого новичка. Максим отделался от него не без труда, а когда Зеф вдруг захрапел сытым довольным храпом, еще долго лежал без сна, вспоминая, сколько раз его здесь уже обманывали люди и обстоятельства.

Нервы его расходились. Он вспомнил процесс, явно подготовленный еще до того, как группа получила приказ напасть на башню; и письменные доносы какой-то гадины, которая знала о группе все и была, может быть, даже членом группы; и фильм, заснятый с башни во время нападения, и свой стыд, когда он узнал на экране себя самого, палящего

из автомата по прожекторам... нет, по юпитерам, освещавшим сцену этого страшного спектакля... В наглухо закупоренном бараке было отвратительно душно, кусались паразиты, воспитуемые бредили, а в дальнем углу барака при свете самодельной свечки резались в карты и хрипло орали друг на друга уголовники.

А на другой день обманул Максима и лес. Здесь шагу нельзя было ступить, не наткнувшись на железо: на мертвое, проржавевшее насквозь железо; на притаившееся железо, готовое во всякую минуту убить; на тайно шевелящееся, целящееся железо; на движущееся железо, слепо и бестолково распаивающее остатки дорог. Земля и трава отдавали ржавчиной, на дне лощин копились радиоактивные лужи, птицы не пели, а хрипло вопили, словно в предсмертной тоске, животных не было, и не было даже лесной тишины — то справа, то слева бухали и грохотали взрывы, в ветвях клубилась сизая гарь, а порывы ветра доносили рев изношенных двигателей... И так пошло: день — ночь, день — ночь. Днем они уходили в лес, который не был лесом, а был древним укрепленным районом. Он был буквально нафарширован автоматическими боевыми устройствами, танкерами, самоходными баллистами, ракетами на гусеницах, огнеметами, газометами, и все это не умерло за двадцать с лишним лет, все продолжало жить своей ненужной механической жизнью, все продолжало целиться, наводиться, изрыгать свинец, огонь, смерть, и все это нужно было задавить, взорвать, убить, чтобы расчистить трассу для строительства новых излучающих башен. А ночью Вепрь по-прежнему молчал, а Зеф снова и снова приставал к Максиму с расспросами и был то прямолинеен до глупости, то хитроумен и ловок на удивление. И была грубая пища, и странные песни каторжников, и кого-то били по лицу легионеры, и дважды в день все в бараках и в лесу корчились под лучевыми ударами, и раскачивались на ветру повешенные беглые... День — ночь, день — ночь... Освенцим, лагерь уничтожения. Фашизм.

— Зачем вы хотели его остановить? — спросил вдруг Вепрь.

Максим быстро сел. Это был первый вопрос, который ему задал однорукий.

— Я хотел посмотреть, как он устроен.

— Бежать собрались?

Максим покосился на Зефа и сказал:

— Да нет, дело не в этом. Все-таки боевая машина...

— А зачем вам боевая машина? — спросил Вепрь. Он говорил так, словно рыжего провокатора здесь не было.

— Не знаю, — проговорил Максим. — Над этим еще надо подумать. Их здесь много таких?

— Много, — вмешался рыжий провокатор. — И машин здесь много, и дураков здесь тоже всегда хватало... — Он зевнул. — Сколько раз уже пробовали. Залезут, покопаются-покопаются да и бросят. А один дурак — вот вроде тебя — тот и вовсе взорвался.

— Ничего, я бы не взорвался, — холодно сказал Максим. — Эта машина не из сложных.

— А зачем она вам все-таки? — спросил однорукий. Он курил, лежа на спине, держа сигарету в искусственных пальцах. — Предположим, вы наладите ее. Что дальше?

— На прорыв через мост, — сказал Зеф, хохотнув.

— Почему бы и нет? — спросил Максим. Он положительно не знал, как себя держать. Этот рыжий, кажется, все-таки не провокатор. Массаракш, чего они вдруг пристали?

— Вы не доберетесь до моста, — сказал однорукий. — Вас тридцать три раза расстреляют. А если даже доберетесь, то увидите, что мост разведен.

— А по дну реки?

— Река радиоактивна, — сказал Зеф и сплюнул. — Если бы это была человеческая река, не надо было бы никаких танков. Переплывай ее в любом месте, берега не охраняются. — Он снова сплюнул. — Впрочем, тогда бы они охранялись... Так что, юноша, не размахивай руками. Ты попал сюда надолго, приспособивайся.

Приспособишься — дело будет. А не станешь слушаться старших, еще сегодня можешь узреть Мировой Свет...

— Убежать нетрудно, — сказал Максим. — Убежать я мог бы прямо сейчас...

— Ай да ты! — восхитился Зеф.

— ...и если вы намерены и дальше играть в конспирацию... — продолжал Максим, демонстративно обращаясь только к Вепрю, но Зеф снова прервал его.

— Я намерен выполнить сегодняшнюю норму, — заявил он, поднимаясь. — Иначе нам не дадут жрать. Пошли!

Он ушел вперед, шагая вперевалку между деревьями, а Максим спросил однорукого:

— Разве он тоже подпольщик?

Однорукий быстро взглянул на него и сказал:

— Что вы, как можно!

Они пошли за Зефом, стараясь ступать след в след. Максим шел замыкающим.

— За что же он здесь?

— За неправильный переход улицы, — сказал однорукий, и у Максима опять пропала охота разговаривать.

Они не прошли и сотни шагов, как Зеф скомандовал: «Стой!» — и началась работа. «Ложись!» — заорал Зеф. Они бросились плашмя на землю, а толстое дерево впереди с протяжным скрипом повернулось, выдвинуло из себя длинный тонкий орудийный ствол, пошевелило им из стороны в сторону, как бы примериваясь, затем что-то зажужжало, раздался щелчок, и из черного дула лениво выползло облачко желтого дыма. «Протухло», — сказал Зеф деловито и поднялся первым, отряхивая штаны. Дерево с пушкой они подорвали. Потом было минное поле, потом холм-ловушка с пулеметом, который не протух и долго прижимал их к земле, грохоча на весь лес; потом они попали в настоящие джунгли колючей проволоки, еле продрались, а когда все-таки продрались, по ним открыли огонь откуда-то сверху, все вокруг рвалось и горело. Максим ничего не понимал, однорукий молча и спокойно лежал лицом вниз, а Зеф палил из гранатомета в небо и вдруг заорал: «Бегом, за мной!» — и они побежали, а там, где они только что были, вспыхнул пожар. Зеф ругался страшными словами, однорукий посмеивался. Они забрались в глухую чашу, но тут вдруг засвистело, засопело, и сквозь ветви повалили зеленоватые облака ядовитого газа, и опять надо было бежать, продираться через кусты, и Зеф опять ругался страшными словами, а однорукого мучительно тошнило...

Потом Зеф наконец притомился и объявил отдых. Они разожгли костер, и Максим, как младший, принялся готовить обед — варить суп из консервов в том самом котелке. Зеф и однорукий, чумазые, ободранные, лежали тут же и курили. У Вепря был замученный вид, он был уже стар, ему приходилось труднее всех.

— Уму непостижимо, — сказал Максим, — как это мы ухитрились проиграть войну при таком количестве техники на квадратный метр.

— Что значит «ухитрились проиграть»? — возразил однорукий. — Эту войну проиграли все. Выиграли только Огненосные Творцы.

— К сожалению, мало кто это понимает, — сказал Максим, помешивая похлебку.

— Отвык я от таких разговоров, — сказал Зеф. — У нас тут все больше «Молчать, воспитуемый!» да «считаю до одного»... Эй, парень, как тебя...

— Максим.

— Да, верно... Ты, Мак, помешивай, помешивай. Смотри, если пригорит!

Максим помешивал. А потом Зеф заявил, что пора, сил больше нет терпеть. В полном молчании они съели суп. Максим чувствовал: что-то изменилось, что-то сегодня будет сказано. Но после обеда однорукий снова улегся и стал глядеть в небо, а Зеф с неразборчивым ворчанием забрал котелок и принялся вымазывать дно коркой хлеба.

— Подстрелить бы что-нибудь... — бормотал он. — В брюхе пусто, как и не ел... только аппетит растравил...

Чувствуя неловкость, Максим попытался завести разговор об охоте в этих местах, но его не поддержали. Однорукий лежал с закрытыми глазами и, казалось, спал. Зеф, дослушав до конца Максимовы соображения, проворчал только:

— Какая здесь охота, все грязное, активное... — и тоже повалился на спину.

Максим вздохнул, взял котелок и побрел к ручейку, который слышался неподалеку. Вода в ручейке была прозрачная, на вид чистая и вкусная, так что Максиму захотелось попить, и он зачерпнул горстью. Увы, мыть котелок здесь было нельзя, да и пить не стоило: ручеек был заметно радиоактивный. Максим присел на корточки, поставил котелок рядом и задумался.

Сначала он почему-то подумал о Раде, как она всегда мыла посуду после еды и не разрешала помогать под нелепым предлогом, что это — дело женское. Он вспомнил, что она его любит, и ощутил гордость, потому что до сих пор его не любила еще никакая женщина. Ему очень захотелось увидеть Раду, и он тут же, с крайней непоследовательностью, подумал, как это хорошо, что ее здесь нет. Здесь не место даже для самых скверных мужчин, сюда надо было бы пригнать тысяч двадцать кибердворников, а может быть, просто распылить все эти леса со всем содержимым и вырастить новые, веселые или пусть даже мрачные, но чистые и с мрачностью природной.

Потом он вспомнил, что сослан сюда навечно, и подивился наивности тех, кто сослал его сюда и, не взявши с него никакого слова, вообразил, будто он станет добровольно тут существовать да еще помогать им тянуть через эти леса линию лучевых башен. В арестантском вагоне говорили, что леса тянутся на юг на сотни километров, а военная техника встречается даже в пустыне... «Ну нет, я здесь не задержусь. Массаракш, еще вчера я эти башни валил, а сегодня буду расчищать для них место? Хватит с меня... Так. Уясним положение».

Несколько минут он уяснял положение.

«Вепрь мне не верит. Зефу он верит, а мне — нет. А я не верю Зефу и, кажется, напрасно. Наверное, я кажусь Вепрю таким же назойливо-подозрительным, каким мне кажется Зеф... Ну хорошо, Вепрь мне не верит, значит, я опять один. Можно, конечно, надеяться на встречу с Генералом или с Копытом, но это слишком маловероятно. Можно, конечно, попытаться сколотить группу из незнакомых, но — массаракш! — надо быть честным с самим собой: я для этого не гожусь. Пока я для этого не годен. Слишком доверчив... Погоди, давай все-таки уясним задачу. Чего я хочу?»

Несколько минут он уяснял задачу.

«Вот если бы Гай был здесь... Но Гая в наказание услали в какую-то особую часть с очень странным названием. Что-то вроде Blitzträger'ы — «носители молнии». Да, скорее всего, придется одному».

Во всяком случае, отсюда надо уходить. Я, конечно, попытаюсь собрать какую-нибудь группу, но, если не получится, уйду один... И обязательно — танк. Здесь оружия — на сто армий... Потрепанное, правда, за двадцать лет, да еще автоматическое, но надо попытаться его приспособить... Неужели Вепрь мне так и не поверит?» — подумал он почти с отчаянием, подхватил котелок и побежал обратно к костру.

Зеф и Вепрь не спали; они лежали голова к голове и о чем-то тихо, но горячо спорили. Увидев Максима, Зеф торопливо сказал: «Хватит!» — и поднялся. Задрав рыжую бородищу и выкатив глаза, он заорал:

— Где тебя носит, массаракш? Кто тебе разрешил уходить? Работать надо, а не то жрать не дадут, тридцать три раза массаракш!

И тут Максим взбеленился. Кажется, впервые в своей жизни он гаркнул на человека во весь голос:

— Черт бы вас подрал, Зеф! Вы можете еще о чем-нибудь думать, кроме жратвы? Целый день я только и слышу от вас: жрать, жрать, жрать! Можете сожрать мои консервы, если это так вас мучает!..

Он швырнул оземь котелок и, схватив рюкзак, принялся продевать руки в ремни. Присевший от акустического удара Зеф ошеломленно смотрел на него, потом раздалось бульканье, всхрапывание, и Зеф загоготал на весь лес. Однорукий вторил ему, что было только видно, но не слышно. Максим не выдержал и тоже засмеялся, несколько смущенный.

— Массаракш, — прохрипел наконец Зеф. — Вот это голосина!.. Нет, дружище, — обратился он к Вепрю, — ты попомни мои слова. А впрочем, я сказал: хватит... Встать! — заорал он. — Вперед, если хотите... гм... жрать сегодня вечером.

И всё. Поорали, посмеялись, посерьезнели и отправились дальше. Максим с ожесточением разряжал мины, выламывал из гнезд спаренные пулеметы, свинчивал боеголовки у зенитных ракет, торчавших из раскрытых люков; снова были огонь, шипящие струи слезоточивых газов, отвратительный смрад от разлагающихся трупов животных, расстрелянных автоматами. Они стали еще грязнее, еще злее, еще оборваннее, а Зеф хрипел Максиму: «Вперед, вперед! Жрать хочешь — вперед!», а однорукий Вепрь окончательно вымотался и еле тащился далеко позади, опираясь на свой миноискатель, как на клюку...

За эти часы Зеф осточертел Максиму окончательно, и Максим даже обрадовался, когда рыжебородый вдруг взревел и с шумом провалился под землю. Максим, вытирая пот с грязного лба грязным рукавом, неторопливо подошел и остановился на краю мрачной узкой щели, скрытой в траве. Щель была глубокая, непроглядная, из нее несло холодом и сыростью, ничего не было видно, и слышался только какой-то хруст, дребезг и невнятная ругань. Прихрамывая, подошел Вепрь, тоже заглянул в щель и спросил Максима:

— Он там? Что он там делает?

— Зеф! — позвал Максим, нагнувшись. — Где вы там, Зеф?

Из щели гулко донеслось:

— Спускайтесь сюда! Прыгайте, здесь мягко...

Максим поглядел на однорукого. Тот покачал головой.

— Это не для меня, — сказал он. — Прыгайте, а я потом спущу вам веревку.

— Кто здесь? — заорал вдруг вниз Зеф. — Стрелять буду, массаракш!

Максим спустил ноги в щель, оттолкнулся и прыгнул. Почти сейчас же он по колени погрузился в рыхлую массу и сел. Зеф был где-то рядом. Максим закрыл глаза и несколько секунд посидел, привыкая к темноте.

— Иди сюда, Мак, тут кто-то есть, — прогудел Зеф. — Вепрь! — крикнул он. — Прыгай!

Вепрь ответил, что устал как собака и с удовольствием посидит наверху.

— Как хочешь, — сказал Зеф. — Но, по-моему, это — Крепость. Потом пожалеешь...

Однорукий ответил невнятно, голос у него был слабый: его, кажется, опять мутило и было ему не до Крепости. Максим открыл глаза и огляделся. Он сидел на куче земли посередине длинного коридора с шершавыми цементными стенами. Дыра в потолке была не то вентиляционным отверстием, не то пробойной. Зеф стоял шагах в двадцати и тоже осматривался, светя фонариком во все стороны.

— Что это здесь? — спросил Максим.

— Откуда я знаю? — сказал Зеф сварливо. — Может, укрытие какое-нибудь. А может быть, и в самом деле Крепость. Знаешь, что такое Крепость?

— Нет, — сказал Максим и стал сползать с кучи.

— Не знаешь... — сказал Зеф рассеянно. Он все оглядывался, шаря фонариком по стенам. — Что же ты тогда знаешь... Массаракш, — сказал он, — здесь только что кто-то был...

— Человек? — спросил Максим.

— Не знаю, — ответил Зеф. — Прокрался вдоль стены и пропал... А Крепость, приятель, — это такая штука, что мы могли бы за один день закончить всю нашу работу... Ага, следы...

Он присел на корточки. Максим присел рядом и увидел цепочку отпечатков в пыли под стеной.

— Странные следы, — сказал он.

— Да, приятель, — сказал Зеф, оглядываясь. — Я таких следов не видал.

— Словно кто-то на кулаках прошел, — сказал Максим. Он сжал кулак и сделал отпечаток рядом со следом.

— Похоже, — с уважением признал Зеф. Он посветил в глубь коридора. Там что-то слабо мерцало, отсвечивая, то ли поворот, то ли тупик. — Сходим посмотрим? — сказал он.

— Тише, — сказал Максим. — Молчите и не двигайтесь.

В подземелье стояла ватная сырая тишина, но коридор не был безжизненным. Кто-то там, впереди, — Максим не мог точно определить, где и как далеко, — стоял, прижимаясь к стене, кто-то небольшой, слабо и незнакомо пахнувший, наблюдающий за ними и недовольный их присутствием. Это было что-то совсем неизвестное, и намерения его были неуловимы.

— Нам обязательно надо идти? — спросил Максим.

— Хотелось бы, — сказал Зеф.

— Зачем?

— Надо посмотреть, может быть, это все-таки Крепость... Если бы мы нашли Крепость, тогда бы, друг мой, все стало бы по-другому. Я в Крепость не верю, но раз говорят — как знать... Может быть, и не все врут...

— Там кто-то есть, — сказал Максим. — Я не понимаю кто.

— Да? Гм... Если это Крепость, здесь, по легенде, живут либо остатки гарнизона... Они, понимаешь, тут сидят и не знают, что война кончилась, они, понимаешь, в разгар войны объявили себя нейтральными, заперлись и пообещали, что взорвут весь материк, если к ним полезут...

— А они могут?

— Если это Крепость, они всё могут... Да-а... Наверху ведь все время взрывы, стрельба... Очень может быть, что они считают, что война еще не кончилась... Принц здесь какой-то командовал или герцог... Хорошо было бы с ним встретиться и поговорить.

Максим опять прислушался.

— Нет, — сказал он уверенно. — Нет там ни принца, ни герцога. Там какой-то зверь, что ли... Нет, не зверь... Либо?

— Что — либо?

— Вы сказали: либо остатки гарнизона, либо?..

— А-а... Ну, это чепуха, бабьи сказки... Пойдем посмотрим.

Зеф зарядил гранатомет, взял его навскидку и двинулся вперед, светя фонариком. Максим пошел рядом. Несколько минут они брели по коридору, потом уперлись в стену и свернули направо.

— Вы очень шумите, — сказал Максим. — Там что-то происходит, а вы так сопите...

— Что же мне — не дышать? — немедленно оцетинился Зеф.

— И фонарик мне ваш мешает, — сказал Максим.

— То есть как это — мешает? Темно...

— В темноте я вижу, — сказал Максим, — а вот из-за вашего фонарика ничего разобрать не могу... Давайте я пойду вперед, а вы останьтесь. А то мы так ничего не узнаем.

— Н-ну, как хочешь... — произнес Зеф непривычно неуверенным голосом.

Максим снова зажмурился, отдохнул от неверного света, пригнулся и пошел вдоль стены, стараясь никак не шуметь. Неизвестный был где-то недалеко, и Максим

приближался к нему с каждым шагом. Коридору конца не было. Справа объявились двери, все они были железные и все заперты. Навстречу тянуло сквознячком. Воздух был сыроват, наполнен запахом плесени и еще того, неизвестного, живого и теплого. Позади осторожно шумел Зеф; ему было не по себе, и он боялся отстать. Почувствовав это, Максим засмеялся про себя. Он отвлекся буквально на секунду, и за эту секунду неизвестный исчез. Максим остановился в недоумении. Неизвестный только что был впереди, совсем рядом, а затем в одно мгновение словно растворился в воздухе и так же мгновенно возник за спиной, тоже совсем рядом.

— Зеф! — позвал Максим.

— Да! — гулко отозвался рыжебородый.

Максим представил себе, как неизвестный стоит между ними и поворачивает голову на голоса.

— Он между нами, — сказал Максим. — Не вздумайте стрелять.

— Ладно, — сказал Зеф, помолчав. — Ни черта не видно, — сообщил он. — Как он выглядит?

— Не знаю, — ответил Максим. — Мягкое.

— Животное?

— Не похоже, — сказал Максим.

— Ты же сказал, что видишь в темноте.

— Я не глазами вижу, — сказал Максим. — Помолчите.

— Не глазами... — проворчал Зеф и затих.

Неизвестный постоял, пересек коридор, исчез и через некоторое время снова появился впереди. Ему тоже любопытно, подумал Максим. Он очень старался вызвать в себе ощущение симпатии к этому существу, но что-то мешало — вероятно, неприятное сочетание незвериного интеллекта с полужвериной внешностью. Он снова пошел вперед. Неизвестный отступал, сохраняя постоянную дистанцию.

— Как дела? — спросил Зеф.

— Все то же, — ответил Максим. — Возможно, он нас куда-то ведет или заманивает.

— А справимся? — спросил Зеф.

— Он не собирается нападать, — сказал Максим. — Ему самому интересно.

Он замолчал, потому что неизвестный снова исчез, и Максим сейчас же почувствовал, что коридор кончился. Вокруг было большое помещение. Все-таки здесь было слишком темно. Максим почти ничего не видел. Он ощущал присутствие металла, стекла, припахивало ржавчиной, и был здесь ток высокого напряжения. Несколько секунд Максим стоял неподвижно, потом, разобрав, где выключатель, потянулся к нему, но тут неизвестный появился снова. И не один. С ним был второй, похожий, но не точно такой же. Они стояли у той же стены, что и Максим, он слышал их дыхание — частое и влажное. Он замер, надеясь, что они подойдут поближе, но они не подходили, и тогда он, изо всех сил сузив зрачки, нажал на клавишу выключателя.

По-видимому, что-то было не в порядке в цепи — лампы вспыхнули лишь на долю секунды, где-то с треском лопнули предохранители, и свет снова погас, но Максим успел увидеть, что неизвестные существа были небольшие, ростом с крупную собаку, стояли на четвереньках, были покрыты темной шерстью, и у них были большие, тяжелые головы. Глаза их Максим разглядеть не успел. Странные существа немедленно исчезли, как будто их и не было.

— Что там у тебя? — спросил Зеф встревоженно. — Что за вспышка?

— Я зажег свет, — отозвался Максим. — Идите сюда.

— А где этот? Ты его видел?

— Почти не видел. Похожи все-таки на животных. Вроде собак с большими головами...

По стенам запрыгали отсветы фонарика. Зеф говорил на ходу:

— А, собаки... Знаю, живут здесь такие в лесу. Живых я их, правда, никогда не видел, но подстреленных — много раз...

— Нет, — сказал Максим с сомнением. — Это все-таки не животные.

— Животные, животные, — сказал Зеф. Голос его гулко отдался под высоким сводом. — Зря мы с тобой перетрусили. Я было подумал, что упыри... Массаракш! Да это же Крепость!

Он остановился посередине помещения, шаря лучом по стенам, по рядам циферблатов, по распределительным щитам. Сверкало стекло, никель, выцветшая пластмасса.

— Ну, поздравляю, Мак. Все-таки мы ее с тобой нашли. Зря я не верил. Зря... А это что такое? Ага... Это электронный мозг, и ведь все под током! Ах, черт возьми, сюда бы Кузнец!.. Слушай, а ты ничего в этом не понимаешь?

— В чем именно? — спросил Максим, подходя.

— Вот во всей этой механике... Это же пульт управления! Если в нем разобраться, весь край наш! Вся эта техника наверху управляется отсюда! Ах, если бы разобраться, массаракш!..

Максим отобрал у него фонарик, поставил так, чтобы свет рассеивался по помещению, и огляделся. Везде лежала пыль, лежала уже много лет, а на столе в углу на расстеленной истлевшей бумаге стояла тарелка, заляпанная черным, и рядом — вилка. Максим прошелся вдоль пультов, потрогал верньеры, попытался включить электронную машину, взялся за какой-то рубильник — рукоять осталась у него в пальцах...

— Вряд ли, — сказал он наконец. — Вряд ли отсюда можно чем-нибудь особенным управлять. Во-первых, слишком здесь все просто, скорее всего это либо станция наблюдения, либо одна из контрольных подстанций... Тут все какое-то вспомогательное... И машина слабая, не хватит даже, чтобы десятком танков управлять... А потом, здесь же все развалилось, ни к чему нельзя притронуться. Ток, правда, есть, но напряжение ниже нормы: котел, наверное, совсем забило... Нет, Зеф, все это не так просто, как вам кажется.

Он вдруг заметил торчащие из стены длинные трубки, соединенные резиновым наглазником, пододвинул алюминиевый стул, уселся и сунул лицо в наглазник. К его удивлению, оптика оказалась в превосходном состоянии, но еще больше он удивился тому, что увидел. В поле зрения был совершенно незнакомый пейзаж: бело-желтая пустыня, песчаные дюны, остов какого-то металлического сооружения... Там дул сильный ветер, бежали по дюнам струйки песка, мутный горизонт заворачивался чашей.

— Посмотрите, — сказал он Зефу. — Где это?

Зеф прислонил гранатомет к пульту, подошел и посмотрел.

— Странно, — сказал он, помолчав. — Это пустыня. Это, друг мой, от нас километров четыреста... — Он отодвинулся от окуляров и поднял глаза на Максима. — Сколько же они труда во все это вбили, мерзавцы... А что толку? Вон ветер гуляет по пескам, а какой это был край!.. Меня до войны мальчишкой еще на курорт возили... — Он встал. — Пойдем отсюда к черту, — сказал он горько и взял фонарик. — Мы с тобой тут ничего не пойдем. Придется ждать, когда Кузнец сцапают и посадят... Только его не посадят, а расстреляют, наверное... Ну, пошли?

— Да, — сказал Максим. Он разглядывал странные следы на полу. — Вот это меня интересует гораздо больше, — сообщил он.

— И напрасно, — сказал Зеф. — Тут, наверное, много всякого зверья бегают...

Он закинул за спину гранатомет и пошел к выходу из зала. Максим, оглядываясь на следы, двинулся за ним.

— Есть хочется, — сказал Зеф.

Они пошли по коридору. Максим предложил взломать одну из дверей, но, по мнению Зефа, это было ни к чему.

— Этим делом надо заниматься серьезно, — сказал он. — Что мы тут будем время тратить, мы еще норму не отработали, а сюда нужно прийти со знающим человеком...

— На вашем месте, — возразил Максим, — я бы не очень рассчитывал на эту вашу Крепость. Во-первых, здесь все сгнило, а во-вторых, она уже занята.

— Кем это? Ах, ты опять про собак?.. И ты туда же. Те про упырей твердят, а ты...

Зеф замолчал. По коридору пронесся гортанный возглас, многократным эхом отразился от стен и затих. И сразу же, откуда-то издали, отозвался другой такой же голос. Это были очень знакомые звуки, но Максим никак не мог вспомнить, где слышал их.

— Так вот кто это кричит по ночам! — сказал Зеф. — А мы думали, птицы...

— Странный крик, — сказал Максим.

— Странный — не знаю, — возразил Зеф, — но страшноватый. Ночью как начнут орать по всему лесу, душа в пятки уходит. Сколько об этих криках сказок рассказывают... Был один уголовник, так он хвастался, будто знает этот язык. Переводил.

— И что же он переводил? — спросил Максим.

— А, вздор. Какой там язык...

— А где этот уголовник?

— Пропал без вести, — сказал Зеф. — Он был в строителях, партия в лесу заблудилась...

Они свернули налево, и далеко впереди показалось мутное бледное пятно света. Зеф выключил фонарик и спрятал в карман. Он шел теперь впереди, и когда он вдруг резко остановился, Максим чуть не налетел на него.

— Массаракш, — пробормотал Зеф.

На полу поперек коридора лежал человеческий костяк.

Зеф снял с плеча гранатомет и огляделся.

— Этого здесь не было, — пробормотал он.

— Да, — сказал Максим. — Его только что положили.

Сзади, в глубине подземелья, вдруг разразился целый хор гортанных протяжных воплей. Вопли мешались с эхом; казалось, что вопит тысяча глоток, и все они вопили хором, словно скандируя какое-то странное слово из четырех слогов. Максиму почудилась издевка, вызов, насмешка. Затем хор умолк так же внезапно, как начался. Зеф шумно перевел дыхание и опустил гранатомет. Максим снова посмотрел на скелет.

— По-моему, это намек, — сказал он.

— По-моему, тоже, — пробурчал Зеф. — Пойдем поскорее.

Они быстро дошли до пролома в потолке, забрались на земляную кучу и увидели над собой встревоженное лицо Вепря. Он лежал грудью на краю пролома, спустив вниз веревку с петлей.

— Что там у вас? — спросил он. — Это вы кричали?

— Сейчас расскажем, — сказал Зеф. — Веревку закрепил?

Они выбрались наверх; Зеф свернул себе и однорукому по сигарке, закурил и некоторое время молчал, видимо пытаясь составить какое-то мнение о том, что произошло.

— Ладно, — сказал он наконец. — Коротко — было вот что. Это — Крепость. Там есть пульта, мозг и все такое. Все в плачевном состоянии, но энергия есть, и пользу мы из этого извлечем, нужно только найти понимающих людей... Дальше. — Он затаился и, широко раскрыв рот, выпустил клуб дыма, совсем как испорченный газомет. — Дальше. Судя по всему, там живут собаки. Помнишь, я тебе рассказывал? Собаки такие — голова огромная... Кричали они... А если подумать, то, может, и не они, потому что, видишь ли... Как бы тебе сказать... Пока мы с Маком там бродили, кто-то выложил в коридоре человеческий скелет. Вот и все.

Однорукий посмотрел на него, потом на Максима.

— Мутанты? — спросил он.

— Возможно, — сказал Зеф. — Я вообще никого не видел, а Мак говорит, что видел собак... только не глазами. Чем ты их там видел, Мак?

— Глазами я их тоже видел, — сказал Максим. — И хочу, кстати, добавить, что никого, кроме этих ваших собак, там не было. Я бы знал. И собаки эти ваши — не то, что вы думаете. Это не звери.

Вебрь не сказал ничего. Он поднялся, смотал веревку, подвесил ее к поясу и снова сел рядом с Зефом.

— Черт его знает, — пробормотал Зеф, — может быть, и не звери... Здесь все может быть. Здесь у нас Юг...

— А может быть, эти собаки и есть мутанты? — спросил Максим.

— Нет, — сказал Зеф. — Мутанты — это просто очень уродливые люди. И дети людей самых обыкновенных. Мутанты. Знаешь, что это такое?

— Знаю, — сказал Максим. — Но весь вопрос в том, как далеко может зайти мутация.

Некоторое время все молчали, раздумывая. Потом Зеф сказал:

— Ну, раз ты такой образованный, хватит болтать. Вставай! — Он поднялся. — Осталось нам немного, но время поджимает. А жрать охота... — он подмигнул Максиму, — прямо-таки патологически. Ты знаешь, что такое «патологически»?

Оставалось еще расчистить юго-западную четверть квадрата, но ничего расчищать они не стали. Какое-то время назад здесь, вероятно, взорвалось что-то очень мощное. От старого леса остались только полусгнившие поваленные стволы да обгорелые пни, срезанные как бритвой, а на его месте уже поднялся молодой редкий лесок. Почва почернела, обуглилась и была напигована испорошенной ржавчиной. Никакая техника не могла уцелеть после такого взрыва, и Максим понял, что Зеф привел их сюда не для работы.

Навстречу им из кустарника вылез обросший человек в грязном арестантском балахоне. Максим узнал его: это был первый абориген, которого он встретил, старый Зефов напарник, сосуд мировой скорби.

— Подождите, — сказал Вебрь, — я с ним поговорю.

Зеф велел Максиму сесть, где стоит, уселся сам и принялся переобуваться, дудя в бороду уголовный романс «Я мальчик лихой, меня знает окраина». Вебрь подошел к сосуду скорби, и они, удалившись за кусты, принялись разговаривать шепотом. Максим слышал их прекрасно, но понять ничего не мог, потому что говорили они на каком-то жаргоне, и он узнал только несколько раз повторенное слово «почта». Скоро он перестал прислушиваться. Он чувствовал себя утомленным, грязным: сегодня было слишком много бессмысленной работы, бессмысленного нервного напряжения, слишком долго он дышал сегодня всякой гадостью и принял слишком много рентген. И опять за весь этот день не было сделано ничего настоящего, ничего нужного, и ему очень не хотелось возвращаться в барак.

Потом сосуд скорби исчез, а Вебрь вернулся, сел перед Максимом на пень и сказал:

— Ну, давайте поговорим.

— Все в порядке? — спросил Зеф.

— Да, — сказал Вебрь.

— Я же тебе говорил, — сказал Зеф, рассматривая на свет дырявую подошву. — У меня на таких чутье.

— Ну так вот, Мак, — сказал Вебрь. — Мы вас проверили, насколько это возможно при нашем положении. Генерал за вас ручается. С сегодняшнего дня вы будете подчиняться мне.

— Очень рад, — сказал Максим, криво улыбаясь. Ему хотелось сказать: «За вас-то Генерал передо мной не поручился», но он только добавил: — Слушаю вас.

— Генерал сообщает, что вы не боитесь радиации и не боитесь излучателей. Это правда?

— Да.

— Значит, вы в любой момент можете переплыть Голубую Змею и это вам не повредит?

— Я уже сказал, что могу бежать отсюда хоть сейчас.

— Нам не нужно, чтобы вы бежали... Значит, насколько я понимаю, патрульные машины вам тоже не страшны?

— Вы имеете в виду передвижные излучатели? Нет, не страшны.

— Очень хорошо, — сказал Вепрь. — Тогда ваша задача на ближайшее время полностью определяется. Вы будете связным. Когда я вам прикажу, вы переплывете реку и пошлете из ближайшего почтового отделения телеграммы, которые я вам дам. Понятно?

— Это мне понятно, — медленно проговорил Максим. — Мне непонятно другое...

Вепрь смотрел на него не мигая — сухой, жилистый, искалеченный старик, холодный и беспощадный боец, с самых пеленок боец, страшное и восхищающее порождение мира, где ценность человеческой жизни равна нулю, ничего не знающий, кроме борьбы, ничего не имеющий, кроме борьбы, все отстраняющий, кроме борьбы, — и в его внимательных прищуренных глазах Максим, как в книге, читал свою судьбу на ближайшие несколько лет.

— Да? — сказал Вепрь.

— Давайте договоримся сразу, — твердо сказал Максим. — Я не желаю действовать вслепую. Я не намерен заниматься делами, которые, на мой взгляд, нелепы и не нужны.

— Например? — сказал Вепрь.

— Я знаю, что такое дисциплина. И я знаю, что без дисциплины вся наша работа ничего не стоит. Но я считаю, что дисциплина должна быть разумной, подчиненный должен быть уверен, что приказ разумен. Вы приказываете мне быть связным. Я готов быть связным, я годен на большее, но если это нужно, я буду связным. Но я должен знать, что телеграммы, которые я посылаю, не послужат бессмысленной гибели и без того несчастных людей...

Зеф задрал было бородищу, но Вепрь и Максим одинаковым движением остановили его.

— Мне было приказано взорвать башню, — продолжал Максим. — Мне не объясняли, зачем это нужно. Я видел, что это глупая и смертельная затея, но я выполнил приказ. Я потерял троих товарищей, а потом оказалось, что все это — ловушка государственной прокуратуры. И я говорю: хватит! Я больше не намерен нападать на башни. И более того, я намерен всячески препятствовать операциям такого рода...

— Ну и дурак! — сказал Зеф. — Сопляк.

— Почему? — спросил Максим.

— Погодите, Зеф, — сказал Вепрь. Он по-прежнему не спускал глаз с Максима. — Другими словами, Мак, вы хотите знать все планы штаба?

— Да, — сказал Максим. — Я не хочу работать вслепую.

— А ты, братец, наглец, — объявил Зеф. — У меня, братец, слов не хватает, чтобы описать, какой ты наглец!.. Слушай, Вепрь, а он мне нравится. Не-ет, глаз у меня верный...

— Вы требуете слишком большого доверия, — холодно сказал Вепрь. — Такое доверие надо заслужить.

— И для этого валить дурацкие башни? — сказал Максим. — Я, правда, всего несколько месяцев в подполье, но все это время я слышу только одно: башни, башни, башни... А я не хочу валить башни, это бессмысленно! Я хочу драться против тирании, против голода, разрухи, коррупции, лжи... Я понимаю, конечно, башни мучают вас, просто физически мучают... Но даже против башен вы выступаете как-то по-дурацки. Совершенно очевидно, что башни ретрансляционные, а значит, надо бить в Центр, а не сколупывать их по одной...

Вепрь и Зеф заговорили одновременно.

— Откуда вы знаете про Центр? — спросил Вепрь.

— А где ты его, этот Центр, найдешь? — спросил Зеф.

— То, что Центр должен быть, ясно каждому мало-мальски грамотному инженеру, — сказал Максим пренебрежительно. — А как найти Центр, это и есть задача, которой мы должны заниматься. Не бегать на пулеметы, не губить зря людей, а искать Центр...

— Во-первых, все это мы и без тебя знаем, — сказал Зеф, закипая. — А во-вторых, массаракш, никто не погиб зря! Каждому мало-мальски грамотному инженеру, сопляк ты сопливый, должно быть ясно, что, повалив несколько башен, мы нарушим систему ретрансляции и сможем освободить целый район! А для этого надо уметь валить башни. И мы учимся это делать — понимаешь ты или нет? И если ты еще раз, массаракш, скажешь, что наши ребята гибнут зря...

— Подождите, — сказал Максим. — Уберите руки. Освободить район... Ну хорошо, а дальше?

— Всякий сопляк здесь приходит и говорит, что мы гибнем зря, — сказал Зеф.

— А дальше? — настойчиво повторил Максим. — Легионеры подвезут излучатели, и вам конец?

— Черта с два! — сказал Зеф. — За это время население района перейдет на нашу сторону, и не так-то просто им будет сунуться. Одно дело — десяток так называемых выроdkов, а другое дело — десять тысяч, сто тысяч озверевших...

— Зеф, Зеф! — предостерегающе сказал Вепрь.

Зеф нетерпеливо отмахнулся от него.

— Сотни тысяч озверевших горожан, фермеров... а может быть, и солдат, которые поняли и на всю жизнь запомнили, что их бесстыдно дурачат...

Вепрь махнул рукой и отвернулся.

— Погодите, погодите, — сказал Максим. — Что это вы говорите? С какой это стати они вдруг поймут? Да они вас на куски разорвут. Ведь они-то считают, что это противобаллистическая защита...

— А ты что считаешь? — спросил Зеф, странно усмехаясь.

— Ну, я-то знаю, — сказал Максим. — Мне рассказывали...

— Кто?

— Доктор... и Генерал... А что — это тайна?

— Может быть, хватит на эту тему? — сказал Вепрь тихо.

— А почему хватит? — возразил Зеф тоже тихо и как-то очень интеллигентно. — Почему, собственно, хватит, Вепрь? Ты знаешь, что я об этом думаю. Ты знаешь, почему я здесь сижу и почему я здесь останусь до конца жизни. А я знаю, что думаешь по этому поводу ты. Так почему же хватит? Мы оба считаем, что об этом надо кричать на всех перекрестках, а когда доходит до дела, вдруг вспоминаем о дисциплине и принимаемся послушно играть на руку всем этим вождистам, либералам, просветителям... А теперь перед нами этот мальчик. Ты же видишь, какой он. Неужели и такие не должны знать?

— Может быть, именно такие и не должны знать, — все так же тихо ответил Вепрь.

Максим, не понимая, переводил взгляд с одного на другого. Они вдруг сделались очень непохожи сами на себя, они как-то поникли, и в Вепре уже не ощущался стальной стержень, о который сломало зубы столько прокуратур и полевых судов, а в Зефе исчезла его бесшабашная вульгарность и прорезалась какая-то тоска, какое-то скрытое отчаяние, обида, покорность... Словно они вдруг вспомнили что-то, о чем должны были и честно старались забыть.

— Я расскажу ему, — сказал Зеф. Он не спрашивал разрешения и не советовался. Он просто сообщил.

Вепрь промолчал, и Зеф стал рассказывать.

То, что он рассказывал, было чудовищно. Это было чудовищно само по себе, и это было чудовищно потому, что больше не оставляло места для сомнений. Все время, пока он говорил — негромко, спокойно, чистым интеллигентным языком, вежливо замолкая, когда Вепрь вставлял короткие реплики, — Максим изо всех сил старался найти хоть какую-нибудь прореху в этой новой системе мира, но его усилия были тщетны. Картина

получалась стройная, примитивная, безнадежно логичная; она объясняла все известные Максиму факты и не оставляла ни одного факта необъясненным. Это было самое большое и самое страшное открытие из всех, которые Максим сделал на своем обитаемом острове.

Излучение башен предназначалось не для вырожденков. Оно действовало на нервную систему каждого человеческого существа этой планеты. Физиологический механизм воздействия известен не был, но суть этого воздействия сводилась к тому, что мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий превращался в человека верующего, причем верующего иступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности. Человеку, находящемуся в поле излучения, можно было самыми элементарными средствами внушать все, что угодно, и он принимал внушаемое как светлую и единственную истину и готов был жить для нее, страдать за нее, умирать во имя ее.

А поле было всегда. Незаметное, вездесущее, всепроникающее. Его непрерывно излучала гигантская сеть башен, опутывающая страну. Гигантским пылесосом оно вытягивало из десятков миллионов душ всякое сомнение в словах и делах Огненосных Творцов. Огненосные Творцы направляли волю и энергию миллионных масс, куда им заблагорассудится. Они внушали массам отвратительные идеи насилия и агрессии; они могли бросить миллионы под пушки и пулеметы; они могли бы заставить эти миллионы убивать друг друга во имя чего угодно; они могли бы, возникни у них такой каприз, вызвать массовую эпидемию самоубийств... Они могли всё.

А дважды в сутки, в десять утра и в десять вечера, гигантский пылесос запускали на полную мощность, и на полчаса люди переставали вообще быть людьми. Все подсудные напряжения, накопившиеся в подсознании из-за несоответствия между внутренним и реальным, высвобождались в пароксизме горячего энтузиазма, в восторженном экстазе раболепия. Такие лучевые удары полностью подавляли рефлексы и инстинкты и замещали их чудовищным комплексом преклонения и долга перед Огненосными Творцами. В этом состоянии облучаемый полностью терял способность рассуждать и действовал, как робот, получивший приказ.

Опасность для Творцов могли представлять только люди, которые в силу каких-то физиологических особенностей были невосприимчивы к внушению. Их называли вырожденками. Постоянное поле на них не действовало вовсе, а лучевые удары вызывали у них только невыносимые боли. Вырожденков было сравнительно мало, что-то около одного процента, но они были единственными бодрствующими людьми в этом царстве сомнамбул. Только они сохраняли способность трезво оценивать обстановку, воспринимать мир, как он есть, воздействовать на мир, изменять его, управлять им. И самое гнусное заключалось в том, что именно они поставляли обществу правящую элиту, называемую Огненосными Творцами. Все Огненосные Творцы были вырожденками, но далеко не все вырожденки были Огненосными Творцами. И те, кто не сумел войти в элиту, или не захотел войти в элиту, или не знал, что существует элита, были объявлены врагами воинствующего государства и с ними поступали соответственно.

Максим испытывал такое отчаяние, словно вдруг обнаружил, что его обитаемый остров населен на самом деле не людьми, а куклами. Огромный аппарат гитлеровской пропаганды ничего не стоил в сравнении с системой лучевых башен. Радио можно было не включать, речи Геббельса можно было не слушать, газеты можно было не читать. Но избавиться от поля было невозможно. В истории земного человечества ничего подобного не было. И на опыт Земли рассчитывать было нельзя. Надеяться было не на что. План Зефа захватить сколько-нибудь значительный район представлялся попросту авантюрой. Перед ними была огромная машина, слишком простая, чтобы эволюционировать, и слишком огромная, чтобы можно было надеяться разрушить ее небольшими силами. Не было силы в стране, которая могла бы освободить огромный народ, понятия не имеющий, что он не свободен, выпавший, по выражению Вепря, из хода истории. Эта машина была неуязвима изнутри. Она была устойчива по отношению к любым малым возмущениям.

Будучи частично разрушена, она немедленно восстанавливалась. Будучи раздражена, она немедленно и однозначно реагировала на раздражение, не заботясь о судьбе своих отдельных элементов. Единственную надежду оставляла мысль, что у машины был Центр, пульт управления, мозг. Этот Центр теоретически можно было разрушить, тогда машина замрет в неустойчивом равновесии, и наступит момент, когда можно будет попытаться перевести этот мир на другие рельсы, вернуть его на рельсы истории. Но местонахождение Центра было величайшей тайной, да и кто будет его разрушать? Это не атака на башню. Это операция, которая потребует огромных средств и прежде всего — армии людей, не подверженных действию излучения. Нужны были люди, невосприимчивые к излучению, или простые, легкодоступные средства защиты. Ничего этого не было и даже не предвиделось. Несколько сотен тысяч выродков были раздроблены, разрознены, преследуемы, многие вообще относились к категории так называемых легальных, но если бы даже их удалось объединить и вооружить, эту маленькую армию Огненосные Творцы уничтожили бы, выслав ей навстречу передвижные излучатели...

Зеф давно уже замолчал, а Максим все сидел понурившись, ковыряя прутиком черную сухую землю. Потом Зеф покашлял и сказал неловко:

— Да, приятель. Вот оно как на самом-то деле...

Кажется, он уже раскаивался в том, что рассказал, как оно на самом деле.

— На что же вы надеетесь? — проговорил Максим.

Зеф и Вепрь молчали. Максим поднял голову, увидел их лица и пробормотал:

— Простите... Я... Это все так... Простите.

— Мы должны бороться, — ровным голосом произнес Вепрь, — мы боремся, и мы будем бороться. Зеф сообщил вам одну из стратегий штаба. Существуют и другие, столь же уязвимые для критики и ни разу не опробованные практически... Вы понимаете, у нас сейчас все в становлении. Зрелую теорию борьбы не создашь на пустом месте вот так, сразу...

— Скажите, — медленно проговорил Максим, — это излучение... оно действует одинаково на все народы вашего мира?

Вепрь и Зеф переглянулись.

— Не понимаю, — сказал Вепрь.

— Я имею в виду вот что. Есть здесь какой-нибудь народ, где найдется хотя бы несколько тысяч таких, как я?

— Вряд ли, — сказал Зеф. — Разве что у этих... у мутантов. Массаракш, ты не обижайся, Мак, но ведь ты — явный мутант... Счастливая мутация, один шанс на миллион...

— Я не обижаюсь, — сказал Максим. — Значит, мутанты... Это там, дальше в лесах?

— Да, — сказал Вепрь. Он пристально глядел на Максима.

— А что там, собственно? — спросил Максим.

— Лес, потом пустыня... — ответил Вепрь.

— И мутанты?

— Да. Полузвери. Сумасшедшие дикари... Слушайте, Мак, бросьте это.

— Вы их когда-нибудь видели?

— Я видел только мертвых, — сказал Вепрь. — Их иногда ловят в лесу, а потом вешают перед бараками для поднятия духа.

— А за что?

— За шею! — рявкнул Зеф. — Дурак! Это зверье! Они неизлечимы, и они опаснее любого зверя! Я-то их повидал, ты такого и во сне не видел...

— А зачем туда тянут башни? — спросил Максим. — Хотят их приручить?

— Бросьте, Мак, — снова сказал Вепрь. — Это безнадежно. Они нас ненавидят... А впрочем, поступайте как знаете. Мы никого не держим.

Наступило молчание. Потом вдалеке, у них за спиной, послышался знакомый лязгающий рык. Зеф приподнялся.

— Баллиста... — сказал он раздумчиво. — Пойти ее убить?.. Это недалеко, восемнадцатый квадрат... Нет, завтра.

Максим вдруг решил:

— Я ею займусь. Идите, я вас догоню.

Зеф с сомнением поглядел на него.

— Сумеешь ли? — сказал он. — Подорвешься еще...

— Мак, — сказал однорукий, — подумайте!

Зеф смотрел на Максима, а потом вдруг осклабился.

— Ах вот зачем тебе танк! — сказал он. — Хитрец парень. Не-ет, меня не обманешь. Ладно, иди, ужин я тебе сберегу. Одумаешься — приходи... Да имей в виду, что многие самоходки заминированы, копайся там осторожнее... Пошли, Вепрь. Он догонит.

Вепрь хотел еще что-то сказать, но Максим уже поднялся и зашагал к просеке. Он больше не хотел разговоров. Он шел быстро, не оборачиваясь, держа гранатомет под мышкой. Теперь, когда он принял решение, ему сделалось легче, и предстоящее дело зависело только от его умения и от его сноровки.

Глава четырнадцатая

Под утро Максим вывел самоходную баллисту на шоссе и развернул носом на юг. Можно было ехать, но он вылез из отсека управления, прыгнул на изломанный бетон и присел на краю кювета, вытирая травой запачканные руки. Ржавая громадина мирно клокотала рядом, уставя в мутное небо острую верхушку ракеты.

Он проработал всю ночь, но усталости не чувствовал. Аборигены строили прочно, машина оказалась в неплохом состоянии. Никаких мин, конечно, не обнаружилось, а ручное управление, напротив, было. Если кто-нибудь и подрывался на таких машинах, то это могло произойти только из-за изношенности котла либо от полного технического невежества. Котел, правда, давал не больше двадцати процентов нормальной мощности, и была порядком потрепана ходовая часть, но Максим был доволен — вчера он не надеялся и на это.

Было около шести часов утра, совсем рассвело. Обычно в это время каторжников строили в клетчатые колонны, наскоро кормили и выгоняли на работы. Отсутствие Максима было, конечно, уже замечено, и вполне возможно, что теперь он числился в бегах и был приговорен, а может быть, Зеф придумал какое-нибудь объяснение — подвернулась нога, ранен или еще что-нибудь.

В лесу стало тихо. «Собаки», переключавшиеся всю ночь, утомонились, ушли, наверное, в подземелье и хихикают там, потирая лапы, вспоминая, как напугали вчера двуногих... Этими «собаками» надо будет основательно заняться, но сейчас придется оставить их в тылу. Интересно, воспринимают они излучение или нет? Странные существа... Ночью, пока он копался в двигателе, двое все время торчали за кустами, тихонько наблюдая за ним, а потом пришел третий и забрался на дерево, чтобы лучше видеть. Максим, высунувшись из люка, помахал ему рукой, а потом, озорства ради, воспроизвел как мог то четырехсложное слово, которое вчера скандировал хор. Тот, что был на дереве, страшно рассердился, засверкал глазами, надул шерсть по всему телу и принялся выкрикивать какие-то гортанные оскорбления. Двое в кустах были, очевидно, этим шокированы, потому что немедленно ушли и больше не возвращались. А ругатель еще долго не слезал и все никак не мог успокоиться: шипел, плевался, делал вид, что хочет напасть, и скалил белые редкие клыки. Убрался он только под утро, поняв, что Максим не собирается вступать с ним в честную драку... Вряд ли они разумны в человеческом смысле, но существа занятные и, вероятно, представляют собой какую-то организованную силу, если сумели выжить из Крепости военный гарнизон во главе с принцем-герцогом... До чего же у них здесь мало информации, одни слухи и легенды...

Хорошо бы помыться сейчас, весь извозился в ржавчине, да и котел подтекает, кожа горит от радиации. Если Зеф и однорукий согласятся ехать, надо будет заслонить котел тремя-четырьмя плитами, ободрать броню с бортов...

Далеко в лесу что-то бухнуло, отдалось эхом — саперы-смертники начали рабочий день. Бессмыслица, бессмыслица... Снова бухнуло, застучал пулемет, стучал долго, потом стих. Стало совсем светло, день выдавался ясный, небо было без туч, равномерно белое, как светящееся молоко. Бетон на шоссе блестел от росы, а вокруг танка росы не было — от брони шло нездоровое тепло.

Потом из-за кустов, напоздних на дорогу, появились Зеф и Вепрь, увидели танк и зашагали быстрее. Максим поднялся и пошел навстречу.

— Жив! — сказал Зеф вместо приветствия. — Так я и думал. Кашку твою я, брат, того... не в чем нести. А хлеб принес, лопай.

— Спасибо, — сказал Максим, принимая краюху.

Вепрь стоял, опершись на миноискатель, и смотрел на него.

— Лопай и удирай, — сказал Зеф. — Там, брат, за тобой приехали.

— Кто? — спросил Максим, перестав жевать.

— Нам не доложил, — сказал Зеф. — Какой-то долдон в пуговицах с ног до головы. Орал на весь лес, почему тебя нет, меня чуть не застрелил... А я знаю глаза тарашу и докладываю: так, мол, и так, погиб на минном поле, тело не найдено...

Он обошел танк вокруг, сказал: «Экая пакость...», сел на обочину и стал свертывать сигарку.

— Странно, — сказал Максим, задумчиво откусывая от краюхи. — Зачем? На следствие?..

— Может быть, это Фанк? — негромко спросил Вепрь.

— Фанк? Среднего роста, квадратное лицо, кожа шелушится?..

— Какое там! — сказал Зеф. — Здоровенная жердь, весь в прыщах, дурак дураком — Легион.

— Это не Фанк, — сказал Максим.

— Может быть, по приказу Фанка? — спросил Вепрь.

Максим пожал плечами и отправил в рот последнюю корку.

— Не знаю, — сказал он. — Раньше я думал, что Фанк имеет какое-то отношение к подполью, а теперь не знаю, что и думать...

— Тогда вам, пожалуй, действительно лучше уехать, — проговорил Вепрь. — Хотя, честно говоря, я не знаю, что хуже — мутанты или этот жандармский чин...

— Да ладно, пусть едет, — сказал Зеф. — Связным он у тебя работать все равно не станет, а так, по крайней мере, хоть привезет какую-нибудь информацию... если цел останется.

— Вы, конечно, со мной не поедете, — сказал Максим утвердительно.

Вепрь покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Желаю удачи.

— Ракету сбрось, — посоветовал Зеф. — А то взорвешься с нею... И вот что. Впереди у тебя будут две заставы. Ты их проскочишь легко, только не останавливайся. Они повернуты на юг. А вот дальше будет хуже. Радиация ужасная, жрать нечего, мутанты, а еще дальше — пески, безводье.

— Спасибо, — сказал Максим. — До свидания.

Он вспрыгнул на гусеницу, отвалил люк и залез в жаркую полутьму. Он уже положил руки на рычаги, когда вспомнил, что остался еще один вопрос. Он высунулся.

— Слушайте, — сказал он, — а почему истинное назначение башен скрывают от рядовых подпольщиков?

Зеф сморщился и плюнул, а Вепрь грустно ответил:

— Потому что большинство в штабе надеется когда-нибудь захватить власть и использовать башни по-старому, но для других целей.

— Для каких — других? — мрачно спросил Максим.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Зеф, отвернувшись, старательно заклеивал языком сигарету. Потом Максим сказал:

— Желаю вам выжить, — и вернулся к рычагам.

Танк загремел, залязгал, хрустнул гусеницами и покатился вперед.

Вести машину было неудобно. Сиденья для водителя не было, а груды веток и травы, которую Максим набросал ночью, очень быстро расползлась. Обзор был отвратительный, разогнаться как следует не удавалось — на скорости тридцать километров в двигателе что-то начинало греметь и захлебываться, горела смазка. Правда, проходимость у этого атомного одра все еще была прекрасная. Дорога или не дорога — ему было все равно, кустов и неглубоких рытвин он не замечал вовсе, поваленные деревья давил в крошку. Молодые деревца, проросшие сквозь рассеявшийся бетон, он с легкостью подминал под себя, а через глубокие ямы, наполненные черной водой, переползал, словно бы даже фыркая от удовольствия. И курс он держал прекрасно, повернуть его было весьма нелегко.

Шоссе было довольно прямое, в отсеке грязно и душно, и в конце концов Максим поставил ручной газ, вылез наружу и удобно устроился на краю люка под решетчатым лотком ракеты. Танк пер вперед, словно это и был его настоящий курс, заданный давней программой. Было в нем что-то самодовольное и простоватое, и Максим, любивший машины, даже похлопал его по броне, выражая одобрение.

Жить было можно. Справа и слева уползал назад лес, мерно клокотал двигатель, радиация наверху почти не чувствовалась, ветерок был сравнительно чистым и приятно охлаждал горящую кожу. Максим поднял голову и взглянул на качающийся нос ракеты. Пожалуй, ее действительно нужно сбросить. Лишний вес. Взорваться она, конечно, не взорвется, давно «протухла», он еще ночью обследовал ее, но весит она тонн десять, зачем такое таскать? Танк полз себе вперед, а Максим принялся лазить по лотку, отыскивая механизм крепления. Он нашел механизм, но все заржавело, и пришлось повозиться; и пока он возился, танк дважды съезжал на поворотах в лес и принимался, гневно завывая, ломать деревья, и Максиму приходилось спешить к рычагам, успокаивать железного дурака и выводить его снова на дорогу. Но в конце концов механизм сработал, ракета тяжело мотнулась и ухнула на бетон, а потом грузно откатилась в кювет. Танк подпрыгнул и пошел легче, и тут Максим увидел впереди первую заставу.

На опушке стояли две большие палатки и автофургон, дымила полевая кухня. Два легионера, голые до пояса, умывались — один сливал другому из манерки. Посередине шоссе стоял и глядел на танк часовой в черной накидке, а справа от шоссе торчали два столба, соединенные перекладиной, и с этой перекладины что-то свисало, что-то длинное и белое, почти касаясь земли. Максим спустился в отсек, чтобы не было видно клетчатого балахона, и выставил голову. Часовой, с изумлением поглядывая на танк, отходил к обочине, потом растерянно оглянулся на фургон. Полуголые легионеры перестали умываться и тоже глядели на танк. На грохот гусениц из палаток и из фургона вышли еще несколько человек, один — в мундире с офицерскими шнурами. Они были очень удивлены, но не встревожены; офицер показал на танк рукой и что-то сказал, и все засмеялись. Когда Максим поравнялся с часовым, тот крикнул ему неслышно за шумом двигателя, и Максим в ответ прокричал:

— Все в порядке, стой где стоишь!..

Часовой тоже ничего не услышал, но на лице его выразилось удовлетворение. Пропустив танк, он снова вышел на середину шоссе и встал в прежней позе. Было ясно, что все обошлось.

Максим повернул голову и увидел вблизи то, что свисало с перекладины. Секунду он смотрел, потом быстро присел, зажмурился и без всякой нужды ухватился за рычаги. «Не надо было смотреть, — подумал он. — Черт меня дернул поворачивать голову, ехал бы и ехал, ничего бы не знал... — Он заставил себя раскрыть глаза. — Нет, — подумал он,

— смотреть надо. Надо привыкать. И надо узнавать. Нечего отворачиваться. Я не имею права отворачиваться, раз уж я взялся за это дело. Наверное, это был мутант, смерть не может так изуродовать человека. Вот жизнь уродует. Она и меня изуродует, и никуда от этого не денешься, и не надо сопротивляться, надо привыкать. Может быть, впереди у меня сотни километров дорог, уставленных виселицами...»

Когда он снова высунулся из люка и поглядел назад, заставы уже не было видно — ни заставы, ни одинокой виселицы у дороги. Хорошо бы сейчас ехать домой... Так вот ехать, ехать, ехать, а в конце — дом, мама, отец, ребята... Приехать, проснуться, умыться и рассказать им страшный сон про обитаемый остров... Он попытался представить себе Землю, но у него ничего не получилось, только было странно думать, что где-то есть чистые веселые города, много добрых, умных людей, все друг другу доверяют... «Ты искал себе дела, — подумал он. — Ну вот, у тебя теперь есть дело — трудное дело, грязное дело, но вряд ли ты найдешь где-нибудь когда-нибудь другое дело, столь же важное...»

Впереди на шоссе показался какой-то механизм, медленно ползущий в ту же сторону — на юг. Это был небольшой гусеничный трактор, тянувший за собой прицеп с металлической решетчатой фермой. В открытой кабине сидел человек в клетчатом балахоне и курил трубку; он равнодушно посмотрел на танк, на Максима и отвернулся. «Что это за ферма? — подумал Максим. — Какие знакомые очертания... — Потом он вдруг понял, что это секция башни. — Столкнуть бы ее сейчас в канаву, — подумал он, — и проехать по ней раза два взад-вперед...» Он оглянулся, и выражение его лица, видимо, очень не понравилось водителю трактора — водитель вдруг затормозил и спустил одну ногу на гусеницу, как бы готовясь выпрыгнуть. Максим отвернулся.

Минут через десять он увидел вторую заставу. Это был аванпост огромной армии клетчатых рабов, а может быть, и не рабов как раз, а самых свободных людей в стране, — два временных домика с блестящими цинковыми крышами, невысокий искусственный холм, на нем серый приземистый капонир с черными щелями амбразур. Над капониром уже поднимались первые секции башни, а вокруг холма стояли автокраны, тракторы, валялись в беспорядке железные фермы. Лес на несколько сотен метров вправо и влево от шоссе был уничтожен, по открытому пространству кое-где копошились люди в клетчатой одежде. За домиками виднелся длинный низкий барак. Перед бараксом сохло на веревках серое тряпье. Немного дальше у шоссе торчала деревянная вышка с площадкой; по площадке прохаживался часовой в серой форме, в глубокой каске, и стоял пулемет на треноге. Под вышкой толпились еще солдаты; у них был вид людей, изнемогающих от комаров и скуки. Все курили.

«Ну, здесь я тоже проеду без хлопот, — подумал Максим, — здесь конец света и всем на все наплевать». Но он ошибся. Солдаты перестали отмахиваться от комаров и уставились на танк. Потом один, тощий, на кого-то очень похожий, поправил на голове каску, вышел на середину шоссе и поднял руку. «Это ты зря, — подумал Максим с сожалением, — это тебе ни к чему. Я решил здесь проехать, и я проеду...» Он соскользнул вниз, к рычагам, устроился поудобнее и поставил ногу на акселератор. Солдат на шоссе продолжал стоять с поднятой рукой. «Сейчас я дам газ, — подумал Максим, — взреву как следует, и он отскочит... А если не отскочит, — подумал он с внезапным ожесточением, — то что же — на войне как на войне...»

И вдруг он узнал этого солдата. Перед ним был Гай — похудевший, осунувшийся, заросший щетиной, в мешковатом солдатском комбинезоне.

— Гай... — пробормотал Максим. — Дружище... Как же я теперь?

Он снял ногу с газа, выключил сцепление, танк замедлил ход и остановился. Гай опустил руку и неторопливо пошел навстречу. И тут Максим даже засмеялся от радости. Все получалось очень хорошо. Он снова включил сцепление и приготовился.

— Эй! — начальственно крикнул Гай и постучал прикладом по броне. — Кто такой? Максим молчал, тихонько посмеиваясь.

— Есть там кто? — В голосе Гая появилась некоторая неуверенность.

Потом его подкованные каблучки загремели по броне, люк слева распахнулся, и Гай просунулся в отсек. Увидев Максима, он открыл рот, и в ту же секунду Максим схватил его за комбинезон, рванул к себе, повалил на ветки под ногами и прижал... Танк взревел ужасным ревом и рванулся вперед. «Разобью двигатель», — подумал Максим. Гай дергался и ворочался, каска съехала ему на лицо, он ничего не видел и только брыкался вслепую, пытаясь вытащить из-под себя автомат. Отсек вдруг наполнился громом и лязгом — по-видимому, в тыл танку ударили автоматы и пулемет. Это было безопасно, но неприятно, и Максим с нетерпением следил, как надвигается стена леса, все ближе... ближе... И вот первые кусты... Кто-то клетчатый шархнулся с дороги... И вот уже вокруг лес, и пули уже не стучат по броне, и шоссе впереди свободно на много сотен километров.

Гай наконец вытащил из-под себя автомат, но Максим содрал с него каску и увидел его потное оскаленное лицо и засмеялся, когда ярость, ужас и жажда убивать сменились на этом лице выражением сначала растерянности, потом изумления и, наконец, радости. Гай пошевелил губами — видимо, сказал: «Массаракш!» Максим бросил рычаги, притянул его к себе, мокрого, тощего, заросшего, обнял, прижал от избытка чувств, потом отпустил и, держа его за плечи, сказал:

— Гай, дружище, как я рад!

Ничего решительно не было слышно. Он глянул в смотровую щель: шоссе было прямое по-прежнему, и он снова поставил ручной газ, а сам вылез наверх и вытащил Гая за собой.

— Массаракш! — сказал помятый Гай. — Это опять ты!

— А ты не рад? Я вот ужасно рад! — Максим только сейчас понял, как ему всегда не хотелось ехать на Юг в одиночку.

— Что все это значит? — крикнул Гай. Первая радость у него уже прошла, он с беспокойством оглядывался по сторонам. — Куда?! Зачем?!

— На Юг! — крикнул Максим. — Хватит с меня твоего гостеприимного отечества!

— Побег?!

— Да!

— Ты с ума сошел! Тебе подарили жизнь!

— Кто это подарил мне жизнь? Жизнь моя! Принадлежит мне!

Разговаривать было трудно, приходилось кричать, и как-то невольно вместо дружеской беседы получалась ссора. Максим соскочил в люк и уменьшил обороты. Танк пошел медленнее, но больше не ревел и не лязгал так громко. Когда Максим вылез обратно, Гай сидел насупленный и решительный.

— Я обязан тебя вернуть, — объявил он.

— А я обязан тебя отсюда утащить, — объявил Максим.

— Не понимаю. Ты совсем сошел с ума. Отсюда бежать невозможно. Надо вернуться... Массаракш, возвращаться тебе тоже нельзя, тебя расстреляют... А на Юге нас съедят... Провались ты пропадом со своим сумасшествием! Связался я с тобой, как с фальшивой монетой...

— Подожди, не ори, — сказал Максим. — Дай я тебе все объясню.

— Не желаю ничего слушать. Останови машину!

— Да подожди ты, — уговаривал Максим. — Дай рассказать!

Но Гай не желал, чтобы ему рассказывали, Гай требовал, чтобы эта незаконно похищенная машина была немедленно остановлена и возвращена в зону. Максима дважды, трижды и четырежды обозвали болваном. Вопль «массаракш» перекрывал шум двигателя. Положение, массаракш, было ужасным. Оно было безвыходным, массаракш! Впереди, массаракш, была верная смерть. Позади, массаракш, тоже. Максим был всегда болваном и психом, массаракш, но эта его выходка, массаракш, надо полагать, последняя, массаракш и массаракш...

Максим не мешал. Он вдруг сообразил, что поле последней башни, очевидно, кончается где-то здесь, скорее всего уже кончилось; последняя застава должна находиться на самой границе крайнего поля... Пусть парень выговаривается, на обитаемом острове слова ничего не значат... «Ругайся, ругайся, а я тебя вытащу, нечего тебе там делать... Надо с кого-то начинать, и ты будешь первым. Не хочу, чтобы ты был куклой, даже если тебе это нравится — быть куклой...»

Изругав Максима вдоль и поперек, Гай соскочил в люк и стал там возиться, пытаясь остановить машину. Это ему не удалось, и он выбрался обратно, уже в каске, очень молчаливый и деловитый. Он явно намеревался спрыгнуть и уйти обратно. Он был очень сердит. Тогда Максим поймал его за штаны, усадил рядом и принялся объяснять положение.

Он говорил больше часу, прерываясь иногда, чтобы выровнять движение танка на поворотах. Он говорил, а Гай слушал. Сначала Гай пытался перебивать, порывался соскочить на ходу, затыкал уши, но Максим говорил и говорил, повторял одно и то же снова и снова, объяснял, втолковывал, разубеждал, и Гай наконец начал прислушиваться, потом задумался, приуныл, залез обеими руками под каску и шибко почесал шевелюру; потом вдруг сам перешел в наступление и принялся допрашивать Максима, откуда все это стало известно, и кто докажет, что все это не вранье, и как можно во все это поверить, если это очевидная выдумка... Максим бил его фактами, а когда фактов не хватало, клялся, что говорит правду, а когда и это не помогало, называл Гая дубиной, куклой, роботом, а танк все шел и шел на юг, все глубже зарываясь в страну мутантов.

— Ну хорошо, — сказал наконец Максим, остервенев. — Сейчас мы все это проверим. По моим расчетам, мы давно уже выехали из поля излучения, а сейчас примерно без десяти десять. Что вы все делаете в десять часов?

— В десять ноль-ноль — построение, — мрачно сказал Гай.

— Вот именно. Собираетесь стройными рядами и надрываете от готовности пролить кровь. Помнишь?

— Эта готовность у нас в сердце, — заявил Гай.

— Эту готовность вбивают в ваши тупые головы, — возразил Максим. — Ничего, вот сейчас мы посмотрим, какая у тебя там в сердце готовность. Который час?

— Без семи, — мрачно сказал Гай.

Некоторое время они ехали молча.

— Ну? — спросил Максим.

Гай посмотрел на часы и неуверенным голосом запел:

— «Вперед, легионеры, железные ребята...»

Максим насмешливо смотрел на него. Гай сбился и перепутал слова.

— Перестань на меня глазеть, — сердито сказал он. — Ты мне мешаешь. И вообще какое может быть пение вне строя?

— Брось, брось, — сказал Максим. — Вне строя ты, бывало, так же орал, как в строю. Смотреть на вас с дядей Кааном страшно было. Один орет «Железных ребят». Другой тянет «Славу Творцам». А тут еще Рада... Ну где твоя готовность жечь и резать во славу Творцов?

— Не смей, — сказал Гай. — Ты не смеешь так говорить про Творцов. Даже если то, что ты рассказываешь, правда, это означает только, что Творцов просто обманули.

— Кто же их обманул?

— Н-ну... мало ли...

— Значит, Творцы не всемогущи?

— Не желаю на эту тему разговаривать, — объявил Гай.

Он приуныл, сгорбил, лицо его еще больше осунулось, глаза потускнели, отвисла нижняя губа. Максим вдруг вспомнил Фишту Луковицу и Красавчика Котру из арестантского вагона. Они были наркоманами, несчастными людьми, привыкшими употреблять особенно сильные наркотические вещества. Они страшно мучились без

своего зелья, не ели и не пили, а дни напролет сидели вот так, с потухшими глазами и отвисшей губой.

— У тебя болит что-нибудь? — спросил он Гая.

— Нет, — уныло ответил Гай.

— А что ты так нахохлился?

— Да так как-то... — Гай оттянул воротник и вяло повертел шеей. — Нехорошо как-то... Я лягу, а?

Не дожидаясь ответа Максима, он полез в люк и прилег там на ветки, поджав ноги. «Вот оно как, — подумал Максим. — Это не так просто, как я думал. — Он забеспокоился. — Лучевого удара Гай не получил, из поля мы выехали почти два часа назад... Он же всю жизнь живет в этом поле... А может быть, ему это вредно — без поля? Вдруг он заболеет? Надо же, дрянь какая...» Он смотрел через люк на бледное лицо, и ему становилось все страшнее. Наконец он не выдержал, спрыгнул в отсек, выключил двигатель, выволок Гая наружу и положил на траву у шоссе.

Гай спал, бормотал что-то во сне, сильно вздрагивал. Потом его начал бить озноб, он скрючивался, сжимался, словно стараясь согреться, засовывал ладони под мышцы. Максим положил его голову к себе на колени, прижал ему пальцами виски и постарался сосредоточиться. Ему давно не приходилось делать психомассаж, но он знал, что главное — отвлечься от всего, сосредоточиться, включить больного в свою, здоровую, систему. Так он сидел минут десять или пятнадцать, а когда очнулся, то увидел, что Гаю лучше, лицо порозовело, дыхание стало ровным, он больше не мерз. Максим устроил ему подушку из травы, посидел некоторое время, отгоняя комаров, а потом вспомнил, что им еще ехать и ехать, а реактор течет — для Гая это опасно, надо что-то придумать. Он поднялся и вернулся к танку.

Ему пришлось основательно повозиться, прежде чем он снял с проржавевших заклепок несколько листов бортовой брони, а затем он набивал эти листы на керамическую перегородку, отделяющую реактор и двигатель от отсека управления. Ему оставалось прикрепить последний лист, когда он вдруг почувствовал, что вблизи появились посторонние. Он осторожно высунулся из люка, и внутри у него похолодело и съежилось.

На шоссе, шагах в десяти перед машиной, стояли три человека, но он не сразу понял, что это люди. Правда, они были одеты и двое держали на плечах жердь, с которой свисало окровавленной головой вниз небольшое копытное животное, похожее на оленя, а на шее у третьего, поперек цыплячьей груди, висела громоздкая винтовка непривычного вида. «Мутанты, — подумал Максим. — Вот они, мутанты...» Все рассказы и легенды, слышанные им, вдруг всплыли в памяти и сделались очень правдоподобными. Сдирают с живых кожу... людоеды... дикари... звери. Он стиснул зубы, выскочил на броню и поднялся во весь рост. Тогда тот, что был с винтовкой, смешно перебрал коротенькими ножками, выгнутыми дугой, но не двинулся с места. Он только поднял руку с двумя длинными многосуставными пальцами, громко зашипел, а потом произнес скрипучим голосом:

— Кушать хочешь?

Максим разлепил губы и сказал:

— Да.

— Стрелять не будешь? — поинтересовался обладатель винтовки.

— Нет, — сказал Максим, улыбаясь. — Ни в коем случае.

Глава пятнадцатая

Гай сидел за грубым самодельным столом и чистил автомат. Было около четверти одиннадцатого утра, мир был серым, бесцветным, сухим, в нем не было места радости, не было места движению жизни, все было тусклое и болезненное. Не хотелось думать, не

хотелось ничего видеть и слышать, даже спать не хотелось — хотелось просто положить голову на стол, опустить руки и умереть. Просто умереть — и все.

Комнатка была маленькая, с единственным окном без стекла, выходящим на огромный, загроможденный развалинами, заросший диким кустом серо-рыжий пустырь. Обои в комнате пожухли и скрутились — не то от жары, не то от старости, — паркет рассохся, в одном углу обгорел до угля. От прежних жильцов в комнате ничего не осталось, кроме большой фотографии под разбитым стеклом, на которой, если внимательно присмотреться, можно было различить какого-то пожилого господина с дурацкими бакенбардами и в смешной шляпе, похожей на жестяную тарелку.

Глаза бы всего этого не видели, сдохнуть бы сейчас или завить последней бездомной собакой, но Максим приказал: «чисти!» «Каждый раз, — приказал Максим, постукивая каменным пальцем по столу, — каждый раз, как только тебя скрутит, садись и чисти автомат...» Значит, надо чистить. Максим все-таки. Если бы не Максим, давно бы лег и помер. Просил ведь его: «Не уходи ты от меня в это время, посиди, полечи». Нет. Сказал, что теперь сам должен. Сказал, что это не смертельно, что должно пройти и обязательно пройдет, но надо перемочься, надо справиться...

«Ладно, — вяло подумал Гай, — справлюсь. Максим все-таки. Не человек, не Творец, не бог — Максим... И еще он сказал: «Злись! Как тебя скрутит, вспоминай, откуда это у тебя, кто тебя к этому приучил, зачем, и злись, копи ненависть. Скоро она понадобится: ты не один такой, вас таких сорок миллионов, оболваненных, отравленных...» Трудно поверить, массаракш, ведь всю жизнь в строю, всегда знали, что к чему, все было просто, все были вместе, и хорошо было быть таким, как все. Нет, пришел, влюбил в себя, карьеру испортил, а потом буквально за шиворот вырвал из строя и утащил в другую жизнь, где и цель непонятна, и средства непонятны, где нужно — массаракш и массаракш! — обо всем думать самому, решать самому, все самому... Да... вытащил за шиворот, повернул мордой назад, к родному, к гнезду, к самому дорогому и показал: помойка, гнусь, мерзость, ложь... И вот смотришь — действительно, мало красивого, себя вспомнить тошно, ребят вспомнить тошно, а уж господин ротмистр Чачу!...» Гай с сердцем загнал на место затвор и цокнул защелкой. И снова навалилась вялость, апатия, и воли на то, чтобы вставить магазин, уже не оставалось. Плохо, ох как плохо...

Перекошенная скрипучая дверь отворилась, всунулось маленькое деловитое рыльце — в общем, даже симпатичное, если бы не лысый череп и не воспаленные веки без ресниц, — Танга, соседская девчонка.

— Дядя Мак приказали вам идти на площадь! Там уже все собрались, одного вас ждут!

Гай угрюмо покосился на нее, на тщедушное это тельце в платьице из грубой мешковины, на ненормально тонкие ручки-соломинки, покрытые коричневыми пятнами, на кривые ножки, распухшие в коленях, и его замутило, и самому стало стыдно своего отвращения, — ребенок, а кто виноват? Он отвел глаза и сказал:

— Не пойду. Передай, что плохо себя чувствую. Заболел.

Дверь скрипнула, и когда он снова поднял глаза, девчонки не было. Он с досадой бросил автомат на койку, подошел к окну, высунулся. Девчонка со страшной скоростью пылила по лощине между остатками стен, по бывшей улице; за нею увязался какой-то карапузик, проковылял несколько шажков, зацепился, шлепнулся, поднял голову, полежал некоторое время, потом взревел ужасным басом. Из-за руин выскочила мать. Гай поспешно отшатнулся, потряс головой и вернулся к столу. «Нет, не могу привыкнуть. Гадкий я, видно, человек... Ну уж попался бы мне тот, кто за все это в ответе, тут уж я бы не промахнулся. Но все-таки почему я не могу привыкнуть? Господи, за этот месяц я такого повидал — на сто кошмарных снов хватит...»

Мутанты жили небольшими общинами. Иные кочевали, охотились, искали места получше, искали дорогу на Север в обход легионерских пулеметов, в обход страшных областей, где они сходили с ума и умирали на месте от приступов чудовищной головной

боли; иные жили оседло на фермах и в дереvушках, уцелевших после боев и взрыва трех ядерных бомб, из которых одна взорвалась над этим городом, а две в окрестностях — там сейчас километровые проплешины блестящего, как зеркало, шлака. Оседлые сеяли мелкую, выродившуюся пшеницу, возделывали странные свои огороды, где томаты были как ягоды, а ягоды — как томаты, разводили жуткий скот, на который смотреть было страшно, не то что есть. Это был жалкий народ — мутанты, дикие южные выродки, про которых плели разную чушь и сам он плел разную чушь, — тихие, болезненные, изуродованные карикатуры на людей. Нормальными здесь были только старики, но их оставалось очень мало, все они были больны и обречены на скорую смерть. Дети их и внуки тоже казались не жильцами на этом свете. Детей у них рождалось много, но почти все они умирали либо при рождении, либо в младенчестве. Те, что выживали, были слабыми, все время маялись неизвестными недугами, уродливы были страсть, но все глядели послушными, тихими, умненькими. Да что там говорить, неплохие оказались люди мутанты, добрые, гостеприимные, мирные... Вот только смотреть на них было невозможно. Даже Максима сначала корежило с непривычки, но он-то быстро привык, ему что — он своей натуре хозяин...

Гай вставил в автомат магазин, подпер щеку ладонью, задумался. Да, Максим...

Правда, затеял Максим на этот раз явно бессмысленное дело. Затеял он собрать мутантов, вооружить их и выбить Легион для начала хотя бы на Голубую Змею. Смешно, ей-богу! Они же еле ходят, многие помирают на ходу — мешок с зерном поднимет и помрет, — а он хочет с ними на Легион идти. Необученные, слабые, куда им... Пусть даже соберет он этих... разведчиков ихних. На всю эту армию, если без Максима, одного ротмистра хватит, а если с Максимом, то ротмистра с ротой. Максим это, кажется, и сам понимает. Но вот целый месяц бегал по лесу от поселка к поселку, от общины к общине, уговаривал стариков и уважаемых людей, тех, кого общины слушаются. Сам бегал и меня с собой повсюду таскал, угомону на него нет. Не хотят старики идти и разведчиков не отпускают... И вот теперь на это совещание надо... Не пойду.

Мир стал светлее. Было уже не так тошно глядеть вокруг, кровь быстрее побежала по жилам, зашевелились смутно какие-то надежды, что сегодняшнее совещание провалится, что Максим придет и скажет: хватит, нечего здесь больше делать, и они двинут дальше на юг, в пустыню, где, говорят, тоже живут мутанты-выродки, но не такие жуткие, больше похожие на людей и не такие больные. Говорят, у них там что-то вроде государства, и даже армия есть. Может быть, с ними удастся кашу сварить... Правда, там все радиоактивно, туда, говорят, сажали бомбу на бомбу, специально для заражения... Были, говорят, такие специальные бомбы.

Вспомнив про радиоактивность, Гай полез в свой вещевой мешок и вытащил коробочку с желтыми таблетками, бросил две штуки в рот, скривился от пронзительной горечи. Надо же, какая мерзость, но без нее здесь нельзя, здесь тоже все заражено. А в пустыне придется, наверное, горстями их сосать... Спасибо принцу-герцогу, мне бы без этих пилюль здесь как... А принц-герцог молодчина, не теряется, не отчаивается в этом аду, лечит, помогает, обходы делает, целую фабрику медикаментов организовал.

Дверь распахнулась; в комнату вошел сердитый Максим, голый, в одних шортах, поджарый, быстрый, и видно, что злится. Увидев его, Гай надулся и стал смотреть в окно.

— Ну, не выдумывай, — сказал Максим. — Пошли.

— Не хочу, — сказал Гай. — Ну их всех! С души воротит, невозможно.

— Глупости, — возразил Максим. — Прекрасные люди, очень тебя уважают. Не будь мальчишкой.

— Да уж, уважают, — сказал Гай.

— Еще как уважают! Давеча принц-герцог просил, чтобы ты остался здесь. «Я, говорит, умру скоро, нужен настоящий человек, чтобы меня заменить».

— Ну да, заменить... — проворчал Гай, чувствуя, однако, как внутри у него, помимо воли, все размягчается.

— И еще Бошку ко мне пристаёт, обращаться к тебе прямо стесняется. «Пусть, говорит, Гай останется, учить будет, защищать будет, хороших ребят воспитывать будет...» Знаешь, как Бошку разговаривает?

Гай покраснел от удовольствия, откашлялся и сказал, хмурясь, все еще глядя в окно:

— Ну ладно... Автомат брать?

— Возьми, — сказал Максим. — Мало ли что...

Гай взял автомат под мышку; они вышли из комнаты — Гай впереди, Максим по пятам, — спустились по трухлявой лестнице, перешагнули через кучу детишек, взовившихся в пыли у порога, и пошли по улице к площади. Эх! Улица, площадь... Одно название. Сколько же здесь людей разом погибло! Говорят, раньше большой красивый город здесь был. Загубили страну, гады. Мало того что людей поперебили, поперекалечили — развели ведь еще какую-то нечисть, какой сроду здесь никогда не бывало. Да и не только здесь...

Принц-герцог рассказывал, что до войны жили в лесу звери, похожие на собак — забыл, как называются, — умные были и очень добрые зверюги, все понимали, дрессировать их было одно удовольствие. Ну и конечно, стали их дрессировать для военных целей. А потом нашелся умник, расшифровал их язык, оказалось, что у них язык есть, и довольно сложный, и что они вообще любят подражать, и глотка у них так устроена, что некоторых можно было даже обучить говорить по-человечески, — не всему языку, конечно, но слов по пятьдесят, по семьдесят они запоминали. В общем, диковинные были животные, нам бы с ними дружить, учиться друг у друга, друг другу помогать, — они, говорят, вымирили... Так нет же, приспособили их воевать, приспособили их ходить к противнику за военными сведениями. А потом война началась, стало не до них, вообще ни до чего стало. И вот, пожалуйста — упыри. Тоже мутанты, только не человеческие, а звериные — очень опасные существа. По Особому Южному Округу был даже приказ о борьбе с ними, а принц-герцог, тот прямо говорит: нам здесь всем конец, будут здесь жить одни упыри...

Гай вспомнил, как однажды в лесу Бошку со своими охотниками подстрелил оленя, за которым охотились упыри, и началась драка. А мутанты — какие они драчуны? Выпалили по разу из своих дедовских, бросили ружья, сели и закрыли глаза руками, чтобы, значит, не видеть, как их рвать будут. И Максим тоже, надо сказать, растерялся... Не то чтобы растерялся, а так как-то... не хотелось ему драться. Ну, пришлось мне отдуваться за всех. Обойма кончилась — прикладом. Хорошо, упырей немного было, всего шесть голов. Двоих убили, один удрал, а троих, раненых и оглушенных, повязали и собрались утром в деревню вести на казнь. А ночью смотрю: Максим тихонько встает — и к ним. Посидел с ними, полечил, как он это умеет, наложением рук, потом развязал, и те, конечно, не будь дураки, дали деру, только их и видели. Я ему говорю: «Ты что же это, Мак, зачем ты?» — «Сам не знаю, говорит, но чувствую, что нельзя их казнить. Ни людей, говорит, нельзя, ни этих... Это, говорит, не собаки никакие и не упыри...»

Да разве только упыри! А летучие мыши какие пошли! Те, что Колдуну прислуживают... Это же ужас летающий, а не мыши! А кто по ночам по деревьям бродит с топотом, детей крадет? Причем сам даже в дом не заходит, а дети, спящие, так, не просыпаясь, к нему и выходят... Положим, это, может быть, и вранье, но кое-что я и сам видел. Как сейчас помню, повел нас принц-герцог показывать самый близкий вход в Крепость. Приходим. Лужайка такая мирная, зеленая, холмик, в холме — пещера. Смотрим мы — господи боже! — вся лужайка перед входом завалена дохлыми упырями, десятка два, не меньше, причем не покалеченные, не раненые — ни одной капли крови на траве. И что самое удивительное — Максим их осмотрел и сказал: они же не мертвые, они как бы в судороге, словно их кто-то загипнотизировал... Спрашивается: кто? Нет, жуткие места. Здесь человеку только днем можно, да и то с опаской. Если бы не Максим, рванул бы я отсюда, только пятки бы засверкали. Но если говорить честно, то куда бежать? Вокруг леса, в лесах нечисть, танк в болоте потонул... К своим бежать?.. Казалось бы,

очень естественно — к своим бежать. Но какие они мне теперь свои? Тоже, если подумать, уроды, куклы, правильно Максим говорит. Что это за люди, которыми можно управлять, как машинами? Нет, это не по мне... Противно...

Они вышли на площадь, на большой пустырь, посередине которого дико чернел какой-то оплавленный памятник, и свернули к уцелевшему домику, где обычно собирались представители, чтобы обменяться слухами, посоветоваться насчет посевов или охоты, а то и просто посидеть, подремать, послушать рассказы принца-герцога о прежних временах.

В домике, в большой чистой комнате, уже собрался народ. Смотреть здесь ни на кого не хотелось. Даже принц-герцог — казалось бы, не мутант, человек, — а и тот изуродован: все лицо в ожогах и рубцах. Вошли, поздоровались, сели в круг, прямо на пол. Бошку, сидевший рядом с плитой, снял с углей чайник, налил им по чашке чаю, крепкого, хорошего, но без сахара. Гай принял свою чашку — необыкновенной красоты чашка, цены ей нет, королевского фарфора, — поставил ее перед собой, а потом упер автомат прикладом в пол между колен, прислонился лбом к рубчатому стволу и закрыл глаза, чтобы никого не видеть.

Начал совещание принц-герцог. Никакой он был не принц и никакой не герцог, а был он главным хирургом Крепости. Когда Крепость начали ломать атомными бомбами, гарнизон восстал, выкинул белый флаг (по этому флагу свои же немедленно долбанули термоядерной); настоящего принца, командующего, солдаты разорвали на куски, увлеклись, поперебили всех офицеров, а потом спохватились, что некому командовать, а без командования нельзя: война-то продолжается, противник атакует, свои атакуют, а из солдат никто плана Крепости не знает. Получилась гигантская мышеловка, а тут еще взорвались бактериологические бомбы, весь арсенал, и началась чума. Короче говоря, как-то само собой получилось, что половина гарнизона разбежалась кто куда, от оставшейся половины три четверти вымерли, а остальных принял на себя главный хирург — во время бунта солдаты его не тронули: врач все-таки. Как-то повелось называть его то принцем, то герцогом, сначала в шутку, потом привыкли, а Максим для определенности называл его принцем-герцогом.

— Друзья! — сказал принц-герцог. — Надо нам обсудить предложения нашего друга Мака. Это очень важные предложения. Насколько они важны, вы можете судить хотя бы по тому, что сам Колдун к нам пожаловал и будет, может быть, с нами говорить...

Гай поднял голову. И верно: в углу, прислонившись спиной к стене, сидел сам Колдун, собственной персоной. Смотреть на него было жутко, а не смотреть невозможно. Замечательная была личность. Даже Максим смотрел на него как-то снизу вверх и говорил Гаю: «Колдун — это, брат, фигура». Был Колдун небольшого роста, плотный, чистый, ноги и руки у него были коротенькие, но сильные, и, в общем, он был не такой уж уродливый: во всяком случае, слово «уродливый» к нему не подходило. У него был огромный череп, покрытый густым жестким волосом, похожим на серебристый мех, маленький рот со странно сложенными губами, словно он все время собирался свистнуть сквозь зубы, лицо, в общем, даже худощавое, но под глазами мешки, а сами глаза были длинные и узкие, с вертикальным, как у змеи, зрачком. Говорил он мало, на людях бывал редко, жил один в подвале на дальнем конце города, но авторитетом пользовался огромным из-за своих удивительных способностей. Во-первых, он был очень умен и знал всё, хотя от роду ему было всего что-то около двадцати лет и нигде он, кроме этого города, не бывал. Когда возникали какие-нибудь вопросы, к нему шли на поклон за советом. Как правило, он ничего не отвечал, и это означало, что вопрос чепуховый: как его ни решишь, все ладно будет. Но если вопрос оказывался жизненно важным — насчет погоды, когда что сеять, — он всегда давал совет и ни разу еще не ошибся. Ходили к нему только старшие, и что там происходило, они помалкивали, но бытовало убеждение, что, даже давая совет, Колдун не раскрывал рта. Так, посмотрит только — и становится ясно, что нужно делать. Во-вторых, имел он власть над животными. Никогда он не требовал у

общества ни еды, ни одежды: все ему доставляли животные, разные животные — и зверье, и насекомые, и лягушки. А главной прислугой у него были огромные летучие мыши, с которыми он, по слухам, мог объясняться, и они его понимали и слушались. Далее рассказывали, что он знает неведомое. Понять это неведомое было невозможно. На взгляд Гая, это был просто набор слов: черный пустой Мир до начала Мирового Света; мертвый ледяной Мир после угасания Мирового Света; бесконечная пустыня с многими Мировыми Светами... Никто не мог объяснить, что это означает, а Мак только покачивал головой и восхищенно бормотал: «Вот это интеллект!»

Колдун сидел ни на кого не глядя, на плече у него неловко топталась слепенькая ночная птица. Колдун время от времени доставал из кармана какие-то кусочки и совал ей в клюв, тогда она замирала на секунду, потом задирала голову и как бы с трудом глотала, вытягивая шею.

— Это очень важные предложения, — продолжал принц-герцог, — а потому я прошу вас слушать внимательно, а ты, Бошку, голубчик, заваривай чай покрепче, потому что, я вижу, кое-кто уже задремывает. Не надо задремывать, не надо. Соберитесь с силами, может быть, сейчас решается ваша судьба...

Собрание одобрительно заворчал. Какого-то бельмастого оттащили за уши от стены, где он наладился было подремать, и усадили в первом ряду.

— Так я ведь ничего... — бормотал бельмастый. — Я только так, немножко. Я к тому, что говорить надобно покороче, а то, пока до конца доходят, я уж и начало забываю...

— Хорошо, — согласился принц-герцог. — Покороче так покороче. Солдаты отжимают нас на юг, в пустыню. Пощады они не дают, в переговоры не вступают. Из семей, которые пытались пробраться на север, никто не вернулся. Надо полагать, они погибли. Это означает, что лет через десять — пятнадцать нас отождут в пустыню окончательно, и там мы все погибнем без пищи и без воды. Говорят, что в пустыне тоже обитают люди. Я в это не верю, но многие уважаемые старосты верят и утверждают, будто эти обитатели пустыни такие же жестокие и кровожадные, как солдаты. А мы — люди миролюбивые, сражаться мы не умеем. Многие из нас мрут, и мы, наверное, не доживем до окончательного конца, но мы сейчас правим народом и обязаны думать не только о себе, но и о наших детях. Бошку, — сказал он, — подай, пожалуйста, чаю уважаемому Хлебопеку. По-моему, заснул Хлебопек.

Хлебопека разбудили, сунули ему в пятнистую руку горячую чашку; он обжегся, зашипел, и принц-герцог продолжал:

— Наш друг Мак предлагает выход. Он пришел к нам со стороны солдат. Солдат он ненавидит и говорит, что пощады ждать от них нельзя, все они там одурачены тиранами и горят желанием нас уничтожить. Мак хотел сначала вооружить нас и повести в бой, но убедился, что мы слабые и воевать не можем. И тогда он решил добраться до обитателей пустыни — он в них тоже верит, — договориться с ними и повести их на солдат. Что требуется от нас? Благословить эту затею, пропустить обитателей пустыни через наши земли и обеспечить их продовольствием, пока будет идти война. И еще наш друг Мак предложил: дайте ему разрешение собрать всех наших разведчиков, которые захотят, он обучит их воевать и поведет через Голубую Змею, чтобы поднять там восстание. Вот, коротко, как обстоят дела. Нам сейчас нужно решить, и я прошу высказываться.

Гай покосился на Максима. Друг Мак сидел, поджав под себя ногу, огромный, коричневый, неподвижный, как скала, даже не как скала, а как гигантский аккумулятор, готовый разрядиться в одно мгновение. Он смотрел в дальний угол, на Колдуна, но взгляд Гая почувствовал немедленно и повернул к нему голову. И вдруг Гай подумал, что друг Мак уже не тот, что прежде. Он вспомнил, что давно уже не улыбался Мак своей знаменитой ослепительной улыбкой, что давно он не пел своих горских песен и что глаза у него стали теперь без прежней ласковости и доброго ехидства, твердые стали глаза, остекленели как-то, словно и не Максим это, а ротмистр Чачу. И еще вспомнил Гай, что

давно уже перестал друг Мак метаться во все углы, как веселый любопытный пес, стал сдержанным, и появилась в нем какая-то суровость, целенаправленность какая-то, взрослая деловая сосредоточенность, словно целился он самим собой в какую-то одному ему видимую мишень... Очень, очень изменился друг Мак с тех пор, как всадили в него полную обойму из тяжелого армейского пистолета. Раньше он жалел всех и каждого, а теперь не жалеет никого. Что ж, может быть, так и надо...

Но страшное он все-таки дело задумал, резня будет, большая резня будет...

— Что-то я не понял, — подал голос плешивый уродец, судя по одежде, нездешний. — Что же это он хочет? Чтобы варвары сюда к нам пришли? Так они же нас всех перебьют. Что я, варваров не знаю? Всех перебьют, ни одного человека не оставят.

— Они придут сюда с миром, — сказал Мак, — или не придут вовсе.

— Пусть уж лучше вовсе не приходят, — сказал плешивый. — С варварами лучше не связываться. Тогда уж лучше прямо к солдатам выйти под пулеметы. Всё как-то от своей руки погибнешь, у меня отец солдатом был, из Крепости...

— Это, конечно, верно, — проговорил Бошку задумчиво. — Но ведь, с другой-то стороны, варвары могут и солдат прогнать, и нас не тронуть. Вот тогда и станет всем хорошо.

— Почему это они вдруг нас не тронут? — возразил бельмастый. — Все нас спокон веков трогали, а эти вдруг не тронут?

— Так ведь он с ними договорится, — пояснил Бошку. — Не трогайте, мол, лесовиков, и всё тут, а иначе, мол, не приходите...

— Кто? Кто договорится? — спросил Хлебопек, вертя головой.

— Да вот Мак. Мак и договорится...

— Ах, Мак... Ну, если Мак договорится, тогда, может быть, и не тронут.

— Чаю тебе дать? — спросил Бошку. — Засыпаешь ведь, Хлебопек.

— Да не хочу я твоего чаю.

— Ну выпей чайку, чашечку только. Что это тебе — трудно?

Бельмастый вдруг поднялся.

— Пойду я, — сказал он. — Ничего из этого не выйдет. И Мака они убьют, и нас тоже не пожалеют. Чего нас жалеть? Все равно лет через десять нам всем конец. У меня в общине уже два года дети не рождаются. Дожить бы до смерти спокойно, и ладно. А так сами решайте, как знаете. Мне все равно.

Он вышел, перекошенный, неуклюжий, споткнувшись о порог.

— Да, Мак, — покачивая головой, проговорил Пиявка. — Извини нас, но никому мы не верим. Как можно варварам верить? Они в пустыне живут, песок жуют, песком запивают. Они страшные люди, из железной проволоки скручены, ни плакать не умеют, ни смеяться. Что мы для них? Мох под ногами. Ну вот придут они, побьют солдат, сядут здесь, лес, конечно, выжгут... Зачем им лес? Они пустыню любят. И опять же нам конец. Нет, не верю. Не верю, Мак. Пустая твоя затея.

— Да, — сказал Хлебопек. — Не нужно это нам, Мак. Дай уж нам помереть спокойно, не трогай нас. Ты солдат ненавидишь, хочешь их сокрушить, а мы-то здесь при чем? У нас ни к кому ненависти нет. Пожалей нас, Мак. Нас ведь никто никогда не жалел. И ты хоть и добрый человек, но тоже нас не жалеешь... Не жалеешь ведь, а, Мак?

Гай снова поглядел на Максима и смущенно отвел глаза.

Максим покраснел. Покраснел до слез, наклонил голову и закрыл лицо рукой.

— Неправда, — сказал он. — Я жалею вас. Но я не только вас жалею. Я...

— Не-ет, Мак, — настойчиво сказал Хлебопек. — Ты только нас пожалей. Мы ведь самые разнесчастные люди в мире, и ты это знаешь. Ты про свою ненависть забудь. Пожалей, и всё...

— А что ему нас жалеть? — подал голос Орешник, до глаз замотанный грязными бинтами. — Он сам солдат. Когда это солдаты нас жалели? Не родился еще солдат, который бы нас пожалел...

— Голубчики, голубчики! — сказал строго принц-герцог. — Мак — наш друг. Он хочет нам добра, хочет уничтожить наших врагов...

— А вот что получится, — рассудительно сказал плешивый из нездешних. — Положим даже, что варвары будут сильнее солдат. Побьют они солдат, порушат ихние проклятые вышки, захватят весь Север. Пусть. Нам не жалко. Пусть они там режутся. Но польза-то нам какая? Нам тогда совсем конец: на Юге будут варвары, на Севере опять же варвары, над нами всё те же варвары. Мы им не нужны, а раз не нужны — под корень нас. Это одно... Теперь положим, что солдаты варваров отобьют. Отобьют они варваров, и покатится вся эта война через нас и на юг. Что тогда? Тогда опять же нам крышка: на Севере солдаты, на Юге солдаты и над нами солдаты. Ну, а солдат мы знаем...

Собрание зашумело, зажужжало, что правильно, мол, плешивый излагает, все точно, но плешивый еще не кончил.

— Дайте досказать! — возмутился он. — Что вы расшумелись, в самом деле? Это же еще не все. Еще может быть, что солдаты варваров перебьют, а варвары — солдат. Вот тут вроде бы нам самое и жить. Так нет же, опять не получается. Потому что еще упыри есть. Пока солдаты живы, упыри прячутся, пули боятся, солдатам велено упырей стрелять. А уж как солдат не станет, тут нам полная крышка. Съедят нас упыри и костей не оставят.

Эта идея страшно поразила собрание.

— Правильно говорит! — раздался голоса. — Надо же, какие головы у них на болотах... Да, братья, про упырей-то мы и забыли... А они не спят, они своего ждут... Не надо нам ничего, Мак, пусть идет как идет... Двадцать лет худо-бедно прожили и еще двадцать протянем, а там, глядишь, и еще...

— И разведчиков ему отдавать нельзя! — возвысил голос плешивый. — Мало ли что они сами хотят... Им что — они и дома не живут. Шестипалый вон днюет и ночует на той стороне. Срам сказать — грабит там и пьет. Им хорошо, они вышек проклятых не боятся, головы у них не болят. А обществу-то каково? Дичь на Север уходит. Кто к нам ее с Севера гнать будет, если не разведчики? Не давать! И приструнить их еще надо хорошенько, совсем разбаловались. Убийства там учиняют, солдат крадут и мучают, как и не люди... Не пускать! Совсем разбалуются...

— Не пускать, не пускать... — подтвердило собрание. — Как мы без них? А мы их кормили-поили, мы их родили да вырастили, чувствовать должны, а они, знай себе, на сторону смотрят, как бы посвоевольничать...

Плешивый наконец уgomонился, сел на место и принялся жадно глотать остывший чай. Собрание тоже уgomонилось, утихло. Старики сидели неподвижно, стараясь не глядеть на Максима.

Бошку, уныло кивая, проговорил:

— Надо же, какая у нас несчастная жизнь! Ниоткуда спасения нет. И что мы кому сделали?

— Рожали нас зря, вот что, — сказал Орешник. — Не подумавши нас рожали, не вовремя... — Он протянул пустую чашку. — И мы зря рожаем. На погибель. Да, да, на погибель...

— Равновесие... — произнес вдруг громкий хриплый голос. — Я вам уже говорил это, Мак. Вы не захотели меня понять...

Непонятно было, откуда идет голос. Все молчали, скорбно потупившись. Только птица на плече Колдуна топталась, открывая и закрывая желтый клюв. Сам Колдун сидел неподвижно, закрыв глаза и сжав тонкие сухие губы.

— Но теперь, надеюсь, вы поняли, — продолжала вроде бы птица. — Вы хотите нарушить это равновесие. Что ж, это возможно, это в ваших силах. Но спрашивается — зачем? Кто-нибудь просит вас об этом? Вы видите, что нет. Тогда что же вами движет?..

Птица нахохлилась и засунула голову под крыло, а голос все звучал, и теперь Гай понял, что говорит сам Колдун, не разжимая губ, не двигая ни одним мускулом лица.

Это было очень страшно, и не только Гаю, но и всем собравшимся, даже принцу-герцогу. Один лишь Максим смотрел на Колдуна хмуро и с каким-то дерзким вызовом.

— Нетерпение потревоженной совести! — провозгласил Колдун. — Ваша совесть избалована постоянным вниманием, она принимается стонать при малейшем неудобстве, и разум ваш почтительно склоняется перед нею, вместо того чтобы прикрикнуть на нее и поставить ее на место. Ваша совесть возмущена существующим порядком вещей, и ваш разум послушно и поспешно ищет пути изменить этот порядок. Но у порядка есть свои законы. Эти законы возникают из стремлений огромных человеческих масс, и меняться они могут тоже только с изменением этих стремлений... Итак, с одной стороны — стремления огромных человеческих масс, с другой стороны — ваша совесть, воплощение ваших стремлений. Ваша совесть подвигает вас на изменение порядка вещей, то есть на нарушение законов этого порядка, определяемых стремлениями масс, то есть на изменение стремлений миллионных человеческих масс по образу и подобию ваших стремлений. Это смешно и антиисторично. Ваш затуманенный и оглушенный совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, продиктованного вашей совестью. А разум нужно держать в чистоте. Не хотите, не можете — что ж, тем хуже для вас. И не только для вас. Вы скажете, что в том мире, откуда вы пришли, люди не могут жить с нечистой совестью. Что ж, перестаньте жить. Это тоже неплохой выход — и для вас, и для других.

Колдун замолчал, и все головы повернулись к Максиму. Гай не вполне уразумел, о чем тут шла речь. По-видимому, это был отголосок какого-то старого спора. И еще ясно было, что Колдун считает Максима умным, но капризным человеком, действующим скорее по прихоти, чем по необходимости. Это было обидно. Максим был, конечно, странной личностью, но себя он не щадил и всегда всем хотел добра — не по капризу какому-нибудь, а по самому глубокому убеждению. Конечно, сорок миллионов людей, одураченных излучением, никаких перемен не хотели, но ведь они были одурачены, это было несправедливо...

— Не могу с вами согласиться, — холодно сказал Максим. — Совесть своей болью ставит задачи, разум — выполняет. Совесть задает идеалы, разум ищет к ним дороги. Это и есть функция разума — искать дороги. Без совести разум работает только на себя, а значит, вхолостую. Что же касается противоречия моих стремлений со стремлениями масс... Существует определенный идеал: человек должен быть свободен духовно и физически. В этом мире массы еще не сознают этого идеала, и дорога к нему тяжелая. Но когда-то нужно начинать. И я намерен начать сейчас.

— Верно, — с неожиданной легкостью согласился Колдун. — Совесть действительно задает идеалы. Но идеалы потому и называются идеалами, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. Я ведь только это и хочу сказать, только это и повторяю: не следует нянчиться со своей совестью, надо почаще подставлять ее пыльному сквозняку новой действительности и не бояться появления на ней пятнышек и грубой корочки... Впрочем, вы это и сами понимаете. Вы просто еще не научились называть вещи своими именами. Но вы и этому научитесь. Вот ваша совесть провозгласила задачу: свергнуть тиранию этих Огненосных Творцов. Разум прикинул, что к чему, и подал совет: поскольку изнутри тиранию взорвать невозможно, ударим по ней снаружи, бросим на нее варваров... Пусть лесовики будут растоптаны, пусть русло Голубой Змеи запрудится трупами, пусть начнется большая война, которая, может быть, приведет к свержению тиранов, — все для благородного идеала. Ну что же, сказала совесть, поморщившись, придется мне немножко огрубеть ради великого дела...

— Массаракш... — прошипел Максим, красный и злой, каким Гай не видел его никогда. — Да, массаракш! Да! Все именно так, как вы говорите! А что еще остается делать? За Голубой Змеей люди превращены в ходячие деревяшки.

— Правильно, правильно, — сказал Колдун. — Другое дело, что сам по себе план неудачен: варвары разобьются о башни и откатятся, а бедные наши разведчики, в общем,

ни на что серьезное не способны. Но в рамках того же плана вы бы могли связаться, например, с Островной Империей... Речь не об этом. Боюсь, вы вообще опоздали, Мак!.. Вы только не подумайте, что я вас отговариваю. Я хорошо вижу: вы — сила, Максим. И ваше появление здесь само по себе означает неизбежное нарушение равновесия на поверхности нашего маленького мира. Действуйте. Только пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум пусть не стесняется, когда нужно, отстранить совесть... И еще советую вам помнить: не знаю, как в вашем мире, а в нашем никакая сила не остается долго без хозяина. Всегда находится кто-нибудь, кто старается приручить ее и подчинить себе — незаметно или под благовидным предлогом... Вот и все, что я хотел сказать.

Колдун с неожиданной ловкостью поднялся — птица на его плече присела и растопырила крылья, — скользнул на коротеньких ножках вдоль стены и скрылся за дверью. И тотчас же следом потянулось все собрание. Уходили, постанывая, побряхтывая, отдуваясь, ничего толком не поняв из сказанного, но явно довольные тем, что все остается по-прежнему, что Колдун не разрешил опасной затеи, пожалел, значит, Колдун, не дал в обиду, и можно будет теперь доживать, как и раньше, благо впереди еще целая вечность — лет десять, а то и больше. Последним уплелся Бошку с пустым чайником, и в комнате остались только Гай, да Мак с принцем-герцогом, да еще в углу крепко спал притомившийся от умственных усилий Хлебопек. В голове у Гая было смутно, да и в душе тоже. Понял он только одно: «Несчастливая моя жизнь: первую половину был куклой, болванчиком в чьих-то руках, а вторую половину, видно, придется доживать бродягой без родины, без друзей, без завтрашнего дня...»

— Вы огорчены, Мак? — спросил принц-герцог виновато.

— Да нет, не очень, — отозвался Максим. — Скорее даже наоборот, я испытываю облегчение. Колдун прав, моя совесть еще не готова к таким затеям. Вероятно, надо еще побродить, посмотреть. Потренировать совесть... — Он как-то неприятно засмеялся. — Что вы мне можете предложить, принц-герцог?

Старый принц-герцог, кряхтя, поднялся и, растирая затекшие бока, прошелся по комнате.

— Во-первых, я не советую вам углубляться в пустыню, — сказал он. — Есть там варвары или нет их, ничего подходящего вы там для себя не найдете. Может быть, стоит, по совету Колдуна, установить контакт с островитянами, хотя, видит бог, не знаю я, как это сделать. Вероятно, надо идти к морю и начинать оттуда... если островитяне тоже не миф и если они захотят с вами разговаривать... Самым правильным мне кажется возвращаться назад и действовать там в одиночку. Вспомните, что сказал Колдун: вы — сила. И потом вы правы: система башен должна иметь Центр. И власть над Севером в руках у того, кто владеет этим Центром. Вам следует хорошенько это усвоить.

— Боюсь, это не для меня, — медленно проговорил Максим. — Не могу пока сказать почему, но это не для меня, я чувствую. Я не хочу владеть Центром. В одном вы правы: мне нечего делать ни здесь, ни в пустыне. Пустыня слишком далеко, а здесь не на кого опереться. Но мне предстоит еще многое узнать: есть еще Пандея, Хонти, есть еще горы, есть еще где-то Островная Империя... Вы слышали о белых субмаринах? Нет? А я слышал, и Гай вот слышал, и мы знаем человека, который их видел и с ними сражался. Так вот: они могут сражаться... Ну ладно. — Максим вскочил. — Медлить нечего. Спасибо, принц-герцог, вы очень помогли нам. Пойдем, Гай.

Они вышли на площадь и остановились возле оплавленного памятника. Гай с тоской озирался. Вокруг в жарком мареве колыхались желтые развалины, было душно, смрадно, но уже не хотелось уходить отсюда, из этого страшного, но уже привычного места, и снова тащиться через леса, отдавшись на волю всех темных случайностей, которые подстерегают там человека на каждом вздохе... Вернуться бы сейчас в свою комнатку, поиграть с лысенькой Тангой, сделать ей наконец обещанную свистульку из стреляной гильзы, не пожалеть, массараکش, выстрелить в воздух патрон для бедной девчонки...

— Куда же вы все-таки намерены идти? — спросил принц-герцог, прикрывая лицо от пыли своей потрепанной, выцветшей шляпой.

— На запад, — ответил Максим. — К морю. Далеко отсюда море?

— Триста километров... — произнес принц-герцог раздумчиво. — И придется идти через очень зараженные места... Слушайте, — сказал он, — а может быть, сделаем так?... — Он надолго замолчал, и Гай уже начал нетерпеливо переступать с ноги на ногу, но Максим не торопился, ждал. — Эх, зачем он мне! — сказал наконец принц-герцог. — Честно говоря, хранил я его для себя, думал, когда станет совсем плохо, когда нервы откажут, сяду на него и вернусь домой, а там хоть под расстрел... Да что уж теперь... Поздно.

— Самолет? — быстро спросил Максим, с надеждой глядя на принца-герцога.

— Да. «Горный Орел». Вам говорит что-нибудь это название? Нет, конечно... А вам, молодой человек? Тоже нет... Знаменитейший некогда бомбовоз, господа. Личный Его Императорского Высочества Принца Кирну Четырех Золотых Знамен Именной Бомбовоз «Горный Орел»... Солдат, помнится, наизусть заставляли зубрить... «Рядовой такой-то! Проименуй личный бомбовоз его императорского высочества!» И тот, бывало, именуется... Да... Так вот, я его сохранил. Сначала хотел на нем эвакуировать раненых, но их было слишком много. Потом, когда все раненые умерли... Э, да что рассказывать. Берите его себе, голубчик. Летите. Горючего хватит на полмира...

— Спасибо, — сказал Максим. — Спасибо, принц-герцог. Я вас никогда не забуду.

— Да что ж меня... — проговорил старик. — Не ради себя даю... А вот если удастся вам, голубчик, что-нибудь, вы этих вот не забудьте.

— Удастся, — сказал Максим. — Удастся, массаракш! Должно получиться, совесть или не совесть!.. И я никого никогда не забуду.

Глава шестнадцатая

Гаю никогда еще не приходилось летать на самолетах. Он и самолет-то увидел впервые в жизни. Полицейские вертолеты и штабные летающие платформы он видел не раз и однажды даже принимал участие в облаве с воздуха: их секцию погрузили на вертолет и высадили у шоссе, по которому перла к мосту толпа воспитуемых, взбунтовавшихся из-за скверной пищи. От этого воздушного броска у Гаю остались самые неприятные воспоминания: вертолет шел очень низко, трясло и раскачивало так, что внутренности выворачивались наизнанку, и вдобавок одуряющий рев винта, бензиновый угар и брызжущие отовсюду фонтаны машинного масла.

Но тут было совсем другое дело.

Личный Е. И. В. Бомбовоз «Горный Орел» поразил воображение Гаю. Это была поистине чудовищная машина, и совершенно невозможно было представить себе, что она способна подняться в воздух. Ребристое узкое тело ее, изукрашенное многочисленными золотыми эмблемами, было длинным, как улица. Грозно и величественно простирались исполинские крылья, под которыми могла бы укрыться целая бригада. До них было далеко, как до крыши дома, но лопасти шести огромных пропеллеров почти касались земли. Бомбовоз стоял на трех колесах, в несколько человеческих ростов каждое, — два колеса подпирали носовую часть, на третьем опирался этажерчатый хвост. К блестящей стеклом кабине вела на головокружительную высоту серебристая ниточка легкой алюминиевой лестницы. Да, это был настоящий символ старой империи, символ великого прошлого, символ былого могущества, распространявшегося на весь континент. Гай, задрав голову, стоял на ослабевших ногах, трепеща от благоговения, и как громом поразили его слова друга Мака:

— Ну и сундук, массаракш!.. Извините, принц-герцог, невольно вырвалось...

— Другого нет, — сухо отозвался принц-герцог. — Кстати, это лучший бомбовоз в мире. В свое время его императорское высочество совершил на нем...

— Да, да, конечно, — поспешно согласился Максим. — Это я от неожиданности...

Наверху, в пилотской кабине, восхищение Гая достигло предела. Кабина была сплошь из стекла. Огромное количество незнакомых приборов, удивительно удобные мягкие кресла, непонятные рычаги и приспособления, пучки разноцветных проводов, странные, невиданные шлемы, лежащие наготове... Принц-герцог что-то торопливо втолковывал Маку, указывая на приборы, покачивая рычаги. Мак рассеянно бормотал: «Ну да, понятно, понятно...», а Гай, которого усадили в кресло, чтобы не мешал, с автоматом на коленях, чтобы, упаси бог, чего-нибудь не поцарапать, таращил глаза и бессмысленно вертел головой.

Бомбовоз стоял в старом, просевшем ангаре на опушке леса; перед ним далеко простиралось ровное серо-зеленое поле без единой кочки, без единого кустика. За полем, километрах в пяти, снова начинался лес, а над всем этим висело белое небо, которое казалось отсюда, из кабины, совсем близким, рукой подать. Гай был очень взволнован. Он плохо запомнил, как прощался со старым принцем-герцогом. Принц-герцог что-то говорил, и Максим что-то говорил; кажется, они смеялись, потом принц-герцог всплакнул, потом хлопнула дверца... Гай вдруг обнаружил, что пристегнут к креслу широкими ремнями, а Максим в соседнем кресле быстро и уверенно шелкает какими-то рычажками и клавишами.

Засветились циферблаты на пультах, раздался треск, громовые выхлопы, кабина задрожала мелкой дрожью, все вокруг наполнилось тяжелым грохотом, маленький принц-герцог далеко внизу, среди полегших кустов и словно бы заструившейся травы, схватился обеими руками за шляпу и попятился. Гай обернулся и увидел, что лопасти гигантских пропеллеров исчезли, слились в огромные мутные круги, и вдруг все широкое поле сдвинулось и поползло навстречу, быстрее и быстрее... Не стало больше принца-герцога, не стало ангара, было только поле, стремительно летящее навстречу, и немилосердная тряска, и громовой рев, и, с трудом повернув голову, Гай с ужасом обнаружил, что гигантские крылья плавно раскачиваются и вот-вот отвалятся, но тут тряска пропала, поле под крыльями ухнуло вниз, и какое-то мягкое, ватное ощущение пронизало Гая от ног до головы. А под бомбовозом уже больше не было поля, да и леса не стало: лес превратился в черно-зеленую щетку, в огромное латаное-перелатаное одеяло, и пятнистое это одеяло медленно ползло назад. Тогда Гай догадался, что он летит.

Он в полном восторге посмотрел на Максима. Друг Мак сидел в небрежной позе, положив левую руку на подлокотник, а правой едва заметно пошевеливал самый большой и, должно быть, самый главный рычаг. Глаза у него были прищурены, губы наморщены, словно он посвистывал. Да, это был великий человек. Великий и непостижимый. «Наверное, он все может, — подумал Гай. — Вот он управляет этой сложнейшей машиной, которую видит впервые в жизни. Это ведь не танк какой-нибудь и не грузовик — самолет, легендарная машина, я и не знал, что они сохранились... А он управляется с нею, как с игрушкой, словно всю жизнь только и делал, что летал в воздушных пространствах. Это просто уму непостижимо: кажется, что он многое видит впервые, и тем не менее он моментально приравнивается и делает то, что нужно. И разве только с машинами? Ведь не только машины сразу признают в нем хозяина... Захоти он, и ротмистр Чачу ходил бы с ним в обнимку... Колдун, на которого и смотреть-то боязно, и тот считал его за равного... Принц-герцог, ученый человек, главный хирург, аристократ, можно сказать, сразу почуял в нем что-то этакое, высокое... Такую машину подарил, доверил... А я еще Раду за него хотел выдать. Что ему Рада? Так, мимолетное увлечение... Разве ему Раду нужно? Ему бы какую-нибудь графиню или, скажем, принцессу... А вот со мной дружит, надо же... И скажи он сейчас, чтобы я выкинулся вниз, — что же, очень может быть, что и выкинусь, потому что Максим... И сколько я уже из-за него узнал и повидал, в жизни столько не узнать и не увидеть... И сколько из-за него еще узнаю и увижу, и чему от него научусь...»

Максим почувствовал на себе его взгляд, и его восторг, и его преданность, повернул голову и широко, по-старому, улыбнулся, и Гай с трудом удержался, чтобы не схватить

его мощную коричневую руку и не приникнуть к ней в благодарном лобзании. «О повелитель мой, защита моя и гордость моя, прикажи — я перед тобой, я здесь, я готов, швырни меня в огонь, соедини меня с пламенем... На тысячи врагов, на разверстые жерла, навстречу миллионам пуль... Где они, где враги твои? Где эти тупые отвратительные люди в мерзких черных мундирах? Где этот злобный офицеришка, осмелившийся поднять на тебя руку? О черный мерзавец, я разорву тебя ногтями, я перегрызу тебе глотку... но не сейчас, нет... Он что-то приказывает мне, мой владыка, он что-то хочет от меня... Мак, Мак, умоляю, верни мне свою улыбку, почему ты больше не улыбаешься? Да, да, я глуп, я не понимаю тебя, я не слышу тебя, здесь такой рев, это ревет твоя послушная машина... Ах вот оно что, массаракш, какой я идиот, ну конечно же, шлем... Да, да, сейчас... Я понимаю, здесь шлемофон, как в танке... Слушаю тебя, прекрасный! Приказывай! Нет-нет, я не хочу опомниться! Со мной ничего не происходит, просто я твой, я хочу умереть за тебя, прикажи что-нибудь... Да, я буду молчать, я заткнусь... Это разорвет мне легкие, но я буду молчать, раз ты мне приказываешь... Башня? Какая башня? А, да, вижу башню... Эти черные мерзавцы, подлые людоеды, убийцы детей, они понатыкали башни везде, но мы сметем эти башни, мы пройдем железным сапогом, сметая эти башни, с огнем в очах... Веди, веди свою послушную машину на эту гнусную башню... и дай мне бомбу, я прыгну с бомбой и не промахнусь, вот увидишь! Бомбу мне, бомбу! В огонь! О!.. О-о! О-о-о!!!»

Гай с трудом вдохнул и рванул на себе ворот комбинезона. В ушах звенело, мир перед глазами плыл и покачивался. Мир был в тумане, но туман быстро рассеивался, ныли мускулы и нехорошо першило в горле. Потом он увидел лицо Максима, темное, хмурое, даже какое-то жестокое. Воспоминание о чем-то сладостном всплыло и тут же исчезло, но почему-то очень захотелось встать «смирно» и шелкнуть каблуками. Впрочем, Гай понимал, что это неуместно, что Максим рассердился.

— Я что-то натворил? — спросил он виновато и опасливо осмотрелся.

— Это я натворил, — ответил Максим. — Совсем забыл об этой дряни.

— О чем?

Максим вернулся в свое кресло, положил руку на рычаг и стал смотреть вперед.

— О башнях, — сказал он наконец.

— О каких башнях?

— Я взял слишком сильно к северу, — сказал Максим. — Мы попали под лучевой удар.

Гаю стало стыдно.

— Я орал «Железных ребят»? — спросил он.

— Хуже, — ответил Максим. — Ладно, впредь будем осторожнее.

С чувством огромной неловкости Гай отвернулся, мучительно пытаясь вспомнить, что же он тут делал, и принялся рассматривать мир внизу. Никакой башни он не увидел и, конечно, уже не увидел ни ангара, ни поля, с которого они взлетели. Внизу медленно ползло все то же лоскутное одеяло, и еще была видна река, тусклая металлическая змейка, исчезающая в туманной дымке далеко впереди, где в небе должно было стеной подниматься море... «Что же я тут болтал? — думал Гай. — Наверное, какую-то смертную чепуху нес, потому что Максим очень недоволен и встревожен. Массаракш, может быть, ко мне вернулись мои жандармские привычки и я Максима как-нибудь оскорбил?.. Где же эта проклятая башня? Хороший случай сбросить на нее бомбу...»

Бомбовоз вдруг трянуло. Гай прикусил язык, а Максим ухватился за рычаг двумя руками. Что-то было не в порядке, что-то случилось... Гай опасливо оглянулся и с облегчением обнаружил, что крыло на месте, а пропеллеры вращаются. Тогда он посмотрел вверх. В белесом небе над головой медленно расплывались какие-то угольно-черные пятна. Словно капли туши в воде.

— Что это? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Максим. — Странная штука... — Он произнес еще два каких-то незнакомых слова, а потом с запинкой сказал: — Атака... небесных камней. Чепуха, так не бывает. Вероятность — ноль целых, ноль-ноль... Что я их — притягиваю?

Он снова произнес незнакомые слова и замолчал.

Гай хотел спросить, что такое небесные камни, но тут краем глаза заметил странное движение справа внизу. Он взгляделся. Над грязно-зеленым одеялом леса медленно вспучивалась грузная желтоватая куча. Он не сразу понял, что это дым. Потом в недрах кучи блеснуло, из нее скользнуло вверх длинное черное тело, и в ту же секунду горизонт вдруг жутко перекосялся, встал стеной, и Гай вцепился в подлокотники. Автомат соскользнул у него с колен и покатился по полу. «Массаракш... — прошипел в наушниках голос Максима. — Вот это что такое! Ах я дурак!» Горизонт снова выровнялся. Гай поискал глазами желтую кучу дыма, не нашел, стал глядеть вперед и вдруг увидел прямо по курсу, как над лесом поднялся фонтан разноцветных брызг, снова горой вспучилось желтое облако, блеснул огонь, снова длинное черное тело медленно поднялось в небо и лопнуло ослепительно-белым шаром. Гай прикрыл глаза рукой. Белый шар быстро померк, налился черным и расплылся гигантской кляксой. Пол под ногами стал проваливаться, Гай широко раскрыл рот, хватая воздух; на секунду ему показалось, что желудок вот-вот выскочит наружу. В кабине потемнело, рваный черный дым скользнул навстречу и в стороны, горизонт опять перекосялся, лес был теперь совсем близко слева. Гай зажмурился и съежился в ожидании удара, боли, гибели, — воздуха не хватало, все вокруг тряслось и вздрагивало. «Массаракш... — шипел голос Максима в наушниках. — Тридцать три раза массаракш...» И тут коротко и яростно простучало рядом в стену, словно кто-то в упор бил из пулемета, в лицо ударила тугая ледяная струя, шлем сорвало прочь, и Гай скорчился, пряча голову от рева и встречного ветра. «Конец», — думал он. «В нас стреляют», — думал он. «Сейчас нас собьют, и мы сгорим», — думал он... Однако ничего не происходило. Бомбовоз встряхнуло еще несколько раз, несколько раз он провалился в какие-то ямы и снова вынырнул, а потом рев двигателей вдруг смолк, и наступила жуткая тишина, наполненная свистящим воем ветра, рвущегося сквозь пробоины.

Гай подождал немного, затем осторожно поднял голову, стараясь не подставлять лицо ледяным струям. Максим был тут. Он сидел в напряженной позе, держась за рычаг обеими руками, и поглядывал то на приборы, то вперед. Мышцы под коричневой кожей вздулись. Бомбовоз летел как-то странно — неестественно задрав носовую часть. Моторы не работали. Гай оглянулся на крыло и обмер.

Крыло горело.

— Пожар! — заорал он и попытался вскочить. Ремни не пустили.

— Сиди спокойно, — сказал Максим сквозь зубы, не оборачиваясь.

Гай взял себя в руки и стал глядеть вперед. Бомбовоз летел совсем низко. От мелькания черных и зеленых пятен рябило в глазах. А впереди поднималась уже блестящая, стального цвета поверхность моря. «Разобьемся к чертям, — подумал Гай с замиранием сердца. — Проклятый принц-герцог со своим проклятым бомбовозом, массаракш, тоже мне — обломок империи, шли бы себе спокойненько пешком и горя бы не знали, а сейчас вот сгорим, а если не сгорим, так разобьемся, а если не разобьемся, так потонем... Максиму что — он воскреснет, а мне — конец... Не хочу».

— Не дергайся, — сказал Максим. — Держись крепче... Сейчас...

Лес внизу вдруг кончился. Гай увидел впереди несущуюся прямо на него волнистую серо-стальную поверхность и закрыл глаза...

Удар. Хруст. Ужасающее шипение. Опять удар. И еще удар. Все летит к черту, все погибло, конец всему... Гай вопит от ужаса. Какая-то огромная сила хватает его и пытается вырвать с корнем из кресла вместе с ремнями, вместе со всеми потрохами, разочарованно швыряет обратно, вокруг все трещит и ломается, разит гарью и брызгается тепловатой водой. Потом все затихает. В тишине слышится плеск и журчание. Что-то

шипит и потрескивает, пол начинает медленно колыхаться. Кажется, можно открыть глаза и посмотреть, как там, на том свете...

Гай открыл глаза и увидел Максима, который, нависнув над ним, расстегивал ему ремни.

— Плавать умеешь?

«Ага, значит, мы живы».

— Умею, — ответил Гай.

— Тогда пошли.

Гай осторожно поднялся, ожидая острой боли в избитом и переломанном теле, однако тело оказалось в порядке. Бомбовоз тихонько покачивался на мелкой волне. Левого крыла у него не было, правое еще болталось на какой-то дырчатой металлической полосе. Прямо по носу был берег — очевидно, бомбовоз круто развернуло при посадке.

Максим подобрал автомат, забросил за спину и распахнул дверцу. В кабину сейчас же хлынула вода, отчаянно завоняло бензином, пол под ногами начал медленно крениться.

— Вперед! — скомандовал Максим, и Гай, протиснувшись мимо него, послушно бухнулся в волны.

Он погрузился с головой, вынырнул, отплевываясь, и поплыл к берегу. Берег был близко, твердый берег, по которому можно ходить и на который можно падать без опасности для жизни. Максим, бесшумно разрезая воду, плыл рядом. Массаракш, он и плавает-то как рыба, словно в воде родился... Гай, отдуваясь, изо всех сил работал руками и ногами. Плыть в комбинезоне и в сапогах было очень тяжело, и он обрадовался, когда задел ногой песчаное дно. До берега было еще порядочно, но он встал и пошел, разгребая перед собой грязную, залитую масляными пятнами воду. Максим продолжал плыть, обогнал его и первым вышел на пологий песчаный берег. Когда Гай, пошатываясь, подошел к нему, он стоял, расставив ноги, и смотрел на небо. Гай тоже посмотрел на небо. Там расплывалось множество черных клякс.

— Повезло нам, — проговорил Максим. — Штук десять выпущено было.

— Кого? — спросил Гай, похлопывая себя по уху, чтобы вытряхнуть воду.

— Ракет... Я совсем забыл про них... Сколько лет они ждали, пока мы пролетим, — дождались... И как только я не догадался!

Гай недовольно подумал, что он бы тоже мог догадаться об этом, а вот не догадался. А мог бы еще два часа назад сказать: как же, мол, мы полетим, Мак, если в лесу полно шахт с ракетами? Нет, принц-герцог, спасибо, конечно, но лучше летали бы вы на своем бомбовозе сами... Он оглянулся на море. «Горный Орел» почти совсем затонул, изломанный этажерчатый хвост его жалко торчал из воды.

— Ну ладно, — сказал Гай. — Как я понимаю, до Островной Империи нам теперь не добраться. Что делать будем?

— Прежде всего, — ответил Максим, — примем лекарство. Доставай.

— Зачем? — спросил Гай. Он очень не любил принцевы таблетки.

— Очень грязная вода, — сказал Максим. — У меня вся кожа горит. Давай-ка сразу таблетки по четыре, а то и по пять.

Гай поспешно достал одну из ампул, отсыпал на ладонь десяток желтых шариков, и они съели эту порцию пополам.

— А теперь пошли, — сказал Максим. — Возьми свой автомат.

Гай взял автомат, сплюнул едкую горечь, скопившуюся во рту, и, увязая в песке, двинулся следом за Максимом вдоль берега. Было жарко, комбинезон быстро подсох, только в сапогах еще хлюпало. Максим шел быстро и уверенно, как будто точно знал, куда нужно идти, хотя вокруг ничего не было видно, кроме моря слева и обширного пляжа впереди и справа, а также высоких дюн в километре от воды, за которыми время от времени появлялись растрепанные верхушки лесных деревьев.

Они прошли километра три, и Гай все время думал, куда же они идут и где вообще находятся. Спрашивать он не хотел, хотел сообразить сам, но, припомнив все

обстоятельства, сообразил только, что где-то впереди должно быть устье Голубой Змеи, а идут они на север — непонятно куда и непонятно зачем... Соображать ему скоро надоело. Придерживая оружие, он трусцой нагнал Мака и спросил напрямик, какие у них теперь, собственно, планы.

Максим охотно ответил, что планов определенных у них с Гаем теперь нет и остается полагаться на случайности. Остается им надеяться, что какая-нибудь белая субмарина подойдет к берегу, и они подоспеют к ней раньше, чем легионеры. Однако поскольку ждать такого случая посреди сухих песков — удовольствие сомнительное, надо попытаться дойти до Курорта, который должен быть здесь где-то недалеко. Сам город, конечно, давно разрушен, но источники там почти наверняка сохранились, и вообще будет крыша над головой. Переночуем в городе, а там посмотрим. Возможно, им придется провести на побережье не один десяток дней.

Гай осторожно заметил, что план этот представляется ему каким-то странным, и Мак тут же согласился с этим и с надеждой в голосе спросил Гая, нет ли у того в запасе какого-нибудь другого плана, поумнее. Гай сказал, что, к сожалению, никакого другого плана у него нет, но что надобно помнить о жандармских танковых патрулях, которые, насколько ему известно, забираются вдоль побережья на юг очень далеко. Максим нахмурился и сказал, что это плохо, что надо держать ухо востро и не дать застать себя врасплох, после чего некоторое время с пристрастием расспрашивал Гая о тактике патрулей. Узнав, что танки патрулируют не столько берег, сколько море, и что от них можно легко спрятаться, залегши в дюнах, он успокоился и принялся насвистывать незнакомый марш.

Под этот марш они протопали еще километра два, а Гай все думал, как же им вести себя, если патруль их все-таки заметит, и, придумав, изложил свои соображения Максиму.

— Если нас обнаружат, — сказал он, — наврем, будто меня похитили выродки, а ты за ними погнался и отбил меня; блуждали мы с тобой, блуждали по лесу и вот сегодня вышли сюда...

— А что нам это даст? — спросил Максим без особого энтузиазма.

— А то нам это даст, — сказал Гай, рассердившись, — что нас, по крайней мере, не шлепнут сразу же на месте.

— Ну уж нет, — твердо сказал Максим. — Шлепать я себя больше не дам, да и тебя тоже...

— А если танк? — с восхищением спросил Гай.

— А что танк? — сказал Максим. — Подумаешь, танк...

Он помолчал некоторое время, а потом вдруг задумчиво сказал:

— А знаешь, неплохо бы нам захватить танк.

Гай увидел, что мысль эта очень ему по душе.

— Отличная у тебя идея, Гай, — сказал Максим. — Так мы и сделаем. Захватим танк. Как только они появятся, ты сейчас же пальни в воздух из автомата, а я заложу руки за спину, и ты ведешь меня под конвоем прямо к ним. А там уж моя забота. Но смотри держись в сторонке, не попадись под руку и, главное, больше не стреляй...

Гай загорелся и тут же предложил идти по дюнам, чтобы их было видно издали. Так и сделали. Поднялись на дюны.

И сразу увидели белую субмарину.

За дюнами открывалась небольшая мелководная бухта, и субмарина возвышалась над водой в сотне метров от берега. Собственно, она совсем не была похожа на субмарину и тем более на белую. Гай решил сначала, что это не то туша какого-то исполинского двугорбого животного, не то причудливой формы скала, невесть зачем вставшая из песков. Но Максим сразу понял, что это. Он даже предположил, что субмарина заброшена, что стоит она здесь уже несколько лет и что ее засосало в песках.

Так и оказалось. Когда они добрались до бухты и спустились к воде, Гай увидел, что длинный корпус и обе надстройки покрыты ржавыми пятнами, белая краска облупилась,

артиллерийская площадка свернута набок и пушка смотрит в воду. В обшивке зияли черные дыры с закопченными краями, — ничего живого там, конечно, остаться не могло.

— А это точно белая субмарина? — спросил Максим. — Ты видел их раньше?

— По-моему, она, — ответил Гай. — На побережье я никогда не служил, но нам показывали фотографии, ментограммы... описывали... Даже ментофильм был — «Танки в береговой обороне»... Это она. Надо понимать, вынесло штормом в бухту, села она на мель, а тут подоспел патруль... Видишь, как ее расковыряли? Просто не обшивка, а решето...

— Да, похоже... — пробормотал Максим, вглядываясь. — Пойдем посмотрим?

Гай замялся.

— Вообще-то, конечно, можно, — проговорил он неуверенно.

— А что такое?

— Да как тебе сказать...

Действительно, как ему сказать? Вот капрал Серембеш, бывалый вояка, рассказывал как-то в темной после отхода ко сну казарме, будто на белых субмаринах ходят не обыкновенные моряки — мертвые моряки на них ходят, служат свой второй срок, а некоторые — из трусов, кто погиб в страхе, те дослуживают... Морские демоны шарят по дну моря, ловят утопленников и комплектуют из них экипажи... Такое ведь Маку не расскажешь — засмеет, а смеяться здесь, пожалуй, нечего... Или, например, действительный рядовой Лепту, разжалованный из офицеров, напившись, говорил просто: «Все это, ребята, чепуха — выродки ваши, мутанты всякие, радиация, — это все пережить можно и одолеть можно, а главное, ребята, молитесь богу, чтобы не занес он вас на белую субмарину; лучше, ребята, сразу потонуть, чем хоть рукой ее коснуться, я-то знаю...» Совершенно неизвестно было, почему Лепту разжаловали, но служил он прежде на побережье и командовал сторожевым катером...

— Понимаешь, — сказал Гай проникновенно, — есть всякие суеверия, легенды всякие... Я тебе о них рассказывать не буду, но вот ротмистр Чачу говорил, что все эти субмарины заразные и что запрещается подниматься на борт... приказ даже такой есть, говорят, мол, подбитые субмарины...

— Ладно, — сказал Максим. — Ты здесь постой, а я пойду. Посмотрим, какая там зараза.

Гай не успел и слова сказать, только рот раскрыл, а Максим уже прыгнул в воду, нырнул и долго не показывался; у Гая даже дух захватило его ждать, когда черноволосая голова появилась у облупленного борта точно под пробоиной. Ловко и без усилий, как муха по стене, коричневая фигура вскарабкалась на покосившуюся палубу, взлетела на носовую надстройку и исчезла. Гай судорожно вздохнул, потоптался на месте и прошелся вдоль воды назад и вперед, не сводя глаз с мертвого ржавого чудища.

Было тихо, даже волны не шуршали в этой мертвой бухте. Пустое белое небо, безжизненные белые дюны, все сухое, горячее, застывшее. Гай с ненавистью посмотрел на ржавый остров. «Надо же, невезенье какое: другие годами служат и никаких субмарин не видят, а тут на тебе, свалились с неба, часок прошагали, и вот она, добро пожаловать... И как это я на такое дело решился?.. Это все Максим... У него на словах все так ладно получается, что вроде бы и думать не о чем, и бояться нечего... А может быть, я не боялся потому, что представлял себе белую субмарину живой, белой, нарядной, на палубе моряки, все в белом... А здесь труп железный... И место-то какое мертвое, даже ветра нет... А ведь был ветер, точно помню: пока шли, дул ветер в лицо, освежающий такой ветерок...» Гай с тоской огляделся по сторонам, потом сел на песок, положил рядом автомат и стал нерешительно стаскивать правый сапог. «Надо же, тишина какая!.. А если он совсем не вернется? Проглотила его эта падаля железная, и духа от него не осталось... Тьфу-тьфу-тьфу...»

Он вздрогнул и уронил сапог: длинный жуткий звук возник над бухтой, то ли вой, то ли визг, словно черти проскребли по грешной душе ржавым ножом. О господи, да это же

просто люк открылся железный, приржавел люк... «Тьфу ты, в самом деле, даже в пот бросило! Открыл люк, значит, вылезет сейчас... Нет, не вылезает...»

Несколько минут Гай, вытянув шею, глядел на субмарину, прислушивался. Тишина. Прежняя страшная тишина, и даже еще страшнее после этого ржавого воя... А может быть, он, это... не открылся люк, а закрылся? Сам закрылся... Перед помертвелыми глазами Гая возникло видение: тяжелая стальная дверь сама собой закрывается за Максимом, и сам собой медленно задвигается тяжелый засов... Гай облизал пересохшие губы, глотнул без слюны, потом крикнул: «Эй, Мак!» Не получилось крика... так, шипение только... Господи, хоть бы звук какой-нибудь! «Эге-гей!» — завопил он в отчаянии. «Э-эи...» — мрачно откликнулись дюны, и снова стало тихо.

Тишина. И кричать больше сил не было...

Не спуская глаз с субмарины, Гай нашарил автомат, трясущимися пальцами сдвинул предохранитель и, не целясь, выпустил в бухту очередь. Протрещало коротко, бессильно и словно бы в вату. На гладкой воде взлетели фонтанчики, разошлись круги. Гай поднял ствол повыше и снова нажал спусковой крючок. На этот раз звук получился: пули загрохотали по металлу, взвизгнули рикошеты, ударило эхо. И — ничего. Ничегошеньки. Ни звука больше, словно он здесь один, словно он и был всегда один. Словно попал он сюда неизвестно как, занесло, как в бредовом сне, в это мертвое место, только не проснуться и не очнуться. И теперь оставаться ему здесь одному навсегда.

Не помня себя Гай, как был, в одном сапоге, вошел в воду, сначала медленно, потом все быстрее, потом побежал, высоко задирая ноги, по пояс в воде, всхлипывая и ругаясь вслух. Ржавая громадина надвигалась. Гай то брел, разгребая воду, то бросался вплавь, добрался до борта, попытался вскарабкаться — ничего не получилось; обогнул субмарину с кормы, уцепился за какие-то тросы, вскарабкался, обдирая руки и колени, на палубу и остановился, заливаясь слезами. Ему было совершенно ясно, что он погиб. «Э-эй!» — крикнул он перехваченным голосом.

Тишина.

Палуба была пуста, на дырчатом железе налипли сухие водоросли, словно обросло железо свалявшимися волосами. Носовая надстройка огромным пятнистым грибом нависала над головой, сбоку в броне зиял широкий рваный шрам. Грохоча сапогом по железу, Гай обогнул надстройку и увидел железные скобы, ведущие вверх, еще влажные, забросил автомат за спину, полез. Лез долго, целую вечность, в душной тишине, навстречу неминуемой смерти, навстречу вечной смерти, вскарабкался и замер, стоя на четвереньках. Чудовище уже ждало его, люк был настезь, словно бы сто лет не закрывался, и даже петли снова приржавели, — прошу, мол. Гай подполз к черному отверстому зеву, заглянул... Голова у него закружилась, сделалось тошно. Из железной глотки плотной массой выпирала тишина, годы и годы застоявшейся, перепревшей тишины. И Гай вдруг представил себе, как там, в желтом сгнившем свете, задавленный тоннами этой тишины, насмерть бьется один против всех добрый друг Мак, бьется из последних сил и зовет: «Гай! Гай!», а тишина, ухмыляясь, лениво сглатывает эти крики без остатка и все наваливается, подминает Мака под себя, душит, давит. Это было невозможно перенести, и Гай полез в люк.

Он плакал и торопился, сорвался в конце концов и загремел вниз, пролетел несколько метров и упал на песок. Здесь был железный коридор, тускло освещенный редкими пыльными лампочками, на полу под шахтой за годы и годы нанесло тонкого песка. Гай вскочил — он все еще торопился, он все еще очень боялся опоздать — и побежал куда глаза глядят с криком:

— Я здесь, Мак!.. Я иду... Иду...

— Что ты кричишь? — недовольно спросил Максим, высовываясь словно бы из стены. — Что случилось? Палец порезал?

Гай остановился и уронил руки. Он был близок к обмороку; пришлось опереться о переборку. Сердце колотилось бешено, удары его гремели в ушах, как барабанный бой,

голос не слушался. Максим некоторое время смотрел на него с удивлением, потом, должно быть, понял, протиснулся в коридор — дверь отсека снова пронзительно завизжала — и подошел к нему, взял за плечи, встряхнул, потом прижал к себе, обнял, и несколько секунд Гай в блаженном забытии лежал лицом на его груди, постепенно приходя в себя.

— Я думал... тебя здесь... что ты тут... что тебя...

— Ничего, ничего, — сказал Максим ласково. — Это я виноват, надо было тебя сразу позвать. Но тут странные вещи, понимаешь.

Гай отстранился, вытер мокрым рукавом нос, потом вытер мокрой ладонью лицо и только теперь ощутил стыд.

— Тебя нет и нет, — сказал он сердито, пряча глаза. — Я зову, я стреляю... Неужели трудно было отозваться?

— Массаракш, я ничего не слышал, — виновато сказал Максим. — Понимаешь, здесь великолепный радиоприемник... Я и не знал, что у вас умеют делать такие мощные...

— «Приемник, приемник»... — ворчал Гай, протискиваясь сквозь полуоткрытую дверь. — Ты тут развлекаешься, а человек из-за тебя чуть не свихнулся... Что это у них здесь?

Это было довольно обширное помещение с истлевшим ковром на полу, с тремя полукруглыми плафонами в потолке, из которых горел только один. Посередине стоял круглый стол, вокруг стола — кресла. На стенах висели какие-то странные фотографии в рамках, картины, лохмотьями свисали остатки бархатной обивки. В углу потрескивал и завывал большой радиоприемник — Гай таких никогда не видел.

— Тут что-то вроде кают-компаний, — сказал Максим. — Ты походи, посмотри, тут есть на что посмотреть.

— А экипаж? — спросил Гай.

— Никого нет. Ни живых, ни мертвых. Нижние отсеки залиты водой. По-моему, они все там...

Гай с удивлением посмотрел на него. Максим отвернулся, лицо у него было озабоченное.

— Должен тебе сказать, — проговорил он, — это, кажется, хорошо, что мы до Империи не долетели. Ты посмотри, посмотри...

Он подсел к приемнику и принялся крутить верньеры, а Гай огляделся, не зная, с чего начать, потом подошел к стене и стал смотреть развешанные фотографии. Некоторое время он никак не мог понять, что это за снимки. Потом сообразил: рентгенограммы. На него смотрели смутные, все, как один, оскаленные черепа. На каждом снимке была неразборчивая надпись, словно кто-то ставил автографы. Члены экипажа? Знаменитости какие-нибудь?.. Гай пожал плечами. Дядюшка Каан, может быть, что-нибудь и разобрал бы здесь, а мы — люди простые...

В дальнем углу он увидел большой красочный плакат, красивый плакат, в три краски... Правда, плесенью тронулся... На плакате было синее море, из моря выходил, наступив одной ногой на черный берег, оранжевый красавец в незнакомой форме, очень мускулистый и с непропорционально маленькой головой, состоящей наполовину из мощной шеи. В одной руке богатырь сжимал свиток с непонятной надписью, а другой — вонзал в сушу пылающий факел. От пламени факела занимался пожаром какой-то город, в огне корчились гнусного вида уродцы, и еще дюжина уродцев окарачь разбежалась в стороны. В верхней части плаката было что-то написано большими хвостатыми буквами. Буквы были знакомые, но слова из них складывались совершенно произносимые.

Чем дальше Гай смотрел на плакат, тем меньше плакат ему нравился. Он почему-то вспомнил плакат в казарме: там изображался черный орел-легионер (тоже с очень маленькой головой и могучими мышцами), смело отстригающий гигантскими ножницами голову гнусному бородавчатому змею, высунувшемуся из моря. На лезвиях ножниц было, помнится, написано: на одном — «Боевой», на другом — «Легион». «Ага... — сказал про

себя Гай, в последний раз бросая взгляд на плакат. — Это мы еще посмотрим... Посмотрим мы еще, кто кого прижмет, массаракш!»

Он отвернулся от плаката, сделал несколько шагов в сторону и остолбенел.

С изящной лакированной полки глядело на него стеклянными глазами знакомое лицо, квадратное, с русой челкой над бровями, с приметным шрамом на правой щеке... Ротмистр Пудураш. Огненосный герой, командир роты в Бригаде Мертвых-но-Незабвенных, потопитель одиннадцати белых субмарин, погибший в неравном бою. Его бюст, увенчанный букетом бессмертника, красовался на каждом плацу, а голова его, ссохшаяся, с желтой, мертвой кожей, была почему-то здесь. Гай отступил. Да, это самая настоящая голова. А вон еще голова — незнакомое острое лицо... И еще голова... И еще... Сколько их здесь!

— Мак! — сказал Гай. — Ты видел?

— Да, — сказал Максим.

— Это головы! — сказал Гай. — Настоящие головы...

— Посмотри альбомы на столе, — сказал Максим.

Гай с трудом оторвал взгляд от жуткой коллекции, повернулся и нерешительно подошел к столу. Приемник что-то кричал на незнакомом языке, раздавалась музыка, тархтели разряды, и снова кто-то говорил — вкрадчиво, бархатным, значительным голосом: «Истребление, полное и окончательное истребление...»

Гай наугад взял один из альбомов и откинул твердую, оклеенную кожей обложку. Портрет. Странное длинное лицо с пушистыми бакенбардами, свисающими со щек на плечи, волосы надо лбом выбриты, нос крючком, разрез ноздрей непривычный. Неприятное лицо, невозможно представить его себе улыбающимся. Незнакомый мундир, какие-то значки или медали в два ряда... Ну и тип... Наверное, какая-нибудь шишка. Гай перекинул страницу. Тот же тип в компании с другими типами на мостике белой субмарины, по-прежнему угрюмый, хотя остальные скалят зубы. На заднем плане, не в фокусе, — что-то вроде набережной, какие-то незнакомые постройки, мутные силуэты диковинных деревьев... Следующая страница. У Гая захватило дух: горящий «дракон» со свернутой набок башней; из открытого люка свисает тело легионера-танкиста, и еще два тела, одно на другом, в сторонке, а над ними, расставив ноги, все тот же тип с пистолетом в опущенной руке, в шапке, похожей на артиллерийскую гильзу. Дым от «дракона» густой, черный, но места знакомые — этот самый берег, песчаный пляж и дюны позади... Гай весь напрягся, переворачивая страницу, и не зря. Толпа мутантов, человек двадцать, все голые, целая куча уродов, стянутых одной веревкой. Несколько деловитых пиратов в колпаках, с дымящимися факелами, а сбоку опять этот тип — что-то, видимо, приказывает, протянув правую руку, а левая рука лежит на рукоятке кортика. До чего же жуткие эти уроды, смотреть страшно... Но дальше пошло еще страшнее.

Та же куча мутантов, но уже сгоревшая. Тип — поодаль, нюхает цветочек, беседует с другим типом, повернувшись к трупам спиной...

Огромное дерево в лесу, сплошь увешанное телами. Висят кто за руки, кто за ноги, и уже не уроды — на одном клетчатый комбинезон воспитуемого, на другом — черная куртка легионера.

Старик, привязанный к столбу. Лицо искажено, кричит, зажмурился. Тип тут как тут — с озабоченным видом проверяет медицинский шприц...

Потом опять повешенные, горящие, сгоревшие мутанты, воспитуемые, легионеры, рыбаки, крестьяне, мужчины, женщины, старики, детишки... Панорамный снимок: линия пляжа, на дюнах — четыре машины, все горят, на переднем плане две черные фигурки с поднятыми руками... Хватит. Гай захлопнул и отшвырнул альбом, посидел несколько секунд, потом с проклятием сбросил все альбомы на пол, вскочил и обежал вокруг стола.

— Это ты с ними хочешь договариваться?! — заорал он Максиму в спину. — Хочешь их привести к нам?! Этого палача?! — Он подскочил к альбوماм и пнул их ногой.

Максим выключил приемник.

— Не бесись, — сказал он. — Ничего я уже больше не хочу. И нечего на меня орать, если вы виноваты, проспали свой мир, массаракш, оскотинели, как последнее зверье! Что теперь с вами делать? — Он вдруг оказался возле Гая, схватил его за грудь. — Что мне теперь делать с вами? — гаркнул он. — Что? Что? Не знаешь? Ну, говори!

Гай молча ворочал шеей, слабо отпихиваясь. Максим отпустил его.

— Сам знаю, — сказал он угрюмо. — Никого нельзя приводить. Кругом зверье... На них самих насыпать нужно... — Он подхватил с пола один из альбомов и стал рывками переворачивать листы. — Какой мир загадили! — говорил он. — Какой мир! Ты посмотри, какой мир!..

Гай глядел ему через руку. В этом альбоме не было никаких ужасов, просто пейзажи разных мест, удивительной красоты и четкости цветные фотографии — синие бухты, окаймленные пышной зеленью, ослепительной белизны города над морем, водопад в горном ущелье, какая-то великолепная автострада и поток разноцветных автомобилей на ней, и какие-то древние замки, и снежные вершины над облаками, и кто-то весело мчится по снежному склону горы на лыжах, и смеющиеся девушки играют в морском прибое.

— Где это все теперь? — говорил Максим. — Куда вы все это девали? Разменяли на железо? Эх вы... человечки... — Он бросил альбом на стол. — Пошли.

Он с яростью навалился на дверь, со скрежетом и визгом распахнул ее настежь и зашагал по коридору. На палубе он спросил:

— Есть хочешь?

— Угу... — ответил Гай.

— Ладно, — сказал Максим. — Сейчас будем есть. Поплыли.

Гай выбрался на берег первым, сразу же снял сапог, разделся и разложил одежду на просушку. Максим все еще плавал, и Гай не без тревоги следил за ним: очень уж глубоко нырял друг Мак и очень уж подолгу оставался под водой. Нельзя так, опасно так, как ему воздуху хватает?.. Наконец Максим все-таки вышел, волоча за жабры огромную мощную рыбину. У рыбины был обалделый вид, никак она понять не могла, как же это ее словили голыми руками. Максим отшвырнул ее подальше от воды и сказал:

— По-моему, эта годится. Почти неактивна. Тоже, наверное, мутант. Прими таблетки, а я ее сейчас приготовлю. Ее можно сырой есть, я тебя научу, — сасими называется. Не ел? Давай нож...

Гай подал ему нож, и Максим ловко и быстро разделал рыбину.

Потом, когда они наелись сасими — ничего не скажешь, оказалось вполне съедобно, — и улеглись нагишом на горячем песке, Максим после долгого молчания спросил:

— Если бы мы попали в руки патрулей, сдались бы, куда бы они нас отправили?

— Как — куда? Тебя — по месту отбывания, меня — по месту службы... А что?

— Это точно?

— Куда же точнее... Инструкция самого генерал-коменданта. А почему ты спрашиваешь?

— Сейчас пойдем искать легионеров, — сказал Максим.

— Танк захватывать?

— Нет. По твоей легенде. Ты похищен выродками, а каторжник тебя спас.

— Сдаваться? — Гай сел. — Как же так?.. И мне тоже? Обратное под излучение?

Максим молчал.

— Я же опять болванчиком заделаюсь... — беспомощно сказал Гай.

— Нет, — сказал Максим. — То есть да, конечно... но это уже будет не так, как прежде... Ты, конечно, будешь немножко болванчиком, но ведь теперь ты будешь верить уже в другое, в правильное... Это, конечно, тоже... Но все-таки лучше, много лучше...

— Да зачем? — с отчаянием закричал Гай. — Зачем это тебе нужно?

Максим провел ладонью по лицу.

— Видишь ли, Гай, дружище, — сказал он, — началась война. То ли мы напали на хонтийцев, то ли они на нас... одним словом, война...

Гай с ужасом смотрел на него. Война... Рада... Господи, да зачем это все? Опять все сначала...

— Нам нужно быть там, — продолжал Максим. — Мобилизация уже объявлена, всех зовут в ряды, даже нашего брата каторжника амнистируют — и в ряды... и нам надо быть вместе, Гай. Хорошо бы мне попасть к тебе под начало...

Гай почти не слушал его. Вцепившись пальцами в волосы, он раскачивался из стороны в сторону и твердил про себя: «Зачем, зачем, будьте вы прокляты!.. Будьте вы тридцать три раза прокляты!..»

Максим тряхнул его за плечо.

— А ну-ка возьми себя в руки! — сказал он жестко. — Не разваливайся. Нам сейчас драться придется, разваливаться некогда... — Он встал и снова потер лицо. — Правда, с вашими окаянными башнями... Массаракш, никакие башни им не помогут... Одевайся скорее, и пойдём. Нам надо торопиться.

— Поторапливайтесь, Фанк, поторапливайтесь! Я опаздываю.

— Слушаюсь. Рада Гаал... Она изъята из ведения господина государственного прокурора и находится в наших руках.

— Где?

— У нас, в особняке «Хрустальный лебедь». Считаю своим долгом еще раз выразить сомнение в разумности этой акции. Вряд ли такая женщина может помочь нам управиться с Маком. Таких легко забывают, и даже если Мак...

— Вы считаете, что Умник глупее вас?

— Нет, но...

— Умник знает, кто выкрал женщину?

— Боюсь, что да.

— Ладно, пусть знает... С этим, пожалуй, все. Дальше что?

— Сенди Чичаку встречался с Дергунчиком. Дергунчик, по-видимому, согласился свести его с Графом при условии...

— Стоп. Какой Чичаку? Лобастый Чик?

— Да.

— Дела подполья меня сейчас не интересуют. По делу Мака у вас все? Тогда слушайте. Эта чертова война спутала все планы. Я уезжаю и вернусь дней через тридцать — сорок. За это время, Фанк, вы должны закончить дело Мака. К моему приезду Мак должен быть здесь, в этом доме. Дайте ему должность, пусть работает, свободы его не стесняйте, но дайте ему понять — очень, очень мягко! — что от его поведения зависит судьба Рады... Ни в коем случае не давайте им встречаться... Покажите ему институт, расскажите, над чем мы работаем... в разумных пределах, конечно. Расскажите обо мне, опишите меня как умного, доброго, справедливого человека, крупного ученого. Дайте ему мои статьи... кроме совершенно секретных. Намекните, что я в оппозиции к правительству. У него не должно быть ни малейшего желания покинуть институт. У меня всё. Вопросы есть?

— Да. Охрана?

— Никакой. Это бессмысленно.

— Слежка?

— Очень осторожная... А лучше не надо. Не спугните его. Главное — чтобы он не захотел покинуть институт... Массаракш, и в такое время я должен уезжать!.. Ну, теперь все?

— Последний вопрос, извините, Странник.

— Да?

— Кто он все-таки такой? Зачем он вам?

Странник поднялся, подошел к окну и сказал, не оборачиваясь:

— Я боюсь его, Фанк. Это очень, очень, очень опасный человек.

Глава семнадцатая

В двухстах километрах от хонтийской границы, когда эшелон надолго застрял на запасных путях возле какой-то тусклой, замызганной станции, новоиспеченный рядовой второго разряда Зеф, договорившись по-хорошему с охранником, сбегал к колонке за кипятком и вернулся с портативным приемником. Он сообщил, что на станции творится совершенный бедлам, грузятся сразу две бригады, генералы перелаялись между собой, зазевались, и он, Зеф, смешавшись с окружавшей их толпой ординарцев, денщиков, адъютантов, позаимствовал этот приемник у одного из них.

Теплушка встретила это сообщение смачным одобрительным ржанием. Все сорок человек немедленно сгрудились вокруг Зефа. Долгое время не могли устроиться, кому-то дали по зубам, чтобы не пихался, ругались и жаловались друг на друга, пока Максим наконец не гаркнул: «Тихо, подонки!» Тогда все успокоились. Зеф включил приемник и принялся ловить все станции подряд.

Сразу выяснились любопытные вещи. Во-первых, оказалось, что война еще не началась. Никаких кровопролитных сражений не было. Хонтийская Боевая Лига в ужасе орала на весь мир о том, что эти бандиты, эти узурпаторы, эти так называемые Огненосные Творцы воспользовались гнусной провокацией своих наймитов в лице так называемой и пресловутой Хонтийской Унии Справедливости и теперь сосредотачивают свои силы на границах многострадальной Хонти. В свою очередь, Хонтийская Уния костила Хонтийскую Лигу, этих платных агентов Огненосных Творцов, последними словами и обстоятельно рассказывала, как кто-то превосходными силами вытеснил чьи-то истощенные предшествующими боями подразделения через границу и не дает им возможности вернуться обратно, каковое обстоятельство и послужило предлогом для так называемых Огненосных Творцов к варварскому вторжению, которого следует ожидать с минуты на минуту. И Лига, и Уния при этом почти в одинаковых выражениях туманно намекали на какие-то атомные ловушки, готовые к встрече коварного врага.

Кроме того, Зеф поймал какие-то передачи на языках, известных только ему, и сообщил, что княжество Ондол, оказывается, еще существует и, более того, продолжает совершать разбойничьи налеты на остров Хаззалг. (Ни один человек в вагоне, кроме Зефа, никогда прежде не слышал ни об этом княжестве, ни о таком острове.) Однако главным образом эфир был забит невообразимой руганью между командирами частей и соединений, которые тужились протиснуться к Главному Плацдарму по двум расхлябанным железнодорожным ниточкам.

Уголовники считали, что главное — перейти границу, а там каждый человек будет сам себе хозяин и каждый захваченный город будут отдавать на три дня. Политические смотрели на положение более мрачно, не ждали от будущего ничего хорошего и прямо заявляли, что посылают их на убой, подрывать собой атомные мины, никто из них живой не останется, так что хорошо бы добраться до фронта и там где-нибудь залечь, чтобы не нашли. Точки зрения спорящих были настолько противоположны, что настоящего разговора не получилось, и диспут очень скоро выродился в однообразную ругань по адресу паршивых тыловигов, которые вторые сутки не дают жрать и уже, поди, успели разворовать весь положенный шнапс. Об этом предмете штрафники готовы были говорить ночь напролет, поэтому Максим и Зеф выбрались из толпы и полезли на нары, криво сбитые из неструганных досок.

Зеф был голоден и зол, он наладился было поспать, но Максим ему не дал. «Спать будешь потом, — строго сказал он. — Завтра, может быть, будем на фронте, а до сих пор ни о чем толком не договорились...» Зеф проворчал, что договариваться не о чем, что утро вечера мудренее, что Максим сам не слепой и должен видеть, в какой они оказались трясине, что с этими людишками каши не сварить. Максим возразил, что речь пока идет не о каше. До сих пор непонятно, зачем эта война, кому она понадобилась, и пусть Зеф будет любезен не спать, когда с ним разговаривают, а поделится своими соображениями.

Зеф, однако, не собирался быть любезным и не скрывал этого. Он ворчал, зевал, перематывал портянки, обзывался, но, понукаемый, взбадриваемый и подхлестываемый, в конце концов разговорился и изложил свои представления о причинах войны.

Таких возможных причин было, по его мнению, по крайней мере, три. Может быть, они действовали все разом, а может быть, преобладала какая-нибудь одна. А может быть, существовала четвертая, которая ему, Зефу, пока еще не пришла в голову. Прежде всего экономика. Каждому ясно: когда экономика в паршивом состоянии, лучше всего затеять войну, чтобы сразу всем заткнуть глотки. Вепрь, зубы съевший в вопросе влияния экономики на политику, предсказывал эту войну еще несколько лет назад. Башни башнями, а нищета нищетой. Внушать голодному человеку, что он сыт, долго нельзя, не выдерживает психика, а править сумасшедшим народом — удовольствие маленькое, особенно если учесть, что умалишенные излучению не поддаются... Другая возможная причина — колониальный вопрос. Рынки сбыта, дешевые рабы, сырье — все, во что могут вложить личные капиталы Огненосные Творцы. Наконец, нужно иметь в виду, что уже много лет идет грызня между Департаментом общественного здоровья и военными. Тут уж кто кого съест. Департамент общественного здоровья — организация жуткая и ненасытная, но, если военные действия пойдут хоть сколько-нибудь успешно, господа генералы возьмут эту организацию к ногтю. Правда, если из войны ничего путного не получится, к ногтю будут взяты господа генералы, и поэтому нельзя исключить возможность, что вся эта затея есть хитроумная провокация Департамента общественного здоровья. Между прочим, на то и похоже, судя по беспорядку, который везде творится, а также по тому, что уже неделю орем на весь мир, а военные действия, оказывается, еще и не начинались. А может быть, массаракш, и не начнутся...

Когда Зеф дошел до этого места, загремели и залязгали буфера, вагон содрогнулся, снаружи послышались крики, свистки, топот, и эшелон тронулся. Уголовники грянули песню: «И снова ни жратвы нам и ни шнапса...»

— Ладно, — сказал Максим. — Это у тебя получается вполне правдоподобно. Ну, а как тебе представляется ход войны, если она все-таки начнется? Что тогда произойдет?

Зеф агрессивно прорычал, что он не какой-нибудь генерал, и без всякого перехода стал рассказывать, как все это ему представляется. Оказалось, что за время короткой передышки между концом мировой и началом гражданской войны хонтийцы успели отгородиться от своего бывшего сюзерена мощной линией минно-атомных полей. Кроме того, у хонтийцев, несомненно, была атомная артиллерия, и у их политиканов хватило разума все эти богатства в гражданской войне не использовать, а приберечь для нас. Так что картина вторжения мыслится примерно следующим образом. На острие Главного Плацдарма выстроят три или четыре штрафные танковые бригады, подопрут их с тыла армейской корпусней, а за армейцами пустят заградотряды легионеров на тяжелых танках, оборудованных излучателями. Выродки вроде меня будут рваться вперед, спасаясь от лучевых ударов, армейщина будет рваться вперед в приступе лучевого энтузиазма, а уклонения от такой нормы, которые неизбежно возникнут, будут уничтожаться огнем жандармерии. Если хонтийцы не дураки, они откроют огонь из дальнобойных пушек по жандармским машинам, но они, надо думать, дураки, и займутся они, надо думать, взаимоистреблением — Лига в этой суматохе налетит на Унию, а Уния вцепится зубами в горло Лиге. Тем временем наши доблестные войска глубоко проникнут на территорию противника, и начнется самое интересное, чего мы, к сожалению, уже не увидим. Наш славный бронированный поток потеряет компактность и станет расплзаться по стране, неумолимо уходя из зоны действия излучателей. Если Максим не наврал про Гая, у оторвавшихся немедленно начнется лучевое похмелье, тем более сильное, что энергии на подстегивание во время прорыва легионеры жалеть не будут...

— Массаракш! — завопил Зеф. — Я так и вижу, как эти кретины выбираются из танков, ложатся на землю и просят их пристрелить. И добрые хонтийцы, не говоря уже о

хонтийских солдатах, озверевшие от всего этого безобразия, им, конечно, не откажут... Резня может случиться небывалая!

Поезд набирал скорость, вагон сильно покачивало. В дальнем углу уголовники резались в кости — играли на охранника; моталась под потолком лампа, на нижних нарах кто-то монотонно бубнил — должно быть, молился.

Табачный дым ел глаза.

— Я думаю, в генштабе это учитывают, — продолжал Зеф, — а потому никаких стремительных прорывов не будет. Будет вялая позиционная война, хонтийцы, при всей их глупости, сообразят когда-нибудь, в чем дело, и примутся охотиться за излучателями... В общем, не знаю я, что будет, — заключил он. — Я не знаю даже, дадут ли нам утром пожать. Боюсь, что опять не дадут: с какой стати?

Они помолчали. Потом Максим сказал:

— Ты уверен, что мы поступили правильно? Что наше место здесь?

— Приказ штаба, — пробурчал Зеф.

— Приказ приказом, — возразил Максим, — а у нас тоже есть головы на плечах. Может быть, правильнее было бы удрать вместе с Вепрем. Может быть, в столице мы были бы полезнее.

— Может быть, — сказал Зеф. — А может быть, и нет. Вепрь рассчитывает на атомные бомбежки... Многие башни будут разрушены, образуются свободные районы... А если бомбежек не будет? Никто ничего не знает, Мак. Я очень хорошо представляю себе, какой бедлам сейчас творится в штабе... — Он задумался, поглаживая бороду. — Вепрь вот плел нам насчет бомбежки, но, по-моему, он не для этого подался в столицу. Я его знаю, он до этих вождистов давно добирается... Так что очень возможно, что и у нас в штабе головы полетят...

— Значит, в штабе тоже бедлам, — медленно сказал Максим. — Тоже не готовы...

— Как они могут быть готовы? — возразил Зеф. — Одни мечтают уничтожить башни, другие — сохранить башни... Подполье — это тебе не политическая партия, это винегрет, салат с озерными грибочками...

— Да, салат... — повторил Максим. — Грустно. Я надеялся, что подполье все-таки намерено как-то использовать войну... трудности, возможную революционную ситуацию...

— Подполье ни черта не знает, — угрюмо сказал Зеф. — Откуда мы знаем, что это такое — война с излучателями за спиной?

— Грош вам цена, — сказал Максим, не удержавшись.

Зеф немедленно вскипел.

— Ну, ты! — гаркнул он. — Полегче! Кто ты такой, чтобы определять нам цену? Откуда ты явился, массаракш, что требуешь от нас того и этого? Боевое задание тебе? Изволь. Всё увидеть, выжить, вернуться, доложить. Тебе это кажется слишком легким? Прекрасно! Тем лучше для нас... И хватит. Отстань от меня, массаракш. Я хочу спать.

Он демонстративно повернулся к Максиму спиной и вдруг заорал игрокам в кости:

— Эй, там, гробокопатели! Спать! Пошли по нарам! Да поживее, а то схлопочете!..

Максим лег на спину, заложил руки за голову и стал смотреть в низкий вагонный потолок. По потолку что-то ползало. Тихо и злобно переругивались укладывающиеся спать гробокопатели. Сосед слева стонал и взвизгивал во сне, — он был обречен и спал, может быть, последний раз в жизни. И все они вокруг, всхрапывающие, сопящие, ворочающиеся, спали, наверное, последний раз в жизни. Мир был тускло-желт, душен, безнадежен. Стучали колеса, вопил паровоз, несло гарью в маленькое зарешеченное окошечко...

«Все сгнило здесь, — думал Максим. — Ни одного живого человека. Ни одной ясной головы. И опять я сел в галошу, потому что понадеялся на кого-то или на что-то. Ни на что здесь нельзя надеяться. Ни на кого здесь нельзя рассчитывать. Только на себя. А что я один? Уж настолько-то историю я знаю. Человек один не может ни черта... Может

быть, Колдун прав? Может быть, отстраниться? Спокойно и холодно, с высоты своего знания неминуемого будущего, взирать, как кипит, варится, плавится сырье, как поднимаются и падают наивные, неловкие, неумелые борцы, следить, как время выковывает из них булат и погружает этот булат для закалки в потоки кровавой грязи, как сыплется трупами окалина... Нет, не умею. Даже думать в таких категориях неприятно... Страшная штука, однако, — установившееся равновесие сил. Но ведь Колдун сказал, что я — тоже сила. И есть конкретный враг, значит, есть точка приложения для силы... Шлепнут меня здесь, — подумал он вдруг. — Обязательно. Но не завтра! — строго сказал он себе. — Это случится, когда я проявлю себя как сила, не раньше. Да и то — посмотрим... Центр, — подумал он. — Центр. Вот что нужно искать, вот на что нужно направить организацию. И я их направлю. Они у меня будут заниматься делом... Ты у меня будешь заниматься делом, приятель. Ишь как храпит. Храпи, храпи, завтра я тебя вытащу... Ладно, надо спать. И когда же мне удастся поспать по-человечески? В большой просторной комнате, на свежих простынях... Что у них здесь за обычай — спать по многу раз на одной простыне?... Да, на свежих простынях, а перед сном прочесть хорошую книгу, потом убрать стену в сад, выключить свет и заснуть... А утром позавтракать с отцом и рассказать ему про этот вагон... Маме об этом, конечно, рассказывать нельзя... Мама, ты имей в виду, я жив, все в порядке, и завтра со мной ничего не случится... А поезд все идет, давно не было остановок, очевидно, кто-то где-то сообразил, что без нас войны не начать... Как там Гай в своем капральском вагоне? Дико ему, наверное, сейчас: там у них энтузиазм... О Раде я давно не думал. Дай-ка я подумаю о Раде... Нет. Не время... Ладно, Максим, дружище, бедное пушечное мясо, спи». Он приказал себе и тут же заснул.

Во сне он видел Солнце, Луну, звезды. Все сразу, такой был странный сон.

Спать пришлось недолго. Поезд остановился, со скрежетом откатилась тяжелая дверь, и зычный голос рявкнул: «Четвертая рота! Вылетай!» Было пять часов утра, светало, стоял туман, и сыпал мелкий дождик. Штрафники, конвульсивно позевывая, трясясь от озноба, вяло полезли из вагона. Капралы были уже тут как тут, злобно и нетерпеливо хватили за ноги, дергивали на землю, особенно флегматичным давали по шее, орали: «Разбирайся по экипажам! Становись!.. Куда лезешь, скотина? Из какого взвода?.. Ты, мордастый, тебе сколько раз повторять?.. Куда полезли? А ну, живо, живо, живо!.. Разбирайтесь!»

Кое-как разобрались по экипажам, выстроились перед вагонами. Какой-то бедолага, заплутавшись в тумане, бегал, искал свой взвод — на него орали со всех сторон. Мрачный, невыспавшийся Зеф, борода дыбом, хрипел угрюмо и явственно: «Давайте, давайте, стройте, мы вам сегодня навоюем...» Пробегавший капрал походя съездил его по уху. Максим сейчас же выставил ногу — капрал покотился в грязь. Экипажи довольно заржали. «Бригада, смир-р-рна!» — заорал кто-то невидимый. Завопили, надсаживаясь, командиры батальонов, подхватили командиры рот, забежали командиры взводов. Никто «смирно» не встал, блицтрегеры сутулились, засунув руки в рукава, приплясывали на месте, счастливики богатеи курили, не скрываясь; по рядам шли разговорчики, что жрать, по всему видно, снова не дадут, и катись они куда подальше с такой войной. «Бригада, во-о-оль-на-а! — заорал Зеф зычным голосом. — Р-разойдись! Оправиться!» Экипажи с готовностью разошлись было, но снова засуетились капралы, и вдруг вдоль вагонов побежали, растягиваясь в редкую шеренгу, легионеры в блестящих черных плащах, с автоматами наизготовку. И следом за ними вдоль вагонов набегала испуганная тишина; экипажи торопливо строились, подравнивались, кое-кто из блицтрегеров по старинной привычке заложил руки за голову и расставил ноги.

Железный голос из тумана сказал негромко, но очень слышно: «Если кто-нибудь из мерзавцев раскроет пасть, прикажу стрелять». Все замерли. Томно потянулись минуты, заполненные ожиданием. Туман понемногу рассеивался, открывая неказистую станционную постройку, мокрые рельсы, телеграфные столбы. Справа, перед фронтом

бригады, обнаружилась темная кучка людей. Оттуда доносились негромкие голоса, кто-то раздраженно рывкнул: «Исполняйте приказание!»

Максим покосился назад — позади неподвижно стояли легионеры, глядели из-под капюшонов с подозрением и ненавистью.

От кучки людей отделилась мешковатая фигура в маскировочном комбинезоне. Это был командир бригады экс-полковник Анипсу, разжалованный и посаженный за торговлю казенным горючим на черном рынке.

Помотав перед собою тростью и дернув головой, он начал речь:

— Солдаты!.. Я не ошибся, я обращаюсь к вам как к солдатам, хотя все мы — и я в том числе — пока еще обыкновенные отбросы общества... Будьте благодарны, что вам разрешают нынче вступить в бой. Через несколько часов почти все вы сдохнете, и это будет хорошо. Но те из вас, кто уцелеет, заживут на славу. Солдатский паек, шнапс и все такое... Сейчас мы пойдем на позиции, и вы сядете в машины. Дело пустяковое — пройти на гусеницах полтора-два километра... Танкисты из вас, как из бутылки молоток, сами знаете, но зато все, до чего доберетесь, — ваше. Это я вам говорю, ваш боевой товарищ Анипсу. Дороги назад нет, зато есть дорога вперед. Кто попятится — сожгу на месте. Это особенно касается водителей... Вопросов нет. Бр-р-ригада! Напра-во! Вперед... сомкнись! Дубье, сороконожки! Сомкнуться приказано! Капралы, массаракш! Куда смотрите?.. Стадо! Разобраться по четыре... Капралы, разберите этих свиней по четыре! Массаракш...

С помощью легионеров капралам удалось построить бригаду в колонну по четыре, после чего снова была подана команда «смирно». Максим оказался совсем недалеко от командира бригады. Экс-полковник был вдребезги пьян. Он стоял покачиваясь, опершись на трость, то и дело тряс головой и потирал ладонью свирепую сизую морду. Командиры батальонов, тоже вдребезги пьяные, держались у него за спиной — один бессмысленно хихикал, другой с тупым упорством пытался разжечь сигарету, а третий все хватался за кобуру и шарил по рядам налитыми глазами. В рядах завистливо принюхивались, слышалось льстиво-одобрительное ворчание. «Давайте, давайте... — бормотал Зеф. — Мы вам навоюем...» Максим раздраженно толкнул его локтем.

— Замолчи, — сказал он сквозь зубы. — Надоело.

В это время к полковнику подошли двое — жандармский ротмистр с трубкой в зубах и какой-то грузный мужчина, штатский, в длинном плаще с поднятым воротником и в шляпе. Максиму штатский показался странно знакомым, и он стал присматриваться. Штатский что-то сказал полковнику вполголоса. «Га?» — произнес полковник, обращая на него мутный взгляд. Штатский снова заговорил, показывая большим пальцем через плечо на колонну штрафников. Жандармский ротмистр равнодушно попыхивал трубкой. «Это зачем?» — гаркнул полковник. Штатский достал какую-то бумагу; полковник отстранил бумагу рукой. «Не дам, — сказал он. — Все, как один, должны подохнуть...» Штатский настаивал. «А я плевал! — отвечал полковник. — И на Департамент ваш плевал. Все подохнут... Верно я говорю?» — спросил он ротмистра. Ротмистр был согласен. Штатский схватил полковника за рукав комбинезона и дернул к себе, и полковник чуть не упал со своей трости. Хихикающий батальонный залился идиотским смехом. Лицо полковника почернело от негодования, он полез в кобуру и вытащил огромный армейский пистолет. «Считаю до десяти, — объявил он штатскому. — Раз... два...» Штатский плюнул и пошел прочь вдоль колонны, вглядываясь в лица штрафников, а полковник все считал и, досчитав до десяти, открыл огонь. Тут ротмистр наконец забеспокоился и убедил его спрятать оружие. «Все должны подохнуть, — объявил полковник. — Вместе со мной... Бр-р-ригада! Слушай команду! Ш-ша-гом... м-марш! К чертям свинячьим в пекло!»

И бригада двинулась. По расхлябанной, разъезженной гусеницами колее, скользя и хватаясь друг за друга, штрафники спустились в болотистую ложину, свернули и зашагали прочь от железной дороги. Здесь колонну нагнали командиры взводов. Гай пошел рядом с Максимом; он был бледен, играл желваками и сначала долго молчал, хотя Зеф сразу спросил его, что слышно. Ложина постепенно расширялась, появились кусты,

впереди замаячил лесок. У обочины дороги торчал, завалившись гусеницей в мокрую рытвину, огромный неуклюжий танк, какой-то древний, совсем не похожий на патрульные танки береговой охраны, — с маленькой квадратной башней и маленькой пушечкой. Возле танка возились угрюмые люди в замасленных куртках. Блицтрегеры шагали вразброд, засунув руки в карманы, подняв жесткие воротники. Многие осторожно поглядывали по сторонам — нельзя ли смыться? Кустики были очень соблазнительные, но на склонах лощины маячили через каждые двести — триста шагов черные фигуры с автоматами. Навстречу, ныряя в колдобинах, проползли три грузовика-цистерны. Водители были мрачны и не смотрели на блицтрегеров. Дождь усиливался, настроение падало. Шли молча, покорно, как скот, все реже озираясь.

— Слушай, взводный, — проворчал Зеф, — неужели нам так и не дадут пожать?

Гай достал из кармана краюху хлеба и сунул ему в руку.

— Все, — сказал он. — До самой смерти.

Зеф погрузил краюху в бороду и принялся отчетливо работать челюстями. «Бред какой-то, — подумал Максим. — Ведь все знают, что идут на верную смерть. И все-таки идут. Значит, на что-нибудь надеются? Значит, у каждого есть какой-то план? Да, ведь они ничего не знают об излучении... Каждый думает, где-нибудь там, по дороге, сверну, выскочу из танка и прилягу, а дураки пусть наступают... Об излучении нужно писать листовки, кричать в общественных местах, радиостанции организовывать, хотя приемники действуют только на двух частотах... Все равно, врываться в паузы. Не на башни тратить людей, а на контрпропаганду... Впрочем, все это потом, потом, сейчас нельзя отвлекаться. Сейчас надо все замечать. Искать малейшие щелки... На станции танков не было и пушек тоже, везде только стрелки-легионеры. Это надо иметь в виду. Лощина хорошая, глубокая, а охрану, вероятно, снимут, как только мы пройдем... Да нет, при чем здесь охрана — все побегут вперед, как только включат излучатели...» Он с удивительной отчетливостью представил себе, как это будет. Врубаются излучатели. Танки блицтрегеров с ревом устремляются вперед. За ними валят валом армейцы. Вся прифронтная полоса пустеет... «Трудно представить себе глубину этой полосы, неизвестен радиус действия излучателей, но уж два-три километра наверняка. В полосе глубиной два-три километра не останется ни одного человека с ясной головой. Кроме меня... Э, нет, не только два-три километра. Больше. Все стационарные установки, все башни — все будет включено, и, наверное, на максимальную мощность. Весь приграничный район сойдет с ума... Массаракш, как же быть с Зефом, он же этого не выдержит... — Максим покосился на мерно двигающуюся рыжую бороду мировой знаменитости. — Ничего, выдержит. В крайнем случае, придется помочь, хотя, боюсь, будет не до того. И еще Гай — с него ведь глаз нельзя будет спускать... Да, придется поработать. Ладно. В конце концов, в этом мутном водовороте я все равно буду полным хозяином и остановить меня никто не сможет да и не захочет...»

Прошли лесок, и сразу стал слышен слитный гул громкоговорителей, треск выхлопов, раздраженные крики. Впереди, на пологом травянистом склоне, поднимающемся к северу, стояли в три ряда танки. Между ними бродили люди, слоился сизый дым.

— А вот и наши гробы! — весело и громко произнес кто-то впереди.

— Ты посмотри, что они нам дают, — сказал Гай. — Довоенные машины, хлам имперский, консервные банки... Слушай, Мак, мы что же, так и подохнем здесь? Ведь это же погибель верная...

— Сколько до границы? — спросил Максим. — И что там вообще — за гребнем?

— Там равнина, — ответил Гай. — Как стол. Граница километрах в трех, потом начинаются холмы, они тянутся до самой...

— Речки нет?

— Нет.

— Овраги?

— Н-нет... Не помню. А что?

Максим поймал его руку, крепко сжал.

— Не падай духом, мальчик, — сказал он. — Все будет хорошо.

Гай с отчаянной надеждой глядел на него снизу вверх. Глаза у него запали, скулы обтянуло.

— Правда? — сказал он. — А то ведь я никакого выхода не вижу. Оружие отобрали, в танках вместо снарядов болванки, пулеметов нет. Впереди смерть, позади смерть.

— Ага! — злорадно сказал Зеф, ковыряя в зубах. — Замочил штанишки? Это тебе не каторжников по зубам щелкать...

Колонна втянулась в интервал между рядами танков и остановилась. Разговаривать стало трудно. Прямо на траве были установлены громадные раструбы громкоговорителей, бархатный магнитофонный бас вещал: «Там, за гребнем лощины, коварный враг. Только вперед. Только вперед. Рычаги на себя — и вперед. На врага. Вперед... Там, за гребнем лощины, коварный враг... Рычаги на себя — и вперед...» Потом голос оборвался на полуслове, и принялся орать полковник. Он стоял на радиаторе своего вездехода, батальонные держали его за ноги.

— Солдаты! — орал полковник. — Хватит болтать языком! Все по машинам! Главным образом, водители, потому что на остальных мне наплевать. Но всякого, кто останется... — Он извлек свой пистолет и показал всем. — Понятно, болваны? Господа ротные, развести экипажи по танкам!..

Началась толкотня. Полковник, шатаясь на радиаторе, как жердь, продолжал что-то выкрикивать, но его не стало слышно, потому что громкоговорители снова принялись долдонить, что впереди враг и потому — рычаги на себя. Все блицтрегеры ринулись к третьему ряду танков. Началась драка, в воздухе заметались подкованные ботинки. Огромная серая толпа медленно кишела вокруг танков заднего ряда. Некоторые танки начали двигаться, с них сыпались люди. Полковник совсем посинел от натуги и наконец принялся палить вверх голов. Из леса черной цепью бежали легионеры.

— Пошли, — сказал Максим, твердо взял Гая и Зефа за плечи и бегом повел к крайней машине в первом ряду — угрюмой, пятнистой, с бессильно поникшим орудийным стволом.

— Подожди... — растерянно лепетал Гай, оглядываясь. — Мы же четвертая рота, мы же вон там, мы же во втором ряду...

— Иди, иди, — сердито сказал Максим. — Может быть, ты еще и взводом покомандовать хочешь?

— Солдатская косточка, — сказал Зеф. — Уймись, мамаша...

Кто-то сзади схватил Максима за пояс. Максим, не оборачиваясь, попробовал освободиться — не удалось. Он оглянулся. За спиной, ухватившись цепко одной рукой, а другой вытирая окровавленный нос, тащился четвертый член экипажа, водитель, уголовник по кличке Крючок.

— Ага, — сказал Максим. — Я и забыл о тебе. Давай-давай, не отставай...

Он с неудовольствием отметил про себя, что в суматохе забыл об этом человеке, которому по плану была отведена немаловажная роль. Тут грянули жандармские автоматы, по броне с мяукающим визгом запрыгали пули, и пришлось согнуться и бежать опретью. Забежав за крайний танк, Максим остановился.

— Слушай мою команду, — сказал он. — Крючок, заводи. Зеф, в башню! Гай, проверь нижние люки... Да тщательно проверь, голову сниму!

Он пошел вокруг танка, осматривая траки. Вокруг стреляли, орали, монотонно бубнили репродукторы, но он дал себе слово не отвлекаться и не отвлекался, только отметил про себя: репродукторы — Гай — не забыть. Траки были в сносном состоянии, но ведущие колеса внушали опасение. «Ничего, сойдет, мне на нем недолго ездить...» Из-под танка ловко выполз Гай, уже грязный, с ободранными руками.

— Приржавели люки! — прокричал он. — Я их не закрыл, пусть будут открыты, правильно?

«Гам, за гребнем лощины, коварный враг! — вещал магнитофонный голос. — Только вперед. Только вперед. Рычаги на себя...»

Максим поймал Гая за воротник и притянул к себе.

— Ты меня любишь? — сказал он, уставясь в расширенные глаза. — Веришь мне?

— Да! — выдохнул Гай.

— Только меня слушай. Больше никого не слушай. Все остальное — вранье. Я твой друг, только я, больше никто. Запоминай. Я приказываю: запоминай.

Обалдевший Гай быстро-быстро кивал, неслышно повторяя:

— Да, да. Да. Только ты. Больше никто...

— Мак! — заорал кто-то прямо в ухо.

Максим обернулся. Перед ним стоял тот странно знакомый штатский в длинном плаще, но уже без шляпы. Массаракш... Квадратное шелушащееся лицо, красные отечные глаза... Это же Фанк! На щеке кровавая царапина, губа разбита...

— Массаракш! — орал Фанк, стараясь перекричать шум. — Вы оглохли, что ли? Узнаете меня?

— Фанк! — сказал Максим. — Откуда вы здесь?

Фанк вытер с губы кровь.

— Пошли! — прокричал он. — Быстрей!

— Куда?

— К черту отсюда! Пошли!

Он схватил Максима за комбинезон и потащил. Максим отбросил его руку.

— Нас убьют! — крикнул он. — Легионеры!

Фанк замотал головой.

— Пошли! У меня на вас пропуск! — И, видя, что Максим не двигается: — Я ищу вас по всей стране! Еле нашел! Пошли немедленно!

— Я не один! — крикнул Максим.

— Не понимаю!

— Я не один! — гаркнул Максим. — Нас трое! Один я не пойду!

— Вздор! Не говорите глупостей! Что за дурацкое благородство? Жить надоело? — Фанк поперхнулся от крика, схватился за горло и зашелся кашлем.

Максим огляделся. Бледный Гай с дрожащими губами смотрел на него, держал его за рукав — конечно, все слышал.

В соседний танк двое легионеров забивали прикладами лежащегося блицтрегера.

— Один пропуск! — проорал Фанк сорванным голосом. — Один! — Он показал палец.

Максим замотал головой.

— Нас трое! — Он показал три пальца. — Я никуда без них не пойду!

Из бокового люка высунулась веником рыжая бородача Зефа. Фанк облизал губы. Он явно не знал, что делать.

— Кто вы такой? — крикнул Максим. — Зачем я вам нужен?

Фанк мельком взглянул на него и стал смотреть на Гая.

— Этот с вами? — крикнул он.

— Да! И этот тоже!

Глаза у Фанка стали дикими. Он сунул руку под плащ, вытащил пистолет и направил ствол на Гая. Максим изо всех сил ударил его по руке снизу вверх, и пистолет взлетел высоко в воздух. Максим, сам еще не совсем поняв, что произошло, задумчиво проводил его взглядом. Фанк согнулся, сунув поврежденную руку под мышку. Гай коротко и точно, как на занятиях, ударил его по шее, и он повалился ничком. Рядом вдруг возникли легионеры, ощеренные, потные от работы, осунувшиеся от бешенства.

— В машину! — рывнул Максим Гаю, наклонился и подхватил Фанка под мышки.

Фанк был грузен и с трудом пролез в люк. Максим нырнул следом, получив на прощание удар прикладом по задней части. В танке было темно и холодно, как в склепе, густо воняло соляжкой. Зеф оттащил Фанка от люка и уложил на пол.

— Кто такой? — гаркнул он.

Максим не успел ответить. Крючок, долго и безуспешно терзавший стартер, наконец завел машину. Все вокруг затряслось и загремело. Максим махнул рукой, пролез в башню и высунулся наружу. Между танками уже не было никого, кроме легионеров. Все двигатели работали, стоял адский рев, густое душное облако выхлопов заволакивало склон. Некоторые танки двигались, кое-где из башен торчали головы; блицтрегер, высунувшийся из соседней машины, делал Максиму какие-то знаки, кривил распухшую, в синяках физиономию. Вдруг он исчез; двигатели взревели с удвоенной силой, и все танки с лязгом и дребезжаньем одновременно рванулись вперед и вверх по склону.

Максим почувствовал, что его схватили поперек туловища и тянут вниз. Он нагнулся и увидел вытарашенные, ставшие идиотскими глаза Гая. Как тогда, в бомбовозе, Гай хватал Максима руками, непрерывно бормотал что-то, лицо его стало отвратительным, не было в нем больше ни мальчишества, ни наивной мужественности — сплошное бессмыслие и готовность стать убийцей. «Началось, — подумал Максим, брезгливо пытаясь отстранить несчастного парня. — Началось, началось... Включили излучатели, началось...»

Танк, содрогаясь, карабкался на гребень, клочья дерна летели из-под гусениц. Позади ничего уже не было видно за сизым дымом, а впереди вдруг распахнулась серая глинистая равнина, и замаячили вдали плоские холмы на хонтийской стороне, и танковая лавина, не сбавляя хода, повалила туда. Рядов больше не было, все машины мчались наперегонки, задевая друг друга, бессмысленно ворочая башнями... У одного танка на полном ходу слетела гусеница: он волчком завертелся на месте, перевернулся; вторая гусеница сорвалась и тяжелой блестящей змеей взлетела в небо; ведущие колеса продолжали бешено крутиться, а из нижних люков выскочили два человечка в сером, спрыгнули на землю и, размахивая руками, побежали вперед, вперед, только вперед, на коварного врага... Блеснул огонь, сквозь лязг и рев звонким треском прорвался пушечный выстрел, и сразу все танки принялись палить, длинные красные языки вылетали из пушек, танки приседали, подпрыгивали, окутывались густым черным дымом нечистого пороха, и через минуту все затянуло черно-желтой тучей, а Максим все смотрел, не в силах оторвать глаз от этого грандиозного в своей преступной нелепости зрелища, терпеливо отдирая от себя цепкие руки Гая, который тащил, звал, умолял, жаждал прикрыть своей грудью от всех опасностей... Люди, заводные куклы, звери... Люди.

Потом Максим опомнился. Пора было отбирать управление. Он спустился вниз, мимоходом похлопал Гая по плечу, цепляясь за какие-то металлические скобы, огляделся в тесном шатающемся ящике, чуть не задохнулся от газолинового смрада, разглядел мертвенно-бледное лицо Фанка с закаченными глазами, Зефа, скорчившегося под снарядным ящиком, оттолкнул жмущегося к нему Гая и пролез к водителю.

Крючок держал рычаги на себя и изо всех сил поддавал газу. Он пел, он орал таким дурным голосом, что его было слышно, и Максим даже разобрал слова «благодарственной песни». Теперь надо было как-то утихомирить его, занять его место и отыскать в этом дыму удобный овраг, или глубокую рытвину, или какой-нибудь холм, чтобы было где укрыться от атомных взрывов... Но получилось не по плану. Как только он принялся осторожно разжимать кулаки Крючка, закованные на рычагах, преданный Гай, увидевший, что его господину оказывается неповиновение, просунулся сбоку и страшно ударил ополоумевшего Крючка огромным гаечным ключом в висок. Крючок осел, размяк и выпустил рычаги. Максим, рассвирепев, отшвырнул Гая в сторону, но было уже поздно, и не было времени ужасаться и сострадать. Он оттащил труп, уселся и взял управление.

В смотровой люк почти ничего не было видно: небольшой участок глинистой почвы, поросшей редкими травинками, и дальше — сплошная пелена сизой гари. Не могло быть

и речи найти что-нибудь в этой мгле. Оставалось одно: замедлить ход и осторожно двигаться до тех пор, пока танк не углубится в холмы. Впрочем, замедлять ход тоже было опасно. Если атомные мины начнут рваться прежде, чем он доберется до холмов, можно ослепнуть да и вообще сгореть... Гай терся то справа, то слева, заглядывал в лицо, искал приказаний.

— Ничего, дружище... — бормотал Максим, отстраняя его локтями. — Это пройдет... Все пройдет, все... Потерпи еще немного...

Гай видел, что с ним говорят, и точил слезу от огорчения, что опять, как тогда, в бомбовозе, не слышит ни слова.

Танк проскочил через густую струю черного дыма: слева кто-то горел. Проскочили, и пришлось сразу круто свернуть, чтобы не наехать на мертвого, расплющенного гусеницами человека. Вынырнул из дыма и скрылся покосившийся пограничный знак, за ним пошли изодранные, смятые проволочные заграждения. Из неприметного ровика высунулся на миг человек в странной белой каске, яростно потряс вздетыми кулаками и тотчас исчез, словно растворился в земле. Дымная пелена впереди понемногу рассеивалась, и Максим увидел бурые круглые холмы совсем близко и заляпанную грязью корму танка, ползущего почему-то наискосок к общему движению, и еще один горящий танк. Максим отвернул влево, целясь машиной в глубокое, заросшее кустарником седло между двумя холмами повыше. Он был уже близко, когда навстречу брызнул огонь, и весь танк загудел от страшного удара. От неожиданности Максим дал полный газ, кусты и облако белесого дыма над ними прыгнули навстречу, мелькнули белые каски, искаженные ненавистью лица, вздетые кулаки, потом под гусеницами что-то железно затрещало, ломаясь. Максим стиснул зубы, взял круто вправо и повел машину подальше от этого места, по косогору, сильно кренясь, едва не переворачиваясь, огибая холм, и въехал наконец в узкую лощину, поросшую молоденькими деревцами. Здесь он решил остановиться.

Он откинул передний люк, высунулся по пояс и огляделся. Место было подходящее, со всех сторон танк обступали высокие бурые склоны. Максим заглушил двигатель, и сразу же Гай завопил хриплым фальцетом какую-то преданную чушь, что-то нелепо рифмованное, какую-то самодельную оду в честь величайшего и любимейшего Мака; такую песню мог бы сочинить пес, если бы научился пользоваться человеческим языком.

— Замолчи! — приказал Максим. — Вытащи этих людей наружу и уложи возле машины... Стой, я еще не кончил! Делай это осторожно, это мои любимые друзья, наши любимые друзья...

— А ты куда? — спросил Гай с ужасом.

— Я буду здесь, рядом.

— Не уходи... — заныл Гай. — Или позволь, я пойду с тобой...

— Ты меня не слушаешься, — строго сказал Максим. — Делай, что я приказал. И делай осторожно, помни, что это наши друзья...

Гай принялся причитать, но Максим уже не слушал. Он выбрался из танка и побежал вверх по склону холма. Где-то недалеко продолжали идти танки, натужно ревели двигатели, лязгали гусеницы, изредка бухали пушки. Высоко в небе провизжал снаряд. Максим, пригнувшись, взбежал на вершину, присел на корточки между кустами и еще раз от всего сердца похвалил себя за такой удачный выбор места.

Внизу — рукой подать — оказался широкий проход между холмами, и по этому проходу, вливаясь с покрытой дымом равнины, сгрудившись, гусеница к гусенице, сплошным потоком шли танки — низкие, приплюснутые, мощные, с огромными плоскими башнями и длинными пушками. Это были уже не штрафники, это проходила регулярная армия. Несколько минут Максим, оглушенный и оторопевший, наблюдал это зрелище, жуткое и неправдоподобное, как исторический кинофильм. Воздух шатался и вздрагивал от неистового грохота и рева, холм трепетал под ногами, как испуганное животное, и все-таки Максиму казалось, будто машины идут в мрачном, угрожающем

молчании. Он отлично знал, что там, под броневыми листами, заходятся в хрипе ошалевшие солдаты, но все люки были наглухо закрыты, и казалось, что каждая машина — один сплошной слиток неодухотворенного металла... Когда прошли последние танки, Максим оглянулся назад, вниз, и его танк, накренившийся среди деревьев, показался ему жалкой жестяной игрушкой, дряхлой пародией на настоящий боевой механизм. Да, внизу прошла Сила, чтобы встретиться с другой, еще более страшной Силой, и, вспомнив об этой другой Силе, Максим поспешно скатился вниз, в рощу.

Обогнув танк, он остановился.

Они лежали рядом: белый до синевы Фанк, похожий на мертвеца; скорченный, постанывающий Зеф, вцепившийся грязно-белыми пальцами в свою рыжую шевелюру, и весело улыбающийся Крючок с мертвыми глазами куклы. Приказ был выполнен в точности. Но Гай, весь ободранный, весь в крови, тоже лежал поодаль, отвернув от неба обиженное мертвенное лицо, раскинув руки, и вокруг него трава была смята и затоптана, и валялась сплюснутая белая каска в темных пятнах, а из развороченных кустов торчали еще чьи-то ноги в сапогах.

— Массаракш... — пробормотал Максим, с ужасом представив себе, как здесь несколько минут назад схватились насмерть два рычащих и воющих пса, каждый во славу своего хозяина...

И в этот момент та, другая Сила нанесла ответный удар.

Максиму этот удар пришелся по глазам. Он зарычал от боли, изо всех сил зажмурился и упал на Гая, уже поняв, что тот мертв, но стараясь закрыть его своим телом. Это было чисто рефлекторное — он ни о чем не успел подумать и ничего не успел ощутить, кроме боли в глазах, — он был еще в падении, когда его мозг отключил себя.

Когда окружающий мир снова сделался возможным для человеческого восприятия, сознание включилось снова. Прошло, вероятно, очень мало времени, несколько секунд, но Максим очнулся, весь покрытый обильным потом, с пересохшим горлом, и голова у него звенела, как будто его ударили доской по уху. Все вокруг изменилось, мир стал багровым, мир был завален листьями и обломанными ветвями, мир был наполнен раскаленным воздухом, с красного неба дождем валились вырванные с корнем кусты, горящие сучья, комья горячей сухой земли. И стояла болезненно-звонящая тишина. Живых и мертвых раскатило по сторонам. Гай, засыпанный листьями, лежал ничком шагах в десяти. Рядом с ним сидел Зеф; одной рукой он по-прежнему держался за голову, а другой закрывал глаза. Фанк скатился вниз, застрял в промоине и теперь ворочался там, терся лицом о землю. Танк тоже снесло ниже и развернуло. Прислонясь к гусенице спиной, мертвый Крючок по-прежнему весело улыбался...

Максим вскочил, разбросав наваленные ветки. Он подбежал к Гаю, схватил его, поднял, поглядел в стеклянные глаза, прижался щекой к щеке, проклял и трижды проклял этот мир, в котором он так одинок и беспомощен, где мертвые становятся мертвыми навсегда, потому что ничего нет, потому что нечем сделать их живыми... Кажется, он плакал, колотил кулаками по земле, топтал белую каску, а потом Зеф начал протяжно кричать от боли, и тогда он пришел в себя и, не глядя вокруг, не чувствуя больше ничего, кроме ненависти и жажды убивать, побрел снова наверх, на свой наблюдательный пост...

Здесь тоже все переменялось. Кустов больше не было, спекшаяся глина дымилась и потрескивала, обращенный к северу склон холма горел. На севере багровое небо сливалось со сплошной стеной черно-коричневого дыма, и над этой стеной поднимались, распухая на глазах, ярко-оранжевые, какие-то маслянисто-жирные тучи. И туда, где возносились к лопнувшей от удара небесной тверди тысячи тысяч тонн раскаленного праха, испепеленные до атомов надежды выжить и жить, в эту адскую топку, устроенную несчастными дураками для несчастных дураков, тянул с юга, словно в поддувало, легкий сыроватый ветер.

Максим поглядел вниз, на проход между холмами. Проход был пуст, взрытая гусеницами и обожженная атомным ударом глина курилась, тысячи огоньков плясали на

ней — тлели листья и догорали сорванные сучья. А равнина на юге казалась очень широкой и очень пустынной; ее больше не заволакивали пороховые газы, она была красна под красным небом, на ней неподвижно чернели одинокие коробочки — испорченные и поврежденные танки штрафников, и по ней уже приближалась к холмам редкая изломанная цепочка странных машин.

Они были похожи на танки, только вместо артиллерийской башни на каждой был установлен высокий решетчатый конус с тусклым округлым предметом на верхушке. Они шли быстро, мягко переваливаясь на неровностях, и они были не черные, как танки несчастных блицтрегеров, не серо-зеленые, как армейские танки прорыва, — они были желтые, ярко-весело-желтые, как жандармские патрульные автомобили... Правого фланга шеренги уже не было видно за холмами, и Максим успел насчитать всего восемь излучателей. В них чудилась какая-то наглость хозяев положения; они шли в бой, но не считали нужным ни скрываться, ни маскироваться; они нарочито выставлялись напоказ и своей окраской, и своим уродливым пятиметровым горбом, и отсутствием обычного вооружения. Те, кто вел эти машины и управлял ими, считали себя, должно быть, в полной безопасности. Впрочем, вряд ли они об этом думали; они просто спешили вперед, подстегивая лучевыми бичами железное стадо, которое катилось сейчас через ад, и они наверняка ничего не знали об этих бичах, как не знали и того, что бичи эти хлещут их самих... Максим увидел, что левофланговый излучатель направляется в ложину, и пошел ему навстречу, вниз по склону холма.

Он шел во весь рост. Он знал, что ему придется силой выковыривать черных погонщиков из железной скорлупы, и он хотел этого. Никогда в жизни он ничего так не хотел, как хотелось ему сейчас почувствовать под пальцами живую плоть... Когда он спустился в ложину, излучатель был уже совсем близко. Желтая машина катилась прямо на него, слепо уставясь стекляшками перископов, решетчатый конус грузно раскачивался не в такт приседаниям машины, и теперь видно было, что на вершине качается серебристый шар, густо утыканный длинными блестящими иглами...

Они и не подумали остановиться, и Максим, уступив дорогу, пропустил их, пробежал несколько метров рядом и вскочил на броню.

Часть пятая. Землянин

Глава восемнадцатая

Государственный прокурор спал чутко, и мурлыканье телефона сразу разбудило его. Не раскрывая глаз, он взял наушник и хрипло сказал:

— Слушаю.

Мяукающий голос референта произнес, как бы извиняясь:

— Семь часов, ваше превосходительство...

— Да, — сказал прокурор, все еще не раскрывая глаз. — Да. Благодарю.

Он включил свет, откинул одеяло и сел. Некоторое время он сидел, уставясь на свои тощие бледные ноги, и с грустным удивлением размышлял о том, что вот уже шестой десяток пошел, но не помнит он ни одного дня, когда бы ему дали выспаться. Все время кто-нибудь будит. Когда он был поручиком, его будил после попойки скотина денщик. Когда он был председателем Черного трибунала, его будил дурак секретарь с неподписанными приговорами. Когда он был школяром, его будила мать, чтобы он шел на занятия, и это было самое мерзкое время, самые скверные пробуждения. И всегда ему говорили: надо! Надо, ваше благородие... Надо, господин председатель... Надо, сыночек... А сейчас это «надо» говорит себе он сам... Он встал, накинул халат, плеснул в лицо горсть одеколона, вставил зубы, посмотрел, массируя щеки, в зеркало, скривился неприязненно и прошел в кабинет.

Теплое молоко уже стояло на столе, а под крахмальной салфеточкой — блюдо с солоноватым печеньем. Это надо было выпить и съесть как лекарство, но сначала он подошел к сейфу, отвалил дверцу, взял зеленую папку и положил ее на стол рядом с завтраком. Хрустя печеньем и прихлебывая молоко, он тщательно осматривал папку, пока не убедился, что со вчерашнего вечера ее никто не раскрывал. Как много переменялось, подумал он. Всего три месяца прошло, а как все переменялось!.. Он машинально взглянул на желтый телефон и несколько секунд не мог отвести от него глаз. Телефон молчал — яркий, изящный, как веселая игрушка... страшный, как тикающая адская машина, которую невозможно разрядить...

Прокурор судорожно, двумя руками вцепился в зеленую папку, зажмурился. Он ощутил, что страх нарастает, и поспешил одернуть себя. Нет, так дело не пойдет, сейчас надо хранить абсолютное спокойствие и рассуждать совершенно бесстрастно... «Выбора у меня все равно нет. Значит, риск... Ну что же: риск так риск. Риск всегда был и будет, нужно только свести его к минимуму. И я его сведу к минимуму. Да, массараکش, к минимуму!.. Вы, кажется, не уверены в этом, Умник? Ах, вы сомневаетесь? Вы всегда сомневаетесь, Умник, есть у вас такое качество, вы — молодец... Ну что же, попытаемся развеять ваши сомнения. Слыхали вы про такого человека — его зовут Максим Каммерер? Неужели слыхали? Это вам только кажется. Вы никогда раньше не слыхали про такого человека. Вы сейчас услышите о нем первый раз. Очень прошу вас, выслушайте и составьте о нем самое объективное, самое непредубежденное суждение. Мне очень важно знать ваше объективное мнение, Умник: от этого, знаете ли, зависит теперь целостность моей шкуры. Моей бледной, с синими прожилками, такой дорогой мне шкуры...»

Он прожевал последнее печенье и залпом допил молоко.

Потом вслух сказал: «Приступим».

Он раскрыл папку. «Прошлое этого человека туманно. И это, конечно, неважное начало для знакомства. Но мы с вами знаем не только как из прошлого выводить настоящее, но и как из настоящего выводить прошлое. И если нам так уж понадобится прошлое нашего Мака, мы в конце концов выведем его из настоящего. Это называется экстраполяцией... Наш Мак начинает свое настоящее с того, что бежит с каторги. Вдруг. Неожиданно. Как раз в тот момент, когда мы со Странником тянем к нему руки. Вот панический рапорт генерал-коменданта, классический вопль идиота, который нашкодил и не чаёт уйти от наказания: он ни в чем не виноват, он сделал все по инструкции, он не знал, что объект добровольно поступил в саперы-смертники, а объект поступил и подорвался на минном поле. Не знал... Вот и мы со Странником не знали. А надо было знать! Объект — человек неожиданный, вы должны были ожидать чего-либо подобного, господин Умник... Да, тогда это поразило меня, но теперь-то мы понимаем, в чем дело: кто-то объяснил нашему Маку про башни, он решил, что в Стране Творцов ему делать нечего, и удрал на Юг, симулировав гибель... — Прокурор опустил голову на руку, вяло потер лоб. — Да, тогда все это и началось... Это был первый промах в серии моих промахов: я поверил, что он погиб. А как я мог не поверить? Какой нормальный человек побежит на Юг?.. Любой бы поверил. А вот Странник не поверил».

Прокурор взял очередной рапорт. «О этот Странник! Умница Странник, гений Странник... Вот как мне надо было действовать — как он! Я был уверен, что Мак погиб: Юг есть Юг. А он наводнил все Заречье своими агентами. Жирный Фанк — ах, не добрался я до него в свое время, не прибрал к рукам! — этот жирный, облезлый боров похудел, мотаясь по стране, вынюхивая и высматривая, а его Кура подох от лихорадки на Шестой трассе, а его Тапа-Петушок был захвачен горцами, а потом Пятьдесят Пятый — не знаю, кто он такой, — попался пиратам аж на побережье, но успел сообщить, что Мак там появлялся. Сдался патрулям и направлен обратно в свою колонну...»

Вот как поступают люди с головой: они ни во что не верят и никого не жалеют. Вот как я должен был поступить тогда. Бросить все дела, заняться только Маком, ведь я уже

тогда прекрасно понимал, какая это страшная сила — Мак, а я вместо этого сцепился с Дергунчиком и проиграл, а потом связался с этой идиотской войной и тоже проиграл... Я и сейчас бы проиграл, но мне наконец повезло: Мак объявился в столице, в логове Странника, и я узнал об этом раньше, чем Странник. Да, Странник, да, хрящухий, теперь проиграл ты. Надо же было тебе уехать именно сейчас! И ты знаешь, Странник, меня даже не огорчает то обстоятельство, что опять осталось неизвестным, куда и зачем ты уехал. Уехал, и ладно. Ты, конечно, во всем положился на своего Фанка, а твой Фанк привез тебе Мака, но вот ведь беда — свалился твой Фанк после своих военных приключений, лежит без памяти в дворцовом госпитале — важная фигура, таких только в дворцовый госпиталь! — и теперь я не промахнусь, теперь он будет там лежать, сколько мне понадобится. Тебя нет, Фанка нет, а наш Мак есть, и это получилось очень удачно...»

Прокурор ощутил радость и, заметив это, сейчас же погасил ее. «Опять эмоции, массаракш... Спокойнее, Умник. Ты знакомишься с новым человеком по имени Мак, ты должен быть очень объективен. Тем более, что этот новый Мак так не похож на старого, теперь он совсем взрослый, теперь он знает, что такое финансы и детская преступность. Поумнел, посуровел наш Мак... Вот он пробился в штаб подполья (рекомендатели: Мемо Грамену и Аллу Зеф), как гром с ясного неба обрушился там на них с предложением раскрыть всему подполью истинное назначение башен; штаб взвыл, но ведь убедил их Мак! Запугал их там, запутал; приняли они эту идею, поручили Маку разработку... В обстановке он разобрался быстро и верно. И они там это поняли — поняли, с кем имеют дело. Или просто почувствовали... Вот последнее донесение: фракция просветителей привлекла его к обсуждению программы перевоспитания, и он с радостью согласился. Сразу предложил кучу идей. Идейки не бог весть какие, но не в этом дело, перевоспитание — вообще идиотизм, важно то, что он уже больше не террорист, ничего он не хочет взрывать, никого не хочет убивать; важно то, что занялся он своей карьерой, активно зарабатывает себе авторитет в штабе, произносит речи, критикует, лезет наверх; важно то, что он имеет идеи, жаждет их осуществить, а это именно то, что вам нужно, господин Умник...»

Прокурор откинулся на спинку кресла.

«И вот еще то, что нужно. Донесения об образе жизни. Много работает — и в лаборатории и дома, — тоскует по-прежнему по той девушке, по Раде Гаал, занимается спортом, почти ни с кем не дружит, не курит, почти не пьет, в еде очень умерен. С другой стороны, обнаруживает явную склонность к роскоши в быту и знает себе цену: полагающийся по штату автомобиль принял как должное, выразив недовольство его малой мощностью и уродливостью; недоволен также квартирой — считает ее слишком тесной и лишенной элементарных удобств; жилище свое украсил оригинальными картинами и антикварными произведениями искусства, истратив на них почти весь аванс... И так далее. Хороший материал, очень хороший материал... А кстати, сколько у него денег, чем он сейчас располагает? Та-ак, руководитель темы в лаборатории химического синтеза... Недурно его устроили. И еще больше, наверное, наобещали. Хотел бы я знать, как ему объяснили, зачем он понадобился Страннику. Это знает Фанк, жирная свинья, но он не скажет, скорее подойдет... Ах, если бы как-нибудь вытянуть из него все, что он знает! С каким наслаждением я бы потом его прикончил... Сколько он крови мне попортил, этакая скотина... И Раду эту он у меня украл, а ведь как бы она мне сейчас пригодилась — Рада... Какое это оружие, когда имеешь дело с чистым, честным, мужественным Маком!.. Впрочем, сейчас это, может быть, не так уж и плохо... Не я держу под замком твою возлюбленную, Мак, это все Странник, это все его интриги, этого шантажиста...»

Прокурор вздрогнул: желтый телефон тихонько звякнул. Только звякнул, и больше ничего. Тихонько, даже мелодично. Ожил на долю секунды и снова замер, словно напомнил о себе... Прокурор, не отрывая от него глаз, провел по лбу дрожащими пальцами. Нет, ошибка... Конечно, ошибка. Мало ли что, телефон — аппарат сложный,

искра там какая-нибудь проскочила... Он вытер пальцы о халат. И сейчас же телефон грянул. Как выстрел в упор... Как нож по горлу... Как падение с крыши на асфальт... Прокурор взял наушник. Он не хотел брать наушник, он даже не знал, что берет наушник, он даже вообразил, будто не берет наушник, а быстро на цыпочках бежит в спальню, одевается, выкатывает машину из гаража и на предельной скорости гонит... Куда?

— Государственный прокурор, — сказал он хрипло и прокашлялся.

— Умник? Это Канцлер говорит.

Вот... Вот оно... Сейчас: «Ждем тебя через часок...»

— Я узнал, — сказал он бессильно. — Здравствуй, Канцлер.

— Сводку читал?

— Нет.

«Ах, не читал? Ну приезжай, мы тебе сейчас сами прочитаем...»

— Все, — сказал Канцлер. — Прогладили войну.

Прокурор глотнул. Надо было что-то сказать. Надо было срочно что-то сказать, лучше всего — пошутить. Тонко пошутить... «Боже, помоги мне тонко пошутить!..»

— Молчишь? А что я тебе говорил? Не лезь в эту кашу, штатских держись, а не военных. Эх ты, Умник...

— Ты — Канцлер, — выдавил из себя прокурор. — Все мы — твои дети. Дети ведь вечно не слушаются родителей...

Канцлер хихикнул.

— Дети... — сказал он. — А где это сказано: «Если чадо твое ослушается тебя...» Как там дальше, не помнишь, Умник?

Боже мой, боже мой! «Сотри его с лица земли». Он так и сказал тогда: «Сотри его с лица земли», и Странник взял со стола тяжелый черный пистолет, неторопливо поднял и два раза выстрелил, и чадо охватило руками пробитую лысину и повалилось на ковер...

— Память отшибло? — сказал Канцлер. — Эх ты, Умник... Что собираешься делать, Умник?

— Я ошибся... — прохрипел прокурор. — Ошибка... Это все из-за Дергунчика...

— Ошибся... Ну ладно, подумай, Умник. Поразмысли. Я тебе еще позвоню.

И все. И нет его. И неизвестно, куда звонить ему — плакать, умолять... «Глупо, глупо. Никому не помогало... Ладно... Подожди... Да подожди ты, трус!» Он с размаху ударил раскрытой рукой о край стола — чтобы в кровь, чтобы больно, чтобы перестать дрожать... Это немного помогло, но он еще наклонился, открыл другой рукой нижний ящик стола, достал фляжку, зубами вытащил пробку и сделал несколько глотков. Его ударило в жар. «Вот так... Спокойно... Мы еще посмотрим... Это гонка: кто быстрее. Умника так просто не возьмешь, с ним вы еще повозитесь. Умника так сразу не вызовешь. Если бы могли вызвать, то уже вызвали бы... Это ничего, что он позвонил. Он всегда так. Время есть. Два дня, три дня, четыре дня... Время есть! — прикрикнул он на себя. — Не психуй...» Он поднялся и торопливо пошел кругами по кабинету.

«У меня есть на вас управа. У меня есть Мак. У меня есть человек, который не боится излучения. Для которого не существует преград. Который желает переменить порядок вещей. Который нас ненавидит. Человек чистый и, следовательно, открытый всем соблазнам. Человек, который поверит мне. Человек, который захочет встретиться со мной... Он уже сейчас хочет встретиться со мной: мои агенты уже много раз говорили ему, что государственный прокурор добр, справедлив, большой знаток законов, настоящий страж законности, что Творцы его недолюбливают и терпят его только потому, что не доверяют друг другу... Мои агенты уже показывали меня ему, тайком, в благоприятных обстоятельствах, и мое лицо ему понравилось... И — самое главное! — ему под строжайшим секретом намекнули, что я знаю, где находится Центр. Он прекрасно владеет лицом, но мне сказали, что в этот момент он выдал себя... Вот какой человек у меня есть — человек, который очень хочет захватить Центр и может это сделать, единственный из

всех... То есть этого человека у меня пока нет, но сети расставлены, наживка проглочена, и сегодня я его подсеку. Или я пропал... Пропал... Пропал...»

Он круто повернулся и с ужасом взглянул на желтый телефон.

Он больше не мог сдерживать воображения. Он видел эту тесную комнату, обтянутую фиолетовым бархатом, душную, прокисшую, без окон, голый обшарпанный стол и пять золоченых кресел... «А мы, все остальные, стояли: я, Странник с глазами жаждущего убийцы и этот лысый палач... растяпа, болтун: знал ведь, где Центр, столько людей загубил, чтобы узнать, где Центр, и — трепло, пьяница, хвастун! — разве можно о таких вещах кому-нибудь говорить? Тем более родичам... особенно таким родичам. А еще начальник Департамента общественного здоровья, глаза и уши Огненосных Творцов, броня и секира нации... Канцлер сказал, жмурясь: «Сотри его с лица земли», Странник выстрелил в упор два раза, и Барон проворчал с неудовольствием: «Опять всю обивку забрызгали...» И они опять стали спорить, почему в комнате воняет, а я стоял на ватных ногах и думал: «Знают или не знают?», и Странник стоял, оскалась, как голодный хищник, и глядел на меня, словно догадывался... Ни черта он не догадался... Теперь-то я понимаю, почему он всегда так хлопотал, чтобы никто не проник в тайну Центра. Он всегда знал, где находится Центр, и только искал случая захватить Центр самому... Опоздал, Странник, опоздал... И ты, Канцлер, опоздаешь. И ты, Барон. А о тебе, Дергунчик, и речи нет...»

Он отдернул портьеру и приложил лоб к холодному стеклу. Он почти задушил свой страх, и, чтобы растоптать его окончательно, до последней искорки, он представил себе, как Мак с боем внезапно врывается в аппаратную Центра...

Но это мог бы сделать и Волдырь с личной охраной, с этой бандой своих родных и двоюродных братьев, племянников, побратимов, выкормышей, с этими жуткими подонками, которые никогда ничего не слышали о законе, которые всегда знали только один закон: стреляй первым... Нужно было быть Странником, чтобы поднять руку на Волдыря. В тот же вечер они напали на него прямо у ворот его особняка, изрешетили машину, убили шофера, убили секретаршу и загадочным образом полегли сами, все до единого, все двадцать четыре человека с двумя пулеметами... Да, Волдырь тоже мог бы ворваться в аппаратную, но там бы он и завяз, дальше бы он не прошел, потому что дальше — барьер депрессионного излучения, а теперь, может быть, и два лучевых барьера; хватило бы и одного, никто не пройдет там: выродок свалится в обморок от боли, а простой лояльный гражданин падет на колени и примется тихо плакать от смертной тоски... Только Мак там пройдет и запустит свои умелые руки в генераторы, и прежде всего переключит Центр, всю систему башен, на депрессионное поле. Затем, уже совершенно беспрепятственно, он поднимется в радиостудию и поставит там пленку с заранее подготовленной речью на многоцикловую передачу... Вся страна от хонтийской границы до Заречья — в депрессии, миллионы дураков валяются, обливаясь слезами, не желая пошевелить пальцем, а репродукторы уже режут во всю глотку, что Огненосные Творцы — преступники, их зовут так-то и так-то, они находятся там-то и там-то, убейте их, спасайте страну, это говорю вам я, Мак Сим, живой бог на земле (или там... законный наследник императорского престола, или великий диктатор — что ему больше понравится). К оружию, мой Легион. К оружию, моя армия! К оружию, мои подданные!.. А сам в это время спускается обратно в аппаратную и переключает генераторы на поле повышенного внимания, и вот уже вся страна слушает развесив уши, стараясь не упустить ни слова, заучивая наизусть, повторяя про себя. А громкоговорители режут, башни работают, и так длится еще час, а потом он переключает излучатели на восторг, всего полчаса восторга — и конец передачам... И когда я прихожу в себя — массаракш, полтора часа адской боли, но надо, массаракш, выдержать! — Канцлера уже нет, никого из них нет, есть Мак, великий бог Мак, и его верный советник, бывший государственный прокурор, а ныне — глава правительства великого Мака... А, бог с ним, с правительством, я буду просто жив, и мне ничего не будет угрожать, а там мы посмотрим... Мак не из тех,

кто бросает полезных друзей, он не бросает даже бесполезных друзей, а я буду очень полезным другом. О, каким полезным другом я ему буду!..»

Он оборвал себя и вернулся к столу, покосился на желтый телефон, усмехнулся, снял наушник зеленого телефона и вызвал заместителя начальника Департамента специальных исследований.

— Головастик? Доброе утро, это Умник. Как ты себя чувствуешь? Как желудок?.. Ну, прекрасно... Странника еще нет?.. Ага. Ну ладно... Мне позвонили от Барона и приказали немножко вас проинспектировать... Нет-нет, я думаю, это чистая формальность, я все равно у вас ни черта не понимаю, но ты подготовь там какой-нибудь рапорт... проект заключения инспекции и все такое. И позаботься, чтобы все были на местах, а не как в прошлый раз... Ум-гу... Часов в одиннадцать, наверное... Ты сделай так, чтобы в двенадцать я уже смог уехать со всеми документами... Ну, до встречи. Пойдем страдать... А ты тоже страдаешь? Или вы уже, может быть, давно выдумали защиту, только от начальства скрываете? Ну-ну, я шучу... Пока.

Он положил наушник и взглянул на часы. Было без четверти десять. Он громко застонал и потащился в ванную. Опять этот кошмар... полчаса кошмара. От которого нет защиты... От которого нет спасения... От которого жить не хочется... Как это все-таки обидно: Странника придется пощадить.

Ванна уже была полна горячей воды. Прокурор сбросил халат, стянул ночную рубашку и сунул под язык болеутолитель. И так всю жизнь. Одна двадцать четвертая всей жизни — ад. Больше четырех процентов... И это — не считая вызовов во Дворец. Ну, вызовы скоро кончатся, а эти четыре процента останутся до конца... «Впрочем, это мы еще посмотрим. Когда все установится, я возьмусь за Странника сам...» Он залез в ванну, устроился поудобнее, расслабился и стал придумывать, как он возьмется за Странника. Но он не успел ничего придумать. Знакомая боль ударила в темя, прокатилась по позвоночнику, запустила коготь в каждую клетку, в каждый нерв и принялась драть — методично, люто, в такт бешеным толчкам сердца...

Когда все кончилось, он еще немного полежал в томном изнеможении — адские муки тоже имеют свои достоинства: полчаса кошмара дарили ему несколько минут райского блаженства, — затем вылез, растерся перед зеркалом, приоткрыл дверь, принял от камердинера свежее белье, оделся, вернулся в кабинет, выпил еще один стакан теплого молока, на этот раз смешанного с целебной водой, съел вязкой кашицы с древесным медом, посидел немножко просто так, окончательно приходя в себя, а потом позвонил дневному референту и велел подавать автомобиль.

К Департаменту специальных исследований вела правительственная трасса, пустая в это время дня, обсаженная кудрявыми деревьями, похожими на искусственные. Шофер гнал без остановок у светофоров, время от времени включая гулкую басовитую сирену. К высоким железным воротам Департамента подъехали без трех минут одиннадцать. Легионер в парадном мундире подошел, нагнулся, глядясь, узнал и отдал честь. Тотчас же ворота распахнулись, открылся густой сад, белые и желтые корпуса жилых домов, а за ними — гигантский стеклянный параллелепипед института. Медленно проехали по автомобильной дорожке с грозными предупреждениями насчет скорости, миновали детскую площадку, приземистое здание бассейна, пестрое веселое здание клуба-ресторана — и все это в зелени, в облаках зелени, в тучах зелени, и прекрасный, чистейший воздух, и — массараکش! — какой-то запах стоит удивительный, нигде такого не бывает, ни в каком поле, ни в каком лесу... «Ох уж этот Странник, все это его затеи, чертовы деньги ухлопаны на это, но зато как его здесь любят. Вот как надо жить, вот как надо устраиваться. Ухлопаны чертовы деньги, Султан был страшно недоволен, он и сейчас еще недоволен... Риск? Да, риск, конечно, был, рискнул Странник, но зато теперь его Департамент — это его Департамент: здесь его не предадут, не подсилят... Пятьсот человек у него здесь, в основном молодежь; газет они не читают, радио не слушают —

времени, видите ли, нет, важные научные исследования... Так что излучение здесь бьет мимо цели, вернее, совсем в другую цель. Да, Странник, я бы на твоём месте долго ещё тянул с защитными шлемами. Может быть, ты и тянешь? Наверняка тянешь... Но, черт возьми, как тебя ухватить? Вот если бы нашёлся второй Странник... Да, второй такойловищи нет во всем мире. И он это знает. И он очень внимательно следит за каждым более или менее талантливым человеком. Прибирает к рукам с юных лет, обласкивает, отдаляет от родителей — а родители-то до смерти, дураки, рады! — и вот, глядишь, ещё один солдатик становится в твой строй... Ох как это здорово, что Странника сейчас нет, какая это удача!»

Машина остановилась, референт распахнул дверцу. Прокурор вылез, поднялся по ступенькам в застекленный вестибюль. Головастик со своими референтами уже ждал его. Прокурор с надлежущей скукой на лице вяло пожал Головастику руку, посмотрел на референтов и позволил препроводить себя в лифт. В кабину вошли по регламенту: господин государственный прокурор, за ним господин заместитель начальника Департамента, следом референт государственного прокурора и старший из референтов господина заместителя начальника. Прочих оставили в вестибюле. В кабинет Головастика вошли опять по регламенту: господин прокурор, за ним Головастик; референта прокурора и старшего референта Головастика оставили за дверью в приемной. Прокурор сейчас же утомленно погрузился в кресло, а Головастик немедленно засуетился, забил пальцами по кнопкам на краю стола и, когда в кабинет сбежалась целая орава секретарей, приказал подать чай.

Первые несколько минут прокурор для развлечения разглядывал Головастика. У Головастика был на редкость виноватый вид. Он избегал смотреть в глаза, то и дело приглаживал волосы, судорожно потирал руки, неестественно покашливал и совершал множество бессмысленных, суетливых движений. У него всегда был такой вид. Внешность и поведение были его основным капиталом. Он вызывал непрерывные подозрения в нечистой совести и навлекал на себя непрерывные тщательнейшие проверки. Департамент общественного здоровья изучил его жизнь по часам. И поскольку жизнь его была безукоризненна, а каждая новая проверка лишь подтверждала этот неожиданный факт, продвижение Головастика по служебной лестнице происходило с редкостной быстротой.

Прокурор все это прекрасно знал: он лично три раза доскональнейшим образом проверял Головастика, и тем не менее сейчас, рассматривая его, забавляясь им, он вдруг поймал себя на мысли, что Головастик, ей-богу, знает, пройдоха, где находится Странник, и ужасно боится, что это из него сейчас вытянут. И прокурор не удержался.

— Привет от Странника, — сказал он небрежно, постукивая пальцами по подлокотнику.

Головастик быстро посмотрел на прокурора и тут же отвел глаза.

— М-м... да... — сказал он, покусывая губу. — Кхе... Сейчас вот... гм... чай принесут...

— Он просил тебя позвонить, — сказал прокурор еще небрежнее.

— Что?.. А-а... Ладно... Чай у меня сегодня будет исключительный. Новая секретарша прямо-таки знаток в чаях... То есть... кхе... А куда ему позвонить?

— Не понимаю, — сказал прокурор.

— Нет, я к тому, что... гм... если ему позвонить, то надо же знать... кхе... телефон... он же никогда телефона не оставляет... — Головастик вдруг засуетился, мучительно покраснел, захлопал по столу ладонями, нашел карандаш. — Куда он велел позвонить?

Прокурор отступился.

— Это я пошутил, — сказал он.

— А?.. Что?.. — На лице Головастика мгновенно, сменяя друг друга, промелькнуло множество подозрительнейших выражений. — А! Пошутил? — Он загоготал фальшивым смехом. — Это ты ловко меня... Вот потеха! А я уж думал... Га-га-га!.. А вот и чаек!

Прокурор принял из холеных рук холеной секретарши стакан крепкого горячего чая и сказал:

— Ладно, пошутили, и хватит. Времени мало. Где твоя бумага?

Головастик, совершив массу ненужных движений, извлек из стола и протянул прокурору проект инспекционного акта. Судя по тому, как он при этом сокращался и ежился, проект был набит фальшивой информацией, имел целью ввести инспектора в заблуждение и вообще был составлен с подрывными намерениями.

— Н-нута-с... — проговорил прокурор, причмокивая кусочком сахара. — Что тут у тебя?.. «Акт проверочного обследования»... Н-ну... Лаборатория интерференции... Лаборатория спектральных исследований... Лаборатория интегрального излучения... Ничего не понимаю, черт ногу сломит! Как ты во всем этом разбираешься?

— А я... гм... Я, знаешь, тоже не разбираюсь, я ведь по специальности... гм... администратор... мое дело... это... общее руководство...

Головастик прятал глаза, покусывал губы, с размаху ерошил волосы, и уже было совершенно ясно, что никакой он не администратор, а хонтийский шпион с высшим специальным образованием. Ну и фигура!..

Прокурор снова обратился к акту. Он сделал глубокомысленное замечание о перерасходе средств, допущенном группой усиления мощности; спросил, кто такой Зон Баруту, не родственник ли он Мору Баруту, знаменитому писателю-пропагандисту; отпустил упрек по поводу безлинзового рефрактометра, который стоил сумасшедших денег, а до сих пор не запущен, и подвел итог по работам сектора исследований и совершенствования излучения, сказавши, что существенных сдвигов ему не видится («И слава богу», — мысленно добавил он) и что это его мнение должно быть обязательно занесено в белой вариант акта.

Часть акта, касающуюся работ сектора защиты от излучения, он просмотрел еще более небрежно.

— Топчетесь на месте, — объявил он. — По физической защите вообще ничего не добились, по физиологической — и того меньше... Физиологическая защита — это вообще не то, что нам нужно: чего это ради я дам себя кромсать, еще идиотом сделаете... А вот химики молодцы — еще минуту выиграли. В прошлом году минуту, да в позапрошлом году полторы... Что же это получается? Значит, теперь я могу принять пилюлю и вместо тридцати минут буду мучиться двадцать две... Что ж, неплохо. Почти тридцать процентов... Запиши-ка мое мнение: усилить темпы работы по физической защите, поощрить работников отдела химической защиты. Все. — Он перебросил листки Головастику. — Прикажи это отпечатать начисто... и мое мнение. А сейчас, проформы ради, проводи-ка меня... ну, скажем... э-э... У физиков я прошлый раз был. Проводи-ка ты меня к химикам, посмотри, как там у них...

Головастик вскочил и снова ударил по кнопкам, а прокурор поднялся с видом крайнего утомления.

В сопровождении Головастика и дневного референта он неторопливо пошел по лабораториям отдела химической защиты, вежливо улыбаясь людям с одним шевроном на рукаве халата, похлопывая иногда по плечу бесшевронных, приостанавливаясь около двухшевронных, чтобы пожать руку, понимающе покивать головой и осведомиться, нет ли претензий.

Претензий не было. Все вроде бы работали или делали вид, что работают, — у них не поймешь. Мигали какие-то лампочки на каких-то приборах, варились какие-то жидкости в каких-то сосудах, пахло какой-то дрянью, кое-где мучили животных. Было у них здесь чисто, светло, просторно; люди казались сытыми и спокойными, энтузиазма не проявляли, с инспектором держались вполне корректно, но без всякой теплоты и, уж во всяком случае, без приличествующего подобострастия.

И во многих комнатах — будь то кабинет или лаборатория — висел портрет Странника: над рабочим столом, рядом с таблицами и графиками, в простенке между

окнами, над дверью; иногда портрет лежал под стеклом на столе. Это были фотографии, рисунки карандашом или углем; один портрет был даже написан масляной краской. Здесь можно было увидеть Странника, играющего в мяч; Странника, читающего лекцию; Странника, грызущего яблоко; Странника сурового, задумчивого, усталого, разъяренного и даже Странника, хохочущего во всю глотку. Эти сукины дети даже рисовали на него шаржи и вешали их на самых видных местах... Прокурор представил, как он входит в кабинет младшего советника юстиции Фильтика и обнаруживает там карикатуру на себя. Массаракш, это было невообразимо, невозможно!

Он улыбался, похлопывал, жал руки, а сам все время думал, что вот второй раз он уже здесь с прошлого года и все вроде бы по-старому, но раньше он как-то не обращал на это внимания... А теперь вот обратил. Почему только теперь?.. А, вот почему! Что такое был для меня Странник год или два назад? Формально — один из нас, фактически — кабинетная фигура, не имеющая ни влияния на политику, ни своего места в политике, ни своих целей в политике. Однако с тех пор он успел многое. Общегосударственного масштаба операция по изъятию иностранных шпионов — это его акция. Прокурор сам вел эти процессы и был тогда потрясен, поняв, что имеет дело не с обычными липовыми шпионами-выродками, а с настоящими матерыми разведчиками, заброшенными Островной Империей для сбора научной и экономической информации. Странник выудил их всех, всех до единого, и с тех пор стал неизменным шефом особой контрразведки.

Далее: именно Странник раскрыл заговор лысого Волдыря, фигуры жуткой, сидевшей очень прочно, сильно и опасно копавшей под шефство Странника над контрразведкой. И сам же его шлепнул, никому не доверил. Он всегда выступал открыто, никогда не маскировался и действовал только в одиночку — никаких коалиций, никаких уний, никаких временных союзов. Так он свалил одного за другим трех начальников Военного департамента — те даже пикнуть не успевали, а их уже вызывали наверх, — пока не добился, чтобы поставили Дергунчика, панически боящегося войны... Это он год назад зарубил проект «Золото», представленный наверх Имперским Союзом промышленности и финансов... Тогда казалось, что Странник вот-вот слетит, потому что проект вызвал восторг у самого Канцлера, но Странник ему как-то доказал, что все выгоды проекта — сугубо временные, а через десять лет начнется повальная эпидемия сумасшествия и полная разруха... Он все время как-то ухитрялся им доказывать; никто никогда ничего не мог им доказать, только Странник мог. И в общем-то понятно почему. Он никогда ничего не боялся. Да, он долго сидел у себя в кабинете, но в конце концов понял свою истинную цену. Понял, что он нужен всем нам, кто бы мы ни были и как бы ни дрались между собой. Потому что только он может создать защиту, только он может избавить нас от мучений... А сопляки в белых халатах рисуют на него карикатурочки...

Референт распахнул перед прокурором очередную дверь, и прокурор увидел своего Мака. Мак в белом халате с шевроном на рукаве сидел на подоконнике и смотрел наружу. Если бы какой-нибудь советник юстиции позволил себе в служебное время торчать на подоконнике и считать галок, его можно было бы со спокойной совестью пустить по этапу, как явного бездельника и даже саботажника. В данном же случае, массаракш, ничего сказать было нельзя. Ты его за шиворот, а он тебе: «Позвольте! Я ставлю мысленный эксперимент! Отойдите и не мешайте!»

Великий Мак считал галок. Он мельком взглянул на вошедших, вернулся было к своему занятию, но тут же снова оглянулся и всмотрелся более пристально. «Узнал, — подумал прокурор. — Узнал, умница моя...» Он вежливо улыбнулся Маку, похлопал по плечу молоденького лаборанта, крутившего арифмометр, и, остановившись посередине комнаты, огляделся.

— Ну-с... — произнес он в пространство между Маком и Головастиком. — А здесь у нас что делается?

— Господин Сим, — сказал Головастик, краснея, подмигивая и потирая руки, — объясните господину инспектору, чем вы... кхе... гм...

— А ведь я вас знаю, — сказал великий Мак, как-то неожиданно возникая в двух шагах от прокурора. — Простите, если я не ошибаюсь, вы — государственный прокурор.

Да, иметь дело с Маком было нелегко — весь тщательно продуманный план полетел к черту сразу же: Мак и не подумал ничего скрывать, он ничего не боялся, ему было любопытно, он смотрел на прокурора с высоты своего огромного роста как на некое странное экзотическое животное...

Надо было перестраиваться на ходу.

— Да, — с холодным удивлением произнес прокурор, переставая улыбаться. — Насколько мне известно, я действительно государственный прокурор, хотя мне непонятно... — Он нахмурился и взгляделся в лицо Мака. Мак широко улыбался. — Ба-ба-ба! — воскликнул прокурор. — Ну конечно же... Мак Сим, он же Максим Каммерер! Однако, позвольте, вы же погибли. Массаракш, как вы сюда попали?

— Длинная история, — ответил Мак, махнув рукой. — Между прочим, я тоже удивлен, увидев вас здесь. Никогда не предполагал, что наши занятия интересуют Департамент юстиции...

— Ваши занятия интересуют самых неожиданных людей, — сказал прокурор. Он взял Мака под руку, отвел его к дальнему окну и доверительным шепотом осведомился: — Когда вы нам подарите пилюли? Настоящие пилюли, на все тридцать минут...

— А вы разве тоже?.. — спросил Мак. — Впрочем, да, естественно...

Прокурор горестно покачал головой и с тяжелым вздохом закатил глаза.

— Наше благословение и наше проклятие, — проговорил он. — Счастье нашего государства и горе его правителей... Массаракш, я ужасно рад, что вы живы, Мак! Должен вам сказать, что дело, по которому вы проходили, было одним из немногих в моей карьере, оставивших у меня чувство досадной неудовлетворенности... Нет-нет, не пытайтесь отрицать: по букве закона вы были виновны, с этой стороны все в порядке... Вы напали на башню, кажется, убили легионера, за это, знаете ли, по головке не гладят. Но вот по существу... Признаюсь, рука у меня дрогнула, когда я подписывал ваш приговор. Как будто я приговаривал ребенка, не обижайтесь. В конце концов, ведь это была затея скорее наша, чем ваша, и вся ответственность...

— Я не обижаюсь, — сказал Мак. — И вы не далеки от истины: выходка с этой башней была ребяческая... Слава богу, что нас тогда не расстреляли.

— Это было все, что я мог сделать, — сказал прокурор. — Помнится, я был очень огорчен, узнав о вашей гибели... — Он засмеялся и дружески стиснул локоть Мака. — Чертовски рад, что все кончилось так благополучно. Чертовски рад сделать знакомство... — Он поглядел на часы. — Слушайте, Мак, а почему вы здесь? Нет-нет, я не собираюсь вас арестовывать, это не мое дело, пусть теперь вами занимается военная комендатура. Но что вы делаете в этом институте? Разве вы химик? Да еще... — Он показал пальцем на шеврон.

— Я — все понемножку, — сказал Мак. — Немножко химик, немножко физик...

— Немножко подпольщик, — сказал прокурор, благодушно смеясь.

— Очень немножко, — решительно сказал Мак.

— Немножко фокусник... — сказал прокурор.

Мак внимательно посмотрел на него.

— Немножко фантазер, — продолжал прокурор, — немножко авантюрист...

— Это уже не специальности, — возразил Мак. — Это, если угодно, просто свойства всякого порядочного ученого.

— И порядочного политика, — сказал прокурор.

— Редкое сочетание слов, — заметил Мак.

Прокурор вопросительно посмотрел на него, потом сообразил и снова засмеялся.

— Да, — сказал он. — Политическая деятельность имеет свою специфику. Никогда не опускайтесь до политики, Мак, оставайтесь со своей химией... — Он посмотрел на часы и с досадой сказал: — Ах, проклятье, совершенно нет времени, а так хотелось бы с вами

поболтать... Я смотрел ваше досье, вы — любопытнейшая личность... Но вы, вероятно, тоже сильно заняты...

— Да, — сказал умница Мак. — Хотя, конечно, не так сильно, как государственный прокурор.

— Так, — произнес прокурор с комическим упреком. — А ваше начальство уверяет нас, будто вы работаете днем и ночью... Я, например, не могу сказать этого о себе. У государственного прокурора случаются свободные вечера... Вы удивитесь, но у меня есть к вам масса вопросов, Мак. Признаться, я хотел побеседовать с вами еще тогда, после процесса. Но — дела, бесконечные дела...

— Я к вашим услугам, — сказал Мак. — Тем более что у меня тоже есть к вам вопросы.

«Ну-ну! — мысленно одернул его прокурор. — Не надо так откровенно, мы здесь не одни». Вслух он сказал спокойно:

— Прекрасно! Все, что в моих силах... А теперь, прошу меня простить, бегу...

Он пожал огромную ладонь своего Мака, уже пойманного Мака, окончательно попавшегося на удочку Мака. «Он прекрасно мне подыгрывал, он, несомненно, хочет встретиться, и сейчас я его подсеку...» Прокурор остановился в дверях, щелкнул пальцами и сказал, повернувшись:

— Позвольте, Мак, а что вы делаете сегодня вечером? Я только что сообразил, что у меня сегодня свободный вечер...

— Сегодня? — сказал Мак. — Ну что же... Правда, сегодня у меня...

— Приходите вдвоем! — воскликнул прокурор. — Еще лучше — я познакомлю вас с женой, получится прекрасный вечер... Восемь часов вас устроит? Я пришлю за вами машину. Договорились?

— Договорились.

«Договорились!» — ликуя, думал прокурор, обходя последние лаборатории отдела, улыбаясь, похлопывая и пожимая. «Договорились!» — думал он, подписывая акт в кабинете у Головастика. «Договорились, массаракш, договорились!» — кричал он про себя торжествуя по дороге домой...

Он отдал распоряжение шоферу. Он приказал референту сообщить в Департамент, что господин прокурор занят... Никого не принимать, отключить телефон и вообще убираться к дьяволу с глаз долой, но так, впрочем, чтобы все время оставаться под рукой. Он вызвал жену, поцеловал ее в шею, вскользь припомнив, что не виделись они уже дней десять, и попросил ее распорядиться насчет ужина, хорошего, легкого, вкусного ужина на четверых, быть за столом пайнкой и приготовиться встретить очень интересного человека. И побольше вин, самых лучших и разных.

Потом он заперся в кабинете, опять выложил на стол дело в зеленой папке и принялся продумывать заново, с самого начала. Его обеспокоили только один раз: курьер из Военного департамента принес последнюю фронтовую сводку. Фронт развалился. Кто-то надумил хонтийцев обратить внимание на желтые машины, и вчера ночью они расстреляли и уничтожили атомными снарядами до девяноста пяти процентов танков-излучателей. О судьбе прорвавшейся армии сведений больше не поступало... Это был конец. Это был конец войне. Это был конец генералу Шекагу и генералу Оду. Это был конец Очкарику, Чайнику, Туче и другим, помельче. Очень возможно, что это был конец Графу. И уж, конечно, это был бы конец Умнику, если бы Умник не был умником...

Он растворил сводку в стакане с водой и пошел ходить кругами по кабинету. Он испытывал огромное облегчение. Теперь он, по крайней мере, точно знал, когда его вызовут наверх. Сначала они покончат с Бароном и будут не меньше суток выбирать между Дергунчиком и Зубом. Затем им придется повозиться с Очкариком и Тучей. Это еще сутки. Ну, Чайника они прихлопнут мимоходом, а вот генерал Шекагу один отнимет у них не меньше двух суток. А потом, и только потом... Потом у них уже больше не будет никакого «потом»...

Он не выходил из кабинета до самого приезда гостя.

Гость произвел самое приятное впечатление. Он был великолепен. Он был настолько великолепен, что прокурорша, женщина холодная, светская в самом страшном смысле слова, давным-давно в глазах прокурора уже не женщина, а старый боевой товарищ, при первом взгляде на Мака сбросила лет двадцать и вела себя чертовски естественно — она словно знала, какую роль должен сыграть Мак в ее судьбе.

— А почему вы один? — удивилась она. — Муж заказал ужин на четверых...

— Да, действительно, — подтвердил прокурор, — я понял так, что вы придете со своей дамой. Я помню эту девушку, она из-за вас чуть не попала в беду...

— Она попала в беду, — сказал Мак спокойно. — Но об этом мы поговорим потом, с вашего разрешения. Куда прикажете идти?..

Ужинали долго, весело, много смеялись, немножко пили. Прокурор рассказывал последние сплетни. Прокурорша очень мило загибала нескромные анекдоты, а Мак в юмористических тонах описал свой полет на бомбовозе. Хохоча над его рассказом, прокурор с ужасом думал, что бы сейчас с ним было, если бы хоть одна ракета попала в цель...

Когда все было съедено и выпито, прокурорша извинилась и предложила мужчинам доказать, что они способны просуществовать без дамы хотя бы час. Прокурор воинственно принял этот вызов, схватил Мака под руку и повлек его в кабинет угощать вином, которое имели возможность дегустировать всего три десятка человек в стране.

Они расположились в мягких креслах по сторонам низенького столика в самом уютном углу кабинета, пригубили драгоценное вино и посмотрели друг на друга. Мак был очень серьезен. Умница Мак явно знал, о чем пойдет разговор, и прокурор вдруг отказался от первоначального плана беседы, хитроумной, изматывающей, построенной на полунамеках, рассчитанной на постепенное взаимопризнание. Судьба Рады, интрига Странника, козни Творцов — все это не имело никакого значения. Он с удивительной, доводящей до отчаяния отчетливостью осознал, что все его мастерство в такого рода беседах окажется лишним с этим человеком. Мак либо согласится, либо откажется. Это было предельно просто, так же, как и то, что прокурор либо будет жить, либо будет раздавлен через несколько дней. У него дрогнули пальцы, он поспешно поставил рюмку на столик и начал без всяких предисловий:

— Я знаю, Мак, что вы — подпольщик, член штаба и активный враг существующего порядка. Кроме того, вы — беглый каторжник и убийца экипажа танка специального назначения... Теперь обо мне. Я — государственный прокурор, доверенное лицо правительства, допущенное к высшим государственным тайнам, и тоже враг существующего порядка. Я предлагаю вам свергнуть Огненосных Творцов. Когда я говорю «вам», я имею в виду вас и только вас: вашей организации это не касается. Прошу понять, что вмешательство подполья может только испортить дело. Я предлагаю вам заговор, который базируется на знании самой главной государственной тайны. Я сообщу вам эту тайну. Только мы двое должны знать ее. Если ее узнает кто-нибудь третий, мы будем уничтожены в ближайшее же время. Имейте в виду, что подполье и штаб кишат провокаторами. Поэтому не вздумайте доверяться кому-нибудь, и в особенности близким друзьям...

Он залпом осушил свою рюмку, не почувствовав вкуса, наклонился к Маку и продолжал:

— Я знаю, где находится Центр. Вы — единственный человек, который способен этот Центр захватить. Я предлагаю вам разработанный план захвата Центра и последующих действий. Вы исполняете этот план и становитесь во главе государства. Я остаюсь при вас политическим и экономическим советником, поскольку в такого рода делах вы ни черта не смыслите. Ваша политическая программа мне в общих чертах

известна. Не возражаю. Согласен уже просто потому, что ничего не может быть хуже нынешнего положения. Все. Я закончил. Слово за вами.

Мак молчал. Он крутил в пальцах драгоценный бокал с драгоценным вином и молчал. Прокурор ждал. Он не чувствовал своего тела. Ему казалось, что его здесь нет, что он висит где-то в небесной пустоте, смотрит вниз и видит мягко освещенный уютный уголок, молчащего Мака и рядом с ним в кресле нечто мертвое, окоченевшее, безгласное и бездыханное...

Потом Мак спросил:

— Сколько у меня шансов остаться в живых при захвате Центра?

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказал прокурор.

Вернее, это ему почудилось, что он сказал, потому что Мак сдвинул брови и снова уже громче повторил свой вопрос.

— Пятьдесят на пятьдесят, — хрипло сказал прокурор. — Может быть, даже больше. Не знаю.

Мак снова долго молчал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Где находится Центр?

Глава девятнадцатая

Около полудня раздался телефонный звонок. Максим взял наушник. Голос прокурора сказал:

— Прошу господина Сима.

— Я вас слушаю, — отозвался Максим. — Здравствуйте.

Он сразу почувствовал, что случилось неладное.

— Он приехал, — сказал прокурор. — Начинайте немедленно. Это возможно?

— Да, — сказал Максим сквозь зубы. — Но вы мне кое-что обещали...

— Я ничего не успел, — сказал прокурор. В голосе его прорвалась паническая нотка. — И теперь уже не успеть. Начинайте немедленно, нельзя ждать ни минуты! Вы слышите, Мак?

— Хорошо, — сказал Максим. — У вас все?

— Он едет к вам. Он будет у вас через тридцать — сорок минут.

— Понял. Теперь все?

— Все. Давайте, Мак, давайте. С богом!

Максим бросил наушник и несколько секунд посидел, соображая. «Массаракш, все летит кувыркком... Впрочем, подумать я еще успею...» Он снова схватил наушник.

— Профессора Аллу Зефа.

— Да! — рявкнул Зеф.

— Это Мак...

— Массаракш, я же просил не приставать ко мне сегодня...

— Заткнись и слушай. Немедленно спускайся в холл и жди меня...

— Массаракш, я занят!

Максим скрипнул зубами и покосился на лаборанта. Лаборант прилежно считал на арифмометре.

— Зеф, — сказал Максим, — немедленно спускайся в холл. Тебе понятно? Немедленно! — Он отключился и набрал номер Вепря. Ему повезло: Вепрь оказался дома. — Это Мак. Выходите на улицу и ждите меня, есть срочное дело.

— Хорошо, — сказал Вепрь. — Иду.

Бросив наушник, Максим полез в стол, вытащил первую попавшуюся папку и перелистал бумаги, лихорадочно соображая, все ли готово. «Машина в гараже, бомба в багажнике, горючего полный бак... Оружия нет, и черт с ним, не надо оружия... Документы в кармане. Вепрь ждет... Это я молодец, хорошо придумал про Вепря... Правда, он может отказаться... Нет, вряд ли он откажется, я бы не отказался... Все... Кажется, все...» Он сказал лаборанту:

— Меня вызывают, скажи, что я в Департаменте строительства. Буду через час-два. Пока.

Он взял папку под мышку, вышел из лаборатории и сбежал по лестнице. Зеф уже расхаживал по холлу. Увидев Максима, он остановился, заложил руки за спину и набычился.

— Какого дьявола, массаракш... — начал он еще издали.

Максим, не задерживаясь, схватил его под руку и потащил к выходу.

— Что за дьявольщина? — бормотал Зеф, упираясь. — Куда? Зачем?..

Максим вытолкнул его за дверь и по асфальтовой дорожке поволок за угол к гаражам. Вокруг было пусто, только на газоне вдалеке прерывисто стрекотала травокосилка.

— Да куда ты меня, в конце концов, тащишь? — заорал Зеф.

— Молчи, — сказал Максим. — Слушай. Собери немедленно всех наших. Всех, кого поймаешь... К черту вопросы! Слушай! Всех, кого поймаешь. С оружием. Напротив ворот есть павильон, знаешь?.. Засядьте там. Ждите. Примерно через тридцать минут... Ты меня слушаешь, Зеф?

— Ну? — спросил Зеф нетерпеливо.

— Примерно через тридцать минут к воротам подъедет Странник...

— Он приехал?

— Не перебивай. Примерно через тридцать минут к воротам, может быть, подъедет Странник. Если не подъедет — хорошо. Просто сидите и ждите меня. А если подъедет — расстреляйте его.

— Ты что, свихнулся? — сказал Зеф, останавливаясь. Максим пошел дальше, а Зеф с проклятиями побежал следом: — Нас же всех перебьют, массаракш! Охрана!.. Шпики вокруг!..

— Сделайте все, что сможете, — сказал Максим. — Странника надо застрелить...

Они подошли к гаражу. Максим навалился на засов и откатил дверь.

— Какая-то безумная затея... — сказал Зеф. — Зачем? Почему Странника? Вполне приличный дядька, его все здесь любят...

— Как хочешь, — холодно сказал Максим. Он открыл багажник, ощупал сквозь промасленную бумагу запал с часовым механизмом и снова захлопнул крышку. — Я ничего не могу тебе сейчас рассказать. Но у нас есть шанс. Единственный... — Он сел за руль и вставил ключ в зажигание. — И еще имей в виду: если вы не прикончите этого приличного дядьку, он прикончит меня. У тебя очень мало времени. Действуй, Зеф.

Он включил двигатель и задом медленно выехал из гаража.

Зеф стоял в дверях. Первый раз в жизни Максим видел такого Зефа — испуганного, ошеломленного, растерявшегося. «Прощай, Зеф», — сказал он про себя на всякий случай.

Машина подкатила к воротам. Легионер с каменным лицом неторопливо записал номер, открыл багажник, заглянул, закрыл багажник, вернулся к Максиму и строго спросил:

— Что вывозите?

— Рефрактометр, — сказал Максим, протягивая пропуск и разрешение на вывоз.

— «Рефрактометр РЛ-7, инвентарный номер...» — пробормотал легионер. — Сейчас я запишу...

Он неторопливо полез в карман за блокнотом.

— побыстрее, пожалуйста, я тороплюсь, — сказал Максим.

— Кто подписывал разрешение?

— Не знаю... Наверное, Головастик.

— Не знаете... Расписывался бы разборчиво, все было бы в порядке...

Он наконец отворил ворота. Максим выкатил на трассу и выжал из своей тележки все, что было можно. «Если ничего не выйдет, — подумал он, — и я останусь жив, придется удирать... Проклятый Странник, почуял, чертов сын, вернулся... А что я буду

делать, если выйдет? Ничего не готово, схемы Дворца нет — не успел Умник, и фотографии Творцов он тоже не достал... Ребята не готовы, плана действий никакого нет... проклятый Странник! Если бы не он, у меня было бы еще три дня на разработку плана... и армия... и штаб, массаракш! Вот кто сразу оживится! Вот с кого надо начинать. Ну, это дело Вепря, он будет рад этим заняться, он в этом разбирается. И еще маячат где-то белые субмарины... Массаракш, ведь еще война! Да, война, кажется, кончилась. Впрочем, кто знает, что они еще там готовят...» Максим свернул с центральной улицы в узкий проулок между двумя гигантскими небоскребами розового камня и по булыжной мостовой подкатил к ветхому, почерневшему домику. Вепрь уже ждал, покуривая сигарету, прислонившись спиной к фонарному столбу. Когда машина остановилась, он бросил окурок и, протиснувшись через маленькую дверцу, сел рядом с Максимом. Он был спокоен и холоден, как всегда.

— Здравствуйте, Мак, — сказал он. — Что случилось?

Максим развернул машину и снова выехал на главную улицу.

— Что такое термическая бомба, знаете? — спросил он.

— Слыхал, — ответил Вепрь.

— Хорошо. С синхронными запалами имели когда-нибудь дело?

— Вчера, например, — сказал Вепрь.

— Отлично.

Некоторое время они ехали молча. Здесь было большое движение, и Максим отключился, сосредоточившись на том, чтобы прорваться, пробиться, протиснуться между огромными грузовиками и старыми облезлыми автобусами, и никого не задеть, и не дать никому задеть себя, и попасть под зеленый свет, а потом снова попасть под зеленый свет, не потерять хотя бы ту жалкую скорость, которую они имели, и наконец их автомобиль вырвался на Лесное шоссе, на знакомую автостраду, обсаженную огромными деревьями.

«Забавно, — подумал вдруг Максим. — По этой самой дороге я въезжал в этот мир, вернее, меня ввозил бедняга Фанк, а я ничего не соображал и думал, что он специалист по пришельцам. А теперь по этой же дороге я, возможно, выезжаю из этого мира и из мира вообще, да еще увожу с собой хорошего человека...» Он покосился на Вепря. Лицо Вепря было совершенно спокойно: он сидел, выставив локоть протеза в окно, и ждал, когда ему объяснят. Может быть, он удивлялся, может быть, волновался, но это не было заметно, и Максим почувствовал гордость, что такой человек доверяет ему и полагается на него без оглядки.

— Я вам очень благодарен, Вепрь, — сказал он.

— Вот как? — произнес Вепрь, повернув к нему сухое желтоватое лицо.

— Помните, однажды на заседании штаба вы отозвали меня в сторону и дали мне несколько разумных советов?

— Помню.

— Так вот, я вам за это благодарен. Я вас послушался.

— Да, я заметил. Вы меня этим даже несколько разочаровали.

— Вы были правы тогда, — сказал Максим. — Я послушался ваших советов, и в результате дело повернулось так, что мне предоставляется возможность проникнуть в Центр.

Вепрь дернулся.

— Сейчас? — быстро спросил он.

— Да. Приходится спешить, я ничего не успел приготовить. Меня могут убить, и тогда все будет напрасно. Поэтому я взял с собой вас.

— Говорите.

— Я войду в здание, вы останетесь в машине. Через некоторое время поднимется тревога, может быть, начнется стрельба. Это не должно вас касаться. Вы продолжаете сидеть в машине и ждать. Вы ждете... — Максим подумал, прикидывая. — Вы ждете двадцать минут. Если в течение этого времени вы получите лучевой удар, значит все

обошлось. Можете падать в обморок со счастливой улыбкой на лице... Если нет — выходите из машины. В багажнике лежит бомба с синхронным запалом на десять минут. Выгрузите бомбу на мостовую, включите запал и уезжайте. Будет паника. Очень большая паника. Постарайтесь выжать из нее все, что только можно.

Некоторое время Вепрь размышлял.

— Вы не разрешите мне позвонить кое-куда? — спросил он.

— Нет, — сказал Максим.

— Видите ли, — сказал Вепрь, — если вас не убьют, то, насколько я понимаю, вам наверняка понадобятся люди, готовые к бою. Если вас убьют, люди понадобятся мне. Вы ведь для этого меня и взяли, на случай, если вас убьют... Но один я смогу только начать, а времени будет мало, и людей надо предупредить заранее. Вот я и хочу их предупредить.

— Штаб? — спросил Максим неприязненно.

— Ни в коем случае. У меня есть своя группа.

Максим молчал. Впереди уже поднималось серое пятиэтажное здание с каменной стеной вдоль фронтона. То самое. Где-то там бродила по коридорам Рыба, орал и плевался разгневанный Бегемот. И там был Центр. Круг замыкался.

— Ладно, — сказал Максим. — У входа есть телефон-автомат. Когда я войду внутрь — но не раньше, — можете выйти из машины и позвонить.

— Хорошо, — сказал Вепрь.

Они уже подъезжали к повороту с автострады. Почему-то Максим вспомнил Раду и представил себе, что с нею станет, если он не вернется. Плохо ей будет. А может быть, и ничего. Может быть, наоборот, ее выпустят... «Все равно — одна. Гая нет, меня нет... Бедная девочка...»

— У вас есть семья? — спросил он Вепря.

— Да. Жена.

Максим покусал губу.

— Извините, что так неловко получилось, — пробормотал он.

— Ничего, — спокойно сказал Вепрь. — Я попрощался. Я всегда прощаюсь, когда ухожу из дому... Вот это, значит, и есть Центр? Кто бы мог подумать...

Максим остановился на стоянке, втиснувшись между ветхой малолитражкой и роскошным правительственным лимузином.

— Ну, вот и все, — сказал он. — Пожелайте мне удачи, Вепрь.

— От всей души... — сказал Вепрь. Голос его осекся, и он закашлялся. — Все-таки я дожил до этого дня, — пробормотал он.

Максим положил щеку на руль.

— Хорошо бы этот день пережить... — сказал он. — Хорошо бы увидеть вечер...

Вепрь посмотрел на него с тревогой.

— Неохота идти, — объяснил Максим. — Ох, неохота... Кстати, Вепрь, имейте в виду и расскажите своим друзьям. Вы живете не на внутренней поверхности шара. Вы живете на внешней поверхности шара. И таких шаров еще множество в мире, на некоторых живут гораздо хуже вас, а на некоторых — гораздо лучше вас. Но нигде больше не живут глупее. Не верите? Ну и черт с вами. Я пошел.

Он распахнул дверцу и вылез наружу. Он прошел по асфальтированной стоянке и стал подниматься по каменной лестнице, ступенька за ступенькой, нащупывая в кармане входной пропуск, который сделал для него прокурор, и внутренний пропуск, который где-то украл для него прокурор, и простую розовую картонку, изображающую пропуск, который прокурор так и не сумел ни сделать, ни украсть для него. Было жарко, небо блестело, как алюминий, непроницаемое небо обитаемого острова. Каменные ступени жгли сквозь подметки, а может быть, это только казалось. Все было глупо. Вся затея была бездарной. «На кой черт все это делать, если подготовиться толком не успели... А вдруг там сидит не один офицер, а два? Или даже три офицера сидят в этой комнатке и ждут меня с автоматами наготове?.. Ротмистр Чачу стрелял из пистолета, калибр тот же, только

пуль будет больше, и я уже не тот, что прежде, он уже основательно укатал меня, мой обитаемый остров. И уползти на этот раз не дадут... Я — дурак. Был дурак и дураком остался. Купил меня господин прокурор, поймал на удочку... Но как он мне поверил? Уму непостижимо... Хорошо бы сейчас удрать в горы, подышать чистым горным воздухом. Так мне и не довелось побывать в здешних горах... Очень люблю горы... Такой умный, недоверчивый человек — и доверил мне такую драгоценность! Величайшее сокровище этого мира! Это гнусное, отвратительное, подлое сокровище... Будь оно проклято, массаракш, и еще раз массаракш, и еще тридцать три раза массаракш!»

Он открыл стеклянную дверь и протянул легионеру входной пропуск. Потом он пересек вестибюль — мимо девицы в очках, которая всё ставила штампы, мимо администратора в каскетке, который все ругался с кем-то по телефону, — и у входа в коридор показал другому легионеру внутренний пропуск. Легионер кивнул ему — они были уже, можно сказать, знакомы, последние три дня Максим приходил сюда ежедневно.

Дальше.

Он прошел по длинному, без дверей, коридору и свернул налево. Здесь он был всего второй раз. Первый раз — позавчера, по ошибке («Вам, собственно, куда нужно, сударь?» — «Мне, собственно, нужно в шестнадцатую комнату, капрал». — «Вы ошиблись, сударь. Вам — в следующий коридор». — «Извините, капрал, виноват. Действительно...»).

Он подал капралу внутренний пропуск и покосился на двух здоровенных легионеров с автоматами, неподвижно стоящих по сторонам двери напротив. Потом взглянул на дверь, в которую ему предстояло войти. «Отдел специальных перевозок». Капрал внимательно рассматривал пропуск, потом, все еще продолжая рассматривать, нажал какую-то кнопку в стене — за дверью зазвенел звонок. «Теперь он там приготовился, офицер, который сидит рядом с зеленой портьерой. Или два офицера приготовились. Или, может быть, даже три офицера... Они ждут, когда я войду. И если я испугаюсь их и выскочу обратно, меня встретит капрал и встретят легионеры, охраняющие дверь без таблички, за которой, должно быть, полным-полно солдат».

Капрал вернул пропуск и сказал:

— Прошу. Приготовьте документы.

Максим, доставая розовую картонку, раскрыл дверь и шагнул в комнату.

Массаракш.

Так и есть.

Не одна комната. Три. Анфиладой. И в конце — зеленая портьера. И ковровая дорожка из-под ног до самой портьеры. По крайней мере тридцать метров.

И не два офицера. Даже не три. Шестеро.

Двое в армейском сером — в первой комнате. Уже навели автоматы.

Двое в жандармском черном — во второй комнате. Еще не навели, но тоже готовы.

Двое в штатском — по сторонам зеленой портьеры в третьей комнате.

Один повернул голову...

Ну, Мак!

Он рванулся вперед. Получилось что-то вроде тройного прыжка с места. Он еще успел подумать: не порвать бы сухожилия.

Туго ударил в лицо воздух.

Зеленая портьера.

Штатский слева смотрит в сторону, шея открыта. Ребром ладони.

Штатский справа, вероятно, мигает. Веки неподвижно полуопущены. Сверху по темени — и в лифт.

В лифте темно. Где кнопка? Массаракш, где кнопка?

Медленно и гулко застучал автомат, и сразу — второй. Ну что ж, отличная реакция. Ду-ут... ду-ут... ду-ут... Но это пока еще в дверь, в то место, где они меня видели. Они еще не поняли, что произошло. Это просто рефлекс.

Кнопка!

Поперек портьеры косо, сверху вниз, медленно движется тень — падает кто-то из штатских.

Массаракш, вот она, на самом видном месте...

Он нажал кнопку, и кабина пошла вниз. Лифт был скоростной, кабина ползла довольно быстро. Заболела толчковая нога. «Неужели все-таки растянул?.. Впрочем, теперь это неважно... Массаракш, да ведь я уже прорвался!»

Кабина остановилась, Максим выскочил, и сейчас же в шахте загрохотало, зазвенело, полетели щепки. Сверху в три ствола били по крыше кабины. «Ладно, ладно, бейте... Сейчас они сообразят, что не стрелять надо, а поднять лифт обратно и спуститься самим... Проморгали, растерялись...

Он огляделся. Массаракш, опять не то... Не один вход, а три. Три совершенно одинаковых тоннеля... Ага, это просто сменные генераторы. Один работает, два на профилактике... Какой же сейчас работает? Так. Кажется, вот этот...

Он бросился в средний тоннель. За спиной зарычал лифт. «Нет-нет, уже поздно... Не те скорости, не успеете... хотя тоннель, надо сказать, длинный, и нога болит... Ну, вот и поворот, теперь вы меня вообще не достанете...» Он добежал до генераторов, басовито урчащих под стальной плитой, остановился и несколько секунд отдыхал, опустив руки. «Так, три четверти дела сделано, даже семь восьмых... Осталась чепуха, одна вторая одной тридцать четвертой... Сейчас они спустятся в лифте, сунутся в тоннель; они наверняка ни черта не знают, депрессионное излучение погонит их обратно... Что еще может случиться? Швырнут по коридору газовую гранату. Вряд ли, откуда она у них... Вот тревогу они уже, наверное, подняли. Творцы могли бы, конечно, выключить депрессионный барьер... Ох, не решатся они, не решатся и не успеют, потому что им же надо собраться впятером, с пятью ключами, договориться, сообразить, не проделка ли это одного из них, не провокация ли это... Ну в самом деле, кто в целом мире может прорваться сюда через лучевой барьер? Странник, если он тайно изобрел защиту? Его задержали бы шестеро с автоматами... А больше некому... И вот, пока они будут ругаться, выяснять, соображать, я закончу дело...»

В тоннеле за углом ударили в темноту автоматы. «Разрешается. Не возражаю...» Он наклонился над распределяющим устройством, осторожно снял кожух и зашвырнул в угол. «М-да, крайне примитивная штука. Хорошо, что я сообразил подчитать кое-что по здешней электронике...» Он запустил пальцы в схему... «А если бы не сообразил? А если бы Странник приехал позавчера? Н-да, господа мои... Массаракш, как током бьется!.. Да, господа мои, оказался бы я в положении эмбриомеханика, которому надо срочно разобраться... даже не знаю в чем... В паровом котле? Разобрался бы эмбриомеханик... В верблюжьей упряжи?.. Да, в верблюжьей упряжи! А? Ну как, эмбриомеханик, разобрался бы? Вряд ли... Массаракш, да что у них здесь все без изоляции?.. Ага, вот ты где... Ну, с богом, как говорит господин государственный прокурор!»

Он сел прямо на пол перед распределителем и тыльной стороной руки вытер лоб. Дело было сделано. Огромной силы удар депрессионного поля обрушился на всю страну — от Заречья до хонтийской границы, от океана до Алебастрового хребта.

Автоматы за углом перестали стрелять. Господа офицеры были в депрессии. Сейчас я посмотрю, что это такое: господа офицеры в депрессии.

Господин прокурор впервые в жизни обрадовался лучевому удару. Не желаю смотреть на этого типа. Огненосные Творцы, так и не успев разобраться и сообразить, корчатся от боли, откинув копыта, как говаривал ротмистр Чачу. Ротмистр Чачу, кстати, тоже в глубокой депрессии, и мысль об этом меня восхищает.

Зеф с ребятами тоже лежат, откинув копыта. Простите, ребята, но так надо.

Странник! Как это здорово: страшный Странник тоже лежит, откинув копыта, расстелив по полу свои огромные уши — самые огромные уши во всей стране. Впрочем, может быть, его уже пристрелили. Это было бы еще лучше.

Рада, моя маленькая бедная Рада, лежит в депрессии... Ничего, девочка, это, наверное, не больно и вообще скоро кончится...

Вепрь...

Он вскочил. Сколько прошло времени? Он рванулся назад по тоннелю. Вепрь тоже лежит, откинув копыта, но если он услышал стрельбу, у него могли не выдержать нервы... Это, конечно, в высшей степени сомнительно — нервы у Вепря, но кто знает!..

Он подбежал к лифту, на секунду задержавшись взглянуть на господ офицеров в депрессии. Зрелище было тяжелое: все трое плакали, побросав автоматы; у них не было даже сил утереть слезы. «Ладно, поплачьте, это полезно, поплачьте над моим Гаем, поплачьте над Птицей... над Гэлом... над моим Лесником... Надо полагать, вы не плакали с детства, и, уж во всяком случае, вы не плакали над теми, кого убивали. Так поплачьте хоть перед смертью...»

Лифт стремглав вынес его на поверхность. Анфилада комнат была полна народа: офицеры, солдаты, капралы, армейцы, легионеры, штатские, все при оружии, все лежат, сидят, пригорюнясь, некоторые плачут в голос, один бормочет, трясет головой и стучит себя в грудь кулаком... А этот вот застрелился... Массаракш, страшная штука — Черное Излучение, недаром Творцы приберегали его про черный день...

Он выбежал в вестибюль, перепрыгивая через бессильно шевелившихся людей, чуть не кубарем скатился по каменным ступенькам и остановился перед своим автомобилем, с облегчением переводя дух. Нервы у Вепря выдержали. Вепрь полулежал на переднем сиденье с закрытыми глазами.

Максим вытащил из багажника бомбу, освободил ее от промасленной бумаги, осторожно взял под мышку и, не торопясь, вернулся к лифту. Он тщательно осмотрел запал, включил часовой механизм, уложил бомбу в кабину и нажал кнопку. Кабина провалилась, унося в преисподнюю огненное озеро, которое выльется на свободу через десять минут. Точнее, через девять минут с секундами...

В автомобиле он осторожно посадил Вепря более или менее прямо, сел за руль и вывел машину со стоянки. Серое здание нависало над ним, тяжелое, нелепое, обреченное, битком набитое обреченными людьми, не способными ни передвигаться, ни понимать, что происходит.

Это было гнездо, жуткое змеиное гнездо, набитое отборнейшей дрянью, специально, заботливо отобранной дрянью, — эта дрянь собрана здесь специально для того, чтобы превращать в дрянь всех, до кого достает гнусная ворожба излучения башен. Все они там враги, и каждый ни на секунду не задумался бы изрешетить пулями, предать, распять меня, Вепря, Зефа, Раду, всех моих друзей и любимых... И все же хорошо, что я вспомнил об этом только сейчас. Раньше такая мысль мне бы помешала. Я бы сразу вспомнил Рыбу... Единственный человек в обреченном змеином гнезде, да и то — Рыба... А что — Рыба? — подумал он. — Что я о ней, в конце концов, знаю? Что она учила меня говорить? И убирала за мной постель?.. Ну-ка, оставь Рыбу в покое, ты отлично понимаешь, что дело не только в Рыбе. Дело в том, что с сегодняшнего дня ты выходишь драться всерьез, насмерть, как все здесь дерутся, и драться тебе придется с дурачьем — со злобным дурачьем, которое оболванено излучением; с хитрым, невежественным, жадным дурачьем, которое направляло это излучение; с благоустремленным дурачьем, которое радо было бы с помощью излучения превратить кукол злобных, осатаневших в кукол умиленных, квазидобрых... И все они будут стремиться убить тебя, и твоих друзей, и твое дело... Колдун сказал: пусть совесть не мешает мыслить ясно и пусть разум научится при необходимости заглушать совесть. Правильно, — подумал он. — Горькая правильность, страшная правильность... То, что я сейчас сделал, здесь называется подвигом. И Вепрь дожил до этого дня. И в этот день верили, как в добрую сказку, Лесник, Птица, Зеленый, и Гэл Кетшеф, и мой Гай, и еще десятки, и сотни, и тысячи людей, которых я никогда не видел... И все-таки мне нехорошо. И если я хочу, чтобы в дальнейшем мне доверяли и шли за мной, я никогда и никому не должен рассказывать, что главный мой подвиг я

совершил не тогда, когда скакал и бегал под пулями, а вот сейчас, когда еще есть время пойти и разрядить бомбу, а я гоню и гоню машину прочь от проклятого места...

Он гнал по прямой автостраде, там, где полгода назад Фанк вез его на своем роскошном лимузине в обгон бесконечной колонны броневиков, мчал, чтобы передать из рук в руки Страннику... И теперь понятно зачем... Неужели он уже тогда знал, что я нейтрален к излучению, что я ничего не понимаю и мною можно вертеть как угодно? Значит, знал Странник, знал проклятый! И значит, это действительно дьявол, самый страшный человек в стране и, может быть, на планете. «Он знает все», — сказал государственный прокурор, боязливо оглядываясь через плечо... Нет, не все. Ты обставил Странника, Мак. Ты выиграл у дьявола. И теперь надо его добить, пока не поздно, пока он еще не очухался, а может быть, его уже добились — прямо у ворот его собственного логова... Ох, не верю, не верю, не по плечу это ребятам, у Волдыря было двадцать четыре родственника с пулеметами... Массаракш! Я не успел даже сообщить Генералу на каторгу, чтобы он был готов поднять политических и гнать их эшелонами сюда. Но что бы там ни случилось, со Странником я должен покончить. Суметь покончить со Странником и суметь продержаться несколько часов, пока армию и Легион не свалит лучевое голодание. Никто ведь из них не знает о лучевом голодании, даже Странник, наверное, не знает, откуда ему знать, ведь во всей стране только я вывозил бедного Гая за пределы лучевого поля...

На шоссе было полно машин. Все они стояли кое-как — поперек, наискосок, завалившись в кюветы. Раздавленные депрессией водители и пассажиры сидели, пригорюнясь, на подножках, бессильно свисали с сидений, валялись у обочин. Все это мешало, все время приходилось притормаживать, огибать, объезжать, и Максим не сразу заметил, что навстречу ему, со стороны города, тоже огибая и объезжая, но, почти не притормаживая, движется плоский ярко-желтый правительственный автомобиль.

Они встретились на сравнительно свободном участке шоссе и проскочили друг мимо друга, едва не столкнувшись, и Максим успел заметить голый череп, круглые зеленые глаза и огромные оттопыренные уши и весь поджался, потому что все снова шло кувырком... «Странник! Массаракш! Вся страна валяется в депрессии, все выродки валяются в обмороке, а этот гад, этот дьявол опять как-то вывернулся! Значит, он все-таки придумал свою защиту... И оружия нет... — Максим посмотрел в зеркальце: длинная желтая машина разворачивалась. — Ну что ж, придется обойтись без оружия. Уж с этим-то совесть меня мучить не будет... — Максим нажал на акселератор. — Скорость, скорость... Ну, милая, еще...» Желтый плоский капот надвигался, рос, уже видны над рулем зеленые пристальные глаза...

Ну, Мак!

Максим растопырился, уперся, одной рукой загородил Вепря и изо всех сил надавил на тормоз.

В раздирающем вое и визге тормозов желтый капот со скрежетом и хрустом вломился ему в багажник и, сминаясь гармошкой, встал дыбом. Посыпались стекла. Максим ногой вышиб дверь и вывалился наружу. Больно было ужасно, боль была в пятке, в разбитом колене, в ободранной руке, но он забыл о ней через мгновение, потому что Странник уже стоял перед ним. Это было невозможно, но это было. Дьявол, дьявол — длинный, сухой, грозный, с отведенной для удара рукой...

Максим бросился на него, вложив в этот бросок все, что у него еще оставалось. Мимо! И страшный удар в затылок... Мир накренился, чуть не упал, но не упал все-таки, а Странник снова перед глазами, снова голый череп, пристальные зеленые глаза и рука, отведенная для удара... «Стоп, остановись, он промахнется... Ага!.. Куда это он смотрит?.. Ну, нас на это не купишь...» Странник с застывшим лицом уставился поверх головы Максима, и Максим бросился снова и на этот раз попал. Длинный черный человек согнулся пополам и медленно повалился на асфальт. Тогда Максим перевел дух и обернулся.

Серый куб Центра был прекрасно виден отсюда, и он больше не был кубом. Он плющился на глазах, стекал и проваливался внутрь себя; над ним поднимался дрожащий знойный воздух, и пар, и дым, и что-то ослепительно белое, жаркое даже здесь, страшно и весело выглядывало сквозь длинные вертикальные трещины и оконные дыры... Ладно, там все в порядке... Максим с торжеством повернулся к Страннику. Дьявол лежал на боку, обхватив живот длинными руками, глаза его были закрыты. Максим осторожно придвинулся. Из покореженной малолитражки высунулся Вепрь. Он возился и ерзал, пытаясь выбраться наружу. Максим остановился рядом со Странником и наклонился, примериваясь, как ударить, чтобы покончить сразу. Массаракш, проклятая рука не поднималась на лежащего... И тут Странник приоткрыл глаза и сипло произнес:

— Dumkopf! Rotznase!

Максим не сразу его понял, а когда понял, у него подкосились ноги.

Дурак...

Сопляк...

Дурак...

Сопляк...

Потом из серой гулкой пустоты ясно и отчетливо донесся голос Вепря:

— Отойдите-ка, Мак, у меня пистолет.

Максим, не глядя, поймал его за руку.

Странник с трудом сел, все еще держась за живот.

— М-мальчишка... — прошипел он с трудом. — Не стойте столбом... ищите машину, живо, живо... Да не стойте же, поворачивайтесь!

Максим тупо огляделся. Шоссе оживало. Центра больше не было — он превратился в лужу расплавленного металла, в пар, в смрад; башни больше не работали, куклы перестали быть куклами. Ошеломленные люди, приходя в себя, хмуро озирались, топтались возле своих машин, пытаясь сообразить, что с ними произошло, как они сюда попали, зачем они здесь и что делать дальше.

— Кто вы такой? — спросил Вепрь.

— Не ваше дело, — сказал Странник по-немецки. Ему было больно, он кряхтел и задыхался.

— Не понимаю, — сказал Вепрь, приподнимая ствол пистолета.

— Каммерер... — позвал Странник. — Заткните глотку своему террористу... и ищите машину...

— Какую машину?.. — сказал Максим тупо и беспомощно.

— Массаракш... — прокряхтел Странник. Он кое-как поднялся, все еще сутулясь, прижимая ладонь к животу; неверными шагами подошел к Максиму автомобильчику и пролез внутрь. — Садитесь... быстро! — сказал он уже из-за руля. Потом он оглянулся через плечо на окрашенный пламенем столб дыма. — Что вы туда подбросили? — спросил он безнадежно.

— Термическую бомбу.

— В подвал или в вестибюль?

— В подвал, — сказал Максим.

Странник застонал, посидел немного, откинув голову, потом включил двигатель. Машина затряслась и задрезбуждала.

— Да садитесь же вы наконец! — заорал он.

— Кто это такой? — спросил Вепрь. — Хонтиец?

Максим помотал головой, рывком открыл заднюю заклинившуюся дверцу и сказал ему:

— Полезайте.

Сам он обошел машину и сел рядом со Странником. Автомобиль дернулся, в нем что-то завизжало, треснуло, но он уже катился по шоссе, нелепо вихляя, дребезжа незакрывающимися дверцами и громко стреляя глушителем.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил Странник.

— Погодите... — попросил Максим. — Скажите хоть, кто вы такой?

— Я — работник Галактической безопасности, — сказал Странник горько. — Я сижу здесь уже пять лет. Мы готовим спасение этой несчастной планеты. Тщательно, бережно, с учетом всех возможных последствий. Всех, понимаете?.. А вот кто вы такой? Кто вы такой, что лезете не в свое дело, путаете нам карты, взрываете, стреляете, — кто вы такой?

— Я не знал... — произнес Максим упавшим голосом. — Откуда мне было знать?..

— Да, конечно, вы ничего не знали. Но вы же знали, что самостоятельное вмешательство запрещено, вы же работник ГСП... Должны были знать... На Земле мать по нему с ума сходит... девицы какие-то звонят непрерывно... отец работу забросил... Что вы намеревались делать дальше?

— Застрелить вас, — сказал Максим.

— Что-о-о?

Машина вильнула.

— Да, — покорно сказал Максим. — А что мне было делать? Мне сказали, что вы здесь главный негодяй, и... — Он замялся.

Странник искоса глядел на него круглым зеленым глазом.

— И в это не трудно было поверить, так?

— Да, — сказал Максим.

— Ну ладно. А дальше?

— А дальше должна начаться революция.

— Чего это ради?

— Но Центр-то ведь разрушен... излучения больше нет...

— Ну и что же?

— Теперь они сразу поймут, что их угнетают, что жизнь у них дрянная, и поднимутся...

— Куда они поднимутся? — сказал Странник печально. — Кто поднимется? Огненосные Творцы живут и здравствуют, Легион цел и невредим, армия отобилизована, в стране военное положение... На что вы рассчитывали?

Максим покусал губу. Можно было бы, конечно, изложить этому печальному чудовищу свои планы, перспективы и прочее, но что толку? Раз ничего не готово, раз все так получилось...

— Рассчитывать они будут сами. — Он показал через плечо на Вепря. — Вот этот человек, например, пусть рассчитывает... Мое дело было — дать им возможность рассчитывать.

— Ваше дело... — пробормотал Странник. — Ваше дело было — сидеть в уголке и ждать, пока я вас поймаю...

— Да, наверное, — сказал Максим. — В следующий раз я буду иметь это в виду...

— Сегодня отправитесь на Землю, — жестко сказал Странник.

— И не подумаю, — возразил Максим.

— Сегодня вы отправитесь на Землю! — повысив голос, повторил Странник. — На этой планете у меня хватает забот и без вас. Забирайте свою Раду и отправляйтесь...

— Рада у вас? — быстро спросил Максим.

— Да. Давно у меня. Жива и здорова, не беспокойтесь.

— За Раду — спасибо, — сказал Максим. — Большое спасибо...

Машина въехала в город. На главной улице гудела, чадила и ворочалась чудовищная пробка. Странник свернул в проулок и поехал трущобами. Тут все было мертво. На углах столбом, руки за спиной, лицо под боевой каской, торчали чины военной полиции. Да, здесь на события отреагировали быстро — общая тревога и все на местах. Как только очнулись от депрессии. «Может быть, не надо было сразу взрывать? Может быть, надо было действовать по плану прокурора?.. Нет, нет, массаракш! Пусть все идет как идет.

Пусть он мне не выговаривает зря. Пусть они сами разберутся, что к чему, они ведь обязательно разберутся, как только у них прояснится в голове...» Странник снова вывернул на магистраль.

Вебрь деликатно похлопал его по плечу стволом пистолета.

— Будьте добры, высадите меня. Вот здесь. Вон, где люди стоят...

Возле газетного киоска, засунув руки глубоко в карманы длинных серых плащей, стояли люди — человек пять, а больше на тротуарах никого не было, — очевидно, депрессионный удар сильно напугал жителей, и они попрятались кто куда.

— А что вы намерены делать? — спросил Странник, замедляя ход.

— Дышать свежим воздухом, — ответил Вебрь. — Сегодня на редкость славная погода...

— Это наш человек, — сказал ему Максим. (Странник страшно осклабился.) — При нем можно говорить все.

Автомобиль остановился у обочины. Люди в плащах осторожно зашли за киоск. Видно было, как они выглядывают оттуда.

— Наш? — переспросил Вебрь и поднял бровь. — Чей это — наш?

Максим в затруднении поглядел на Странника. Странник и не думал помогать ему.

— Впрочем, ладно, — сказал Вебрь. — Вам я верю. Мы сейчас займемся штабом. Я полагаю, что начинать нужно со штаба. Вы знаете, о чем я говорю, — там есть люди, которых надо убрать, пока они не оседлали движение...

— Правильная мысль... — пробурчал вдруг Странник. — Между прочим, я вас, кажется, узнаю. Вы — Тик Феску, по кличке Вебрь. Так?

— Совершенно верно, — вежливо сказал Вебрь. Потом он сказал Максиму: — А вы займитесь Творцами. Это трудное дело, но оно как раз для вас. Где вас искать?

— Погодите, Вебрь, — сказал Максим. — Я чуть не забыл. Через несколько часов вся страна на много суток свалится от лучевого голодания. Все будут абсолютно беспомощны...

— Все? — с сомнением спросил Вебрь.

— Все, кроме выродков... Это время, эти несколько суток нужно использовать.

Вебрь подумал.

— Что ж, прекрасно, — сказал он. — Если это правда... Впрочем, мы-то будем заниматься как раз выродками. Так где же вас все-таки искать?

Максим не успел ответить.

— По прежнему телефону, — сказал Странник. — И на прежнем месте. И вот что. Создавайте свой комитет. Восстанавливайте организацию, что была при империи. Кое-кто из ваших людей работает у меня в институте... Массаракш! — прошипел он вдруг. — Ни времени нет, ни людей нужных под руками нет... Черт бы вас подрал, Максим!

— Самое главное, — сказал Вебрь, положив руку Максиму на плечо, — что больше нет Центра. Вы молодец, Мак. Спасибо... — Он стиснул Максиму плечо и неловко, цепляясь протезом, полез наружу. Потом его вдруг прорвало. — Господи! — произнес он, стоя рядом с машиной с закрытыми глазами. — Неужели его на самом деле больше нет? Это же... это...

— Закройте дверь, — сказал Странник. — Покрепче, покрепче...

Автомобиль с места рванулся вперед. Максим оглянулся. Вебрь стоял посреди кучки людей в серых плащах и что-то говорил, размахивая здоровой рукой с пистолетом. Люди стояли неподвижно. Они еще не поняли. Или не верили.

Улица была пуста. Вдоль тротуара катили навстречу бронетранспортеры с легионерами, а далеко впереди, там, где был поворот к институту, уже стояли поперек дороги машины и перебежали фигурки в черном. И вдруг в колонне бронетранспортеров объявилась до отвращения знакомая ярко-оранжевая патрульная машина с длинной телескопической антенной.

— Массаракш... — пробормотал Максим. — Я совсем забыл про эти штуки!

— Ты многое забыл, — сказал Странник. — Ты забыл про передвижные излучатели, ты забыл про Островную Империю, ты забыл про экономику... Тебе известно, что в стране инфляция? Тебе вообще известно, что такое инфляция? Тебе известно, что надвигается голод, что земля не родит? Тебе известно, что мы не успели создать здесь ни запасов хлеба, ни запасов медикаментов? Ты знаешь, что это твое лучевое голодание в двадцати процентах случаев приводит к сумасшествию? — Он вытер ладонью могучий залысый лоб. — Нам нужны врачи... двенадцать тысяч врачей. Нам нужны белковые синтезаторы. Нам необходимо дезактивировать сто миллионов гектаров зараженной почвы — для начала. Нам нужно остановить вырождение биосферы... Массаракш, нам нужен хотя бы один землянин на Островах, в адмиралтействе этого мерзавца... Никто не может там удержаться, никто из наших не может хотя бы вернуться и рассказать толком, что там происходит...

Максим молчал. Они подъехали к машинам, загораживающим проезд. Темнолицый коренастый офицер, странно знакомо отмахивая рукой, подошел к ним и каркающим голосом потребовал документы. Странник зло и нетерпеливо сунул ему под нос блестящий жетон. Офицер угрюмо отковырял и взглянул на Максима. Это был господин ротмистр... нет, теперь уже бригадир Боевого Легиона Чачу! Глаза его расширились.

— Этот человек с вами, ваше превосходительство? — спросил он.

— Да. Немедленно прикажите пропустить меня.

— Прошу прощения, ваше превосходительство, но этот человек...

— Немедленно пропустить! — гаркнул Странник громовым голосом.

Бригадир Чачу снова угрюмо козырнул, повернулся на каблуках и махнул солдатам. Один из грузовиков отъехал, и Странник бросил машину в открывшийся проход.

— Вот так-то, — проговорил он. — А ты думал — раз-два, и все... Пристрелить Странника, повесить Творцов, разогнать трусов и фашистов в штабе — и конец революции...

— Я никогда так не думал, — сказал Максим. Он чувствовал себя очень несчастным, раздавленным, беспомощным, безнадежно глупым.

Странник покосился на него, грустно улыбнулся, и тут Максим вдруг увидел, что никакой это не дьявол, и никакой это не Странник, и никакое это не чудовище, — очень немолодой, очень добрый и очень уязвимый человек, угнетенный сознанием огромной ответственности, измученный своей омерзительной маской холодного убийцы, ужасно огорченный очередной помехой, поломавшей тщательно разработанный план, и особенно расстроенный тем, что помехой на этот раз оказался свой же — землянин...

— Не поспел я за тобой, — сказал он печально. — Проглядел я тебя, недооценил. Так, думал, мальчишка, жалко его, попал как кур в ошип... — Он снова усмехнулся и вздохнул. — Быстрые вы, однако, там ребята, в ГСП...

— Нет, — сказал Максим. — Вы не казнитесь так. Я ведь не казнюсь... Простите, как вас зовут?

— Зовите меня Рудольф.

— Да... Я вот не казнюсь, Рудольф. И не собираюсь. Я собираюсь работать. Делать революцию.

— Собирайся лучше домой, — посоветовал Странник уже без всякой надежды.

— Я дома, — сказал Максим нетерпеливо. — Не будем об этом больше... Меня интересуют передвижные излучатели. Что с ними делать?

— С ними ничего не надо делать, — ответил Странник. — Подумай лучше, что делать с инфляцией...

— Я спрашиваю про излучатели, — сказал Максим.

Странник вздохнул.

— Они работают от аккумуляторов, — объяснил он. — И зарядить их можно только у меня в Департаменте. Через трое суток они сдохнут... Но вот через месяц должно начаться вторжение. Обычно нам удавалось сбивать субмарины с курса, и до побережья

доходили только единицы. А на этот раз они готовят армаду... Я рассчитывал на депрессионное излучение, а теперь их придется просто топить... — Он помолчал. — Значит, ты дома. Ну, предположим... Чем же ты конкретно намерен теперь заниматься?

Они подъезжали к Департаменту. Тяжелые ворота были закрыты наглухо, в каменной ограде чернели амбразуры, которых раньше здесь не было. Департамент стал похож на крепость, готовую к бою. А около павильончика стояли трое, и рыжая борода Зефа горела в зелени, как экзотический цветок.

— Не знаю, — сказал Максим. — Я буду делать то, что мне прикажут знающие люди. Если понадобится, я займусь инфляцией. Если придется, буду топить субмарины... Но свою главную задачу я знаю твердо: пока я жив, никому здесь не удастся построить еще один Центр. Даже с самыми лучшими намерениями...

Странник промолчал. Ворота были уже совсем близко. Зеф продрался через живую изгородь и вышел на дорогу. Через плечо у него висел автомат, и было издали видно, что Зеф зол, ничего не понимает и сейчас со страшными проклятиями потребует объяснений, почему его, массаракш, оторвали от работы, задурили ему голову Странником и заставляют как мальчишку торчать среди цветочков уже второй час подряд.

«Обитаемый остров». Варианты повести

Эта книга во многих смыслах существует вопреки чему-то. Задумывалась она вопреки желанию Авторов, которые, сложись все иначе, предпочли бы выбрать иные темы. Публикация состоялась вопреки такому числу препон, что факт издания «Обитаемого острова» впору считать крайней удачей, если не чудом. И получилась повесть — вопреки первоначальной установке — не легким сочинением об инопланетных похождениях некоего юноши из далекого будущего, а книгой, где параллели с окружающим нас миром прослеживались буквально во всем и невзирая ни на какие усилия всех, кто пытался это скрыть. Хотя, конечно, всегда есть предостаточно читателей, видящих исключительно внешний сюжет и даже не пытающихся уловить какие-то подтексты.

(В этой связи уместно привести пару характерных реплик БНС из офлайн-интервью. «Руины великих империй, претерпевших тотальное поражение, выглядят одинаково — в Европе или в Азии, на Земле или на Саракше» (16.12.1999). «Зачем нам Оруэлл, если Страна Отцов лежала вокруг нас и была внутри нас и ничего, кроме нее, мы никогда в жизни не видели?» (2.06.2007). Да и в новейшие времена нетрудно найти в ОО аллюзии и с политическими обстоятельствами, и с новейшими технологиями. Вспомним хотя бы слова Вепря: «Все знают, что здесь телецентр и радиоцентр, а здесь, оказывается, еще и просто Центр...»)

Стругацкие не единожды формулировали некий постулат, который в интервью для «Литературного обозрения» (1988 г.) выглядит так: «Между собой мы могли рассуждать на самые разнообразные темы, мы могли смотреть на мир с самых разных точек зрения, в голову нам могли приходиться самые непохожие друг на друга фантастические ситуации, но когда мы, наконец, останавливались на чем-то и садились писать, главным критерием — главным! — была непохожесть того, что пишется сейчас, на все предыдущее. И чем больше была эта непохожесть, тем с большей охотой мы садились работать».

Но ошибкой было бы толковать эту мысль совсем уж буквально. Залог того, что произведение окажется новым и интересным, не сводится к полной его независимости от всех предыдущих книг писателя или к сочинению фавулы, что называется, с чистого листа, ибо очень часто существеннее «как писать», нежели «о чем».

Эти соображения приходят на ум при попытке оценить место ОО в общем ряду книг АБС. Нова ли в творчестве Авторов тема «землянин на чужой планете»? По формальным признакам, конечно, нет. Были уже произведения, где эта идея использовалась как сюжетообразующая: «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», первый вариант «Улитки на склоне» (с Атосом-Сидоровым на Пандоре). Были и заметки к ненаписанной повести о приключениях Бенни Дурова (некоторые идеи, кстати, попали в ОО — отсутствие астрономии из-за особенностей атмосферы, ненависть к мутантам и пр., см. письма и рабочие записи Авторов за 1963 год). С неформальной же стороны, картина, безусловно, не столь однозначна. Назовем для примера лишь одно принципиальное отличие. Даже случайно оказавшиеся на Сауле Антон с Вадимом ощущают себя (пусть с избыточной наивностью и самонадеянностью) своего рода эмиссарами Мира Полудня. Тем более это касается ситуации, когда на чужую планету приходят не дилетанты, а работники Института экспериментальной истории, хотя и там все непросто: приходится ежеминутно выбирать между догмами всяческих «базисных теорий» и тем, что диктуют сердце и разум... Максим, оказавшись после аварии звездолета в некоем незнакомом и не слишком приятном мире, может уповать лишь на самого себя, а о резидентах Земли (тех, кто позже получит имя «Прогрессоры») волею судеб и Авторов не имеет понятия. Надежды на внешнюю помощь нет, но надо выжить в самых немыслимых обстоятельствах, постараться в меру сил изменить окружающий мир, неизбежно измениться в чем-то самому — но остаться при этом Человеком. Более близкие аналогии здесь можно искать скорее в «лесных» главах разных версий «Улитки на склоне»...

Определить ОО в рабочих записях от июня 1967 года как «оптимистическую повесть о контакте» АБС заставили причины, к оптимизму мало располагающие. Несколько подряд написанных до этого повестей («Хищные вещи века», «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», «Гадкие лебеди», «Сказка о Тройке») либо уже стали поводом для всякого рода неприятностей, либо эти неприятности вполне обоснованно ожидались в будущем.

В рабочем дневнике от 12 июня сразу же следом за записью «Надобно сочинить заявку на оптимистическую повесть о контакте» сообщается о заявке на повесть «Обитаемый остров» и приведен первоначальный набросок ее сюжета.

Иванов терпит крушение.

Обстановка. Капитализм. Олигархия. Управление через психоволны. Науки только утилитарные. Никакого развития. Машиной управляют жрецы. Средство идеальной пропаганды открыто только что. Неустойчивое равновесие. Грызня в правительстве.

Народ шатают из стороны в сторону, в зав<исимости> от того, кто дотягивается до кнопки. Психология тирании: что нужно тирану? Кнопочная власть — это не то, хочется искренности, великих дел.

Есть процент населения, на кого лучи не действуют. Часть — рвется в олигархи (олигархи тоже не подвержены). Часть — спасается в подполье от истребления, как неподатливый материал. Часть — революционеры, как декабристы и народники.

Иванов после мытарств попадает в подполье.

БНС в «Комментариях к пройденному» вспоминал: «Любопытно, что эта нарочито бодрая запись располагается как раз между двумя сугубо мрачными — 12.06.67: «Б. прибыл в Москву в связи с отвергнутием СоТ Детгизом» и 13.06.67: «Афронт в МолГв с СоТ». Этот сдвоенный удар оглушил нас и заставил утратить на время сцепление с реальностью. <...> Очень хорошо помню, как, обескураженные и злые, мы говорили друг другу: «Ах, вы не хотите сатиры? Вам более не нужны Салтыковы-Щедрины? Современные проблемы вас более не волнуют? Оч-чень хорошо! Вы получите бездумный, безмозглый, абсолютно беззубый, развлеченческий, без единой идеи роман о приключениях мальчика-е...чика, комсомольца XXII века...» Смешные ребята, мы словно собирались наказать кого-то из власть имущих за отказ от предлагаемых нами серьезностей и проблем. Наказать тов. Фарфуркиса легкомысленным романом! Забавно. Забавно и немножко стыдно сейчас это вспоминать».

Однако этот текст, видимо, лишь поначалу воспринимался как «обязаловка»: он чем дальше, тем явственнее превращался в нечто гораздо более серьезное, чем незамысловатая повесть для подростков. БНС писал: «И башни-излучатели, и выродки, и Боевая Гвардия — все вставало на свои места, как патроны в обойму, все находило своего прототипа в нашей обожаемой реальности, все оказывалось носителем подтекста — причем даже как бы помимо нашей воли, словно бы само собой, будто разноцветная леденцовая крошка в некоем волшебном калейдоскопе, превращающем хаос и случайную мешанину в элегантную, упорядоченную и вполне симметричную картинку».

Никаких эволюций названия не было — заголовок «Обитаемый остров» придумался, похоже, сразу и окончательно. С учетом немалого объема Авторы зачастую называли произведение романом, но в рукописи и в первопубликациях указано «повесть», так что будем следовать этому жанровому определению.

Представленные ранее в Собрании рабочие дневники второй половины 1967 года содержат множество интересных набросков по разработке сюжета ОО. Адресуем читателей к ним, здесь же ограничимся кратким планом произведения. Он получился достаточно точным, при дальнейшей доработке было расширено лишь описание некоторых сюжетных линий (например, пребывание Максима и Гая у мутантов).

20.09.67

1. Охотники в зоне.
2. Жандармерия.
3. Сумасш<едший> дом в столице. Телесеансы.
4. Освобождение и гибель освободителя.
5. Трущобы и девочка из кафе.
6. На службе в полиции. Встреча с ячейкой.
7. Деятельность ячейки. Главварь-provokator. Секреты страны.
8. Взрыв башни. Неудача provokации. Арест. [Сбоку добавлено: «Посещ<ение> Гая».]
9. Допрос. Каторга. Многообещающий заговорщик. [Сбоку добавлено: «Гай».]
10. Рабочий отряд по строит<ельству> башен. Борьба с мутантами. Побег [вставлено: «на танке»] к ним.
11. Попытка организован<ного> движения мутантов. [Сбоку добавлено: «Напад<ение> на штаб мутантов. Попытка поднять самолет. 11а. Белые субмарины».]
12. Возвращение в зону. Война, вербовка в штрафчасть.
13. Казармы штрафной части. Знакомство с зубром подполья.
14. Танковый прорыв. Дезертирство.
15. Научный центр. Создание заглушек по заказу начальства. Тайное строительство радиомаяка.

16. Вступление в высшее общество.

17. Нападение на пропаганд<истский> центр. Уничтожение вопреки мнению подполья.

18. Прилет землян. Отказ возвратиться.

Помимо рабочих дневников, подготовительных материалов к ОО в архиве АБС почти не осталось, кроме двух любопытных исключений. Это, прежде всего, рукописный перечень имен некоторых инопланетных персонажей, из которого, впрочем, пришли в повесть и страна Зартак, и ругательство «массаракш». (Последнее в более поздних книгах само стало источником для названия планеты — Саракш. Составители далее будут иногда для краткости пользоваться им, хотя в самом ОО этот топоним еще явно не назван, а лишь подразумевается.)

Ренади
 Гобби
 Масарош
 Байёр
 Фельдеш
 Манди
 Хонт
 Гай
 Гаал
 Одри
 Тоот
 Ясаи
 Барток
 Сенди
 Ауэр
 Задор
 Фаик
 Коница
 Фишта
 Ноли
 Варибобу
 Матранга
 Де Рада
 Зеф
 Серембе
 Грамено
 Чачи
 Мемо
 Мего
 Шефкет
 Мусараш
 Зогу
 Идя

Масарак
 Зартак
 Чичак
 Колицу
 Нолу
 Серембеш

Перечень этот интересен тем, что наглядно показывает один из способов, к которому Авторы прибегли для поиска и обработки имен-прототипов. Многие имена зачеркнуты, причем критерий не очень ясен — наряду с тем, что было как-то использовано, вычеркнуто и то, что в повесть не вошло совсем; попали в ОО и кое-какие невычеркнутые имена. В «Массарош» вставлена буква «к» (стало «Массарокш»), «Чачи» исправлено на «Чачу», рядом с «Манди» написано «Панди», рядом с «Барток» — «Бахту».

Впервые список был обнародован во втором томе серии «Неизвестные Стругацкие» (2006), включающем и неопубликованные материалы к «Обитаемому острову». Поскольку не все буквы в рукописи распознаются идеально, а источник имен на тот момент был неясен, в «Неизвестных Стругацких» встречались спорные случаи прочтения (например, каноническое «Фанк» вместо верного, как будет далее показано, «Фаик»). Выше внесены уточнения в несколько записей, о правильном виде которых сейчас можно говорить уверенно.

Имели хождение две версии происхождения имен в ОО. Первая принадлежит самим Авторам, во многих выступлениях и интервью утверждавшим, что все заимствования имен в ОО сделаны только из венгерского языка. Вот пример из офлайн-интервью БНС (26.06.1998): «Когда создается новый мир, немаловажно сделать его однородным и по возможности непротиворечивым. Там не должно быть «иностраных» имен, все имена должны принадлежать как бы к одной системе. Например, в мире Саракша («Обитаемый остров») все имена построены на «венгерской» основе: Серембеш, Чачу, Тоот — это все имена из венгерских романов, иногда, впрочем, слегка измененные. <...> Чаше же всего имена мы брали из случайно попавшейся под руку газеты. Без затей». А в офлайн-интервью от 7.12.2001 есть интересная подробность: «Из венгерского. (По этой причине в социалистической Венгрии на протяжении многих лет не хотели издавать эту повесть)».

Другую версию привел в упомянутом томе «Неизвестных Стругацких» В. Курильский, цитируя письмо известного поэта и писателя-фантаста Евгения Витковского: «Кстати, по поводу цитатника и братьев Стругацких: в свое время я привел в ужас Аркадия Натановича вопросом: «Почему у героев «Обитаемого острова» фамилии албанских писателей?» Он ответил, что был убежден — до этого никто никогда не докопается. Если этот факт так и канул в неизвестность, возьмите первый том Краткой литературной энциклопедии, откройте статью «Албанская литература»... и хорошо держитесь за стул».

В обеих версиях есть некая доля правды. Если найти указанную статью, то окажется, что какие-то совпадения со списком действительно есть (в том же или в препарированном виде), — но не более. Позже в этот вопрос была внесена абсолютная ясность (обстоятельное и увлекательное исследование этого списка, предпринятое Давидом Гендельманом, представлено по сетевому адресу <http://david-2.livejournal.com/366327.html>). Подлинный источник всех имен во второй половине списка — статья «Албания» во втором томе 2-го (именно так!) издания Большой Советской Энциклопедии. За малым исключением оттуда для списка отбирались писатели: Юль Варибоба, Михаль Грамено, Иероним Де Рада, Зеф Серембе, Фаик Коница, Дьердь Фишта, Фан Ноли, Мемо Мето, Шефкет Мусараи, Марк Ндоя, Алекс Чачи... Кстати, в списке одна из фамилий записана «Варибобу» (как ошибочно в БСЭ), а не «Варибоба» (как правильно в КЛЭ.) Где-то использовано только имя, где-то фамилия, порой то и другое. Отдельные имена записаны не совсем точно, что-то исправлено позже, а кое-какие метаморфозы (когда, например, перестановкой слогов Шефкет превратился в Кетшефа) в списке не отражены.

А первая половина имен взята из статьи «Венгрия» в 7-м томе той же энциклопедии. Здесь уже абсолютно все «прототипы» — деятели культуры, и на сей раз взяты только фамилии, хотя иногда они становились именами (Гай, Орди).

Собрав исходный материал, Авторы определили на той же странице правила его обработки. Возле списка перечислены гласные (а, и, у, е, о), причем буква «у» подчеркнута (и действительно, имена части персонажей получили это окончание: Чачу, Варибобу, Грамену и др.). Примеры переделки имен с добавлением определенных окончаний даны отдельно, в том числе и вариант, где последняя гласная заменяется на «у» (Зогу, Колицу, Нолу, все это затем использовано). Из имен с окончанием на «-ак» в неизменном виде в ОО есть только Зартак. «Чичак» в чистом виде не встречается, но используется в Чичаку, и в Заремчичакбешсасарайи (Серемчичакбешмусайи в раннем черновике). Вариант «Масарак» не использован, но и не забыт — исходное «массарокш» в ходе работы над черновиком приняло чуть иной вид. Есть и пример с окончанием «ш», придающим албанскому имени Серембе венгерское звучание (капрал Серембеш появится в повести, хотя сначала он будет Зембеш).

Так что «венгерский след» в ОО, конечно, присутствует, но имена брались все же не из романов, а в приведенном БНС примере два из них — албанские. (Впрочем, за давностью лет он мог подробности и подзабыть, особенно если начальным подбором имен занимался один АНС.) А почему Авторы столь упорно упоминали венгерские источники имен, догадаться нетрудно — уж очень скверными в ту пору были (и долго еще оставались) отношения между СССР и Албанией.

Разумеется, этим списком имена персонажей повести не исчерпываются, в других случаях они появились как-то иначе, хотя, несомненно, придумывались по сходным принципам.

Второй отдельный подготовительный набросок — листок с двумя картами Саракша. (Он представлен на с. 8 вклейки в т. 13.) Для правильного понимания содержимого надо учесть, что некоторые географические координаты сначала виделись Авторам иначе. В раннем черновике повести вместо запада — север, вместо востока — юг (к примеру, направление реки Голубая Змея — не с востока на запад, а с юга на север). На востоке, а не на юге первоначально была радиоактивная пустыня, на западе, а не на севере — Хонти и Пандея. Так что для привязки к окончательному тексту ОО каждую карту следовало бы как минимум повернуть на 90 градусов по часовой стрелке.

На верхней карте — материк, где расположена Страна Отцов, имеющая вид почти правильного пятиугольника. Обозначена протяженность этого государства с севера на юг и запада на восток — 2 тысячи километров. Западнее — только две неназванные страны (разумеется, Хонти и Пандея). На востоке пустыня (Wasted Land), затем — множество стран (которые, по повести, то ли сохранились, то ли нет) с обозначениями «Голубой Союз» и «Желтый Союз». Еще одна пустыня — на юго-востоке, а дальше за морем — Островная Империя. Интересно, что она же указана и на юге, поближе к Стране Отцов. Есть также океаны — Полярный и Южный.

На нижней карте — более крупный план Страны Отцов и ее окрестностей. Там есть некий город (видимо, столица), дороги, в том числе железная, горы на севере, несколько рек (вдоль одной написано «радиоактивные осадки», а к другой идут стрелки от надписи «мутанты») и море, куда реки впадают. Крестиком обозначено, вероятно, место аварии космического корабля Максима.

Собственно, о причинах «перепланировки» сторон света уже на стадии позднего черновика догадаться несложно. Соседи-враги на западе, каторга и огромные безлюдные пространства на востоке, а в довершение всего еще и расположенное на островах дальневосточное государство-агрессор — нет уж, от таких параллелей лучше было воздержаться.

Позже для Островной Империи было найдено другое место. На с. 16 вклейки в т. 13 представлена страница черновика, содержащая рукописные добавления про Островную Империю и карту полушарий Саракша. В одном из полушарий — множество островов, в другом — материк в форме восьмерки и пара островов к востоку. Это соответствует информации об Островной Империи и в окончательном варианте текста.

Однако «японский след» Островной Империи все равно заметен внимательному читателю. Например, в рамках офлайн-интервью (22.03.2003) БНС был задан вопрос о сходстве «типа» из фотоальбома на белой субмарине со знаменитым японским военачальником XVI века Като Киёмаса. Речь шла и об особенностях внешности, и о деяниях этого полководца, включая зверское обращение с пленными и мирными жителями. БНС ответил, что специально они это с братом не обсуждали, но не исключено, что тот имел в виду именно указанное. Можно, кстати, вспомнить и обычай коллекционировать головы наиболее достойных врагов, и то, что в элементы самурайского доспеха нарочито добавлялся белый цвет как атрибут культа смерти. Содержимое альбома вызывает аналогии и с более поздней историей, хотя подобные «фоторепортажи» делались в XX веке, разумеется, не только в японской императорской армии...

Итак, замысел ясен, необходимая подготовка проведена, пора писать книгу. Правда, внешние обстоятельства не благоприятствуют спокойной работе. Будущая судьба «Сказки о Тройке» и «Гадких лебедей», мягко говоря, сомнительна. Worse того, отказы порой сопровождаются нелестными отзывами о самом качестве написанного. Некоторую растерянность Авторов отражает характерная запись в дневнике БНС (т. 12, запись от 4.10.67): «Теперь последняя надежда — ОО. Мы перестали писать легко. Это факт. Но неужели это означает, что мы стали писать хуже?»

Перспективы публикации новой повести представляются, впрочем, неплохими. В июне 1967 года АНС подписывает договор на книжное издание ОО в 1969 году в «Детской литературе» (куда, собственно, и была подана упомянутая выше заявка). Кроме того, реальным видится выход журнального варианта в «Неве». Из письма БНС брату от 7.07.1967: «Ходил в «Неву». <...> Был обласкан, расспрошен о творческих планах и получил совершенно официальное предложение подать заявку на 1968 год, на фантастическую вещь в 10–15 листов. <...> Ну что ж. Первый вариант «ОО» можно будет дать им на потеху». А в письме от 31 июля БНС сообщает новые подробности: «Некоторое словопрение возникло вокруг листажа: 20 листов — это для них много. Главный сказал, что готов немедленно подписать договор на 10 листов, а там если окажется, что сокращать трудно и жалко, то можно будет рассчитывать на 15. Я согласился».

В ноябре-декабре 1967 года идет первый этап работы над черновиком. Из мемуаров БНС: «Дом творчества «Комарово», мы работаем только днем, но зато как работаем — 7, 10, 11 (!) страниц в день. И не чистовика ведь — чернового текста, создаваемого, извлекаемого из ничего, из небытия!» 7 декабря в рабочем дневнике появляется запись «Выдохлись окончательно. Уезжаем». К этому времени сделано 202 страницы, черновик готов на две трети. В январе

1968 года — новый приезд АНС в Ленинград. Еще десять дней напряженной работы — и 27 января она завершена. А на подготовку в марте чистовика тоже ушло не более десяти дней.

БНС вспоминал: «Этими темпами мы закончили черновик всего в два захода, 296 страниц за 32 рабочих дня. А чистовик писался еще быстрее, по 12–16 страниц в день, и уже в мае готовая рукопись была отнесена в московский Детгиз и почти одновременно — в ленинградский журнал «Нева». Таким образом, роман (рекордно толстый роман АБС для того времени) написан был на протяжении полугода. Вся дальнейшая история его есть мучительная история шлифовки, приглаживания, ошкуривания, удаления идеологических заусениц, приспособления, приведения текста в соответствие с разнообразными и зачастую совершенно непредсказуемыми требованиями Великой и Могучей Цензурирующей машины».

Но прежде чем приступить к описанию многотрудной борьбы за публикацию «Обитаемого острова» — сначала журнальную, а затем книжную, следует обратиться к рукописям повести, начав, разумеется, с черновика, где можно найти немало интересного, а порой и неожиданного.

Густая правка поверх напечатанного и добавки текста на отдельных страницах напоминают состояние черновика «Гадких лебедей». И точно так же, как в случае с ГЛ, обнаруживаются как бы два черновика: первый — машинописный, второй — после рукописной правки (но и в него при подготовке чистовика будут потом вноситься изменения, хотя уже не столь большие). На полях есть заметки, причем кое-какие из них в дело не пошли. К примеру, рядом с описанием помещения комендатуры отмечено: «По стенам — портреты беглых преступников»; а во время первого путешествия Максима по городу, когда он старается слиться с массами и поступать так же, как и они: «Вместе со всеми кричит во время экстаза». Позже, когда описывается пребывание Максима в Гвардии, есть пометка: «Отношение Мака к друзьям-солдатам. Пугает и импонирует сосредоточенная ненависть + любовь к строю, добродушие, простодушие, доверчивость».

В первом варианте черновика не было разбиения на части, главы шли непрерывно. Позже, при доработке, номера частей в нужных местах проставлены, но еще без названий.

Как уже говорилось, в процессе работы поменялись географические координаты: восток стал югом, а запад — севером, и это потребовало изменений во многих местах исходного черновика.

Максим в рукописи (а затем и в журнальной публикации) еще Ростиславский, а не Каммерер, Странник — Павел Григорьевич, а не Рудольф. Вместо ГСП в раннем черновике — Искатели.

Присутствуют в черновике и некоторые другие измененные затем имена собственные. Канал Новой Жизни назывался в ранней рукописи каналом Высших Радостей, а в ранних книжных изданиях — Имперским каналом. Пандея в первом черновике сначала Парабайя, позже — Пандейя, Хонти — первоначально Конти, Хонтийская Уния была вначале Хонтийским Союзом.

Много обнаруживается терминов, измененных уже на стадии черновика. Бригада сначала называлась корпусом, бригадир — командиром полка, а кандидат в рядовые Боевой Гвардии именовался кадетом. Обращение «господин» («господин лейтенант», «господин штаб-врач») первоначально отсутствовало, позже это слово появляется в машинописи, а на предыдущих страницах дописано. Карцер прежде был гауптвахтой. Подпольные группы, в одной из которых участвует Максим, именуются ячейками. Псевдоспрут, у которого Максим отнимал экспресс-лабораторию, назывался псевдокальмаром. В начальных главах машинописи словечко «массаракш» еще встречается несколько раз в форме «массарокш», но уже с середины третьей главы приобретает привычный теперь вид, а прежний вариант рукописно исправлен. Будущие Голованы, которых в ОО называли «упырями», в раннем черновике «лемуры», потом заменяются на «собак». Бомбу из Департамента специальных исследований Максим вывозит под видом не рефрактометра РЛ-7, как в печатных изданиях, а генератора СБ-7.

Афоризм «Лучше всего хорошая баня» Гай в черновике приписывает «старине Зогу» (штаб-врачу из второй главы), позже тут уже указан некий «старина Дога». Фанк в рукописи — Фанг. «Профессора» в телецентре (Департаменте Пропаганды) звали не Мегу, а Мего. Его ассистент — не Торшер, а Интеграл. Орди Тадер названа чуть иначе — Орди Тадор. Первоначальное определение для Мемо Грамену «толстяк», «толстый» позже правится на более удачное «грузный». Функция Нолу-Рыбы в раннем черновике определена как «стюардесса». Это, видимо, просто производное от «стюарда» в значении «прислуга», но такая трактовка не вполне очевидна, поэтому далее слово заменено на «она» или «Рыба».

Много было в рукописи и других подробностей, позже Авторами убранных.

В самом начале, когда Максим рассуждает о метеоритной атаке в атмосфере и вероятности событий, он добавляет: «Ведь заболел же Олег чесоткой в прошлом году... Во всяком случае, это было довольно интересно. Можно только пожалеть, что такого рода происшествя случаются редко. Откуда пошло это мнение, будто работать в ГСП так уж интересно?..»

Описание взрыва космического корабля давалось подробнее.

Яркая голубая вспышка озарила все вокруг, словно молния ударила в обрыв над головой, и сейчас же наверху загрохотало, зашипело, затрещало огненным треском. Максим вскочил. По обрыву сыпалась сухая земля, что-то с опасным визгом пронеслось в небе и упало посередине реки, подняв фонтан брызг вперемешку с белым паром. Потом все стихло. Максим торопливо побежал вверх по обрыву. Наверху шипело и потрескивало, пахло горячей гарью.

Несколько отличались и мысли Максима после взрыва.

Попался, думал он. Вот так попался... Аккумуляторы взорвались, не иначе. Неужели там что-нибудь закоротило? А киберпилот куда смотрел? Дурачок обидчивый, куда же ты смотрел? Впрочем, нет, ты же был выключен. Авторемонт был включен, и экспресс-лаборатория. Совершенно непонятно. И неважно. Теперь все это неважно, а важно то, что начинается настоящая робинзоада. Не детские игры. Не веселое развлечение. А по-настоящему — голый человек на неизвестной планете. Робинзон на обитаемом острове. Надо же: ничего у меня нет — шорты без карманов и кеды, и никто в точности не знает, где я, а если бы даже и знали — то ведь это же все-таки не остров... Он прислушался к себе. Страх не было. И отчаяния не было. Ничего такого, описанного в книгах, не было. Было любопытство: как-то ты теперь вывернешься? Было даже удовлетворение: вот теперь и руки-ноги пригодятся, хотя голова, пожалуй, по-прежнему нужнее. И было какое-то странное незнакомое ощущение — полноты ответственности.

В первом варианте рукописи в начале путешествия Максима, где описывался окружающий его мир, была вставка: «...он шел все время вверх, в гору, но подъема не чувствовалось, ему казалось даже, что он спускается...» Во втором варианте это вычеркнуто, но вписано другое: «...он шел, все еще думая, куда идет, все еще прислушиваясь к себе, внимательно и настороженно обшаривая закоулки своей души, готовый беспощадно задавить все, что ему может теперь помешать: страх, отчаяние, тоску, истерику...» Затем вычеркнуто и это, а чуть позже вписано: «Его потянуло вернуться, посмотреть в последний раз, попрощаться, но он тут же перехватил этот сентиментальный порыв и ядовито высмеял себя».

Вместо «а как известно, съедобный на чужой планете с голоду не умрет» в рукописи упоминался некто Джулиан, сформулировавший биологический принцип: «Если на чужой планете тебя съели, значит ты не рисковал там умереть от голода».

Вместо «И потом, все-таки сначала нужно собрать нуль-передатчик...» в рукописи: «Что у них здесь было? Свалка?»

Во время рапорта в комендатуре Зеф говорил о своей реакции на то, что Максим иногда хватал его под мышку и пробегал так несколько сотен шагов.

«В первый раз я его чуть не застрелил с перепугу, но потом ничего, привык».

— Поэтому я думаю, что парень здоров как бык, к выродам никакого отношения не имеет, но здесь у него... — Зеф постучал себя по лбу, — явно не в порядке.

Позже при рукописной правке приведенного отрывка слова Зефа были изменены.

Откровенно говоря, когда это случилось в первый раз, я перепугался и чуть не застрелил его, но потом понял, что он не питает ко мне никаких враждебных намерений. Таким образом, — закончил Зеф, — я не думаю, чтобы это был выродок, но боюсь, что психически он не совсем нормален.

По-другому размышлял Гай о строгостях закона.

А Зеф — смертник. Закон беспощаден к смертникам: малейшее нарушение и — смертная казнь. На месте. Гай ощутил даже некоторое сожаление — нет, все было правильно, закон суров, но мудр, и все-таки обидно, что человек таких способностей,

могший принести столько пользы, превратился в преступника — по сути дела, из-за какого-то природного недостатка...

Мысли Максима во время его путешествия в поезде: «В таком мире инженер может быть сколь угодно примитивен». Далее — о том, что главный герой видит.

И эти жуткие приступы религиозного экстаза, похожие на вспышки массового помешательства, когда весь вагон вдруг приходил в нездоровое возбуждение, и все принимались кричать, петь вразнобой, лица покрывались красными пятнами, а многие даже плакали — в такие минуты даже явно добрый и симпатичный Гай становится неприятен, появлялась в нем какая-то враждебность.

Пребывание Максима в телецентре в рукописи описывалось несколько иначе.

Все рисунки, которые делал Максим, она забирала и куда-то уносила. Максим ничего не имел против. Он удивлялся, почему это интересует только стюардессу. Он удивлялся, почему только стюардесса хоть немного, но все-таки занимается с ним языком, да и то просто для удобства общения. Он удивлялся тому равнодушию, с которым профессор Мего, он же Бегемот, смотрел на расчерченные Максимом таблицу Менделеева, схему позитронного эмиттера, классическую диаграмму исторических последовательностей, карту местной солнечной системы со всеми шестью планетами. То есть можно было предположить, что Бегемот работает по тщательно продуманной и глубоко обоснованной программе и не желает отвлекаться на мелочи и перескакивать через ступени. По-видимому, Бегемот очень большое значение придавал ежедневным четырехчасовым сеансам ментовизирования, это было понятно, потому что ментовизор позволял проникнуть очень глубоко в воспоминания Максима и получить весьма отчетливые представления Максима о мире, из которого он пришел. Но создавалось впечатление, что Бегемоту было невдомек, что такого рода данные являются очень субъективными и, по сути дела, дают представление лишь о частностях мира Земли, оставляя в стороне самое важное, основу основ жизни человечества. К тому же, как известно, самыми яркими впечатлениями являются самые свежие, и на экране ментовизора зачастую, помимо воли Максима, появлялись преимущественно виды чужих планет, где ему приходилось труднее всего. Максим серьезно опасался, что у Бегемота и его сотрудников возникнут совершенно превратные представления о роли космических исследований в жизни человечества, и это тем более беспокоило его, что Бегемот совершенно явно старался поощрить именно воспоминания такого рода — он радостно хлопал себя обеими ладонями по лысине, когда на экране Максим взрывал на воздух ледяную скалу, придавившую корабль, или разносил скорчером в клочья панцирного волка. Зрелище хромосферного протуберанца вызвало у него такой восторг, словно он никогда в жизни не видел ничего подобного. И очень нравились ему любовные сцены, заимствованные Максимом главным образом из литературы специально для того, чтобы дать аборигенам какое-то представление об эмоциональной жизни человечества. В конце концов — ладно, для начала контакта годится и это, и можно только радоваться, что у аборигенов развито ментовидение, но нельзя же ограничиваться только этим. Сейчас еще ничего нельзя сказать о психологии аборигенов, но они — совершенные гуманоиды, может быть даже генетически, и психология их не может сильно отличаться от нашей, и потому тем более удивительно то безразличие, с которым профессор Бегемот относится к другим линиям контакта: взаимному изучению языка — прежде всего, к взаимному — ВЗАИМНОМУ — обмену информацией, и все такое. Либо они находятся на перекрестке неведомых межзвездных трасс, и пришельцы из других миров для них совершенно рядовое явление, ради которого не стоит особенно огород городить, либо у них есть какие-то основания — внутреннего, социального или политического порядка — не

торопиться с контактом, и тогда вся возня, которую разводит вокруг ментовизора профессор Бегемот, является просто оттяжкой, в течение которой некоторые высокие инстанции решают мою судьбу.

Трудно было отдать предпочтение какой-то одной гипотезе. С одной стороны — быстрота, с которой явные неспециалисты, люди в форменной одежде (то ли военные, то ли мелкие чиновники) разобрались в ситуации, очень быстро и без ахов и охов быстренько направили его сюда, говорит об определенном навыке обращения с инопланетными существами. С другой стороны — странная и неприятная сцена, имевшая место в дурно пахнущем казенном помещении, когда люди со светлыми пуговицами принялись вдруг вразнойбой кричать и вопить неприятными голосами, надсаживаясь до хрипа, а потом Гай, такой симпатичный, добрый, красивый парень, вдруг ни с того ни с сего принялся избивать рыжебородого Зефа, а тот почему-то даже не сопротивлялся, сцена, оставившая самое странное и неприятное впечатление, говорила о возможности какого-то социального неустройства, какой-то социальной болезненности в этом мире, особенно если вспомнить радиоактивную реку, железного дракона на перекрестке, всеобщее загрязнение воздуха и плотность, а равно и неопрятность пассажиров в поезде. По-видимому, хвастаться им здесь было особенно нечем. Отсюда, возможно, изоляция Максима в этом пятиэтажном термитнике с плохой вентиляцией и стремление не к обмену, а к выкачиванию информации. Не исключено, что какие-нибудь негуманоиды, побывавшие здесь раньше, оставили по себе настолько дурное воспоминание, что теперь аборигены относятся ко всему инопланетному с определенным и оправданным недоверием.

В рукописи была и фраза о том, что хотя бы изредка критическая оценка действительности в этом мире присутствовала: «Бой боем, а чистота чистотой. Всякое бывало в истории Гвардии, и было о чем поговорить гвардейцам в казармах после отбоя».

Там же Максим говорит Гаю не «На службе одно, дома другое. Зачем?», а «Но ведь это формальность. Нельзя же быть таким формальным. Ты меня любишь, я знаю, а если бы тебе понравился еще какой-нибудь рядовой?», на что получает ответ: «В рядовом мне может нравиться только слепое повиновение и железная...»

О подчинении командиру Гай говорит: «Видишь ли, Мак, — сказал он, старательно отводя глаза от честного взгляда этого милого чудака, — в бою, конечно, всякое может случиться. Но это исключение. А как правило, ты должен согласиться, что начальник всегда знает больше подчиненных. Ведь ты должен согласиться, что я знаю больше любого солдата в секции, кроме, может быть, тебя». А после предложения Максима завезти ребят в казарму и поехать домой — повидаться с Радой, Гай хотел «разразиться двенадцатым параграфом устава внутренней службы и девятым параграфом дисциплинарного устава», но не успел. А вот поездка на грузовике: «Кадет Мак Сим умел сохранять равновесие в любых условиях, но вот помощник капрала, действительный рядовой гвардии Панди, большую часть пути провел в воздухе и на коленях соседей. Слово «массаракш» с самыми различными интонациями доносилось со всех сторон».

«У нас все не так», — говорит Максим Гаю. В черновике здесь было продолжение.

— Где это — у вас?

— Там, откуда я прибыл.

Опять у него начинается, с тревогой подумал Гай, но осведомился с деланой небрежностью:

— У вас в бою рядовые делают замечания начальнику?

— Что ты! — сказал Максим, рассмеявшись. — У нас давным-давно нет никаких боев. У нас уже много-много веков назад исчезли все внутренние враги. Да и внешние тоже.

— Гм... — сказал Гай. — Вот оно и чувствуется. — Он помолчал. — А как у тебя со здоровьем? Жалоб нет?

— Со здоровьем? — удивился Максим. — Что у меня может быть со здоровьем? Ах да, понимаю... Нет, насчет моего здоровья ты не беспокойся.

Есть в рукописи некоторые дополнительные подробности и о том, как Максим постепенно узнавал мир чужой планеты.

Он неплохо изучил язык, прочел несколько книжек — чрезвычайно убогих по содержанию, да и по форме, познакомился с системой счета и понемногу уяснил себе наконец свое положение.

<...> И только еще несколько дней спустя, когда он прочел книгу про офицера, который сошел с ума, потерял семью и, безумный, собрал отряд таких же безумных и совершил героические подвиги в тылу врага, он увеличил свой словарный запас достаточно, чтобы объяснить по поводу этих странных передач. Он понял, что это были за передачи, и был шокирован. Он даже не поверил. Оказывается, передавались ментограммы психически больных...

<...> как это ни было тяжело, ему пришлось прийти к мысли о том, что постройка нуль-передатчика откладывается на неопределенное время, и сам он застрял здесь, по-видимому, надолго и, может быть, массаракш, навсегда. Мысль эта на несколько суток совершенно выбила его из колеи. Он перестал заниматься, часами молча просиживал перед окном, ничего не видя и ничего не понимая, потом срывался, уходил, бродил бесцельно по городу, возвращался, ложился на свою убогую складную кровать, пытался заснуть, забыться, один раз даже поплакал в подушку... Гай, как гвардеец и будущий офицер, решил, что Мак заболел, и принялся пичкать его какими-то лекарствами, которые выпрашивал у ротного лекаря. Максим покорно глотал пилюли, травился и, может быть, действительно заболел бы, если бы не вмешалась Рада. Рада его спасла, спасла от единственной смертельной болезни землянина — от отчаяния. У него больше не было матери — она стала его матерью. У него больше не было дома — она сделала свою убогую комнатку его домом. У него больше не было друзей — она стала его первым другом.

<...> Но пока я жив и держу себя в руках, ничто не потеряно. Обитаемый остров не умеет помочь мне. Ладно, отложим пока вопрос о помощи. Забудем пока о Земле. Постараемся сохранить ясную голову и найти цель.

<...> Максим слушал Гаю, этого красивого, нервного, вдохновенного мальчика, готового умереть для того, чтобы вернуть своей стране — пусть даже только своей стране, а не миру, он еще не дорос до этого, — полноту счастья, независимость от угроз, спокойствие и процветание. Гай придавал огромное значение борьбе с внутренними врагами. Его славное лицо искажалось ненавистью, когда он говорил о скрытых выродках, о мерзавцах, хуже всякого Крысолова, о беспощадных бандитах, пытающихся подорвать самую основу обороны — систему противобаллистической защиты, дающую стране пусть худой, но все-таки мир. Именно эта система ПБЗ, с невероятными трудами созданная в последние годы войны, прекратила военные действия, и с тех пор трудами Неизвестных Отцов эта система непрерывно расширялась и совершенствовалась. И теперь эти мерзавцы, несомненно связанные с Хонти и Парабайей, устраивают взрывы Отражательных Башен ПБЗ, негодяи, убийцы детей и женщин...

<...> Он восхищался, и ужасался, и поражался их оптимизмом. Это были настоящие люди, люди с большой буквы, уверенные, что они выдержат все, и готовые выдержать все. То, что казалось ему страшным и невозможным, Гай отметал презрительным движением руки. Он не боялся новой войны, он точно знал, что она будет, он был уверен, что Неизвестные Отцы уже сделали главное для предотвращения мировой гибели и теперь дело за ним. За Гаем.

<...> Именно в такие вот моменты [экстаза у окружающих. — *Сост.*] его особенно сильно мучило сомнение, правильно ли он выбрал путь в этом мире и не тратит ли он здесь драгоценное время, которое можно было бы использовать для помощи этому человечеству более рационально.

<...> Он даже несколько увлекся: мобилизовал всю мощь своих легких и голосовых связок, чтобы перекричать полк. «Вперед, бесстрашные!»...

Разговор перед допросом выродков был вовсе не о диспуте в собрании.

«Ты будешь сегодня в собрании, Чачу?» — спрашивал командир полка. «У меня свидание», — отвечивал лейтенант, закуривши новую сигарету. «Напрасно, сегодня там будет мадам». — «Ты поздно спохватился. Я уже потерял ее благосклонность по твоей милости». — «Благосклонность — не деньги, — глубокомысленно заметил штатский. — Чем труднее ее потерять, тем легче найти». — «У нас в Гвардии это не так», — сухо сказал лейтенант. «Право же, господа, — капризным голосом произнес командир. — Давайте встретимся сегодня в собрании...» — «Я слышал, свежие креветки привезли», — не переставая рыться в бумагах, заметил адъютант. «Под пиво, а? Лейтенант!» — поддержал его штатский. «Нет, господа, — сказал лейтенант. — У меня одно слово, и я его уже дал».

И после обеда спор военных выглядел несколько иначе.

Офицеры вернулись в прекрасном настроении, ковыряя в зубах и благодушно споря о способе не то приготовления, не то употребления какого-то кушанья. Самых крайних мнений придерживались адъютант и лейтенант Чачу. Адъютант требовал какой-то немыслимой тонкости и ссылаясь на довоенные поваренные книги, которых был большой знаток. Лейтенант же исходил из того, что была бы водка или, по крайней мере, пиво, а что касается жратвы, то в восемьдесят четвертом они лепили сырое тесто прямо на лобовую броню, а потом пальчики облизывали. Капитан и штатский стояли на умеренных позициях. Они считали, что гвардейский дух — гвардейским духом, но гвардейская кухня всегда была на высоте, что, однако, ни в какой мере не опровергает самодовлеющей ценности водки, пива, а также вина каких-то особых виноградников. Максим слушал их сначала даже с интересом, а потом вдруг его осенило, что эти люди только что приговорили человека к смертной казни и сейчас им еще предстоит судить женщину и тоже осудить ее на уничтожение или на каторгу. Он встретился глазами с лейтенантом, и тот, словно угадав его мысли, сыто и спокойно улыбнулся.

— Надо, однако, кончать, — спохватился капитан.

— Ну да, они же, бедные, ждут, — сказал лейтенант, глядя на Максима.

Капитан изумленно поморгал, пожал плечами и приказал адъютанту вызывать следующего.

В рукописи при допросе у террористов объяснение Максима было совсем уж простодушным: «Я отпустил их, потому что нечестно расстреливать людей только за то, что у них болит голова. Поэтому меня расстреляли». Там же было и дополнение.

— Кто такой Гай? — спросил широкоплечий.

— Капрал Гвардии, мой друг. Он хороший парень, но он обманут, как многие.

— Почему обманут?

— Я уже говорил об этом. Вас ненавидят. Обвинения самые нелепые, но ненависть настоящая, непритворная. Я тоже не любил вас и считал врагами — до тех пор, пока не увидел на суде.

И далее, о недоверии Чачу к Максиму: «По-моему, лейтенант уже подозревал меня. Во всяком случае, я помню, что он страшно удивился, когда увидел, что я возвращаюсь».

В объяснениях Доктора о значении башен ПБЗ и целях охоты на выродков был удаленный впоследствии фрагмент.

Тираны обязательно должны оправдывать перед массами свою тиранию, им надо как-то оправдать недостаток еды, разруху в периферийных районах, огромные военные расходы, непропорциональное распределение возможностей. Ведь после войны прошло больше двадцати лет, а ни одно обещание не выполнено, две трети страны лежит в развалинах... Вот во всем этом виноваты выродки, которые продались за хонтийское золото. Среди нас масса провокаторов, Отцы могли бы уничтожить большинство ячеек в несколько дней, но это им не выгодно, мы им нужны как громоотвод.

Магнитные мины сначала были толовыми шашками, поэтому требовалось не включать запалы, а поджигать шнур. Далее, однако, и в машинописном черновике фигурируют уже мины.

В рукописи при появлении Мака после подрыва башни Гай еще говорит: «Слушай, он же тебя убил. Я же сам видел». А после, при рассказе о своей теперешней жизни, добавляет: «Командир секции в двадцать восьмом запасном. Учю деревенщину и уголовщину <...>. Армейский капрал на всю жизнь».

Глава двенадцатая при доработке черновика подверглась очень значительной правке и перекомпоновке. (Собственно, в исходной машинописи она одиннадцатая, но там просто путаница с нумерацией некоторых глав.) В частности, вычеркнуты многие фрагменты (порой — целые страницы) и, напротив, вставлены целые страницы нового рукописного текста. Поэтому первоначальный текст этой главы, во многом непохожий на окончательный, приводится далее полностью. Из важных «неканонических» моментов отметим, что прокурор впервые встречается с Максимом еще до отправки того на каторгу. Не менее интересно, что прокурор сразу же замечает информацию о нейтральности Максима к А-излучению, а затем даже не пытается скрыть свою осведомленность от Странника.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Государственный прокурор, известный в узком круге ближайших друзей под именем Умник, предпочитал работать по ночам. Он любил тишину, терпеть не мог телефонных звонков и суетни в своей приемной. Приемные дни были для него сущим мучением, приходилось приезжать к полудню, выслушивать почтительные глупости младших коллег и подчиненных, тратить драгоценное время на болтовню с высокопоставленными дураками, пришедшими походатайствовать за своих разбойных сынков или чтобы изложить свои дремучие взгляды на юстицию и на вопросы внутренней политики, кому-то что-то обещать, кому-то врать, перед кем-то оправдываться, и хуже приемных дней были только тяжелые и страшные часы вызовов на самый верх. Другое дело — ночи: гигантское здание Дворца Юстиции пусто, за окнами тьма, идет дождь, не слышно сирен и скрипа тормозов, не стучат и не жужжат лифты, высокопоставленные дураки спят или развлекаются, вокруг на многие сотни метров нет ни души, только в приемной, тихий как мышь, сидит в ожидании приказаний ночной референт, не умеющий разговаривать громко, да еще внизу, в вестибюле, стоят у входа друг против друга неподвижные, как статуи, гвардейцы, которым вообще запрещено разговаривать.

Прокурор отошел от окна, сел за стол, бросил в рот несколько сушеных ягод, пожевал и запил глотком целебной воды. Мак Сим. Мах-ссим. Максим Рос...ти... Он придвинул к себе папку. Максим Рос-ти-слав-ски-й. «Извлечения из дела Мака Сима (Максима Ростиславского). Подготовил референт такой-то». Прокурор раскрыл папку и взял первую тонкую пачку сброшюрованных листков. Показания лейтенанта Тоота... Показания подсудимого Гаала... Кроки какого-то пограничного района на востоке... «Другой одежды на нем не было. Речь показалась мне членораздельной, но совершенно непонятной. Попытка заговорить с ним по-хонтийски не привела ни к чему...» Ох уж мне эти лейтенанты! Хонтийский шпион на восточной границе... «Рисунки, выполненные задержанным, показались мне искусными и удивительными...» Ну, на востоке много удивительного. К сожалению. И обстоятельства появления этого Максима не очень выделяются на фоне прочих восточных обстоятельств. Хотя, конечно... Но посмотрим. Прокурор отложил пачку, выбрал две ягодки покрупнее, сунул их в рот и взял следующий

лист. «Заключение экспертной комиссии в составе сотрудников Института тканей и одежды таких-то и таких-то. Мы, нижеподписавшиеся... гм... так... так... обследовали всеми доступными нам лабораторными методами ткань предмета одежды, присланной нам из ведомства юстиции...» Чепуха какая-то... «и пришли к следующему заключению: 1. Указанный предмет представляет собой короткие штаны четвертого размера второго роста, каковые могут быть использованы для ношения как мужчинами, так и женщинами. 2. Покрой штанов не может быть отнесен к какому-нибудь известному стандарту и по ряду причин, указанных ниже, не может, собственно, называться покроем. Штаны не сшиты, а изготовлены неким способом, нам не известным. 3. Штаны изготовлены из мягкой упругой ткани серебристого цвета, каковая, собственно, не может быть названа тканью, ибо даже микроскопическое исследование не обнаружило в ней структуры. Материал этот не горюч, не смачиваем и обладает чрезвычайной прочностью на разрыв. Химический анализ...» Странные штаны. Надо понимать, это его штаны. Прокурор взял тонко отточенный карандаш и записал на полях: «Референту. Почему не даете сопроводительного объяснения? Чьи штаны? Откуда штаны?» Так. А выводы? Так... формулы... опять формулы... массаракш... Ага! «...Технология не известна ни в нашей стране, ни в других цивилизованных государствах (по довоенным данным)». Прокурор отложил лист. Нет, подумал он, я еще не потерял нюха. У этого Сима даже штаны и те загадка. Что там дальше? «Акт медицинского освидетельствования»... Любопытно. Ни малейших патологических отклонений... Что, это у него такое кровяное давление?.. Ого, вот это легкие!.. Что такое? Следы четырех смертельных ранений... Это уже мистика. Ага... ага... «Смотри показания свидетеля Чачу и обвиняемого Гаала»... Семь пуль — однако! Гм... Некоторое расхождение имеет место. Чачу показывает, что применил оружие в видах самообороны и под угрозой смерти, а этот Гаал утверждает, будто Сим только хотел отобрать у Чачу пистолет... Ну, это не мое дело. Две пули в печень — это слишком много для нормального человека... Та-ак, скручивает монетки в трубочку... бежит с человеком на плечах... Ну ладно, это бывает. Но парень необычайно здоровенный, обычно такие глупы. А это что? А-а! Старый приятель... «Извлечение из донесения агента № 711»... «...Видит совершенно отчетливо дождливой ночью (может даже читать) и в полной темноте (различает предметы, видит выражение лица на расстоянии до десяти метров)... обладает очень чувствительным нюхом и вкусом — различал членов ячейки по запаху на расстоянии до пятидесяти метров, на спор различил напитки в плотно закупоренных сосудах, в другой раз на спор же определил пропорцию смеси воды с вином... ориентируется по странам света без компаса... с большой точностью определяет время без часов... имел место следующий случай: была куплена и сварена рыба, которую он запретил нам есть, утверждая, что она радиоактивная. Будучи проверена радиометром, рыба действительно оказалась радиоактивной. Обращаю внимание на тот факт, что сам он эту рыбу съел, сказавши, что ему она не опасна, и действительно остался здоров, хотя излучение превышало тройную санитарную норму (почти 77 единиц)...» Прокурор откинулся в кресле. Нет. Это уже слишком. Собственно, это все не нужно. Может быть, он и бессмертен заодно? Хотя, помнится, в последнем своем слове он употребил выражение «вы можете меня убить». Будем надеяться, что это не риторический оборот. Будем надеяться, что высокое напряжение может повредить ему больше, чем высокая радиоактивность. Все бы это надо проверить, несерьезно это. Хотя номер семьсот одиннадцатый знает свое дело, разве что поизносился уже, пора сменить? Работа все-таки собачья... Он наклонился над столом и написал на полях странного доноса: «Референту: что по этому поводу говорят другие обвиняемые?» А пока примем к сведению и посмотрим, что там дальше. Вот серьезный документ, здесь не ошибаются. Н-ну-с? «Заключение Особой комиссии Департамента общественного здоровья. Материал: Мак Сим. Реакция на белое излучение отсутствует. Противопоказаний к несению службы в специальных войсках не имеется». Ага... Это когда он вербовался в Гвардию. Белое излучение, массаракш. Палачи, черт бы их побрал. А это, значит, их экспертиза для целей

следствия... «Будучи испытан на белое излучение различных интенсивностей вплоть до максимального, никакой реакции не обнаружил. Реакция на А-излучение нулевая в обоих смыслах. Примечание: считаем своим долгом присовокупить, что данный материал (Мак Сим, ок. 20 лет) является организмом совершенно исключительным и теоретически невозможным. Ввиду возможности опасных генетических последствий рекомендуем полную стерилизацию или уничтожение...» Н-да. Эти не шутят. Они там никогда не шутят. Кто там у них сейчас? А, Любитель. Да, не шутник, не шутник, что и говорить. Что же это однако у нас с тобой получается, дорогой Мак? Что-то ты, голубчик, слишком уж замахнулся. Не метишь ли ты в древние боги? Помнится, Весельчак-Жеребчик рассказывал по этому поводу какой-то отличный анекдот... Массаракш, не помню. А хорошо, никого вокруг нет. Вот мы сейчас ягодку съедим, водичкой запьем... экая гадость, но, говорят, помогает. Позвоню-ка я... Он взял наушник и сказал:

— Кох. Пусть мне доставят приговоренного Сима. Часам к трем. Распорядитесь там...

Ладно. Что дальше? О-о, ты уже и там успел побывать? Ну-ка, ну-ка! Опять, вероятно, реакция нулевая? Так и есть. «Подвергнутый форсированным методам, подследственный Сим показаний не дал. В соответствии с § 12 относительно непричинения заметных физических повреждений подследственным, коим предстоит выступить в открытом судебном заседании, применялись только: А) Иглохирургия до самой глубокой с проникновением в нервные узлы (реакция парадоксальная, подследственный засыпает); Б) Хемообработка нервных узлов алкалоидами и щелочами (реакция аналогичная вышеуказанной); В) Световая камера (никакой реакции, кроме удивления); Г) Паротермическая камера (потеря веса без заметных неприятных ощущений). На этом последнем применение форсированных методов пришлось прекратить». Да-а, мученика из него не выйдет... А что, если это какой-нибудь мутант? Бывают же, хотя и крайне редко, удачные мутации. Это бы все объясняло... Кроме штанов, впрочем. Штаны, насколько я понимаю, не мутируют. Прокурор подумал немного, записал в бюваре: «Поговорить с мозговиками о мутантах», задумчиво изобразил под надписью штаны и всё решительно зачеркнул. Нет-нет, сказал он зачеркнутому, не потому, что идея плоха, просто мне, откровенно говоря, наплевать, кто он такой. Меня интересует одно: можно ли в нужный момент подвергнуть его электрическому удару с летальным исходом? Вот я уверен, что это можно, но в крайнем случае его можно будет расстрелять из пушки, это создаст некий прецедент, но что есть наша жизнь, как не течение прецедентов? Он взял следующий лист. Бумага оказалась неинтересной: показания директора Специальной студии при Управлении телевидения и радиовещания — дурацкого заведения, занимающегося записью бреда разных сумасшедших на потеху почтеннейшей публики. Эту студию придумал Клау-Мошенник, который сам был немного того... Надо же, сохранилась студия! Мошенника давно уже нет, а бредовая его идея процветает. Вообще надо бы посмотреть, что они там вытянули из моего Мака... но можно и не смотреть. Из показаний же директора следует только, что Мак был образцовым объектом и что крайне желательно было бы получить его назад... Стоп-стоп-стоп! А как он оттуда ушел? Прокурор быстро просмотрел показания и быстро написал на полях: «Референту: выяснить у старого дурака, когда, как и почему он выпустил Мака Сима. Завтра доложить. Черт возьми, могли бы сами догадаться. Шляпа». Прокурор раздраженно бросил карандаш, досчитал до тридцати, чтобы успокоиться, и взял следующую бумагу, вернее, довольно толстую пачку бумаг: «Извлечение из акта специальной этнолингвистической комиссии по проверке предположения о горском происхождении М. Сима». «Ничего себе — извлечение! — с новым раздражением сказал прокурор, взвешивая пачку на руке. — Кажется, эту шляпу придется гнать из референтов...» Он начал читать и неожиданно для себя заинтересовался. Это было любопытное исследование, в котором сводились воедино и обсуждались все доносы, показания и свидетельства очевидцев, в которых так или иначе затрагивался вопрос о

происхождении Мака Сима: антропологические, этнографические и лингвистические данные и их анализ; результаты изучения ментограмм и собственноручных рисунков подследственного. Все это читалось как роман, хотя выводы были весьма скудны и осторожны. Комиссия не причисляла М. Сима ни к одной из известных этнических групп, обитающих на материке (особняком было приведено мнение известного палеоантрополога, который усмотрел в черепе подследственного большое сходство — но не идентичность — с ископаемым черепом так называемого Человека Допотопного, жившего на Архипелаге более ста пятидесяти тысяч лет назад). Комиссия утверждала полную психическую нормальность подследственного в настоящий момент, но допускала, что в недавнем прошлом подследственный мог страдать одной из форм амнезии в совокупности с интенсивным вытеснением истинной памяти памятью ложной. Комиссия произвела лингвистический анализ фонограмм, оставшихся в Специальной студии, и пришла к выводу, что язык, на котором в то время говорил подследственный, не может быть причислен ни к одной группе известных современных или мертвых языков. По этому поводу Комиссия допускала, что этот язык мог быть плодом воображения подследственного (так называемый «рыбий язык»), тем более что в настоящее время, по утверждению подследственного, этого языка он не помнит. Комиссия воздерживается от определенных суждений, но склонна полагать, что в лице М. Сима приходится иметь дело с неким мутантом неизвестного ранее вида. Хорошие идеи приходят в умные головы одновременно, подумал прокурор с удовольствием и быстро пробежал глазами «Особое мнение члена комиссии профессора Поррумоварруи». Профессор, сам горец по происхождению, напоминал о существовании в глубине гор одного полубогатого племени Птицеловов, которое до сих пор не попало в поле зрения этнографии и которому цивилизованные горцы приписывают владение магическими науками и способность летать по воздуху без аппаратов. Все они, по рассказам, чрезвычайно росли, обладают огромной физической силой и выносливостью, а также имеют кожу коричнево-золотистого оттенка. Все это удивительно совпадает с внешностью подследственного. Прокурор поиграл карандашиком над профессором Порру... и так далее, потом отложил карандаш и громко сказал: «Что ж, это тоже мнение. Под это мнение, пожалуй, и штаны подойдут. Несгораемые штаны».

Он съел ягоду и рассеянно, все еще думая о Птицеловах, проглядел следующий лист. «Извлечения из стенограммы судебного процесса». Гм... Это еще зачем? «ОБВИНИТЕЛЬ: Вы не будете отрицать, что вы — образованный человек? ОБВИНЯЕМЫЙ: Я имею образование, но в истории, социологии и экономике разбираюсь очень плохо. ОБВИНИТЕЛЬ: Не скромничайте. Вам знакома эта книга? ОБВИНЯЕМЫЙ: Да. Это из тюремной библиотеки. ОБВИНИТЕЛЬ: Вы читали ее? ОБВИНЯЕМЫЙ: Естественно. ОБВИНИТЕЛЬ: С какой целью вы, находясь под следствием, в тюрьме, занялись чтением монографии «Тензорное исчисление и современная физика»? ОБВИНЯЕМЫЙ: Не понимаю... Для удовольствия!.. С целью развлечения, если угодно... Там есть очень забавные страницы. ОБВИНИТЕЛЬ: Я думаю, суду ясно, что только очень образованный человек способен читать такое специальное исследование для развлечения или для удовольствия...» Что за чушь? Нет, все-таки эту шляпу надо гнать. Зачем он мне это подсовывает? А дальше? Опять стенограмма? Опять процесс? «ЗАЩИТНИК: Вам известно, какие средства выделяют Неизвестные Отцы ежегодно на преодоление детской преступности? ОБВИНЯЕМЫЙ: Не совсем вас понимаю. Что значит «детская преступность»? Преступления против детей? ЗАЩИТНИК: Нет, преступления, совершаемые детьми. ОБВИНЯЕМЫЙ: Я не понимаю. Дети не могут совершать преступлений...» Гм, забавно. А что там в конце? «ЗАЩИТНИК: Я надеюсь, мне удалось показать суду наивность моего подзащитного, доходящую до житейской глупости, его неверную и неполную информированность. Подзащитный выступал против государства, не имея о нем ни малейшего представления, ему неведомы понятия детской преступности, благотворительности, социального вспомоществования...» Прокурор удовлетворенно

улыбнулся и отложил листок. Нет, он не шляпа. Действительно, странное сочетание: математика и физика — для удовольствия, а элементарных вещей не знает. Теоретически возможен, конечно, сговор между защитником и подсудимым, но не у нас и не сегодня. Экий ты, Мак, у меня странный простачок. Прямо-таки чудак-профессор из дрянного романа.

Прокурор просмотрел еще несколько листков. Непонятно, Мак, что это ты так держишься за эту самочку... как ее... Рада Гаал. Любовной связи у тебя с нею нет, ничем ты ей не обязан, и общего у вас нет с нею ничего, дурак-обвинитель совершенно напрасно пытается припутать ее к подполью... А ведь как ловко этот лейтенантик использовал твою слабость. Создается впечатление, что, держа ее под прицелом, можно заставить тебя делать все что угодно. Это полезное качество — для нас, а для тебя очень неудобное. Та-ак, в общем, все эти показания сводятся к тому, что ты, братец, раб своего слова и вообще человек негибкий. Политический деятель из тебя бы не получился. И не надо. Прокурор вылез из-за стола и прошелся по кабинету. Кажется, замысел можно осуществить. Кажется, это тот человек, который нам нужен. Он вспомнил своего Мака, — как тот стоит в зале суда у скамьи подсудимых, на целую голову возвышаясь над охраной, его странное подвижное лицо, быстрые глаза, мягкую грацию каждого его движения, и его голос — звучный, наполненный, свободный, и его необыкновенную улыбку, от которой сладкая дрожь идет по телу... Да, это прирожденный вождь. И надо только дать волю воображению, чтобы увидеть за ним зарева пожаров, толпы вооруженных мирян, поверивших в то, что пришел мессия, поваленные башни излучателей, целые провинции, охваченные восстаниями... и сладостная паника наверху, на самом верху, вереницы перемещений и смещений, бессонные ночи, ощущение своей нужности и реального, а не наведенного величия, ощущение реальной власти над реальными людьми, а не над запрограммированными куклами... а потом, когда все мы насладимся, когда снова ощутим горячее течение жизни, когда все это надоест, тогда одним движением пальца, небрежно, шутя, погасить все эти пожары, прекратить хаос, вернуть море в берега... и — триумф, настоящий, неподдельный триумф, гигантский, тщательно разработанный процесс на весь мир, катящиеся головы — и золотое кресло в Зале Совета.

Слабый шорох у двери заставил его вздрогнуть и резко обернуться. Однако это был всего лишь ночной референт.

— Ваше превосходительство, — прошелестел он своим обычным голосом. — Приговоренный Сим доставлен.

— Пусть войдет, — сказал прокурор, возвращаясь к столу. — Пусть войдет один. Охраны не нужно.

— Слушаюсь, — шепнул референт и исчез.

Прокурор склонился над столом и сделал вид, что погружен в работу. Он услышал мягкие шаги, чужое дыхание совсем рядом с собой и, не поднимая головы, сделал приглашающий жест и сказал:

— Садитесь.

Скрипнуло кресло, прокурор отодвинул бумаги и поднял глаза. Вот ты какой у меня, Мак, подумал он почти с нежностью. Все с тебя как с гуся вода: свеж, бодр, глаза ясные, поза непринужденная — где это тебя научили так изящно сидеть и вообще держаться, а ведь кресло для посетителей у меня сделано по специальному заказу, непринужденно в нем не посидишь... а ты еще и улыбаешься, экая у тебя улыбка симпатичная!

— Я — государственный прокурор, — приветливо сказал он. — Меня заинтересовало ваше дело. Вы действительно не помните, кто вы такой?

Осужденный Сим покачал головой.

— Я помню, — сказал он. — Но все считают, что это ложная память.

— Да-да, это ужасно. Я могу себе это представить: воспоминания, которым никто не верит... Вы знаете, вы мне показались неглупым человеком. Совершенно не понимаю, как

вы впутались в эту глупую историю. С вашими способностями заниматься грязным черным делом, марать руки... Разве это ваша роль?

— Да, — сказал Сим. — Это была довольно нелепая затея. Но я не мог оставить их. Это были хорошие люди в беде.

— Странно, — сказал прокурор. — Ведь вы же отказались признать себя виновным.

— Ничего странного, — возразил Сим. — Меня действительно обвиняли в вещах, о которых я понятия не имею. Шпионаж в пользу иностранного государства, подрыв системы обороны, покушение на жизнь и достояние мирных жителей... Это был лживый процесс, — добавил он, помолчав. — А нелепой я называю эту затею потому, что беда нескольких хороших людей заслонила мне беду всего вашего общества.

— Вы говорите, как чужак, — мягко заметил прокурор.

— А я и есть чужак. Если бы я был здесь своим, я бы не сделал этих глупостей.

— Да, да, да, — задумчиво сказал прокурор. — Это было достаточно нелепо. Не знаю, поняли ли вы, но вы ведь все время были не больше чем марионеткой в опытных руках. Ведь вся ваша операция была разработана здесь, у нас, этажом ниже... Правда, вы несколько нарушили наш план, но в конечном итоге все получилось так, как мы хотели. Большой открытый процесс, хонтийские предатели на скамье подсудимых, пойманы с поличным... Вы знаете, даже то, что вам удалось вопреки нашему замыслу свалить башню, даже это в конечном счете пошло нам на пользу. Поваленную башню своими глазами видели миллионы людей — своими глазами или по телевизору, она стала как бы символом вашей деятельности и нашей правоты... Между прочим, ее уже восстановили. Впрочем, это неважно. Важно то, что в политике никакой хорошо задуманный удар не пропадает даром. Даже если в первый момент кажется, что ты промахнулся. — Он взглянул на золотисто-коричневое лицо, такое озабоченное сейчас, даже как будто обиженное, и сказал ласково: — Да, мой мальчик. Вы оказались слишком неопытны. Увы.

— Да, я неопытен, — сказал Сим. — Но я чувствовал, что этот мой шаг нелеп. Мною двигал не рассудок. Возможно, и в дальнейшем я буду совершать смешные поступки...

— Простите, — мягко перебил его прокурор. Он откинулся в кресле и по памяти прочитал: — «Мак Сим, он же Максим Рос-ти-слав-ски-й, в соответствии со статьями такими-то и такими-то, приговаривается к смертной казни путем пропуска электрического тока высокого напряжения через жизненно важные центры».

Сим дослушал и сказал:

— Да, я забыл.

— Вы удивительно спокойны, — сказал прокурор. — Можно подумать, что электрический ток для вас не более опасен, чем семь пуль господина Чачу.

Сим усмехнулся, и у прокурора появилось ощущение, будто он сделал промах, как-то выдал себя.

— Не будем об этом, — сказал он поспешно. — Я только хотел напомнить вам — чистая формальность, конечно, — что дача откровенных показаний о подпольной организации могла бы даже теперь существенно смягчить вашу участь.

Сим перестал улыбаться и строго посмотрел на него.

— Не сердитесь, — мягко сказал прокурор. — Таковы мои обязанности. Я обязан вам также сказать, что своим признанием вы спасли бы жизнь не только себе, но и своим соседям по скамье подсудимых. И... э... Генералу, и Малышу, и... как его?.. этому, грузному...

— Вы делали им аналогичные предложения? — спросил Сим.

— Нет, — сказал прокурор. — Это было бы бесполезно. Генерал и... как же его?.. Мемо... Мемо... Генерал и Мемо — фанатики. Что касается Малыша, то он болен. Он слишком тяжело пережил процесс. Нет, им говорить это не имело смысла. Вы же, как нам показалось, осознали нелепость затеи, а потому...

— Вы меня не поняли, — сказал Сим, снова улыбаясь. — Я считаю эту затею нелепой в том смысле, что... Впрочем, все это ни к чему. Давайте для простоты считать и меня фанатиком.

— Я ждал этого, — сказал прокурор. — Это было чисто формальное предложение... — Писк внутреннего телефона прервал его. Он взял наушник и, досадливо морщась, сказал: — В чем дело? Я занят.

«Ваше превосходительство, — прошелестел референт. — Некто, назвавший себя Странником, звонит по «красной» линии и настоятельно просит разговора с вашим...»

— Странник? — Прокурор оживился. — Соедините-ка...

В наушнике щелкнуло, голос референта прошелестел: «Его превосходительство вас слушает». Снова щелкнуло, и знакомый голос произнес, твердо, по-пандейски выговаривая слова: «Умник? Здравствуй. Ты сильно занят?»

— Для тебя — нет.

«Мне нужно поговорить с тобой».

— Когда?

«Срочно. Сейчас, если можно».

— Я в твоём распоряжении, — сказал прокурор. — Приезжай.

«Я буду через десять-пятнадцать минут. Жди». Прокурор повесил наушник и некоторое время думал, пощипывая нижнюю губу. Потом он спохватился и сказал Симу:

— Было приятно побеседовать с вами.

Сим сейчас же встал.

— Хочу еще сообщить вам, что ваша подруга... Рада, кажется?... находится в полной безопасности. С нею ничего не случится, вы можете быть совершенно спокойны... естественно, если вы будете вести себя до самого конца так же примерно, как и сейчас. До свидания.

Сим молча поклонился и пошел к двери, огромный, упругий, бесшумный. На пороге он обернулся и сказал:

— Не скажете ли вы, что будет с Гаем Гаалом?

— С кем?... Ах, этот капралишка... Ничего страшного. Собственно, он ни в чем не виноват, а на публику производит благоприятное впечатление разумное сочетание жестких мер с мягкими. Его даже не разжалуют, он опытный военный, а у нас не хватает младших офицеров. Пойдет в штрафные роты, вот и все.

Сим поблагодарил и вышел. Некоторое время прокурор смотрел на дверь, потом сказал вслух: «Годен», достал из стола апелляционную претензию защитника с просьбой о помиловании и написал карандашом: «Смертную казнь заменить бессрочной каторгой. Ввиду молодости, неопытности и в знак беспредельной доброты Н. О.» Потом он перевернул лист и на обратной стороне написал крупными буквами: «Для пользы дела. Умник». Все. С этим было покончено. Теперь будем ждать. Полгода, год. Он не заставит ждать дольше. Так. Что же нужно от меня Страннику? Из его банды мы никого не трогали... Средства? Смешно... Что же ему нужно? Он только что вернулся — таскался где-то два месяца, как и каждое лето... Массаракш! Сколько денег затрачено, а я все не знаю, куда он уезжает, зачем, почему на два месяца и почему всегда летом... Ну, ладно. Что же случилось за эти два месяца? Съели Ловкача... Вряд ли его это интересует. Начали строить новый центр... Из-за этого он ко мне не придет... не ко мне и, во всяком случае, не ночью. Да и знал он об этом центре. Что еще? Может быть, открыл что-нибудь и хочет поделиться радостным известием со своим лучшим другом? Прокурор ядовито хихикнул. Да, хотел бы я быть его лучшим другом... Черт возьми, может быть, я и ошибаюсь, может быть, мне следовало принять его сторону. Если он сделает то, что обещал на том заседании... Но ведь у них ничего не выходит. А если начнет что-нибудь получаться, я узнаю своевременно и успею переориентироваться... Так что же произошло? Гм... А ведь остается только одно — процесс! Срок выполнения приговора — завтра в полдень. Если его это интересует, то он действительно должен был бы приехать сейчас, ночью. Кто же

его может интересовать? Прокурор уже знал ответ. Он вскочил и взволнованно заходил по кабинету. Массаракш! Зачем ему мой Мак? Зачем Страннику мой славный добрый многообещающий бунтовщик? Для научных целей? Возможно... но для этого необходимо предположить, что он знаком со всеми материалами. Сомнительно. Прокурор потер руки. Такие ситуации он любил. «Мой милый Мак! — сказал он. — Кажется, я сейчас продам тебя. И клянусь тебе Мировым Светом, я возьму за тебя дорого». Ах, массаракш, хороший товар не залеживается! Во всяком случае, необходимо принять все меры. Прокурор проворно бросился к столу, выдвинул потайной ящик и включил все фонографы и скрытые камеры. Эту сцену надлежит сохранить в веках. Ну, где же ты, Странник?

От нетерпения прокурора ударило в дрожь; он бросил в рот несколько ягод, но дверь уже отворилась, и, отстранив референта, в кабинет вошел этот верзила, этот холодный шутник, эта надежда Отцов, ненавидимый ими, обожаемый ими, ежесекундно повисающий на волоске и никогда не падающий, тощий, сутулый, с круглыми зелеными глазами, с большими оттопыренными ушами, в своей вечной нелепой бархатной куртке до колен, лысый, как попка, — чародей, вершитель, пожиратель миллиардов. Прокурор поднялся ему навстречу. С ним не надо было притворяться, скалиться в притворной улыбке и говорить вымученные слова.

— Привет, Странник! — сказал прокурор. — Пришел похвастаться?

— Чем? — спросил Странник, проваливаясь в известное всем кресло для посетителей и нелепо задирая колени. — Массаракш! Каждый раз я забываю про это чертово устройство. Когда ты прекратишь издеваться над посетителями?

— Посетителю должно быть неудобно, — сказал прокурор. — Посетитель должен быть смешон, иначе какое мне от него удовольствие. Вот я сейчас смотрю на тебя, и мне весело.

— Да, я знаю, ты веселый человек, — сказал Странник. — Только очень уж неприятный. Ты тоже можешь сесть.

Прокурор вспомнил, что все еще стоит. Как всегда, Странник быстро сравнял счет. Прокурор сел поудобнее и хлебнул целебной дряни.

— Итак? — сказал он.

Странник приступил прямо к делу.

— У тебя в когтях, — деловито сказал он, — человек, нейтральный к А-излучению. Он мне нужен. Ты знаешь, зачем.

— Не знаю, — сказал прокурор. — Кроме того — и это более существенно и непонятно — я не знаю, откуда тебе известно о существовании такого человека.

— Слухом земля полнится, — небрежно сказал Странник.

— Гм... Если земля полнится государственными тайнами, то ее надлежит засадить на пятнадцать лет по статье сто третьей.

— Займись, — сказал Странник.

— Я не шучу, — сказал прокурор. — Ты ничего не должен был знать об этом человеке. — Прокурора вдруг осенило. — Если только ты не связан с подпольщиками, конечно.

— Что и откуда я знаю — это не твое дело. Я ведь не спрашиваю у тебя имя агента номер двести два...

Прокурор засмеялся.

— Готов меняться, — сказал он. — Я тебе назову двести второго, а ты мне — своего. У тебя, кажется, клички, а не номера.

— Ты слишком добр, — сказал Странник нетерпеливо. — У тебя всего три агента, и одного из них ты готов обменять. Это излишняя щедрость, я не могу ею воспользоваться. Вернемся лучше к нашему Симу. Что ты за него хочешь?

— Фи! — сказал прокурор, откидываясь на спинку кресла. — Ну что у тебя за манеры? Никакой деликатности. Все вы, пандейцы, грубы и неотесаны. Бог с вами. А что ты мне можешь предложить?

— Первый же защитный шлем.

Прокурор присвистнул.

— Во-первых, дешево. Мне нужен был бы не первый, а единственный. А во-вторых, до ваших шлемов еще надо дожить, а у меня слабое здоровье.

— Если ты отдашь мне Сима, я сделаю шлемы быстрее.

— Ой ли?

— Ну хорошо, чего же ты хочешь?

Прокурор сложил руки на животе и покрутил пальцами.

— Маленькое одолжение, дружище. Я хотел бы просить у тебя маленького одолжения. Даже не я, а мы, все наше крыло.

— Выкладывай, выкладывай.

— Видишь ли, нам известно, что Дергунчик поручил твоей банде разработать излучатель направленного действия. Дергунчик, конечно, дубина, сам не понимает, что затеял. А мы, скромные администраторы, посоветовались тут и решили, что создавать сейчас такие излучатели несвоевременно. Надо бы придержать эту работу, как ты полагаешь, Странник, а?

Странник усмехнулся.

— Боишься, паук? — сказал он.

— Боюсь, — сказал прокурор. — А ты не боишься? Или ты, может быть, вообразил, что у тебя любовь с Дергунчиком на века? Он ведь тебя же твоим же излучателем... это же дважды два!

Странник снова усмехнулся.

— Убедил, — сказал он. — Договорились. Давай сюда Сима.

Прокурор покачал головой.

— Ну что ты, — сказал он укоризненно. — Разве так можно? Ты придержи направленный излучатель, я придержу Сима. Действительно, совершенно бессмысленно казнить такого милого молодого человека. Его надо помиловать, и его помилуют. А как только будет готов шлем...

— Для того чтобы изготовить шлем, мне нужен Сим.

— Вздор. Вздор, милейший! Сим нужен тебе для другого, и если ты хочешь, чтобы он остался жив, ты мне скажешь, для чего он тебе нужен.

Странник пожал плечами.

— Я мог бы что-нибудь выдумать, — сказал он, — но это глупо. Сим нужен мне в лаборатории как подопытный кролик. Вот и все.

Прокурор пронзительно посмотрел на него, ничего, как всегда, не обнаружил и сказал:

— Ну ладно, я не волк какой-нибудь. Придержи излучатель, и когда шлем будет готов, получишь Сима живого и здорового. Согласен?

Странник хмуро глядел в окно.

— Гарантия, что он будет жив и здоров.

— Мое крайнее нежелание познакомиться с направленным излучателем.

— А куда ты его денешь? Сгноишь в тюрьме?

Прокурор мысленно восхитился небрежностью, с какой был задан этот вопрос. На такой вопрос мог бы ответить даже самый осторожный и опытный человек. Если бы, конечно, не ждал его заранее.

— Ты получишь Сима живым и здоровым, — сказал он.

— Хорошо. — Странник поднялся. — Твоя сила. И пусть будет по-твоему. Будь здоров.

Когда он вышел, прокурор некоторое время сидел, жуя губами, затем снова достал претензию защитника со своими надписями, приписал внизу: «Мера нового наказания — засекретить» и переложил лист в папку с грифом «Для лиц вертикального подчинения».

В начале следующей главы, где в окончательном варианте Максим вспоминает процесс, в первоначальной редакции более подробно описывались его первые дни на каторге.

Он чувствовал себя подавленным. Все получилось не так, как он рассчитывал. Вчера вечером он очень обрадовался, когда Зеф, дважды пройдя вдоль строя новоприбывших каторжников, выбрал именно его в свою сто четырнадцатую группу саперов-смертников. Он узнал Зефа сразу, эту огненную бородищу и квадратную фигуру нельзя было не узнать. Потом он обрадовался, когда Зеф привел его в барак и указал ему место на нарах рядом с одноруким Вепрем. Это была удивительная удача — ему сразу удалось наткнуться на человека, достаточно опытного и вполне проверенного. А потом все стало плохо. Однорукий не хотел разговаривать. Он вежливо выслушал рассказ Максима о судьбе ячейки, неопределенно произнес: «Бывает и не такое», зевнул и лег, отвернувшись. Тогда Максим попытался напомнить Зефу о первой встрече, но Зеф сделал вид, что ничего такого не помнит, и приказал ложиться спать. Максим лег, но заснуть не мог долго.

<...> Вдобавок ко всему Вепрь и Зеф все время молчали. Зеф с самого начала приказал Максиму глядеть в оба и ступать след в след, а потом словно перестал замечать его. Максим пытался рассказывать о себе, его вяло слушали, отвечали бессмысленными словечками вроде «ай да ты», «да ну» или «неужто», но вопросов не задавали и на вопросы не отвечали. И Максим окончательно понял, что здесь он чужой, и что его не принимают в свои, и что ему предстоит либо каким-то образом доказать, что он свой, либо искать другие связи.

А вот так выглядела попытка Максима обсудить цель побега с каторги.

— Убежать нетрудно, — сказал Максим. — Убежать я мог бы прямо сейчас.

— Ай да ты! — сказал Зеф.

— Дело не в том, чтобы просто вернуться — что бы я стал там делать один? Надо вернуться всем и с оружием...

— Это кому же — всем? — спросил однорукий.

— Всем, кто здесь есть.

— Это зачем же?

Максим удивился.

— Чтобы свалить тиранов, естественно. Или вы намерены по-прежнему валить башни?

Когда же серьезный разговор с Зефом и Вепрем состоялся, начало было несколько иным.

— Отвык я от таких слов, — сказал Зеф. — У нас тут все больше «гады» да «подлецы». Эй, парень, как тебя...

— Максим.

— Да, правильно. Что, Мак, сердце твое полно благодарности?

— Кому? За что?

— Ну как же? Вместо электрического тока бесконвойная жизнь на природе.

— Я был уверен, что меня не казнят, — возразил Максим. — Все-таки это был открытый процесс с соблюдением всех юридических норм, а не расправа в гвардейской казарме...

— Но твоих приятелей казнили, — сказал Зеф.

— Нет, — сказал Максим. — Всем заменили на каторгу. — Он помолчал. — По сути дела, это было разумное решение. Нельзя убивать людей только за то, что они имеют собственные убеждения и борются за свою жизнь.

— Нельзя? — спросил Зеф.

— Конечно, нельзя.

— А я-то думал — можно. Как ты думаешь, — обратился он к однорукому, — это дурак или болван?

— Бывает и третье, — сказал однорукий.

— Да, бывает и третье, — мрачно сказал Зеф.

Максим поглядел на него. Старшина смертников сверлил его своими маленькими голубыми глазками. Очень неприязненный взгляд, и совершенно непонятно, откуда эта неприязнь. В конце концов, если я ему так не нравлюсь, зачем он взял меня к себе?

— Ругань — не аргумент, — холодно сказал он.

— Кто, вы говорите, был в вашей ячейке? — спросил вдруг однорукий.

— Я могу говорить при нем? — сказал Максим, указывая ложкой на Зефа.

— Конспиратор, — сказал Зеф.

— Можете, можете, — сказал однорукий без улыбки.

Максим перечислил членов ячейки. Краем глаза он видел, как однорукий и Зеф переглянулись.

— А вы не ошиблись? — вкрадчиво спросил однорукий. — Может быть, напутали что-нибудь?.. Знаете, бывает...

Максим удивленно поглядел на него, потом засмеялся.

— Как же я могу напутать, я же с ними вместе прожил целый месяц.

— Ну да, конечно, — охотно согласился однорукий. — Меня смущает вот что. Вы говорите, руководителем ячейки был Мемо-Копыто... А мне помнится, что не Мемо, а Гэл. Гэл Кетшеф.

— Какой Гэл? — удивился Максим. — Гэл Кетшеф был арестован вместе с вами и расстрелян на другой день.

— Ах да, конечно, — сказал однорукий. — Я запомнил.

— По-моему, вы хотите меня запутать, — сказал Максим озадаченно. — Не понимаю, зачем это вам нужно.

— А скажи-ка, парень, — сказал вдруг Зеф. — Откуда ты, собственно, знаешь, что Гэл был расстрелян?

— Это хороший вопрос, — заметил однорукий.

— В точности я этого не знаю, — сказал Максим. — Но приговорили его к смерти... Вы, вероятно, меня не помните, — сказал он однорукому. — Но ведь я принимал участие в вашем аресте, а весь так называемый суд над вами проходил у меня на глазах. Я слышал и допросы, и приговоры...

Зеф протяжно свистнул, а однорукий сел и сказал:

— То-то мне ваше лицо знакомо. Вы были гвардейцем?

— Ну да! — сказал Максим нетерпеливо. — Я давно знаю вас обоих. — И он, радуясь, что наступил наконец момент взаимопонимания, рассказал им всю свою историю, начиная со сцены в лесу и кончая своим свиданием с прокурором. Его слушали, не перебивая. Когда он закончил, однорукий неопределенно сказал: «Бывает», а Зеф сообщил, что бывает и не такое, и предложил приступить к еде.

<...> И почему они мне не верят? Наверное, так надо. Наверное, это рефлекс, они всю жизнь дерутся... а на суде было зачитано восемь донесений какого-то агента, который знал всё, что делалось в нашей ячейке. Невозможно представить себе, чтобы кто-нибудь из наших был предателем...

Интересные нюансы содержались в рассуждениях Максима о хонтийцах («...которым, судя по всему, тоже не сладко...») и о самом себе («Почему я так всегда не любил историю? И ведь именно меня угораздило сюда попасть»). Выводы же делались следующие.

И вот что: уйду я не на запад, нечего там мне делать, там ни армии для меня нет, ни разведки. А уйду-ка я на восток, к этим так называемым вырожденкам. Посмотрю-ка я, такие

ли они дикие, здесь ведь ни в одном слове никому нельзя верить. Надо всё самому смотреть. Может быть, на востоке удастся кого-нибудь организовать.

Более обстоятельным в первом варианте рукописи был разговор о Крепости.

— И вот что, обо всем этом помалкивай, так и запомни: знают теперь о Крепости три человека, Вепрь не выдаст, я, само собой, тоже, а если узнает кто четвертый, значит, твоя вина, и придется нам тебя шлепнуть.

— Да не выдам я, — сказал Максим с досадой. — За кого вы меня принимаете, в самом деле?

— Ладно, ладно, — сказал Зеф. — Там видно будет, за кого мы тебя принимаем.

По-другому описывались и мысли Максима после обнаружения Крепости. В первоначальном варианте Авторы дали ему возможность подслушать разговор Зефа и Вепря и дальше догадаться обо всем самому. И последующий совместный разговор в первом варианте тоже был иным.

Оставалось еще расчистить юго-западную четверть квадрата. Здесь им повезло. Какое-то время назад здесь почему-то взорвалось что-то очень мощное. От старого леса остались только полусгнившие поваленные стволы да обгорелые пни, срезанные как бритвой, и на его месте уже поднялся молодой редкий лесок. Земля здесь была сильно радиоактивна и буквально нафарширована железом, превратившимся в ржавую пыль. Зеф присвистнул от удовольствия, походил взад-вперед с радиометром, достал схему и заштриховал юго-западную четверть красным карандашом. «Новичок, — разглагольствовал он по дороге назад, — если его в первый день не прихлопнет, всегда приносит удачу. Крепость нашли, целую четверть сэкономили... Молодец, Мак». Максим не возражал. Он чувствовал себя утомленным, грязным, сегодня было слишком много бессмысленной работы, бессмысленного нервного напряжения, слишком долго он дышал сегодня всякой гадостью и принял слишком много рентген. Кроме того, за весь этот день не было сделано ничего настоящего, нужного, и, наконец, ему очень не хотелось возвращаться в барак. Зеф с одноруким шли впереди, а он шагал следом за ними, таща на плече гранатомет однорукого, который совсем выдохся. Один Зеф чувствовал себя прекрасно. Он предвкушал душ и обильную жратву. Кроме того, он предвкушал еще что-то, о чем говорил шепотом. Он не знал, что у Максима слишком хороший слух — даже для этого профессионального шепота, но говорил он на жаргоне, и Максим понял только, что политические сегодня устраивают какое-то тайное сборище и какого-то Патла будут принимать куда-то. Максим отвлекся, а когда снова прислушался, речь шла о башнях. Они продолжали говорить на жаргоне, но жаргонных слов им явно не хватало. Максим слушал и удивлялся. Говорили как будто о действии излучения, причем Зеф утверждал, что действие это, как он выражался, интегрально. Вепрь, однако, оспаривал его какими-то непереводаемыми примерами и настаивал на том, что действие социально-селективно. Сначала Максим не разобрал приставку «социально-» и подивился, как два опытных человека могут спорить о таком очевидном предмете. Действие излучения, несомненно, интегрально, в том смысле, что действует на всех выродков без исключения, и оно же, несомненно, селективно, потому что действует только на выродков. Подслушивать было неловко, и он хотел уже отстать, но тут спорщики разгорячились и заговорили громче, потом остановились и принялись кричать друг на друга, и до Максима вдруг дошло, что они говорят о действии излучения на людей вообще, а не только на выродков. Это его поразило, сначала ему даже показалось, что он ошибается, что он неверно расшифровывает жаргонные выражения, они говорили о гвардейцах, о солдатах, о врачах, об уголовниках, о фермерах... Зеф стучал себя кулаком по лбу и кричал: «Да это же нерационально, не нужно!» — «Глупости! — кричал Вепрь. — Психология масс всегда социальна!» — «Да пойми ты, речь идет об общем настрое, о настрое на раболепие и подчинение...» — «А гвардеец более готов к такому настрою, чем ученый...»

И тут Максим понял, что вся прежняя картина мира разваливается. Что все гораздо страшнее, чем он представлял себе. Поняв, он ужаснулся и не поверил. Он бросил гранатомет, подошел к спорщикам, взял их за плечи и спросил:

— Для чего нужны башни?

Они не обратили на него внимания, только Зеф попытался отпихнуть его локтем, не переставая говорить, и тогда Максим встряхнул их и заорал:

— Я спрашиваю вас, для чего нужны башни?

Они замолчали и уставились на него. Голубые глаза Зефа были совершенно бессмысленны, а лицо однорукого все шло красными пятнами от возбуждения. Потом Зеф стряхнул руку Максима со своего плеча, злобно проворчал: «Чтобы оболванивать таких, как ты» и пошел вперед, не оглядываясь. Однорукий остался. Глаза его сузились, и он спросил тихо:

— Откуда вы знаете жаргон?

— Я не знаю жаргона, — нетерпеливо сказал Максим. — Но я понял, о чем вы говорили. Это правда? Я всегда думал, что башни нужны для того, чтобы мучить и выявлять выродков. Это правда?

— Да, — ответил однорукий. — Башни годятся и для этого. К нашему несчастью.

— Но не это главное?

— Нет, не это. Давайте, однако, пойдём, а то я очень устал.

— А что же главное?

— Подберите оружие, — сказал однорукий. — И пойдёмте, я расскажу вам по дороге. Это будет даже интересно...

И он рассказал. То, что он рассказывал, было чудовищно. Это было чудовищно само по себе, и это было чудовищно потому, что больше не оставляло места для сомнений. Все время, пока они лезли через поваленные деревья, перебирались через овраги, продирались через кусты, потрясенный Максим изо всех сил пытался найти хоть какую-нибудь прореху в этой новой системе мира, но его усилия были тщетны. Картина получалась стройная, страшная, примитивная, совершенно логичная, она объясняла все известные Максиму факты и не оставляла ни одного факта необъясненным. Это было самое большое и самое страшное открытие из всех, которые Максим сделал на обитаемом острове.

Излучение башен предназначалось не для выродков. Оно действовало на любую нервную систему любого человеческого существа этой планеты. Механизм воздействия не был известен ни Вепрю, ни Зефу, но суть этого воздействия сводилась к тому, что облучаемый человек подвергался мощному психическому внушению. Ему было можно внушить все или почти все, но внушалась ему прежде всего идея его подчиненности, восторг перед властью имущими и ненависть ко всем, кто мыслит иначе. Очень многое оставалось неясным в психической картине воздействия: внушаются идеи или эмоции? Всем ли внушается одно и то же или существуют различные программы для людей разных психических или социальных типов? Действует облучение на сознание или на подсознание?.. Но главное было ясно. Гигантская сеть башен, опутывающая страну, дважды в сутки — по крайней мере дважды в сутки — внушала десяткам миллионов людей преданность и ненависть, преданность тем, кто правил, и ненависть к тем, кто был против них. Дергая за эти невидимые ниточки, Неизвестные Отцы направляли волю и энергию миллионов масс куда им заблагорассудится, могли вызывать и дважды в день вызывали всеобщий экстаз раболепия и преклонения; могли заставлять и заставляли массы думать, что все идет как нельзя лучше; могли возбуждать и возбуждали неутолимую ненависть к врагам внешним и внутренним, стирая при этом в миллионах сознаний всякую тень сомнения. Они могли бы при желании направить миллионы под пушки и пулеметы, и миллионы пошли бы умирать с восторгом; они могли бы заставить миллионы убивать друг друга во имя чего угодно; они могли бы, возникни у них такой каприз, вызвать массовую эпидемию самоубийств. Они могли все. Опасность для них могли представлять только выродки, люди, которые в силу каких-то физиологических

способностей были невосприимчивы к внушению. Излучение вызывало у них только невыносимые боли, но не меняло ни их убеждений, ни эмоционального настроя. Выродков было сравнительно мало, что-то около процента, но Неизвестные Отцы знали историю и не собирались рисковать. Выродки были объявлены врагами человечества, и с ними поступали соответственно.

Максим испытывал такое отчаяние, словно вдруг обнаружил, что его обитаемый остров населен на самом деле не людьми, а куклами. Надеяться было не на что. Перед ним была огромная машина, слишком простая, чтобы можно было рассчитывать на ее эволюцию, и слишком огромная, чтобы можно было надеяться разрушить ее небольшими силами. Он понял, насколько был смешон со своими планами вторжения, широкой пропаганды среди населения, изоляции Отцов от масс. Теми силами, на которые он мог рассчитывать, нельзя было освободить огромный народ, который не желал своего освобождения, у которого дважды-трижды в сутки выжигали саму мысль об освобождении. Огромная машина была неуязвима изнутри. Она была устойчива по отношению к любым возмущениям. Будучи разрушена, немедленно восстанавливалась. Будучи раздражена, немедленно и однозначно реагировала, не заботясь о судьбе своих отдельных элементов. Единственную надежду оставляла мысль, что у этой машины был центр, пульт управления, мозг. Этот центр теоретически можно было разрушить, и тогда машина замрет в неустойчивом равновесии, и тогда наступит момент, когда можно будет попробовать перевести этот мир на другие рельсы. Но где этот центр? И кто его будет разрушать? Это не атака на башню. Это операция, которая потребует огромных средств и прежде всего — армии людей, неподверженных действию излучения. Нужны были люди, невосприимчивые к излучению, или простые легкодоступные средства защиты от него. Ничего этого не было и даже не предвиделось. Внутри страны не было никаких сил, годных для предстоящей борьбы, миллионные массы были рабами машины. Несколько сотен тысяч выродков были раздроблены, разрознены, преследуемы, и если бы даже их удалось объединить, эту маленькую армию Неизвестные Отцы уничтожили бы немедленно, простым нажатием кнопки, включив излучатели не на час, а на сутки...

Максим в отчаянии обрушил на Вепря град вопросов. Существует ли защита от излучения? Работает ли кто-нибудь над этой проблемой? На что вообще надеется штаб? Есть ли программа действий? Почему об истинном назначении башен не знал ни один из подпольщиков в ячейке? На что вообще можно надеяться? Почему выродки не уничтожены, хотя это так легко сделать? Однорукий только косился на него любопытствующим глазом и отвечал кратко и невразумительно: «Как знать...», «Ну откуда я это знаю?», «Может быть, конечно...», «А кто их знает...».

— Вы действительно ничего не знаете? — спросил наконец Максим. — Или вы просто не верите мне?

— Как знать... — сказал Вепрь.

— Нет. Нет, извините, — сказал Максим. — Я требую от вас одного ответа, конкретного и ясного: верите или не верите?

— А чего это мы вдруг тебе поверим? — сказал вдруг, повернувшись, Зеф. — Кто ты такой, чтобы мы тебе верили? И кто ты такой, чтобы требовать от нас? Молоко на губах не обсохло, массаракш...

— Значит, не верите?

— Слушайте, Мак, — вежливо сказал однорукий. — Вы же неглупый человек. Посудите сами: мы — политические заключенные, смертники. По первому же доносу мы будем расстреляны. Только вчера расстреляли одного из нас за то, что он отказался вне очереди чистить уборную... Среди каторжников мы самые послушные и самые дисциплинированные. Мы больше не заговорщики, Мак. Мы люди, которые хотят жить. Вы ведете себя крайне неосторожно. Мы, конечно, не донесем на вас, это противно, хотя, строго говоря, мы должны были бы донести. Так что в известном смысле мы вам верим.

Мы верим, что вы не донесете, что мы не донесли. На что большее может рассчитывать человек, которого никто из нас не знает и вчерашний гвардеец?

— Хорошо, — сказал Максим. — Понимаю. Но я могу рассчитывать на ваше доверие в будущем?

— Как знать... — сказал однорукий. — Терпение, терпение и снова оно. Мы — вечные каторжники, и у нас впереди вечность.

Максим понял, что разговоры ни к чему не приведут. Эти люди правы, иначе просто нельзя. Значит, придется ждать, бездельничать, терпеть, работать на врага, ежедневно и ежеминутно рисковать бессмысленно жизнью, ждать, пока они удостоверятся в твоей честности, а вероятность выжить невелика, группы саперов истребляются наполовину за неделю... Это было невозможно.

— Что там, на востоке? — спросил он.

— Лес, потом пустыня. Выродки.

— Мутанты?

— Да. Полузвери. Сумасшедшие дикари.

— Вы их когда-нибудь видели?

— Я видел только мертвых, — сказал однорукий. — Их довольно часто хватают в лесу, а потом вешают перед нашими бараками для поднятия духа.

— А за что?

— За шею, — сказал Зеф. — Дурак. Это зверье. Их невозможно вылечить, а они опаснее любого зверя. Я-то их повидал. Ты такого и во сне не видел.

— А зачем туда тянут башни? — спросил Максим. — Хотят их приручить?

Однорукий неловко засмеялся.

— Нет. Они тоже не принимают излучение. Как и мы. В точности ничего не известно, но, скорее всего, их хотят оттеснить в пустыню.

Они вышли из леса на дорогу. Это опять было старое разбитое шоссе, может быть, то самое, которое вело к разрушенному мосту. На запад дороги нет, думал Максим. Мне там нечего делать. На востоке — дикие выродки. Есть еще, правда, разумные лемуры в Крепости, но это не то. Что же остается? Что же мне остается? Он вдруг понял, что у него один путь. Если он хочет действовать, если он не хочет ждать и рисковать ежедневно жизнью, разряжая мины, если он не хочет гнить в бараках, пока Зефу не заблагорассудится удостоить его своим доверием — а там окажется, что надо опять терпеть, опять ждать, — если он не хочет всего этого, ему остается один путь: на восток. Вот так, по этому шоссе, но в другую сторону. А там посмотрим. Вернуться сюда я всегда сумею. По крайней мере, я точно буду знать, что там, на востоке.

Другим был и разговор перед расставанием (когда Максим разобрался в танке и собрался уезжать на восток, позже — на юг).

— Жив! — сказал Зеф вместо приветствия. — Удивительно! А я, друг мой, твой завтрак того... сожрал. Видишь, — сказал он однорукому. — А ты беспокоился. Вот он, живой и невредимый.

— Я очень рад, — сказал Вепрь, улыбаясь. Максим почувствовал, что он действительно рад, но ему хотелось есть, он надеялся, что ему принесут что-нибудь, и поэтому он только сказал:

— Я тоже рад.

Зеф обошел танк вокруг, сказал: «Экая пакость», сел на обочину и стал свертывать сигарку.

— Ну, вы поедете со мной? — спросил Максим.

— Это куда же? — спросил Зеф.

— Я решил ехать на восток. К мутантам.

— Дурак, — сказал Зеф спокойно.

Однорукий покачал головой и сказал:

— Вы знаете, Мак, он прав. Это глупо.

— Они там с тебя кожу с живого сдерут, — пояснил Зеф.

Максим, невесело оскалась, посмотрел на свои ободранные, еще не зажившие после вчерашнего руки и ответил:

— Не знаю, как там, а здесь меня уже ободрало. Я вас умолять не буду, вы мне вообще не нравитесь, слишком уж вы недоверчивы, можно подумать, что у вас нечистая совесть... но я решил, что было бы нечестно уехать, не предложив вам. Я мог бы уже давно уехать. Но если вы предпочитаете работать на врагов человечества, если вам нравится подыхать на радость Неизвестным Отцам... пожалуйста, оставайтесь.

Вебрь положил руку ему на плечо.

— Мак, — сказал он. — Вы сами говорите, что были подпольщиком. Тогда вы знаете, в каких условиях мы работаем и что такое для нас вопрос доверия. Нельзя быть таким нетерпеливым. А что касается врагов человечества, то у человечества много врагов извне, и самые страшные из них — мутанты.

— Я в это не верю, — сказал Максим. — И я не могу быть таким терпеливым. Я не могу терпеть и ждать, когда миллионы людей превращены в куклы. До свидания.

Они не остановили его, он вспрыгнул на гусеницу, отвалил люк отсека управления и залез в жаркую полутьму. Он отодвинул заслонку передней амбразуры и уже положил руки на рычаги, когда услышал, что Зеф зовет его. Он высунулся.

— В чем дело? — спросил он.

— Раз уж ты решил ехать, — сказал Зеф, — то имей в виду, впереди у тебя будет две заставы. Одну ты проскочишь легко, они не ждут нападения сзади, а вторая стоит прямо посередине дороги. — Он сплюнул. — Брось глупить, — сказал он. — Оставайся. Там дикие места, а дальше пустыня, радиация... жрать там совершенно нечего, и воды нет.

— Все? — спросил Максим.

— Все, — сказал Зеф.

— Желаю вам выжить, — сказал Максим и вернулся к рычагам.

Позже этот разговор перечеркнут, а на полях написано: «Вебрь спрашивает о Фанке в связи с вызовом Мака в столицу. Последний вопрос: почему суть башен скрывают от рядовых подпольщиков?»

При доработке черновика записан вариант, где Зеф, рассказывая о разговоре с курьером Умника, говорит: «Я ему на всякий случай соврал, что тебе обе ноги оторвало».

В рукописи, когда за границами поля у Гая не получается петь марш, было еще: «Он снова посмотрел на часы. — Странно, — пробормотал он с разочарованием. — Как же так, даже обидно...» И затем, во время «ломки» Гая, Максим не сравнивает его с наркоманами из арестантского вагона, а думает: «Максиму вдруг пришло в голову, что Гай похож на наркомана, человека, привыкшего к наркотикам. Максим читал, что если наркоману не давать вовремя его любимого зелья, ему становится дурно, он впадает в депрессию, очень мучается».

По-другому строился разговор Гая и Максима перед возвращением в Страну Отцов.

— Теперь идем искать гвардейцев.

— Танк захватывать? — уныло спросил Гай.

— Нет. По твоей легенде. Ты похищен вырожденками, а каторжник тебя спас.

— А дальше?

Максим помолчал.

— Война началась, Гай, — сказал он. — Хонтийцы на вас напали, видишь ли. Превосходными силами. Хонтийцы, впрочем, утверждают обратное, но это неважно. Все вы хороши. Важно другое. — Он опять замолчал.

— Что? — нетерпеливо спросил Гай. Он чувствовал себя неловко. Отцы Отцами, башни башнями, а война все-таки войной. Нехорошо все-таки дезертировать. А вдруг Мак скажет, что надо дезертировать? Или хуже того, помогать хонтийцам?

— Во-первых, всех зовут в ряды. Нашего брата-каторжника тоже амнистируют и — в ряды. Так что пойдём в ряды, Гай. Хорошо бы нам не разлучаться. Ты ведь штрафник? Хорошо бы мне попасть к тебе под начало... Хорошо бы Зефа встретить... А что, вполне возможно, если он настоящий...

— А во-вторых? — спросил Гай, ощущая некоторое облегчение.

— А во-вторых... Во время несправедливых захватнических войн, бывает, возникают революционные ситуации. Не знаю, как это будет у вас с вашими окаянными башнями, но если война ядерная... Массаракш, никакие башни не должны им помочь...

Иначе обсуждалось и состояние подполья в разговоре Мака и Зефа перед танковой атакой.

— Хорошо, — сказал Максим. — Что же мы тогда должны делать?

— Выжить, — веско сказал Зеф. — Любыми средствами выжить во время прорыва. И здесь вся надежда на тебя. На всем Стальном Плацдарме, среди всех десятков тысяч штрафников, армейцев и гвардейцев, ты будешь единственным человеком с ясной головой...

— Это я понимаю, — нетерпеливо сказал Максим. — Я имею в виду не нашу с тобой задачу, а задачу организации.

— Массаракш! — удивился Зеф. — При чем здесь организация?

— То есть как при чем? Зачем ты вызвался добровольцем? Зачем ты едешь почти на верную смерть? Зачем я еду, массаракш и массаракш? Я бы двадцать раз успел уйти отсюда... Или ты хочешь сказать, что организация никак не намерена использовать войну?

— Организация ни черта не знает, — угрюмо сказал Зеф. — Потому я и еду. Я, ты и еще десяток наших. Тот, кто уцелеет, доложит... Как организация может использовать войну, если мы еще никогда не воевали с излучателями за спиной?

— Позволь, — сказал Максим, холодея. — Что же это получается? Я добровольно отдался гвардейцам. Я полкаторги обыскал, пока нашел тебя. Я положил чертову уйму труда, чтобы попасть с тобой в один экипаж, да еще под началом верного человека. Я радовался, что нашел контакт с ответственным представителем организации, я ждал, что ты мне дашь наконец настоящее боевое задание... Послушай, ведь война... Атомная война!.. Неужели нельзя рассчитывать на революционную ситуацию? Я был убежден, что у вас теория, что вы к этому готовились...

— Хватит! — рыкнул Зеф, и Максим замолчал. Зеф страшно сопел у него над ухом. — Распустил нюни, сопляк! Тьфу!

— Я не распустил нюни, — сказал Максим безнадежно. — Я просто еще раз убедился, что вашей организации грош цена.

Состояние Гая под действием излучения, которое описывалось ранее как «сплошное бессмыслие и готовность стать убийцей», первоначально представлялось Авторам таким: «...сплошная собачья преданность и готовность стать тряпкой для вытирания ног».

В первом варианте рукописи Гай не погибает, сцепившись с хонтийцем.

Гай, весь ободранный, весь в крови, стоял над ними, не по-человечески оскалась и, кажется, даже рыча, и водил по сторонам каким-то необычного вида оружием. Увидев Максима, он взвизгнул, бросился к нему, прижался спиной и выставил свое оружие против всего внешнего мира.

— Откуда это у тебя? — испуганно спросил Максим и осекся.

Далее он видит убитого Гаема хонтийца. Потом следует ядерный удар, при котором Максим «схватил Гая за лицо, повалил его на землю и сам упал сверху». А к схватке с танком специального назначения наш герой готовится не с голыми руками.

Максим вскочил, разбросав наваленные ветки. Он привел Гая в чувство, убедился, что парень не ослеп, оставил его, сбежал за Фанком, положил его рядом с Зефом, потряс их обоих, попытался заговорить с ними, но они только стонали и рычали в ответ, подхватил с земли длинное оружие хонтийца и побежал снова наверх, на свой наблюдательный пост.

И несколько позже:

Он шел, держа наперевес ружье. Он не рассчитывал на то, что на него обратят внимание и остановятся выяснить, кто он такой и что здесь делает. Он знал, что ему придется силой выковыривать их из железной скорлупы, он уже придумал несколько способов, как это сделать, а остальное зависело от обстоятельств.

Во втором черновике после смерти Гая Максим идет на «погонщиков» уже безоружным, и ему теперь не до расчетов — есть лишь боль потери, ярость и неодолимое желание убивать...

Хотя Гай и переживает в раннем черновике схватку с хонтийцем и ядерный удар, дальше из повествования этот персонаж исчезает. О его судьбе косвенно говорит фраза в конце повести: «И в этот день верили, как в добрую сказку, Лесник, Кошка, Зеленый, и Гэл Кетшеф, и Гай, и еще десятки, и сотни людей, которых я никогда не видел...» А коль скоро все остальные названные здесь люди мертвы, то и Гай, стало быть, тоже... После рукописной доработки черновика сцена гибели Гая стала практически такой же, как в окончательной версии. В офлайн-интервью (2.01.2000) БНС писал: «Мне и самому его жалко, но что тут поделаешь? Такая уж была у Мака Сима судьба — учиться терять друзей и уничтожать врагов».

Значительно отличается в первом варианте начало предпоследней, восемнадцатой главы.

Генеральный прокурор спал чутко, и мурлыканье телефона сразу разбудило его. Не раскрывая глаз, он взял наушник. Шелестящий голос ночного референта произнес, как бы извиняясь:

— Шесть часов, господин генеральный прокурор...

— Да, — сказал прокурор, все еще не раскрывая глаз. — Да, благодарю вас.

Он включил свет, откинул одеяло и сел. Некоторое время он сидел, уставясь на свои тощие бледные ноги, и с грустным удивлением размышлял о том, что вот уже шестой десяток пошел, но не помнит он ни одного дня, когда бы ему дали выспаться. Все время кто-нибудь будит. Когда он был лейтенантом, его будил после попойки, когда только бы и поспать, скотина-денщик. Когда он был Председателем Чрезвычайного Трибунала, его будил дурак-секретарь с неподписанными приговорами. Когда он был гимназистом, его будила мать, чтобы он шел на занятия, и это было самое мерзкое время, самое скверное пробуждение. И всегда ему говорили: надо! Надо, ваше благородие. Надо, господин Председатель. Надо, сыночек. А сейчас он говорит это «надо» самому себе. Он встал, накинул халат, плеснул в лицо горсть одеколона, вставил зубы — массируя щеки, посмотрел на себя в зеркало, скривился неприязненно и пошел в кабинет.

Теплое молоко уже стояло на столе, а под крахмальной салфеточкой — блюдце с солоноватым печеньем. Это надо было выпить и съесть, как лекарство, но он сначала подошел к сейфу, отвалил дверцу, взял зеленую папку и положил на стол рядом с завтраком. Хрустя печеньем и прихлебывая молоко, он тщательно осмотрел папку, пока не убедился, что со вчерашнего вечера ее никто не открывал. Как много переменилось, подумал он. Всего четыре месяца прошло, а как все переменилось. Идеальный бунтовщик! Надо же, какие глупости меня тогда интересовали! Поднять бунт, дать ему как следует разгореться и эффектно, торжественно, с молниеносностью, подобающей спасителю государства, подавить — аляповатая, крикливая затея, дешевка, а сам в это время уже висел на волоске... Строго говоря, следовало бы, конечно, проанализировать, почему из этой затеи ничего не получилось. Сам по себе замысел, если отвлечься от суетности конечной цели, был вроде бы и не плох, а вот не вышло! Обманул ты мои ожидания, Мак Сим, он же Максим... Вздор, не буду об этом думать. Что было, то было, а теперь надо думать о том, что будет. У него вдруг похолодело внутри при мысли, что затея его

провалилась потому, что он чего-то не учел в Максиме, какого-то его тайного свойства, не увидел какой-то его скрытой потенции, подошел к нему шаблонно. Да-да, подумал он. Тогда оставалось белое пятно — его прошлое. Тогда мне было наплевать на его прошлое, а может быть, в прошлом и лежит ключик к этому странному человеку? Но вот зеленая папка стала вдвое толще, а белое пятно осталось. Он ощутил, как страх нарастает, и поспешил взять себя в руки. Нет, так дело не пойдет, сейчас надо хранить абсолютное спокойствие и рассуждать совершенно бесстрастно. Да, белое пятно осталось. Да, теоретически, повторяю: теоретически, только теоретически, этим белым пятном можно объяснить неудачу первой затеи и предсказать возможную неудачу второй. Но все это только теоретически. А практически — выбора у меня все равно нет. Белое пятно. И нет времени его заполнить. Просто нет времени. Значит, риск. Ну что же, риск так риск. Риск всегда был и будет, нужно только свести его к минимуму. И я его свел к минимуму. Да, массараکش, свел к минимуму! Вы, кажется, не уверены в этом, Умник? Ах, вы сомневаетесь? Вы всегда сомневаетесь, Умник, есть у вас такое качество, вы — молодец. Ну что же, попытаемся развеять ваши сомнения. Слыхали вы про такого человека? Его зовут Максим Ростиславский. Неужели слышали? Это вам только кажется. Вы никогда раньше не слышали про такого человека. Вы сейчас услышите о нем первый раз. Очень прошу вас, прослушайте и составьте о нем самое объективное, самое непредубежденное суждение. Мне очень важно знать ваше объективное мнение, Умник, от этого, знаете ли, зависит целостность моей шкуры. Моя бледная, с синими прожилками, но такая дорогая мне кожа...

Он раскрыл папку. Прошлое этого человека туманно. И это, конечно, неважное начало для знакомства. Но мы с вами знаем не только как из прошлого выводить настоящее, но и как из настоящего выводить прошлое. И если нам так уж понадобится прошлое нашего Мака, мы в конце концов выведем его из настоящего. Это называется экстраполяцией. Наш Мак начинает свое настоящее с того, что бежит с каторги. Мы ожидали этого, и все-таки мы ошиблись, потому что он бежит не на запад, а на восток. Вот панический рапорт агента номер двести два, классический вопль идиота, который нашкодил и не чаёт уйти от наказания: он ни в чем не виноват, он сделал все по инструкции, он никак не ожидал, что объект добровольно поступит в саперы и, мало того, на другой же день исчезнет. Не ожидал... А надо было ожидать! Объект — человек неожиданный, вы должны были ожидать чего-либо подобного, господин Умник. Да, тогда это поразило меня, но теперь-то мы можем догадаться, в чем дело — кто-то объяснил нашему Маку про башни, и он решил, что в Стране Отцов ему делать нечего... Прокурор опустил голову на руку, вяло потер лоб. Да, тогда все это и началось. Это был первый промах в серии промахов. Я не знал тогда, какое значение имеет Мак для Странника — в этом был мой промах. Все промахи — от недостатка знания. Я считал: подумаешь, ну, обещал ему Мака, ну, обманул, ну, решит Странник, что я обманул его нарочно, подумаешь, сокровище — Мак! Маком больше, Маком меньше. Ну, шлепнет он какого-нибудь моего агента в отместку, потом встретимся, покачаем головами, погрозим друг другу пальцем, поспорим, кто первый начал, — и все. А Странник... Прокурор взял очередной рапорт. О, этот Странник! Умница Странник, гений Странник, вот как мне надо было действовать — как он! Я-то был уверен, что Мак погиб: восток есть восток. А он наводнил все заречье своими агентами, жирный Фанк — ах, не добрался я до него в свое время! — этот жирный облезлый боров похудел, мотаясь по стране, вынюхивая и высматривая, а Куру подох от лихорадки в Шестом лагере, а Тапа-Куручку захватили горцы, а Пятьдесят Пятый, не знаю, кто он такой, попался пиратам на побережье, сожгли они его, но он успел сообщить, что Мак там был, сдался гвардейцам и направлен в свою колонну... Вот как поступают люди с головой: они никого и ничего не жалеют. Вот как я должен был поступить тогда. Бросить все дела, заняться только Маком, а я вместо этого сцепился с Дергунчиком и проиграл, а потом связался с этой идиотской войной — и тоже проиграл... И вот только когда я все это проиграл, когда меня припекло, тогда только я

сообразил, на что годен Мак, и, по сути дела, я и здесь бы проиграл, если бы мне не повезло. Да, Странник, да, хрящеухий, теперь ошибся ты. Надо же было тебе уехать именно сейчас. И ты знаешь, Странник, меня даже не огорчает то обстоятельство, что я опять не знаю, куда и зачем ты уехал. Уехал, и ладно. Тебя нет, а наш Мак — здесь, и это получилось очень удачно.

Прокурор ощутил радость и, заметив это, сейчас же погасил ее. Опять эмоции, массараки! Спокойнее, Умник. Ты знакомишься с новым человеком по имени Мак, ты должен быть очень объективен. Тем более что этот новый Мак так не похож на старого, теперь он совсем взрослый, теперь он знает, что такое финансы и детская преступность. Поумнел, посуровел наш Мак. Вот он пробился в штаб заговорщиков (рекомендатели: Мемо Грамену и Зеф Аллу) и сумел доказать там необходимость контрпропаганды. Это было большое дело. Они там в штабе намереваются когда-нибудь в конце концов захватить Центр и использовать его в целях, как они выражаются, демократического воспитания народа, а большинство рядовых членов организации ненавидит башни как таковые, им плевать, что будет воспитывать в людях излучение: преклонение перед Отцами или преклонение перед демократией, у них болит голова, им надоело мучиться, они хотят жить просто по-человечески... В первый момент, когда Мак выступил с предложением о контрпропаганде, в штабе взвыли — это означало раскрыть рядовым членам истинное назначение башен, которое до поры хранилось от них в строжайшей тайне, признаться, что и после победы заговора им придется терпеть те же мучения, но теперь уже во имя благородных целей... И ведь убедил Мак: приняли идею контрпропаганды, поручили Маку разработать программу... Разрабатывает, но в штабе, кажется, основательно разочаровался. Вот стенограмма одной из его бесед с Зефом: «В штабе слишком много неудавшихся Неизвестных Отцов, всяких властолюбивых прохвостов... Не удалось им, понимаешь, пробиться на государственные посты, вот они и подались в оппозицию... И трусов много, вроде этого Кидагу, который больше всего на свете боится гражданской войны...» Очень точно подмечено.

И немного позже, после разговора с Папой, прокурор думает:

У меня есть бомба. У меня есть Мак. У меня есть человек, который не боится излучения. Для которого не существует преград. Который умеет убивать и убивает при случае без пощады. (Убивает как в обороне — банда Крысолова, так и в нападении — экипаж танка-излучателя, помяните, ангелы, их злосчастные души.) Человек, желающий переменить порядок вещей и использовать излучатели во благо. (У него другие понятия о благе, но это сейчас не важно.) Человек чистый и, следовательно, открытый всем соблазнам. И мой агент намекнул ему, что генеральный прокурор, не в пример другим Неизвестным Отцам, тоже желает переменить порядок вещей и даже, кажется, знает, где находится Центр.

При встрече же с Максимом, поскольку в этой версии они и раньше встречались, прокурор, говоря о массе вопросов к Маку, добавляет:

Я хотел задать их вам еще при первой нашей встрече, но я понимал, что это было бы бестактно и неуместно, я даже не был тогда уверен, что моя рекомендация о помиловании будет принята... Вы — на редкость любопытный человек, Мак, и мне прямо-таки не терпится кое о чем расспросить вас.

Размышляя о Маке, прокурор вспоминает Раду: «...дружит по-прежнему с одной женщиной — все с той же Радой Гаал...», да и в гости к прокурору они приходят вдвоем. (В окончательном варианте этого быть не может: Рада вне пределов досягаемости и Максима, и прокурора — ее тайно удерживают где-то люди Странника.)

Он не выходил из кабинета до самого приезда гостей.

Гости производили самое приятное впечатление. Мак был великолепен. Он был настолько великолепен, что прокурорша, баба холодная, светская в самом лучшем смысле слова, давным-давно в глазах прокурора уже не женщина, а старый боевой товарищ, при первом же взгляде на Мака сбросила лет двадцать и вела себя чертовски естественно — она не могла бы себя вести естественнее, даже если бы знала, какую роль должен в ее судьбе сыграть Мак. Рада рядом с Маком выглядела, конечно, бледновато — она была слишком худенькая, слишком застенчивая и слишком влюбленная. Впрочем, постепенно и она разошлась. Когда выяснилось, что слуги — по ошибке, конечно — отпущены, она заявила, что служит официанткой и с нею никаких слуг не нужно. Это получилось очень мило, тем более что прокурорша начинала свою карьеру тоже официанткой в офицерском казино. Ужинали долго, весело, много смеялись, немножко пили. Прокурор рассказывал последние сплетни — разрешенные и рекомендуемые к распусканию Департаментом Общественного Здоровья, прокурорша загнула нескромный анекдотец, Рада в лицах изобразила беседу метрдотеля с напившимся провинциалом (массаракш, девчонка-то оказалась с изюминкой), а Мак в юмористических тонах описал свой полет на бомбовозе. Хохоча над его рассказом, прокурор с ужасом думал, что бы сейчас с ним было, если бы хоть одна ракета попала в цель.

Когда все было съедено и выпито, прокурорша возымела желание показать Раде только что полученные образцы новых изделий парфюмерной промышленности и предложила мужчинам доказать, что они способны прожить без своих дам хотя бы час.

Перед взрывом Центра Мак разговаривает с Зефом по-другому.

— Профессора Аллу.

— Да! — рявкнул Зеф.

— Это Мак...

— Массаракш, я же просил не приставать ко мне сегодня...

— Заткнись и слушай. Собери немедленно наших людей. Всех, кого сможешь... К черту вопросы! Слушай... Всех, кого сможешь. С сигаретами и спичками. Ждите меня напротив ворот, там есть павильон, знаешь? С фонтаном... Понял?

— Я не понимаю, при чем здесь сигареты...

Максим скрипнул зубами.

— Дубина, — сказал он. — Наши. С сигаретами. С зажигалками, массаракш! Щелк-щелк и огонек!

— А! С оружием? — обрадованно сказал Зеф.

Максим покосился на лаборанта. Тот прилежно считал на арифмометре.

— Да, — сказал он. — И еще просьба. Вызови Раду. Пусть немедленно возвращается домой. Позаботься о ней, если я уеду надолго.

— Что за дьявольские тайны! — взревел Зеф, но Максим уже отключил его и набрал номер Вепря. Здесь ему повезло: Вепрь оказался дома.

Любопытные подробности содержит и разговор Максима с Вепрем перед началом операции.

— Помните, как я в первый раз выступал на заседании штаба? Недели две назад... Потом вы отозвали меня в сторонку и предупредили, чтобы я никогда больше не заикался о своем желании взорвать Центр, если я действительно хочу его взорвать.

— Помню, — кивнул Вепрь.

— Так вот, я вам за это благодарен. Я больше никогда не заикался. Более того, я стал одним из самых активных сторонников захвата Центра в целях его дальнейшего использования во имя интересов народа... Не помню, как там эти дураки говорят дальше.

— Обратить Центр против врагов страны, — поправил Вепрь, — и во благо народа, пока народ сам не научится понимать, в чем его благо.

— Вот-вот-вот...

— Да, я заметил. Я даже поверил и немного разочаровался в вас. Я думал, что вас переубедили.

— Нет, — сказал Максим. — Просто я послушался вашего совета, и кончилось дело тем, что я получил возможность взорвать Центр.

Вепрь снова быстро повернулся к нему.

— Сейчас? — сказал он.

— Да. Приходится спешить, а я почти ничего не успел приготовить. Я очень рассчитываю на вас.

— Говорите.

— Я войду в здание, вы останетесь в машине. Через некоторое время, вероятно, поднимется тревога, может быть, начнется стрельба. Это не должно вас касаться. Вы продолжаете сидеть в машине и ждать. Вы ждете... — Он подумал, прикидывая. — Вы ждете двадцать минут. Если в течение этого времени вы получите лучевой удар, значит все обошлось, можете падать в обморок со счастливой улыбкой на лице. Если нет — выходите из машины, детонируйте бомбу и старайтесь спастись. Может быть, так удастся разрушить хотя бы антенну.

Некоторое время Вепрь размышлял.

— Вы не разрешите мне позвонить кое-куда? — спросил он.

— Нет, — сказал Максим.

— Видите ли, — сказал Вепрь, — если убьют вас, то, скорее всего, убьют и меня, и тогда от разрушения антенны толку будет мало... От взрыва антенны толку вообще будет мало, но это даст два-три дня, а за два-три дня можно кое-что сделать. Если найдутся люди, готовые к бою.

— Это в штабе, что ли? — спросил Максим презрительно.

— Ни в коем случае. У меня есть своя группа. Вот этих людей и я хотел бы предупредить, сейчас.

Максим молчал. Впереди уже поднималось серое семиэтажное здание с каменной стеной вдоль фронтона. То самое. Где-то там бродила по коридорам Рыба, орал и плевался Бегемот. И здесь был Центр. Круг замыкался.

— Ладно, — сказал Максим. — Там у входа есть телефон-автомат. Когда я войду внутрь — но не раньше, — можете выйти из машины и позвонить. Но имейте в виду: если ничего не выйдет, а вы останетесь живы, никому и никогда не рассказывайте, что знаете, где Центр. Это, как говорится в романах, смертельная тайна.

А среди мыслей Максима перед штурмом Центра была и следующая.

Но самый большой дурак — господин генеральный прокурор, подумал он с неожиданным удовольствием. <...> Просто он не может себе представить, что кто-то возьмет Центр и взорвет его, вместо того чтобы захватить и «использовать во благо».

В разговоре Максима и Странника в рукописи присутствовал такой момент.

— Не оценил я тебя, Мак, сынишка. Не раскусил вовремя. Крепкие вы там, однако, ребята — Искатели...

— Крепкоголовые, — пробормотал Максим.

— И не без этого, — согласился Странник.

Странник, перечисляя Максиму трудности возникшего положения, в рукописи добавляет еще одну важную подробность: «...списки подполья в руках полиции, к вечеру на свободе не останется ни одного подпольщика».

Перечисленные детали, сколь бы они ни были интересны, показались Авторам, видимо, по тем или иным причинам избыточными. Но наличие их в очередной раз показывает: картина, возникающая в воображении автора при работе над текстом может быть куда полнее той, которая предъясвляется читателям «на финише» — в публикации.

Что касается беловой рукописи, на одном из вариантов которой содержатся некоторые пометки для последующих книжных исправлений, вроде замены лейтенанта на ротмистра, то от нынешнего, окончательного текста повести отличаются в основном некоторые имена и термины, вернуть которые к исходному состоянию было либо невозможно, либо крайне нежелательно (об этом несколько позже будет рассказано подробно). Интереснее рассмотреть беловик со стороны общей композиции текста. Части получили названия: «Робинзон», «Гвардеец», «Террорист», «Каторжник», «Землянин» (в рукописи они даже вынесены на отдельные страницы). Дальше эта структура сохраняется во всех публикациях, только в журнальном варианте частей нет, а название «Гвардеец» в ранних книжных изданиях заменялось на «Легионера».

Но есть и еще один нюанс, связанный с тем, что по ходу единого сюжета в повествовании меняются рассказчики. Прием, когда последовательно происходящие события излагают в разных главах со своей точки зрения разные персонажи, очень плодотворен и применяется многими писателями. Стругацкие — не исключение (в числе примеров — «Частные предположения», «Стажеры», «Далекая Радуга»). В «Обитаемом острове» основную часть событий мы видим через восприятие Максима, но кое о чем лучше могут рассказать сами обитатели Саракша, поэтому четыре главы отданы Гаю, а еще две — государственному прокурору. Это дает возможность, например, обеспечить некий взгляд на Максима со стороны или же показать не только слова или поступки важных для сюжета персонажей, но также их мысли.

Для усиления «стереоскопичности» при переделке рукописи в конце первой и второй частей, а также перед последней главой четвертой части были добавлены интерлюдии, с заголовками, соответственно, «Вы его упустили...», «Как-то скверно здесь пахнет...» и «Поторапливайтесь, Фанк, поторапливайтесь!». (Судя по всему, добавление происходило в два этапа: в позднем черновике дописана только последняя сценка, в беловике они присутствуют уже все.) Это беседы крупных функционеров Страны Отцов между собой либо с подчиненными. Два фрагмента (со Странником и Фанком) относятся к основному сюжету напрямую. Решения же, принимаемые на совещании Отцов, никак вроде бы не касаясь судьбы Максима, предопределяют, тем не менее, многие будущие события повести. Лишить читателя хотя бы одной из этих сцен значило бы заметно обеднить исходный замысел. Однако, как будет далее показано, одна из названных интерлюдий увидела свет очень нескоро, много позже остального текста.

А пока готовая повесть предоставлена потенциальным издателям — в «Детскую литературу» и в «Неву». Кроме того, во втором полугодии 1968 года планируется напечатать отрывок (первую главу) в журнале «Знание — сила».

Для рассказа о дальнейших событиях потребуются довольно часто обращаться к переписке Авторам, в том числе с привлечением выдержек из писем 1968 года, представленных в другом разделе этого тома полностью.

1 мая 1968 года БНС, пообщавшись с С. Лурье — редактором ОО в «Неве», пишет брату: «Саша прочел ОО. Мнение его весьма симптоматично. Вещь, он говорит, прекрасная; сокращать там абсолютно нечего; идеологически она выдержана совершенно. И тем не менее, он голову готов прозакладывать, что начальство встретит повесть весьма настороженно. Дело в том, что это вещь, резко отличающаяся и по форме, и по содержанию, и по уровню мастерства от того, что обычно публикуется в «Неве». Поэтому начальство приложит все усилия, чтобы как-то от нее отбрыкаться или в крайнем случае опубликовать только 10 договорных листов».

В письме далее говорится, что при переговорах с редакцией Авторам очень пошло бы на пользу «намерение еще какого-то журнала опубликовать ОО». 7 мая АНС, впрочем, советует в ответе «иметь в виду, что печатать придется, видимо, именно там и нигде больше».

Рецензенты относятся к повести достаточно благосклонно, хотя не без опаски. Со слов Лурье БНС цитирует в письме брату от 25 мая Г. Гора: «...прекрасно написано, но ведь — параллели! параллели!» А мнение В. Дмитриевского излагается так: «Мак маловато вспоминает Землю (только папу-маму, да и то нечасто), и недостаточно подробно описана история коммунистов на планете — надо бы добавить пару абзацев». И резюме: «Саша Лурье считает, что дело в шляпе и все теперь зависит от главного. <...> Редсовет будет в середине июня, Саша надеется подготовить общественное мнение, чтобы толкать повесть в сентябрьский или октябрьский номер».

Далее и в Москве и в Ленинграде некоторое время происходит примерно одно и то же: ожидается решение высокого редакционного начальства, но оно ни там, ни здесь якобы никак не соберется прочитать рукопись. 14 июня БНС пишет, чем кончилась его попытка сдвинуть дело с мертвой точки: «Попов был чудовищно любезен и ласков, но фактически сообщил следующее. В

этом году журнал не будет печатать ОО. Рассчитывает он на первые три месяца следующего года. (Это его решение, по-видимому, твердо.) <...> Так что все надежды — на Детгиз». И еще через несколько дней: «Вообще, создается любопытная и очень характерная для Ленинграда картина: ЗА роман все, кто его читал <...>; против — один главред, который не хочет роман прочесть».

Впрочем, хотя бы в Москве какие-то подвижки наметились. 26 июня АНС сообщает брату информацию от Н. Берковой: «Исайя, ликуй. Позвонила Нина и сообщила: мадам ОО прочла, ей понравилось, есть несущественные замечания (в частности, по Страннику), Нина своими руками выписала и снесла в бухгалтерию одобрение».

Регулярный выход книг для профессионального советского писателя — единственный законный источник существования. Отсюда серьезное отношение АНС к любым обстоятельствам, могущим спровоцировать издателей на отказ печатать повесть под предлогом нарушения договора. Поэтому, например, в переписке немало места уделено документированному подтверждению из «Невы», что там не возражают против публикации отрывка из повести в «Знание — сила».

Из «Детской литературы» поступают между тем замечания. АНС приводит их брату 7 июля: «1. Натуралистическая растянута война. 2. Очень затянута начало части «Землянин», сцена Умника. 3. Несообразность мировоззрения Страны Отцов о строении их мира при высоком развитии их техники. 4. Станный конец, всё запутывающий. Если Странник — землянин, то почему он с самого начала не взял Максима под контроль, не связался с ним, не помог разобраться? Роль Странника и его работа на Планете? Зачем он здесь?»

Далее отмечается: «Кроме того было категорически предложено УБРАТЬ все социологические соответствия с нашим миром, всячески затуманить социальное устройство Страны Отцов, чтобы не было никаких ассоциаций. Здесь, как я понял, дело сводится к вычеркиванию таких слов, как социал-демократ, коммунист и т. д.»

В «Комментариях к пройденному» общий смысл претензий представлен так:

«В «Неве» требовали: сократить; выбросить слова типа «родина», «патриот», «отечество»; нельзя, чтобы Мак забыл, как звали Гитлера; уточнить роль Странника; подчеркнуть наличие социального неравенства в Стране Отцов; заменить Комиссию Галактической Безопасности другим термином, с другими инициалами...

В Детгизе (поначалу) требовали: сократить; убрать натурализм в описании войны; уточнить роль Странника; затуманить социальное устройство Страны Отцов; решительно исключить само понятие «Гвардия» (скажем, заменить на «Легион»); решительно заменить само понятие «Неизвестные Отцы»; убрать слова типа «социал-демократы», «коммунисты» и т. д.»

В тех же мемуарах БНС упомянул два фактора, значительно повлиявших на судьбу ОО. Во-первых, подчеркивается, что без постоянных усилий «двух наших друзей и редакторов» — Нины Берковой в Москве и Самуила Лурье в Ленинграде «судьба романа могла бы быть иной — он либо не вышел бы вообще, либо оказался изуродован совсем уж до неузнаваемости». Во-вторых, многое из происходящего тогда сейчас просто трудно понять без учета политического фона:

«Это был 1968 год, «год Чехословакии», когда <...> никто не знал, что будет через месяц — то ли свободы восторжествуют, как в Праге, то ли все окончательно вернется на круги своя. <...> ...И мертво молчали те немногие, как правило, недоступные для непосредственного контакта, кто уже в мае знал, что вопрос решен. <...> Чашки весов колебались. Никто не хотел принимать окончательных решений, все ждали, куда повернет дышло истории. Ответственные лица старались не читать рукописей вообще, а прочитав, выдвигали к авторам ошеломляющие требования, с тем чтобы после учета этих требований выдвинуть новые, еще более ошеломляющие».

5 сентября БНС пишет брату: «Попов вроде бы все-таки намерен печатать роман. Отведены для него 2, 3, 4 номера на следующий год». 1 октября — сообщение о внесении совместно с Лурье кое-какой запрошенной редакцией правки и о дальнейших перспективах: «Попов уходит в отпуск, вместо него остается Некрасов, а это означает, что все начнется сначала. Некрасов прочтет рукопись, заявит, что это плевок в лицо советской власти и потребует бредовых корректур». Следует долгое ожидание, и лишь 21 ноября БНС сообщает о результате: «Некрасов прочел ОО и, вопреки всяким ожиданиям, не сделал никаких существенных замечаний. Масса идиотской стилистической правки, свидетельствующей о малограмотности, и — всё. <...> Потом я побеседовал с Некрасовым, еще раз поразился его тупости и косноязычию, и на том все кончилось. Договорились, что я напишу еще две-три маленькие вставки, содержанием коих будут воспоминания Мака о прекрасной Земле. В остальном же всё пока ОК».

Весной 1969 года журнальный вариант ОО был напечатан в «Неве» — правда, не со второго номера по четвертый, а с третьего по пятый — и назван «фантастико-приключенческой повестью», как в рукописи (там было еще «для юношества», но журнал как-никак взрослый). В «Комментариях к пройденному» промежуточный итог был подведен так: «Несмотря на всеобщее ужесточение идеологического климата, связанное с чехословацким позорищем; несмотря на священный ужас,

охвативший послушно вострепетавших идеологических начальников; несмотря на то, что именно в это время созрело и лопнуло сразу несколько статей, бичующих фантастику Стругацких, — несмотря на все это, роман удалось опубликовать, причем ценою небольших, по сути минимальных, потерь. Это была удача. Более того, это была, можно сказать, победа, которая казалась невероятной и которой никто уже не ждал».

В «невском» тексте для приближения объема к заданным редакцией рамкам сделаны некоторые существенные сокращения. Убраны интерлюдия про совещание Отцов и сцена с находкой и обследованием Крепости. Кроме того, что еще важнее, полностью сняты главы 15–17, посвященные пребыванию Максима с Гаем у мутантов, их путешествию на юг и участию в войне с Хонти, а также, соответственно, интерлюдия со Странником и Фанком после шестнадцатой главы. Для сохранения связности сюжета очень краткое изложение предшествующих событий добавлено в размышления прокурора о биографии Максима.

И не мудрено: путь он прошел страшный и жестокий. Бежал с каторги, прихватив этого своего приятеля, разжалованного капрала; месяц бродил с ним по деревьям диких выродков — искал, вероятно, себе армию, ничего не нашел, бросился к побережью — надо понимать, хотел вступить в контакт с белыми субмаринами, опять ничего не вышло, и тогда он сдался патрулю и вернулся в свою колонну; тут началась эта злосчастная война, он записался добровольцем, отправился на фронт, каким-то чудом выжил в этом аду и вернулся в столицу вместе с жирным Фанком, потеряв по дороге своего Гая, голыми руками перебив экипаж патрульного танка... Да, это уже не прежний добрый мальчик. Посуровел наш Мак, ожесточился. И поумнел!

Помимо этого, в издании «Невы» были купированы и мелкие фрагменты — часть фразы, несколько слов, одно-два предложения. К примеру, убрано: «...если ты настолько примитивен, что воображаешь, будто на неизвестных планетах можно отыскать некую драгоценность, невозможную на Земле...», «Не снимая высокого белого воротничка...», «Мама... Отец... Учитель...», «...и очень собой довольные», «...от чего он не стал ни красивее, ни удобнее», «Он обследовал себя изнутри, убедился, что горячки не порет...», «Теперь было самое время утолить чувство благодарности», «...старый хрен. Капрал называется...» и так далее. Нетрудно видеть, что эти сокращения были произведены аккуратно: они не затрагивают ни основной темы, ни внутреннего смысла произведения. Да и некоторые более крупные изъятия не слишком принципиальны (к примеру, сон Гая о встретившихся ему выродках, один из которых — Мак, и последующие мысли Гая об этом сне).

Но есть изменения, имеющие явно политическую подоплеку и сделанные отнюдь не по собственному желанию АБС. Самое заметное место в этом ряду занимает, разумеется, замена Боевой Гвардии Боевым Легионом со всеми вытекающими изменениями в самых разных местах текста. (Что именно категорически недопустимое усмотрели тогда в этом названии бдительные издательские работники, можно лишь гадать. Аллюзии же, появившиеся в этой связи в новейшие времена, оставим вне рамок нашей работы.)

В этой связи заслуживают рассмотрения и слова песни, которая в рукописи называлась «Боевая Гвардия» или «Марш Боевой Гвардии», в «Неве» — «Боевой Марш», а в ранних книжных изданиях — «Железные ребята». Авторы в разное время неоднократно переделывали эти слова то вместе, то порознь. В черновике это выглядело так: «Боевая гвардия тяжелыми шагами идет, сметая крепости, с огнем в очах, сверкая боевыми орденами, как капли свежей крови сверкают на мечах! <...> О боевая гвардия, клинок закона вечного! О верные солдаты-молодцы! Вперед, бесстрашные, вперед, неутомимые, алмазный панцирь не спасет тебя, о гнусный враг!»

Даже при всех скидках на специфику подобного текста строки во втором куплете как-то не очень хорошо рифмовались. В беловике первый куплет не изменялся, а второй стал удачнее.

О Боевая Гвардия — клинок закона!
О верные гвардейцы-удальцы!
Когда в бою гвардейские колонны,
Спокойны Неизвестные Отцы!

(Любопытно, что хотя самый ранний вариант этого куплета ни в одно издание в связном виде не вошел, в седьмой главе и по сей день благополучно сохранились фрагменты той самой версии — и «Вперед, бесстрашные!..», и «Алмазный панцирь не спасет тебя, о враг!..»)

А в журнале «Нева» бывшим гвардейцам, а ныне легионерам пришлось петь нечто другое.

Вперед, легионеры, железные ребята!
 Вперед, сметая крепости, с огнем в очах!
 Железным сапогом раздавим супостата!
 Пусть капли свежей крови сверкают на мечах!
 <...>
 Железный наш кулак сметает все преграды.
 Довольны Неизвестные Отцы!
 О как рыдает враг! Но нет ему пощады!
 Вперед, легионеры-молодцы!

Потребовалось маленькое исправление и в сцене с подрывом башни: в капонири ревут «Когда в бою железные колонны...» вместо «гвардейских».

Впоследствии в книжных изданиях ОО многие годы — вплоть до восстановления текста — воспроизводился текст песни именно из «Невы» с одной поправкой: заменой Неизвестных Отцов на Огненосных Творцов.

Комиссия галактической безопасности (а вдруг кто-то сократит ее до аббревиатуры?) стала Службой Галактической Безопасности. На то, что Мак не должен плохо помнить имя главного нациста («Гилтер... нет, Гилмер») было указано особо, так что в журнале Гитлер назван уже безошибочно. Все эти «предосторожности» затем перекочевали из журнального издания в книжное точно так же, как, например, купирование фразы Орди Тадер: «Вы все здесь сдохнете еще задолго до того, как мы сшибем ваши проклятые башни, и это хорошо, я молю бога, чтобы вы не пережили своих башен, а то ведь вы поумнеете, и тем, кто будет после, будет жалко убивать вас», и слов Гая: «...да сейчас и у банкиров таких денег нет, если этот банкир настоящий патриот...» и «...что доброта сейчас хуже воровства».

Но были и дополнения, которые присутствовали только в журнальном варианте.

Редакционное заключение на ОО содержало, среди прочего, такое замечание: «Образ коммунистической Земли, данный в романе беглыми упоминаниями, почти не выходит за пределы домашних обстоятельств Максима. Думается, что это неправомерно». Соответственно, в сцену, где Максим «вымысливал» картинки на ментовизоре, добавились новые подробности.

Максим, естественно, старался прежде всего ознакомить аборигенов с жизнью сегодняшней Земли, дать о ней хоть какое-то представление. Откинувшись в стендовом кресле, зажмурив глаза, чтобы не отвлекаться, он старательно вспоминал школу, ребят, учителя, диспут о моральных проблемах искусственной жизни (в котором он участвовал и потерпел сокрушительное поражение), соревнование ашугов (в котором он победил). А потом день, когда он получил свое первое назначение. Полярный комбинат, производящий синтенищу — сто девяносто шесть автоматических заводов в Антарктиде, которыми он дистанционно управлял... И Ленинград, розовой горой поднимающийся над горизонтом, весь окутанный облаками зелени... И заседание Мирового Совета, решившего вопрос о сооружении первой энергетической сферы вокруг звезды ЕН-11... И лабораторию отца, его волшебные опыты по наследственной передаче знаний... И День Памяти Павших — сотысячная толпа, стоящая в молчании, залитая багровым светом заходящего солнца. И Марс — каким он был сто лет назад (по фотоснимкам) и каков он сейчас...

Видимо, теми же причинами объясняется и следующая вставка (точнее, замена мелкого фрагмента куда более крупным). Вместо упоминания о песне «про девушку, которая сидит на горе и ждет своего дружка» (которую иногда считают намеком на «Скалолазку» В. Высоцкого и которая, по словам БНС, на самом деле никакого прототипа не имеет), в «Неве» было рассказано — и довольно подробно — о других песнях, которые слушают в исполнении Максима Рада и Гай.

Особенно ей нравилась смешная песня (Мак перевел) про механического человека, которого сделали специально, чтобы он чинил какие-то сложные машины, а он, бедняга, сам постоянно ломался — то нога отвалится, то голова отвинтится — и все мечтал сделать в свободное время другого механического человека, который бы его чинил... Тут не все

было понятно — что за механические люди такие? Но Мак знал массу песен про них, и, по этим песням судя, они там у себя в горах горя не знали — всю тяжелую и грязную работу делали за них эти механические существа. Сказка, конечно, но черт его знает... Было в этом что-то...

Сам Гай больше всего любил удивительную солдатскую песню — настоящую, про солдат, которые стояли насмерть, отражая врага у какого-то населенного пункта. Они и сами не знали, как он называется, было их сначала девятнадцать, потом осталось всего трое... Ночь, светятся сигнальные ракеты, все горит вокруг, выжженная опаленная земля... У Гая сердце сжималось и слезы накалились, и у самого Мака лицо становилось какое-то особенное, когда он пел эту песню, мерно ударяя по струнам. Мелодия была удивительная — торжественная, и горькая, и суровая, и какая-то очень теплая, почти нежная. Мак говорил, что это очень-очень старинная баллада о самой великой и самой справедливой из войн, избавившей мир от страшной угрозы. И было ясно, что это — не о последней войне, в последней все было как-то не так, Гай это чувствовал, а о какой-то другой. Но о какой — Мак не мог объяснить...

В редакционном заключении говорилось также: «Редакция считает, что авторы должны подумать над тем, чтобы мотив социальной неоднородности общества в стране «Неизвестных отцов» и экономических оснований, на которых держится их диктатура, мотив несправедливости общественного устройства прозвучал в романе сильнее». Для выполнения этой рекомендации тоже потребовались кое-какие дописки. Так, описание города, когда Гай с легионерами ехали на операцию, было расширено следующим абзацем:

Это были так называемые «Районы, Пока Не Достигшие Процветания». Максим уже бывал здесь, и его потрясли не столько сами эти улочки, полуразвалившиеся, черные от копоти и старости дома, потоки помоев, стекающие прямо по мостовой, изможденные, худо одетые люди, сколько тот факт, что эти Не Достигшие Районы располагались в каких-нибудь трех километрах от центра, где улицы были чисты и уставлены разноцветными легковыми автомашинами, где за золочеными оградами в сени вековых деревьев красовались роскошные особняки, несколько аляповатые, безвкусно спроектированные, но, несомненно, добротные, новые, удобные — здесь жили Процветающие Граждане. Контраст производил самое неприятное впечатление, но Максиму за последние сорок дней пришлось повидать и услышать немало странного и неприятного.

После слов Гая об их общей с Маком доверчивости в «Неве» есть продолжение.

«Доверчивы? — подумал Максим. — Ну нет, что угодно, только не доверчивы. Доверчивого можно убедить, ему можно что-то втолковать, что-то доказать, заставить его усомниться, наконец. Здесь этим и не пахнет. Другая логика. Другой тип мышления. Нельзя объяснить жителю Тагоры, что есть нечто прекрасное вне строгих математических и логических построений. Нельзя доказать аборигену Леонида пользу второй природы, необходимость ее возникновения при определенных условиях эволюции. Нельзя было объяснить религиозному фанатику, что представление о боге — тупик, из которого нет выхода в мир. И тебе, Гай, милый, нельзя ничего втолковать, когда речь заходит о твоих Неизвестных Отцах. Может быть, это у них все-таки своего рода религия?.. Когда человек не умеет исследовать мир, или ему лень исследовать мир, или ему неинтересно исследовать мир, он выдумывает бога и разом объясняет вселенную, ничего не зная о ней. Наиболее экономически выгодный путь мышления для нищих духом... Здесь мир висит на волоске, все шатко, призрачно, эфемерно, не на что надеяться, не на кого опереться, и вот появляются Неизвестные — опора, надежда, устойчивость, обещание жизни... Отказаться от них, усомниться в них означает потерять твердь под ногами, повиснуть в зловещей пустоте... Что ж, может быть, все это и так...»

Вместо короткого упоминания — в рукописи, а потом и в книгах — о женском гвардейском корпусе («Однако нового разговора не получилось. Мак только покачал головой, а Рада, как и раньше, отозвалась о женском гвардейском корпусе в самых непочтительных выражениях»), в «Неве» появился другой текст.

Но Мак покачал головой и сказал, что имеет в виду совсем не это. Раде надо учиться серьезно, заявил он. Поступить в университет или в какой-нибудь институт.

— Может быть, уже прямо в Академию Высокого Попечительства? — язвительно осведомился Гай. — Знаешь, сколько это стоит — учиться в институте? Скажи спасибо, что ее не выбросили на улицу, что мамаша Тэй оказалась порядочным человеком. А то положили бы зубы на полку...

Мак ничего не понял и принялся допытываться, как это так — платить за обучение? Смех и грех, массараکش...

И чуть ниже добавлено: «Мак замолчал (понял, должно быть, что чепуху мелет)...»

Помимо журнального издания, была напечатана еще пара отрывков в «Знание — сила» и газете «Комсомолец Татарии». БНС в «Комментариях» пишет: «В Детгизе, вроде бы, дело тоже шло на лад. В середине мая АН пишет, что Главлит пропустил «Обитаемый остров» благополучно, без единого замечания. Книга ушла в типографию».

Однако вскоре выяснилось, что радоваться рано. Все началось с двух характерных откликов на «невскую» публикацию. В имевшей весьма одиозную репутацию газете «Советская Россия» появилась статья Л. Ершова «Листья и корни», где ОО служил примером отрыва от «корней действительности и корней народных». А некий полковник (он же «кандидат наук из оптического института»), написал в ленинградский обком КПСС донос, где «без всяческих там вуалей и экивоков обвинял авторов опубликованного в «Неве» романа в издевательствах над армией, антипатриотизме и прочей неприкрытой антисоветчине».

Было ли это причиной или лишь поводом, сказать сложно. По словам БНС: «Скорее всего, правы были те комментаторы событий, которые полагали, что количество скандалов вокруг имени АБС (шесть ругательных статей за полгода в центральной прессе) перешло наконец в качество, и где-то кем-то решено было взять строптивцев к ногтю и примерно наказать». Как бы то ни было, в июле 1969 года рукопись распоряжением Госкомиздата РСФСР изымается из типографии.

20 июля АНС, ссылаясь на Н. Беркову, сообщал, что выпуск намечался на июль-август, но поступило указание приостановить печать: «Без объяснений, без разговоров. Только сказано: книга задержана из-за варианта в «Неве». Кто? Почему? Неизвестно. <...> Мнение Нины: нам врезают по совокупности за УнС и СоТ. <...>. Кстати, книга действительно безупречна. Очень и очень придирчивый цензор пропустил ее без единого замечания, что бывает очень редко».

Авторы обсуждали между собой, кто виноват и что делать. Вот версия происходящего из письма БНС от 1 сентября: «Сашка в середине августа случайно наткнулся в эфире на передачу каких-то паразитов — то ли «Немецкая волна», то ли «Свободная Европа». Так вот, паразиты передавали главы из ОО. Сам понимаешь, как это могли воспринять наверху. И дай бог, чтобы там не было никаких комментариев».

Время шло... Важно учитывать, что задержка печати не всегда равна запрету книги и что для руководства «Детской литературы» просто так отказаться на этой стадии от издания значило бы понести не только моральные, но и немалые материальные убытки. В результате практические расчеты как-то возобладали над страхом — и последовала команда печатать ОО. Но, сообщая об этом 10 ноября, АНС следом добавляет: «За это время истек срок действия разрешения Главлита (дается на 6 месяцев), и книга снова пошла в Главлит».

Несмотря на то, что в первый раз у цензуры не возникло никаких вопросов, теперь их, похоже, оказалось по тому же тексту в избытке. Из «Комментариев к пройденному» БНС: «После шести месяцев окоченелого стояния рукопись вдруг снова возникла в поле зрения авторов — прямиком из Главлита, испещренная множественными пометками и в сопровождении инструкций, каковые, как и положено, были немедленно доведены до нашего сведения через посредство редактора. И тогда было трудно, а сегодня и вовсе невозможно судить, какие именно инструкции родились в недрах цензурного комитета, а какие сформулированы были дирекцией издательства. <...> Суть же инструкций, предложенных авторам к исполнению, сводилась к тому, что надлежит убрать из романа как можно больше реалий отечественной жизни (в идеале — все без исключения) и прежде всего — русские фамилии героев».

Точный список главлитовских претензий не найден. Нет в рабочем дневнике Авторов и подробностей вынужденной «чистки», совместно предпринятой в Ленинграде в январе 1970 года. Оценить объем и характер замечаний и последовавшей за ними правки позволяет только сопоставление текста исходной рукописи с «детлитовским» вариантом. Но о текстологии — позже, а пока история книжной публикации еще вовсе не завершена. В конце января 1970 года все сделанные АБС изменения согласованы в издательстве, затем рукопись снова отправлена на площадь Ногина, в Главлит. Там с ответом не торопятся, так что несколько месяцев все пребывает в состоянии неопределенности, а Авторам остается лишь гадать, не повлияют ли на судьбу книги те или иные политические или околотературные превратности.

(Основанием для запрета могла бы стать любая мелочь. В офлайн-интервью БНС (17.08.2004) есть интересное суждение: «Кстати, в те времена цензура очень неохотно и редко разрешала публиковать что-либо насчет атомных войн. Считалось, что советскому читателю ни к чему знать деталей по этому поводу — достаточно знать, что империализм США грозит миру такой войной, а советский народ этого бедствия ни за что не допустит. Точка. Конец. Остальное — ДСП... Поэтому многие читатели считали чудом, что нам вообще удалось напечатать «Обитаемый остров» в таком виде».)

Лишь в середине мая АНС сообщает, что «дело сдвинулось с мертвой точки», а еще через неделю — что цензура «выпустила наконец ОО из своих когтистых лап». Но из-за всех проволочек предыдущих месяцев вернуть издательский процесс в нормальные рамки было непросто. Набор рассыпан — его нужно делать заново, а прежде нужна новая перепечатка: учитывающая все исправления и купюры. Некоторые поправки в текст предстояло внести и по чисто техническим соображениям, чтобы подогнать объем под целое число печатных листов.

В июле-августе вся техническая работа выполнена. Дальше текст — снова! — отправляется в цензуру. И снова у бдительных работников Главлита есть сомнения, но на сей раз, похоже, не по частностям, в целом. В письме АНС брату от 29 ноября приводится неподтвержденный слух, «будто Главлит предложил Пискунову издавать под его, Пискунова, личную ответственность, но что Пискунов якобы отказался».

Подробности того, почему в механизме торможения случился сбой, неясны, однако что-то произошло, ибо в январе 1971 года книга уже появляется в продаже.

Читатели Стругацких, так сказать, со стажем прекрасно знают и помнят это издание — в «рамочке» — серии «Библиотека приключений и научной фантастики», с переплетом красного или серого цвета, с иллюстрациями Ю. Макарова. В офлайн-интервью (26.05.2009) БНС писал, что «книжка со скрипом вышла в свет, изуродованная, но, тем не менее, сохранившая свой антитоталитарный заряд, возникший, видимо, просто потому, что авторы писали «тот мир» на основании своих знаний о мире «этом». Я знаю, что многие и сегодня считают этот роман чуть ли не самым антисоветским из того, что написали АБС, а для меня ОО по-прежнему — чисто развлекательный боевик, вовсе не отягощенный никакими разрушительными идеями. Конечно, аналогия между башнями ПБЗ и современными ТВ-вышками напрашивается, и она вполне точна, но считать эту аналогию главной идеей романа я отнюдь не взялся бы».

Прежде чем перейти к анализу «жертв и разрушений», уместно кое-что пояснить. Когда много лет спустя возникла задача восстановить исходный текст, для этой работы привлекалась свертка Ю. Флейшмана, который сопоставил «допубликационный» авторский беловик и версию «Детской литературы» и выявил без малого 900 заслуживающих внимания различий. Следует понимать, однако, что это сумма многих последовательных правок, порой сделанных еще для «невского» варианта. Во многих случаях определить сейчас, кем и когда было предложено то или иное изменение, нет никакой возможности, как и отделить собственно редакторские требования от требований Главлита. По большому счету, все подобные претензии должны восприниматься как цензура независимо от того, являлся ли автор конкретного замечания цензором по должности, по обстоятельствам или по велению души. Поэтому если далее где-то упоминается слово «цензура», его следует трактовать в самом широком смысле.

Изменения в «детлитовском» издании, перешедшие и в текст многих последующих переизданий, делались по нескольким направлениям. Это прежде всего и в основном масса явных или закамуфлированных идеологических претензий, потребовавших переписывания или сокращения очень многих сцен. Отдельно следует назвать здесь изменение фамилии и национальности главного героя, а также Странника, что потребовало, в свою очередь, множество поправок и в отдельных репликах, и в описаниях событий, а также в мыслях и воспоминаниях Максима. Сюда же примыкают поправки, так сказать, «фантастические», когда во избежание любого рода ассоциаций из текста специально устранялись подробности чужого мира, напоминающие какие-то стороны нашей реальности. И наконец, была еще борьба за «чистоту языка» — изымались или заменялись всяческие недостаточно приличные слова, выражения, описания.

Иногда подтверждались поправки, уже сделанные при подготовке журнального варианта, иногда, напротив, в этих местах восстанавливался исходный текст, иногда же правка тех же самых фрагментов делалась заново, порой со смещением акцентов в прямо противоположную сторону.

А теперь обо всем этом подробнее. Начнем с имен и языка. Поскольку Авторам пришлось заменить Максима Ростиславского и Павла Григорьевича на Максима Каммерера и Рудольфа (будущего Сикорски), имя Олега (приятеля Максима) стало Петер, а главный герой вспоминает сад на Земле не «где-нибудь под Ленинградом, на Карельском перешейке», а «где-нибудь под Гладбахом, на берегу серебристого Нирса».

Язык, на котором Максим пытался разговаривать с Нолу (Рыбой), с Фанком, с террористами, когда ему не хватало слов, из русского, как в рукописи и в журнальном издании, стал линкосом. В изданиях с восстановленным текстом линкос в этих сценах заменен либо местным языком, либо немецким (хотя в «Мирах» и собрании сочинений «Сталкера» кое-где фигурирует и русский).

Странник говорит Максиму «Дурак... Мальчишка» в рукописи и «Неве» по-русски, а во всех остальных изданиях по-немецки: «Dumkopf! Rotznase!» (Дурак! Сопляк!).

Следы «онемечивания» текста наблюдаются и в других местах. Вместо танков упомянуты панцервагены, вместо младших командиров — субалтерн-офицеры, а вместо «штрафников» — «блицтрегеры», водка заменяется шнапсом.

Неизвестные Отцы стали Огненосными Творцами. Заменены были и почти все их «псевдонимы»: вместо Папы — Канцлер, вместо Свекра — Барон, вместо Тестя — Граф, вместо Деверя — Султан. Соответственно, Дворец Отцов в этих изданиях назывался Домом Творцов.

Уже упоминалось, что при подготовке журнальной версии в целях сокращения текста из рукописи было убрано несколько больших фрагментов. В книге они (с некоторой дополнительной правкой) восстановлены, за двумя исключениями. В семнадцатую главу так и не вошел фрагмент с подробной характеристикой подполья (начиная со слов «Подполье не было политической партией»). Из трех вставных интерлюдий в журнале оставалась только «Вы его упустили...». Главка «Поторапливайтесь, Фанк, поторапливайтесь!» в издание 1971 года возвращена (вместе с прочим ранее изъятым текстом четвертой части), а вот главка «Как-то скверно здесь пахнет...» о совещании высшего политического руководства страны так и выпала из текста. (Следует отметить, кстати, что оставшиеся интерлюдии потеряли в книге заголовки и внешне выглядели просто как отбитые отступами фрагменты общего текста. В новейших изданиях вставные главки печатаются, разумеется, полностью и, помимо заголовков, выделены также курсивом.)

В книге, как и в «невском» издании, Комиссия галактической безопасности стала Советом галактической безопасности, а Гвардия превратилась в Легион. Но появилось и множество новых переделок. Капитан стал бригадиром, лейтенант — ротмистром. Каторжники и осужденные во многих местах заменены воспитуемыми (а каторга, соответственно, ссылкой на воспитание; при этом, что интересно, название части «Каторжник» сохранилось), боевые медали и ордена — пуговицами и нашивками, самоходные установки — самоходными «баллистами», отбой — отходом ко сну, подпольщики — террористами, гимназисты — школярами, «бронированные орды» — просто «силами», «Стальной Плацдарм» — «Главным Плацдармом». Убрано выражение «штрафная танковая бригада», заградотряды заменены «жандармскими машинами». «Патриотический Союз Промышленности и Финансов» стал «Имперским Союзом промышленности и финансов» (в «Неве» ему тоже не повезло, там он не «Патриотический», а «Верноподданный»). «Чрезвычайный трибунал» заменен на «Черный трибунал». Водородные бомбы называются супербомбами. Тщательно искоренены слова «беглый», выражения «боевой офицер, танкист», «ветеран войны», «еще довоенный» спор и вообще употребление слова «довоенный», «патриот» и «патриотический», «профессиональный революционер», «контрпропаганда», «политическая деятельность». «Контрразведка» в некоторых случаях заменена на «жандармерию», «античные» стали «древними», «привилегированные» на каторге изменены на «уголовников».

Устраняется и все, что позволяет предположить хоть какие-то намеки на историю нашей страны. Это, например, описание гибели брата Рады: «...десять лет назад к столице подступили мятежники, началась эвакуация, в толпе, штурмующей поезд, затоптали бабушку, мать отца, а через десять дней умер от дизентерии младший братишка...» Описание голода во время войны осталось, но вместо «варили похлебку из клея, соскобленного с обоев» — «варили похлебку из кузнечиков и сорной травы».

Из допроса Гэла Кэтшефа убрано, что воевал он на юго-западе, был начальником полевого госпиталя, затем командиром пехотной роты, имел ордена и ранения. Купирована характеристика Зеленого: «...кажется, убийца, порождение черного послевоенного времени, сирота, шпана...»

Убраны отсылки к славному имперскому прошлому Страны Отцов: «Между прочим, он говорил, что Страна Отцов — только кусочек, охвостье бывшей великой нашей империи, и столица раньше другая была, в трехстах километрах южнее — там, говорит, до сих пор остались еще развалины, причем, говорит, величественные...» Или вот еще: «...театры, цирк, музеи, собачьи

бега... церкви, говорят, были особенной красоты, со всего мира сюда съезжались посмотреть, а теперь — мусор один, не поймешь, где что было».

Порой намеки на земную историю усматривались там, где ничего криминального даже и представить нельзя. Так, на картине со странным сражением «тесные мундиры, обнаженные сабли и много клубов белого дыма» заменены на экзотические «щетиновые панцири из дракки, обнаженные пилообразные мечи и целый лес копий, похожих на вилы».

Из речи Колдуна тоже удалено несколько важных «исторических» фрагментов, в том числе: «История нашей империи знает немало случаев, когда дерзкие и сильные одиночки добивались до трона... Правда, именно они-то и создали самые жестокие традиции тирании, но вас это не касается, вы не такой и вряд ли станете таким... Если я вас правильно понял, надеяться на массовое движение не приходится, а это значит, что ваш путь — не путь гражданской войны и вообще не путь войны. Вам следует действовать в одиночку, как диверсанту».

Убрано пояснение Доктора о взаимосвязи внутренней и внешней политики: «А башни — это не противобаллистическая защита, такой защиты вообще не существует, она не нужна, потому что ни Хонти, ни Пандея не имеют баллистических снарядов и авиации... им вообще не до этого, там уже четвертый год идет гражданская война...»

Удален фрагмент: «Пандейское радио обрисовывало ситуацию в очень спокойных тонах и без всякого стеснения объявляло, что Пандею устроит любое развитие этого конфликта. Частные радиостанции Хонти и Пандеи развлекали слушателей веселой музыкой и скабрёзными викторинами, а обе правительственные радиостанции Неизвестных Отцов непрерывно передавали репортажи с митингов ненависти попеременно с маршами». Не остались без внимания и другие аналогии, связанные с этой войной. Убрано замечание о том, что «радиостанция «Голос Отцов», вопящая последнюю неделю о кровопролитных сражениях на нашей территории, врет самым безудержным образом». Вместо «Хонтийская Уния Справедливости костила Хонтийских Патриотов» — «Хонтийская Уния костила Хонтийскую Лигу». Убрано «считали своим долгом предупредить наглого агрессора, что ответный удар будет сокрушительным».

Не одобрены даже намеки на расовые отличия: вместо описания лица, где странностью считался непривычный разрез глаз, теперь упоминается лицо с непривычным разрезом ноздрей.

БНС писал в офлайн-интервью (26.01.2003): «Вообще-то мы не задавались специальной целью «разоблачить социалистический строй». Просто мы писали о том, что знаем, и то, что думаем по этому поводу. Критика с разоблачением получались сами собой. Советские органы реагировали «однозначно», но поскольку «прямых указаний» в тексте обнаружить не удавалось, цензура просто корежила текст (нашими же руками) в тщетной попытке выкорчевать крамолу».

Убирались повседневные «картинки с натуры», которым читатель мог слишком легко найти соответствия. Это, например, неприглядные картины, наблюдаемые Максимом из окна поезда или автобуса. Душ сначала описывался не просто «жестким, известковым», но «вдобавок еще хлорированным, да еще пропущенным через металлические трубы», а кровать Максим воспринимал как «уродливое сооружение из решетчатого железа с полосатым промасленным блином под чистой простыней».

Вместо чумы — более общее «эпидемия». Вместо ядерного физика и ядерщика — просто ученый. Вместо запаха табака и одеколona — дым курительных палочек. Вместо леденцов появляются жареные орешки, а вместо креветок под пиво — озерные грибы в собственном соку.

Заменялись чем-то нейтральным навязшие в зубах человека того времени официальные фразеологические обороты. Например, «От каждого по способностям» заменено на «ну и пусть...», а «наше дело правое» — на «всё так, как ты говоришь».

Нет в книжном издании неприязни Максима к торжественному хоровому пению и замечания, обращенного к Гаю: «...начинаете истошно орать дурацкие гимны...»

Истреблено слово «энтузиазм», вместо него — «готовность пролить кровь», «готовность жечь и резать во славу Творцов»... А во фразе Гая «Какой может быть энтузиазм вне строя?» энтузиазм заменен пением.

Убирались русские пословицы и поговорки, к примеру, «бог шельму метит», «ты, деревня», «парень — гвоздь». Заменялись также общеизвестные фразеологизмы: вместо «черт здоровенный» — «зверь здоровенный», вместо «не улыбайтесь, как майская роза» — «не улыбайтесь, как рыба-пугало», вместо «мил человек» — «друг симпатичный», вместо «кто-то из вашего брата» — «кто-то из ваших». «Ты у нас Батей станешь», — говорит Зеленый Маку, но в книге «Батя» изменен на «главного».

Убрано упоминание о портянках, вместо них Зеф рассматривает на свет дырявую подошву. Убрана и знакомая деталь советского строя: «Его портрет, увенчанный букетом бессмертника, висел в каждой казарме, его бюст красовался на каждом плацу...»

Убрано перечисление материальных достижений Максима: «...оклад в синем конверте... личная машина... двухкомнатная квартира на территории Департамента специальных исследований...»

Изменялись или купировались географические координаты. Предусмотрительная замена еще в черновике запада с востоком на север с югом оказалась недостаточной. «Зловещий напор с Юга» назывался «зловещим напором Леса»; убираются указания «на Южной границе», вместо «на Юге» — «в лесах», вместо «южных обстоятельств» — «тамошние обстоятельства».

Вместо двух мощных архипелагов в другом полушарии Островная Империя оказалась на трех архипелагах антарктической зоны. (Здесь хотя бы понятно, на что был усмотрен намек.)

Даже аналогии с животным миром Земли вызывали странную неприязнь. Медведей, как выяснилось, быть на чужой планете почему-то не может. Поэтому конкретное «медведи» (Гай предполагает, что Мак был ими воспитан) заменяются общим «звери».

К «зоологической» серии поправок принадлежит и замена у Орди Тадер клички Кошка на Птицу (видимо, это слово считалось допустимым как более обобщенное понятие, вроде тех же «зверей»). Возможно, было и требование вовсе не упоминать земных животных, но до этого дело не дошло: обычные кошки и собаки в этой версии повести все-таки водятся.

Впрочем, временами доставалось не только фауне, но и флоре. Результат — появление «диковинных деревьев» вместо «не то пальм, не то кактусов».

А вот совсем уж экзотический результат устранения ассоциаций с земной жизнью. Из вполне узнаваемого описания трамвая («Еще левее с железным громыханием брела некая разновидность электрического поезда, поминутно сыплющая синими и зелеными искрами, дочерна заполненная пассажирами, которые гроздьями свисали из всех дверей») получилось нечто сюрреалистическое: «Еще левее, железно погромыхивая единственным колесом, брела некая разновидность гиромата, поминутно сыплющая синими и зелеными искрами, дочерна заполненная пассажирами».

Улица Заводская стала называться Сапожной, а рабочее предместье — каким-то предместем. (Ситуация складывается совершенно булгаковская: «Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!»)

Помимо упомянутого выше изменения самого названия правящей хунты и прозвищ ее участников, были изменены и многие иные моменты, так или иначе связанные с Неизвестными Отцами.

Убрано было точное указание времени, когда Неизвестные Отцы получили власть — двадцать четыре года назад. (Впрочем, так же тщательно убиралась другие привязки ко времени — сколько лет назад была война, даже сколько лет Умник занимает место генерального прокурора.)

Во фрагменте, где Зеф излагает причины начавшейся войны, идеология «осажденной крепости» в книжном издании заменена стандартными марксистскими формулировками: «Другая возможная причина — колониальный вопрос. Рынки сбыта, дешевые рабы, сырье — всё, во что могут вложить личные капиталы Огненосные Творцы». Аналогично, в описании прежнего положения страны акцент перенесен с того, что она «управлялась кучкой бездарных финансистов и выродившихся аристократов, которые вогнали народ в нищету, разложили государственный аппарат коррупцией», на то, что «страна была раньше значительно обширней и владела огромным количеством заморских колоний, из-за которых в конце концов и вспыхнула разрушительная война с ныне уже забытыми соседними государствами». Также отсутствует благонамеренно-официозная оценка деятельности Отцов, включающая в том числе фразу: «Уровень жизни повысился весьма значительно, быт вошел в мирную колею, общественная мораль поднялась до небывалой в истории высоты, и, в общем, все стало хорошо».

Убран разговор о непогрешимости Неизвестных Отцов: «Как можно не верить Отцам? Они никогда не лгут. <...> Отцы никогда не ошибаются!», «Значит, Отцы не всемогущи? Значит, они не все знают?»

Нет больше слов Максима о возможном благородстве целей Отцов. В книге стало: «В средствах они неразборчивы, но какие у них цели...» (Кстати, в журнальном варианте тоже было изменение: «Каковы бы ни были их цели, но средствами они пользуются...») Нет и предположения Максима, что этот режим «представляет собой некую разновидность военной диктатуры».

Заменено или убрано несколько рассуждений Доктора об Отцах. Например, вместо «Среди них есть и незлые люди, они получают удовлетворение от сознания того, что они — благодетели народа. Но в большинстве своем это хапуги, сибариты, садисты, и все они властолюбцы...» идет прямой вывод: «Все они хапуги, сибариты, садисты, и все они властолюбцы...»

Из речей дядюшки Каана изъяты слова: «Вы не понимаете истинно великого назначения нашей страны и исторического подвига Неизвестных Отцов! Спасти человечество!» Убраны замечание Доктора «Если бы нас не было, Отцы бы нас изобрели...» и предположение Рады «Попадаются ведь негодяи даже в муниципалитете... а Отцы просто не знают... им не докладывают, и они не знают...».

Убрано замечание Зефа, что «данные об экономическом положении Страны Отцов хранятся в строжайшем секрете, но каждому ясно, что положение это — дерьмовое». Изымались из текста: определения «друг рабочих», «смертью храбрых» (погиб), «лауреат императорской премии»,

упоминание о «низовой работе» в подполье, обозначение части подполья как неудавшихся Отцов, обращение Гая к Маку «вождь мой», когда Гай подвергся снова лучевому удару, и фраза «проклятые дети проклятых отцов». А случай с задержанием Максима на границе именовался уже не «государственным», а всего лишь «серьезным».

И, разумеется, в этом варианте не может быть места прямому обращению к Неизвестным Отцам, живо напоминающему дифирамбы сталинской эпохи: «Знаете ли вы нас, Неизвестные Отцы наши, поднимите усталые лица и взгляните на нас, ведь вы всё видите, так неужели вы не видите, что мы здесь, на далекой жестокой окраине нашей страны, с восторгом умрем в муках за счастье Родины!..»

Патетическая речь Гая перед строем («Хаос, рожденный преступной войной, едва миновал, но последствия его тяжело ощущаются до сих пор. Гвардейцы, братья! У нас одна задача: с корнем вырвать все то, что влечет нас назад, к хаосу» и так далее) в «Неве» подверглась лишь минимальной правке с заменой Гвардии на Легион. В книге текст этой «политинформации» переписан полностью, нет больше «преступной войны» и слишком узнаваемых пропагандистских клише, а общий пафос и лексика соответствуют скорее нацистской Германии. Вот характерный фрагмент: «Боевой Легион есть железный кулак истории. Он призван смести все преграды на нашем гордом пути. Меч Боевого Легиона закален в огнях сражений, он жжет нам руки, и остудить его могут только потоки вражеской крови».

Исчезла сентенция государственного прокурора: «Политика есть искусство отмывать дочиста очень грязной водой».

Убрано размышление Максима: «Наверное, надо так: дворец, Отцы, телеграф и телефон, вокзалы, срочную депешу на каторгу — пусть Генерал собирает всех наших и валит сюда... Массаракш, понятия не имею, как берут власть...»

Нет в книге фразы Орди: «Не бывает таких провокаторов, товарищи». «Оппозиция» заменяется на «неповиновение властям». Убрано продолжение вопроса Максима об экспансии государства на север: «...и вообще это место учебника находится в противоречии с основным тезисом первой главы о суверенности каждого народа, достигшего представлений о государственности».

Вместо длинного фрагмента об аналогиях с фашистским государством и о странностях местного судопроизводства («Словно судьи заранее сговорились с обвиняемыми, и обвиняемые ничего не имеют против...» и так далее) в опубликованном тексте остается только: «Да. Гитлер. Освенцим. Расовая теория, геноцид. Мировое господство. Гай — фашист? И Рада? Нет, не похоже... Господин ротмистр? Гм...»

Многие судебные-следственные аналогии тоже не понравились цензуре. Нет больше в книге фрагмента приказа о конвоировании без наручников и разрешении проезда в общественном транспорте, а также слов Максима прокурору, что он «благодарен прокуратуре за то, что нас тогда не расстреляли». В приговоре Раше Мусаи нет слов, что он рабочий, «нарушивший постановление о высылке», а семь лет ему дали без «воспитательных работ с последующим запрещением жительства в центральных районах». Можно упомянуть еще замену «согласно приговору, не имею права» на «потерял право», «доброй довоенной охранки» — на «специалистов его императорского величества», «сволочи из охранки» — на «кровавого подонка».

Нет больше замечаний однорукого о методах ведения следствия в старые и нынешние времена: «Все архивы после переворота сожгли, и вы даже не знаете, до чего вы все измельчали... Это была большая ошибка — уничтожать старые кадры: они бы научили вас относиться к своим обязанностям спокойно. Вы слишком эмоциональны. Вы слишком ненавидите», «...вы все воображаете, будто старую историю отменили и начали новую...».

После сообщения, что Зеф был когда-то большой знаменитостью, убираются рассуждения Гая о том, что «такое уж время, когда милосердие оборачивается жестокостью и только в жестокости заключено истинное милосердие», и о беспощадной мудрости закона.

К впечатлениям от каторги было добавлено: «Освенцим, лагерь уничтожения. Фашизм». А все рассуждения Максима о Неизвестных Отцах, о свержении тирании, об анонимности Неизвестных Отцов, все сравнения с историей Земли, все решения на ближайшее время (оружие, разведка, армия) заменены коротким отрывком: «Вот если бы Гай был здесь... Но Гая в наказание услали в какую-то особую часть с очень странным названием. Что-то вроде Blitzträger'ы — «носители молнии». Да, скорее всего, придется одному».

(Следует отметить, что в некоторых более поздних изданиях — до восстановления канонического текста со «штрафниками» — название этой части записывалось кириллицей как Блицтрегерн.)

В описании действия излучателей вместо «могли заставить и заставляли массы обожать себя; могли возбуждать и возбуждали неутолимую ненависть к врагам внешним и внутренним» стало: «внушали массам отвратительные идеи насилия и агрессии», а после «направить миллионы под пушки и пулеметы» убрано «и миллионы пошли бы умирать с восторгом». «Волна

упоения преданностью» становится просто «волной оглушающего упоения», копируются испытываемые Гаем чувства («когда хочешь огня и приказа», «на разверстые жерла», «О слава! Приказ, приказ!»). Убирается мысль Гая: «Э, нет, это другое дело: у вас всегда боли в голове, когда мы задыхаемся от восторга, когда мы поем свой боевой марш и готовы разорвать легкие, но допеть его до конца!» В словах, которыми Мак убеждает Гая слушаться под излучением только его, убрана фраза «Я твой начальник», а в описании состояния Гая — слово «раб».

Есть странности и с числительными. Курортное шоссе почему-то стало Одиннадцатым. Во фразе «За Голубой Змеей сорок миллионов человек превращены в ходячие деревяшки» «сорок миллионов человек» заменено на «люди», а следующая фраза («Сорок миллионов рабов...») вообще убрана.

Отсутствует уже процитированное выше замечание Вепря про телецентр, радицентр и просто Центр. И из фразы «гносная ворожба радио, телевидения и излучения башен» убрано «радио» и «телевидение».

Краткая оценка тех, кто не смог или не захотел войти в элиту («выродки-властолюбцы, выродки-революционеры, выродки-обыватели») убрана, но добавлено, чтобы еще раз показать, что это «не у нас»: «Огромный аппарат гитлеровской пропаганды ничего не стоил в сравнении с системой лучевых башен. Радио можно было не включать, речи Геббельса можно было не слушать, газеты можно было не читать. Но избавиться от поля было невозможно. В истории земного человечества ничего подобного не было. И на опыт Земли рассчитывать было нельзя».

Видимо, уместно напомнить, что думали про это излучение сами Авторы. БНС писал в офлайн-интервью (13.05.2009): «Излучение не несет в себе ни ура-патриотизма, ни ненависти к врагам. Этим занимается пропаганда, а излучение только лишает человека способности мыслить критически. Освобождает его от рациональности, делает его абсолютно податливым к внушению и воспитанию. Во время лучевых ударов все накопившееся в человеке (благодаря систематической пропаганде) — ненависть, любовь, злоба, восторг вырываются наружу и одновременно надежно внедряются в подсознание. Ученые из института Странника подвержены совсем другой системе пропаганды, поэтому излучение укрепляет в них стремление познавать и учиться. Реализуется процесс «правильного» воспитания, — это именно то, на что уповали местные революционеры, да и земляне-прогрессоры тоже. Отдельный вопрос: допустимо ли такое «воспитание с помощью технических средств»? Мак (инстинктивно) такое отметал безоговорочно. Странник же был отнюдь не так категоричен и лелеял надежду использовать Центр на благие цели. Кто из них был прав — тема для отдельной и непростой дискуссии».

Убрано замечание Колдуна о том, что совесть порой приходится «слегка подрастянуть, подправить, приспособить», равно как и замечание Максима: «Именно люди с обостренной совестью и должны будоражить массы, не давать им заснуть в скотском состоянии, поднимать их на борьбу с угнетением. Даже если массы не чувствуют этого угнетения».

Убираются критические суждения главного героя о барьерах («Они здесь обожают барьеры, подумал Максим. Везде у них барьеры. Как будто все у них здесь под высоким напряжением...»), Гая — о Чачу (который «несколько заблуждается, как все ветераны и все герои») и мысли того же Гая о разнице между законом и приказом («Приказ командира — закон, и даже больше чем закон — законы все-таки иногда обсуждаются, а приказ обсуждать нельзя, приказ обсуждать дико, вредно, просто опасно, наконец...»). Изъят и фрагмент, где Максим «вдруг впервые подумал, что на Земле тоже могло так случиться и он был бы сейчас таким, как все вокруг, — невежественным, обманутым, раболопным и преданным». Убраны также мысли о стремлении убивать, «потому что — запомни это хорошенько, усвой на всю жизнь! — потому что в этом мире не знают других способов переубеждать инакомыслящих...».

Были учтены редакционные замечания и по другим направлениям. Так, в книжное издание переместилась из «Невы» дописка, призванная «уточнить роль Странника». Максим в конце повести вдруг понимает, что «никакой это не дьявол, и никакой это не Странник, и никакое это не чудовище — очень немолодой, очень добрый и очень уязвимый человек, угнетенный сознанием огромной ответственности, измученный своей омерзительной маской холодного убийцы, ужасно огорченный очередной помехой, поломавшей тщательно разработанный план, и особенно расстроенный тем, что помехой на этот раз оказался свой же — землянин, коммунар...». Правда, «коммунар» — в общем духе прочих правок — в книгу не попал.

От внимания тех, кто предлагал поправки, не ускользнули также всяческие жаргонизмы, вульгаризмы и прочие, на чей-то взгляд, нелитературные выражения. Можно учесть специфику аудитории «Детской литературы», из-за чего требования к языку вполне могли быть более жесткими, чем в других издательствах. Но, как показывает пример с изданием сборника «Незначенные встречи» в «Молодой гвардии», причиной подобных претензий легко могли стать и, мягко говоря, своеобразные эстетические установки отдельных издательских работников.

«Помои» заменялись на «отходы», «приподнял зад» — на «приподнялся», «рыжее хайло» — на «рыжую морду», а «рыжая сволочь» — на «рыжего бандита», «тетка» (владелица

ресторанчика) — на «женщину», «шпендрик» — на «молокососа», «удушливый кухонный чад» — на «кухонные ароматы», «баба» (об Орди) — на «эту», «без рук, без ног, на одних бровях деру бы задал» — на «без памяти удрал бы», «холуй» — на «подлеца», «оболваненные болваны» — на «отъявленных мерзавцев», «черномордый» — на «чернолицего», «вонючие» — на «душные», «съели Ловкача» — на «свалили Ловкача», «лысый, как попка» — на «лысый, как локоть», «засекли» — на «заметили», «карачун» — на «капут», «жрать охота» — на «в брюхе пусто», «жрать» — на «есть» и даже «краюха хлеба» — на «корку хлеба». Вместо «поднималась вонь» пришлось писать «горела смазка», вместо «тухой воды» — «черная», вместо «рванули когти» — «дали деру», вместо «воняет» — «разит», вместо «заплеванная станция» — «замызганная станция», вместо «оказались в дерьме» — «оказались в трясине», вместо «кабака» — «беспорядок», вместо «копая в бороде» — «поглаживая бороду», вместо «ханурик» — «бедолага», вместо «лаяли» (ругались) — «орали», вместо «вшивцы» — «болваны». И так далее...

Кое-что попросту изымалось. К примеру, «старый хрен», «ты, жеребец!», «раскорячившись», «урча и отрываясь», «жрите», «чесался». Убраны «дерьмо», «мерзавцы и сволочи», «подонки», поговорка «как из дерьма пуля» превратилась в «как из бутылки молоток», даже во фразе «опершись задом на трость» «задом» убрано. Убрано и «хмурое грязное хайло» Зефа.

Во фразе «Гаю наконец удалось протиснуться между гладким твердым плечом задержанного и колючими рыжими зарослями Зефа» «колючие рыжие заросли» изменяются на «грубую, пропахшую потом куртку»; генеральный прокурор называет Раду «самочкой», здесь — «девочка»; убрано описание ошеломления Зефа («...зияя черной пастью в огненной бородине. Потом пасть захлопнулась»), сам Зеф называет Фанка не «штимп», а «долдон».

«Хайло» и «мурло» во фразе Зефа о лагерной лексике заменяются на другие примеры — «Молчать, воспитуемый!» и «считаю до одного». Вместо «если с него там шкуру не сдерут» — «если цел останется».

Убрано «кого-то пырнули шилом в мягкое место» и замечание Зефа о Маке: «С какой это стати, массаракш, он будет любезен, когда так хочется жрать и когда имеешь дело с молокососом, не способным на элементарные умозаключения, а еще — туда же! — лезущим в революцию...» Впрочем, еще неизвестно, что тут хуже: «жрать» или «революция».

Вместо «Уния вцепится зубами в зад Лиге» — «Уния вцепится зубами в горло Лиге».

Убрано «Воняло потом, грязью, парашей» и «...кто-то, деликатно повернувшись спиной к господам командирам, справлял нужду...». Вместо «вшивое пушечное мясо» — «бедное пушечное мясо». Также убрано обращение «вшивая банда».

Вместо «жирный боров» — «жирная свинья», в другом месте вместо «жирная скотина» — «этакая скотина». Убрано то, что прокурор мысленно называет референтов «холуями».

Убрана и жестокая правда о смерти уголовного, знавшего язык Голованов. Вместо «Да его съели... <...> ребята оголодали и, сам понимаешь...» в книжных изданиях: «Пропал без вести».

Несмотря на обилие примеров, выше была представлена лишь малая часть разночтений рукописи с первым книжным изданием. Возможность самостоятельно проанализировать многие другие различия у заинтересованного читателя настоящего Собрания имеется.

Сейчас, много лет спустя, кто-то может спросить: а стоила ли игра свеч, следовало ли бороться за публикацию подобной ценой? Но о печатных изданиях как единственном источнике существования Авторов уже упоминалось. А вот другая информация к размышлению: до конца 70-х годов смогли пробиться в печать еще всего 2 (ДВА) авторских сборника АБС, причем оба — в «Детской литературе», а содержащаяся в них пара новых повестей вошла также в коллективные сборники того же издательства, и более никуда. По части книг (если не считать главу из «Пикника на обочине» и нескольких переизданий старых рассказов) это — всё.

Кроме того, несмотря на запредельное число правок и значительные расхождения многих фрагментов с исходным замыслом, текст «Детской литературы» отнюдь не безнадежно испорчен, в чем несомненна заслуга Авторов. Так что перепечатка в настоящем Собрании этого варианта — не только хороший подарок тем, кто давно и безоговорочно привык именно к нему, не приемля никаких радикальных переделок. Можно воспринимать это и как некий мастер-класс, пример того, как талантливый писатель, вынужденный уступить давлению по мелочам, уберег от деградации текст и создал произведение, любимое вот уже несколькими поколениями читателей. А отношение к подобным «ностальгическим» предпочтениям БНС выразил в офлайн-интервью (26.09.2004) так: «Меня это, разумеется, несколько не оскорбляет. Принцип «презюмции первого прочтения» работает днем и ночью. Я сам люблю «Три мушкетера» и «Тома Сойера», которых читал в детстве, больше, чем более поздние и, по словам специалистов, более совершенные переводы».

Долгое время ОО не переиздавался вообще, следующая публикация состоялась только в 1983 году в авторском сборнике «Жук в муравейнике» (Кишинев, «Лумина»), включавшем также заглавную повесть, «Хищные вещи века» и «Второе нашествие марсиан». Но в центральных издательствах книгу публиковать не хотели. В «Комментариях к пройденному» сказано: «Роман

еще долго и охотно пинали ногами разнообразные доброты. И хотя критический пафос их редко поднимался выше обвинений авторов в «неуважении к советской космонавтике» (имелось в виду пренебрежительное отношение Максима к работе в Свободном Поиске), несмотря на это, опасливо-недоброжелательное отношение начальства к «Обитаемому острову», даже и в «исправленной» его модификации, просматривалось вполне явственно. Впрочем, скорее всего, это была просто инерция...»

После наступления более благополучных времен и завершения повестью «Волны гасят ветер» своеобразной «трилогии о Максиме», она выходила в 1989–1992 гг. двумя изданиями в Томском книжном издательстве, а в 1992–1993 гг. — в Москве, в типичных для того времени издательствах-однодневках «Ибис» и «Мишель и К°». Но это была всё та же «детлитовская» версия, отягощенная порой огрехами корректуры или, напротив, ее отсутствием.

А вот появление «Обитаемого острова» в 1993 году в шестом томе Собрания сочинений АБС в издательстве «Текст» было событием значительным. Именно для этой публикации повесть была во многом приближена к состоянию исходной рукописи. (С чего, собственно, и началось систематическое восстановление ранее опубликованного у Стругацких с вынужденными изъятиями или изменениями.)

По целому ряду причин работу по подготовке текста нельзя было свести к простому возврату в состояние «допубликационного» беловика. В авторском предисловии к публикации «Текста» это специально поясняется:

«Некоторые из этих отклонений приобрели теперь характер необратимых. Так, по требованию (точнее — по настоятельному совету) издательского начальства исконные русские Максим Ростиславский и Павел Григорьевич (он же Странник) превратились в лиц немецкой национальности, и ныне с этим уже ничего не поделаешь, ибо после «Обитаемого острова» появился целый цикл повестей, где эти люди действуют или упоминаются как Каммерер и Сикорски.

Некоторые изменения авторам пришлось по душе. Например, странновато звучащее в здешнем контексте редкое слово «воспитуемый» оказалось прекрасным эвфемизмом точного, но вполне обыденного слова «каторжник», а звучащие старомодно и веско «ротмистр» и «бригадир» нравятся теперь авторам больше, чем изначальные «лейтенант» и «капитан».

Однако подавляющее большинство позднейших изменений было авторами в данном издании решительно отвергнуто, и отныне они (авторы) склонны полагать предлагаемый здесь текст как бы каноническим».

Впрочем, это был лишь первый, хотя и важнейший этап работы по восстановлению повести, которая теперь стала издаваться много и часто. Например, при подготовке нового текста для «Миров братьев Стругацких» изменения вновь претерпел марш Боевой Гвардии. БНС решил добавить к двум имеющимся куплетам один из тех, которые были сочинены в свое время специально для «Невы», а потом перешли в первые книжные издания («Железный наш кулак сметает все преграды...»). Текст получился удачным, и просто забыть о нем было бы жалко. Разумеется, «легионеры-молодцы» были при этом заменены на гвардейцев.

Доработка ОО велась и для собрания сочинений «Сталкера». В основном это были мелкие добавки (опять же из рукописей) и исправления текста «Миров», где обнаружились некоторые пропуски и опечатки. Кое-что исправлял сам БНС. К примеру, он восстановил фамилию Робинзона Крузо на «Крузое» (этот характерный для старых русских переводов Дефо вариант сохранялся в «детлитовском» издании, но во многих новейших публикациях был «нормализован»). Кроме того, БНС решил не включать в повесть фрагмент диалога Максима с Вепрем и Зефом перед отъездом на танке. Это ответ на вопрос Максима, для каких целей штаб подпольщиков хочет захватить Центр: «Для воспитания масс в духе добра и взаимной любви, — сказал Вепрь». В рукописи и «Неве» эти слова присутствовали, затем были убраны из ранних книжных изданий, снова добавлены в собраниях сочинений «Текста» и «Миров» и повторно удалены при подготовке издания «Сталкера». Впрочем, некоторые изменения согласовывались с БНС и для последующих изданий, так что в результате фраза все-таки была восстановлена окончательно.

При подготовке настоящего Собрания по итогам сверки печатных версий повести с рукописями дополнительно выполнена, как и для многих других произведений, мелкая правка.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Переписка, 1968

Аркадий — брату, 4 января 1968, М. — Л.

Дорогой Боб!

1. «Тройку» на машинку сдал. Вероятно, будет готово к след<ующему> понедельнику.

2. Был у Белы <Клюевой>. Деньги она выписала, считает, что 10-го нам переведут. Милютенко требует, чтобы предисловие к «Стажерам» написало «известное лицо», какой-нибудь лауреат или ч<то>-л<ибо> в этом роде. Я возмутился. Бела обещала переговорить с Милютенкой. Пока есть предисловие Р. Подольного — очень умное, говорят. Видел оформление и иллюстрации к «Стажерам». Интересно. Вчера с Ленкой <Воскресенской> шесть часов подряд считывали и склеивали экземпляр «2-го нашествия». Сегодня отношу.

3. «Звезда Востока» молчит.

4. «Знание — сила» собирается дать в № 6 маленький отдельчик, посвященный 10-летнему юбилею появления Стругацких в литературе. А из «Тройки» взяли, чудачки, монологи Клопа.

5. Из «Сов<етского> Пис<ателя>» ничего. Сейчас напишу официальное письмо Рюрикову.

6. Почему-то прислал поздравление Государственный ордена Ленина академический Малый театр Союза ССР. Возможно, чья-либо хохма.

7. Нудельман написал статью о фантастике 30-х годов. Очень точная и сильная статья. Завидую.

8. Вчера в Москве шел теплый дождь.

Пока всё. Целую, жму, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке <Стругацкой>.

Борис — брату, 6 января 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Что ж, новости неплохие. Рад.

Мне тут давеча позвонил наш режиссер Алеша Герман, попросил для прочтения литературу. Я повез ему кой-чего. Заодно поговорили о фильме. Он только-только кончил работу над «Седьмым спутником» и начинает теперь думать о ТББ. Кое-что уже даже придумал — в основном, относительно выстраивания сюжета. Договорились, что в начале февраля начнем встречаться регулярно, так что во второй половине онаго, когда мы с тобой будем сидеть в Комарове, он будет к нам наезжать и вместе мы станем обсуждать всё более и более конкретные вещи. Парень мне, все-таки, нравится, хотя, пожалуй, и молодоват. Однако ж, предложения у него дельные, и видно, что заинтересован человек.

Забавно он рассказывал историю утверждения своего фильма. Сначала на просмотр в Ленфильме приехал из Госкомитета т<оварищ> Сытин. Просмотрел, огладил бороду и сказал: «Ну вот, наконец-то Ленфильм выпустил настоящую и откровенную антисоветскую картину. То все было — кукиш в кармане, а тут — все ясно. Ленфильмовский вариант “Доктора Живаго”». С чем и уехал. Студия в панике устраивает просмотр в обкоме. И вдруг т<оварищ> Толстиков произносит по окончании: «Значительная картина!» Вскидывает какой-то хмырь и начинает слезно вопить: «Как?

Неужели же революция была такой? Я не верю, не хочу верить!!!» Паника. И тут секретарь горкома т<оварищ> Попов отрезает: «Да. Она была такой. Революция была жестокой и беспощадной». После чего картину торжественно везут в Госкомитет, где т<оварищ> Романов объявляет ее золотым фондом и срочно подписывает первую категорию. Любопытная история, нес па?

А я вот ни хрена не делаю. Отдыхаю, очищаю голову от мыслей и продуктов разложения. Хорошо! Надеюсь предстать перед тобою оптимистичным, бодрым и, как юный пионер, готовым на всё.

Из Малого театра я тоже получил поздравление и тоже не понял.

Пока всё, жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленусе привет и поцелуи.

Аркадий — брату, 2 февраля 1968, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Из «Звезды Востока» ничего. Это удручает, но и вселяет некоторые надежды: значит, не отвергли, а подвергают себя мучительным раздумьям.

2. Видел Севера <Гансовского>, ему звонили из Улан-Удэ. Первый номер «Байкала» выйдет в середине февраля, второй — в середине марта.

3. С «Тройкой» — увы! — заминка. Несмотря на напор со стороны Нины <Берковой>, старуха <Калакуцкая> все чего-то опасается. Потребовала, чтобы прочитал Пискунов (директор). Впрочем, за последние два дня что-то изменилось, потому что Нина вчера настоятельно приказала зайти к ней домой. Это я учиню сегодня через несколько часов.

4. Сборник в «Мол<одой> гв<ардии>» сейчас на чтении у Милютенко. Я встревожился, но Бела и Гена Еремин меня успокоили — все будет в порядке. Они сейчас бьются за то, чтобы выпустить эту книгу перевертышем, добиваются согласия дирекции. Самый горячий энтузиаст этого дела — главный художник издательства. Кстати, в руководстве «Мол<одой> гв<ардии>» намечаются какие-то большие изменения, будет новый директор, но кто — пока неизвестно.

5. Деньги — 700 р. — я с них получил. А ты?

6. Вчера виделся с Хмеликом и получил такое предложение: поскольку они очень спешат застолбить и начать работать с ДР, пусть ребята сами напишут сценарий, а мы поставим имена и пройдемся рукой мастера. Я решительно ответил, что нас интересуют деньги. Он посочувствовал, и мы сошлись на том, что официально сценаристом, кроме нас, будет только один человек — Миша, тот самый, с которым я говорил раньше. Тогда сценарий будет готов через месяца полтора, нам останется доработать его, и все будет в порядке. Я пока сказал, что должен с тобой посоветоваться, но мне кажется, это самое удобное для нас. На днях буду с ними говорить официально.

7. Вышло решение Секретариата СП о проведении в середине апреля всесоюзной конференции фантастов. Добилась-таки Громиха! По списку должно присутствовать полтора человека, четыре дня, одиннадцать докладов и сообщений. Я постараюсь от подготовок самоустраниться и вообще ограничить свое участие надуванием щек и поглаживанием бороды. (А борода-то растет! Преотличная!)

8. Вчера состоялось очередное сидение фантастов в ЦДЛ. Это так называемые чтения. Читал рассказы Толя Гладилин. Ничего. Самое приятное то, что наши ребята приняли его хорошо. Попытки ревниво отгородить непорочную Научную Фантастику от притчи были с ходу растоптаны и решительно отвергнуты. Мы — молодцы. Все-таки пропаганда литературно-методической терпимости принесла плоды. Умные были все за, дураки ошеломленно помаргивали и молчали.

9. Как движется перевод? Спешить, конечно, сломя голову не надо, но и тянуть это дело тоже не стоит. Девис утверждает, что издает книгу, как только перевод будет готов. Хоть в середине года, а это, сам понимаешь, деньги.

Ну и всё.

Жму и целую. Привет Адушке, поцелуй Р-росшепера <прозвище Андрея Стругацкого>.

Твой А.

Борис — брату, 6 февраля 1968, Л. — М.

Дорогой Арк!

1. Адка прочла ОО. Ей понравилось: увлекательно, достаточно приключений, неплохо написано. Все оказалось понятным, можно даже догадаться, кто провокатор (хотя, естественно, интрига л<ейтенан>та Чачу выпадает). Недостаток: Мак слишком мало вспоминает о Земле — неестественно, но и это компенсируется во второй половине повести.

2. Перевода сделал я еще три странички, и стало не до него. Боюсь, что в этот перерыв мне будет не до перевода. Дело в том, что

3. На меня насел-таки Герман и не отпускает. Уже встречались с ним три раза, каждый раз разговаривали по пять-шесть часов. Видимо, придется мне сейчас заняться переделкой сценария. Положение дел таково. Сценарий включен в резервный план 69-го года, но над фильмом начнут работать, как только его утвердит Госкомитет. Герман и оператор Яша Склянский уже получают зарплату по статье ТББ. Нам обещают выплатить еще 15%, как только мы приступим к работе над сценарием. Сегодня я еду на студию улаживать это финансовое дело. Переделок пока требуется совсем немного. Пару сцен выбросить, пару сцен вставить, сцену с Аратой перенести в другое место, заново переписать надобно только начало (разговор с Кондором) и самый конец (более оптимистично). В общем, я за это взялся. Надо кончать. Герман — мальчик симпатичный: ничего не навязывает, всё тщательно обсуждает, и видно, что работает с удовольствием. Я хочу-таки попытаться закончить переделки (хотя бы вчерне) за февраль. Тебя трогать не будем, если не возникнет непреодолимых трудностей.

4. Насколько я тебя понял, гонорар за ДР придется делить на три части. Что ж, это не так уж и плохо. Пущай. Я за.

5. Насчет денег за МолГв — не знаю пока, надо будет посмотреть.

6. С нетерпением жду развития дел в Улан-Удэ. Ужели выгорит?

Ну вот пока и всё, жму ногу, твой [подпись].

Р. S. Слухи о конференции уже наделали делов. Дмитревский в ярости. Как! Его не включили в оргкомиссию? Ленинградцы в загоне? Я буду писать куда следует! Дурак, прости господи.

Леночке привет.

Аркадий — брату, 9 февраля 1968, М. — Л.

Здравствуй, Бобс.

1. Детгиз от Тройки отказался — вернее, вынудил меня отказаться от них. Все хором признают, что повесть блестящая, но содержит массу несвоевременных намеков, а главное — им всем страшно не нравится Говорун. Я поклонился, забрал рукопись и отдал в «Мол<одую> гв<ардию>», где ее преспокойно взяли для «Фантастики-68».

2. Сборник «Стажеры — ВНМ» на мази, все уже прочли, сейчас добиваются разрешения у Верченки сделать перевертыш. Решение выйдет в понедельник. Бела уверена, что Верченко даст добро.

3. «Байкал», «Звезда Востока», «Советский Писатель» — новостей нет.
4. Мосфильм тоже молчит, подозреваю, что сценарий уже пишется.
5. Насчет ТББ — это хорошо. Ты уж там сам сделай, что нужно. Старайся только, чтобы поменьше было декораций, побольше сносок с нашим временем. То есть в сценарии это не важно, а так, между делом, внедряй эту идею Алеше <Герману>.
6. Звонили из радио и телевидения. Не желаю.
7. Сегодня, чем свет, позвонил Ефремов. Дмитревский, оказывается, выдал ему разъяренное послание, требуя объяснений. Да, дубина насквозь деревянная. Ох, чует мое сердце, мороки будет с этой вонючей конференцией — не оберешься.
8. Помнишь, как-то у Ревича разговор зашел о фантастической комедии, которую недурно было бы поставить? Так мы уже начали разговаривать о сценарии. Мы — это Севка, Димочка Биленкин и мы с тобой. Идея: несколько наших людей разных типов — от шофера автобуса до мелкого чиновника, включая парочку кисок (для коммерческого кино совершенно необходимо), попадают на летающее блюдо, а оно уносит их в страну, где правит кибермозг. Жители страны сами не умеют думать, по каждому пустяку обращаются за советом к этому мозгу: на улицах установлены этикие будки, вроде телефонных, с микрофонами и рупорами. «Какое платье мне надеть на вечеринку?» — «Такое-то». — «Меня Миша поцеловал. Что мне делать?» — «То-то и то-то». Сто веков уже такое положение, все привыкли и верят машине, как богу. А машина слегка разладилась и дает иногда странные советы. И так далее. На две серии. Если мелькнет идея — сообщи. Эпизодик там или еще что. Встречаемся для обсуждения раз в неделю.
9. В 12-м номере «Нового мира» — отличные статьи. Канторовича и Лебедева. Обязательно прочти.
10. В перевод все-таки нет-нет да и заглядывай. Все пойдет на пользу, хоть строчка в день. Часок перед сном.
Ну, вот всё.
Жму, целую, твой Арк.
Приветы всем. Целуй маму, Адку, Буратино.

Борис — брату, 13 февраля 1968, Л. — М.

Дорогой Арк!

1. С завтрашнего дня сажусь писать — точнее, дописывать — сценарий. Главное, что мы придумали за шесть или семь семичасовых разговоров, это дать историю благородного дона — колдуна — дьявола — бога — человека. Т. е. истинное лицо Руматы выясняется только в самом конце (врубается нуль-телевизор и — уср... зритель), а до этого обалдевший зритель теряется в догадках: что за странная личность перед ним. Придется переписать первые сцены, сцену с Кабани — долой, сцену с Вагой — ввести, а дальше — в общем по тексту, но с правкой. Была еще идея: ввести робота Руматы — мрачного жуткого человека, который бродит с ним шаг в шаг, обороняя своим телом, наводя страшенькие эмоции и т. д. Но мы так и не придумали, как с ним разделаться, не впад в пародию.
2. Деньги (по 300) нам, вероятно, выпишут на Ленфильме в ближайшее время. Пока это всё, что я практически из них выдрал. Но и это ничего.
3. Десятого смотрел на книжке — из МолГв ничего. Странно. А денег у меня осталось на полтора месяца.
4. Затея с кибермозгом мне нравится. Есть возможности. Во всяком случае, судьба чиновника на той планете, по-видимому, предрешена. Когда несколько освобожусь от ТББ, подумаю над идеями, а сейчас недосуг. Наоборот, лучше ты попридумывай для ТББ гвоздиков, вроде непробиваемой сорочки у благородного дона.
5. С СоТ мы еще намучаемся — будь здоров. Ни хрена ее не возьмет МолГв, только тень на плетень наводят.

6. Что слышно с переизданием СБТ? Скоро ли?

7. Не всё понял насчет Мосфильма. Договор есть? Аванс будет? Аванс в кино должны дать просто по заявке без всяких вариантов сценария.

8. «Новый мир» я прочел. А читал ли ты «Вопросы философии» № 1? Там восхитительная статья Лифшица. Просто блеск: образец настоящего марксизма, без глупостей. Прочти обязательно!

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночку поцелуй!

Аркадий — брату, 17 февраля 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Помчался я прямо в бухгалтерию МолГв, а там мне хладнокровно сообщают: как же, вот у нас на Стругацкого Бориса начислено в прошлом году аванса 500 и в январе этого года одобрения 700, всего к получению 1200, да нам кто-то сказал, чтобы повременили высылать, у него-де переменялась не то книжка, не то адрес, сидим и ждем, и справку о детях освежить надобно. Кто? Когда? Не помнят. Я взвыл и помчался на почту давать тебе телеграмму. Высылай, и тебе сразу переведут. Я еще через неделю зайду справиться.

2. На сценарий благословляю. Робот Руматы — дело хорошее, а избавиться от него можно легко: его отбирает вместе со скорчером Кондор. Робот шагает сквозь экран и сгорает. Трах — и зритель ус... Вот так. Из гвоздиков придумалось мне кольцо на пальце Руматы: минилазер, используется как фонарик и как оружие светового удара, ослепляет, пол? Р-раз — и продвинулся, в смысле — ослепил.

3. С СоТ пока всё ничегё. Бела сделала несколько мелких замечаний, в понедельник иду с нею поработать. Сборник уже готов у них, скоро сдают. И еще: «Химия и жизнь» просят СоТ. Сегодня зайдет ко мне Леша Иорданский, возьмет экз. Ну, это как раз не очень реально. Но возможности я упускать не стал. А вдруг! Гонорар, то, се...

4. В № 5 идет монолог Клопа в «З-С». И еще они потребовали главку в № 8, где отмечается десятая годовщина появления Стругацких в их журнале, с портретами и прочим.

5. С переизданием СБТ ничего никому не известно.

6. Из Мосфильма ничего не звонили. Положение неясное.

7. Каждое утро с трепетом смотрю почту: нет ли чего из Ташкента? нет ли чего из Улан-Удэ? нет ли чего из СовПиса? Нет.

8. Сообщи, если уже возможно, когда точно мне выезжать для Комарова. Люблю отсчитывать дни, да и для планов полезно.

Всё.

Целую, жму. Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй маму.

Твой Арк.

Борис — брату, 21 февраля 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Справки в бухгалтерию МолГв я выслал тотчас по получении твоей телеграммы, но ты все же проверь: послал я простым письмом, а не заказным, так как все близлежащие почтовые отделения были закрыты по случаю субботы. Кстати, вышли мне... нет, не так. Напиши-ка ты мне, братец, заявление в бухгалтерию студии «Ленфильм», в коем попроси перевести причитающееся тебе по такому-то адресу. Сейчас денег у них нет, но в начале марта будут.

2. Пишу сценарий. Добрался уже до сцены во дворце. Не знаю, как понравится нашему Леше, но думаю, что сожрет. Должен сожрать. Вообще, это очень унылое дело — писать сценарий. Тут у меня был Рафка Нудель, так со слов какого-то своего знакомого передал, что можно как-то так устроить продажу авторского права, что денег получишь столько же, сколько за экранизацию. Ты бы выяснил поподробнее, а? И я тоже постараюсь выяснить.

3. Было у нас заседание. Б. К. Федюшин сделал доклад о современном положении гипотезы о пришельцах. Хороший доклад, где все предельно четко сформулировано и сведено воедино. Но из фактов привел только один интересный: в 63 г. в озеро близ села Андроновского упало нечто огромное и тяжелое, проломило лед и проволочилось по дну. Военные заинтересовались, обследовали и нашли, что лед снизу окрасился в ярко-изумрудный цвет и по дну разбросано большое количество маленьких металлических пустотелых шариков. Дело было засекречено и лежало под сукном аж до нынешнего года. А теперь туда, вроде бы, отправилась экспедиция от «Техники — молодежи». Мура все это, вот что.

4. Кстати, у нас тут пронесся страшный слух, что беда с Володькой Высоцким. Якобы вызывали его в КГБ по делу Гинзбурга, после чего он запил и попал в больницу. Так ли? Выясни всенепременно.

5. Позвони ты в «Мосфильм» сам. Чего ты ждешь? Напомни о себе. Деньги есть деньги.

6. С Комаровым пока неясно. Я звонил на днях. Оказывается, что с 1 по 6 марта имеет место какой-то симпозиум и мест в Д<оме> Т<ворчества> по этому поводу не будет. А потом — будет. Но когда и как в точности еще не известно. На той неделе позвоню еще раз.

Засим кончаю, крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське поцелуй и дополнительные поздравления.

Аркадий — брату, 24 февраля 1968, М. — Л.

Дорогой Борь!

1. В бухгалтерию «Мол<одой> гв<ардии>» всенепременнейше зайду в понедельник или во вторник, если что неладное — буду телеграфировать. Если телеграммы не будет, значит всё в порядке, перевели или переводят. Заявление в Ленфильм высылаю.

2. От «Мосфильма» ничего нового. Буду звонить Хмелику, попробую расспросить его насчет льготных условий продажи авт<орского> права. Если окажется возможным, загоно к чертям право на ДР.

3. Никакого отношения к делу Гинзбурга Володька Высоцкий не имел, а просто слетел с нарезок у вас в Ленинграде в свой день рождения. Пробыл немного в больнице (я его навещал), сейчас вышел, здоров, поет, выступает нормально.

4. Жаль, что такое дело с Комаровым. Пора уже и за работу. Я попробую прозондировать почву в московских домах творчества. А то, может быть, опять у мамы? Как насчет этого?

5. Занимаюсь в основном рецензированием всякого бреда и переводом. Скучно. Работать хочется. Вчера выступал перед сотрудниками ФБОН. Очень нас там любят.

6. Прошелестел легкий, но очень мало достоверный слухок, будто «Байкал» с УНС уже вышел. Но у кого я ни спрашивал, никто ничего не знает.

7. «Тройку» в МолГв как будто серьезно принимают, просидел там час, менял «народ» на «общественность».

Пока всё. Поцелуй маму, Адку и Росшепера.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 29 февраля 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Письмо твое и заявление получил. Заявление нынче же отнесу Герману, а он — в бухгалтерию.

2. С Комаровым дело по-прежнему туманно. Я посоветовался с народом, и есть мнение: заявку нашу перенести на апрель (примерно на период 7–22), а нынче собраться у мамы. Мама не возражает, даже наоборот. Ты не возражаешь, я не возражаю. За чем же дело стало? Итак, ждем тебя числа 7-го марта. За это время я надеюсь закончить первый этап работы с режиссером.

3. Работа идет вовсю. Я ему переписал всё заново. Теперь сидим и правим страницу за страницей. Вот и сейчас я к нему еду.

4. А больше новостей нет. Все новости сосредоточены около тебя. Жду.

На том кончаю, крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

Аркадий — брату, 2 марта 1968, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Согласен, в понедельник пойду за билетом на 7-е.

2. Есть ряд новостей, смутных и противоречивых, расскажу при встрече.

3. Ничего, что касалось бы судьбы наших вещей, не слышно. Видел в № 6 «Байкала» объявление о том, что «УНС» будет в № 1 и 2.

4. К Хмелику на Мосфильм все никак не соберусь позвонить.

Всё. Жму и целую.

Привет Адке и Андрюшке <Стругацким>.

Твой [подпись].

Аркадий — брату, 29 марта 1968, М. — Л.

Дорогой Борька!

1. Получил я деньги от «Байкала». Жалкие деньги. Совершенно очевидно, что нам выплатили из расчета по 150 р. за лист. Но и то уже хорошо, что выплатили. А ты получил ли? И, кстати, получил ли ты мои экзы и получил ли экзы из Улан-Удэ?

2. Получаю ОО с машинки в понедельник и сразу передаю Нине на прочтение. С Романом <Подольным> насчет первой главы для «Знание — сила» говорил, он обещал, что они там свяжутся с «Невой».

3. Как насчет Комарова? А тут родилась идея, если у тебя плохо выйдет, попытаться взять в Гагру или в Крым. Это имело бы еще и то преимущество, что тогда до нас бы не дотянулись с этой вонючей конференцией.

4. Встречался я с Маниным, провели вместе целый день. Он удручен, но старается держаться. Письмо-то было дешевенькое, к главному психиатру Москвы.

5. С моим поступлением в департамент пока ничего не слышно, тот парень, который должен все это готовить, в командировке.

6. Звонил какой-то выпускник ВГИКа, тот, что тебе звонил в Ленинграде, хочет что-то ставить. Вероятно, придется встречаться и разговаривать. Гр-р-р-р.

7. Звонил я Хмелику — не могу дозвониться. Звонил Рюрикову — он сам только что приехал, советует прямо звонить Вилковой (это зав<едующая> ред<акцией> совр<ременной> сов<етской> русск<ой> прозы). Буду.

Вот пока всё у меня.

Поцелуй маму, и Адку, и Росшепера.
Жму, твой Арк.

Борис — брату, 2 апреля 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Деньги из «Байкала» я получил тож. Экзов — не получил. Твои экзы получил, спасибо.

2. ОО уже перепечатал. Позвонил в «Неву», посоветовался с нашим редактором. Он все мероприятия одобрил, но я хочу встретиться лично с главредом. Сегодня выяснится, когда эта встреча произойдет. О результатах встречи доложу особо.

3. Был в Литфонде, слегка поскандалил. Обещали сделать все возможное, чтобы раздобыть путевки с началом 10–15 апреля. Суки они там все. Не умею я с ними разговаривать. Но полагаю, что все уладится.

4. Сегодня, кажется, последний день возни со сценарием. Во всяком случае, так полагает наш режиссер. Закончим, и понесет он его по людям, а там и худсовет. Посмотрим.

Вот в этот момент ты и позвонил.

Ну, пока всё, жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

Аркадий — брату, 27 апреля 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Пишу с опозданием противу условленного, но тому были причины.

1. «Клоп» в «Знание — сила» погорел с большим треском и большой вонью. Нам зверски не повезло. Оказывается, в Комитете по профтехобразованию давно уже копают под журнал и тщатся его закрыть и открыть вместо него журнал «Молодой рабочий», который пропагандировал бы за вступление молодежи в профтехучилище. И чтобы обставить это дело законно, там дали комплекты «Знание — сила» и верстку последнего (5-го) номера на рецензию «братским» журналам: «Юный техник», «Химия и жизнь» и «Наука и жизнь». Я не знаю всех подробностей, однако кто-то из рецензентов обратил внимание — свое и цензуры — на наш отрывок. Внешне это происходило так. Неделю назад Жигарева вызвали в Главлит для дачи объяснений, зачем публикуется этот отрывок. Жигарев поехал. Он намеревался объяснить, что такая литература нужна для того, чтобы учить молодежь думать и уважать чужие мнения. Слушать его, однако, никто не стал. Отрывок велели снять. Начальник цензора, который ведает журналом, давать объяснения отказался, однако стало известно, что и сам он в недоумении. Оказалось, что отрывок читал сам Романов (!) — это глава Главлита — и заявил, что в отрывке есть некий вредный подтекст. Будучи робко спрошен, что это за подтекст, Романов якобы только буркнул: «Знаем мы, какой». Вот это последнее обстоятельство — то, что нами занимался сам Романов, — вызывает у меня нездоровый интерес.

2. Пришла верстка «Стажеры — ВНМ». Очень забавно выглядит. Сборник «Фантастика-68» сдается в мае. Пока ничего особенного не произошло.

3. Гена <Еремин> — помнишь, редактор у Жемайтиса — много занимается историей географических открытий и контактов между народами. Он предлагает нам тему для исторического романа: эпизод из истории мордобоя на Средиземном море между крестоносцами и арабами, когда в ужасных условиях религиозного фанатизма, преодолев козни папской и мусульманской разведок и контрразведок, один ученый крестоносец, завоеватель Сицилии, объединился с ученым принцем, наследником халифского престола, для создания знаменитого Серебряного Блюда — огромной карты известного тогда мира.

Материалы сейчас есть, Гена всё дает, годика два-три проработать и можно приняться писать. А? В духе Фейхтвангера. Это же клад, а не тема. Как ты полагаешь?

4. Позвонила мне некая Раиса Борисовна Борисова-Гинзбург, драматург, сценарист, мультфильмист. Намечается интересная возможность создать антиатомный фильм совместно с японцами, с режиссером Синдо, это тот, что ставил «Голый остров». Этому делу якобы покровительствует некий Егоров, режиссер и начальник главка худфильмов. Идею сюжета Борисова предложила, на мой взгляд, жиденькую и сентиментальную. Так что есть только курочка в гнезде. Настоящим запрашиваю санкции на дальнейшие переговоры.

5. По поводу моего неустройства на работу ничего нового сообщить не могу. Все было так, как сказала мама. Это слова Валентины <Глуховой>, которой сказал их тамошний товарищ Кербер. Никаких подробностей больше нет в известности.

Пока всё. Сейчас буду читать верстку.

Поцелуй маму, Адку, Росшепера.

Обнимаю, твой Арк.

Борис — брату, 1 мая 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Запоздал я с ответом — праздники, то, се... Собственно, надо было бы мне и еще подождать, ибо послезавтра я встречаюсь для подробного разговора с нашим редактором по ОО Сашей Лурье. Ну да ладно.

1. Саша прочел ОО. Мнение его весьма симптоматично. Вещь, он говорит, прекрасная; сокращать там абсолютно нечего; идеологически она выдержана совершенно. И тем не менее, он голову готов прозакладывать, что начальство встретит повесть весьма настороженно. Дело в том, что это вещь, резко отличающаяся и по форме, и по содержанию, и по уровню мастерства от того, что обычно публикуется в «Неве». Поэтому начальство приложит все усилия, чтобы как-то от нее отбрыкаться или в крайнем случае опубликовать только 10 договорных листов. Все это не противоречит и моему впечатлению от ситуации, а потому нам надлежит решить сейчас, как вести себя дальше. 3-го я встречусь с Сашей и буду говорить подробно. Одна из проблем, насколько я понял, состоит в следующем: как упорно мы готовы сражаться за ОО? Согласимся ли мы на серьезные сокращения? Не пошлем ли мы «Неву» в задницу и не опубликуем ли мы ОО в другом журнале? Вот что интересуется Сашу. Он говорит, что ОО — это вещь, за которую он готов драться до последнего, без дураков, но для этого он хочет быть уверен, что мы сами готовы драться. А как мы — готовы? Я не знаю. Мы имеем дело с бандитами — это факт. Все словесные обещания для них — тьфу. Фактический договор — 10 <вторских> л<истов>. Значит, мы можем рассчитывать только на то, что они все же пожадничают выпускать из рук повесть, если мы заявим: не хотите полностью — не надо, вот вам ваш аванс, договор расторгается, мы будем публиковать повесть там-то и там-то. Для этого нам нужно: а) чтобы они все-таки жадничали, но это от нас не зависит, и б) чтобы у нас был крепкий тыл, то есть твердое (хоть процентов на 80) намерение еще какого-то журнала опубликовать ОО. Это уже зависит от нас. Было бы здорово, если бы ты дал ОО почитать тем, кто просил, и выяснил бы — берутся они ее пробить или нет. Вот пока и всё. Подробнее я напишу тебе числа четвертого. А ты сделай всё, что возможно, и, кроме того, пришли свои соображения.

2. Был сегодня у Лешки. У него опять масса идей. Будем работать.

3. Идея Гены — интересно. Возьми у него материалы, полистай. Я отнюдь не против такой штуки.

4. Антиатомный фильм тоже мне по душе. Идей, правда, нет, но идею такого фильма придумать не столь уж трудно. Санкцию на переговоры даю.

5. Гибель «Клопа» меня ничуть не удивила. Он был обречен. И хрен с ним. Что касается Романова, то что ж — все мы под ним ходим. Увы. А верстка С-ВНМ — это хорошо. Главная надежда наша. Если эта книжка пройдет — проживем.

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Привет Ленушке. Как ей ОО? Как Нине ОО?

Аркадий — брату, 7 мая 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Ничего особенного сообщить не имею. ОО только завтра возьму с машинки, потом еще буду считывать и, вероятно, только после праздников буду отдавать Нине. Числа, значит, двенадцатого.

Ну, будем считать, что о позиции в отношении «Невы» мы договорились. Держаться там за веру предков и за плоть свою упорно, ныть и изворачиваться, врать и прочее, но иметь в виду, что печатать придется, видимо, именно там и нигде больше.

Я снова встречался с Борисовой — это насчет кино совместно с японцами. Сегодня она мне звонила, рассказала, что имела разговор с каким-то сильным режиссером, и ей велели принести заявку. Подробностей пока не знаю, но завтра опять буду говорить с нею, тогда увидим.

Был у Ариадны. Она уже успела остыть и примириться. Да и что делать, секретариат не утвердил эту затею, так что совесть у нее спокойна и рыпалась она только из соображений престижа. Двенадцатого общее собрание фантастов, сегодня собирается бюро — пойду, давно не видел Мишку <Емцева> и Рима <Парнова>, Кагарлицкого и Юрьева. Послушаю, что они расскажут.

Пришли в голову несколько сыроватых идейек, думаю, можно будет использовать для «Апокалипсиса» («Мой брат и я» тож). Идейки записал. Пусть лежат.

Да, пытаюсь снова оформиться на работу. Это одна контора под Москвой, должность старшего инженера, 140 в месяц, норма — 1,4 листа технического перевода в месяц, являться только за получкой, за материалами и с готовым переводом. Мы здесь полагаем, что это будет подходящее дело.

Сегодня звонил Девис, ужасно он спрашивал про «Саргассы» и про Абэ. Все это включено в план, и он дознается, как идет дело. Я ему бодро сообщил, что дело движется. И то правда, вот пройдут эти праздники, и я сажусь за Абэ, как гвоздь.

И если не считать того, что у нас сломался холодильник, это всё.

Поцелуй маму, Адку, сына.

Целую и жму, твой Арк.

P. S. Совсем забыл. «ХВВ» вышли на эстонском.

Борис — брату, 9 мая 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Буду держаться за «Неву». Собственно, позиции у нас не такие уж слабые. Договор есть — пусть даже только на 10 листов. Обещания были главредом даны. Договор заключен по просьбе журнала, а не по нашей. Рецензии, по словам Саши, будут хорошими. Скандалов главред не любит, любит все устраивать втихую. Так что рассчитывать на опубликование хотя бы 10 листов мы можем. Раз принято решение не гоношиться, я там для виду поартачусь, пофыркаю, постоною да и соглашусь на публикацию договорного объема. В крайнем случае можно рассчитывать на подкуп: ОО отклонят, но зато заключат договор на энный год с выплатой аванса. Всё — деньги. Переживем.

2. Насчет кино. Борисова Борисовой, а я тут размышляю, как бы заключить договорчик с Ленфильмом на ОО. С выплатой, естественно, аванса. А? Лешка на эту идею фыркает — ревнует, — но помочь в хлопотах не отказывается. Я этим займусь. Глядишь — то, се, а процентов 35 и вырвем. Впрочем, все это пока на соплях.

3. Очень рад, что затея с конференцией провалилась. Ну ее.

4. «Саргассы» я тут доставал из ящика и рассматривал. Пока еще тошнит. Надеюсь, что это — временное, от большой утомленности. Ужо возьмусь.

5. Получил письмо из Болгарии, от журнала «Дети. Искусство. Книги», «издание дома на литературата и изкуствата за деца и юноши». Прислали анкетку, просят ответить. Если ты получишь такое же — не беспокойся: я этим займусь — страсть люблю анкеты.

6. У нас тут трагикомедия с коллективным романом для «Костра». Редакция отказалась принять главу Меерова. Соображения — идиотские. Мееров рассвирепел и подбивает нас всех на мокрое дело. Я целиком за него в этом вопросе, ибо, на мой взгляд, его глава — лучшая из всех мною прочитанных. Любопытно даже посмотреть, как пройдет эта битва с журналом. Коллектив писателей — это тебе не одиночка с мотором. Правда, коллектив может оказаться говенным.

7. Что это за ХВВ на эстонском? Помнится, они собирались там печатать В и ТББ. Помнишь, в Голицыне мы писали для них предисловие?

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет и поцалуи.

Аркадий — брату, 12 мая 1968, М. — Л.

Дорогой Боб!

1. ОО наконец взят с машинки и отдан Нине. Вчера меня не было дома, но Нина позвонила Ленке и сказала: прочла всё с начала до конца, без карандаша, но внимательно, никаких кардинальных исправлений не усматривает, есть некоторые частности, о которых можно будет говорить в процессе, а сейчас она передает рукопись прямо Калакуцкой. Это, брат, признак неплохой, потому что она со мной договорилась, что если окажется что-либо, что ужаснет ее как цензора, она сначала это с нами исправит, а только тогда отдаст Калакуцкой. Уточнить ничего не могу, потому что Нина просила меня не звонить ей на работу, пока она сама не позвонит. Будем ждать.

2. У Борисовой пока ничего не вышло, и с горя занялась она пока мультфильмом. Я от этого предложения уклонился.

3. Тебе, вероятно, известно, что по издательствам разосланы определенные списки. С удовлетворением отмечаю, что нас там нет.

4. «Саргассы»... А вот у меня перед глазами Абэ. Так-то тяжело давит на мою нежную совесть. Мой черновой перевод относится к нормальному переводу так же примерно, как русский к английскому, т. е. наоборот, конечно. А мне нужно ведь быстро, быстро! Девис подгоняет.

5. Письмо из Болгарии тоже получил. Рад, что ты ответишь. Возьми за основу нашу заметку в «Ин<остранной> Л<итерату>ре», вопросы примерно те же.

6. Насчет ХВВ на эстонском, это ты, брат, перепутал. Это мы, брат, для Югославии предисловие писали, а не для В и ТББ. И уже вышли в прошлом году, брат, на эстонском ДР и ТББ. Вот так, брат.

Одним словом, будем ждать.

Жму и целую, твой Арк.

Привет и поцелуи маме, Адке, Андрею.

P. S. За Меерова стой горой! Бей их, сукиных детей!

Борис — брату, 15 мая 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Прочти письмо из СовПиса. Письмо, как видишь, странное. Из него явствует, что печатать УнС они не хотят, но предлога не печатать найти не могут и хватаются за наши оговорки и запутанную терминологию. Главное, на мой взгляд, то, что категорического отказа письмо не содержит и что дверь для переговоров недвусмысленно оставлена открытой. В данной ситуации, мне кажется, лучше всего было бы пойти к тому же Левину и объясниться с ним по душам. Сказать, по-видимому, надо примерно следующее:

«Ваше письмо нас удивило. Очевидно, имеет место недоразумение. **ОСНОВОЙ, СУТЬЮ** нашего к вам письма была простая мысль: авторы согласны начать работу над повестью в рамках рецензентских замечаний немедленно по заключении договора. Авторы просто не хотят работать впустую, бездоговорно — у них нет для такой работы времени. При этом авторы **В ОСНОВНОМ** согласны со всеми замечаниями, сделанными в доброжелательных и принципиальных рецензиях, никаких **ИДЕЙНЫХ** разногласий с редакцией у них нет. Просто некоторые из замечаний представляются авторам совершенно бесспорными, некоторые же — требуют, на взгляд авторов, подробного **УСТНОГО** обсуждения с назначенным редактором, дабы произвести необходимые поправки и изменения таким образом, чтобы не нарушать художественной ткани произведения. **ПРИМЕР I:** авторы надеются убедить редактора, что объяснение фантастической атрибутики не может улучшить впечатление от произведения; такова уж суть современной фантастики — надо оставлять определенный простор для читательской фантазии, не разжевывая, не перегружать повесть объяснениями. Может быть, редактор и убедит авторов, что такие-то и такие-то объяснения дать просто необходимо — что ж, в этом случае авторы объяснения дать готовы. А может быть, наоборот, редактор согласится с авторами, которые как-никак фантасты-профессионалы и за десять лет работы научились разбираться, что хорошо и что плохо в фантастике. **ПРИМЕР II:** авторы в процессе работы надеются уяснить более конкретно, как надлежит, по мнению редактора, подчеркнуть фашистскую суть антигуманного прогресса. Авторы ни секунды не сомневаются и никогда не сомневались, что антигуманный прогресс имеет в своей основе фашизм, ни о каких идейных разногласиях с редакцией по этому поводу не может быть и речи. Авторы просто не совсем ясно себе представляют, как **КОНКРЕТНО** подчеркнуть, обнажить эту (уже содержащуюся в повести) мысль, не разрушая художественной ткани. Только в процессе работы с редактором можно было бы добиться ясности в этом совершенно конкретном, по сути — техническом вопросе. Так обстоит дело с редакционными замечаниями, которые авторы не считают бесспорными. Авторы еще и еще раз подчеркивают: **НЕТ ТАКИХ РЕДАКЦИОННЫХ ЗАМЕЧАНИЙ, С КОТОРЫМИ АВТОРЫ БЫЛИ БЫ КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕСОГЛАСНЫ; ЕСТЬ ТОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЯ, КОТОРЫЕ НАДЛЕЖИТ УЧЕСТЬ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С РЕДАКТОРОМ**, ибо сами авторы плохо представляют себе, как это сделать. Поэтому не может быть и речи об отказе от каких-то идейных позиций, идейные позиции редакции и авторов ничем абсолютно не отличаются. Авторы снова и снова подтверждают, что готовы взяться за работу, имея целью учесть редакционные замечания, но только после заключения договора (четко определяющего задачи и обязанности авторов по исправлению повести) и — крайне желательно — с квалифицированным редактором».

В таком вот аксепте. Если по тем или иным соображениям ты туда не пойдешь — напиши письмо того же содержания. По-моему, надо давить. Как справедливо заметил кто-то из моих знакомых: они могли бы просто извиниться и сказать, что в связи с перегруженностью и нехваткой бумаги они вынуждены... с глубоким сожалением... может быть, через год-два... Однако они что-то иное бормочут и вдобавок намекают на «Байкал». В общем, обсуди там ситуацию с друзьями, посоветуйся и либо пойдешь, либо напиши.

2. В остальном все течет и изменяется. В «Неве» уже начали читать ОО. Отзывы пока благоприятные, но из главных пока никто не читал. Саша считает, что обрезание может ограничиться и двумя-тремя листами, хотя угроза уполовинивания да и просто отказа отнюдь с повестки не снята. Ладно, там посмотрим.

3. С трепетом жду твоего письма с мнением Нины.

Ну, пока всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

P. P. S. Прежде чем запечатал конверт, сбегал за почтой и обнаружил твое письмо. Рад, что дурных новостей нет. Что-то там скажет мадам?!!

Что касается ХВВ на эстонском, то это, брат, не я, это, брат, ты перепутал! Не только для Югославии — для Эстонии мы тоже писали, брат, предисловие и было, брат, это в точности 17.03.67 (по дневнику: «Сделали 8 стр. (65). Письмо в Эстонию»). А ДР и ТББ, брат, вышло не в Эстонии — в Литве, брат, она вышла, в Вильнюсе, брат. Так что неясно все это, брат. Неясно.

Аркадий — брату, 21 мая 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Прости, сильно задержал письмо, но все надеялся, что поступят какие-нибудь позитивные сведения об ОО, да так и не дождался. По порядку.

1. Вчера, наконец, позвонила Нина Беркова. Мадам начнет читать только через неделю, а то и позже. Дело в том, что у них там страшная паника. Они, видимо (подробностей не знаю, разговор был по телефону), получили сверху какие-то непривычно строгие указания, и теперь все завыв редакциями, мадам в их числе, в панике забрали из производства все верстки и тщательно перечитывают их на предмет искания крамольных блох. Этим занимаются все, соответственно паника перекинулась и на рядовых редакторов, которые, дабы не быть уязвленными, тоже читают и торопливо страхуются. Нина решила сделать так: сейчас она будет читать нашу рукопись с точки зрения «последнего идиота», как она выражается, а в субботу я к ней приеду, и мы будем всё просматривать, «проходить по замечаниям», а заодно она и расскажет, что у них там происходит.

2. В МолГв, напротив, все почти спокойно. Назначили им нового директора (Верченко ушел в Горком), но его еще никто не знает, даже фамилию его забывают. СоТ по-прежнему угнездывается в «Фантастике-68» и уже успела выжить оттуда рассказ Фирсова. С другой стороны, Гена Еремин подвергся просьбе со стороны «Литературной России» дать им СоТ туда. Я достал экземпляр и переправил. Пусть читают, я думаю, это не повредит особенно. Из «Ангары», где лежит еще один экземпляр СоТ, пока ничего нового нет.

3. Письмо в «Советский писатель» я послал, почти дословно переписав из твоего письма, на следующий же день. Пока оттуда ничего, да и не следует, вероятно, ждать этого так скоро. Да, а получил ли ты «Байкал»? Я получил десять экземпляров, да еще два оттиска «УнС» прислал мне Боря Ляпунов, так что — живем. На «Байкал» уже было нападение — ты читал, конечно, статью Андреева в «Литературной газете». Пока не в нас, пока в соседа.

4. Нынче получил письмо от некоего Никитина из Харькова, копию он послал, как пишет, к тебе. Памятуя, что ты это любишь, ответь ему, пожалуйста, а то я совсем изнемогаю под грузом Абэ, башка совсем не варит, а точнее — надоело мне про одно и то же, хотя видит бог, это нужно.

5. Я прочел в 3-м № «Москвы» повесть Тендрякова и потрясся. Здорово, очень сильно. Вот пишут «деревенские прозаики», и как славно пишут, просто сердце радуется. Надо бы Тендрякову письмо поздравительное, как ты полагаешь?

Вот всё пока. Привет семейству.
Целую, жму, твой Арк.

Борис — брату, 25 мая 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. В «Неве» с ОО тоже ничего существенного не произошло. Я знаю, что прочел Гор, страшно обоср...ся и говорил Саше: прекрасно написано, но ведь — параллели! параллели! Саша долго ему втолковывал, что никаких параллелей нет, а если они там даже... эта... то не станет же именно Гор объяснять их редсовету. Кажется, убедил. Завотделом прозы попросил написать рецензию еще и Дмитревского. Дмитревский прочел, позвонил, расхвалил, написал хвалебную рецензию с двумя предварительно оговоренными замечаниями, именно: Мак маловато вспоминает Землю (только папу-маму, да и то нечасто) и недостаточно подробно описана история коммунистов на планете — надо бы добавить пару абзацев. Читал еще и завотделом прозы Кривцов — но до конца пока не прочел и отвечает на мои приставания довольно уклончиво. Саша Лурье считает, что дело в шляпе и все теперь зависит от главного. Впрочем, все всегда зависело от главного. Редсовет будет в середине июня, Саша надеется подготовить общественное мнение, чтобы толкать повесть в сентябрьский или октябрьский номер.

2. Что ты послал письмо в СовПис — это хорошо. Но еще лучше было бы сходить туда лично. Дело в том, что всякая ситуация имеет две стороны. Мне известно, что, в связи с появлением известных списков в издательствах перетряхиваются все планы, высвобождается масса бумаги, которую надо освоить, а вдова Германа получила недавно совершенно неожиданное предложение (кстати, из «СовПиса») издать полное собрание сочинений Германа (это — чертова уйма бумаги, откуда она вдруг взялась?). Я понимаю, что расчет такого рода построен на соплях, но почему не попытаться? А вдруг! В конце концов, их последнее письмо было вполне доброжелательным.

3. Из «Байкала» я тоже получил 10 экзв. Передай Северу, что тут он превзошел самого себя. Кто-то (может быть, даже ты сам) сообщил мне, что в «Байкал» выехала комиссия по проверке деятельности. Будто бы это как-то связано с намерением «Байкала» опубликовать в № 3 пьесу Булгакова «Зойкина квартира». Спроси там, кто что слышал.

4. Никитину в Харьков напишу.

5. Сегодня, вероятно, уеду к Лешке на дачу окончательно добивать сценарий. Перспективы мрачные. Раньше Лешка был практически уверен, что Студия сценарий пропустит и зарубят его только на уровне Госкомитета. Теперь он уже в этом не уверен. Все везде ходят с полными штанами.

6. Ходят слухи, что с фантастикой в «Знании», якобы, покончено и Малинину увольняют. Так ли? У нас все фантасты в трауре.

7. На днях ко мне заходила редакторша из болгарского издательства «Молодая гвардия» (или что-то вроде). Очень хорошо поговорили. Она редактирует перевод ТББ и ПНвС, и у нее была пара вопросов. Кроме того, она попросила кой-чего новенького, и я дал ей УнС. Она уже слыхала об этой повести и думает, что в Болгарии ее можно будет издать без труда. Дал ей заодно и «Опаляющий разум» Альтова (хорошая книжка). Она сообщила, что в Болгарии вышли (по крайней мере) С и ХВВ, обещала похлопотать, чтобы прислали.

Вот, пожалуй, и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

Аркадий — брату, 9 июня 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

За три дня по приезде из Ленинграда я услышал столько слухов о нас с тобой, что в другое время хватило бы на полжизни. О нас: доложено в ЦК. Нас: запретили публиковать. Мы: объявлены антисоветскими писателями. Нам: грозят крупные неприятности, лишение средств к существованию и голод. С помощью Нины и Белки я понемногу разобрался в этой каше. Все, конечно, чудовищно раздуто, и хотел бы я знать, откуда и как все это идет. А факты вот какие. Во-первых, статья в «Правде Бурятии» (я достал и читал). Статья на редкость глупая и даже смешная. До неприличия. За такую надо снять с работы редактора газеты, типичный пример слегка замаскированной дискредитации нашего строя. Но — ругает. Нас. Облыжно. И вот что получается: все, с кем я встречался, об этой статье слыхали, но саму статью не читали. А выводы делаются, сам понимаешь — какие. И во-вторых, скандал в «Знании — силе». Филиппову снимают с работы за ошибочные материалы, за неудачное оформление пятого номера и, в частности, за злосчастного «Клопа». Все это — затея министерства профтехобразования, никакого отношения к литературе она не имеет, так, интрижка чиновников средней руки. Но они, эти чиновники, в раже назвали устно и письменно «Клопа» антисоветчиной, чем превысили свои полномочия, ибо такие дефиниции имеет право давать только разве Отдел пропаганды. Услышав обо всем этом, я отправился к юрисконсульту в СП, и тот сказал мне, что скушать такое мы не должны. Я послал Денисову (это замминистра, который варил эту кашу) письмо с требованием извиниться и пригрозил ему судом за диффамацию. Срок — 15 июня. Юрисконсульт порекомендовал еще, прежде чем подавать в суд, сходить в Отдел пропаганды. Слухи о глупости Денисова тоже, естественно, распространились среди издательско-писательской братии, преувеличились и накатились на меня уже в совершенно гаргантюанских размерах. За три дня я насытился по горло и до подбородка. Тошнит уже от всей этой болтовни.

А теперь о делах.

1. Был у Нины, тщательно просмотрели рукопись, Нина считает, что все в порядке. Завтра иду на редколлегия «Мира приключений» и спрошу М. М. <Калакуцкую>, скоро ли она прочтет.

2. Производственный отдел бьется над нашим перевертышем. Но Бела меня огорчила, оказывается, по плану книга должна выйти только в конце года. Впрочем, по подписании в печать она нам выпишет сорок процентов.

3. «СоТ» прочитал Милютенко. Противу ожиданий, он отнесся к ней очень спокойно, высказал несколько редакционных замечаний, однако предложил «погодить» до следующего года. Несвоевременно. Тем более что у Стругацких все равно в этом году выходит сборник. Пригласил меня на переговоры во вторник.

Вот пока всё. Жду письма. Обнимаю, твой Арк. Всем привет.

Борис — брату, 14 июня 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо, наконец. Что-то уж очень долго оно шло: три или даже четыре дня. Ну и дела там у вас! Действуй! Бей гадов! Одобряю. Надеюсь, все письма ты рассылаеть от имени нас обоих и с присовокуплением всех титулов: член бюро и т. д.

Теперь о делах.

1. Перевертыш огорчил и меня, причем ужасно. Денег у меня — на два месяца. Я очень рассчитывал, что в течение этого времени ВНМ выйдет. Пожалуйста, поднажми там на Белу, пусть чего-нибудь выпишет поскорее.

2. В связи с переносом СоТ на другой год у меня возникла идея: нельзя ли издать СоТ отдельной книжечкой в этой Биб<лиоте>ке совфантастики, где вышел Григорьев и пр<очие>. Это опять же связано с деньгами. Если бы удалось сейчас заключить договор и получить одобрение, очистились бы 60 процентов, что и тр<ебуется>. Попробуй в этом плане поднажать. А вдруг! Им-то должно быть все равно, как потратить бумагу. Попытайся.

3. С трепетом жду решения М. М. по поводу ОО. В «Неве» тут происходит следующее. Рецензия Дмитревского, как я и ожидал, насторожила Попова. Хоть рецензия и положительная, но все-таки... коммунисты там... неясное это дело. Забрал Попов рукопись и сидит над нею уже вот две недели, так пока и не прочитал. Всё — в соответствии с прогнозами. Сегодня я ему позвонил, рассказал, что крайне нуждаюсь в деньгах (т. е. в одобрении), что скоро уезжаю, что Детгиз планирует книгу на первый квартал. Попов был чудовищно любезен и ласков, но фактически сообщил следующее. В этом году журнал не будет печатать ОО. Рассчитывает он на первые три месяца следующего года. (Это его решение, по-видимому, твердо.) В конце июня состоится редколлегия, на которой и будет решен вопрос об одобрении и прочем. Редколлегия должна быть 20-го. Результаты мне сообщат немедленно. Максимум, на что мы можем рассчитывать (по мнению специалистов), это — на одобрение рукописи и утверждение ее к печатанию в трех первых номерах следующего года. Но может быть и хуже, если Попов так и не сочтет для себя возможным прочитать рукопись, а на то похоже. Так что все надежды — на Детгиз.

4. Заодно с этим. Если в З-С уничтожение не достигло катастрофических размеров и юбилей Стругацких еще не отменен, если они всё еще намерены печатать главу из ОО, обязательно потребуй от них, чтобы переговоры с «Невой» они вели в письменном виде. Основание: следующая цитата из договора с «Невой» — «...Автор обязуется... не выпускать в свет своего труда в целом или в части... без ПИСЬМЕННОГО согласия Редакции. В случае нарушения... Редакция имеет право расторгнуть договор и взыскать с Автора понесенные убытки...» Так что не следует давать врагу в руки лишний козырь.

5. Кстати, я ведь так и не понял, какой кусок из СоТ собирались печатать в З-С. Речь Клопа в кафе или речь его перед Тройкой? Отпиши. Интересно, где это они обнаружили антисоветчину.

6. Теперь о кино. Сценарий перепечатывается, и в понедельник мы понесем его Рохлину. Далее. Рохлин прочел ОО, восхитился и противу всех ожиданий заявил, что фильм такого рода может пойти. Так что прошу инструкций на случай возможного заключения договора. Мое мнение: заключать. Брать в соавторы Лешку (если он согласится) и попытаться написать оригинальный сценарий (т. е. кончить сценарий до того, как выйдет книжка).

7. Был у меня Нудель. Забрал СоТ и ОО. Пишет про нас книгу. Рассказывал, что в первом номере нового журнала «Интернейшл Сайнс-Фикшн» помещен «О странствующих и путешествующих».

8. Не написать ли нам возмущенное письмо в «Правду Бурятии»? Я не читал статьи, мне трудно судить, но нельзя ли там к чему-нибудь прицепиться? Копии — в Ц<ентральный> О<рган> и ЛитГаз.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

Р. S. Ленуське — поцелуй.

Аркадий — брату, 18 июня 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Посылаю тебе касающуюся нас часть статьи В. Александрова «Против чуждых нам взглядов» («Правда Бурятии»). Посмотри, может быть, что-нибудь придумаешь. Это четыре страницы, а вся статья — шесть с половиной.

2. Сижу четвертый день дома — простыл, раздуло левую часть шеи и щеку, страдаю и жалуюсь на судьбу. Впрочем, рад, есть повод никуда не ходить и нигде не показываться. Рецензии и на машинку бегают Ленка.

3. С перевертышем Бела сделает все, что можно, но это тоже не так скоро. У меня денег осталось всего на месяц, я сейчас усиленно пишу рецензии. Закончил и отдал Девису перевод Абэ, это, конечно, пустяки, всего пять листов, но если он возьмет, то получу что-нибудь около трехсот по одобрению и поделюсь. Не пропадем. Тебе же советую на ОО надеяться, а с переводом не плошать. По сути, на ближайшие месяцы это единственная реальная наша надежда.

4. Мадам ОО еще не прочитала. Стонет и жмет руку к бюсту, выражая <стремление> поскорее прочитать настоящую хорошую литературу, в чем ее всячески поддерживает Нина, однако до дела пока не дошло. Нина уже злится, намекнула ей, будто срок одобрения через две недели. Надеется, что мадам начнет читать в эту среду (завтра), но черт его знает.

5. Пытаться сейчас заключить с Жемайтисом договор на СоТ — тухлый номер. Жемайтис еще больше против СоТ, нежели Милютенко. Кстати, как и следовало ожидать, с Милютенкой я так и не встретился. Пришел неделю назад по его вызову, а он умотался куда-то.

6. От З-С ничего не слышно. У меня такое впечатление, что они там передристали и предадут нас при первом же удобном случае. Это я о свидетелях по делу о назывании отрывка антисоветским. Кстати, отрывок этот — разглагольствования Клопа в кафе. Никакой антисоветчиной там и не пахнет.

7. Договор на кино по ОО заключаю. Вообще заключаю любые договора, не спрашивая меня.

8. Я сейчас собираюсь подать в издательство «Наука» заявку на перевод «Истории сыска в эпоху Мэйдзи». Книга до изнеможения занятая, читать ее все равно буду, не удержусь, а заодно и переведу. Тоже нам с тобой на кусочек хлебца станет. Аванс, то-се...

Вот и всё пока.

Целую и жму, держи хвост трубой, твой Арк.

Привет Адке. Поцелуй и маму.

А что письмо долго шло, так я его написал в субботу, опустил в воскресенье, а по воскресеньям у почты теперь выходной. Так что всё ОК.

Борис — брату, 23 июня 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Задержался с ответом в ожидании каких-нибудь новостей, и зря. Нет никаких существенных новостей.

1. Был в Ленфильме. Отнес туда последний вариант сценария. Договорились, что переделок больше не будет. Пусть читают его все, кому это положено, а там — как бог даст. Если удастся протащить сценарий на худсовет, есть шансы, что худсовет его утвердит, и тогда мы можем рассчитывать еще на пяток сотен каждый. Если же пробить его через Главную редакцию не получится, тогда — увы. Рохлин был очень любезен и полон радужных надежд, но после разговора Лешка мрачно сказал мне: «Знаю я цену всему этому. Затопчут нам сценарий». Говорили также и об ОО. Рохлин предложил подать заявку с тем, чтобы если ТББ зарежут, тут же заключить новый договор. Я напишу заявку и отнесу ее в Ленфильм, вероятно, на той неделе. Чем черт не шутит.

2. Был в «Неве». Редколлегия там снова была отложена, на этот раз — на 27-е. Выяснилось, что кто-то (кто — неизвестно) дал читать ОО Гранину. Тому роман понравился, считает, что печатать его нужно, но (мать их... доброхотов!) тоже полагает внести уточнения: слишком, видите ли, однородно изображаемое общество, нет в нем, видите ли, деления на полюса бедности и богатства, отчего и проистекают разные

аналогии, параллели, меридианы и перпендикуляры. Вообще, создается любопытная и очень характерная для Ленинграда картина: ЗА роман все, кто его читал (зав отдела прозы, редактор отдела прозы, редактор отдела критики, художник журнала; Гор, Кара, Гранин — члены редколлегии; Дмитревский; Гранин, кроме всего, еще первый секретарь отделения СП); против — один главред, который не хочет роман прочесть (до сих пор еще не прочел; месяц читает, других дел у него нет абсолютно никаких, на работе почти не появляется и все-таки — прочесть не успел). И при таком соотношении сил максимум, на что мы можем рассчитывать, — 60%! В общем, жду редколлегии, после чего немедленно отпишу.

3. Статью из «Правды Бурятии» прочел и развел руками. Ну что тут можно сделать? Это же хохот! Строго говоря, мы просто должны писать в органы или, по крайней мере, в ЦО, что в «Правде Бурятии» засели грязные очернители, которые под видом литературной критики клеветают на наш строй. Но писать такое письмо, согласись, это уже слишком. Хотя если бы его написал кто-нибудь другой, я бы такой акт радостно приветствовал бы. А так — просто не знаю. А Ариадна не собирается как-либо реагировать? В общем, я за то, чтобы промолчать. Если эта история не будет иметь продолжения (скажем, в ЛитГаз), то — пусть. А если будет, тогда посмотрим, тогда эта статейка нам пригодится при защите.

4. Перевод идет. Перевожу каждый день. Честно говоря, сильно сомневаюсь, что такую вещь напечатают, но тебе виднее. У меня планы на лето такие: июль сижу в Ленинграде, а в августе еду в Коктебель. Выяснилось вдруг, что заявку мою на путевку, каковую я подал еще в ноябре, вдруг удовлетворили. Еду с Адкой. Эта поездка будет стоить мне 400 руб, то есть всё, что у меня осталось на книжке, но я плюю. Съезжу напоследок, а потом либо поступлю на работу, либо начну распродавать марочки. Эх, прокачу! одним словом.

5. Еще раз настоятельно прошу тебя подумать насчет того, чтобы отнести в СовПис ГЛ. Рукопись размножена и активно ходит по самым неожиданным рукам. Мне это не нравится. УнС уже попала куда следует, это не страшно. А вот с ГЛ — хуже, ибо вещь не опубликована.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

Аркадий — брату, 26 июня 1968, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

1. Исайя, ликуй. Позвонила Нина и сообщила: мадам ОО прочла, ей понравилось, есть несущественные замечания (в частности, по Страннику), Нина своими руками выписала и снесла в бухгалтерию одобрение. Сегодня в 14.00 заседание редколлегии альманаха «Мир приключений», членом коей я имею быть, там мы встретимся с мадам и Ниной и выясним подробности и дальнейшие действия как наши, так и издательства. С разных точек зрения считаю полезным, если иллюстрации будет делать Макаров: это, в частности, придаст повести развлекательный вид со всеми вытекающими.

2. Я здесь слегка приболел, воспалились какие-то лимфатические железы на шее, молча страдал неделю, потом не выдержал и пошел к врачу. Собрались две красивые бабы, шупали на мне железы по всем местам, прописали антибиотик, и я удалился. Жрал антибиотик пригоршнями, выздоровел и получаю ныне удовольствия от жизни. Это я к тому, что с последнего письма своего нигде практически не был и ничего не знаю. Но!

3. Вчера встретился с Евдокимовым. Пили коньячок, зашел разговор о тебе, потом о том, что ты — собиратель марок. И он сказал мне следующее: во-первых, обнаружен блок в шесть экземпляров ранней советской марки с изображением Карла Маркса, не зарегистрированной в каталогах. Об этой марке было недавно упомянуто в филателистической печати, что ее есть только два экз. А парень, который этот блок

нашел, является данником Евдокимова. Так что, не исключено, что ты один экзик получишь. Во-вторых: Евдокимов подробно расспросил, что ты собираешь, приехал в отчаяние от моей малограмотности и велел просить тебя выслать ему ДЕЗИДЕРАТУ с номерами по каталогу. У него есть возможности. Что я тебе и передаю.

4. Перевод делай и не сомневайся. Договор есть, 100% нам все равно обеспечены, да и не понимаю я, что там тебя напугало. Я, например, без передышки леплю сейчас рефераты по японским патентам вычислительной техники — объединился с Алешей Шилейко (это очень сильный специалист-практик), он гордо именует себя Пеком Зенаем по ряду обстоятельств своего личного и общественного бытия, а сам доцент и зав<едующий> лабораторией МИИТа, отличный парень, большой наш почитатель. Хотя бабник.

5. ГЛ отнесу, как приказываешь, в СовПис. Пусть лежат.

6. Расстарайся и возьми в «Неве» у нашего редактора справку, что «Нева» разрешает нам опубликовать то-то и то-то. Дело в том, что в «З-С» такой бардак, что никто ничего не знает, у них нет своего редактора, все болеют и ведут тяжбы, и им не до нас, а между тем Роман Подольный звонил и сообщил, что наша глава из ОО все-таки пока остается в восьмом номере. А справочку такую тебе парнишка напишет и прихлопнет печатью, всего и делов-то. Так, кстати, обычно и делают.

7. «Байкал» месяц назад шел по червонцу за первый и второй номера. А сейчас еще дороже. Вот ажиотаж-то подняли, мазурики!

Всё. Пиши. Целую, твой Арк.

Привет всем, поцелуй маму и Адку.

Борис — брату, 29 июня 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. То, что ты сообщил, прекрасно. Теперь бы еще наличные получить, и жизнь снова заиграла бы всеми красками. А то уж больно мрачно все было. Правда, вчера я получил из «Костра» 72 руб с копейками за «Первых людей» (ты, надеюсь, тоже), и стало чуть легче, но только чуть.

2. У меня, напротив, никаких новостей нет. Известно только, что редколлегия в «Неве» снова отложена и что главный все еще не прочитал ОО. Из Ленфильма вообще ничего не слышно. Лешка сейчас уехал в Москву по своим делам (ему дядя-миллионер подарил «Волгу», уплатил наличными 2600 долларов, и доллары эти куда-то пропали в нашем банке — денег нет, машины нет, никто ничего не знает, вот Лешка и отправился добиваться справедливости). Перед отъездом он сообщил, что всем в редакции последний вариант сценария понравился, но, сам понимаешь, это еще ничего не значит.

3. Было у нас тут расширенное заседание Правления ЛЮ ССП. Обсуждался план работы в связи с апрельским пленумом ЦК. Меня тоже позвали. Выступал ваш Михалков, делился опытом борьбы с «подписчиками» (их еще называют «подписанты»). Омерзительнейшее было зрелище и слушалище. Он все жаловался, что его и прочих секретарей засыпали анонимными письмами с угрозами. Был довольно жалок. Вообще странное впечатление осталось от его выступления и от реакции собравшихся. Он жаловался и обижался, слушатели похихикивали и помалкивали. В прениях говорили о расширении фондов, о новом журнале, о необходимости провести совместное заседание московского и ленинградского правления — о чем угодно, только не о подписантах. Явно, никому не хочется мараться в этом дерьме, даже самым распоследним подонкам.

4. Звонил мне какой-то Ефимов из ЛитГаз. Просил написать о нашей работе, о наших планах и размышлениях. Очень мне хотелось послать его подальше, но подумал я: зачем? что толку? будто он и сам не знает, что газета г... и проститутка. И послал я его только к тебе: мол, если А. Н. не против, то я тоже. Напечататься таким образом сейчас

было бы для нас, вероятно, полезно, хотя в общем как-то это гаденько. Может быть, стоит уклониться (если ты уже не уклонился сам).

5. Перевожу ежедневно, невзирая на сомнения. А сомнения вот какие: повестушка эта вся проникнута духом наживы, торговли и пр<очего>. По-моему, зарубят ее. Не нужно это советскому читателю. Но ты не думай — свою долю перевода я сделаю железно. У меня вообще план такой: переводить буду и в Коктебле, там кончу, а на обратном пути заеду к тебе с Адкой. Адка ненадолго, а я — до тех пор, пока не отшлифуем мою часть. Если у тебя будут подходящие условия дома, то было бы прекрасно дней пятнадцать-двадцать поработать как встарь, за машинкой, вдвоем. О как давно это было!..

6. Справку в «Неве» возьму.

7. Что же конкретно произошло в «Байкале»? Что с Бальбуровым?

8. Теперь о Евдокимове и марочках. Во-первых, очень ты меня тронул — не забываешь, значит, о невинном хобби своего младшего брата! Во-вторых, передай Евдокимову дословно следующее:

Я недостаточно богат, чтобы покупать марки в розницу. Если у него есть связи и возможности, пусть поищет людей, продающих КОЛЛЕКЦИЮ. Такую коллекцию за умеренную цену я буду готов приобрести (когда и если у меня будут деньги). Коллекция должна отвечать следующим условиям: а). Это должны быть советские марки (годятся и русские, и периода гражданской войны); б). Марки должны быть негашеными; в). Марки по возможности должны быть ненаклеенными (однако пригодятся и наклеенные). Если он найдет где-то такую коллекцию, пусть немедленно мне пишет или звонит — дай ему мои координаты.

9. Тут мне прислали «Совет Литереча», номер, посвященный ф<антасти>ке. Что ж, неплохая реклама. Для нас с тобой, я имею в виду. Только толку от этого — чуть.

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Как дела у Наташки <Воскресенской>?

Аркадий — брату, 7 июля 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Наконец-то получил твое письмо. С письмами, действительно, стали происходить какие-то истории, возможно, ты и прав, их где-то задерживают. Послал ты свое 29-го, а получил я его 7-го. Это надо же!

1. Говорил по телефону с Ниной, первого ей сказали, что деньги нам переводят. Возможно, уже всё на месте, ты проверь.

2. Ниже привожу дословно замечания мадам по ОО, переписываю с ее листка, сообразно с которым она вела со мной беседу.

«1. Натуралистическая растянута война».

2. Очень затянута начало части «Землянин», сцена Умника».

3. Несообразность мировоззрения Страны Отцов о строении их мира при высоком развитии их техники».

4. Станный конец, все запутывающий. Если Странник — землянин, то почему он с самого начала не взял Максима под контроль, не связался с ним, не помог разобраться? Роль Странника и его работа на Планете? Зачем он здесь?

Общая растянута, длиннота».

Вот так. Кроме того, было категорически предложено УБРАТЬ все социологические соответствия с нашим миром, всячески затуманить социальное устройство Страны Отцов, чтобы не было никаких ассоциаций. Здесь, как я понял, дело сводится к вычеркиванию таких слов, как социал-демократ, коммунист и т. д.

Впечатление затянута, положим, возникло у Мадам потому, что ей пришлось читать 18 а<вторских> л<истов> в условиях спешки и ужасной жары. Насчет

несоответствия мировоззрения я ей объяснил, но она все равно настаивала на еще одной-двух фразах в тексте, чтобы напомнить читателю о свойствах тамошней атмосферы. Серьезней всего — Странник. Как я понял, не нравится он им, не глядится он как представитель будущего человечества, надо где-то сделать еще одну вставку, приоткрывающую его железную маску. Не исключено, что придется слегка поступиться эффектом неожиданности в конце. Будем думать. На днях встречу с Ниной и решим, как лучше: доделать повесть сейчас, в июле, или можно подождать до ее возвращения из отпуска в сентябре? Я склоняюсь к тому, что можно и подождать. Рукопись лежит у меня, пока ее будет иллюстрировать художник, пока что — чего ей зря валяться в Детгизе? Но это еще надо обсудить с Ниной и с тобой.

3. Деньги из «Костра» получил. Пришли номерок, когда выйдет.

4. В «Байкале» все, по-видимому, обошлось. Главный по-прежнему главный, других изменений тоже, кажется, нет.

5. СоТ сдаю в «Москву». Вчера был Макаров, забрал рукопись и повез. Теперь буду ждать письмо или телефон из редакции.

6. Странное и гнусное было происшествие. Меня не было дома, а тут ввалился к Ленке вдребезги пьяный Днепров с вдребезги пьяной женой, перепугал до смерти Ленку и Наташку, бахвалился, грозился, утверждал, что его назначили директором института футурологии, клялся взять меня на полставки, божился, что любит меня больше всех на свете, и наконец вызвал шифром откуда-то такси и укатил. Вах! Не понимаю я этого визита. Обыкновенно если Днепров и приходил ко мне — а это случилось только два раза, — то лишь затем, чтобы занять полста до послезавтра. Здесь же никакой видимой цели не было.

7. Что касается ЛитГазеты, то, на мой взгляд, дать им сейчас наши «планы и размышления» было бы безусловно полезно и даже необходимо. Сейчас сажусь писать. Понимаешь, такие вот вещи сразу прекратили бы всякие скверные слухи относительно нас с тобой, которые ползают среди читателей и издателей. Нам это совершенно ни к чему.

8. Начал оформление на работу. Закончу, видимо, в четверг.

Всё пока. Целую и жму, твой Арк.

Поцелуй маму и Адку.

Борис — брату, 12 июля 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Я задержал ответ на твое письмо, потому что ждал сведений из «Невы». Теперь эти сведения получены: состоялась очередная редколлегия, вопрос об ОО не поднимался, ибо Попов СНОВА не успел прочитать роман. Читает уже больше полутора месяцев, скотина. В общем, надо набраться терпения. Срок одобрения истекает примерно в середине августа, и Попову таки придется принять какое-то решение. Пока я вырвал у них справку, что «Нева» не возражает против опубликования отрывка в З-С.

Из Ленфильма пока тоже ничего нового. Там есть свой попов — зав главной редакции мадам Головань. Судьба сценария на данном этапе зависит от нее. Прочитала сценарий Панова (как член редсовета 3-го объединения). Дала совершенно разгромную и очень глупую (по словам Лешки) рецензию. Это роли не сыграло — я уже получил от Рохлина официальную бумагу, что редакция принимает сценарий и решает передать его на рассмотрение редсовета студии. А вот попадет сценарий на редсовет или нет, зависит от мадам Головань. Пока мы имеем такую картину: в редсовете объединения прочло сценарий восемь человек — семь за, один против (Панова); в Главной редакции прочли двое — оба за. Слово за Головань.

Позавчера был в сберкассе — денег из Детгиза пока нет.

Замечания Мадам вполне умеренны, на мой взгляд. Как-нибудь вывернемся. Только вот мне не нравятся эти разговоры насчет затянутости. Хера! Не желаю ничего сокращать

— и так 20 листов не выжали. А насчет Странника что-нибудь придумаем. Здесь в «Неве» он тоже не нравится. Тут главное — так изгильнуться, чтобы уступить только в мелочи, не разрушая образ и не теряя ударной концовки. В Детгизе, мне кажется, дело будет проще — там хоть убеждать можно. А здесь — стена.

Вышел «Костер». Постараюсь и тебе достать. Сам-то я пользуюсь Андрюшкиным. Рисунки неплохие получились.

Я тут перевожу и занимаюсь немножко астрономией. На всякий случай. Гм. Итак, можно ли считать, что мы договорились встретиться у тебя в конце августа? Отпиши четко и конкретно.

Пока всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет!

Аркадий — брату, 15 июля 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Письмо получил. У меня тоже никаких особенных новостей нет.

С Ниной мы договорились, что отдадим в редакцию рукопись к тому времени, когда она вернется из отпуска — где-то к концу октября. К тому времени будут готовы иллюстрации, а с рукописью Нина не собирается долго валандаться. Прочтет еще разок — и в производство. Все равно ОО запланирован на третий квартал, то есть на второе полугодие 69-го. Так что я жду тебя в 20-х числах августа, будем работать. Это я пишу тебе четко и конкретно.

Был вчера в сберкассе — деньги пришли, 947 ру. Возможно, сюда же причислены два гонорара за рецензирование, не уверен. Отпиши, сколько получил ты.

Сейчас был у Девиса, он снова спрашивал насчет «Саргассов». Немного поморщился, когда я сказал ему, что готова всего половина. А зашел я к Девису вот почему. Приезжал в Москву Борунь — ты, наверное, знаешь, польский фантаст. Приехал, то-се, а у него в «Мире» несколько рассказов вышли. Гонорарчик просит. Я устроил письмо из Инокомиссии СП, Девис организовал все остальное, получил Борунь 850 ру. В Польшу их тащить не имело смысла, купил он разных вещиц и поехал домой. А на границе наши таможенники отобрали у него справку о гонораре (эта справка дает право на провоз беспошлинно), а польские пограничники, справки не видя, содрали с бедняги Боруня 2500 злотых пошлины за ввоз советских товаров. Взвыл Борунь и написал Девису и Жене Вайсброту слезницы, чтобы срочно выслали ему копию справки. Вот я и ходил к Девису договариваться. Сегодня же и пошлют.

На работу я оформился. Получил статью для перевода, теперь пойду туда только 4-го августа — отнести готовый перевод, получить новый материал и зайти в кассу.

От статьи в ЛГ решил отказаться. Ну их. Что у нас за планы и размышления? Нету планов, а размышления больше о хлебе насущном. Перебьются. Честно говоря, лень было писать, да и некогда. Все в хлопотах.

Наташка готовится в МГУ на ВостЯз. Тяжко. Первый экзамен первого.

«Костер» вышли.

Пока всё. Целую и жму, твой Арк.

Привет Адке. Маме сейчас напишу.

Борис — брату, 19 июля 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Имеет место некоторый сдвиг со сценарием. Его прочла главред студии мадам Головань. Сценарий ей дико не понравился. Произошел скандал между нею и Рохлиным. Она нападала, он отбивал атаки. Все было совсем как на Курской дуге. Когда мадам

растеряла все свои танки и понесла уже с Волги и с Дону («это же все про Чехословакию и Польшу написано!..»), Рохлин перешел в наступление сам и добился, что сценарий был пропущен на худсовет. Это большая победа. Худсовет будет на той неделе, ориентировочно — в среду. Лешка мобилизует общественность. Вокруг сценария назревает скандалчик. Ряд членов главной редакции, похвалив сценарий, срочно отбыли в отпуска. Ожидается, что на худсовете против будет выступать только мадам, остальные будут либо молчать, либо — «за». Посмотрим. Отпишу.

2. В «Неву» я не звоню. Не имеет смысла. Положение таково, что надо ждать истечения срока одобрения (середина августа). Меня, правда, не будет, но этим займется Саша <Лурье>.

3. Деньги из Детгиза получил — 950 руб с копейками. Воспрял духом. Эдак, может, удастся продержаться до выхода ВНМ.

4. Лешка беседовал с Левиным из СовПиса (он друг их семьи). Прямо спросил его, есть ли шансы на опубликование УнС. Левин ответил: «Сейчас — практически нет никаких». По-моему, это лишний довод в пользу отнесения в СовПис ГЛ. Во-первых, можно будет там поговорить об УнС. Во-вторых, пристроить ГЛ — пусть полегит.

5. Звонил в «Костер». Обещали выслать по паре номеров тебе и мне.

6. Со статьей в ЛитГаз — правильно. Нечего сейчас там сотрудничать. Мараться только. Мне тут звонил Травинский — звал в поездку. Так он сказал, что надо продержаться с полгодика, а там все переменится. Многие считают, что с Нового года все станет по-другому и в лучшую сторону.

Вот пока и всё. Жди от меня еще одного письма. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське — поцелуй, а Наташке — ни пуха ни пера.

P. P. S. Между прочим, если бы ты успел к среде послать мне программку внешкольного чтения, где стоит ТББ, это было бы, по мнению Лешки, очень важно. Если даже не успеешь достать ее к худсовету — может пригодиться потом. Я тут просил маму, она много шуровала, но до Ленинграда, по-видимому, эта программа еще не дошла. Постарайся достать.

Борис — брату, 27 июля 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Итак, сценарий ТББ принят худсоветом объединения как законченный и рекомендован к скорейшей режиссерской разработке.

Произошло это в пятницу, а не в среду, как предполагалось. Присутствовало человек пятнадцать — режиссеры, сценаристы, редакторы, кинокритики. Пять или шесть человек прибыть не смогли и потому дали письменные отзывы. Выступило всего 11 человек. Было зачитано пять или шесть отзывов. Кроме Пановой, приславшей письменный отзыв, и главреда студии Головань, выступавшей устно, все были КАТЕГОРИЧЕСКИ за. Блестящую речь произнес наш друг и заступник Володин, очень хорошо говорил Виктор Соколов — режиссер («Друзья и годы»), ты с ним знаком, он приходил в Комарово с Лешкой, хорошо говорил Рохлин, прекрасно выступил Шапиро — режиссер («Каин Восемнадцатый») и пр<очие> и пр<очие>. Письменные отзывы были в силу своей естественной краткости сплошными панегириками, а Рахманов прислал развернутое сочинение, изобилующее мелкими придирками, но тоже панегиричное. Короче говоря, сценарий прошел на ура. Но более того! По мнению ряда опытных товарищей это был первый в истории Ленфильма худсовет, где был публично, тщательно, со вкусом и бесповоротно разложен и выпорот главный редактор мадам Головань Ирина Павловна. Баба эта (я ее впервые увидел) произвела на меня очень большое впечатление. Конь с яйцами. Умница. Прекрасно подвешенный язык. Великолепная изворотливость и отточенная демагогия. И как ее выпороли! Боже, как ее пороли! Она пришла на худсовет, совершенно уверенная в том, что поставит в тупик всех своей демагогией и ядовитыми

вопросами типа: «Разве нельзя изменить историю? А мы? Разве надо было чего-то ожидать, чтобы раздавить фашизм у нас, на Земле? Что это такое — бескровное воздействие?..» Она произнесла свою речь, выждав, пока будет спета главная песня (Володин), и это была хорошая, отточенная речь, умная, ловко построенная и изящная. Тогда выступил Лешка и выпорол ее. Но она еще дралась, она еще резала его контрвопросами и ловила его на ошибках и оговорках. Тогда выступил я и стал, по обыкновению, орать. Сначала она все еще извивалась, все пыталась сделать вид, что я отвечаю не на те ее вопросы, но я, не дрогнув, ответил и на те, я был очень марксистичен, я цитировал классиков, я взывал к светлому будущему и революционному прошлому, и она замолчала, ей нечего было сказать, она еще улыбалась чуть презрительно — мол, ладно-ладно... ясно, мол... Но тут выступил Рохлин и принялся ее, уже разложенную, пороть. С наслаждением. Неотразимо. Отечески. И это был конец. Она уже больше не улыбалась, она шла красными пятнами, она с трудом досидела до 15 часов, когда должна была уйти куда-то на совещание, она сказала «Спасибо» (за что?), она удалилась. Так был выпорот главный редактор.

Что теперь будет? Сам факт принятия сценария и выпоротия главреда еще ничего не значит. Она может просто не подписать решение о посылке сценария в главк, и всё. Или даже подпишет, но при этом небрежно заметит (вскользь) директору студии, что ОНА НЕ УВЕРЕНА. И директор ни за что не пошлет такого сценария в госкомитет. В главной редакции уже, по слухам, образовалась стенка из граждан, которым сценарий не нравится — это те сотрудники, которые не ушли и не уходят в ближайшее время в отпуск, те, кто будет отвечать. Но многие из наших друзей настроены оптимистически. Они полагают, что такой худсовет бесследно пройти не может, что нельзя просто так, без скандала, зарубить сценарий, принятый худсоветом большинством 15:1. Уже готовятся быть напущены на дирекцию завобъединением Венгеров, Гранин, Володин и пр<очие> сильные. Так что шансы на то, что сценарий все-таки пробьется в главк, достаточно велики. И тогда нам будет немедленно выписано по 500 (а если через суд — то по 1000). Ну а что будет в госкомитете, не знает никто. Но это еще не скоро, это еще — через этап, это будет — через полтора-два месяца.

Вот и все мои новости. В понедельник я улетаю в Коктебель и следующее письмо пришлю тебе уже оттуда. Исхожу из того, что через месяц встретимся и поработаем.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночку поцелуй.

Борис — брату, 4 августа 1968, Коктебель — М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе просто так. Жру виноград, собираюсь жрать персики и — пишу. Дело, собственно, есть. Ко мне пристали в библиотеке, чтобы подарил книжку с подписью. Аркадий, мол, Натанович обещали, да не исполнили, так, может, вы, Б. Н.? Короче, пришли сюда, на мое имя какую-нибудь книжку со своей подписью. Я поставлю свою и вручу. Лучше всего, если пришлешь ПНвС, но можно что угодно. У них есть только ХВВ.

Лешка, скотина, ничего не сообщает, хотя, паршивец, обещал держать в курсе. Впрочем, возможно, там ничего не происходит. А может, он тебе что-нибудь сообщал? Он собирался ехать в Москву.

Мы с Адочкой дожевываем «Саргассы». А ты знаешь, ничего! Там дальше пошло повеселее, даже интересно.

Тут из знакомых пребывают: Брандис с супругой; Снегов (который «Люди как боги»); Гуревич (простудился, лежит с температурой). Мы с ними почти не общаемся.

Напиши чего-нибудь. А у меня всё.

Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

И вам обоим привет от Адки.

P. P. S. Планы не изменились, I hope?¹ Мы уже заказали билеты на 21-е.

Борис — брату, 5 сентября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то появились какие-то новости, есть о чем писать.

1. Вчера был в «Неве». Официальная беседа. Присутствуют: Попов А. Ф. (бывшая «Торговля чаем»), Кривцов В. Н., Лурье С. А. и я. Слушали: редзаклучение по ОО. Очень много разговоров по типу шевеления пальцами, «здесь нам не хватает... вы понимаете?.. Недостает, так сказать... А хотелось бы! Ах, как хотелось бы...» Я встал на жесткую позицию: давайте нам четкие конкретные указания и тогда все бу-сделано. Через час Попов А. Ф. (бывшая «Торговля чаем») отчаялся и признался, что к этому разговору редакция не подготовилась... «прошел месяц все-таки... нам пришлось иметь дело с горой материалов... Конкретные замечания забылись...» Короче говоря, постановили: встретиться вторично в следующую среду и уже во всеоружии, то есть с конкретными четкими предложениями. Пока ясно следующее. Попов вроде бы все-таки намерен печатать роман. Отведены для него 2, 3, 4 номера на следующий год. Вроде бы даже готовится анонс. Наш план сокращений не принят («слишком грубо... нельзя так обижать читателя... это испортит роман...»). Редакция предложит конкретные сокращения кусочно-абзацного типа. Я не стал спорить. Посмотрим. Очевидно, придется выбросить слова типа «родина», «патриот», «отечество» и пр<очее>. Нельзя, чтобы Мак забыл, как звали Гитлера. Надлежит уточнить роль Странника. Заменить Комиссию по галактической Безопасности другим термином, с другими инициалами. (Кстати, хорошо бы придумать что-нибудь вроде Комиссии по помощи иным цивилизациям, а то слово «Безопасность» совершенно сбilo их с толку — они искренне решили, что Странник нечто вроде стукача на этой планете. У них ассоциации: служба безопасности, СД, гестапо... понимаешь? А надо бы, чтобы в самом названии были слова «помощь», «переделка истории», «подготовка к коммунизму» и т. п.) Вопрос о 60 процентах я пока не поднимал, но Саша полагает, что время настало. В следующую среду подниму. От тебя требуются две вещи: прислать текст Песни легиона и придумать — на выбор — несколько названий для Комитета.

2. Сегодня позвонил Лешка. Приехал, не выдержал. Сегодня же отправится на студию ругаться. Намерен грозить, что Стругацкие возмущены до предела и уже строчат яростные письма во все редакции.

3. Пришла бандероль из Болгарии. Пять экзов перевода ТББ и ПНВС. Здорово издали. На родине нас так не издают.

4. Прислал письмо корреспондент ленинградской «Смены». Жаждет взять интервью. Я думаю отказать. Не время сейчас поганить свое имя болтовней.

5. Был у мамы. Она ничего. Хочет поехать куда-нибудь в дом отдыха. Мы с Адкой ищем ей путевки, каждый по своей линии, но пока — ничего.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет и поцелуи.

---

¹ Надеюсь (англ.).

Аркадий — брату, 11 сентября 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Письмо получил. Задержался с ответом, потому что надеялся на новости. Однако новостей нет. Разве что — был в «Мол<одой> гв<ардии>», никого там не застал, но узнал, что сигнал «Стажеров» запланирован на нынешний месяц. Вот и все новости.

Песню Легиона пока не посылаю — рукопись у Нины, а я у нее еще не был. Что касается названия Комитета, то — черт его знает, ничего приличного в голову не приходит. Разве что Комитет Помощи Слабым Силам? Или Комитет Поддержки Социалистического Сознания? Бредятина это всё. Поставь любое сокращение, какое тебе придет в голову. В Детгизе это сокращение сомнений не вызвало, ну и ладно.

Помаленьку перевожу, перевод идет легко, пять страниц за два часа. Только скучно, и еще пальцы устают.

Ну, пока всё. Целую, обнимаю,
твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Борис — брату, 13 сентября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Пришло, наконец, твое письмо.

1. Получил от «Невы» конкретный список необходимых доделок. Список невелик. Надо вставить пять-шесть маленьких абзацев, в основном, на тему: социальное неравенство в Стране Отцов. С сокращениями решили так: изъять почти всю часть с приключениями от момента, когда Мак с Гаем встречаются южных вырожденков, включая войну, до главы с Умником. Получается довольно естественно, а в главу с Умником добавить несколько рапортов о том, чем занимался Мак все это время. Я не возражал. Я только добиваюсь теперь еще одного свидания с Поповым, чтобы он санкционировал при мне эти исправления и дал гарантии, что больше ничего не потребует. Главным образом, я жму на то, что недавно купил мебель и сильно издержался, а потому как там насчет 60%? Пока добился того, что одобрение выписано и отправлено в бухгалтерию, но Попов говорит, что деньги за третий квартал истрачены и, возможно, придется подождать числа до 10-го октября. Это все важно, ибо выяснилась страшная вещь: оказывается, рукопись еще не читал Некрасов, местный Жур. Саша говорит, что пока в редакции этой вещи никто не понял, а Некрасов со своим сверхъестественным чутьем может понять, спинным мозгом учуять, и тогда беда! Так что нужно продержат его в отдалении от рукописи по крайней мере до момента получения 60 проц<ентов>. Короче, высылай мне Боевой Марш и еще: санкционируй, пожалуйста, разрешение исправить в невской рукописи только Гвардию на Легион, не изменяя лейтенантов на ротмистров. Не хочу я привлекать излишнего внимания. Может, хватит этого? По-моему, вполне хватит. Журнальный вариант, то, се... А?

2. Неделю назад звонил Лешка. Рассказывал, как все произошло. 21-го августа Головань вызвала к себе директора объединения и сказала, что все, сценарий она закрывает своей властью, ничего больше не желает слышать, пишите отказ авторам. Все, кто там был, естественно, переср... и промолчали. Лешка считает положение безнадежным. Он даже больше не верит, что нам удастся хоть что-нибудь отсудить. И верно — я посмотрел договор: сомнительно! Сейчас Лешка уехал в Москву, захватив сценарий — хочет его там кому-то показать, где-то жаловаться... но все это так, барахтанье. Кончилась наша с тобой ТББ-карьера.

3. Между прочим, ты говорил, что Бела перевела нам 40 проц<ентов>. Так я был неделю назад в сберкассе — хера!

4. Будь добр, позвони Ариадне, выясни у нее координаты Бестужева-Лады и пришли мне. Наша секция хочет выписать его на предмет прочтения доклада о футурологии. Мне поручили выяснить его телефон и адрес.

Пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

Аркадий — брату, 17 сентября 1968, М. — Л.

Дорогой Борик.

Получил письмо, отвечаю незамедлительно.

1. В пятницу вызвала меня к себе Нина Матвеевна, вручила рукопись с отдельными поправками и велела ее к будущей среде привести в рабочий вид, ибо она уходит в больницу и хочет успеть сдать в производство. Три дня мы с Ленкой потели: надо было заклеить все черные места кусочками бумаги с «ротмистрами» и «легионерами», перепечатать некоторые неисправимые страницы, перепечатать и подклеить неисправимые части многих страниц; надо было отпечатать так называемые «заголовки» и «чужие шрифты» (это все рабочая редакторская терминология), а также оглавление; надо было, наконец, написать редакторскую аннотацию. Мы прошли через все это, и вчера вечером, вымазанные клеем, с опустошенными душами, попирая ногами горы обрезков бумаги с напечатанными там «ротмистрами» и «легионерами», присели отдохнуть. Сейчас еду в Детгиз отдавать рукопись, а Нина сдает ее — возможно, сегодня же — в производство.

2. Слушай «Марш Боевого Легиона»! Тра-та-та-та... та-та!

Вперед, легионеры, железные ребята!
 Вперед, сметая крепости, с огнем в очах!
 Железным сапогом раздавим супостата!
 Пусть капли свежей крови сверкают на мечах...

Железный наш кулак сметает все преграды.
 Довольны Неизвестные Отцы!
 О как рыдает враг! Но нет ему пощады!
 Вперед, легионеры-молодцы!

3. Санкционирую менять только Гвардию. Пушай лейтенант остается. А что ждать до 10-го октября — подождем. Может, вместе сходим там и получим.

4. Стерва эта ваша мадам Головань. Никакого почтения к творческой интеллигенции. Не полагаешь ли ты, что самое время написать возмущенное письмо — куда-нибудь, это все равно, но с копиями непременно во всякие инстанции? Что по этому поводу думает Лешка? Удастся ли достать копию решения худсовета?

5. Да, 40 проц<ентов> из Мол<одой> гв<ардии> я тоже что-то не вижу. Наверное, забыла, голова садовая. Это у нее бывает. Нынче же зайду и посмотрю. И кстати, я ни ее, ни Сергея <Жемайтиса> уже месяца три не видел. Только раз по телефону говорил.

6. С переводом продвигается туго. Возможно, ты и прав. Попробуем переводить с листа. Очень там все просто, а рука писать устает.

7. Бестужев-Лада Игорь Васильевич. Москва Д-100, Шмитовский проезд <...>.

Вот пока всё. Крепко обнимаю, жму, твой Арк.

Целуй Адку.

Борис — брату, 22 сентября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Задержался с ответом по причине марочек. Да, собственно, и не происходит ничего особенного. Неторопливо ввожу поправки в ОО. Тоже измазан клеем, а равно попираю ногами резаную бумагу. Поправки уже ввел, но Саша советует не спешить — показать, во-первых, какую гигантскую работу приходится проделать, а во-вторых, подольше продержат Некрасова вдали от рукописи. Я звонил в бухгалтерию, обещали деньги перевести вскорости — и тебе, и мне. Вот когда переведут, пусть тогда Некрасов и читает.

Звонил Лешке. Он полагает положение безнадежным, но обеими руками голосует за то, чтобы мы учинили скандал. Впрочем, он поехал в Москву и взял твой телефон, так что вы там

Пришли гости и письмо пришлось прервать. Продолжаю на другой день. Итак... так что вы там договоритесь обо всем.

Приглашали меня выступить аж в три места. Отказался.

Я забыл тебе написать, что в газете «Комсомолец Украины» опубликовано наше интервью под названием «Стругацкие о Стругацких». Так вот сегодня пришел гонорар — 13 руб. 59 коп. Считай, что я должен тебе еще 6 руб. 79.5 коп. Перевод почему-то на Стругацкого А.

А жаль, что сценарий провалился. Тут Саша Лурье мне рассказал, как пару месяцев назад на одном суаре (состоящем из водки с соответствующим гарниром) он присутствовал при разговоре Товстоногова с Козинцевым. Киты рассуждали о ТББ. «Интересно... Он, понимаете ли, может быть богом... Понимаете? Но не хочет, знаете ли... Очень интересно...»

До сих пор не понимаю, поехал ты в Ташкент или нет. Во всяком случае хорошо бы увидеть тебя числа первого. Работнем! Железным сапогом раздавим супостата.

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

Как там Наташка в новом-то качестве?

Аркадий — брату, 26 сентября 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Еле дождался от тебя письма. Думал, что-нибудь серьезное происходит, и ты выжидаешь исхода. Ну, ничего так ничего.

Значит, так. Я приеду пятого или шестого, потому что четвертого должен быть на работе. Переводить я бросил, об этом я уже писал, устает рука, и все бессмысленно, слишком много времени уходит на писанину. Черт с ним, будем с листа. Железным сапогом и чем там придется впредь, тоже железным.

Был у Белы, спросил насчет 40%, она удивилась, сказала, что давно уже распорядилась перечислить. Там у них практикантик молодой этим занимается, вероятно, напутал что-нибудь. Обещала выяснить и уехала в Сухуми. Вот так-то. Да шут с ним, говорят, сигнал будет со дня на день.

Лешка не звонил. Звонил Саша Копылов, передавал устные приветы от тебя, тем все и кончилось. Хотел я его к себе пригласить, благо было воскресенье, но в этот день мы сидели с Шилейкой и рубили японские патенты. Саша обещал еще позвонить, впрочем. Может, тогда повидаемся.

В Детгизе пока без перемен. Нина, прячась за нашу рукопись, отсиживается дома. Сдаст в эту пятницу, т. е. завтра. Так что я, как всегда, зря торопился. А впрочем, и не зря. Все гора с плеч.

Из «Ангары» никаких сведений не поступало. Поэтому в «Москву» ходить пока воздержался.

В Ташкент, легко видеть, я не поехал. Во-первых, очень расхотелось в такой обстановке, а во-вторых, и все равно не послали бы — из всей Японии приехал один только Хотта, так что нечего там японисту делать.

Пока всё. Пиши. Целую, жму, твой Арк.

Поцелуй Адку и Росшепера. А с Наташкой чуть не каждый день занимаюсь японским до часа ночи.

Борис — брату, 1 октября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Новостей существенных нет, однако же — пишу, надеюсь, в последний раз перед твоим приездом.

1. Вчера был у меня Саша Лурье. Мы с ним проглядели рукопись ОО, учли кое-какие заметки на полях, кое-какие не учли, оставив впредь до выяснения, и я вручил ему рукопись. Он настроен мрачно. Попов уходит в отпуск, вместо него остается Некрасов, а это означает, что все начнется сначала. Некрасов прочтет рукопись, заявит, что это плевок в лицо советской власти и потребует бредовых корректур. Правда, к тому времени мы уже получим наши 60% и сможем поплевать, но все равно — невесело. Ладно, там видно будет.

2. Пришли деньги из Иркутска (из «Ангары»?) — 176 р. 60 коп. Без пояснений на обороте. Если за СоТ, то почему так мало? Если не за СоТ, то за что же?

3. Очень хорошо, что ты не поехал в Ташкент. Не к чему сейчас честным людям высовываться. У меня тут был корреспондент из «Смены» на предмет интервью. Я, естественно, отказал. Он спросил почему. Несколько секунд мы осторожно приняхивались друг к другу, а потом дружно понесли, что все несут. Он меня понял, хотя и был огорчен. Интервью отложили на полгода. Обменялись вместо этого информацией, а кроме того, я дал ему СоТ — для возможного напечатания отрывков. Объяснил про «Ангару», но он сказал, что это их не касается.

4. Люди, приехавшие из Одессы, рассказывают, что там продается с рук машинопись ГЛ — 5 руб. штука. Ума не приложу, каким образом это произошло. Я давал только проверенным людям.

5. Сейчас поеду к Гору, возьму у него «День Быка» (бывшую «Долгую зарю»). Он прочел и сказал, что это любопытно, но совершенно нехудожественно. Все равно интересно.

6. Мама уже нас ждет и деятельно готовится. Эх, и работнем! А главное, поговорим о дальнейших планах. Вы хотите планов? Их есть у меня. Ничего нового, но как-то я понемногу разгораюсь на ЛиБ (название условное). По-моему, можно здесь развернуться.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

Р. S. Насчет Комарова я пока еще ничего не предпринял. Мама очень против. Займись в остатние деньки.

Р. P. S. Ленуське — поцалуи!

Аркадий — брату, 24 октября 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Даю информацию.

1. «Стажеры» обещают выдать сигналом к праздникам. Я было испугался, что задержка из-за цензуры, но оказалось, все в порядке, главлитуру книга давно прошла, только в типографии не выполняется план.

2. ОО в порядке, Макаров давно сделал рисунки, только у него еще их не приняли, потому что некому подписать: М<ария> М<ихайловна> уехала в ГДР, а Нина лежит в больнице. Макаров едет в больницу и там подпишет.

3. Девис прочитал СвК, ему очень понравилось, но он требует предисловия. Что ж, буду писать. Потом пришлю тебе.

4. Вышло постановление ЦК, посвященное 50-летию ВЛКСМ. Там, в частности, сказано что-то вроде: необходимо развивать фантастику, ибо этот жанр популярен у молодежи и может играть большое пропагандистское значение. По слухам, упоминание о фантастике включено в постановление по предложению Академии общественных наук, где высказались за необходимость всяческого поощрения социальной фантастики.

5. Вчера состоялось заседание рабочей группы, делал доклад Бестужев. Я не пошел и, как говорит Девис, правильно сделал, ибо ничего нового Бестужев не сказал. Однако вот что там было еще: этот Институт рабочего движения пожелал иметь у себя на общественных началах группу фантастов-прогнозеров, поэтому вчера была избрана инициативная тройка. С товарищем Вунюковым во главе.

6. Из «Ангары» Ариадне написали, что все в порядке, только никак не могут отпечатать тираж, что-то опять с иркутской полиграфией неладно. Но днями все уладится, и вышлют сорок экз.

Вот все новости. Да, Нудель звонил и страстно просил нас отнести сценарий ТББ в журнал «Искусство кино». Я что-то промышчал и не стал пока хвататься за это дело. И еще — телевизионщики собираются создавать худсовет или что-то в этом роде для своей редакции фантастики.

Жду письма. Целуй Адку и Росшепера.

Поцелуй маму. Жму, твой А.

Борис — брату, 27 октября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Отвечаю немедленно.

1. Звонил в «Неву», говорил с Сашей. Там пока все без перемен. Некрасов ОО не читал, и Саша прилагает все усилия, чтобы он и не успел прочесть до конца ноября, когда пойдет в производство второй номер. Первый номер уже в печать отправлен.

2. Был в Литфонде. Подал заявление на Комарово, на 15 дней в январе. Заявление приняли без замечаний и исправлений. Там же купил прекрасной финской бумаги, на коей и пишу сейчас тебе. Великолепная бумага! Даже жалко ее пользоваться.

3. Рад тому, что пока все в порядке и с ВНМ, и с ОО, и с СвК. Предисловие к СвК пиши и присылай.

4. Хорошо было бы получить от тебя и издание ДР, что в Буэнос-Айресе. А я бы взамен выслал тебе экземпляр сценария. И были бы мы тогда в известном смысле квиты.

5. Никого не видел. Звонил мне Дмитревский. Судя по всему, очень ему хотелось побеседовать насчет «Сов<етской> России», но я пресек. Однако же от разговора не уйти, это я чувствую. Ужо в четверг на заседании поговорим.

6. Нашел я, наконец, кому давал ГЛ. Оказывается, Мишке Хейфецу. Встретимся, обсудим.

7. В общем, предаюсь безделью и вывожу разные формулы. Почитываю кое-что, но ничего существенного для ЛиБ не нашел. Обдумываю идею: человек есть существо творческое. Это отличает его от животных — стремление творить, т. е. создавать нечто, до сих пор в природе не существовавшее. Это основное отличающее человека от животного свойство переплетается в нем (в человеке) с нормальным стремлением создать оптимальные условия существования и порождает огромное количество комплексов, ибо стремление к творчеству есть почти у всех, а способностей почти ни у кого нет.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет.

Аркадий — брату, 1 ноября 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

Новостей особенных нет. Сегодня ходил в сберкасса, получены деньги из «Невы» (650), а также из «Мол<одой> гв<ардии>» (17.10 — 345 рэ). Ариадне пришло письмо, что часть экзов «Ангары» ей уже выслали. Ждем. Сигнал перевертыша еще не был.

1. Будь другом, скажи в Литфонде, чтобы путевки дали не сразу с 1 января, а где-нибудь с пятого, лучше — с десятого. У Наташки будет ведь сессия, и я должен по японскому ее подтянуть.

2. Завтра собираюсь к Рюрикову в СовПис, отнесу ГЛ. Или еще подождать? Пока твой экз не будет прочно у тебя в руках? Подожду, пожалуй, до твоего письма. А с Рюриковым все равно встречусь и поговорю об УнС.

3. Опять началась возня с конференцией. Правление МО предложило проводить. Сегодня вечером собираемся у Ариадны, будем давать ей отпор.

4. Если у тебя есть лишние (обменные) марки, пришли, пожалуйста, Димкин <Биленкина> сынишка собирает советские, а мы у Димки, если помнишь, альбом разграбили.

5. Издание ДР из Аргентины я тебе пришлю вместе с экзами «Ангары», идет?

6. Минская киностудия приглашала меня сняться в каком-то социологическом фильме за беседой с Ляпуновым, Забелиным и Бестужевым о будущем человечества. От темы и от компании я пришел в ужас и категорически отказался.

7. Видел в «Тех<нике —> молодежи» интервью Ефремова? Там же начали печатать «Час Быка». Гм. Посмотри. И еще буквально на днях еще одно интервью Ефремова в «Вечерней Москве». Тоже гм.

8. Ничего не понял насчет Дмитревского. Что это за беседа о «Сов<етской> России»? Изложи, пожалуй, братец, а то я как в лесу. А правда, что Дмитревский подбивает там вас писать фантастику к столетию Ленина?

9. Пытаюсь думать о ЛиБ, но все куда-то не туда думается. Не то приснилось, не то выдумалось — две притчи. Одна вот: В город привезли льва, гориллу и попугая. Лев с гориллой немедленно стали составлять заговор — поднять мятеж и захватить город, но попугай все подслушивал и передавал людям. За день до мятежа льва и гориллу развезли по разным другим городам, а попугая подарили старой деве. А другая — вот: Человек, который, умирая, может взять в себя душу любого другого человека и тем спастись. Тот, без души оставшийся, естественно, умирает. Но у героя в душе прибавляется вторая душа, затем третья и так далее. Первое воскрешение он произвел еще ребенком, бессознательно, забрал себе в ужасе перед смертью душу доктора или родителя, а потом догадался и стал действовать уже сознательно. Гвоздь в том, что он забирает души врагов и набирается таким образом их убеждений и мировоззрений, превращается во врага своих прежних идей, а потом снова наоборот. А?

Ну вот, пока всё. Целуй Адку. Твой Арк.

Только что держал в руках сигнал «Стажеров + ВНМ». Порядок!

Еще не успел запечатать письмо — появилась «Ангара»! 4 экз. 2 высылаю тебе. Целую, жму.

Борис — брату, 4 ноября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Как прекрасно, что вышел сигнал ВНМ! Скорей бы узреть его мне!

Я, несчастный, сижу, и задавлен и нем, в своем безысходном г...!

1. За это время получил: деньги из МолГв — 340 р.; твою бандероль — большое спасибо. Да, жалкий альманашек. Тираж-то, тираж! Легко подсчитать: объем его — 11 листов, цена 40 коп, тираж 3000. Это значит, что полная выручка — 1200 руб, а авторам надо выплатить (по минимальной ставке!) — 1100. Впрочем, нас это касается лишь постольку, поскольку ставка минимальная.

2. Теперь я должен тебе выслать сценарий и марки для Димки. Всенепременнейше! А ты выясни, пожалуйста, какие марки нужны: чистые? или можно и гашеные? только ли советские? А то ведь я специально (согласно договоренности с Димкой) припас ему несколько красивых иностранных. Выясни и отпиши — сразу же и вышлю вместе со сценарием.

3. В Литфонде я подал заявление с просьбой начать нам срок именно 5-го–10-го. Скорее всего дадут именно с 10-го, потому — каникулы, ДТ будет переполнен дописами, мудописами и деписами.

4. Все-таки ты отнеси ГЛ в СовПис. Не беспокойся, мой экземпляр не пропадет — Хейфецу можно верить.

5. Никаких конференций! Мать их за ногу — нашли время устраивать конференции! Засранцы.

6. Сегодня должен был выступать в ЛГУ, на матмехе, и вдруг выяснилось, что это у них клубный вечер под лозунгом «Письмо в ХХХ век». Скрипачи будут играть, поэты читать, а я должен буду подытожить всю эту вакханалию в смысле прекрасного будущего. Хера! Сегодня же уезжаю в командировку.

7. Интервью Ефремова не видел. И вряд ли увижу (особенно в «Вечерней Москве»). Так что сообщил бы основные идеи. Что там за «гм».

8. Насчет Дмитревского — я имел в виду ту травлю, которая организована против него «СовРоссией» по поводу книги Дьякова о лагерях. Мы с тобой читали одну из этих статей, где Дмитревского обвиняли в потере политического (или классового?) чутья. Помнишь? Слухи о том, что Дмитревский подбивает писать фантастику к столетию — ложны. У нас было заседание бюро секции по поводу столетия, и Дмитревский вел себя вполне прилично. И все вели себя прилично. Сейчас вообще считается невыгодным вести себя неприлично.

9. Обстановочка вообще мрачноватая. На каком-то ответственном совещании кто-то говорил, что сталинский тезис об обострении классовой борьбы — по сути верен. Обком разогнал поэтическую редакцию Лениздата (или ЛенСовписа) за издание томика переводов, сделанных русскими поэтами с иностранных языков. В предисловии Эткинда там было сказано, что Пастернак и Ахматова не могли в период 30–40 гг. выражать себя в оригинальных стихах, а потому и занимались переводами. Эткинда сняли с лекций в Герценовском институте, где он преподает, оставили ему только спецкурсы. На философском факультете травят Кона и Ядова — они, видишь ли, под маркой критики буржуазной социологии пропагандировали последнюю. Ядов, кажется, уже ушел, и социологическая лаборатория его распалась. Обком запретил также защиту кандидатской диссертации под названием «Сексуальные проблемы советской молодежи», хотя диссертация самая про-про-про... В общем, гнусно.

10. Притчи твои мне понравились, особенно про душекрада. Я ее записал. Но это все философия, а что нам делать с ЛиБ? Не устроить ли нам с тобой некую предварительную встречу — специально для сочинения плана? Деньков эдак на пять — не больше. И заниматься только валянием на диване и размышлением о ЛиБ. Отпиши свои соображения. Я предлагаю середину декабря. Если ты не прочь, можно поговорить с мамой.

11. Числа 16-го в Москве будет Адка. Командировка. Жить она будет в гостинице, но к вам тоже забежит. Напоите ее кофейком.

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

Р. С. Ленуське поцелуй.

Р. Р. С. А как насчет заявочки? Давал куда-нибудь?

Аркадий — брату, 9 ноября 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. В кругах полагают, что узрим мы ВНМ где-то в конце месяца. Одиннадцатого я еду в МолГв и отдаю деньги на пятьдесят экзов. Предупреждаю, что себе заберу по меньшей мере 30, так что если тебе нужно больше, то отпиши немедленно.

2. «Ангара», конечно, не ах. Но! Печать. Я очень жду следующего номера. Есть возможность, что все-таки удастся дать эту вещь в альманахе МолГв «Фантастика, 68 или 69».

3. Сценарий высылай. Марки высылай всякие, гашеные, чистые, иностранные, советские и пр<очие>. Гони.

4. Получил из Таллина однотомник — «Возвращение» и «ТББ», с иллюстрациями. НичегЁ. Но финансово бесплодно, конечно.

5. С Рюриковым связаться до сих пор не удалось. Ужо после праздников. И ГЛ отнесу.

6. Насчет конференции. Видимо, проводить придется. Ситуация: нас поставили перед альтернативой — либо мы проводим, либо поручат проводить Немцову и Ко, они уже напрашиваются, ходят и ноют, крови жаждут. Я-то их всех е..., но наша демократия почему-то всего этого боится. Впрочем, планируется это дело аж на апрель, там видно будет. В совещании принимали участие зубры Димка и Зиновий Юрьев. Принято решение никому не давать говорить, долго произносить речи теоретические и непрерывно показывать кинофильмы. И никаких прений.

7. Интервью Ефремова. Скверная дешевка. Шеф либо перепугался, либо спятил. Ругательски ругает антиутопии и юмор. Да найди ты № 10 «Техники — молодежи» и прочитай, экая у тебя тяжкая задница.

8. Слухом пользуюсь, что месяца четыре назад в верхи пришел очередной роман-предупреждение. Дескать, в «Байкале» напечатали две разнузданности, так автор одной за границу смылся, а авторы другой сейчас заканчивают очередной пашквиль на соввласть, а потом тоже намереваются дать тягу, так чтобы они, верхи, эту возможность предусмотрели и вовремя пресекли. Ну так вот. Прочли эту бумагу в верхах, подумали и, якобы (здесь, сам понимаешь, всё «якобы», за что купил, за то и продаю), отправили в журнал «Коммунист» для истребления виновных. Однако оттуда, из журнала, якобы, ответили: мы-де фантастикой не занимаемся, один раз откликнулись — и будет с нас. С приветом.

9. Заявку я давно подал, забыл только упомянуть в прошлом письме. Бела и Серж <Жемайтис> в один голос объявили, что заявку, безусловно, принимают, а договор заключат тотчас же, как издательство начнет заключать договора на 70-й год. Когда точно — неизвестно.

10. Адку ждем.

11. Что касается ЛиБ, то иметь сюжет перед Комаровым, конечно, надобно. На крайний случай можно и встретиться в середине декабря дня на три. Лично меня заботит больше всего сюжет. Всякие там размышления можно будет навесить на сюжет безболезненно. Помни, что вещь должна быть проходимой, т. е. закрученной и динамичной, а ля ОО. Думаю. Точнее, пытаюсь думать. Ничего, все образуется.

Жду письма, целую, твой Арк.

Борис — брату, 13 ноября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Я, было, думал подзадержаться с ответом, потому что 11-го Некрасов забрал-таки читать ОО, и хотелось дождаться его выводов. Но потом решил: а хрен с ними!

1. Что решит Некрасов — неизвестно. Однако пока все идет как должно. Повесть намечена на 2–4 номера, произведена разбивка по номерам — вернее, проект разбивки. При этом пришлось пожертвовать разбиением на части, остались только главы. В ближайшее время состоится телевизионная встреча редакции «Невы» с читателями — в целях рекламы на будущий год. Меня тоже звали, но я отказался. Оно, конечно, может быть и стоило выступить и, так сказать, морально обязать «Неву», но в моральные обязательства я как-то не верю, а выступать по телевидению, сидеть рядом с Поповым, обмениваться с ним репликами при всех — срамно. <...>

2. Высылаю марки. В общем, все это, конечно, мусор — с точки зрения настоящего коллекционера, но для мальчишки, наверное, будет смачно в этом копаться. Тем более что в конвертике я посылаю довольно редкие космические марки, которые хрен достанешь.

3. Томик из Таллина тоже получил. Хорошо издали. Приятно.

4. Только что кончил читать «Час Быка». Бедный Чиф! И умный он, и честный, и наш, но никакого вкуса у него нет и, вероятно, уже больше не будет. Но в общем читается с интересом, и в конце ноября на заседании секции я буду, естественно, категорически за. Интервью его пока не читал, но, судя по всему, это у него защитная реакция. Я плохо представляю, как его роман может быть в наше время напечатан, он, по-видимому, — тоже. Вот и старается отвести глаза.

5. Я тут прочел еще роман некоего Бальдыша «Я победил смерть» (или «убил»?). Хорошая штука, ей-богу. Было бы здорово, если бы это и тебе понравилось, чтобы ты мог представить роман в МолГв. По-моему, это в их вкусе. Автор — человек любопытнейший. По-моему, он слегка того, но в меру, и разговаривать с ним — одно удовольствие. В прошлом он довольно ответственный работник культурного фронта, но что-то там у него случилось, и попал он в опалу. Теперь подвизается в кино и в области популяризации биологии и медицины. Рассказывал жуткие вещи о Бехтерева. Как он в 27-м освидетельствовал Папу <т. е. Сталина> и ничтоже сумняшеся вынес приговор — паранойя, мания величия и преследования. Воспоследовал роскошный подарочный торт, колики, и профессора без всяких там вскрытий-мрытий сожгли в крематории.

6. Встретиться надобно обязательно. Определи время, и я побеседую с мамой.

7. Что там с «Саргассами»? Не закидывал ли ты удочку насчет «Круга Огня»? Хорошо было бы в следующем году выдать: ЛиБ, перевод и по крайней мере начало Апокалипсиса.

8. Сейчас случайно заглянул в газету и обнаружил, что ЛиБ имеет и другую расшифровку. Я всегда говорил, что это неудачное название.

9. ВНМ сколько дашь, столько и возьму. Только напиши, сколько. Я надеюсь урвать еще толику и у себя в Лавке, но там может оказаться мало экзов. Нищая у нас Лавочка.

10. Звонил мне Лешка Герман. Намерен сегодня зайти. Он, оказывается, все это время занимался тем, что разводился и женился, дурак, заново. Тоже мне муж. Ничего нового он не сообщил, но — приятный парень, я его люблю.

11. Я сейчас один. Адка уехала в командировку в Киев и прихватила с собой Андрюшку. Потом поедет в Москву, а Андрюху знакомые привезут в Ленинград. Андрюха тут создал поэму, которой посрамил самого Чистякова. Не могу удержаться и привожу ее полностью.

Дожди в машины так и хлещут,
Деревья начали валить.

Водители машин трепещут:
Как бы старух не задавить.

Но вот промчался синий ЗИЛ,
И он старуху подвозил.
На перекрестке тормозил,
И угодил в канаву ЗИЛ.

Старуха вылетела к черту!
Шофер, вопя, прижался к борту.
И запылал в канаве ЗИЛ.
Зачем он только тормозил!

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке поцелуи.

P. P. S. А поэму зачти Манину с выражением — он оценит.

Аркадий — брату, 18 ноября 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Сейчас уже, вероятно, известно, пойдет ли ОО в «Неве». А посему немедленно отпиши. Дело в том, что Севка Ревич договорился, оказывается, с «Дружбой народов» (!) насчет нашей повести и берется ее устроить, если она не пойдет в «Неве». Но это, сам понимаешь, надо быстро.

2. Марки отнес Биленкиным, произведен фурор, были выражены восторги. Тебя сердечно благодарят.

3. С перевертышем смех и слезы. Типография забыла (или не пожелала) печатать суперобложку. Книга пойдет так, голенькая, а вид у нее в голеньком состоянии самый непрезентабельный. Кроме того, без супера любому покажется, что имеет место производственный брак. Посему решили допечатать на титульных листах что-то вроде «прочтешь — переверни книгу». Я уж не рад, что связался с перевертышем, давно бы книга вышла. А всё Белкины затеи! Ну, бог милостив, а деньги нам уже, наверное, выписывают.

4. Если встречаться, то где-то между пятым и десятым декабря. Поговори с мамой, как она.

5. Как с «Саргассами» — не знаю, ей-богу. Не был я там. А у меня к тебе вот такая просьба. Поскольку я слегка сейчас зашиваюсь с Наташкой и всякими японскими делами, поручаю набросать предисловие тебе. У меня просто башка пухнет, ты уж выручай. Напиши обязательно про: пользу героической фантастики, отсутствие у автора намерения показать реальное будущее, могучие требования, которые автор предъявляет к космонавтам. Прости, что так получилось, но я тебя очень, очень прошу. Во всю ивановскую.

6. Разговор насчет «Круга огня» у меня с Девисом был, собственно, это он его и затеял, и я дал-таки ему понять, что в крайнем случае мы можем посоответствовать.

7. Вчера была у нас Адка. Обещала зайти еще.

Вот и все мои новости.

Целую, жму. Твой Арк.

Борис — брату, 21 ноября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Был я в «Неве». Некрасов прочел ОО и, противу всяких ожиданий, не сделал никаких существенных замечаний. Масса идиотской стилистической правки, свидетельствующей о малограмотности, и — всё. Саша обалдел от удивления. Я тоже. Потом я побеседовал с Некрасовым, еще раз поразился его тупости и косноязычию, и на том все кончилось. Договорились, что я напишу еще две-три маленькие вставки, содержанием коих будут воспоминания Мака о прекрасной Земле. В остальном же всё пока ОК. В 11-м номере уже напечатано, что «в первых номерах нашего журнала вы сможете прочесть...» в том числе и ОО. То же было объявлено по телевизору и на днях будет объявлено по радио. Естественно, все это ничего не значит, но первую порцию мы с Сашей уже подготовили, и нельзя не констатировать, что пока все идет лучше, чем ожидалось. Некрасов даже дал понять, что они готовы заключить с нами договор еще на какую-нибудь вещь. На 70-й год. По этому поводу Саша развивает фантазмагорические идеи насчет ГЛ. Но, по-моему, надо ориентироваться на то, что мы напишем в январе. Если увидим, что нечто получается, тут же подадим заявку.

2. С перевертышем — срамотища! Ну, черт с ними, выплатили бы деньги.

3. Звонил сейчас маме. Она не возражает против приезда. Договорился я с ней на три дня где-то пятого-десятого декабря. Итак, решено.

4. Общаюсь изредка с Лешкой. Он ищет халтуру. Я сказал, что мне тоже нужна таковая, и он с ходу накидал всяких мелких, но забавных идеек. Пока, впрочем, ничего не ясно. Он обещал связаться с телевидением.

5. Предисловие к «Саргассам» я написать попытаюсь, но вряд ли что-нибудь получится. Тут ведь главное написать об авторе, а я смогу в лучшем случае написать о самой книжке. Ладно, посмотрим.

6. Насчет «Круга огня» — жми. И деньги, и книжка, между прочим, неплохая. Во всяком случае, супротив Нортон этот Клемент — без малого Фолкнер.

7. Прочитал интервью Чифа в ТМ. Н-да. Очень он, по-видимому, хочет, чтобы его «Час Быка» прошел без сучка без задоринки, широко, много и большими тиражами. Что ж, его можно понять.

8. Перечитал давеча УнС. Прекрасная все-таки книга! Но «Апокалипсис» будет еще лучше.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Что это Ленусяка там выдумала с почками? Надо немедленно обратиться к врачу. Почки — это же мучительная штука, хуже печени.

Аркадий — брату, 25 ноября 1968, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Рад, что с «Невой» таки получилось. Надеюсь, стилистическая правка Некрасова не пройдет? Страх подумать, я как читал об этом — у меня остатки зубов заныли. Значит, со 2-го номера. А иллюстрации будут ли?

2. Я в общем-то тоже не очень вижу ГЛ в «Неве». Действительно, придется ориентироваться на январское сидение.

3. В продаже перевертыш должен вот-вот появиться. Бела рассказывала, что главред Осипов уже хвастался этой книжкой перед делегацией ГДР — вот-де какие у нас оригинальные книги выпускаются. А ведь именно он всячески препятствовал перевертышу, сукин сын.

4. Кто-то прислал мне из Днепропетровска кусок номера «Жизнь литературске» (Польша) с довольно большой статьей некоего Петра Кунцевича «Заботы пророков». Я

отправился к Ариадне. Там был Нудель, который с листа перевел. Это статья о Леме, об этапах его творчества. Три этапа там намечается: надежда на светлое будущее человечества, полная безнадежность в отношении возможности человечества справиться с грядущим и, наконец, заря надежды на новую технологию, которая приспособит человечество так или иначе к «жестоким чудесам». Ни с того ни с сего примерно четверть статьи посвящена нам. Мы называемся единственными авторами, которые находятся на одном уровне с Лемом по глубине и размаху, жалеется, что в Польше нас совсем не знают, разбираются ТББ, УнС и ПНвС, совершенно произвольно, с натужным подтягиванием за уши, подаются эти вещи как аналогии лемовским — соответственно: «Эдем», «Возвращение со звезд», «Кибериада». Мы-де пока находимся на втором этапе лемовского развития. В общем, статья мне не понравилась, легковесенькая, нас он явно читал через пень-колоду. Но Ариадна говорит, что Кунцевич — крупный ихний литературовед.

5. Статью пиши. Ничего об авторе не надо, пиши о приключенческом течении в целом, об авторе я и сам ничего не знаю, здесь надо сачкануть. «Саргассы» — просто хороший представитель буйной поросли космической оперы, вот и всё.

6. Решено приехать и встретиться. Буду вместе с Ленкой, вероятно.

7. Возможно, «Саргассы» удастся дать в «Смене», там просили. Ужасная жалость, что только один экземпляр. Это вызвало кучу осложнений.

Всё. Целуй маму и Адку, а равно и Росшепера.

Твой Арк.

Борис — брату, 29 ноября 1968, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Что касается стилистической правки тов<арища> Некрасова, то тут уж как бог даст. Основную массу замечаний, по-видимому, удастся нейтрализовать, но некий влажный след неизбежно останется. Тут уж ничего не поделаешь. Иллюстрации, кажется, будут. Во всяком случае, художник к этому делу был подключен уже давно. Надо будет попросить посмотреть, что он там сделал.

2. Статью к «Саргассам» писать пытался, но не преуспел. Буду пытаться еще. В крайнем случае напишем вместе.

3. Обязательно напиши маме, что намерен приехать и что — с Ленкой. Надо соблюсти приетет.

4. Вчера был в писдоме. Объявилась Танька Чеховская. Рассказывала, что Севка в корне изменил свое мнение о СоТ. А в общем было мрачно. Тоска, предчувствия, заботы. Бродят угрюмые слухи. А вы в Москве, по-моему, как сыр в масле катаетесь. Все-то вам до фонаря.

5. У нас тут обнаружилась куча молодых фантастов. Я копаюсь в этой куче, но жемчужных зерен пока нет. Так себе. Не без таланта, но и не с.

Вот, кажется, и всё пока. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленке привет.

P. P. S. Когда возьмешь билеты, тут же сообщи.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Рабочий дневник, 1965–1971

16.01.68

Арк прибыл к маме.
Сделали:
заявку на сценарий ДР,
заявление в «СП» по поводу ЗПвГ.

17.01.68

Сделали 10 стр. (212)

18.01.68

Сделали 10 стр. (222)

19.01.68

Сделали 10 стр. (232)

20.01.68

Сделали 10 стр. (242)

21.01.68

Сделали 10 стр. (252)

22.01.68

ОППОЗИЦИЯ	
Уничтож<ение> ПБЗ	Сохранение ПБЗ
1. Биологи<сты>, хотят жить по-чел<овечес>ки. Какая власть — начхать. 2. «Коммунисты» — из идейных соображ<ений> (их очень мало) — гуманисты, не политики. 3. Аристократы: есть наследник, народ ему верен и т. д. — крайние идиоты.	1. Эгоисты, властолюбцы — неудавшиеся неизв<естные> отцы. 2. Либералы — боятся бунтов и народных движений. 3. Вождисты — хотят обратить ПБЗ во благо — не веря в народ, надежда с пом<ощью> ПБЗ народ воспитать (о воспитании — самые различн<ые> точки зрения).

Почему Странник против разрушения центра? Н<известные> О<тцы> — едины против народа и их власть. Оппозиция, придя к власти, немедленно начнет снова строить ПБЗ, но теперь центров станет несколько — кошмарная гражд<анская> война, где победит не тот, кто прав, а у кого мощнее центр.

Ну выпей чайку, стаканчик только, что это тебе — шею мыть?

1. Просмотр документов и рассуждения.
  2. Поездка в лабораторию.
  3. Вечеринка и разговор.
1.
    - а). Положение прокурора.
    - α. Неудача войны.
    - β. Провал с чиновником, кот<орый> за прицельн<ое> излуч<ение>.
    - γ. Странник — враг (из-за Мака).
  - б). Замысел истинный.
    - α. Уничтож<ение> врагов, спасение жизни.
    - β. Надежда на свои знания и полит<ический> опыт.
    - γ. Надежда на перевоспит<ание> Мака.

Замысел для Мака.

- α. Спасти страну.
- β. Просвещ<енная> монархия.
- γ. Постепенное воспит<ание> народа.

в). Докум<ен>ты:

- α. Спор Мака о взрыве и последующ<ее> переубеждение.
  - β. Считает оппозицию дерьмом (через Зефа) — размышления прокурора о природе оппозиции.
  - γ. Готов убивать и убивал — история излучателя-танка, убивает в нападении.
  - δ. Скромн в быту — хороший материал для развращения.
  - ε. Странник и Максим — огромны усилия Странника найти и сохранить живым.
- Мысль о перевороте Странником.
- ζ. Донесение с каторги — натерпелся я страху перед Странником.
  - η. Грамену сообщил, что прокурор — хорош<ий> чел<овек> и знает, где центр.
[Сбоку запись: «Хорошо, что Странника нет».]
  - г. Панический приступ страха (звонок сверху) — жуткое воспомин<ание> о расстреле нач<альника> департам<ента>, пытавшегося захватить центр. Откуда он знает о центре. Великое сокровище — знание центра и что никто об этом знании не знает. (Грамену думает, что это ловушка.)

2. Утро, приготовление к лучевому удару.

Едет в лаборат<орию>. Описание лабор<атории> и темы работ Странника. Поболтал о Страннике с замом Странника (езде портреты Странника).

Работа Стран<ника> по контрразведке и защита центра (расстрел нач<альника> департам<ента>).

Сделали 1 стр. (253)

23.01.68

Сделали 10 стр. (263)

24.01.68

Сделали 10 стр. (273)

25.01.68

Сделали 1 стр. (274)

Днем звонит прокурор: «Странник приехал! Торопись! Начинай немедленно!»

М<аксим> звонит Зефу [стрелкой: «Если я не вернусь, позаботься о Гае и Раде»] и Ко, хватает мину и мчится.

Гаю: чеши за Радой, запритесь у меня в комн<ате> и сидите.

Успел: сделать мину, ознакомиться с электроникой, провел разведку.

Не успел: [перечеркнуто: «стянуть ячейку»] получить план дворца, собрать всех своих людей — чел<овек> 15–20, с кого начать — для нейтрализации штаба, арестовать или пристрелить фашистов в штабе. Зеф найдет только Доктора и Мемо. Надеялся стянуть 20 чел<овек> ко дворцу и по карте ворваться и покончить с ними.

Радио в машине: о войне.

Центр, прорыв, подрыв.

Обратный путь. Стычка со Странником. Разговор.

Вепрь:

1) если я не вернусь, взорвите мину. Здесь антенна;

2) помните, 2 недели назад, когда я говорил о <том, чтобы> взорвать, вы посоветовали мне не трепаться? Спасибо. Благодаря этому мы теперь имеем возможность взорвать.

— Как неловко получилось.

— Ничего. Я попрощался. Я всегда прощаюсь, когда ухожу из дому.

На обр<атном> пути: — Остановите-ка меня вот здесь (своя орг<анизаци>я у Вепря).

26.01.68

Сделали 12 стр. (286)

27.01.68

Сделали 10 стр. и ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 296 СТР.

28.01.68

Арк отбыл в Москву.

[Запись БНС между встречами]

1. В задумчивости ласково гладил себя по голове.

9.03.68

Работаем у мамы.

I. Интерлюдия. Разговор Странника с Фанком о Маке.

II. Интерлюдия. Странник и Отцы.

III. Интерлюдия. Странник в О<стровной> Империи.

IV. Странник и Рада.

V. Странник на базе.

Боевая Гвардия тяжелыми шагами
Идет, сметая крепости, с огнем в очах,
Сверкая боевыми орденами,
Как капли свежей крови сверкают на мечах.
О Боевая Гвардия — клинок закона!
О верные гвардейцы-молодцы!
Когда в бою гвардейские колонны,
Спокойны Неизвестные Отцы!

10.03.68

Сделали 11 стр. (11–14)

11.03.68

Сделали 11 стр. (22–27)

12.03.68

Сделали 13 стр. (35–42)

13.03.68

Сделали 10 стр. (45–55)

14.03.68

Сделали 10 стр. (55–68) Идем в писдом на юбилей Дмитревского.

15.03.68

Сделали 11 стр. (66–80) Слух о «Байкале».

16.03.68

Сделали 12 стр. (78–93) Арк на банкет, я — домой.

17.03.68

Сделали 13 стр. (91–106)

18.03.68

Сделали 11 стр. (102–117)

19.03.68

Часть III. Террорист гл. 9–11.
Часть IV. Каторжник гл. 12–16.

Часть V. гл. 17–18. Землянин или М. Ростиславский.
Сделали 13 стр. (115–136)

20.03.68

Сделали 13 стр. (128–151) Арк — к друзьям, я — домой.

21.03.68

Сделали 12 стр. (140–164)

22.03.68

Сделали 16 стр. (156–177) и прервали работу для отдыха.

- 1) Подробный разговор Умник — Мак (чтобы был обман).
- 2) Соответственно изменить последн<ую> главу.
- 3) Подробное объяснение насчет башен — Вепрь и Зеф. Замысел центра — взрыв многих башен и попытка захватить район. Центр недоступен. Центр один (никак не более 2-х центров). Вепрь многозначительно помалкивает. Вопрос о будущем — коренной вопрос: как жить дальше — с башнями или без.

10.04.68

Прибыли в Комарово. Номер люкс № 3 — оч<ень> хор<оший>.
Сделали 5 стр. (161–184)

11.04.68

Сделали 13 стр. (174–195)

- 1) Официальная стратегия подполья (захват обл<ас>ти, вер<оят>но Юга, спецр<айо>ны, с оружием).
- 2) Тайна излучения; как оно действует, все детали.
- 3) Вопрос об отношении к Центру
— Что вы мне предлагаете?
Зеф — захват штаба, в перспективе — захват Центра.
Вепрь — уничтож<ение> центра, но неизвестно когда и неизвестно как.
- 4). Рассужд<ения> Вепря о ходе истории.

12.04.68

Сделали 12 стр. (186–211)

13.04.68

Сделали 11 стр. (197–223)
Вечером сделали 2 стр. (199–226)

14.04.68

Сделали 13 стр. (212–239)

15.04.68

Сделали 12 стр. (224–252) Выпивали с Варшавскими.

16.04.68

Сделали 11 стр. (235–265) Арк едет в город.

17.04.68

Сделали 12 стр. (247–279)

18.04.68

Сделали 11 стр. (258–292)

19.04.68

Сделали 13 стр. (272–306)

20.04.68

Сделали 12 стр. (283–318)

21.04.68

Сделали 13 стр. И ЗАКОНЧИЛИ НА 332 СТРАНИЦЕ

Послать телеграмму Ефремову.

О морали научного работника.

Статья, написанная терминологией литературоведения (вульгарного).

План статьи: 10 заповедей Моисеевых.

«ДОМ» повесть (рассказ).

22.04.68

Едем в Л<енингра>д.

1). «Дом».

2). «Следователь» — убивает преступника, убедившись, что его не осудят.

3). «Апокалипсис».

4). «Мой брат и я».

23.04.68

Уезжаем вовсе.

[Запись БНС между встречами]

Рассказ о человеке, который, отчаявшись в чел<овечест>ве, посылает сигналы в Космос: «SOS». Все что угодно, кроме этого бардака.

Кнехты; гвардармы.

30.05.68

Прибыл Арк к маме. Исправляем ОО по указаниям Нины <Берковой>.

31.05.68

Окончили ОО.

1.06.68

$11+14+12+23=60$ дней работали ОО.

$11+13+12+13=49$ дней работали ГЛ.

2.06.68

Разговаривали.

3.06.68

Бездельничали.

4.06.68

«Мой брат и я, или Новый апокалипсис».

a). Худ<ожественная> линия.

b). Биографич<еская> линия.

c). Размышления о судьбах мира.

d). Притчи (напр<имер> про «Дом») про страну, управляемую мертвецами.

Арк уезжает.

22.08.68–30.08.68

В М<о>ск<ве>.

1). Правила ОО.

2). Чистили перевод SoS.

3). Идея ЛиБ.

[Запись БНС между встречами]

К ЛиБ: Боги исследуют вопрос о разумности. Что есть разум? Как мы изучаем обезьян и собак. Страшный удар для узнающего: «Они не считают нас разумными!»

Что есть разум?

Наблюдаемая деятельность богов — тесты.

Один из героев умирает. Вспоминает, как умер Калям — один, молча. «Он вытянул из-за пазухи пистолет, подождал, пока пришелец подойдет поближе, и выпустил в него всю обойму».

6.10.68

Арк прибыл к маме. Делаем SoS.

Ранее сделано 28 (30).

Сделали 7 стр. 35 (37).

В Апокалипсис: город, которым управляют мертвые, заставляя жить живых по законам мертвых.

7.10.68

Сделали 13 стр. 48 (49).

8.10.68

Сделали 11 стр. 59 (60).

9.10.68

Сделали 12 стр. 71 (72). Б. едет домой.

Новелла: шахматы, когда фигуры — люди.

Следователь.

10.10.68

Сделали 14 стр. 85 (87).

11.10.68

Сделали 12 стр. 97 (101).

12.10.68

Сделали 12 стр. 109 (113). Идем к Наталье <Свенцицкой>.

13.10.68

Сделали 11 стр. 120 (124). Черновик кончился.

14.10.68

Сделали 12 стр. 132 (138).

15.10.68

Сделали 12 стр. 144 (151)

16.10.68

Сделали 11 стр. 155 (163)
Б. едет домой.

17.10.68

Сделали 12 стр. 167 (176).
Б. заболел.

18.10.68

Сделали 10 стр. 177 (186).

19.10.68

Сделали 6 стр. и ЗАКОНЧИЛИ НА 183 СТР.

20.10.68

Арк уезжает.

[Запись БНС между встречами]

Человек не есть существо мыслящее. Человек есть существо творческое. Он больше всего хочет создать то, чего не было раньше. Если бы притом все еще обладали и способностью мыслить (чувствовать) — был бы рай.

Притча о похитителе душ.
Притча о человеке, сосланном на Землю.

Методом черпков убеждаются, что люди — существа потенциально разумные, но с чрезвычайно низким процентом реализации разумности. Решают не связываться: опасно для обеих сторон.

Философия — объяснение и оправдание политики.

Массовый человек совсем не нуждается в знании. Он хочет только, чтобы ему доступно объяснили. В этом успех Лысенко и Павлова: их теории можно «понять», ничего не зная. Основной метод политики: 1). Дается крайне упрощенная система мира. 2). Всякое событие объясняется на базе этой упрощенной модели. Это не требует знаний. Несколько заученных формул + «интуиция», «практическая сметка».

Боги все время соглашаются с толкованием землян. Тут и завоевание, и изучение, и дружба, и обмен информацией, и невозможность обмена и т. д. Они слишком многогранны. Все грани имеют место. Курорт для больных.

Разум есть способность совершать нецелесообразные и неестественные поступки.

Разум есть недоделанный, несформировавшийся инстинкт.

Разум — способность использовать силы окружающего мира без разрушения этого мира.

Банда, которая выдает себя за пришельцев; или организация для захвата власти.

Человек выступает против пришельцев как родовое существо. Вот способ объединения человечества. Вот на что рассчитывает один из героев, отчаявшийся в будущем.

О свободе. Свобода никому не нужна. Нужно освобождение от необходимости решать. «Часто лучший вид свободы — свобода от забот». Джон Рёскин.

Вы спросите меня: чем велик человек? Что создал вторую природу? Что привел в движение силы, почти немислимые? Что в ничтожные сроки завладел планетой и прорубил окно в Космос? Нет. Тем, что, несмотря на все это, уцелел и намерен уцелеть и далее.

14.12.68

Арк приехал в Л<енинг>р<a>д. Раздумали ЛиБ, задумали «Кракена».

15.12.68

Кракен:

1) Рыбаки по утрам обсуждают один и тот же приснившийся им сон.

2) Рыбаки декламируют классику.

Герои:

Книгоноша Петер Глебски.

Учитель Цвирик.

Пограничник Рашба, прапорщик.

Погибший переводчик Хинкус.

Девушка Гута.

Бабка Мирл (у кот<орой> жил переводчик и остановился книгоноша).

Мозес, Исхак, Иозеф, Гереш [«Хинкус» — вычеркнуто], [«Цвирик» — вычеркнуто], Цмыг, Шухат, Згут.

Опыт теряет ценность из-за скорости прогресса: но опыт дается кровью, опыта жалко, отсюда интуитивный консерватизм.

16.12.68

Раздумали «Кракена». Задумали «Скучные пустышки».

«Это вовлечение бога в скучные пустышки подавляло меня...»

М. Горький («В людях»)

Гуннар [«Луарвик» — перечеркнуто] Богессен.

Алек (Александр) Пеккала.

Барн (Барнстокр) Луарвик.

Кайса Сневарски.

17.12.68

Способ исп<олнения> желаний?

Какие желания?

Арк уехал.

Аркадий Стругацкий Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

17.01.68. Приезд 15.01 писать ОО.
19.01.68. Начата 16-я гл. ОО.
21.01.68. Перед концом 16-й гл. ОО.
24.01.68. Разгар 17-й гл. ОО.
26.01.68. Середина 18-й гл. ОО.
27.01.68. 17.15 закончен ОО 296 стр.
28.01.68. Отъезд.

12.03.68. Приехал 8.03.68 писать начисто ОО.
15.03.68. 6-я глава ОО. Сбрил бороду. Пришло известие про УНС в «Байкале».
17.03.68. Идет 8-я гл.
18.03.68. Врезка после 2-й ч.
19.03.68. Начата 3-я часть ОО.
21.03.68. Осталась 1 глава 1-й половины.
22.03.68. Работа закончена.

10.04–23.04.68. Докончили ОО в Комарове.

31.05.68. Приезд 29.05. Редакционные исправления ОО.
1.06.68. Говорили о структуре «производство-наука-культура».
2.06.68. «Гадюка».
3.06.68. «Лестница на небо».

8.10.68. Приехал 5.10.68 переводить «Саргассы». Замысливается «Люди и боги».
10.10.68. Без 10-ти страниц половина.
15.10.68. Осталось 40 стр.
17.10.68. Осталось 16 стр.
18.10.68. Осталось 5 стр.
19.10.68. Конец СК. Завтра уезж<аю>.
20.10.68. Отъезд.

14.12.68. Приезд для обсуждения плана на январь.
15.12.68. Кракен. БиЛ отменены.
16.12.68. Раздумали Кракена, задумали «Скучные пустышки».

Аркадий Стругацкий Дневниковые записи, 1968

9 декабря, 13.00 — встреча с РТ в «Лит<ературной> России».
10 декабря — встреча с Вучетичем (просп. Вернадского). Аронэ — 21.00.
11 декабря — визит к М. Н. Аронэ.
12 <декабря>, 15.00 — Колпачный пер. 9. Ин<ститу>т рабоч<его> движ<ения>. Зал уч<еного> совета или каб. 68.
13 декабря — Манины.
17 декабря — Маяковский и Захар <Завьялов> — о встрече.

Аркадий Стругацкий Записная книжка, 1966–1968

Thornton Wilder
«The Bridge of San Luis Rey»
«Ides of March»¹

Философские проблемы теории информации.

21.05.68

Информация как причина движения в замкнутых системах.

Мера количества информации — потенциальная возможность произведения изменений в приемной системе.

Борис Стругацкий Записная книжка, 1965–1979

25.03.68

Дом на окраине, который охотится за людьми. Дом, идущий по горам и улицам. Присоединяется к другим домам и незаметно переходит в него; он тебя проглатывает.

27.04.68

Библия, стр. 85.

1. Я — бог твой, и да не будет у тебя других богов.
2. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли».
- «Не поклоняйся им и не служи им».
4. Не произноси имени бога напрасно, ибо он за это покарает.
5. Помни день субботний; шесть дней работай, седьмой отдыхай.
6. Почитай отца и мать твою.
7. «Не убивай».
8. «Не прелюбодействуй».
9. «Не кради».
10. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».
11. Не желай дома ближнего твоего, ни жены, ни раба, ни скота — ничего.

25.05.68

А времена все тяжелеют. У всех полные штаны. Собеседования. Вызовы на профилактику. Отменена цензура, и стало еще хуже — редакторы превратились в идиотов.

Сегодня еду к Герману на дачу доделывать сценарий. Перспектив — никаких.

Звонил Арк — Нина <Беркова> требует изменения терминологии в ОО.

14.06.68

Свобода вступительного слова.

---

¹ Торнтон Уайлдер / «Мост короля Людовика Святого» / «Мартовские иды» (англ.).

Свобода круглой печати.
Свобода отчетно-перевыборных собраний.
Свобода первомайских шествий и демонстраций.

14.07.68

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ:

- 1). Всеобщ<ее> десятилетнее образование —> не нужны 10-классники.
- 2). Эмансипация женщин —> сокращение рождаемости.

Пример «пустой» проблемы, вытекающей из определения, а не из сути жизни —
«Три дня жизни В. Чернышева».

4.10.68

Калям умер. В ванной. Один. Молча.

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2-х тт. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 тт. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции упомянутой в письмах газетной статьи Юрию Флейшману.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Варианты рукописей и изданий

«Обитаемый остров». Первый книжный вариант

С. 3. <Заглавие> — подобное заглавие ранее использовано в повести Г. Голубева «По следам ветра», глава «Слишком обитаемый остров» (публикация в «Мире приключений», книга 7, М.: Детская литература, 1962, редактор — А. Стругацкий). Как инверсия — восходит к ключевому фрагменту заглавия романа Д. Дефо: «необитаемый остров».

С. 3, 6. *Робинзон; Крузое* — Робинзон Крузо — персонаж книги Д. Дефо. Крузое, Крузоэ — вариант написания в дореволюционных переводах романа; калька с английского «Cruoe».

С. 3. *Небо (...)* — *настоящая библейская твердь...* — Бытие: «И назвал Бог твердь небом» (гл. 1, ст. 8).

С. 4. «*Цивилизация*», — *подумал Максим без особенного азарта. ~ Хотя нет, это было до реакторов.* — *БНС*, офлайн-интервью от 5.11.2004: *Вопрос:* Какая из цивилизаций находится на более высоком уровне развития в целом: нынешняя земная начала XXI века или цивилизация на планете Саракш из ОО? *Ответ:* По авторскому замыслу цивилизация Саракша соответствует по своему уровню земной цивилизации конца XX века. С некоторыми, конечно, вариациями в ту или другую сторону. Авиация, например, там была развита хуже, зато ментоскопирование (нам вообще неизвестное) — на высоте.

С. 6. *Ноль-передатчик, ноль-аккумулятор* — от «ноль-транспортировка» («ноль-Т») — реалия ДР, М, ПИП, ЭВП, ЖВМ, ВГВ, упомянута также в ОЗ.

С. 6. *Он зажмурился, и в памяти отчетливо проступила схема передатчика на позитронных эмиттерах. Будь у него детали, он бы собрал эту штуку в два счета, не раскрывая глаз. Он несколько раз мысленно проделал сборку, а когда раскрыл глаза, передатчика не было.* — Возможно, параллель со следующим фрагментом в сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино»: «В животе у Буратино тоже было скучновато. Он закрыл глаза и вдруг увидел жареную курицу на тарелке. / Живо открыл глаза, — курица на тарелке исчезла. / Он опять закрыл глаза, — увидел тарелку с манной кашей пополам с малиновым вареньем. / Открыл глаза, — нет тарелки с манной кашей пополам с малиновым вареньем...» (гл. «Буратино едва не погибает по собственному недомыслию...»).

С. 8. *...он и оглянуться не успел, как выхлебал треть котелка.* — В рукописи и в журнальном варианте восемью абзацами выше, вместо текста «...валялась пустая плетеная корзина с круглым дном, моток тонкого металлического троса и еще какие-то металлические и пластмассовые предметы непонятного назначения» был следующий текст: «...валялись два каких-то балахона из грубой материи, грязный полупустой мешок с ляжками, огромные кружки из мятой жести и еще какие-то железные предметы неясного назначения», из которого и становилось ясно, что Максим съел треть содержимого котелка, справедливо предположив, что тех, кто поставил его на огонь, двое.

С. 9. *...все уже было, и было много раз, и еще много раз будет...* — Восходит к стиху Книги Екклезиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться» (гл. 1, ст. 9).

С. 9. *Декларация прав человека* — ср. со «Всеобщей декларацией прав человека» — документом ООН, принятым в 1948 г.

С. 10. *Бригадир, ротмистр* — в журнальном варианте — капитан, лейтенант. **БНС**, офлайн-интервью от 6.06.2001: *Вопрос*: Уважаемый Борис Натанович, Вам, вероятно, задавали этот вопрос, но я рискну быть неоригинальным. Роман «Обитаемый Остров» критики называют памфлетом, причем критики более ранние — антифашистским памфлетом. Согласен — элемент антифашизма очень ярк и хорошо заметен. Но неужели издатели не разглядели явной антисоветчины в романе (возможно, ее там еще больше, глядя с теперешнего исторического пьедестала)? Читая картину отправки уголовников и Максима на хонтийский фронт, а также о заградотрядах, подпирающих горе-танкистов, невольно вспоминаешь мобилизацию уголовников из лагерей в 1941-м (в Рейхе я такого не припоминаю). Действительно ли пришлось лишь сменить лейтенантов на ротмистров, или Вы действительно абсолютно искренне не собирались касаться нашего доморощенного тоталитаризма? *Ответ*: Честно говоря, работая над ОО, мы никогда СПЕЦИАЛЬНО не задумывались над тем, чтобы «поразить стрелой сатиры» наш родной отечественный тоталитаризм. Но поскольку писали мы о том, что «знали хорошо», сама собой получалась некая сатира — это то самое явление литературы, которое бдительные борцы за чистоту идеологии называли «неуправляемыми ассоциациями». И Вы совершенно заблуждаетесь, если думаете, что «издатели не разглядели явной антисоветчины в романе». Еще как разглядели! Было несколько разносных статей в газетах. Был специальный донос некоего кандидата физмат наук, полковника, в Ленинградский обком. Были чудовищные придирки цензуры, всячески тщившейся выкорчевать из романа всякое сходство с СССР и даже с Землей вообще. Людены насчитали, что в результате цензурско-редакторского давления авторы были вынуждены сделать что-то около 400 исправлений... Ничего себе — «не разглядели!» **Сост.**: Юрий Флейшман, сравнивая опубликованный вариант «Обитаемого острова» с чистовым авторским вариантом, насчитал 897 исправлений.

С. 12. «*Баллиста*» — античная машина для метания камней; здесь: самоходная ракетная установка.

С. 13. *Человеку свойственно ошибаться* — «Errare humanum est» (лат.). Афоризм римского писателя-ритора Сенеки Старшего («Контроверзы», 4, 3.).

С. 13. *Флеосодержащие препараты* — фантаст.

С. 14. *Нужно свихнуться, чтобы перебежать к нам.* — **БНС**, офлайн-интервью от 21.06.2000: *Вопрос*: Излучение башен подавляло в большинстве населения Обитаемого Острова критическое восприятие действительности, а между тем, именно среди этой «невырожденной» части населения находились люди, воспринимающие действительность с определенной долей критики. Пример: Штаб-врач Зогу: «Нужно свихнуться, чтобы перебежать к нам». (Извините за возможную неточность, цитирую по памяти), и в окружающих это заявление не вызывает никакого, во всяком случае, явно выраженного протеста. Как бы вы могли это объяснить? *Ответ*: Элемент здорового брюзжания никогда не противоречил восторженному образу мыслей. Наоборот, такое брюзжание как бы оттеняет и украшает настоящего верноподданного. Он предан идее не тупо, как мужик какой-нибудь неотесанный, он предан ей вдумчиво, сознательно, не закрывая глаза на некоторые незначительные, кое-где еще встречающиеся отдельные недостатки, понимая при этом прекрасно, что все эти недостатки — мелочь, чушь, пустяки, предмет для минутного брюзжания, и ничего более... Да, у нас много пока еще глупостей, ошибок, промахов, но зато! И т. д. К «протесту» все это ни малейшего отношения не имеет. *Вопрос*: И еще штришок — именно Зогу направляет Каммерера в Специальную студию. Как бы и ничего особенного само по себе, однако с учетом того, сказанного выше, и того, что Спецстудия располагается в здании телецентра (а там и... сам Центр). Непрост, ох, непрост господин Зогу? *Ответ*: Конечно, не прост. И явно связан с госбезопасностью.

С. 14. *...подключил к штепселю...* — **Сост.**: Наверное, к розетке? Конечно, на Саракше все наоборот, но не торчал же у них штепсель (т. е. вилка) из стены, небезопасно... **БНС**, 18.10.2002: Конечно, к розетке! Маху дали писатели.

С-специалисты... И ведь через все цензуры-корректуры благополучно прошло! *Сост.*: По распоряжению БНС в каноническом тексте исправлено на «к розетке».

С. 16. *...где-нибудь под Гладбахом, на берегу серебристого Нирса...* — Реально существующий город Мёнхенгладбах и протекающая через него река Нирс.

С. 17. *Линкос* — термин придуман АБС самостоятельно; от *lingua cosmica* — космический язык (*лат.*). О том, что еще в 1960 г. голландским математиком Х. Фройдендалем для целей вероятного общения с внеземным разумом был создан искусственный логический язык, они узнали позднее. Упомянут также в ЖВМ. В рукописи сказано, что Максим обращается к Рыбе по-немецки, в журнальном варианте — по-русски.

С. 18, 67. *Диаграммы исторических последовательностей; Теория исторических последовательностей* — видимо, авторы имеют в виду исторический материализм, развившийся в прикладную, практически точную науку. Теория упомянута также в ПХХПВ, ПКБ и ТББ.

С. 18. *Ментоскопирование, ментограмма* — от латинского *mentis* (мысль, воспоминание) и греческих *σκοπέω* (наблюдаю, смотрю) и *γράφω* (пишу); сканирование сознания, мыслей, а также запись результатов такого сканирования (фантаст.). Упомянуто также в ЖВМ и ВГВ.

С. 18. *Скорчер* — от англ. «to scorch» — сжигать дотла; полностью уничтожать. Термин придуман АБС, использован в черновиках ТББ, в ПКБ и позднее в ЖВМ.

С. 18. *«Война и мир»* — заглавие романа Л. Толстого.

С. 22. *...железно погромыхивая единственным колесом, брела некая разновидность гиромата...* — Гиромат — здесь: фантаст. средство передвижения, устойчивость которого всего на одном колесе, возможно, связана с быстрым вращением массивного волчка (гироскопа). В рукописи и журнальном варианте: «...брела некая разновидность электрического поезда...»

С. 22. *Справа был тротуар — неподвижная полоса асфальта...* — Подразумевается отличие местных дорог от самодвижущихся в Мире Полудня.

С. 24. *...вместе со всеми спускался под землю, втискивался в переполненные электрические поезда...* — *Сост.*: Получается, что проезд в метро (и в автобусах тоже?) был в столице Страны Отцов бесплатным? *БНС, 28.06.2011*: Проезд бесплатный. Помоему, там вообще общественный транспорт бесплатный.

С. 28. *Это было настолько дико и невозможно, что Максим потерял ощущение реальности. Что-то сдвинулось у него в сознании. Люди исчезли. Здесь было только два человека — он и Рада, а остальные исчезли. Вместо них неуклюже и страшно топтались по грязи жуткие и опасные животные.* — *БНС*, офлайн-интервью от 10.04.2011: *Вопрос*: Все время мучил меня один момент в «Обитаемом острове», когда Максим расправляется с бандой Крысолова. Почему он догонял и убивал, и самое главное, зачем это понадобилось авторам изобразить сцену «посвящения» настолько радикально? С Крысоловом-то еще можно договориться, а от такого, который вдруг увидит в тебе обезьяну и тут же весь гуманизм летит к чертям, не убежишь и не спрячешься. *Ответ*: Максим — двадцатилетний парнишка, на глазах которого оскорбили подругу... да что там подругу — просто женщину. Совершили деяние немыслимое и недопустимое, — существа, не имеющие права называться людьми, опасные, явно не способные к человеческому общению, очевидно умеющие и готовые убивать... Это называется — «слететь с нарезки». Видимо, запасы гуманизма оказались у мальчика невелики. Да откуда им, собственно, быть великими? Ни опыта, ни подготовки, ни умения владеть собой. То, что произошло, должно было произойти. Иначе это был бы не Максим Каммерер, а какой-то другой человек, — не способный, например, разить насмерть дежурных в Центре, вся вина которых состоит лишь в том, что они загораживают дорогу к цели. Сказавший «Б» должен же был когда-то сказать «А». Иначе не бывает.

С. 28. *...гнусная западня, устроенная голыми пятнистыми обезьянами, и в пещеру равнодушно глядела размытая желтая луна, и надо было драться, чтобы выжить.* — **БНС**, офлайн-интервью от 16.07.2012: *Вопрос:* Для меня «ОО» — книга о том, как легко и быстро «слетает» с человека воспитание и среда. Максим всего-то за полгода из коммунара XXIII века превратился в нашего современника, причем не идеального, а вполне обычного. Научился убивать без предварительного самовнушения (боевиков Крысолова он бьет как «голых пятнистых обезьян», а офицеров в Центре при штурме — спокойно, насмерть, как людей; причем он вполне мог оставить их в живых, все равно не успели бы отреагировать на прорыв) и посылать на смерть друзей (поставить Зефа в засаду против Странника — тот еще подарочек Зефу). Идти путем, заставляющим молчать личную совесть, — и не задумываться о тех покойниках, которыми этот путь усеян... или задумываться, но не настолько, чтобы они, покойники, совесть взбудоражили снова. Как по мне, главная идея романа — легкость одичания. В «ТББ» это заложено, но не развернуто, а вот в «ОО» показано, что называется, в полный рост. Когда Вы с АН писали книгу, этот подтекст закладывали, или оно получилось самоотечком, исходя из логики развития сюжета? *Ответ:* ТББ — роман именно об этом. «ОО» — нет. «ОО» — это (как мы злобно говорили тогда друг другу) «оптимистическая история мальчика-комсомольчика XXII века». У нас только что последовательно отклонили в издательствах «Сказку о Тройке» и «Гадких лебедей», и мы по этому поводу, естественно, злобствовали: «Не хотите по-серьезному? Приключеньца вам подавай? Так вот вам приключеньца!» Дураки молодые. И путь Максима у нас был просто очевидный, единственно возможный путь честного справедливого парня, попавшего в обстоятельства, не оставляющие выбора.

С. 36. *Меркаторская проекция* — проекция, в которой меридианы и параллели изображаются прямыми взаимно перпендикулярными линиями. Названа по имени предложившего ее в 1569 г. голландского картографа Г. Меркатора.

С. 37. *<Космография Мира>* — ср. представления аборигенов о своем мире в «Экспедиции “Тяготение”» Х. Клемента. См. также главу 8 «Теория полрой земли» части 5 книги Л. Повеля и Ж. Бержье «Утро магов».

С. 37. *...труднее, чем убежденному коперниканцу понять убежденного последователя Птолемея.* — То есть стороннику гелиоцентрической системы Коперника — сторонника геоцентрической системы Птолемея.

С. 39. *...как варили похлебку из кузнечиков и сорной травы...* — В каноническом тексте это место звучит так: «...как варили похлебку из клея, соскобленного с обоев...» — реальная практика времен блокады Ленинграда, особенно зимой 1941–1942 гг.

С. 50. *Старая ворона. Я думал, вас уже всех перебили.* — В рукописи и в журнальном варианте между этими фразами наличествует указание на политическую ориентацию Вепря: «Друг рабочих».

С. 51. *Фашизм.* — **БНС**, офлайн-интервью от 1.10.2011: *Вопрос:* В «Обитаемом острове» режим Страны Отцов характеризуется как фашистский. Но правят местные фашисты почему-то анонимно. (...) чем было вызвано такое странное сочетание фашизма с анонимностью правления в концепции политического режима Страны Отцов? *Ответ:* Вы абсолютно правы. Готов подписаться почти под каждой фразой Вашего анализа. Но дело в том, что атрибутация Страны Отцов как ФАШИСТСКОГО государства является в романе актом совершенно эмоциональным, не имеющим отношения ни к политике, ни к социологии, ни, собственно, к истории. «Фашистский» здесь — это просто бранное слово, эвфемизм «гнусного», «мерзкого», «поганого», оно не имеет никакого отношения к какому бы то ни было научному определению фашизма, вроде «диктатуры националистов». По-моему, в романе термин «фашизм» употребляет только Мак, и он, собственно, не называет Страну Отцов «фашистским государством», — он только высказывает (неуверенно) такое предположение. Но в любом случае назвать строй Неизвестных Отцов фашизмом Максим никак не решается, а уж авторы — тем более.

С. 51. *Гитлер* — в рукописи вместо этой фамилии было следующее: «Гилтер... нет, Гилмер...». **БНС**, офлайн-интервью от 1.08.2011: Авторы (...) с Гитлером допустили явный перефлекс, (...) и, помнится, задумались. Но потом все-таки решили невежество Мака в истории оставить. Приятно было представить себе, что поганое это имя сгнуло в веках. **Сост.:** В журнальном варианте точное написание фамилии было вставлено по редакторскому настоянию: «Нельзя, чтобы Мак забыл, как звали Гитлера» (см. письмо БНС от 5.09.68).

С. 52. ...«*Это удача. Отличное прикрытие*» (...) Максиму почудилось в нем какое-то противоестественное спокойствие, какая-то деловитая уверенность, холодное равнодушие к происходящему, но он не сумел разобраться в своих ощущениях... — «Намеки» авторов на то, что Мемо Грамену — агент, а поручение Максиму расстрелять его и Одри — часть операции по возвращению его в подполье. **БНС**, офлайн-интервью от 27.03.2003: *Вопрос:* Вы сказали, что предателем (...) был Мемо Грамену. (...) если он был агентом, то чего ради его приговорили к смерти после захвата группы Кетшефа? Неужели ротмистр Чачу уже тогда наверняка знал, что Мак отпустит приговоренных? И неужели сам Мемо знал, что все это инсценировка? (...) Когда Орди Тадер приговаривают к смерти, «штатский» сказал бригадиру: «*Это удача. Отличное прикрытие*». А бригадир ответил ему: «*Благовари ротмистра*». Прикрытие для чего? И за что следует благодарить ротмистра? *Ответ:* ...имела место задуманная ротмистром Чачу хитроумная операция, с помощью которой предполагалось убить сразу двух зайцев: внедрить снова (под благовидным предлогом) в ряды заговорщиков Мемо Грамену и, во-вторых, провести окончательную проверку подозреваемого Мака Сима. **Сост.:** См. также примечание к с. 89.

С. 56. ...*начал рассказывать про однорукого выродка, но Гай эти поползновения разгласить служебную тайну пресек...* — В рукописи этот фрагмент был таков: «...начал рассказывать про выродка, который еще до войны боролся против властей, но Гай эти поползновения разгласить служебную тайну пресек...»; отсюда становилось ясно, в чем состояла служебная тайна.

С. 60. *Возьми автомат... нет, вот этот, с краю.* — См. ниже примечание к с. 89.

С. 65. *Нокталопия* — точнее, «никталопия». Ныне термин употребляется в значении пониженного ночного или сумеречного зрения («куриная слепота»). Однако ранее бытовало и обратное словоупотребление: повышенная чувствительность сумеречного зрения. Источником термина в этом значении для АБС, по всей вероятности, послужило такое его употребление Ж. Верном в «Детях капитана Гранта» по отношению к Паганелю.

С. 71. *Он был вор и аферист...* — В рукописи характеристика Зеленого была более развернутой: «Он был вор и, кажется, убийца, порождение черного послевоенного времени, сирота, шпана...»

С. 73. *Буколист* — сторонник добродетельной жизни, проходящей в единении с прекрасной природой. Происходит от слова «буколика», означающего род античной поэзии, получивший свое название от одноименного цикла стихотворений Вергилия, описывавших такую жизнь.

С. 86. *На этом последнем применение форсированных методов пришлось прекратить...* — **БНС**, офлайн-интервью от 24.07.2003: *Вопрос:* Саракшианцы располагают хорошей (даже по меркам Каммерера) ментоскопирующей техникой, легко считывавшей мыслеобразы Максима, совершенно не подверженного излучению Башен. Что мешало тамошним Гбшникам использовать ментоскопы в интересах следствия? Генерал, Вебрь, тот же Максим... Обычный допрос с ними особого результата не давал, а казалось бы — подключил ментоскоп (во время допроса или даже когда подследственный спокойно сидит в камере), настроил, и вот тебе лица, явки, схроны, базы — успевай только высылать опергруппы. Легко, эффективно и не нужно ни иглохирургии, ни отпиливания рук в три приема, ни захвата детей в заложники, ни осведомителей, ни хитроумных операций... *Ответ:* Я сильно подозреваю, что получить ментальную

информацию можно только у человека, желающего этой информацией поделиться. Как невозможно находящегося под гипнозом (порядочного) человека принудить к непорядочному поступку, так невозможно узнать мыслеобразы человека, который их скрывает. Недаром Бегемот так радовался ментограммам Максима: не часто, видно, попадались ему люди, готовые «отдавать» добровольно свой мыслеряд — одни только психи ненормальные, да и то не всегда.

С. 88. *Электромотрисса* — вагон с собственным электродвигателем и аккумуляторами.

С. 89. *...и письменные доносы какой-то гадины, которая знала о группе все и была, может быть, даже членом группы...* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.11.2010: *Вопрос:* Я обнаружил несколько «подводных» сюжетных линий в романе «Обитаемый остров». Первая — Мемо Грамену — агент спецслужб. Тогда получается, что ротмистр Чачу использовал Максима для внедрения своего агента. Впоследствии Максим раскусил Мемо, что послужило причиной хорошего отношения последнего к главному герою. (Он даже рекомендовал его для принятия в Штаб, куда людей с улицы не допускали.) *Ответ:* Так. Только Чачу использовал Максима не для «внедрения» Мемо Грамену (Мемо внедрен уже давно), а для того чтобы вернуть его в подполье после ареста. Кроме того, хитрый Чачу намеревался таким образом заодно разоблачить и Мака, которого не любил и подозревал в нелояльности. Кстати, а каким образом намеревался Чачу действовать в том случае, если бы Мак (вопреки расчетам) честно выполнил бы приказ и покрошил приговоренных из автомата? Вы догадались? *Сост.:* А как? **БНС, 28.06.11:** В тексте есть только один на это намек. Когда Чачу отправляет Мака на задание, он говорит Гаалу (небрежно): нет, возьми не этот (автомат), а тот, что с краю... (или что-то в этом роде, — оставляет Маку оружие С ХОЛОСТЫМИ).

С. 90. *Панцерваген* — калька с нем. Panzerwagen — бронемашина, броневик. В рукописи вместо «панцервагенами, самоходными баллистами» было написано «самодвижущимися пушками».

С. 90. *Освенцим, лагерь уничтожения. Фашизм.* — В рукописи это предложение отсутствует. Освенцим — или Аушвиц — один из крупнейших фашистских концентрационных лагерей. Находился на территории Польши.

С. 92. *«Вот если бы Гай был здесь... Но Гая в наказание услали в какую-то особую часть с очень странным названием. Что-то вроде Blitzräger'ы — «носители молнии». Да, скорее всего, придется одному.* — Этот фрагмент замещает обширную часть рукописи, где, в частности, было сказано: «...где-то там, в какой-то штрафной роте (странное выражение!), служит мой Гай».

С. 92, 134. *...Blitzräger'ы — «носители молнии»;* *Блицтрегеры* — правильное: Blitzträger (нем.). В каноническом тексте — «штрафники».

С. 98. *Сосуд мировой скорби* — контаминация двух выражений: «мировая скорбь» Жан-Поля (И.-П. Рихтер), «Селина, или О бессмертии души», и «сосуды гнева», Книга пророка Иеремии (гл. 50, ст. 25).

С. 109. *Психомассаж* — фантаст. Термин употреблен также в ВГВ.

С. 117. *Нетерпение потревоженной совести...* — Возможно, отдаленно восходит к заглавию романа С. Цвейга «Нетерпение сердца».

С. 131, 132. *Штрафники; заградотряды* — армейские заградотряды использовались во время Великой Отечественной войны для предотвращения отступления войск в течение всей войны, а в особенности — после введения в действие приказа № 227 от 28 июля 1942 г. — отступления штрафных батальонов, сформированных в соответствии с этим приказом.

С. 151. *Никогда не опускайтесь до политики, Мак...* — Возможно, вариация цитаты из романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» «Никогда не опускайтесь до поэзии, мой мальчик!» (гл. 31 сокращенного перевода А. Кривцовой).

С. 152. *Кто-то надоумил хонтийцев обратить внимание на желтые машины, и вчера ночью они расстреляли и уничтожили атомными снарядами до девяноста пяти процентов танков-излучателей.* — **БНС**, офлайн-интервью от 28.08.2010: *Вопрос:* Читая сводку о провале наступления на Хонти, Умник отмечает, что «кое-кто надоумил хонтийцев обратить внимание на желтые танки-излучатели, и они в первый же день разбомбили 90 процентов таковых». Эти «кое-кто» были люди из Департамента общественного здоровья, заинтересованные в провале «военной партии», или подпольщики, заинтересованные в поражении Страны Отцов как таковой? *Ответ:* Это — работа Странника, который был заинтересован в том, чтобы война кончилась скорее и никто не победил. В Хонти Странник (и вообще прогрессоры) имели своих людей, и связь работала регулярно.

С. 156. *Лицо Вепря было совершенно спокойно: он сидел, выставив локоть протеза в окно...* — Это противоречит тому, что у Вепря отсутствовала левая рука (см. сцену допроса), а движение в Стране Отцов было правостороннее (Максим сидел в машине по правую руку от Фанка). **БНС**, офлайн-интервью от 2.08.2009: Это обыкновенный ляп.

С. 159. *Эмбриомеханик* — первое появление термина «эмбриомеханика» см. в т. 4 в письме БНС от 7.03.60; термин употреблен также в ПХХПВ, ПКБ-0 и ВГВ.

С. 162. *Dumkopf! Rotznase!* — **БНС**, офлайн-интервью от 6.02.2008: *Вопрос:* В своем ответе от 27 августа на вопрос о том, почему в финале ОО Странник заругался на Максима по-немецки, Вы ответили, что от неожиданности. Прокололся, так сказать. Честно говоря, Ваш ответ меня удивил. Интересно, какая уж такая неожиданность могла случиться? Конечно, Странник, скорее всего, не знал о планах Максима, иначе принял бы меры. И когда он бросился в Центр сразу после удара депрессионного излучения (что случилось?), он и не ожидал встретить Максима (а может, все-таки ожидал и хотел перехватить). Но уж кто такой Максим, Странник знал давно. И ведь «раскрылся» он в самый критический момент — когда Максим был уже готов его прикончить. Пускаться в объяснения некогда, и Странник избрал самый простой и быстрый, а главное, безошибочный способ показать, что он свой. Причем такой способ, что и Вепрь ничего не понял, что тоже немаловажно: Вепрю-то зачем знать правду? Поэтому кажется более правдоподобной вторая версия — Странник, даже поверженный и побежденный, преодолевая боль, не потерял способности критически анализировать ситуацию и быстро принимать решения. Железный человек. Или все-таки нет? *Ответ:* Никаких существенных возражений не имею. Но сам-то считаю, что «прокололся» Странник от раздражения и — все-таки — от неожиданности (что не сумел справиться с сопляком). Столько времени за ним гонялся, столько сил потратил, и — не успел, а вдобавок и схватить даже не сумел... Тут бы и Штирлиц выматерился бы, подозреваю.

«Обитаемый остров». Варианты повести

С. 167. *...интервью для «Литературного обозрения» (1988 г.)...* — См. в разделе публицистики т. 28 материал «Между прошлым и будущим».

С. 167. *...«базисных теорий»...* — «Базисная теория феодализма» — термин из ТББ.

С. 167. *...позже получит имя «Прогрессоры»...* — Термин впервые употреблен в ЖВМ.

С. 168. *Народничество* — движение в различных слоях российского общества в 1860-х–1910-х гг.

С. 168. *Фарфуркис* — персонаж СОТ.

С. 168. *Обязаловка* — аналогично — см. в т. 22 запись от 29.11.77 в дневнике АНС 1977–1979 гг. «Еще стало договорено с 1 декабря писать по одной странице все равно чего, было бы связно. При встречах зачитывать друг другу».

С. 171. *...уж очень скверными в ту пору были (и долго еще оставались) отношения между СССР и Албанией.* — Дипломатические отношения двух стран, фактически разорванные в 1961 году, были восстановлены в 1991 г.

С. 173, 176. *Нуль-передатчик* — см. примечание к с. 6.

С. 174. *Диаграмма исторических последовательностей* — см. примечание к с. 18, 67.

С. 174, 176. *Ментовизирование, ментовизор; ментограммы* — см. примечание к с. 18.

С. 174. *Скорчер* — см. примечание к с. 18.

С. 180. *На этом последнем применение форсированных методов пришлось прекратить...* — См. примечание к с. 86.

С. 186. *А мы (...) посоветовались тут и решили, что (...) несвоевременно.* — Аллюзия на приписываемую И. Сталину манеру формулировать свои решения.

С. 201. *Исайя, ликуй.* — Восклицание из православного свадебного песнопения — ирмоса: «Исайя ликуй, се дева име во чреве, и роди сына Эммануила, Бога же и человека, Восток — имя ему».

С. 201. *...заменить Комиссию Галактической Безопасности другим термином, с другими инициалами...* — То есть чтобы аббревиатура отличалась от «КГБ» (Комитет государственной безопасности).

С. 203. *«Гилтер... нет, Гилмер»* — см. примечание к с. 51.

С. 203. *Аиуг* — народный певец у некоторых народов Закавказья.

С. 203. *...энергетической сферы вокруг звезды...* — Имеется в виду т. н. «Сфера Дайсона» — гипотетический астроинженерный проект полной утилизации энергии звезды. Идея, по признанию Ф. Дайсона, позаимствована им из фантастического романа О. Стэплдона «Создатель звезд» («Star Maker», 1937). Проект рассматривался в книге С. Лема «Сумма технологии», откуда мог быть почерпнут АБС.

С. 203. *ЕН* — Единая Номенклатура (астрономических объектов). **БНС, 22.05.2011:** Наша выдумка. Придумана по аналогии с номенклатурой знаменитого тогда звездного каталога HD (Henry Draper Catalogue), с которым мне в конце 50-х много приходилось работать.

С. 204. *Сам Гай больше всего любил удивительную солдатскую песню ~ выжженная опаленная земля...* — Песня из к/ф «Тишина» «На безымянной высоте», слова М. Матусовского, музыка В. Баснера.

С. 204. *Тагора, Леонида* — реалии Мира Полудня, впервые упомянутые в ПКБ и ПХХІВ.

С. 207. *Линкос* — см. примечание к с. 17.

С. 207. *Заградотряды* — см. примечание к с. 131, 132.

С. 207. *...варили похлебку из кузнечиков и сорной травы...* — См. примечание к с. 39.

С. 208. *«От каждого по способностям»* — составная часть формул научного коммунизма, описывавших суть экономических отношений при социализме и коммунизме.

С. 209. *...железно погромыхивая единственным колесом, брела некая разновидность гиromата...* — См. примечание к с. 22.

С. 209. *«Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!»* — Цитата из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (ч. 1, гл. 3).

С. 210. *Наверное, надо так: дворец, Отцы, телеграф и телефон, вокзалы...* — Отсылка к задачам восстания, впервые сформулированным в статье В. Ленина «Советы постороннего»: «...чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции...»

С. 210. *Освенцим* — или Аушвиц — см. примечание к с. 90.

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1968

С. 214. *«Звезда Востока» молчит.* — Ташкентскому журналу «Звезда Востока» были предложены ГЛ. В марте журнал отказался от публикации повести.

С. 214. *«Седьмой спутник»* — к/ф 1967 г. по одноименной повести Б. Лавренева, реж. Г. Аронов и А. Герман.

С. 215. *Я постараюсь от подготовок самоустраниться и вообще ограничить свое участие надуванием щек...* — Отсылка к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: «Вы должны молчать. Иногда, для важности, надувайте щеки» (ч. 1, гл. 14).

С. 216. *Как двигается перевод?* — Речь о переводе повести Э. Нортон «Саргассы в космосе».

С. 217. *В 12-м номере «Нового мира»* — отличные статьи. Канторовича и Лебедева. — Канторович В. Социология и литература // Новый мир (М.). — 1967. — № 12; Лебедев А. Судьба великого наследия // Там же.

С. 218. *Что слышно с переизданием СБТ?* — Состоялось в 1969 году.

С. 218. *А читал ли ты «Вопросы философии» № 1? Там восхитительная статья Лифшица.* — Лифшиц М. Либерализм и демократия (по поводу одной литературной дискуссии) // Вопросы философии (М.). — 1968. — № 1.

С. 218. *...ослепляет, пол?* — **БНС, 11.06.2006**: «Пол?» — разговорное, полублатное «понял?».

С. 218. *Р-раз — и продвинулся...* — **БНС, 11.06.2006**: «Бах и продвинулся» — это мы хихикали над Шефом, И. А. Ефремовым. Когда-то, разглядывая космическую живопись Соколова, он так (с характерным своим величественным заиканием) комментировал действие ракетного ранца на космическом скафандре: «Б-бах, — и п-продвинулся...» **Сост.**: См. также в т. 5 запись от 21.02 в дневнике АНС 1961 г.

С. 218. *Ничегё* — **БНС, 17.07.2010**: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?.. ОтчегЁ же...»

С. 219. *Кстати, у нас тут пронесся страшный слух, что беда с Володькой Высоцким. Якобы вызывали его в КГБ по делу Гинзбурга...* — «Дело Гинзбурга» или «Процесс четырех» проходил в январе 1968 г. А. Гинзбург, Ю. Галансков, А. Добровольский и В. Лашкова обвинялись в составлении изданного на Западе сборника «Белая книга» по делу А. Синявского и Ю. Даниэля и были приговорены к различным срокам лишения свободы.

С. 219. *ФБОН* — Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР.

С. 222. *«Голый остров»* — японск. к/ф 1960 г., реж. Синдо Канэто.

С. 222. *Кербер* — персонаж ПНВС, заведующий кадрами НИИЧАВО.

С. 223. *Держаться там за веру предков и за плоть свою упорно...* — Аллюзия на «Диспут» Г. Гейне: «Но враги за веру предков / И за плоть свою держались, / Не хотели с ней расстаться / И упорно не сдавались». Перевод И. Мандельштама.

С. 223. *Да, пытаюсь снова оформиться на работу. Это одна контора под Москвой, должность старшего инженера, 140 в месяц, норма — 1,4 листа технического перевода в месяц...* — Всесоюзный научно-исследовательский и проектно-технологический институт электроугольных изделий (ВНИИЭИ).

С. 223. *...спрашивал про «Саргассы» и про Абэ.* — Будущие переводы АБС Э. Нортон «Саргассы в космосе» и АНС Кобо Абэ «Совсем как человек».

С. 223. *«ХВВ» вышли на эстонском.* — Ajastu ahistavad asjad / Tlk. M. Vaga. — Tallinn: Perioodika, 1968. — Эст. яз. — Загл. ориг.: Хищные вещи века.

С. 224. *Получил письмо из Болгарии, от журнала «Дети. Искусство. Книги», «издание дома на литература и изкуствата за деца и юноши». Прислали анкетку, просят ответить. Если ты получишь такое же — не беспокойся: я этим займусь — страсть люблю анкеты.* — См. в разделе публицистики т. 13 материал «Ответы на вопросы журнала «Дети. Искусство. Книги» (Болгария)».

С. 224. *Одиночка с мотором* — термин официальной советской классификации разрешенного частного предпринимательства 1920-х гг. «кустарь-одиночка с мотором», использованный И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Двенадцать стульев»: «...гусар-одиночка с мотором...» (ч. 1, гл. 14).

С. 224. *Что это за ХВВ на эстонском? Помнится, они собирались там печатать В и ТББ.* — Tagasitulek: Keskräev, XXII sajand; Raske on olla jumal / Tlk. R. Toming, M. Varik. — Tallinn: Eesti Raamat, 1968. — Эст. яз. — Загл. ориг.: Возвращение (Полдень, XXII век); Трудно быть богом.

С. 224. *Помнишь, в Голицыне мы писали для них предисловие?* — См. в разделе публицистики т. 11 материал «Предисловие к “Возвращению” и “Трудно быть богом”».

С. 224. *...нашу заметку в «Ин<остранной> Л<итерату>ре»...* — См. в разделе публицистики т. 11 материалы «Почему я стал фантастом» и «Разговор шел о фантастике».

С. 224. *Насчет ХВВ на эстонском, это ты, брат, перепутал. Это мы, брат, для Югославии предисловие писали, а не для В и ТББ.* — См. в разделе публицистики т. 10 предисловие «От авторов».

С. 225. *В таком вот аксепте.* — **БНС, 9.08.2012**: Это было обычное у нас словоговорение. Не помню, как это называется «по науке»: нарочито неправильное произношение слов для придания оттенка простонародности, нарочитой безграмотности и пр. Как сейчас в И-нете пишут «аффтар» вместо «автор». **Сост.**: Ранее использовано в ПНВС.

С. 226. *А ДР и ТББ, брат, вышло не в Эстонии — в Литве, брат, она вышла, в Вильнюсе, брат.* — Tolimoji vaivorykštė / Verte P. Zelvys. — Vilnius: Vaga, 1967. — Лит. яз. — Загл. ориг.: Далекая Радуга; Трудно быть богом.

С. 226. *На «Байкал» уже было нападение — ты читал, конечно, статью Андреева в «Лит<ературной> газ<ете>». Пока не в нас, пока в соседа.* — Андреев Ю. Своевольные построения и научная объективность. По поводу толкования некоторых фактов истории советской литературы // Лит. газета (М.). — 1968. — 15 мая. В статье критикуется отрывок из книги А. Белинкова о Ю. Олеше, опубликованный в 1-м и 2-м номерах «Байкала» одновременно с УНС.

С. 226. *Я прочел в 3-м № «Москвы» повесть Тендрякова...* — Тендряков В. Кончина // Москва (М.). — 1968. — № 3.

С. 227. *...прочел Гор, страшно обоср...ся и говорил Саше: прекрасно написано, но ведь — параллели! параллели! Саша долго ему втолковывал, что никаких параллелей нет, а если они там даже... эта... то не станет же именно Гор объяснять их редсовету.* — «Эта...» — автоцитата из ПНВС, характерное словечко Выбегаллы.

С. 227. *Передай Северу, что тут он превзошел самого себя.* — С. Гансовский иллюстрировал УНС в «Байкале».

С. 227. *Никитину в Харьков напишу.* — См. в разделе публицистики т. 13 материал «Стругацкие о Стругацких».

С. 227. *На днях ко мне заходила редакторша из болгарского издательства «Молодая гвардия» (или что-то вроде). (...) Она редактирует перевод ТББ и ПНВС, и у нее была пара вопросов.* — Будущее издание: Трудно е да бъдеш бог; Понеделник започва в събота / Прев. С. Владимиров. — София: Народна младеж, 1968. — Болг. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом; Понеделник начинается в субботу.

С. 227. Кроме того, она попросила кой-чего новенького, и я дал ей УнС. Она уже слыхала об этой повести и думает, что в Болгарии ее можно будет издать без труда. — Публикация не состоялась.

С. 227. Дал ей заодно и «Опаляющий разум» Альтова (хорошая книжка). — Альтов Г. Опаляющий разум. — М.: Дет. лит., 1968.

С. 227. Она сообщила, что в Болгарии вышли (по крайней мере) С и ХВВ... — Фактически «Стажеры» в Болгарии не издавались, а ХВВ были впервые изданы в 1987 году.

С. 228. ...статья в «Правде Бурятии»... — Александров В. Против чуждых нам взглядов // Правда Бурятии (Улан-Удэ). — 1968. — 19 мая.

С. 228. Но они, эти чиновники, в раже назвали устно и письменно «Клопа» антисоветчиной, чем превысили свои полномочия, ибо такие дефиниции имеет право давать только разве Отдел пропаганды. — Т. е. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС.

С. 228. Гаргантюанские размеры — Гаргантюа — великан, персонаж романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

С. 228. За три дня я насытился по горло и до подбородка. — Реминисценция «Подводной лодки» В. Высоцкого.

С. 228. «Погодить» — выражение М. Салтыкова-Щедрина, «Современная идиллия», гл. 1.

С. 229. ...в этой Биб<лиоте>ке совфантастики, где вышел Григорьев и пр<очие>. — Григорьев В. Аксиомы волшебной палочки. — М.: Мол. гвардия, 1967. В серии «Молодой гвардии» «Библиотека советской фантастики» в 1967 г. вышли также книги «Марсианский прибор» Д. Биленкина, «Сердце Змеи» И. Ефремова и «Бульвар Целакантус» А. Львова.

С. 229. ...в первом номере нового журнала «Интернейшнл Сайнс-Фикшн» помещен «О странствующих и путешествующих». — Wanderers and Travellers // International Science Fiction (NY). — 1967. — November.

С. 229. Ц<ентральный> О<рган> — имеется в виду газета «Правда».

С. 230. Закончил и отдал Девису перевод Абэ... — Речь о переводе повести Кобо Абэ «Совсем как человек». Будущее издание: Продается Япония. — М.: Мир, 1969.

С. 230. Я сейчас собираюсь подать в издательство «Наука» заявку на перевод «Истории сыска в эпоху Мэйдзи». — Договор на перевод заключить не удалось, и начатый было перевод не осуществлен. Книга упомянута в ХС. См. также в т. 25 запись от 22.12.82 в дневнике АНС 1982–1984 гг.

С. 231. Эх, прокачу! — Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

С. 231. Исаяя, ликуй. — См. примечание к с. 201.

С. 232. ДЕЗИДЕРАТУ — от лат. desideratum — недостающее, желаемое; пробел, который желательно восполнить. Здесь: перечень марок, необходимых коллекционеру для полноты собрания; список поиска.

С. 232. Пек Зенай — персонаж ХВВ.

С. 232. МИИТ — Московский институт инженеров железнодорожного транспорта.

С. 232. «Подписчики», «подписанты» — речь идет о деятелях науки и культуры, подписывавших письма протеста против репрессивных действий властей.

С. 233. ...в Коктебле... — Именование от песни В. Бахнова «Коктебля».

С. 233. Тут мне прислали «Совет Литереча», номер, посвященный ф<антасти>ке. Что ж, неплохая реклама. — Six matches / Transl. by L. Stoklitsky // Soviet literature (Moscow). — 1968. — № 5. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Шесть спичек. Переводы этого рассказа вышли также в немецком, испанском и польском выпусках этого издания.

С. 236. ...понесла уже с Волги и с Дону... — БНС, 11.06.2006: «Нести с Волги и с Дону» — поговорка, означающая «болтать о том, о сем, о разном и всё не по делу». Ходила у нас в семье издавна, откуда взялась, — не помню.

С. 236. *«Это же все про Чехословакию и Польшу написано!..»* — Речь идет о «пражской весне» — попытках реформ в Чехословакии, закончившихся вводом войск Варшавского договора 21 августа 1968 г., и волнениях в Польше в июне 1956 г.

С. 236. *Борис — брату, 27 июля 1968...* — Датировка составителей.

С. 236. *...Виктор Соколов — режиссер («Друзья и годы»)*... — К/ф 1965 г.

С. 236. *...Шапиро — режиссер («Каин Восемнадцатый»)*... — «Каин XVIII», к/ф 1963 г., реж. Н. Кошеверова и М. Шапиро.

С. 238. *...Попов А. Ф. (бывшая) «Торговля чаем»*... — **БНС, 18.05.2008**: Это вывеска на одной старинной фотографии улицы старого Петербурга. Показалось забавным и было взято на вооружение.

С. 238. *Бу-сделано* — рефрен из сценки А. Райкина «Зависть». Текст В. Полякова.

С. 239. *...выяснилась страшная вещь: оказывается, рукопись еще не читал Некрасов, местный Жур.* — Имеется в виду сотрудник редакции «Невы» Г. Некрасов, «прикомандированный» от КГБ (аналогично — в редакции «Звезды» — П. Жур, см. т. 10).

С. 240. *Аркадий — брату, 17 сентября 1968...* — Датировка составителей.

С. 241. *Железным сапогом и чем там придется впредь, тоже железным.* — Контаминация слов «Марша Боевого Легиона» из ОО «Железным сапогом раздавим супостата!» и любимой АБС цитаты из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» «...а также всем, что понадобится впредь» (ч. 2, гл. 19).

С. 242. *В Ташкент, легко видеть, я не поехал. ~ нечего там японисту делать.* — В сентябре в Ташкенте проходила X конференция писателей стран Азии и Африки.

С. 242. *У меня тут был корреспондент из «Смены»*... — Маркин Марк Дмитриевич, корреспондент ленинградской газеты «Смена».

С. 242. *Интервев* — шуточная транслитерация слова «interview» — «интервью» (англ.).

С. 242. *«День Быка», «Долгая заря»* — точнее, «Час Быка» И. Ефремова, первоначальное заглавие романа в рукописи — «Долгая заря».

С. 242. *Вы хотите планов? Их есть у меня.* — Ср. строку Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня» и последующее «Вы просите песен? Их есть у меня» (одесская песня 1920-х гг., цитирующаяся в «Интервенции» Л. Славина).

С. 243. *Девис прочитал СвК, ему очень понравилось, но он требует предисловия. Что ж, буду писать.* — Текст предисловия см. в разделе публицистики т. 15.

С. 243. *Институт рабочего движения* — Институт международного рабочего движения АН СССР.

С. 243. *Вунюков* — персонаж СОТ.

С. 243. *Хорошо было бы получить от тебя и издание ДР, что в Буэнос-Айресе.* — El lejano planeta Arco Iris. — Buenos Aires: Ediciones Radar, 1968. — Исп. яз. — Загл. ориг.: Далекая Радуга.

С. 243, 245. *Звонил мне Дмитревский. Судя по всему, очень ему хотелось побеседовать насчет «Сов<етской> России»...; Насчет Дмитревского — я имел в виду ту травлю, которая организована против него «СовРоссией» по поводу книги Дьякова о лагерях.* — В гл. «Прощай зима!» книги Б. Дьякова «Повесть о пережитом» (М.: Сов. Россия, 1966) среди прочего шла речь о спасшем В. Дмитревского заключенном Н. Шелешневе. В газете «Советская Россия» последовал ряд разоблачительных публикаций об «истинном лице» Шелешнева, где в негативном свете упоминался и Дмитревский. В частности — статья С. Бардина «Преступления не забываются» (1968, 13 окт.).

С. 244. *Видел в «Тех<нике —> Молодежи» интервью Ефремова? Там же начали печатать «Час Быка». Гм. Посмотри. И еще буквально на днях еще одно интервью Ефремова в «Вечерней Москве».* — Ефремов И. Мир в движении // Техника — молодежи (М.). — 1968. — № 10; Ефремов И. Час Быка // Техника — молодежи (М.). — 1968. —

№№ 10–12, 1969. — №№ 1–7; Ефремов И. Лаборатория фантаста // Вечерняя Москва. — 1968. — 24 окт.

С. 244–245. *Как прекрасно, что вышел сигнал ВНМ! Скорей бы узреть его мне! / Я, несчастный, сижу, и задавлен и нем, в своем безысходном г...!* — *Сост.*: Шутливые стихи или перефразировка чего-то? **БНС, 14.06.2006**: Перефразировка, но чего именно — не помню. Наверное, происходит от знаменитого стихика: «Вот надену я черную шляпу и поеду я в город Анапу, там усядусь на черном песке я, вся в своей безысходной тоске я...» *Сост.*: Использован метр стихотворения М. Лермонтова «Русалка».

С. 245. *...ДТ будет переполнен дописами, мудописами и деписами.* — Принятые в писательской среде шутливые сокращения: дописы — дочери писателей, мудописы — мужья дочерей писателей, деписы — дети писателей. Также: жописы — жены писателей, неписы — непосредственно писатели.

С. 245. *Обком разогнал поэтическую редакцию Лениздата (или ЛенСовписа) за издание томика переводов, сделанных русскими поэтами с иностранных языков.* — Мастера русского стихотворного перевода. В 2-х книгах. — Л.: Сов. писатель, 1968.

С. 245. *Но это все философия...* — Цитата из романа А. Куприна «Колесо времени», гл. 12.

С. 246. *...в «Байкале» напечатали две разнужданности, так автор одной за границу смылся...* — Речь об А. Белинкове, авторе книги «Юрий Олеша», отрывки из которой («Поэт и толстяк») были опубликованы в журнале «Байкал» в номерах 1 и 2 одновременно с УНС. В июне 1968 года, находясь с женой в туристической поездке в Венгрии, через Югославию бежал на Запад.

С. 247. *Я тут прочел еще роман некоего Бальдыша «Я победил смерть» (или «убил»?).* — Роман «Я убил смерть» опубликован в антологии «Белый камень Эрдени» (Л.: Лениздат, 1982).

С. 247. *Не закидывал ли ты удочку насчет «Круга Огня»?* — Роман Х. Клемента «Cycle of Fire» упоминается в рабочих записях АНС 1958–1959 гг. (т. 3). Перевод АБС (под псевдонимами С. Бережков и С. Победин) под названием «Огненный цикл» был опубликован в одноименном сборнике зарубежной фантастики (М.: Мир, 1970).

С. 247. *Сейчас случайно заглянул в газету и обнаружил, что ЛиБ имеет и другую расшифровку.* — По-видимому, «Леонид Ильич Брежнев».

С. 247–248. *Дожди в машины так и хлещут ~ Как бы старух не задавить.* — Использовано в БМС.

С. 249. *Кто-то прислал мне из Днепрпетровска кусок номера «Жизье литерарске» (Польша) с довольно большой статьей некоего Петра Кунцевича «Заботы пророков».* — Kunciewicz P. Kłopoty proroków // Życie Literackie (Kraków). — 1968. — № 29. Правильная транслитерация: «Жиче литерарске».

С. 250. *«Жестокие чудеса»* — выражение восходит к заключительным словам «Соляриса» С. Лема в переводе Д. Брускина.

С. 250. *...но некий влажный след неизбежно останется.* — Отсылка к словам стихотворения М. Лермонтова «Утес»: «Но остался влажный след в морщине / Старого утеса».

С. 250. *Тоска, предчувствия, заботы.* — Строка стихотворения А. Пушкина «Няне».

С. 250. *Я копаюсь в этой куче, но жемчужных зерен пока нет.* — Отсылка к басне И. Крылова «Петух и жемчужное зерно».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1965–1971

Представлены записи в дневнике за 1968 г.

Первая публикация: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1967–1971. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2013.

С. 257. *Кнехты* — здесь, вероятно, от немецкого «пехотинец».

С. 257. *Гвардарм* — вероятно, от guard arm (чаще — arm guard) — защитный нарукавник лучника (англ.).

С. 259. *Метод черпков* — **БНС, 12.03.2006**: Это термин из звездной астрономии.

С. 259. *Массовый человек совсем не нуждается в знаниях. Он хочет только, чтобы ему доступно объяснили.* — В измененном виде использовано в рассуждениях Пильмана в ПНО.

С. 259. *Разум есть способность совершать нецелесообразные и неестественные поступки. / Разум есть недоделанный, несформировавшийся инстинкт. / Разум — способность использовать силы окружающего мира без разрушения этого мира.* — Определения использованы в ПНО.

С. 260. «*Часто лучший вид свободы — свобода от забот*». Джон Рёскин. — См. «Избранные мысли из Сочинений Джона Рёскина» (М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1910). Высказывание процитировано в книге Ю. Рюрикова «Три влечения: Любовь, ее вчера, сегодня и завтра» (М.: Искусство, 1967).

С. 260. *Вы спросите меня: чем велик человек? ~ уцелел и намерен уцелеть и далее.* — Использовано в ПНО.

С. 260. ...*Петер Глебски ~ Кайса Сневарски.* — Имена персонажей из этого перечня использованы в ОУПА, ГО и ПНО.

Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

Фрагмент дневника приездов АНС в Ленинград за 1968 г. Дневник представляет собой ряд датированных записей карточных игр АБС и Александры Ивановны с комментариями о работе над произведениями АБС. (Счет игр в настоящем издании опущен.)

Первая публикация: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1967–1971. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2013.

С. 261. «*Гадюка*» — к/ф 1965 г., реж. В. Ивченко.

С. 261. «*Лестница на небо*» — к/ф 1966 г., реж. Р.-П. Вабалас.

Аркадий Стругацкий. Дневниковые записи, 1968

Записи планов на предстоящие дни декабря — предположительно 1968 г. — на обороте письма болгарского корреспондента АНС из папки «Письма читателей 1965–1980».

Публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1966–1968

Книжка включает в себя разнообразные записи: выписки и цитаты из книг и статей, заметки по работе в Совете по НФП-литературе, адреса и телефоны знакомых, записи анекдотов. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1968 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1965–1979

Книжка включает в себя датированные и недатированные записи дневникового и творческого характера. Публикуются записи за 1968 г.

Публикуется впервые.

С. 262. *Библия, стр. 85. / 1. Я — бог твой, и да не будет у тебя других богов. ~ 11. Не желай дома ближнего твоего, ни жены, ни раба, ни скота — ничего.* — Цитируется Книга Исхода (гл. 20, стихи 2–17). Сбой нумерации заповедей — механическая ошибка при переходе на следующую страницу записной книжки.

С. 262–263. *Свобода вступительного слова. ~ Свобода первомайских шествий и демонстраций.* — Шутливые вариации конституционных прав, декларировавшихся в СССР, но фактически отсутствовавших.

С. 263. *«Три дня жизни В. Чернышева»* — точнее, «Три дня Виктора Чернышева», к/ф 1968 г., реж. М. Осестьян.

С. 263. *Калям умер. В ванной. Один. Молча.* — Использовано в ПП.

В. Курильский, Р. Муринский, Л. Рудман

Указатель имен

- Wilder Thornton — Уайлдер Торнтон Найвен, американский писатель, драматург.
 Абэ Кобо (Кимифуса) — японский писатель.
 Александров В. — автор статьи в газете «Правда Бурятии».
 Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.
 Андреев Юрий Андреевич — литературовед, писатель.
 Аронэ Михаил Наумович — переводчик.
 Ауэр Леопольд — венгерский музыкант.
 Ахматова Анна Андреевна — поэтесса, переводчик.
 Байор (в тексте — Байёр) Гизи — венгерская актриса.
 Бальбуров Африкан Андреевич — писатель, главный редактор журнала «Байкал».
 Бальдыш Георгий Михайлович — писатель.
 Барток Бела — венгерский композитор.
 Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.
 Бестужев-Лада Игорь Васильевич — философ, социолог, литературовед.
 Бехтерев Владимир Михайлович — невролог, психиатр, психолог.
 Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, критик, журналист, популяризатор науки.
 Борисова-Гинзбург Раиса Борисовна — драматург, сценарист.
 Борунь Кшиштоф — польский писатель.
 Босх Иероним (Акен Ерун Антонисон ван) — нидерландский художник.
 Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
 Булгаков Михаил Афанасьевич — писатель, драматург.
 Вайсброт Евгений Павлович — переводчик, педагог.
 Варибоба (в тексте — Варибобу) Юль — албанский поэт.
 Варшавский Илья Иосифович — писатель.
 Венгеров Владимир Яковлевич — режиссер, сценарист, актер, руководитель Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм».
 Верченко Юрий Николаевич — директор издательства «Молодая гвардия».
 Вилкова Валентина Михайловна — заведующая редакцией современной русской прозы издательства «Советский писатель».
 Витковский Евгений Владимирович — писатель, поэт, переводчик, литературовед.
 Володин (Лившиц) Александр Моисеевич — драматург, сценарист.
 Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству) Елена Ильинична — супруга АНС.
 Воскресенская Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
 Вучетич Виктор Евгеньевич — писатель.
 Высоцкий Владимир Семёнович — поэт, бард, актер.
 Гаал Дьюла — венгерский актер.
 Гай Дьюла — венгерский писатель.
 Гансовский Север Феликсович — писатель.
 Геббельс Пауль Йозеф — немецкий политический и государственный деятель.

- Гендельман Давид — блогер, любитель фантастики.
- Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.
- Герман Юрий Павлович — писатель.
- Гинзбург Александр Ильич — правозащитник.
- Гитлер Адольф — немецкий политический и государственный деятель.
- Гладилин Анатолий Тихонович — писатель.
- Глухова Валентина — однокурсница Е. Воскресенской.
- Гобби Хильда — венгерская актриса.
- Головань Ирина Павловна — главный редактор киностудии «Ленфильм».
- Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.
- Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) — писатель, драматург, публицист.
- Грамено Михаль — албанский писатель.
- Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.
- Григорьев Владимир Васильевич — писатель.
- Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
- Гуревич Георгий Иосифович — писатель, критик, друг АНС.
- Де Рада Иероним — албанский писатель.
- Девис Евгений Артурович — заведующий редакцией научно-популярной и научно-фантастической литературы издательства «Мир».
- Денисов Георгий Аполлинарьевич — заместитель председателя Комитета СМ СССР по профтехобразованию.
- Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
- Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.
- Дьяков Борис Александрович — писатель.
- Евдокимов Александр Дмитриевич — библиограф, библиофил.
- Егоров Юрий Павлович — режиссер, начальник Главного управления по производству художественных фильмов Госкино СССР.
- Емцев Михаил Тихонович — писатель, редактор.
- Ерёмин Геннадий Иванович — редактор издательства «Молодая гвардия».
- Ершов Леонид Фёдорович — критик, филолог.
- Ефимов — возможно, корреспондент «Литературной газеты» по Ленинграду.
- Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
- Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
- Жигарев Лев Викторович — главный редактор, заместитель главного редактора журнала «Знание — сила».
- Жур Пётр Владимирович — писатель, литературовед, сотрудник редакции журнала «Звезда».
- Забелин Игорь Михайлович — писатель.
- Завьялов Захар Алексеевич — японист, составитель словарей, сотрудник ВИНТИ.
- Задор Иштван — венгерский художник.
- Зогу Ахмет — албанский государственный деятель.
- Иорданский Алексей Дмитриевич — редактор отдела биологических наук журнала «Химия и жизнь», переводчик.
- Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.
- Калакуцкая Мария Михайловна (в тексте также ММ, старуха) — заведующая редакцией издательства «Детская литература».
- Канторович Владимир Яковлевич — очеркист, критик, социолог.
- Кара (Кара-Дэмур) Сократ Сетович — критик.
- Като Киёмаса — японский государственный и военный деятель.
- Клемент Хол (Стаббс Гарри Клемент) — американский писатель.
- Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».

- Козинцев Григорий Михайлович — режиссер.
 Кон Игорь Семёнович — философ, психолог, социолог, сексолог.
 Коница Фаик — албанский писатель.
 Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.
 Кривцов Владимир Николаевич — заведующий отделом прозы журнала «Нева», писатель, синолог.
 Кунцевич Пётр — польский литературовед.
 Лебедев Александр Александрович — критик, литературовед.
 Левин Лев Ильич — редактор издательства «Советский писатель», литературовед, критик.
 Лем Станислав — польский писатель, философ.
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — политический и государственный деятель.
 Лифшиц Михаил Александрович — критик.
 Лурье Самуил (дружески — Саша) Аронович — критик, литературовед, редактор журнала «Нева».
 Лысенко Трофим Денисович — биолог, агроном, руководитель ВАСХНИЛ.
 Ляпунов Борис Валерианович — писатель, критик, библиограф.
 Макаров (см. с. 234) — неустановленное лицо.
 Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич — художник-иллюстратор.
 Малинина Галина Николаевна — редактор издательства «Знание».
 Манди Эва — венгерская писательница.
 Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.
 Маркс Карл Генрих — немецкий экономист, философ, политик, создатель марксизма.
 Матранга Лука — албанский писатель.
 Маяковский Михаил — переводчик.
 Мееров Александр Александрович — писатель, инженер-ракетостроитель.
 Менделеев Дмитрий Иванович — ученый-энциклопедист.
 Месарош (в тексте — Масарош) Аги — венгерская актриса.
 Мето Мемо — албанский поэт.
 Милютенко Владимир Борисович — заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия».
 Михаил — неустановленное лицо, сценарист.
 Михалков Сергей Владимирович — поэт, драматург, сценарист, руководитель СП.
 Мусараи Шефкет — албанский поэт.
 Ндоя Марк — албанский поэт.
 Некрасов Георгий Александрович — поэт, сотрудник редакции журнала «Нева».
 Немцов Владимир Иванович — писатель.
 Никитин Юрий Александрович — заместитель председателя харьковского КЛФ, позднее — писатель.
 Ноли Фан — албанский поэт.
 Нортон Эндрю (Алиса Мэри) — американская писательница.
 Нудельман Рафаил Ильич (Эльевич) — литературовед, критик.
 Одри Арпад — венгерский актер.
 Оруэлл Джордж (Блэр Эрик Артур) — английский писатель.
 Осипов Валентин Осипович — главный редактор издательства «Молодая гвардия».
 Павлов Тодор Димитров — болгарский ученый, философ, общественный деятель.
 Панова Вера Фёдоровна — писательница, драматург.
 Парнов Еремей (дружески — Рим) Иудович — писатель.
 Пастернак Борис Леонидович — поэт, писатель, переводчик.
 Пискунов Константин Федотович — директор издательства «Детская литература».
 Подольный Роман Григорьевич — писатель, журналист, популяризатор науки.

Попов Александр Фёдорович — главный редактор журнала «Нева».

Попов Борис Александрович — секретарь Ленинградского ГК КПСС, ранее — председатель Исполнительного комитета Ленинградского промышленного областного Совета.

Птолемей, Клавдий Птолемей — древнегреческий астроном, математик и географ.

Рахманов Леонид Николаевич — писатель, драматург, сценарист.

Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, друг АНС.

Ренади Ласло — венгерский режиссер.

Рёскин Джон — английский искусствовед, писатель.

Романов Алексей Владимирович — председатель Госкино СССР.

Романов Павел Константинович — руководитель Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлита).

Рохлин Яков Нисонович — главный редактор Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм».

Рюриков Юрий Борисович — критик, редактор издательства «Советский писатель».

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — писатель.

Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНС, супруга Ю. Чистякова.

Сенди Арпад — венгерский композитор.

Серембе Зеф — албанский поэт.

Синдо Канэто — японский кинорежиссер, сценарист, продюсер.

Склянский Яков Ильич — оператор.

Снегов (Козырюк, Штейн) Сергей Александрович (Иосифович) — писатель.

Соколов Виктор Фёдорович — режиссер, сценарист.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС.

Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.

Сытин Виктор Александрович — писатель, руководитель СП, позднее — главный редактор Госкино СССР.

Тендряков Владимир Фёдорович — писатель.

Товстоногов Георгий Александрович — режиссер, руководитель театра.

Толстикова Василий Сергеевич — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Тоот Имре — венгерский актер, режиссер.

Травинский Владилен Михайлович — журналист, писатель.

Федюшин Борис Константинович — физик, уфолог.

Фейхтвангер Лион — немецкий писатель.

Фёльдеш Михай — венгерский писатель.

Филиппова Нина Сергеевна — главный редактор журнала «Знание — сила».

Фирсов Владимир Николаевич — писатель, сотрудник издательства «Мир».

Фишта Дьердь — албанский поэт.

Флейшман Юрий Гершович — библиограф, координатор группы «Людены».

Фолкнер Уильям Катберт — американский писатель.

Хейфец Михаил Рувимович — литератор, историк, друг БНС.

Хмелик Александр Григорьевич — сценарист, писатель, главный редактор творческого объединения «Юность» киностудии «Мосфильм».

Хонт Ференц — венгерский режиссер.

Хотта Ёсиэ — японский писатель.

Чачи Алекс — албанский поэт.

Чеховская Татьяна Петровна — журналист, редактор журнала «Вокруг света», супруга В. Ревича.

Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНС.
 Шапиро Михаил Григорьевич — режиссер, сценарист.
 Шилейко Алексей Вольдемарович — физик, математик, популяризатор науки.
 Эткинд Ефим Григорьевич — литературовед.
 Юрьев Зиновий Юрьевич (Гринман Зяма Юдович) — писатель.
 Ядов Владимир Александрович — социолог.
 Ясаи Мари — венгерская актриса.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

Sargasso of Space — см. Саргассы в космосе.
 SoS — Sargasso of Space.
 Апокалипсис — см. Мой брат и я, или Новый апокалипсис.
 Бессильные мира сего.
 БИЛ — Боги и люди.
 Благоустроенная планета — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 БМС — Бессильные мира сего.
 Боги и люди — см. Люди и боги.
 В — Возвращение.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 ВНМ — Второе нашествие марсиан.
 Возвращение.
 Волны гасят ветер.
 Второе нашествие марсиан.
 Гадкие лебеди.
 ГЛ — Гадкие лебеди.
 ГО — Град обреченный.
 Град обреченный. Варианты заглавия романа, новелл и притч для него: Дом, Мой брат и я, или Новый апокалипсис, Шахматы.
 Далекая Радуга.
 Дом — замысел, реализованный в романе «Град обреченный».
 ДР — Далекая Радуга.
 ЖВМ — Жук в муравейнике.
 Жук в муравейнике.
 За поворотом в глубине — см. Улитка на склоне.
 ЗПВГ — За поворотом в глубине.
 Кракен — замысел.
 Круг огня — см. Огненный цикл.
 Летающие кочевники — см. Первые люди на первом плоту.
 ЛИБ — Люди и боги.
 Люди и боги — замысел. Вариант заглавия: Боги и люди.
 М — Малыш.
 Малыш.
 Мой брат и я, или Новый апокалипсис — замысел, реализованный в романе «Град обреченный».
 Обитаемый остров.
 Огненный цикл — перевод АБС повести Х. Клемента. Вариант заглавия: Круг огня.
 ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
 ОО — Обитаемый остров.
 Отель «У погибшего альпиниста».
 Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.

ОУПА — Отель «У погибшего альпиниста».
 ПХХПВ — Полдень, XXII век.
 Парень из преисподней.
 Первые люди на первом плоту. Вариант заглавия: Летающие кочевники.
 Пикник на обочине.
 ПИП — Парень из преисподней.
 ПКБ — Попытка к бегству.
 ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
 ПНО — Пикник на обочине.
 Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.
 Полдень, XXII век.
 Понедельник начинается в субботу.
 Попытка к бегству.
 ПП — Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.
 С — Стажеры.
 Саргассы в космосе — перевод АБС повести Э. Нортон.
 СБТ — Страна багровых туч.
 СВК — Саргассы в космосе.
 СК — Саргассы в космосе.
 Сказка о Тройке.
 Скучные пустыки — замысел.
 Следователь — замысел.
 Совсем как человек — перевод АНС повести Абэ Кобо.
 СОТ — Сказка о Тройке.
 Стажеры.
 Страна багровых туч.
 ТББ — Трудно быть богом.
 Тройка — см. Сказка о Тройке.
 Трудно быть богом.
 Улитка на склоне. Вариант заглавия части повести: За поворотом в глубине.
 УНС — Улитка на склоне.
 ХВВ — Хищные вещи века.
 Хищные вещи века.
 Хромая судьба.
 ХС — Хромая судьба.
 Шахматы — замысел, реализованный в романе «Град обреченный».
 Шесть спичек.
 ЭВП — Экспедиция в преисподнюю.
 Экспедиция «Тяготение» — перевод АБС повести Х. Клементя.
 Экспедиция в преисподнюю.

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ

«Обитаемый остров». Первый книжный вариант	3
«Обитаемый остров». Варианты повести	167

Раздел III. ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1968	214
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1965–1971	251
Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970	261
Аркадий Стругацкий. Дневниковые записи, 1968	261
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1966–1968	262
Борис Стругацкий. Записная книжка, 1965–1979	262

Раздел IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	264
Комментарии и примечания	265
Указатель имен	279
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	283